В.Т. Анисков

Крестьянство против фашизма 1941-1945

История и психология подвига

В.Т. Анисков

Крестьянство против фашизма 1941-1945

История и психология подвига

МОСКВА
«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»
2003

ББК 63.3(2)62
А67

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) Проект 03-01-00400

Издано в авторской редакции

А67 Анисков В.Т.
Крестьянство против фашизма. 1941–1945. История и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 502 с.

ISBN 5-88451-139-6

В книге представлена широкая панорама жизни, труда, борьбы крестьянства СССР и РСФСР с фашизмом в 1941–1945 гг. Монография, написанная в жанре историко-психологического исследования, самобытна и патриотична, оригинальна по композиции и стилю; она объективно, с редкой ныне авторской ответственностью раскрывает жертвенный подвиг нашей деревни во имя Победы, поднимает самые широкие пласты общеисторических, методологических и социально-психологических проблем – как в рамках военных лет, так и в связи с прежней и последующей судьбой советского крестьянства. Очевидная актуальность, преемственность и неординарность мысли, необычайная познавательность исследования привлекут внимание самых разных читателей.

ББК 63.3(2)62

ISBN 5-88451-139-6

© Анисков В.Т., 2003.
© Яковлев В.Ю. Оформление, 2003.

Посвящается Святому поколению крестьян
той судьбоносной поры и их славному сыну
Маршалу Советского Союза
Георгию Константиновичу Жукову

О КНИГЕ И ОБ АВТОРЕ

Вашему вниманию предлагается капитальный обобщающий труд видного ученого, известного историка-крестьяноведа, заслуженного деятеля науки России, академика МАН ВШ, профессора Ярославского университета Виктора Тихоновича Анискова. Среди его многих опубликованных работ по различным проблемам отечественной истории – методологии и историографии, источниковедения и краеведения, обобщающего и учебно-методического назначения – особое и непреходящее место всегда занимали исследования по истории советского крестьянства, преимущественно периода Великой Отечественной войны. Авторская приоритетность этой проблематики вновь и с еще более значимой научной выразительностью подтверждена представляемой книгой.

У нас есть весомые основания рекомендовать ее не только коллегам по научным интересам (они и без того не обойдут монографию ни вниманием, ни тем более молчанием), но и более широкому кругу читателей. Мне довелось стать единомышленником В.Т. Анискова, когда он в начале 1969 г., будучи еще юным исследователем, на Пленуме ВАК под председательством министра высшего образования В.П. Елютина в третий раз защищал свою докторскую диссертацию. Тогда ее темой, как и темой вышедшей в 1966 г. книги, являлось крестьянство Сибири и Дальнего Востока 1941–1945 гг. Догматические оценки экспертов (несмотря на редкую документальную обоснованность суждений автора) стали причиной хождения диссертации через «все круги» столь высокой организации, включая ее Президиум, с участием самого «виновника».

Что же вызывало опасения экспертов? «Прежде всего, – как суммировал претендент на докторскую степень, – отход от традиционной конструкции истории советского тыла, от стереотипных оценок роли и места сельского хозяйства в военной экономике». Не только отход, но и «конструктивная критика». Так называемый черный рецензент так и написал размашисто на рукописи диссертации: «Автор претендует на новое прочтение темы!» Ему больше всего (да и не только ему) казались неприемлемыми утверждения соискателя о субъективных ошибках по руководству сельским хозяйством, кото-

рые еще больше усугубили трудности в колхозной деревне, обусловленные прежде и больше всего объективными причинами военного времени.

Опрометчивыми казались и выводы о том, что в годы войны не только сибирское, но и все сельское хозяйство, включая совхозное, не обеспечивало даже простого воспроизводства, что из-за резкого сокращения производительных сил небывало упала (не могла не упасть) производительность крестьянского труда. Что самым тяжелым для деревни стал именно 1943 год, который по прежней схеме периодизации истории всей войны неизменно и всеохватывающе рассматривался как переломный. Тройным знаком вопроса были помечены и те страницы рукописи, где речь шла о главной роли личного хозяйства крестьян в продовольственном обеспечении самих колхозников, о заготовительной работе на селе, которая строилась на максимальных изъятиях продукции из общественного производства по номинально низким заготовительным и закупочным ценам.

При этом осознанная жертвенность крестьянства все больше сочеталась с методами административного, а то и репрессивного порядка, когда чрезмерный довоенный централизм в чрезвычайных и безальтернативных условиях войны все чаще оборачивался даже положительной стороной. Когда же речь заходила о возрождении жуткой памяти чрезвычайных «троек», «пятерок», об утрированных обвинениях в сокрытии хлеба «в битве за продовольствие» (а автор доказательно показывал всю несостоятельность последних), сомнения оппонентов вовсе уступали место страху: «Надо ли и можно ли об этом в открытой печати?!» И в самом деле, до сих пор удивляет, каким же образом на исходе «оттепели» автору удалось-таки отстоять свои позиции, отклонить предложение о размещении диссертации в закрытом фонде, а главное – убедить Пленум и Президиум ВАК единодушно поддержать соискателя.

Принципиально и то, что в отстаивании своей позиции он ссылался не столько на рукопись, сколько на почти идентичное монографическое издание, уже увидевшее свет. А в нем имелся четкий вывод: «Почти до конца войны сельское хозяйство работало на износ, сокращались и разрушались его производительные силы, падали качество и плодородие земли. Крестьянство выполняло свой долг в условиях небывалых миграционных процессов. Основная и наиболее работоспособная часть сельского населения ушла на фронт, вторая оказалась занятой в промышленности и на транспорте. И только третья часть, в основном женщины, старики и подростки, оставались на селе, занимаясь обычным, но не в обычных условиях сельскохозяйственным трудом. И она – эта третья часть – давала стране и фронту необходимый минимум продуктов и сельскохозяйственного сырья».

А следом – в адрес будущих оппонентов: «Исследователи еще нередко недооценивают реального вклада колхозного крестьянства в

победу (это они-то, которые и мысли не допускают о хозяйственном упадке колхозов в ходе войны), не учитывают того своеобразия в положении деревни в годы войны, о котором речь шла выше... Буквально все – и жизнь, и рабочую силу, и сельскохозяйственную технику, и продукты, которые получало государство из села практически бесплатно... колхозное крестьянство отдавало для фронта и промышленности. История деревни не знала такого массового классового самопожертвования». В чем, действительно, тогда только ни упрекали автора приведенных строк – даже в крестьянофильстве, которое-де сродни так называемым деревенщикам.

Заявлять о новой – после коллективизации – массовой жертвенности и терпимости крестьянства в условиях вновь набиравшего силы тоталитаризма было и в самом деле уже опять рискованно. Вот вам достаточно «широкий» авторский коридор «от лева до права» – чем ни привычные оглобли единой упряжки – и будь осмотрителен. Но не тут-то было: исходные и итоговые выводы В.Т. Анискова в 70-х и 80-х годов находили все больше единомышленников и последователей. Сначала избирательно, а затем почти всюду они занимали достойное место не только в обобщающей, но и в учебной литературе. Парадоксальный факт: со временем количество ссылок на книгу 1966 г. и сопутствующие ей публикации лишь увеличивалось. Да и сам автор из провинциального алтайского вуза стал «проходным» в ведущих центральных и академических изданиях. Многое из наработанного им заняло достойное место в таких, например, капитальных трудах, как многотомные «История Сибири», «История крестьянства Сибири», «История советского крестьянства» и др.

Но не во всем судьба была благосклонной к нашему автору. Насколько нам удалось уяснить, тот, о ком идет речь, не прочь впрыгнуть и в последний вагон уходящего поезда, если он еще движется в должном направлении. Но менять курс ради известных тактических начал – не его черта. Так случилось, например, с последним из трех томов основательного издания «Советский тыл в годы Великой Отечественной войны». В нем, как и в первых двух, все разделы о сельском хозяйстве и крестьянстве принадлежат В.Т. Анискову. Но они, как и подготовленные другими коллегами при участии и под редакцией Г.А. Куманева, не увидели света даже в тот надломный период в истории советского государства, когда «колебания генеральной линии» оказались настолько ощутимыми, что еще недавно казавшиеся совсем радикальными взгляды в условиях либеральной революции становились безнадежно догматическими.

В 1993 г. Сибирское отделение РАН опубликовало новую монографию В.Т. Анискова «Жертвенный подвиг деревни», вышедшую под кураторством незаурядного организатора науки в Сибири Н.Я. Гущина. Его твердая поддержка, близость к авторской конструкции мысли сыграли, несомненно, решающую издательскую роль

в появлении книги. Выполненная на материалах гигантского региона, простирающегося от Уральских гор до Великого океана, сохранившая все лучшее из предшествовавших публикаций уже известного к тому времени профессора, она вновь привлекла к себе внимание научной новизной, самобытной логикой и яркой точностью оценок. Новое построение, наполненное множеством новых, ранее недозволенных документов, включенные в предмет анализа дополнительные сюжеты о материально-бытовой жизни и культурных буднях военного колхозного села и пр. и пр., сразу привлекли к себе широкое внимание.

В общей сложности монография удостоилась не менее десяти целевых рецензий в самых разных изданиях. Потянувшиеся за ней ссылки и развернутые историографические оценки стали почти неотъемлемым атрибутом литературы соответствующей проблематики. Но вопреки ожиданиям автора и несмотря на остроту и свежесть выводов ему не посчастливилось заполучить на сей раз «твердокаменных» оппонентов даже по исходным и заключительным позициям монографии. Как, кстати, не намного больше их оказалось и по последовавшим вскоре двум монографическим (и вместе с тем умышленно публицистическим) изданиям, вышедшим соответственно в 1996 г. («О бедной деревне замолвите слово... 1941–1945». Вологда–Ярославль, 1996) и в 1998 г. («Война и судьбы российского крестьянства». Вологда–Ярославль, 1998). Даже М.А. Вылцан, уличенный в отступничестве от Великой Победы к Пирровой (см. вторую из названных книг, с. 173–178), не нашел аргументов для оправдания...

И в этой связи мы не разделяем полностью некой обескураженности В.Т. Анискова по поводу того, что «некоторые» оппоненты не держат удар, умышленно уходят от обсуждения принципиальных вопросов, ограничиваются суждениями о выводах второго или третьего порядка. «Умолчание, – пишет он, – худший для творческого автора вариант ответной реакции. И первая его забота – достойно выйти из блокадного окружения, вовсе не заботясь о потерях, под которыми надо понимать даже самую жесткую, а то и вовсе не корректную критику... Лишь при таком раскладе дискуссии, подталкивающей к бескомпромиссной полемике, ваше творческое самолюбие найдет принципиальный выход и достойное удовлетворение».

Да, но вряд ли нежелание оппонентов выходить на прямую персонифицированную дискуссию можно засчитать в их научный актив – скорее наоборот, особенно в случае, если за противной стороной просматривается официально-либеральный зонтик. Тем более что в реальности настоящая война-дискуссия идет не только не умолкая, но и нарастая до масштабов негодных политических целей, зачастую переходя всякие рамки даже объективистского приличия. Взять хотя бы принципиальный разнобой в оценках двуединого понятия

«жертвенного подвига» крестьянства в самозабвенной борьбе за Победу. Насколько нам известно, наш автор и той книге, о которой ниже пойдет отдельный разговор, склонен был дать подобное название, не будь его же одноименной монографии, упомянутой выше.

Ведь реальная диалектика этих двух нерасторжимых слов, пожалуй, как нельзя лучше отображает суть происходившего тогда. Она несет в себе все осмысленные по современным понятиям истоки и причины, неизбежно приведшие к разгрому фашизма. В методологическом введении представляемой книги настолько емко и выразительно сформулированы позиции автора, что вряд ли, помимо прямого цитирования, возможен вполне адекватный пересказ оригинала. И все же зададимся вопросом: в чем заключались причины бесподобной патриотической «подданности» колхозного крестьянства, в чем мотивы безмерной жертвенности и терпимости его даже на грани почти предрешенного поражения в условиях наступавших гитлеровских полчищ?

Не так давно массово-жертвенный патриотизм нашей деревни военных лет считался прежде всего колхозным, во всяком случае советским, порождением. Эта однозначность лишь обедняла столь многогранное явление, ибо наш «великий незнакомец» (Теодор Шанин) не только удивил весь землесобственнический мир до растерянности, обескуражил фашистов с их «неотразимыми» социальными посулами, но и приятно порадовал свое же правительство, признавшее вскоре излишними недавние сомнения в отношении «непредсказуемости» колхозников и упразднившее те же политотделы на селе в самый тяжкий для сельского хозяйства год. Не только обедняло – противопоставляло советский патриотизм всему нашему прошлому и даже «работало» на его совершенно крайнее толкование как культового фанатизма крестьян-колхозников и вообще советского человека.

Эту версию – продолжим комментировать позицию В.Т. Анискова – по понятным причинам усиленно внедряла геббельсовская пропаганда, согласно которой арийская «сверхкультурность пасовала перед евразийскими недочеловеками». Так возник еще один далеко не безобидный миф: «казалось бы, совершенно противоположные посылки сошлись в одной плоскости». Чем круче система, чем больше страха и покорности, смирения и повиновения, тем меньше уважения к собственной жизни и смерти. В той же брошюре М.А. Вылцана «обобщающе» сказано, что «многие писатели и философы отмечали» одинаковую уживчивость в русском характере «психологии раба и бунтаря» (С. 70). Так вот, «колхозное крестьянство, во многом поставленное большевистскими вождями в положение полукрепостных» (в других случаях колхозная система сравнивается с полукрепостничеством без всяких оговорок), «выступило против полчищ Гитлера» или подалась в дезертиры и коллаборационисты (С. 10–11).

Да и был ли вообще какой-то советский патриотизм, тем более жертвенный? «В поведенческой структуре крестьян, – читаем там ниже, – не последнее место занимало ощущение страха, неотвратимости наказания за неисполнение своего гражданского долга, приказа высших и местных властей». Что до «массового трудового героизма», «вдохновенного труда колхозников», то это не более чем «утвердившиеся в исторической литературе клише и штампы» к которым-де он, М.А., разумеется, не имел никакого отношения как историк. Да уж: всю сознательную жизнь он не уставал «вдохновенно» писать о вдохновенном труде крестьян и вдруг непостижимая риторика: «сельское хозяйство одержало экономическую победу»?! – это «ничего общего не имеет с исторической правдой», «сельское хозяйство в экономическую победу явно не вписывается. Для него больше подошло бы определение: «Пиррова победа» (с. 24).

И многократно прав В.Т. Анисков, гневно осуждая подобное помещение в один ряд поведения народа, защищавшего свой выбор на строительство новой жизни, и реального воинствующего фанатизма немецкой нации, давшей себя одурманить нацизмом: «Как бы нечто такое не случилось вновь, но с той чудовищной разницей, когда в роли «фашиствующего» народа и от его «имени» не заговорила бы некая «русская великодержавная» элита». К подобным политическим вывертам влечет и «модная» ныне и очень небезобидная попытка уравновесить, поставить в один ряд А. Гитлера и И. Сталина – в ряд, крайне оскорбительный для фронтовиков и патриотически настроенного народа. И верно: там, где история, социальная психология напрямую смыкаются с крайней политикой, уместно сказать, что такое требует жесткого и неотложного отпора.

Но что же все-таки питало массовый патриотизм российского, всего советского народа в его самых провинциальных носителях? Неужто только любовь к родным березкам, селу, краю? Задаваясь тем же, что и автор, вопросом, пойдем за ним и дальше. А может, безраздельная привязанность к ставшему уже привычным своему колхозу? Может, не столько малая, сколько по вековому и тысячелетнему счету большая евразийская Родина, уходившая в седую историю корнями толстовского дуба и его неприятием купли-продажи земли? То единое и неповторимое Отечество, связующими обручами которого всегда оставались его бескомпромиссная борьба с внешними захватчиками и самобытная общинность, соборность как реальные проявления коллективности, всегда манившие к социально равным возможностям и справедливости, которые разновременно провозглашались как светскими, так и христианскими идеалами.

И первое, и второе, и третье столь же неправильно, как и верно. Второе венчало первое, первое подпитывало третье, четвертое. Не противопоставление советскому былого российского или наоборот (известные крайности подобного рода во многом были устранены в

годы самой войны и по инициативе того же И.В. Сталина), а их нераздельно общее, национально гордое и привычно интернациональное помогло тогда сначала выстоять, переломить смертельный ход событий, затем добиться Великой Победы. Не межевые споры, а свобода, равенство и братство составляли основу самосознания народа. «Именно историческое самосознание помогло нашему человеку, в первую голову российскому крестьянину, решительно превозмочь и стать выше очень ранимых, но в общем-то, как оказалось, преходящих социальных обид». Народ не злопамятен – он памятен и мудр, всегда отличит главное от второстепенного. Потому-то все иллюзорные расчеты и посулы нацистов, как и чудовищные провокации, полностью разбились о наш социальный, межнациональный и психологический менталитет.

Вдвойне приятно увидеть полное совпадение авторской позиции с воспринятыми суждениями, высказанными в 4-й книге обобщающего труда «Великая Отечественная война 1941–1945». Еще раз повторим главные из них, процитированные и в монографии, о которой идет речь, и внедрявшиеся в упомянутое издание с убежденной, нам известно, настоятельностью. В ответ на настойчивые попытки принизить значение нашей победы стало тем более необходимо подчеркнуть: «Одна из главных причин всенародного подъема, готовности к борьбе до победного конца состояла в том, что граждане СССР в своем большинстве были приверженцами социалистического строя с его принципом социальной справедливости. Они получили право на труд, бесплатное образование и здравоохранение, на отдых и доступ к достижениям науки и культуры. Подобной ситуации не было и не могло быть ни в одной из стран Запада, подвергшейся нацистской агрессии».

Ни на йоту не увело в сторону и наше, по сути соавторское, переложение следующего тезиса: гражданам страны Советов импонировало, что во всех звеньях управленческого аппарата преобладали представители трудовых слоев, которые получили реальную возможность «выйти в люди» – стать просто уважаемыми специалистами любой массовой профессии при отсутствии безработицы и гарантированной государством уверенности в будущем. Что же до относительно невысокого материального уровня жизни советского народа, то он «объяснялся без особого труда» и был даже всеобщим побудителем движения к лучшему: народ совершил революцию в отсталой стране, восстанавливал экономику после интервентов, с перенапряжением создавал новую индустрию, колхозный строй, формировал небывалую систему образования, готовил страну к обороне. Все это требовало огромных сил и затрат, но было в конечном итоге направлено на создание действительного, а не «утопического» общества социальной справедливости, неординарного по своему психологическому складу.

Эти и близкие к ним базовые методологические посылки не только составляют проблемно-исторический каркас редкой по нынешним временам книги – они прямо и опосредованно пронизывают все ее разделы, целевые структурные подразделения, многочисленные внутренние сюжетные линии. Четкие авторские позиции, даже в тех нередких случаях, когда мысль обращается к самым тяжким, почти невыносимым обстоятельствам в жизни военной деревни, например, в материально-бытовой сфере, нередко усугубленным субъективными причинами, а то и доказуемыми ошибками, В.Т. не оставляет места для порочащих инсинуаций и производных двусмысленностей. Не избегая, разумеется, сложнейших и трагических коллизий, которые уготовила та война. Но об этом в каком-либо ином контексте, и, быть может, ниже.

Другим подходом к теме – того же методологического уровня, но принципиальнейшим образом напрямую, и необычным исследовательским ракурсом самого автора, сосредоточенном на «особливости» и исходной ментальности сельской жизни одновременно, – следует, на наш взгляд, считать социально-крестьянский, деревенский смысл нашей Победы. Выше мы отмечали, что уже в ранних работах В.Т. Анискова ощутимо присутствовала тема жертвенности села как ключа к разгрому фашизма, вынесенная затем самой научной объективностью даже в названия публикаций разных форм. Теперь же этот подход – ни в коей мере ради оригинальности – доведем, можно сказать, до логического завершения, до «необратимого» авторства, хотя, конечно, и поле дискуссий намного расширилось, равно как и дальнейшего авторского обоснования столь необычной концепции.

Кратко ее сущность заключается в резонной категоричности вывода автора об изначальной, дошедшей до начала нового столетия недооценке и принижении роли крестьянства СССР и России в разгроме фашизма. Концентрированно это было выражено следующим образом: «До обидного слишком долго принижалась роль деревни во всенародной борьбе, преуменьшались выпавшие на ее долю тяжкие лишения. Сначала из-за известной концепции диктатуры пролетариата, затем и поныне лишь потому, что та героическая деревня была колхозно-совхозной, а это снова выводило ее за рамки «современных» аграрных понятий, тем более «новых» представлений о социальных истоках патриотизма тружеников тыла и бойцов фронта».

И в самом деле, минувший век начинался с того, что в российской деревне проживало 85% населения страны, а к началу Великой Отечественной – 72%. Хотя «бесподобная» урбанизация и условия жизни 20–30-х годов, читаем мы дальше, «наложили глубокий отпечаток на социальную психологию народа, она не успела, не могла, да и не должна была растворить наш «общекрестьянский» человеческий

тип жизни, быта, культуры. Тем более что эта урбанизация развернулась на глазах и в судьбах одного поколения, одних и тех же людей». «Поэтому, – продолжает В.Т. Анисков, – речь должна идти не только о том, кто и как кормил тыл и фронт, обеспечивал промышленность рабочим пополнением и сырьем, но и о том, что лежало в основе социальной психологии народа, его всеобщего патриотизма, российского менталитета в целом».

Но и это не все. Если исходить из упомянутого соотношения, то и личный состав Красной Армии к началу войны на 72% должен был состоять из жителей деревень. На самом деле «сельский процент» в ее рядах оказался значительно выше, так как до конца 1943 г. наша деревня, будучи «разбронированной» от военных призывов (как и от всех других), подлежала мобилизациям на фронт без всяких ограничений. «В итоге преобладающая сельская доля личного состава армии оказалась не менее 80%, тогда как работники оборонных предприятий оставались в тылу, а транспорта – переводились на военное положение. Под призыв здесь подпадали в первую очередь неквалифицированные новобранцы – опять же в основном вчерашние сельские парни, а их сверстницы и колхозные подростки вновь восполняли убыль и составляли основу системы трудовых резервов».

Следовательно, наше крестьянство не только кормило армию и страну, не только своим преобладающим числом вставало под знамена фронтовиков и лишь малой частью, явно не призывной, непосильным трудом и безмерной жертвенностью давало необходимое продовольствие и сырье (само оно не было поставлено даже на минимальное нормирование по карточкам), но и отменно воевало, составляя большинство «матушки-пехоты», тем более партизанского движения. В книге говорится о том, что в традиционно земледельческих районах СССР (Сибирь, Казахстан, ЦЧО, Белоруссия и даже агроиндустриальная Украина) доля крестьян по происхождению среди Героев Советского Союза достигала 70–80%, а в ряде регионов она поднималась до 80 и даже до 90%.

И это при том, что представления к высшим наградам корректировались с классовых позиций о непременной и повсеместной «гегемонии рабочего класса». Автор не исключает возможных социальных упреков в его адрес под видом патриотических перекосов. Упреждая подобное, он пишет и о том, что приведенные выводы вовсе не принижают огромной и во многом действительно ведущей роли рабочих в труде и бою. Более того, столь патриотическая позиция, мужественная убежденность крестьянина ярчайшим образом свидетельствовали о стратегической выверенности довоенной социальной политики рабоче-крестьянского государства, хотя и с очевидными срывами переходных лет и послевоенного развития. Но снова не в пользу советской деревни сопредельных войне периодов, о чем опять же убедительно свидетельствует представляемая книга.

Конечно, здесь есть над чем поразмыслить, продолжает автор, поясняя свою позицию. О тех же мотивах массового патриотизма наших людей, совсем недавно тоже переживших не менее массовую драму, но через внутреннее «колено» почти поголовной коллективизации, тоже представлявшейся руководству неотложной, как и сама война. Но это хотя и равномасштабные, но вовсе разнопорядковые социальные катаклизмы, пусть даже сравнимые между собой по небывалости во всей прежней и последующей истории человечества. В первом случае, как отмечалось выше, крестьянство оказалось невероятно терпеливо, в меру возможностей осмотрительно, понятливо, а в итоге дальновидно мудро и не злопамятно. Во втором – восхитительно порывисто, без остатка предавшись власти и поддержав ее любые меры ради победы, подчас даже стоявшие на грани риска и права на непомерную жертву или вероятную ошибку в небывало сложной цепи задач.

«Оценка составных этой мудрости и безоглядности, – подчеркивает В.Т. Анисков, – и является одной из важнейших задач исторической науки, выступающей в данном случае в органическом взаимодействии с такими ее «смежниками», как историческая социология и социальная психология». На изломе исторической судьбы всеми лучшими гранями обернулась социальная психология российского крестьянства: напористостью и кротостью, бережливостью в малом и великодушием в большом, верностью Отчизне и ненавистью к захватчикам, традиционной доверчивостью и врожденной сметливостью, индивидуальной стеснительностью и артельной удалью – словом, тем, что в конечном итоге питало нашу Победу. Как, очевидно, и то, почему именно эти и близкие к ним национальные черты, в том числе историческая сродненность светскости и духовности российского крестьянина (исконного носителя наших ценностей), стали ныне главным предметом неприязни его недругов.

Обе параллельные линии исследования, заявленные в подзаголовке книги – история и психология крестьянского подвига, – обрисованы в постановочных задачах и в итоговых выводах, почти в неотделимой связке предстают перед читателем на всех уровнях столь многопланового труда. Наш автор неслучайно в этой связи напоминает непреходяще актуальное высказывание покойного академика Б.Ф. Поршнева о мертвенности исторических схем без показа реальных действующих лиц и психологии их поведения. В то же время, тяготея к методам подзабытой школы анналов, свидетельствовавшим о происходивших событиях с максимальной хронологической последовательностью и обстоятельностью, он и в самом деле в подходе к теме стремится осветить ее с очевидной доскональностью на грани утрачиваемой ныне энциклопедичности.

В аннотации к книге верно подмечено, что уже одно оглавление монографии свидетельствует о ее уникальности по территориально-

му охвату, тематической структуре, комплексу общеисторических, военно-хозяйственных, социально-культурных и материально-бытовых проблем. Взгляните еще раз, и вы убедитесь, что только беглое их перечисление заняло бы у нас долгий ряд строк. Автор следует за своим предметом всюду – в тылу и на фронте, в подвижной прифронтовой зоне, в Центре России, на Урале и в Средней Азии, в партизанской борьбе, в движении сопротивления на оккупированной территории и фашистской неволе – в разные периоды войны, в соответствующих соотношениях и смещенных акцентах.

Что же до проблемно-тематической сюжетности, то она поистине «всеядна» и во многих ярусах – от заложенных в названиях глав до внутренней структурной дробности. Для примера коснемся хотя бы заключительной главы труда о физическом и духовном состоянии крестьянства. Ее открывает интереснейший и поучительный для истории и современности раздел о медицинской помощи государства селу и общественных усилиях по обеспечению выживаемости деревни, которая всегда прежде всего и раньше всех неотвратимо в условиях голода и недоедания оказывалась в положении повального мора, чудовищных эпидемий. Многие из реальных и грозных причин к тому возникли и в годы Отечественной войны, особенно в ее начале.

Небывалые демографические последствия, обвальные материальные лишения, чрезвычайные перемены к худшему для деревни во всем блоке отношений города и села, перераспределение материальной лечебной базы для прямых военных целей, резкие сокращения медико-санитарных кадров и многое другое, казалось, обрекало село на самое худшее и завязывало все в сплошной пандемический узел. Освобождаемое от оккупации население, умышленно доведенное гитлеровцами до сплошных эпидемических зон, еще более усугубляло ситуацию. Все эти составные видимой обреченности могли необратимо похоронить мини- и макролюдскую структуру тыла, а за ним и фронта. И за каждым из перечисленных и иных факторов – несомненные обобщающие свидетельства: сравнимые показатели из исходных периодов государства, аналитические таблицы поискового построения, закрытые ранее официальные сведения и т.п.

Поражает воображение приведенный в книге анализ исключительно результативной, предельно сжатой во времени перестройки структуры, характера и методов деятельности государственной и общественной медико-санитарной и всей оздоровительно-предупредительной службы, включая оперативно-информационную и мобильно реагирующую. При этом показательно, что весь радикализм чрезвычайных мер базировался на прежних достижениях медицины, здравоохранения и санитарии. Ничто не ломалось – но все перестраивалось, приспосабливалось, вовлекалось, мобилизовывалось – как в центре, так и на местах. Все постановления, приказы, распоряжения областных, республиканских и высших руководящих структур,

включая правительство и ГКО (тем более если речь шла о тревожных медико-санитарных ситуациях), рассматривались и принимались безотлагательно с указанием конкретных мер, сроков исполнения, персонально ответственных лиц, облекаемых, как правило, необходимыми полномочиями или действовавших в рамках чрезвычайных прав и норм военного времени.

Читатель ознакомится, мало сказать, с большой, – с выдающейся личностью и ролью, сыгранной наркомом здравоохранения СССР Г.А. Митеревым в то бесподобно трудное и звездное время советских медиков в спасении людей, материнства и детства. На правах уполномоченного ГКО он развернул беспримерную деятельность всего своего ведомства и примыкавших к нему структур по предотвращению массовых эпидемий, по восстановлению пошатнувшегося было медико-санитарного благополучия тыла. Книга, пожалуй, впервые столь широко и предметно преподносит – и прежде всего будущему исследователю, будь то историк или медик – настоящий научный путеводитель по бесценному документальному наследию, которое оставило нам здравоохранение тех лет. Это один из немногих случаев, когда читающий, вернее, изучающий систематизированные фолианты может удручаться не дефицитом, а их неподъемностью кратковременными подходами.

На страницы книги переместились многие оригинальные, комбинированные и проанализированные автором таблицы и ряды сведений по всем направлениям медико-санитарной деятельности – в целом по СССР, России, другим республикам и регионам. Причем в летописной динамике, в сравнениях с предшествующими периодами и, что особенно ценно, в городском и сельском преломлении. Перемещение кадров и их переподготовка, эвакуация и переформирование учебных заведений и медико-санитарной инфраструктуры, первоначальное ослабление лекарственно-фармацевтической базы, казалось, немыслимый, подчас многократный прирост самых необходимых и номинально бесплатных лечебных средств, начальное нарастание основных видов заболеваний и их последующее радикальное снижение, летальные характеристики, овладение ситуацией на фоне заботы о детстве, родовспоможении и т.д., в том числе на территории сельских освобождаемых районов.

У нас нет возможности столь же подробно прокомментировать даже такие редкие в историографии и социальной психологии сюжеты, как общественное и личное в жизни колхозника военной поры, великая духовная сплачивающая стойкость крестьянства, межкрестьянские, включая соседские, и иные отношения. Много добрых слов заслуживают многочисленные и яркие страницы книги о прекрасной по своей сути жизни сельской школы, сельского учителя, как и сельского врача-подвижника – настолько святой и благодарной, насколько тяжелой и, хотелось бы, неповторимой. Тем более, что подобные

аспекты исследования и авторские обобщения всегда несут в себе штрихи индивидуального отражения и нестандартных зарисовок, которые лучше воспринимаются в оригинальном исполнении, чем в самом лучшем переложении.

Если уж мы заговорили о действовавших исторических лицах и социально-психологических мотивах их поведения – а их вместе с авторами цитируемых в книге работ насчитывается не менее 700, – то и в этом случае лучше отослать читателя непосредственно к монографии В.Т. Анискова. Следуя завету Б.Ф. Поршнева, он не только называет имена своих героев, но и показывает их в реальных поступках – в глубоком тылу, в сражающейся армии, в партизанском движении, за линией фронта. При этом отдельного внимания заслуживают персональные характеристики видных руководителей партийно-государственного аппарата тыловых регионов и партизанского движения: Алтайского края, Новосибирской, Ярославской, Ленинградской, Орловской областей, Украины, Белоруссии... Они явно контрастируют с теми шаблонно невежественными оценками, которые до недавнего времени заполняли собой квазинаучные издания.

Среди перечисленных и других подпадавших под оккупацию областей и республик развернутым планом выделена славная Белоруссия. Вместе со всей страной, и прежде всего с населением соседствующих славянских регионов, таких как Псковщина, Смоленщина, Орловщина с входившей тогда в нее знаменитой партизанской Брянщиной. Полумесяцем охватывая насмерть сражавшуюся родную по крови республику, они сперва фронтально, затем скоординированной партизанской мощью обескровили нашествие фашистов на центральном направлении. Знаменитые партизанские зоны, где, как и всюду, преобладающим числом воевало колхозное крестьянство, представляли, пишет автор, своеобразные «бермудские треугольники» для озверелых нацистов. Здесь, пожалуй, с особой яркостью проявилось то беспримерное и бесконечно перекрестное единение исконных российских народов, которое перемололо самые хваленые гитлеровские дивизии.

Как ни тяжелы были военные дни и ночи – их жертвы так и останутся святым приношением во спасение Отечества и цивилизованного мира от коричневой чумы. Взволнованные слова о беспримерной святости подвига и самого поколения в самых разных ассоциативных связях, поднимаемых в книге В.Т. Анискова, звучат естественно и проникновенно, зачастую вырываясь за некие условности научной строгости. Их горечь понятна, но только в немногих случаях она выливается в формы упрека или укора, тем более в адрес главного сословного героя книги. Кто бы что ни говорил и ни писал о так называемой несоразмерности принесенных жертв, ясно следующее: достоинству цены Великой Победы нет равного от противного эквивалента. Автор допускает относительную и очевидную неоправдан-

ность потерь и утрат, выраженных им лишь в безысходных суждениях, касающихся послевоенной судьбы российской деревни.

В итоге мы подошли к одному из более емких выводов монографии, который весьма доказательно формулировался еще в подготовительных публикациях ученого, и прежде всего в упоминавшейся книге «Война и судьбы российского крестьянства». Здесь же попытаемся упреждающе познакомить с ним читателя почти дословными извлечениями, спрессованными самим автором в его проблемной статье «На разломе судьбы» (см. «Вестник Международной академии наук высшей школы». 1998. № 2). Фашистская Германия, подчеркивает он, в силу принесенных ею колоссальных разрушений и безвозвратных людских потерь не достигла в войне лишь одного, хотя и главного: «она не смогла сокрушить наше государство, наш строй, наши порядки».

Но поддержанная реакционно-консервативным миром, она очень многого добилась из того, на что с вожделением рассчитывал этот мир. Небывалый урон повлек за собой столь глубокие деформации в дальнейшем развитии новой государственности, в сельском хозяйстве, в фундаментальных отношениях государства, города и села: они все более искаженно влияли на действие и формирование всех тенденций послевоенной истории деревни и народного хозяйства в целом – в темпах, пропорциях, формах, укладах, методах управления, руководства и т.д. «Действие этих деформаций, многие из которых к тому же оказались наложенными на негативы довоенной поры, становилось даже более глубоким и продолжительным, чем следствие прямого (материального и людского) урона».

Это со всей определенностью, читаем дальше, нужно сказать, например, о деформациях в товарно-денежных отношениях между городом и деревней, в заготовительной, налоговой, финансовой, правовой и социальной политике, в соотношении функций партийных, государственных и иных органов. Неотложно нужен был и без того уже запоздавший поворот, причем куда более крутой, чем тот, который был осуществлен во время перехода от мира к войне, ибо вместе с наслоениями военных лет безотлагательно следовало устранить то, что тянулось из 30-х и более ранних годов и подпитывалось только чрезвычайной обстановкой. Требовался поворот, подобный тому, который был реализован после гражданской войны при переходе к нэпу – еще более глубокий, последовательный и необратимый.

«А он не был даже осознан, тем более осуществлен, – заключает В.Т. Анисков. – Вынужденные, преходящие и просто неприменимые формы и методы... и все условия экстремальных отношений закостенели настолько, что их не смогли сломать все последующие «радикальные» преобразования (тем более в кавычках). Надломилось и сломалось само сельское хозяйство: столь недостойное к нему отношение, растянувшееся на многие десятилетия, не могли бы

выдержать никакие структуры. За обвалом одной из несущих опор рухнула и вся конструкция. Печальная участь деревни предрешила и судьбу всей страны... Большая Россия, спасшая мир, не сумела спасти себя».

Казалось бы, подобная категоричность, в принципе не свойственная автору, есть не более чем некая диалектичная уступка, понимание им развала СССР в виде кризиса на грани системности. Все зависит, заметим и мы, от того, как трактовать эту системность, ибо обыденная заскорузлость, тем более на высшем уровне, ставшая непреходящей, – очень благодатная почва для целенаправленных волевых усилий по развалу страны. Но это уже тема для отдельного осмысления, и, прикоснувшись к ней вслед за рассматриваемым исследованием, нам прежде всего хотелось еще раз подчеркнуть его основательность, научную этапность, вдумчивую посвященность тому периоду, той проблематике, вобравших в себя все нити исторических закономерностей на беспримерно ответственном и экстремальном российском и мировом перекрестке.

Даже то, о чем удалось сказать, позволяет и в итоге еще раз заключить (вам, уверен, не придется разочароваться), что перед нами наиболее значимое за последние 30 лет и более исследование о советском крестьянстве периода Великих битв с фашизмом. Вместе со всеми и всюду – на фронте и в тылу, в партизанском движении и на оккупированной территории, в производственной и иной сфере деятельности: в общественной и личной жизни, в заботе о воспитании детей, в поддержании условий для выживания, в опоре на государственную поддержку, в обретении и укреплении коллективной и индивидуальной морально-психологической устойчивости и т.д. и т.п. Если уж, следуя моде, и нам, обществоведам, завести речь о некоем желаемом прорыве или, по крайней мере, о начавшемся «выходе из окружения», то без преувеличения можно сослаться и на наш пример рекомендуемого вам труда.

Мы не станем комментировать обилие научного аппарата, который исчисляется не одной сотней разноплановых ссылок даже по отдельным главам – они пунктуальны и сгруппированы в поразделные блоки. Нам, видимо, не следует и развернуто говорить о стиле, языке и манере автора, дабы не помешать самому читателю вынести личные впечатления. Ограничимся лишь признанием их самобытности, емкости, точности и образности, при редком авторском умении владеть не только мыслью, но и словом – в той варьируемой предметности, которая зависима от конкретно рассматриваемого сюжета. Книга не оставляет места равнодушию и объективизму. Она полна жесткости и негодования, гордости и восхищения. И в любом случае влечет к глубоким размышлениям. А уж если слово поднимается до социально-психологического неравнодушия, то оно выливается в редкую ныне научную публицистичность.

О недостатках? Они, конечно, есть! Тем более в традиционно банальном понимании. А если их маловато, то непременно появятся – во всем, даже масштабном, чего-то недостает. Что же до принципиальных разномыслий и социальных (а теперь и сословных) подходов, то они неизбежны. Ныне социальная психология и историография в духе кота Леопольда не проходит даже на бытовом уровне. А иных, в том числе «супротивных», оппонентов, подчеркнем еще раз, автор не в первый раз опять-таки искренне завлекает к обмену мнениями.

Возможно, отзовемся и мы. Сейчас же у нас озабоченность иная: не дать оригинал-макету рукописи, с компьютерным исполнением которой довелось ознакомиться, задержаться в тиражировании из-за финансовых проблем. Поэтому, обращаясь к издателю и спонсорам, хотелось бы заранее отдать должное их самородному патриотизму и достоинству. Давно признано, что гражданское деяние – лучший вид благородства. Это применимо и в нашем случае, когда речь идет об издании труда, напрямую связанного с 60-летием разгрома гитлеровцев под Сталинградом и Курском.

И еще одна примечательность. Автор книги – изначальный профессор ЯрГУ, признанного правопреемника Ярославского высших наук училища, основанного в 1803 г. на пожертвования видного российского мецената П.Г. Демидова. 200-летний юбилей университета его имени стал бы знаковым поводом для развития традиции, положенной примером замечательного земляка ярославцев.

Президент Международной академии
психологических наук,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор В.В. Новиков

К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Имеющиеся публикации о нашей деревне военных и послевоенных лет, особенно крупных и сводных форм, носят преимущественно региональный и своего рода «вспомогательный» характер по отношению к другим темам. Отдельные исследования давних лет здесь не в счет. Они, как правило, не очень озабочены постановкой новых обобщающих проблем, свежей методологической оснащенностью, источниковой и сюжетной оригинальностью.

Это относится и к совершенно новым изданиям (мы не касаемся здесь так называемых очернительных публикаций, вся новизна которых полностью выражается в их предназначении), которые во всей очевидности страдают отмеченными изъянами. В качестве примера приведем лишь один. К 55-летию Победы завершено основательное (в 4 книгах, объемом почти 2000 страниц) научное исследование «Великая Отечественная война 1941–1945», подготовленное Институтом военной истории МО РФ и институтами Отделения истории РАН. Во многом знаковое издание, стряхивающее с себя те основные наветы на нашу Великую Победу, которые еще недавно и не в последнюю очередь примерными «авторитетными» порциями исходили из тех же адресов.

Мутному (мягко говоря) потоку наконец-то выстроен первый действительно авторитетный заслон, и, будем надеяться, он сыграет некую очистительную роль. Но поначалу о другом – к обнадеживающим приметам мы еще вернемся. В столь масштабном труде не наберется и десятка страниц, отведенных истории нашей деревни военного времени. Не станем даже называть их авторов, ибо столь разительное небрежение, разумеется, изначально было заложено редакционными советами и комиссиями. Не потребовалось и привлечения к исполнению мизерного заказа непосредственных специалистов по этой тематике. Потому-то и пришлось ограничиться беглым обзором уже того, что, заметим, запущено в оборот другими: с глухими ссылками, а то и вовсе без них.

Традиционную основу таких и подобных публикаций составляли и составляют сюжеты о трудовом и – несравненно меньше – боевом

героизме крестьян в годы войны с фашизмом, что, разумеется, непреходяще важно и необходимо. Но долгое время на второй план отходили (или вовсе обходились вниманием) такие вопросы, как обратное воздействие войны на само крестьянство: его численность, состав, миграция, материальное положение, питание, быт, заготовки и налоги военных лет, общественное и личное в жизни колхозно-совхозного села, социально-психологические и исторические мотивы крестьянской жертвенности, причины голода в деревне, государственный максимализм и крестьянская веротерпимость, законодательные, правовые отношения и практика внутриколхозной демократии, отношения собственности, межсоседские и родственные отношения, соотношение духовности и светскости сельского населения, медицинское обслуживание и образование, другие черты деревенского менталитета и особенностей жизни села тех чрезвычайных лет.

И уж вовсе (за редким исключением) бегло рассматривались вопросы того безмерного разорения, которое оставила после себя война, той унизительной обделенности послевоенной колхозной деревни, ставшей следствием бездумного инерционного пренебрежения уроками недавней истории и превратившей ее трагическую участь в непреходящую безысходность. И все это при том, что в конечном итоге подобные отрыжки «военного коммунизма» и практика удушающих продразверсток сыграли роковую роль не только в необратимом разорении современного села, но и в удушении самого союзного государства. Но об этом ниже, а пока о самом крестьянстве и его особой роли в достижении Победы. О его выдающемся вкладе в разгром фашизма, его осознанной жертвенности. Причем не в обиду рабочим, интеллигенции, служащим – никому, так как Победа действительно была общей и ее не поделить.

Скажем несколько иначе и более определенно: слишком долго и до обидного для деревни принижалась ее роль во всенародной борьбе, приуменьшались выпавшие на ее долю тяжкие лишения. Сначала принижались из-за известной концепции государства диктатуры пролетариата, потом и поныне лишь потому, что та наша героическая деревня была колхозно-совхозной, а следовательно, советской и всесоюзной, что снова стало выводить ее за рамки «современных» политизированных аграрных понятий. К чему пропагандировать стойкость колхозников, ставших, как мыслят некоторые, «мутантами» от кооперации, да еще не соблазнившимися на гитлеровские посулы.

А ведь речь идет о многовековом, непреходяще многоукладном, системообразующем, социально связующем и преобладающем населении страны на протяжении всего минувшего тысячелетия. Оно часто, если не всегда, играло ключевую и фатальную в конечном итоге роль в судьбах всего народа, в формировании его менталитета в целом, патриотизма в особенности. Наше столетие начиналось с

того, что в российской деревне проживало 85% населения страны, а к началу Великой Отечественной войны – 72%. Хотя бесподобная урбанизация и наложила глубокий отпечаток на социальную психологию народа, она не успела и не могла растворить наш «общекрестьянский» человеческий тип жизни, быта, культуры, традиций.

Тем более что эта урбанизация разверзлась не только на глазах одного поколения, но и в судьбах одних и тех же людей. Поэтому следует говорить не только и даже не столько о том, кто и как кормил тыл и фронт, обеспечивал промышленность рабочим пополнением и сельскохозяйственным сырьем, но и о том, что лежало в основе социальной психологии народа, его всеобщего антифашизма и сплоченности.

Если исходить из упомянутого выше социального соотношения, то личный состав Красной Армии к началу войны на 72% должен был состоять из жителей деревень. На самом же деле «сельский процент» в ее рядах оказался выше, так как до конца 1943 г. наша деревня, будучи полностью «разбронированной» от военных призывов, без всяких ограничений направляла на фронт всех – председателей и бригадиров, полеводов и животноводов, механизаторов и специалистов, тем более рядовых крестьян. Тогда как ведущие работники оборонных предприятий оставлялись в тылу, а транспорта – переводились на военное положение. Под призыв здесь подпадали в первую очередь неквалифицированные новобранцы – опять же вчерашние сельские парни.

Поэтому с малым допуском можно признать, что решающая крестьянская доля личного состава армии достигала 80%. Прямых статистических данных, подтверждающих столь высокий процент, не опубликовано, и, видимо, их не вели по уже высказанным соображениям. Не обсуждались они и предположительно, так как не укладывались в «классическую» формулу о ведущей роли рабочего класса в тылу и на фронте. Но есть подтверждение, точнее, подсчет иного порядка. Среди дважды Героев Советского Союза выходцы из рабочих составляли 40%, а из крестьян – 60%. В традиционно земледельческих районах СССР (Сибирь, Казахстан, Белоруссия, ЦЧО и даже аграрно-индустриальная Украина) доля героев – крестьян по происхождению достигала 70–80% и более.

В Вологодской области доля Героев Союза и полных кавалеров ордена Славы – выходцев из деревень превысила 93%. И это опять-таки при том, что представления к высшим наградам заметно корректировались с классовых позиций. Но и в этом случае представительство сельского населения, прежде всего прямых выходцев из крестьян, оставалось явно превалирующим, причем даже в промышленных регионах. В Ярославской области, например, доля Героев Союза из крестьян превысила 73% и около 90% из них составляли именно крестьяне-колхозники. В Иркутской области доля крестьян среди

Героев составляла 66%, а в ведущем земледельческом регионе, каким был Алтайский край, превысила 83%.

Мы не касаемся здесь социального представительства в партизанском движении, как и доли погибших сельских жителей в общей массе потерь. Обратим внимание только на одну «частность»: общеизвестно, что преобладающая часть погибших и раненых приходилась на так называемую пехоту, которая опять же в наибольшей мере формировалась за счет вчерашних крестьян. Так что 80-процентная доля общего представительства крестьянства в армии, о чем вариантно мы высказывались уже не один раз, вполне реальна, и возможные уточнения не могут поколебать наш главный вывод. Правда, и «жарких» сторонников из числа коллег не нашлось, как не встречалось пока очевидных оппонентов. Специалисты по истории рабочего класса по периоду войны, все еще стесняющиеся своих былых позиций по этому вопросу, тоже обходят его стороной, хотя, как мы уже заметили, не прочь попользоваться с грядок соседнего и самого большого огорода страны.

Ну да Бог с ними, которые всегда, и по привычке ныне, ведут деревню за цивильным городом в пользу последнего. Хотя Бог-то не с теми, кто хотел бы за неправедные деньги растащить вконец наши леса, поля и долы. Вот как быть с чисто военными (по научной номенклатуре) историками? Лет 15 тому назад Институт военной истории подступился было к формированию авторского коллектива по подготовке 10-томной «Истории Великой Отечественной войны советского народа» (именно народа). Автор этих строк также был приглашен и получил высокое разрешение прикоснуться к некоторым чрезвычайно важным документам по истории сельского хозяйства военных лет тогда еще закрытого характера. Он хорошо помнит, как совершенно один в огромном зале с замиранием сердца торопливо переходил от одной папки к другой, с каким трудом затем заполучил собственные выписки и одним из первых представил в институт заказанный текст, судьба которого по сей день «покоится», будем считать, в его недрах.

Удивительно, но факт: наше крестьянство, которое кормило армию и страну, воевало на фронте, в первую очередь и явно преобладающим числом встав под знамена Красной Армии и лишь малой, явно не призывной частью, непосильным ее трудом кормившее не только бойцов, но и все население, не было даже поставлено на хотя бы самое малое нормированное (по карточкам) государственное снабжение. Кстати, и массовое огородничество горожан в основном также было обеспечено за счет тех же колхозных земель. Сами же колхозники весь урожай с остальной пашни практически бесплатно и за малым вычетом сдавали государству.

Сельское население в большинстве своем выступало и основным количественным носителем партизанского движения в тылу врага и

первой жертвой фашистов в виде «возмездия» сожженными селами, массовыми карательными расстрелами и угонами людей в безысходную неволю. Следует помнить и то, что оставшиеся «трудовые ресурсы» деревни постоянно восполняли собой рабочую силу не только в городах, но и на лесо- и торфоразработках, на сооружениях оборонительных объектов в прифронтовой зоне. На сельских подростках держалась вся система трудовых резервов.

Но, говорят, количество не есть качество: можно быть мобилизованным и стать плохим воином, дезертиром, а то и, пользуясь ситуацией, выступить и против своей власти. Такое, как известно, не исключало даже наше высшее руководство, принявшее в начале войны ряд превентивных мер в отношении деревни. Создание, например, сельских политотделов, одним из основных назначений которых, как будет показано далее, стало упреждение нежелательных эксцессов на селе – тем более что поводов для таких острых проявлений, казалось, было предостаточно. Не зарубцевались еще антикрестьянские перегибы огульной коллективизации, не миновали село и репрессии 1937–1938 гг. Да и сам колхозный строй в деревне, хотя и был в итоге воспринят крестьянством, оказался настолько деформированным, что с трудом пробивался на восходящую дорогу. А тут и война, разразившаяся столь трагично и даже непредсказуемо. Причем все это с вожделением понимали и гитлеровцы.

Вроде бы сама судьба послала всем обиженным пришествие с Запада. Ату ее, эту самую... власть! Благо и немцы в итоге обещали переделить землю. Кронштадтские моряки из деревень и тамбовские крестьяне во главе с Антоновым, в сущности, так и поступили в первые годы советской власти. Ан нет, и совсем наоборот (и опять же исключение здесь не в счет). Так в чем же причина? В сугубо внешнем факторе, который в прошлом не раз набатно сплачивал Русь?! Вероятно, тем более – в какой-то мере. Но были внешне совсем схожие, а в итоге напрочь антиномичные параллели, например, в начале 1918 г., когда русский фронт против немцев полностью развалился и Брестский мир стал почти единственным спасением. Сталин, как пишут некоторые, вроде тоже был не прочь заключить подобный мир в 1941–1942 гг., хотя отступавший не по своей воле российский солдат – преимущественно крестьянин-колхозник – вовсе не был склонен искать решение своей участи в коридорах власти, как это делал в 1918 г. солдат-крестьянин Иван Шадрин – известный персонаж известного фильма.

Так в чем же, повторимся, причина (причины) бесподобной патриотической «подданности» колхозного крестьянства, в чем мотивы безмерной жертвенности и терпимости и без того вроде бы уже обреченных? Еще недавно массово-жертвенный патриотизм нашего крестьянства военных лет считался прежде всего колхозным, во всяком случае, советским порождением. Эта однозначность лишь

обедняла столь многогранное явление, ибо наш «великий незнакомец» (Теодор Шанин) не только удивил весь мир, обескуражил фашистов, но и приятно порадовал свое же правительство, признавшее вскоре излишними собственные сомнения в отношении «непредсказуемости» колхозников и упразднившее те же политотделы в деревне.

Не только обедняла, противопоставляла советский патриотизм всему прошлому, но и «работала» на его совершенно крайнее толкование как культового фанатизма колхозников-крестьян и вообще советского человека. Эту версию по понятным причинам усиленно внедряла геббельсовская пропаганда, согласно которой арийская сверхкультурность пасовала перед евразийскими недочеловеками. Так возник один из далеко не безобидных мифов: казалось бы, совершенно противоположные посылки сошлись в одной плоскости. Но на этом парадоксы не кончаются. Одиозные катаклизмы коллективизации и миллионные депортации 30–40-х годов дали повод к суждениям и такого свойства.

Был ли вообще какой-то советский патриотизм, тем более жертвенный? Знаем-де жертвы сталинского террора и как следствие опять же – жертвенный сталинский фанатизм и массовая подданность. Заявлять подобное, – значит снова размещать в один ряд поведение народа, защищавшего свое право на строительство новой жизни, и реальный воинственный фанатизм немецкой нации, давшей себя одурманить нацизмом (как бы нечто подобное не случилось вновь), но с той небывало чудовищной разницей, когда в роли «фашиствующего» народа и от его «имени» не заговорила бы некая «русская великодержавная» элита. К подобным политическим вывертам влечет и «модная» ныне и очень небезобидная попытка уравновесить, поставить в один ряд А. Гитлера и И. Сталина. В крайне оскорбительный ряд для фронтовиков и патриотически настроенного народа. Это требует жесткого отпора!

Однако что же все-таки питало массовый патриотизм российского народа в его самых беззаветных проявлениях и в его самых массовых провинциальных носителях? Неужто только любовь к родной березке, селу, краю? А может, безраздельная привязанность к ставшему уже привычным своему колхозу? Может быть, не столько малая, сколько по вековому и тысячелетнему счету большая евразийская Родина, уходившая вглубь веков, корнями толстовского дуба и его неприятием купли-продажи земли. То единое и неповторимое Отечество, связующими звеньями которого всегда оставались его бескомпромиссная борьба с внешними захватчиками и самобытные общинность, соборность как реальные проявления коллективности и всегда манившие к социально равным возможностям и справедливости, которые, кстати, одновременно провозглашались как светскими, так и христианскими идеалами.

И первое, и второе, и третье столь же неправильно, как и верно. Второе венчало первое, первое подпитывало третье, четвертое. Не противопоставление советскому былому российскому (известные крайности такого рода во многом были устранены или смягчены в годы самой войны и по инициативе самого И.В. Сталина), а их нераздельно единое, межнационально гордое и уже привычно интернациональное помогло тогда сначала выстоять, переломить смертельный ход событий, затем добиться Великой Победы. Не межевые споры, а свобода, равенство и братство лежали в основе самосознания народа. Именно историческое самосознание помогло нашему человеку, в первую голову российскому крестьянину, решительно превозмочь и стать выше очень ранящих, но в общем-то, как оказалось, преходящих социальных обид. Народ не злопамятен – он памятен и мудр. Потому-то все иллюзорные расчеты и посулы гитлеровцев, спудренные провокационными обещаниями, полностью разбились о наш социальный и межнациональный менталитет.

И еще раз вернемся, как и обещали, к военно-историческим очеркам из четырех книг. Они не случайно не названы комплексным монографическим исследованием – сказался заметный разнобой многих выводов и акцентов. Над некоторыми из них еще витает некая тень небезызвестного Д.А. Волкогонова, когда достойное уважения советское руководство военных лет именуется как «правящая верхушка партийно-государственной системы СССР» (Кн. I. С. 8). Очень трудно дались, например, авторам обращения «К читателю» расплывчатые суждения об основах уверенности народа в окончательной победе, «о взлетах человеческого духа», «ярости к врагу» (С. 10) и в этом случае уже «о вере в своих руководителей».

Совсем иное впечатление оставляет 4-я книга, где не только витает, но и зримо присутствует правдивое и мужественное авторское слово Ю.А. Полякова. Он развернуто говорит о том, что ныне стали привычными суждения «главным образом о военных неудачах и поражениях, сомнительные подсчеты людских потерь, обращение позитивного в негативное, настойчивые попытки принизить значение победы над фашизмом». Стало популярным ставить на одну доску агрессора и его жертву, когда объективный анализ событий все больше подменялся «критикой пороков советской системы» и даже характера самого народа, одержавшего величественную победу.

Юрий Александрович, верный научным академическим традициям, не темнит, не ходит вокруг да около, а доказательно утверждает: «Одна из главных причин всенародного подъема, готовности к борьбе до победного конца состояла в том, что граждане СССР в своем большинстве были приверженцами социалистического строя с его очевидным принципом социальной справедливости. Они получили право на труд, бесплатное образование и здравоохранение, на отдых и доступ к достижениям науки и культуры. Подобной ситуации не

было и не могло быть ни в одной стране Запада, подвергшейся нацистской агрессии» (с. 11). Он приводит характерный пример Франции, которая после 40-дневного неорганизованного сопротивления пала к ногам фашистов из-за отсутствия единства между руководством и народом.

Гражданам страны Советов импонировало, что во всех звеньях управленческого аппарата преобладали представители трудовых слоев, которые получили реальную возможность «выйти в люди» – стать доцентами и профессорами, артистами и писателями, офицерами и генералами, врачами, инженерами и директорами, государственными и партийными деятелями и, наконец, просто уважаемыми специалистами любой массовой профессии при отсутствии безработицы и при гарантированной государством уверенности в будущем. Что же до относительно невысокого материального уровня жизни советского народа, то он «объяснялся без особого труда» и был даже всеобщим побудителем движения к лучшему: народ совершил революцию в отсталой стране, восстанавливал экономику после интервентов, с перенапряжением создавал новую индустрию, ставил «на крыло» колхозный строй, формировал небывалую систему образования, готовил страну к обороне. Все это требовало огромных сил и затрат, но было в конечном итоге направлено на создание действительного общества социальной справедливости.

Еще недавно подобные суждения о массовом патриотизме наших людей, их очевидной и всеобщей антифашистской настроенности действительно воспринимались аксиомой. Теперь же при смене всех социально-политических вех требуется весьма умелая и целеустремленная их пропаганда, связанная с многозначительными «почему» в отношении причин разгрома фашистской Германии и безоговорочной победы СССР. При этом Ю.А. Поляков не обходит стороной и такой ныне очень «неудобный» вопрос, как роль в войне Коммунистической партии. «Единая, массовая, хорошо организованная, построенная по принципу жесткого централизма, дисциплинированная, она стала, по существу, важнейшим государственным инструментом» (с. 19 и др.), который, заметим в свою очередь и мы, в целом успешно служил и центральной, и периферийной нервной системой огромного государственного организма, его хребтом.

Мы солидаризируемся со сказанным не потому, что оно импонирует нашим представлениям, а главным образом в силу реальной исторической действительности, что и отражено подробно в предлагаемой книге применительно к ее тематике. При этом еще раз уместно напомнить «забывчивым» оппонентам, что, став действительно мобилизующей, организующей и сражающейся, Коммунистическая партия только за первые шесть месяцев войны направила на фронт 1,1 млн своих членов, что составило ровно восьмую часть призывников. Свыше 3 млн коммунистов погибли в боях за Родину, однако об-

щая их численность в партии возросла более чем на 1,6 млн человек, достигнув к концу войны почти 6 млн.

Право стать коммунистом – и нечего это умалчивать ныне в угоду различным политическим комбинациям – определялось только одним – поведением в бою, гражданской зрелостью в тылу. Принадлежность к партии и в самом деле для миллионов людей тогда становилась делом чести. Пожалуй, никогда в другое время партийные ряды так не восполнялись из числа преданных, патриотичных и мужественных людей. Хотя, конечно, это вовсе не исключало того, что обладателями партийных билетов становились случайные, а то и вовсе чуждые интересам народа лица. Но они чаще скрывали свою иную сущность и не определяли собой действительный облик партийца того рокового времени, для которого партийное поручение приравнивалось к боевому приказу.

Перед тем как приступить к самой теме, считаю приятным авторским долгом выразить искреннюю благодарность за поддержку и доброе понимание коллегам по кафедре истории России ЯрГУ, честно исполнившим свой официальный долг рецензентам. И уж, конечно, президенту Международной академии психологических наук В.В. Новикову за его мудрые пожелания и великодушный отклик на просьбу издателя.

Особая признательность академику В.Л. Янину и коллегам руководимого им Российского гуманитарного научного фонда, удостоивших наш труд высокой оценки.

Наша отдельная благодарность Н.В. Кукиной (Корниловой), ученицей приступившей к перепечатыванию рукописи книги и завершившей его блестящим специалистом компьютерного набора.

Глава I

НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ. ЖИЗНЬ ДЕРЕВНИ - ФРОНТУ

МОБИЛИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на СССР. Ярко выраженный захватнический характер войны, отвечавший преступным целям германского империализма и стоявших за ним реакционнейших сил всего капиталистического мира, предопределил и небывало варварские средства ее ведения. Готовя разбойничье нападение, Гитлер не в последнюю очередь рассчитывал на мнимую слабость колхозного строя, якобы изначально и до конца насильственно навязанного крестьянству большевиками. В представлении нацистских стратегов Советский Союз являлся «колоссом на глиняных ногах, который должен был рухнуть под первыми же ударами танковых дивизий вермахта». В осуществлении плана «Дранг нах Остен» – «Натиск на Восток» – колхозному крестьянству в конечном итоге отводилась участь крепостных или рабов, а то и прямого физического уничтожения.

Заранее в деталях были разработаны планы хищнического использования захваченных районов, ограбления советской деревни. В наиболее концентрированном виде эта политика излагалась в «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях», известных под кодовым названием «Зеленая папка». Этот документ, одобренный Гитлером 16 июня 1941 г., следующим образом формулировал цели грабежа: «...принять все меры к немедленному и возможно более полному использованию оккупированных областей в интересах Германии», «...получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти...». В этом документе говорилось и о том, что «в Средней и Северной России экономическая деятельность должна ограничиваться использованием обнаруженных запасов»[1].

Планы фашистов раскрывались и министром земледелия Дарре: «Речь идет о том, чтобы отстранить снова славянских мелких крестьян от земли и превратить их в безземельных пролетариев, чтобы уменьшить их размножение. Надо, чтобы культивируемые земли перешли в руки класса германских господ. На всем восточном пространстве лишь немцы имеют право быть собственниками крупных

имений. Страна, населенная чужой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных батраков или промышленных рабочих»[2].

Обладавшая опытом ведения современной войны, одурманенная ядом шовинизма и расизма, фашистская армия опиралась на мощную военную экономику, которую тайно и явно поддерживали ведущие западные монополии и на которую уже работала почти вся Европа. За счет оккупированных государств умножились и трудовые ресурсы Германии. В общей сложности в ее промышленности вместе с захваченными странами было занято 28 млн человек[3]. К июню 1941 г. промышленность и сельское хозяйство Германии использовали свыше 3 млн иностранных рабочих и военнопленных[4].

Советское руководство задолго до войны учитывало возможность фашистского нападения на СССР. В кратчайший исторический срок – за два десятилетия – наша страна преодолела экономическую разруху и империалистическую блокаду, осуществила индустриализацию, коллективизацию и культурную революцию, провела огромнейшую идейно-воспитательную работу по формированию патриотического мировоззрения трудящихся. СССР превратился в мощную индустриально-колхозную державу, способную, как оказалось, выдержать любое испытание.

Однако начальный период войны для нашей страны оказался крайне неблагоприятным, поставившим ее на край катастрофы. Используя внезапность нападения, роковые просчеты и перевес в силах, за первые три недели войны немецко-фашистские полчища продвинулись в глубь советской территории на северо-западном направлении на 500 км, на западном – до 550, на юго-западном – до 300–350 км. Были оккупированы Литва, Латвия, значительная часть Белорусской, Украинской и Молдавской ССР. Неожиданный успех вероломного врага поначалу даже надломил, хотя и не сломил, однако, боевой дух Красной Армии и стойкость советского народа.

Партийно-советское руководство приняло в итоге необычайно радикальные меры для организации отпора фашистским захватчикам. Главным организатором мобилизационных действий против ненавистного врага выступила Коммунистическая партия, насчитывавшая в своих рядах почти 4 млн человек. Не муссируя сведения о критических обстоятельствах, она признала и предупредила, что предстоящая борьба будет тяжелой и потребует максимальных усилий. При этом она сумела переломить настроение и вселить в советских людей – и в этом одна из ее несомненных заслуг – непоколебимую веру в окончательную победу.

Важнейшим программным документом мобилизации сил народа на разгром фашистской Германии явилась Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партийным и советским органам прифронтовых областей, всем ЦК компартий союзных республик, краевым, областным, городским и районным комитетам, всем членам ЦК

партии, народным комиссарам[5]. Пронизанная ленинскими идеями о защите социалистического Отечества, эта директива определяла главное содержание и лозунг военного времени: «Все для фронта, все для победы!».

В развязанной фашистской Германией войне, подчеркивалось в документе, «решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение» [6]. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) требовали: отстаивать каждую пядь советской земли; организовывать всестороннюю помощь действующей армии; укреплять тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю жизнь страны; при вынужденном отходе частей Красной Армии ничего не оставлять врагу, а все ценное имущество, которое не может быть вывезено, уничтожать; во всех оккупированных районах организовывать партизанские отряды и диверсионные группы, создавать невыносимые условия для врага. «Колхозники, – указывалось в директиве, – должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы». Все ценное имущество, в том числе хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно быть уничтожено: «Не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего!»[7].

Вся страна поднялась на смертельный бой с фашизмом. Не всеобщую растерянность и страх, которые пытались вызвать вероломным нападением захватчики, а великое и нарастающее единение, лютую ненависть к поработителям, готовность биться с врагом до полного его уничтожения встретили фашисты на нашей земле. Прокатилась мощная волна многотысячных митингов и собраний в ответ на призыв: «Все для фронта, все для победы!». Десятки тысяч заявлений о добровольном зачислении в ряды действующей армии направлялись в военкоматы, партийные, советские и другие организации.

Клятвой верности национальным и революционным традициям, олицетворением могучего патриотизма прозвучало, например, заявление коллектива Кировского завода в Ленинграде: «Мы, рабочие, служащие, инженерно-технические работники, своим честным стахановским и самоотверженным трудом обеспечим нашу доблестную Красную Армию могучей первоклассной техникой вооружения»[8]. На Волге взволнованно звучали слова участников митинга старейшего завода «Красное Сормово». «Будем драться, не щадя сил, до полной победы, – говорил слесарь механического цеха Иван Куванов. – Будем драться с винтовкой в руках, у пушек и пулеметов, на танках и самолетах. Будем еще более производительно работать у станков... Объявляю себя мобилизованным и предлагаю всем рабочим считать себя мобилизованными до конца войны с гитлеровской сворой»[9].

Величие духа, высокое сознание гражданского долга перед Родиной проявило колхозное крестьянство. Вместе со всем народом оно

гневно клеймило захватчиков и заявляло о своей готовности сделать все для разгрома врага. 23 июня в Омске прошел 100-тысячный митинг горожан и колхозников прилегавших к городу районов. «Мы поведем победоносную Отечественную войну, и враг будет наголову разбит и уничтожен, – заявляли его участники. – Сейчас от каждого работника, на каком бы посту он ни работал, требуется дисциплинированность, самоотверженный труд»[10].

Наше крестьянство хорошо знало о тотально провозглашенной цели гитлеровцев ликвидировать советский строй, разграбить национальные богатства, поработить все народы Советского Союза. Крестьян возмущало и конечное стремление врага уничтожить колхозный строй, захватить их землю, хлеб, луга, скот. «Землю, полученную навечно, не отдадим никому!» – писали в своем обращении колхозники сельхозартели «Политотделец» Новосибирского сельского района. «Наши отцы и деды всю жизнь ели один кислый курт да черствые прогорклые лепешки, – говорил член колхоза «Энбек» Восточно-Казахстанской области Рахим Кондубаев. – Всю жизнь они боролись за блага, которые дали казахам только Советская власть и большевистская партия. Теперь фашистские стервятники пытаются ввергнуть в рабство свободный народ, отобрать у нас землю, луга, скот, надеть на шею аркан. Не будет этого! ...Клянемся... что в Отечественной войне казахи до последней капли крови будут бороться против поработителей»[11].

На митинге в колхозе им. М.И. Калинина Кантского района Киргизской ССР крестьяне заявляли: «Колхозный строй – могучая сила... Колхозники умеют работать на полях, умеют защищать свое счастье, свое Отечество»[12]. «Видите, время-то какое настало, – обращался к землякам-крестьянам член колхоза «Новая жизнь» Киренского района Иркутской области И.Г. Попов. – Фашист полез на нашу землю, приглянулась она ему, стервятнику. Мы ее, родную, полили своим потом и сделали плодородной, посмотрите наши хлеба! За них мы постоим! ...Земли не отдадим злодеям ни одного клочка»[13].

Слова были разные, а мысли и чувства одни. Всеобщим было не только стремление не покладая рук трудиться ради победы, но и готовность с оружием в руках «защищать завоевания социализма». «Наши колхозники все, как один, готовы по первому зову... партии и правительства встать на защиту Советского Отечества, на защиту своего мирного труда и не щадя сил и жизни помочь Красной Армии добиться победы над врагом», – единодушно заявили жители с. Гостемель Киевской области в принятой резолюции[14].

И таких заявлений – коллективных, семейных и персональных, от мужчин и женщин, от совсем юных сельчан и участников гражданской войны, от рядовых колхозников и руководителей хозяйств – в те тревожные дни было множество. «С утра колхозники и механиза-

торы, – вспоминает бывший председатель Сухаревского сельсовета Краснополянского района Московской области И.А. Поляков, – осаждали сельсовет: «Когда нас мобилизуют? Когда пошлют на фронт?» Звоню начальнику районного военкомата: «Народ рвется в бой, требует мобилизации». – «Пусть идут. Многие уже пришли, ждут. Здесь большая очередь»[15].

Первые и все последующие дни мобилизации прошли исключительно организованно. Все информации с мест – партийных и советских органов, районных и областных военкоматов – единодушно сообщали о дисциплинированности мобилизуемых, их высоком морально-политическом настроении. «Явка мобилизованных первого и второго дня призыва проходит в районе отлично. Нет ни одного случая неявки или запаздывания на сборный пункт» – говорилось в информации Горшеченского райисполкома Курской области. «Работа по мобилизации по району проходит нормально. Все наряды облвоенкомата по мобилизации людей, лошадей, автомашин, тракторов и т.д. выполнили полностью» – сообщал Кошкинский райком ВКП(б) Куйбышевской области. «Настроение трудящихся на предприятиях и в колхозах, а также и призываемых бодрое, боевое. Мобилизация проходит нормально и четко» – информировал отдел пропаганды и агитации Ярославского обкома[16].

Такие сообщения поступали отовсюду, и во всех приводились многочисленные примеры о стремлении быть добровольно призванными в ряды Красной Армии. Об этом просили, писали, настаивали люди разных возрастов и профессий: крестьянские парни и ветераны труда, рядовые колхозники, трактористы, председатели колхозов, в том числе женщины. «Десятки и сотни подлинных патриотов Родины, мужчин и женщин, молодежи и стариков, подают заявления с просьбой зачислить их добровольцами на фронт» – говорилось в информации Ставропольского крайкома. «Нас завалили заявлениями о добровольном вступлении в ряды Красной Армии. Пишут в одиночку и группами. Таких заявлений тысячи» – сообщал Воронежский военкомат[17].

За первые две недели войны в Киевской, Харьковской, Донецкой, Днепропетровской, Запорожской, Одесской, Николаевской, Винницкой, Полтавской, Кировоградской областях Украины поступило 185 тыс. заявлений от добровольцев[18]. Свыше 40 тыс. заявлений о добровольном призыве подали патриоты Азербайджана, более 10 тыс. – добровольцы Карело-Финской ССР[19] и т.д. Поток людей был так велик, что у военкоматов возникали большие очереди.

Уже тогда основную часть призывников давали сельские жители, ибо в 1940 г. они составляли 72% общей численности населения страны[20]. По данным годовых отчетов колхозов, накануне войны имелось 18 млн колхозных дворов[21], а следовательно, еще более колхозных семей. Крестьянство являлось самым многочисленным источни-

ком развертывания армии[22]. Почти не оставалось такой колхозной семьи, которая не направила бы на фронт отца, брата, сына или внука, а часто и по два, три воина и более.

Из небольшой саратовской деревеньки Чадаевки на фронт ушли три брата Царевых, три брата Савенковых, три брата Есиновских, три брата Мироновых, семь братьев Козловых[23]. Семь сыновей-коммунистов – Ивана, Филиппа, Павла, Илью, Василия, Николая и Александра – проводила на защиту Родины колхозница станицы Тимошевской Епистимия Федоровна Степанова. Младший сын, Александр, за подвиг при форсировании Днепра посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза. Восемь сыновей, четырех зятьев и внука отправил на защиту Родины житель станицы Ладожской Михаил Гаврилович Россохоч. Вскоре он и сам встал в ряды защитников Родины. Десять сыновей ушли на фронт из семьи председателя колхоза «Красный хлебороб» Ростовской области Хрисанфа Ефимовича Роя, а также десять сыновей колхозника Ануша Упаняна из армянского села Агва[24]. А из семьи колхозницы сельхозартели «Путь к коммунизму» Гаврилов-Ямского района Ярославской области Прасковьи Ефимовны Моревой с фашистами сражались 10 сыновей и 14 внуков![25] Подобные примеры не были исключением.

А сколько ушло на фронт председателей и бригадиров колхозов, механиков и шоферов, комбайнеров и трактористов, коммунистов, комсомольцев, колхозных активистов! В то время со времен коллективизации на селе популярной была песня «Прокати нас, Петруша, на тракторе, до околицы нас прокати!», посвященная Петру Дьякову, первому трактористу легендарной тюменской коммуны «Новый путь». Вместе с другими он также ушел на фронт, сменив трактор на боевую машину. Ушли защищать Родину известные механизаторы К.А. Борин из станицы Шкуринской Краснодарского края, И.И. Клоков из с. Новоселицкого Орджоникидзевского края, П.И. Янцев из хутора Екатериновского Сталинградской области и многие-многие другие, в том числе такие зачинатели колхозного движения, как М.А. Посмитный, А.И. Рубцов. Всего по стране в ряды фронтовиков в первый же период войны влилось не менее 60–70% председателей и бригадиров колхозов[26].

Организуя мобилизацию всех сил народа на разгром врага, уже в конце июня 1941 г. правительство приняло первый за время войны мобилизационный народно-хозяйственный план на третий квартал 1941 г. Он намечал резкое увеличение выпуска военной продукции. 4 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны вынес решение о составлении нового военно-хозяйственного плана, который был разработан в течение июля – первой половины августа 1941 г. и 16 августа был представлен на утверждение военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии[27].

В нем предусматривались не только форсированный рост военного производства, но и перебазирование промышленности из прифронтовых областей. Он содержал широкую программу структурных сдвигов во всей экономике в интересах снабжения фронта с соответствующими изменениями в финансировании, трудовом, материально-техническом и сырьевом обеспечении. Военно-хозяйственный план выражал генеральную линию всей экономической политики государства в условиях перестройки, которая определяла новое размещение производительных сил страны и превращение ее восточных районов в основную базу военного хозяйства.

Будучи комплексным, план касался непосредственно и сельского хозяйства. Это относилось прежде всего к таким межотраслевым проблемам, как перераспределение бюджетных ассигнований, трудовых ресурсов, материального снабжения. Непосредственно в сельскохозяйственном производстве предусматривалось довести общую площадь посева под урожай 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии до 62 706 тыс. га, в том числе в колхозах до 53 927 тыс. га. На Наркомзем и Наркомат совхозов СССР, совнаркомы республик, краевые и областные исполкомы возлагалась задача обеспечить в 1942 г. полное освоение всех земель, пригодных к самотечному орошению, используя их под посевы сахарной свеклы, овощей, картофеля и пшеницы. Дальнейшее увеличение роли сельского хозяйства восточных районов в производстве продовольствия и сельскохозяйственного сырья стало общим военно-экономическим курсом руководства на превращение их в главный арсенал фронта.

В осуществлении мероприятий по перестройке сельского хозяйства и мобилизации материальных и людских ресурсов колхозной деревни на нужды войны предметно исходили из указания В.И. Ленина, что «Красная Армия не может быть крепкой без больших государственных запасов хлеба, ибо без этого нельзя ни передвигать армию свободно, ни готовить ее как следует. Без этого нельзя содержать рабочих, работающих на армию»[28]. Эту идею не только внедряли в массовую пропаганду и агитацию на селе, но и на практике превращали в системные реальные действия. Численность населения, находившегося в годы войны на государственном централизованном снабжении, достигала 76,8 млн человек – около 60% населения страны[29].

Сложность обстановки на всех фронтах и оккупация ряда сельскохозяйственных районов придавали продовольственно-сырьевому вопросу особую остроту. В руках врага оказались Украина и Северный Кавказ, центры свеклосеяния и льноводства. На оккупированной территории до войны производилось 38% зерновых, почти половина технических культур, 87% сахарной свеклы, выращивалось 45% поголовья крупного рогатого скота.

Важнейшим направлением перестройки сельского хозяйства стало развитие сельскохозяйственного производства в восточных районах страны, поначалу и в первую очередь за счет расширения посевных площадей. Так, площадь озимых посевов в тыловых районах в первую военную осень возросла более чем на 2 млн га[30]. Такая перестройка была осуществлена в соответствии с военно-хозяйственным планом, а также с планом озимого сева зерновых культур в колхозах Поволжья, Урала, Сибири и Казахстана, утвержденным ЦК ВКП(б) 20 июля 1941 г.[31]. Расширение сельскохозяйственного производства на востоке страны в известной мере являлось продолжением предвоенного курса на развитие здесь зернового хозяйства.

Другим важным направлением перестройки стали значительные изменения в структуре посевных площадей. Колхозы и совхозы Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана, Средней Азии срочно и в небывалых масштабах осваивали производство новых для них культур. В Сибири и на Урале увеличились посевы сахарной свеклы, овощей; началось возделывание некоторых лекарственных и технических культур специального назначения. Принимались меры по увеличению производства сельскохозяйственных продуктов на приусадебных участках и в подсобных хозяйствах путем широкого развития индивидуального огородничества сельского и городского населения.

Условия военного времени потребовали перестройки всей политической работы. 17 ноября 1941 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о создании политотделов при МТС и в совхозах – уже проверенной на опыте чрезвычайной формы организации. Официально они были призваны активизировать политическую работу среди тружеников села, укрепить и повысить организующую роль сельских партийных и комсомольских организаций. В их задачу входило также улучшение дисциплины и организации труда, подбор и замена убывавших на фронт кадров, обеспечение своевременного выполнения колхозами, совхозами и МТС планов мобилизационных сельскохозяйственных работ[32].

Политотделы наделили необычайно высоким статусом, иногда неограниченными правами и обязанностями. Их начальники утверждались и смещались только ЦК ВКП(б) по представлению первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик. Политотделы согласовывали свою деятельность с сельскими райкомами ВКП(б), но им не были подотчетны. Эта система имела замкнутую структуру политорганов: при Наркоматах земледелия и совхозов СССР и союзных республик – политуправления, при краевых и областных земельных управлениях – политсекторы. Всего было организовано 14 политуправлений, более 200 политсекторов и 7200 политотделов (в том числе 4490 политотделов МТС)[33]. Начальник политотдела одновременно становился заместителем директора МТС или совхоза и наряду с ним нес полную ответственность за вы-

полнение хозяйственных планов. В отличие от политотделов 30-х годов, штат которых состоял из шести человек, в политотделы военных лет, кроме их начальника, входили лишь два работника – заместитель начальника и помощник по комсомольской работе. В составе политотделов 40-х не было, например, отдельной должности по работе среди женщин, редактора многотиражной газеты. Это объяснялось острым недостатком партийно-политических кадров, основной резерв которых поглотил фронт.

Всего на политическую работу в сельское хозяйство направили около 20 тыс. опытных коммунистов и активных комсомольцев. Почти пятую часть начальников областных политсекторов составляли бывшие секретари обкомов; две пятых – заведующие отделами крайкомов и обкомов, секретари горкомов и райкомов[34]. Почти половину начальников политотделов и их заместителей также составили партийные работники. Из 274 начальников политотделов, утвержденных по Алтайскому краю, около 70% имели партстаж от 10 лет и более; в Иркутской области 68%, в Приморском крае 75% начальников политотделов были с партстажем от 7 до 20 лет[35]. Но основную часть работников политотделов составили политотдельцы 30-х годов. Так, среди 2 тыс. работников политотделов Казахстана бывшие политотдельцы насчитывали 200 человек (10%), в Чкаловской области из 198 начальников политотделов – 30 человек, или 15%[36]. Общее формирование политотделов завершилось в основном к февралю 1942 г.

Политотделы многое сделали для выполнения официально поставленных перед ними задач в связи с мобилизацией тружеников села на всемерную помощь фронту. В том числе и той, что была связана с неотложным восстановлением сведенной к минимуму первичной сети партийных и комсомольских организаций непосредственно в колхозах, совхозах и МТС, вызванной неограниченной, всеобщей мобилизацией сельского актива на фронт. И имеющаяся литература довольно подробно рассказывает об этом.

Но до недавнего времени, а ныне и по новым политическим обстоятельствам в опубликованной исторической литературе (за исключением наших работ) не рассматривалась напрямую еще одна и, пожалуй, самая исходная сторона предназначений политотделов. Она, кстати, маскировалась и в самом постановлении об их создании, хотя явно проступала в различных «подзаконных» инструктажах на сей счет. В них уже речь шла не только, а то и не столько о военном противнике, сколько о так называемых «бывших кулаках», репрессированных и прочих «саботажниках».

Видимо, неспокойно было на душе у Сталина и его окружения в отношении крестьянства после недавних репрессий во время коллективизации и в самый разгар голода и мора в стране начала 30-х годов. А потому и позаботились о воссоздании уже «испытанных» чрезвы-

чайных органов с понятными превентивными целями. Но забота оказалась чрезмерной, ибо, как свидетельствуют многочисленные донесения тех же политотделов, колхозное крестьянство оказалось куда более благонадежным, чем могли о нем подумать (исключения здесь не в счет). Более того, как явствует из тех же донесений, политотделам вскоре пришлось не столько политически «курировать» колхозников, сколько, зная истинно патриотические настроения и дела в деревне, все чаще вставать на защиту самих крестьян от непомерного и неразумного сверхизъятия их продукции. Это и послужило одной из причин неожиданно быстрого упразднения политотделов на селе уже в мае 1943 г.*.

Приятные просчеты нашего руководства. Но куда более роковыми оказались «расчеты» фашистских правителей на так называемую «молниеносную войну» против СССР при использовании преимуществ внезапного нападения и других временных факторов. Тем более коренные просчеты в главном. Нацистские главари вовсе оказались неспособными понять истинные источники силы советского государства, заложенные в его политическом, экономическом и социальном строе, такие его решающие факторы, как мобилизационные преимущества социалистической экономики, морально-политическое единение общества, основанное на союзе рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, на дружбе народов СССР, на патриотической слитности интересов государства и населения.

ЭВАКУАЦИЯ ИЗ УГРОЖАЕМЫХ РАЙОНОВ

Одновременно с мобилизацией материальных и людских ресурсов деревни тыловых областей принимались неотложные меры по спасению имущества, техники, скота колхозов, МТС и совхозов, по эвакуации сельского населения фронтовых и прифронтовых районов.

Масштабы перемещения оказались огромны. На территории, подвергшейся оккупации, до войны насчитывалось 98 тыс. колхозов (41,7%), 1876 совхозов (44,9%) и 2890 машинно-тракторных станций (41,3%). За тысячи километров в кратчайший срок предстояло вывезти многих людей, оборудование сотен промышленных предприятий, имущество тысяч колхозов, МТС и совхозов, перегнать миллионы голов скота. На новых местах нужно было разместить производительные силы, равные объему крупного и экономически развитого государства.

Но и столь невиданное в истории и не предвиденное перемещение носило в основном организованный и целенаправленный характер.

---

* Подробн. см.: *Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993. С. 200–209. Из последних публикаций о чрезвычайных органах на селе, следует отметить монографию А.С. Шевлякова «Политотделы МТС и совхозов Сибири в годы Великой Отечественной войны». (Изд. ТомГУ, 2000).

24 июня 1941 г. начал успешно действовать Совет по эвакуации. Председателем Совета стал Н.М. Шверник, его заместителями – А.Н. Косыгин и М.Г. Первухин. При наркоматах и ведомствах срочно создавались специальные комиссии, бюро, группы по эвакуации, назначались особые уполномоченные.

На местах с той же целью были образованы управления по областям, краям и республикам, областные, городские и районные комиссии, группы, тройки по эвакуации и приему эвакуированных, созданные решениями соответствующих партийных и советских органов. Общий контроль осуществляла группа инспекторов при Совете по эвакуации, возглавляемая А.Н. Косыгиным. В нее входили ответственные работники СНК СССР, ВЦСПС, секретари обкомов партии, председатели облисполкомов и другие работники аппарата оккупированных или прифронтовых областей.

Руководство эвакуацией материальных ресурсов сельского хозяйства и сельского населения поручалось Наркомзему СССР и Наркомату совхозов СССР. Они разработали планы эвакуации и инструкции о порядке вывоза сельскохозяйственной техники, перегона скота, его размещении на новых местах. В помощь местным организациям и для координации их деятельности Наркомзем СССР создал на основных направлениях эвакуационных маршрутов свои выездные региональные группы, например, в Ростове, Куйбышеве, Сталинграде, в Чкаловской, Западно-Казахстанской областях и других региональных центрах. Уполномоченные Наркомзема и Наркомата совхозов были направлены почти во все прифронтовые края и области.

Оперативное руководство эвакуацией на местах осуществляли республиканские, областные и низовые власти. По мере приближения линии фронта и в соответствии со складывающейся обстановкой они существенно корректировали многие мероприятия, маршруты эвакуации, очередность, виды транспортировки, выделяли специальные бригады. В колхозах, МТС и совхозах сельские Советы создавали специальные группы из коммунистов, комсомольцев и активистов, назначали ответственных за вывоз скота, имущества, техники.

Эвакуация колхозов требовала предельного напряжения работы, связанного с многочисленными трудностями. Сложность эвакуации производительных сил деревни, скота и имущества состояла и в том, что в условиях всеобщего перебазирования преимущество во всех отношениях отдавалось заводам, выпускавшим прямую военную продукцию, а также предприятиям металлургической, химической промышленности и их коллективам. Если промышленные грузы в большинстве случаев отправлялись по железной дороге, то скот и сельскохозяйственные машины двигались в основном своим ходом. К тому же эвакуация совпадала с напряженным периодом уборки, когда необходимо было максимально спасти выращенный урожай и в то же время успеть вывезти технику, имущество, людей.

Из Прибалтики удалось эвакуировать лишь немногие МТС и совхозы. Многие колхозы, совхозы, МТС Белоруссии и Правобережной Украины были эвакуированы еще в июне – августе, Левобережной Украины – в августе – октябре. Тогда же, до ноября, проходила эвакуация в прифронтовых областях РСФСР – сначала частичная, а в октябре – ноябре массовая. Трассы выбирались кратчайшие, обычно в одной географической широте: из Смоленской, Московской, Калининской областей они пролегали в основном в Ярославскую, Ивановскую и Горьковскую или через них; из Белоруссии, Рязанской, Орловской, Курской областей – в Молотовскую и Тамбовскую, а также Мордовскую и Чувашскую АССР; из Воронежской и Ростовской областей, Молдавии и Украины – в Саратовскую, Сталинградскую, Западно-Казахстанскую, Гурьевскую, Актюбинскую области.

Тяжело было сниматься с родных мест, оставлять на произвол фашистов отчий дом, фермы, клубы, школы. Ведь после трудных лет коллективизации общественное хозяйство успело встать на прочную основу, постепенно приходил достаток и в личную жизнь крестьянина. В связи с этим многочисленный актив срочно проводил большую разъяснительную работу среди сельского населения с тем, чтобы снять всякие сомнения по поводу государственной важности и необходимости эвакуации. Личный скот и имущество колхозников для эвакуации принимались только на строго добровольных началах.

Все, что не могло быть вывезено или спрятано, подлежало уничтожению. «Мы с Нюрой Демидовой, – вспоминала те горькие минуты Д.М. Гармаш, – подошли к ее трактору. Когда-то на нем работала я. Прежде всего нужно было вынуть мотор. Сердце машины! Еле сдерживаем слезы. Жаль трактор, наш трактор! Мотор оттащили в лесочек и спрятали в кустах. Все детали от трактора прятали в разных местах, а раму свалили в овраг. Плуги мы закопали. Приближалась зима. Холод закует землю, и пока она не оттает, никто не сможет вытащить эти плуги. А за зиму – мы были в этом уверены – враг будет разбит или отогнан. Потом молотками мы разбивали деревянные части машин. Стаскивали ящики для загрузки семян и бросали их под обрыв, сеялку бросили в одну сторону, а колеса в другую. Ломали сенокосилки – станины бросали в овраг или в речку, режущие аппараты оттаскивали к лесочку, там прятали в кусты»[37].

Труженики колхоза «Горки Ленинские» годы потратили на то, чтобы превратить беспородную подмосковную корову в высокоудойную, под стать костромской. Их стадо славилось на всю страну, оно было не только источником благосостояния, но и гордостью, а может быть, смыслом всей жизни. Председатель колхоза Иван Андреевич Буянов не знал, как и сказать-то дояркам об эвакуации фермы: «Выслушав меня, Полина Ильинична словно задохнулась от возмущения: «Скот отправлять? Не позволю!..» Прасковья, Александра и Евдокия плакали тихо, горько, не стесняясь своих слез...»[38].

Горько было рушить общественное добро, отправлять выращенный своими руками скот. Но еще тяжелее стало уходить самим. «...Люди длинной вереницей, медленно тянулись через поля, – рассказывает дважды Герой Советского Союза А.И. Родимцев. – У многих на руках, на плечах – дети... Женщины, ребята, старики. Молчаливое, скорбное шествие... Вот беженцы остановились у межевого знака, и старый, сгорбленный, седой человек медленно снимает шапку. Он поворачивается, смотрит на запад, в просторы родных украинских полей. Потом опускается на колени, целует землю. Женщины, дети – все опускаются на колени.

В жизни есть минуты невыразимо глубокого значения. Это была одна из таких минут. Я вижу, как берут люди по горстке земли, завертывают в платочки, прячут на груди»[39]. Всего в 1941–1942 гг. из фронтовых и прифронтовых районов было эвакуировано около 25 млн человек, в том числе более 3,5 млн с Украины, 1,5 млн из Белоруссии, около 2 млн из Москвы и Московской области, столько же – из Ленинграда и Ленинградской области, более 400 тыс. из Сталинградской[40] и т.д. В это не полностью учтенное число вывезенных людей наряду с городским населением входили и миллионы колхозников, специалистов сельского хозяйства, механизаторов, других сельских жителей.

В литературе пока нет обобщающих дифференцированных сведений об эвакуированных, но даже некоторые выборочные данные дают возможность составить реальное представление о масштабах перемещения населения из сельских районов. В Калининской области в течение октября – ноября 1941 г. из сельских прифронтовых районов было эвакуировано 110 тыс. человек[41]. В Ленинградской области, где блокада сильно затрудняла эвакуацию, общее число эвакуированных в ряде районов, таких как Псковский, Новгородский, Валдайский, составило до половины их населения [42]. В Орловской области практически все проживавшие в 25-километровой прифронтовой полосе были эвакуированы в восточные районы[43]. В Карелии в общей сложности снялось с мест свыше 500 тыс. человек. На занятой врагом территории осталось примерно 50 – 60 тыс. жителей (оказались отрезанными пути отхода)[44].

С Украины лишь в числе сопровождавших скот и тракторы насчитывалось 400–500 тыс. человек[45]. Только из Белоруссии в восточные районы выбыло 3908 механизаторов[46]. Нередко эвакуировались целые колхозы и МТС – одновременно люди, техника, скот, имущество, если это диктовалось обстановкой и к тому были возможности. По неполным данным, из Полтавской области в Поволжье и другие районы переместилось 100 колхозов, из Луганской – 68, Харьковской – 30, Запорожской – 15 и т.д.[47] Из Украины в полном составе эвакуировалось около 100 МТС, и в тылу они работали как самостоятельные единицы[48].

Коллективный подвиг совершили крестьяне сельхозартели имени В.И. Ленина Синельниковского района Днепропетровской области. С приближением фронта в колхозе по указанию из района разработали четкий план и порядок эвакуации. Погрузив на две автомашины и 64 подводы самое необходимое имущество и продовольствие, собрав в гурты около 3 тыс. голов стада, колхозники двинулись на восток. На 2 км растянулся обоз. Путь проходил через обожженные солнцем Донецкие степи и прикаспийские пустыни. Бомбежки и обстрелы, голод и нестерпимую жажду, болезни людей и животных – все пришлось преодолеть этим стойким людям. «Мы почти не узнавали друг друга, – вспоминает один из участников перехода, К.П. Шовкопляс. – С лиц слезла кожа, губы трескались, на них выступала кровь.

Никогда не забыть нам, как с большими трудностями рыли мы «худуки» – примитивные колодцы – и часами ждали, пока там соберется немного воды. Было задачей разделить ее между измученными жаждой людьми и животными. Делили обычно так: по кружке каждому ребенку и корове. И только после этого, если хватало, по глотку доставалось взрослым»[49]. Пример стойкости показывали коммунисты – секретарь партийной организации В.Ф. Рожновский, председатель колхоза Д.В. Кузнецов, прославленные доярки М.И. Ховрич и А.П. Коваленко, колхозники А.П. Фесенко, А.А. Понащенко, А.Т. Яценко и другие. Преодолев в два этапа, с остановкой на зиму в Элисте, расстояние в 3 тыс. км, колхозники добрались до Западно-Казахстанской области. Они не только дошли, но и сохранили и пригнали с собой 650 голов племенного рогатого скота, 224 лошади, 505 овец и 148 свиней. Несмотря на то, что пришлось эвакуироваться дважды, потери составили 5% стада.

Столь же тяжелый путь, но только другим маршрутом, прошли колхозники сельхозартели «Заветы Ильича» Ворошиловградской области (председатель колхоза коммунист П.Д. Долматов, секретарь партийной организации Н.Т. Лушникова). Преодолев около 2 тыс. км, они добрались до Марксовского района Саратовской области, пригнав с собой 250 голов крупного рогатого скота, 235 овец и коз, 165 свиней, около тысячи голов птицы. Тысячи километров по дорогам эвакуации прошли украинские колхозы им. Карла Маркса, «Победа Октября», «Красные зори», им. М.И. Калинина и др.[50]. Таким же образом были эвакуированы белорусские колхозы «Красный луч», «Победа», Ростовской области – «Большевик», «Политотделец» и ряд других[51]. Но в большинстве случаев эвакуация проходила не всем хозяйством сразу, а разновременно. Чаще старались заблаговременно отправить в тыл продуктивный скот, не связанный с уборочными работами, хотя это далеко не всегда удавалось.

Самый большой перегон предстоял крестьянству УССР и юго-западных районов РСФСР, где находилась основная масса скота. На

Украине, по неполным данным, эвакуированный скот сопровождали 70 тыс. гонщиков[52]. Если колхозное стадо Тульской, Смоленской, Московской, Калининской областей перемещалось в основном в соседние восточные районы Поволжья в пределах 300–400 км, то трассы южных маршрутов достигали 1,5–2 тыс. км и более. К тому же во многих южных областях эвакуацию пришлось проводить дважды – сначала летом и осенью 1941 г. в районы Дона и Нижней Волги, затем летом 1942 г. в связи с дальнейшим продвижением линии фронта к берегам Волги.

Нескончаемым потоком днем и ночью, с небольшими остановками уходили на восток многочисленные стада. Надо было преодолеть водные переправы, быстро вывести скот из зоны боев и вражеских обстрелов, лечить ослабевших животных. Многие гурты скота попадали в окружение, несли большие потери от бомбежек и обстрелов фашистской авиации. Нередко ценой жизни крестьяне-гонщики спасали доверенный им скот. Совсем ослабевших животных сдавали на заготовительные пункты в счет госпоставок воинским частям, рабочим, строителям оборонительных сооружений, эвакуированному населению. Летом и осенью 1941 г. на Украине только в Заготскот поступило 66,5 тыс. т скота в живом весе[53]. В Запорожье из выбракованного скота 1 млн 257 тыс. голов было сдано воинским частям, 327 тыс. голов отдано стройбатальонам и рабочим Донбасса, сооружавшим оборонительные рубежи[54].

Во время первой эвакуации на юге особенно сложное положение создалось при переправе через Днепр. Здесь на правом берегу в начале июля 1941 г. скопились сотни тысяч голов скота, прибывшего одновременно из различных областей Правобережной Украины и Молдавии. Положение становилось критическим. С каждым днем все ближе приближался противник, а имевшиеся мосты и понтоны оказались не в состоянии быстро пропустить многочисленные гурты. К переправе людей и скота срочно подключилось Днепропетровское речное пароходство. Предпринималось и все возможное, чтобы приостановить наступление вражеских войск. Несмотря на противовоздушную оборону, в местах массового скопления людей и скота постоянно появлялась фашистская авиация. Беспрерывно в течение нескольких суток, днем и ночью, под обстрелом велась переправа. К 16 июля на левый берег Днепра было доставлено 600 тыс. голов скота, а также не менее 4,5 тыс. тракторов, 680 комбайнов и 750 моторов к ним, 690 колхозных автомашин. Но все же часть техники и стада погибла или попала в руки врага, так как войска противника вышли к реке до того, как переправа была завершена[55].

На Левобережье спасенный скот сливался с потоками местного, который также подключался к эвакуации. В течение нескольких дней их преследовала фашистская авиация. «Опасность подстерегала гурты скота на всех маршрутах, – пишет о том времени ответственная за

их эвакуацию из Полтавской области П.Е. Панченко. – Бывало, приходилось срочно менять маршрут, так как на пути следования появлялись вражеские парашютисты. И пока наши бойцы уничтожали их, стада гнали в обход, зачастую и без передышек, и без воды, лишь бы быстрее миновать опасность»[56]. От беспрерывного движения животных в пыль и грязь превращались не только дороги и обочины, но и луга. От нехватки кормов и жажды животные заболевали. С каждым днем увеличивался их падеж. Принимались все возможные меры, чтобы оградить здоровый скот. Заболевшие животные выбраковывались. Но основную часть скота все же удалось спасти. Всего за пределы Украины в 1941 г. было эвакуировано 65,3% крупного рогатого скота, 92,2% овец, 30,9% свиней, 14,2% лошадей[57]. Невысокий процент эвакуированных лошадей объясняется тем, что в пути их довольно часто передавали частям Красной Армии.

Вторая эвакуация на юге начиналась, как и первая: вновь разрабатывались маршруты, организовывались многочисленные места промежуточных стоянок. Огромную работу по обеспечению пути следования опять же проводили местные органы власти, активисты. Но масштабы эвакуации 1942 г. оказались еще более значительными. Вместе с прибывшими в низовья Дона и Волги стадами скота с Украины, из Молдавии поднимался скот Ростовской, Сталинградской, Ворошиловградской областей, Северного Кавказа, Калмыкии. Всего здесь скопилось не менее 2 млн голов скота. Основной поток двигался в Северный Казахстан, и его предстояло переправить через Волгу.

В связи с быстрым продвижением фронта положение вновь стало угрожающим. Все переправы подвергались налетам вражеской авиации. Меры, принятые для прикрытия от воздушных атак, оказались недостаточными. Погибали люди, скот. «Страшное это было место – переправа через Волгу, – вспоминала П.Е. Панченко. – Особенно мне запомнилась одна из них – Черный Яр. Фашистские самолеты висели над ней день и ночь. Кроме бомб, они набросали мин прямо в Волгу. А вода в реке покрылась тонкой пленкой нефти, мазута, бензина; небольшая вспышка огня – и вся река запылает»[58].

Стало очевидно, что провести переправу можно только с помощью речного флота. А.С. Чуянов, бывший первый секретарь Сталинградского обкома партии и председатель городского комитета обороны, вспоминал: «Обком партии совместно с представителем ЦК партии А.И. Козловым 5 августа обратился с телеграммой к наркому речного флота З.А. Шашкову и секретарю ЦК партии А.А. Андрееву с просьбой об оказании практической помощи флотом: "Во избежание массовой гибели скота и для быстрой переправы через Волгу скота и имущества колхозов и совхозов считаем необходимым, чтобы Вы дали указание о немедленной организации переправ с суточной пропускной способностью 90 тыс. голов скота". ...Помощь действительно бы-

ла оказана, в результате принятых мер удалось в срочном порядке перевезти на левый берег Волги свыше 1,5 млн голов скота и имущество колхозов и совхозов»[59]. Всего через Волгу было переправлено около 2 млн голов, свыше 3500 тракторов и комбайнов, 5 тыс. автомашин и 10 тыс. подвод с имуществом колхозов и совхозов[60].

Другой поток эвакуированного стада, не доходя Волги, сворачивал на юг: через Дагестан, вдоль Каспия он направлялся в Азербайджан и частично даже через Каспий в Среднюю Азию. Предстояло преодолеть 700–900 км горной дороги, множество горных рек и перевалов. Так как наступление вражеских войск и здесь развивалось весьма стремительно, то колонны эвакуированных вплоть до самого Дагестана подвергались налетам немецкой авиации. Много скота погибло, и все же в район Дагестана на начало сентября 1942 г. прибыло свыше 2,5 млн голов стада. Около 1400 тыс. голов было размещено в самом Дагестане, а более 100 тыс. голов крупного рогатого скота и свыше 1 млн овец и коз переправлено в Закавказье и Среднюю Азию [61]. Довольно драматическим оказался перегон той части скота с Кубани и из Ставрополья, которую предполагалось отогнать на юг и укрыть в горных районах Кавказа. Значительная часть стада была отрезана фашистскими войсками и досталась врагу. Однако и здесь удалось перегнать в Грузинскую ССР 17,5 тыс. голов крупного рогатого скота и 145 тыс. овец[62].

Мужественно спасали свой скот колхозники Белоруссии. Хотя трассы движения гуртов здесь были короче (они двигались в основном через Центр в районы Верхнего Заволжья), опасности и трудности их также преследовали на каждом километре пути. В условиях ожесточенных боев на центральном направлении скот и перегонявшие его колхозники постоянно подвергались бомбежкам и обстрелам. Почти до самого Смоленска уводимые на восток колхозные стада находились под угрозой окружения и захвата. Тем не менее в тыловые районы, в основном из восточных областей БССР, было эвакуировано 650 тыс. голов скота, в том числе 395,3 тыс. крупного рогатого (53,2%), 245 тыс. овец (50,3%), 15,5 тыс. свиней (6,1%)[63].

Еще организованнее эвакуация прошла из Смоленской, Калининской, Брянской, Ленинградской областей и из Карелии. Поступавший скот, как правило, здесь был оформлен соответствующей документацией. На маршрутах работали учетные и ветеринарные пункты. Под руководством партийных и советских организаций колхозники Смоленской области перегнали в тыл 230 тыс. голов крупного рогатого скота, 234 тыс. овец, 12 тыс. лошадей[64]. Из 59 районов Калининской области по 10 ноября 1941 г. было эвакуировано 309,2 тыс. голов крупного рогатого скота (56,5%), 260,4 тыс. овец (51,7%), 18,1 тыс. свиней (18,4%), 43,4 тыс. лошадей (15,1%)[65].

Значительная часть скота, непригодная к перегону, как и всюду, сдавалась государству, Красной Армии, распределялась на трудодни

или под сохранность колхозникам. В некоторых областях, особенно там, где складывались крайне неблагоприятные условия для эвакуации, доля распределенного таким образом стада достигала 40% общего поголовья. В Брянской области из 325 тыс. голов крупного рогатого скота было эвакуировано 156 755 голов и 127 820 голов сдано на заготовительные пункты; из 601 888 овец за пределы области выбыло 305 051, сдано государству 193 758, воинским частям – 51 414, роздано колхозникам 21040 овец и ягнят, пало в пути 30 628[66].

Однако так было далеко не везде, а чаще много хуже. Это относилось не только к западным областям Белоруссии и Прибалтики, где из-за стремительного продвижения противника эвакуацию общественного стада и сельскохозяйственной техники практически не смогли осуществить. Много колхозного имущества и скота не было вывезено даже из ряда центральных областей. В Воронежской области, например, на месте осталось свыше 40 тыс. лошадей, более 30 тыс. голов крупного рогатого скота[67]. Несмотря на большие потери и расход скота в пути, партийные и советские организации, сельские активисты, все колхозное крестьянство фронтовых областей совершили беспрецедентный подвиг по спасению животноводства. По далеко не полным данным, в 1941–1942 гг. в тыловые районы было перемещено более 2390 тыс. голов крупного рогатого скота, 5082 тыс. овец и коз, 186 тыс. свиней и 818 тыс. лошадей[68].

Свою долю чрезвычайных усилий в спасение эвакуированного скота вложили тыловые районы. Предстояло срочно принять сотни тысяч измученных дальней дорогой животных – обеспечить помещениями, кормами, санитарно-ветеринарным обслуживанием. И все это в основном в осенне-зимнее время, так как в большинстве случаев гурты прибывали именно в этот неблагоприятный период. Местные руководящие органы приняли срочные меры по организации приема. Повсеместно действовали специальные комиссии, разбивались маршруты, строились промежуточные подкормочные пункты, выделялись помещения для гонщиков, продовольственные и фуражные фонды. Много скота было направлено в Западный Казахстан. Уже в середине июля 1941 г. руководство республики знало, что скоро начнет поступать скот из прифронтовой полосы. В ноябре Наркомзем СССР создал свое Западно-Казахстанское управление со специальными полномочиями по организации перегона с местом пребывания в Уральске. Так как вопросы приема и размещения скота в Казахстане касались многих регионов, к работе в управлении привлекались специалисты из аппаратов ряда республиканских наркоземов, смежных краев и областей, работники из самих южных районов РСФСР.

Уже в 1941 г. приемные пункты Западно-Казахстанской области пропустили свыше 133 тыс. голов скота, в том числе 76,6 тыс. крупного, 50,6 тыс. овец и 5,9 тыс. лошадей[69]. Приток скота второй вол-

ны эвакуации из-за Волги возрос в 3–4 раза. Гурты шли сплошной вереницей, а фашистская авиация преследовала их до самых окрестностей Гурьева. Обстреливались не только гонщики и скот, но и зажигательными бомбами уничтожались запасы сена в скирдах, выжигались десятки тысяч гектаров колхозных пастбищ.

Скот поступал до декабря 1942 г., т.е. до начала суровых морозов и пронизывающих здесь ветров. Холод, болезни, бескормица создавали реальную угрозу гибели поголовья. В столь критических условиях местные органы власти при поддержке своих же колхозников приняли решение о перегоне части их стада на зимние отгонные участки, высвобождая помещения для эвакуированных животных. При этом учитывалось, что местный скот, акклиматизированный к условиям Казахстана, лучше перенесет подножное содержание, чем эвакуированный, привыкший к зимним стойлам да к тому же предельно ослабленный. Идя на эту меру, казахстанские колхозники рисковали собственным скотом, ибо на зимних отгонах многое зависит от капризов природы.

Всего на приемо-сдаточные пункты Западного Казахстана поступило к декабрю 1942 г. свыше 1 млн голов скота. Часть эвакуированного стада была переправлена в районы Южного Урала и Заволжья, но основная масса животных размещалась по колхозам и совхозам западных областей республики. Там, где не было утепленных скотобаз, прибывший скот распределялся на содержание по колхозным дворам. В итоге в Казахстане было оставлено около 560 тыс. голов скота всех видов[70].

Много скота приняли Среднее Поволжье, Волго-Вятский район и европейский Север. Основная часть эвакуированного стада поступила сюда в 1941 г.: в Архангельскую область – 4179 голов, Горьковскую – 69 025, Ивановскую – 60 260, Ярославскую – 61 823, в Мордовскую АССР – 42 766 голов и в Чувашскую – 2897[71].

В общей сложности из оккупированных и угрожаемых районов в тыл было отправлено не менее половины, а по некоторым данным до двух третей общественного стада. Однако до места назначения дошло гораздо меньше – из-за неизбежных потерь в пути, а также вследствие сдачи скота в счет заготовок, передачи частям Красной Армии и т.п. За вычетом названного расхода соотношение имевшегося скота в эвакуируемых районах до эвакуации и размещенного в итоге в тыловых областях в 1941 г. выглядело следующим образом (см. табл. 1). В конечном итоге до тыловых колхозов из оккупированных и прифронтовых районов дошло немногим более 13% прежнего стада.

Еще труднее оказалось спасать сельскохозяйственную технику. Если обессилевшему скоту можно было дать передышку или в крайнем случае забить его для продовольственных нужд, то прицепной комбайн или неисправный трактор вывезти практически оказалось

невозможно. Для эвакуации отбирались только пригодные для движения своим ходом машины, но они из-за отсутствия запасных частей даже при небольшой поломке быстро выходили из строя. Из-за нехватки горючего оставлялись в пути и исправные тракторы, предварительно приводимые в негодность. Простейшая техника (жатки, сенокосилки, сеялки, веялки, плуги, молотилки и пр.) почти вся оставалась на месте. В лучшем случае ее успевали разобрать, причем некомплектно спрятать, а то и уничтожить.

В 1940 г. сельское хозяйство Украины имело 94,6 тыс. тракторов, из них для эвакуации вначале было поднято 50 тыс. Свыше 10 тыс. тракторов, в основном гусеничных, было взято для армии и на оборонительные работы. В 1941 г. за пределы республики удалось эвакуировать только 39% тракторов и лишь часть комбайнов[72]. По данным других исследователей, вывезти удалось и того меньше – 25 195 тракторов, или 26,6%[73]. Много техники потеряли при переправе через Днепр. Во время эвакуации здесь скопилось свыше 24 тыс. тракторов, немногим менее комбайнов и автомашин.

Таблица 1

Численность эвакуированного скота, тыс. голов*

	Крупный рогатый	Овцы и козы	Всего
Колхозное стадо УССР, БССР и областей РСФСР до оккупации	7500,0	9000,0	16 500,0
Эвакуированный скот, размещенный в тыловых районах 1941 г.	556,2	1656,6	2 212,8

* *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд. М., 1970. С. 53.

Однако, поскольку одни переправы заняли воинские части, другие разрушил противник, на левый берег удалось перебросить лишь 4498 тракторов, 680 комбайнов, 690 автомобилей и 750 моторов от комбайнов[74]. Из Белоруссии эвакуировали около 4 тыс. тракторов из 9022[75]. Но через Дон в западных районах Воронежской области из 3095 прибывших туда тракторов переправили всего 174, а из 1362 комбайнов – только один[76]. Много техники осталось в Краснодарском крае у переправы через р. Кубань. Большое количество машин и механизмов было оставлено во время отступления наших войск весной и летом 1942 г. Поспешно, а то и панически выводилась техника из Ростовской области и Ставрополья, в результате здесь также не удалось эвакуировать большинство тракторов и комбайнов[77]. Не полностью эвакуировали сельскохозяйственную технику из областей европейского центра РСФСР. Из 7797 тракторов МТС Брянской области в тыл успели переправить только 3110, более 1 тыс.

было передано частям Красной Армии, столько же осталось на станциях и 1474 – на оккупированной территории[78]. При ожесточенных боях проходила эвакуация техники из Смоленской области – в тыл переправили только 2500 тракторов[79]. Успешнее прошла эвакуация из Орловской области и столь же неудачно – из Тульской. Если из первой на 25 октября 1941 г. было эвакуировано 3219 тракторов из 4353, то из второй – только 800 вместо планируемых 3 тыс. Калининская область вывела 989 машин из 2421 запланированных[80].

Всего из западных областей РСФСР – Московской, Ленинградской, Смоленской, Калининской, Орловской, Курской, Воронежской и других – удалось переправить в тыл 22 тыс. тракторов, 8 тыс. комбайнов и 7 тыс. различных моторов[81]. По плану Наркомзема СССР эта техника подлежала размещению в МТС Алтайского и Красноярского краев, Башкирской, Марийской, Мордовской, Татарской и Удмуртской автономных республик, Кировской, Пермской, Свердловской, Новосибирской и других областей. Но до глубоких тылов она почти не дошла.

И наконец, о продовольственной эвакуации, особенно хлеба. К большому огорчению, именно на этом направлении действительно спасательных работ результаты оказались наименее значимыми, а потери – обескураживающими. Изначально на 20 июля 1941 г. из западных районов страны было вывезено только 261 тыс. т хлеба из намечавшихся 1292 тыс., или 20%. Сказались не только быстро ухудшавшаяся обстановка на фронте, но и явная неразворотливость ответственных за это органов. В этой связи зам. зав. сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) О. Гриценко докладывал секретарю ЦК А. Андрееву, курировавшему и сам отдел: «Наркомзаг СССР проявлял недопустимую беззаботность в деле вывоза хлеба из прифронтовых районов. В западных областях Украинской ССР к началу войны оставалось 51 766 тонн хлеба. Сколько израсходовано этого хлеба на различные нужды, вывезено и уничтожено, Наркомзаг не знает. В Литовской ССР и Западных областях Белорусской ССР к началу войны оставалось 61 500 т хлеба, а сколько его вывезено и уничтожено, Наркомзаг также сказать не может. Даже по областям, находящимся сравнительно далеко от фронта, Наркомзаг не располагает точными данными о ходе вывоза и остатках хлеба».

Еще более тяжелую картину о потерях зерна во время второй волны эвакуации нарисовал другой инструктор отдела ЦК Сергеев в донесении тому же А. Андрееву. «С 20 июля по 1 августа 1942 г., – писал он, – было погружено на Ворошиловской дороге 10 700 вагонов (вес одного вагона зерна составлял тогда примерно 60 т. – *В.А.*) хлеба из Краснодарского, Орджоникидзевского (Ставропольского) краев и Ростовской области. За тот же период было вывезено в Закавказские республики 4600 вагонов. 3200 вагонов, загруженные хлебом, остались на станциях... Быстрое продвижение немцев, мощ-

ные налеты их авиации. Только с 31 июля по 4 августа немцами и своими было уничтожено 250 вагонов с хлебом».

Далее обстановка складывалась следующим образом. С июля по сентябрь 1942 г. из районов Северного Кавказа было вывезено 4288 вагонов хлеба. Не удалось спасти из Краснодарского края 122 686 т (2045 вагонов) зерновых, 15400 т муки (257 вагонов), 4500 т крупы (75 вагонов) и 19 876 т масло-семян (331 вагон). Кроме того, на колхозных токах и в совхозах осталось еще около 400 тыс. т хлеба (6667 вагонов). В Орджоникидзевском крае на пунктах Наркомзага немцы также захватили 317 тыс. т зерна. Вывод: «Наркомзаг не проявил малейшей заботы к вывозу хлеба из прифронтовых районов». Жестко, но близко к истине.

Это видно и из следующего. На 20 июля 1942 г. на Северном Кавказе имелось 795 802 т зерна (13 263 вагона) – на 20 августа оттуда успели вывезти только 361 200 т (6020 вагонов). То есть к тому времени, когда Северный Кавказ был уже оккупирован или находился в зоне боевых действий, вывоз имевшегося на начало уборки хлеба составил всего лишь 45,5%, не говоря об оставшемся зерне на корню и в обработке.

Еще одна прелюбопытная «деталь». Основная часть вывезенного зерна ушла на Кавказ, в Грузию. Там происходило настоящее разбазаривание хлеба. Как пишет тот же инструктор ЦК Сергеев, только на сентябрь 1942 г. для продажи по несколько повышенным ценам жителям г. Тбилиси было выделено 520 т поступившего хлеба и еще 300 т для реализации в открытой сети общепита. На 16 зарегистрированных предприятиях здесь ежедневно продавалось до 8 т хлеба. На заводе № 31 сверх плана (помимо карточек) каждый день рабочим выдавалось еще и по 2600 г хлеба, на ПРВЗ – 790 г, на обувной фабрике – по 480 и т.д. При всеобщем голодании в стране Грузия фактически не знала распределения продовольствия по минимальным нормам.

Целые сельские районы Кубани ввиду неразберихи и паники до самой оккупации вообще не успели поднять скот для эвакуации и даже начать вывозить зерно. Так было в Гулькевичском и Тихорецком районах. В последнем из них на трех элеваторах осталось более 3 тыс. т хлеба, а на токах еще около 25 тыс., не говоря о неугнанном скоте. Адыгейский обком партии не успел предупредить о приближении фронта даже партизанские отряды, как на трех их базах уже были немцы. Хуже, пожалуй, не могло и быть!*

Трудными оказались не только задачи эвакуации, но и размещения в тыловых районах колхозного имущества, техники, прибывающих людей. Партийные, советские органы и все жители проявляли особую заботу о приеме, расселении и трудоустройстве эвакуирован-

* РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 86. Л. 68–70.

ного населения. Главные направления этой чрезвычайно важной социально-политической деятельности были определены постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества»[82]. Все тыловые области, края и республики разделялись на три группы. К первой относились районы Поволжья и Приуралья, ко второй – Урал, Западная Сибирь и Казахстан, к третьей – остальные республики, края и области глубокого тыла.

Опираясь на всемерную инициативу местного населения, руководство этих областей провело огромную, не имевшую аналогов работу по приему эвакуированных. Оперативной стороной дела занимались созданные для этого комиссии, отделы и управления, которые возглавили ответственные работники партийно-советского аппарата. В крупных административных центрах, на узловых железнодорожных станциях постоянно действовали эвакопункты, осуществлялось квалифицированное круглосуточное дежурство. Вопреки нормированному снабжению для вновь прибывших была организована круглосуточная работа столовых, буфетов, продовольственных магазинов. Советские, хозяйственные, торговые организации выделяли необходимые фонды товаров, продуктов питания, денежные средства, транспорт. Работали детские комнаты, медицинские пункты, бани, дегазационные камеры, регистрационные пункты и т.д. Всюду проводилась соответствующая массово-политическая и индивидуальная разъяснительная работа.

Расселение эвакуированных велось с учетом их профессионально-трудовой принадлежности. Сельское население преимущественно направлялось в колхозы, совхозы и МТС. В деревне размещалась и часть прибывших горожан, так как здесь легче решалась проблема обеспечения жильем и продовольствием. В первую очередь эвакуированные направлялись в более крепкие хозяйства. Колхозы и колхозники обеспечивали их жильем, земельными участками, оказывали материальную помощь, снабжали топливом, приобщали к трудовой и общественной жизни. Крестьянство тыловых районов проявляло трогательную заботу о нуждах эвакуированных, особенно о детях: на средства колхозов и общественности открывались дома для детей-сирот, многие брали их на воспитание и усыновляли, создавались фонды помощи больным, инвалидам войны.

И сами эвакуированные не оставались без дела. Они заметно пополнили трудовые ресурсы колхозов и совхозов тыловых районов. Наиболее значительным это пополнение оказалось в многоземельных районах Сибири, ощущавших большую нехватку рабочей силы. Только в колхозах Новосибирской области к концу 1942 г. работало примерно 60 тыс. трудоспособного эвакуированного населения, что составило 22% от общего числа местных трудоспособных колхозников. Они выработали свыше 5 млн трудодней, т.е. в среднем на каж-

дого почти в размере годового обязательного минимума, хотя многие из них трудились лишь несколько месяцев и не имели необходимых навыков. Около 2 тыс. эвакуированных работали счетоводами и бригадирами колхозов, 125 – трактористами, 179 – механиками. В одном только Кемеровском районе в 1941 г. 8 человек были избраны председателями колхозов, многие вошли в состав правлений, исполняли обязанности председателей и секретарей сельских советов[83]. В Казахстане общее число трудоустроенных (из эвакуированных) составило 235414 человек, и большая их часть (64,6%) размещалась в сельской местности. Непосредственно в колхозах работало около 100 тыс. прибывших[84]. Эвакуированные добросовестно трудились в общественном колхозном производстве.

Вместе с украинским колхозом «Здобуток Жовтня» эвакуировался и его председатель Ф.И. Дубковецкий. Поселившись в артели им. Карла Либкнехта Советского района Саратовской области, он работал плотником и бондарем, хлеборобом и кузнецом, оказывая при этом ценную помощь местным крестьянам в лучшей организации общественного производства[85]. В Западно-Казахстанскую область вместе со всей бригадой была эвакуирована знатная трактористка П.Н. Ангелина. Уже в первый год работы в Буденновской МТС Теректинского района бригада выполнила более двух норм, а в 1943 г. ее выработка составила уже три годовых задания. С приездом передовой бригады урожайность зерновых в обслуживаемом колхозе увеличилась вдвое[86].

Среди прибывших в тыл насчитывалось много сельских специалистов, ученых и преподавателей учебных заведений. На восток были переведены аппараты Наркомзема и Наркомата совхозов СССР и РСФСР. В общей сложности (по данным 32 областей, краев и республик) из 5086 эвакуированных специалистов и руководящих работников сельского хозяйства 4845 трудились непосредственно в МТС, в колхозах и земельных органах[87]. Из Москвы в Омскую область выехала Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина, в Алтайский край – Сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева. Сюда же перебазировались Пушкинский и Воронежский сельскохозяйственные институты. Всесоюзный научно-исследовательский институт животноводства разместился в Новосибирской области. Ленинградский сельскохозяйственный институт и Всесоюзный научно-исследовательский институт льна из Торжка Калининской области эвакуировались в Пермскую область. В Казахстан из Москвы переехали институты ветеринарный, землеустроительный и механизации сельского хозяйства, Киевский сельскохозяйственный институт и др.

Всего в тыл было эвакуировано 250 различных вузов[88], которые продолжали готовить кадры для фронта и народного хозяйства. Ученые в области сельскохозяйственных наук активно участвовали

в мобилизации материальных и людских ресурсов деревни на нужды войны.

Таким образом, несмотря на чрезвычайно сложные и непредвиденные условия эвакуации, благодаря массовому патриотизму крестьянства, мобилизующей и организующей роли партии и Советского государства удалось буквально из-под рук врага вырвать многие материальные ценности, миллионы голов скота, крупные запасы продовольствия, эвакуировать миллионы сельского населения. Все это значительно облегчило разрешение продовольственной проблемы, сорвало многие планы захватчиков по использованию ресурсов сельского хозяйства оккупированных районов.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ НА СЕЛЕ

Выдвинутые войной задачи и возникшие крайне критические обстоятельства необычайно усилили мобилизующую и организующую роль партии и всей власти в борьбе за победу. Чтобы выстоять, добиться перелома на фронте, нужно было всюду обеспечить предельное напряжение материальных, физических и духовных сил советского народа.

Несомненную роль в быстрой мобилизации рабочего класса, крестьянства, интеллигенции сыграли первые директивы ЦК ВКП(б), ГКО, правительства, а также разработанная ими программа перестройки всей жизни страны на военный лад. Поднимая народ на священную борьбу, руководство в центре и на местах призывало его понять всю глубину опасности, трезво оценить создавшуюся обстановку, когда речь шла о жизни и смерти Советского государства, о судьбе всего завоеванного и достигнутого. Разъяснялось, какого титанического напряжения сил потребует война. «Мы знаем, – говорилось в газете «Правда» от 24 июня 1941 г., – что враг, напавший на нас, силен. Мы не рассчитываем на легкую победу. Мы знаем, что победа над фашизмом, над чужеземными ордами, вторгшимися в нашу страну, будет трудна и потребует от нас немало жертв»[89]. Это была суровая, но еще далеко не до конца осознанная правда.

В то же время с тревогой говорилось об особой опасности переоценки сил противника, способной породить неверие в свои силы, вызвать растерянность и панику. В передовой от 1 июля «Правда» писала: «Боритесь решительно и беспощадно со всякими дезорганизаторами, с распространителями слухов, сеющими панику. Ведите неустанно разъяснительную работу среди населения. Пусть ваша агитация дойдет до каждого человека, создаст уверенность в каждом. Предупредите всех и каждого против коварных, хитрых приемов врага, сеющего провокационные, ложные слухи»[90]. Долг каждого проводника государственной политики состоял в том, чтобы разоблачать ложь вражеской пропаганды о мифической непобедимости

немецко-фашистской армии, пытавшейся временные неудачи наших войск использовать для подрыва морально-политического духа советского народа.

Горечь потерь в начале войны не всеми была воспринята одинаково мужественно. Трудности и неуверенность создавали почву для возрождения некоторых еще недавних «пережитков» – спекуляции, воровства, стяжательства, рвачества, индивидуализма. Активизировали подрывную деятельность антисоветские и националистические элементы, которых поддерживали гитлеровцы. Опираясь на патриотизм масс, нужно было развить непреклонную волю в борьбе за преодоление трудностей, готовность дать отпор любым провокациям. Надо было привить твердую уверенность в том, что, как бы ни велики оказались утраты, на советской земле врага ждет неминуемая гибель. Решение этих опорных задач легло в основу всей партийно-организационной и массово-политической работы на первом и последующих этапах Великой Отечественной войны.

Мобилизуя народ на превращение страны в единый боевой лагерь, предстояло прежде всего (и мы должны сказать об этом без всяких умолчаний) перестроить деятельность самой партии применительно к условиям и задачам войны. При этом следовало, как подчеркивалось в соответствующих документах, исходить из ленинского указания о том, что в условиях войны она «сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если будет организована наиболее централистическим образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной»[91].

Война безжалостно наказывала даже малейшие проявления недисциплинированности, беспечности, волокиты, нерешительности. С учетом этого нужно было перестроить многие методы деятельности мирного времени. Перестройка касалась и такого принципиального порядка руководящей деятельности, как принцип разумного соотношения демократического централизма и коллективности. В.И. Ленин в письме «Все на борьбу с Деникиным!» указывал в этой связи, что коллегиальность необходима и во время войны. Но всякое ее раздувание, «ведущее к волоките, к безответственности... является величайшим злом»[92]. Он теснейшим образом связывал коллективность руководства с личной ответственностью руководящих работников по проведению в жизнь принимаемых решений, тем более во время войны, когда этот вопрос стоит, как никогда, серьезно[93].

В годы Отечественной войны перманентно решался целый комплекс сложнейших военно-оборонных и хозяйственных задач, причем очень быстро и оперативно. Необычайно поднялась прямая ответственность государственных, партийных и иных органов за работу промышленности, сельского хозяйства, а в связи с этим небывало повысилась персональная ответственность руководящих работников за порученное дело.

Война продиктовала существенные изменения в самом характере и масштабах руководящей роли партии и ее органов в центре и на местах, известную и вынужденную корректировку функций в деятельности партийных, советских и хозяйственных организаций в пользу первых. При этом учитывалось и то, что в рядах партии оказались сосредоточены наиболее опытные, политически подготовленные кадры, прошедшие руководящую школу предшествовавшей мобилизационной деятельности в условиях ограниченной демократии.

Перестройка организационной работы началась с первого же дня войны. Одновременно развернулась и перестройка промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Исходную мобилизующую роль сыграли проведенные в последние дни июня 1941 г. партийные активы, заседания бюро партийных комитетов, собрания первичных организаций, равно как советских и хозяйственных органов всех уровней. Принятые решения представляли собой яркий пример развернувшейся перестройки, исключительной по значению и оперативности исполнения.

24 июня бюро Омского обкома ВКП(б) приняло постановление о неотложных задачах по перестройке политической работы в массах, а также по организации работы промышленности и сельского хозяйства в условиях войны. Внимание всех партийных организаций и коммунистов было обращено на необходимость их исключительной собранности, организованности и мобильности в деле выполнения и перевыполнения государственных заданий. Указав на необходимость усиления военной и иной бдительности, обком потребовал от всех партийных, государственных и общественных организаций обеспечить охрану государственного добра, каждой фабрики, завода, склада, цеха, станка, колхозного и личного имущества граждан[94].

25 июня состоялось совместное заседание Алтайского крайкома партии и крайисполкома, на котором присутствовал секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев. Принятое решение также определило неотложные партийно-политические, хозяйственные и военно-оборонные меры в связи с войной[95]. В тот же день необходимые решения разработали в Азербайджане[96]. Аналогичные постановления с учетом местных задач были приняты во всех областях, краях и республиках. Они оперативно вводили в курс событий, давали четкую ориентировку всем звеньям партийно-советского аппарата, легли в основу соответствующих решений партийных и советских организаций как в городе, так и в деревне.

27 июня состоялось собрание партийного актива Любимского района Ярославской области, на котором присутствовало 195 человек, в том числе 46 секретарей сельских первичных организаций. «Собрание требует от каждого коммуниста, – говорилось в принятом постановлении, – проявлять наиболее высокую бдительность, организованность и железную дисциплину, воспитывать в этом же духе

всех трудящихся; вести беспощадную борьбу со всеми, кто в это напряженное время пытается нарушить дисциплину, внести элементы паники, рассматривая их как врагов Советской власти». Строго и, конечно, с привычным перехватом, но не двусмысленно. Постановление намечало неотложные меры по усилению агитационно-массовой работы среди населения, расстановке коммунистов, по организации уборки урожая, привлечению женщин на руководящие и хозяйственные должности в организациях, учреждениях, на предприятиях и в колхозах.

Партактив Петровского района той же области в решении от 27 июня записал: «Считать районную партийную организацию мобилизованной для выполнения любых заданий, связанных с обороноспособностью нашей страны, и требовать от каждого коммуниста, на каком бы участке он ни работал, четкой, самоотверженной работы, железной воинской дисциплины в выполнении всех заданий правительства в срок... Каждая партийная организация должна добиться того, чтобы коммунисты и комсомольцы все свое свободное от производственной работы время отдавали в распоряжение партийных организаций по выполнению поручений, связанных с охраной и обороной страны»[97].

Партийные организации превратились в оперативные боевые штабы. Они круглые сутки занимались такими неотложными вопросами, как проведение мобилизации на фронт, прием эвакуированного населения и материальных ценностей, организация всевобуча, охрана государственного и колхозного имущества, формирование воинских соединений, мобилизация транспорта для нужд армии, руководство строительством оборонительных рубежей, созданием народного ополчения, сбором теплых вещей и т.д. Все это подкреплялось необходимым организаторским и массово-политическим обеспечением.

Неизмеримо возросла роль бюро партийных комитетов, а вместе с этим и исполнительных структур советских органов. Будучи коллективными руководящими звеньями (но более узкого состава, чем, например, пленумы и сессии), состоящими из работников, несших персональную ответственность за определенный участок, они почти полностью возложили на себя оперативное руководство всей хозяйственной и военно-оборонной деятельностью. Как никогда возросла определяющая роль бюро областных, краевых и республиканских комитетов партии и их секретариатов, деятельность которых основывалась на прямых указаниях ЦК ВКП(б) и ГКО. Это способствовало преодолению межведомственных барьеров, более полному и комплексному использованию местных ресурсов. В сельских районах заметно оживилась роль райкомов ВКП(б). Их работники, особенно до создания политотделов МТС и совхозов и в связи с резким сокращением численности первичных организаций в колхозах, стали

много больше заниматься организаторской работой непосредственно на местах.

Уход в действующую армию большинства коммунистов привел к резкому сокращению численности партийных организаций тыла. В связи с этим стало необходимым рациональное перераспределение оставшихся сил, пополнение рядов партийных и комсомольских организаций путем приема новых членов. Наиболее остро эта задача встала перед сельскими организациями. Помимо военных призывов, которые на селе практически не ограничивались бронированием, значительная часть коммунистов и комсомольцев колхозов была мобилизована в оборонную промышленность и на транспорт. В отрасли прямого военно-оборонного производства были направлены и прибывшие по эвакуации члены ВКП(б). А так как сельские парторганизации по своему численному составу и прежде были сравнительно небольшими, то массовые мобилизации неизбежно повлекли за собой резкое сокращение их сети в деревне.

В целом к началу 1942 г. число сельских коммунистов сократилось до 294 тыс. против 623,4 тыс. на 1 января 1941 г., т.е. более чем в 2 раза. Более чем вдвое уменьшилась численность коммунистов и в промышленности, но сеть первичных организаций здесь сократилась только на 10%, тогда как в сельском хозяйстве она уменьшилась на 48% (с 62 300 парторганизаций до 38 804). Что касается колхозных организаций, то из 150 тыс. сельхозартелей тыловых районов они остались только в 19 тыс.[98].

В Алтайском крае число колхозных парторганизаций за год войны уменьшилось почти наполовину, в Новосибирской области – с 230 до 133, в Омской – со 163 до 102[99]. Всего в колхозах Западной Сибири к лету 1942 г. осталось немногим более половины первичных организаций. Столь же существенные изменения в численности партийных первичек произошли в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке: на 1 января 1942 г. в колхозах Читинской области их насчитывалось только 79, в Иркутской – 98, в Приморском крае – 100, в Красноярском (на 1 июля 1942 г.) – 108[100].

Резкое сокращение численности парторганизаций произошло и в таком важном сельскохозяйственном районе, как Поволжье. В Горьковской области в 1942 г. они имелись только в 214 колхозах из 5470, в Татарии – в 415 из 4064, в Чувашии – в 66 из 1673, в Ярославской области – в 74 из 3600[101]. В большинстве сельских районов осталось не более 3–5 колхозных парторганизаций, а в ряде районов их вовсе не стало. Не было первичных парторганизаций, например, в колхозах Кзыл-Юлдузского, Таканышского, Щугуровского районов Татарии, а в Бугульминском, Куйбышевском, Челнинском районах республики осталось лишь по одной колхозной первичке[102].

Сократилась численность и более крупных по своему составу организаций при МТС, сельсоветах, совхозах и сельских учреждениях,

в которые входила и часть колхозных коммунистов. Оставшиеся парторганизации в абсолютном большинстве случаев стали малочисленны, многие из них объединяли 3–5 человек. Возросла численность так называемых коммунистов-одиночек, т.е. тех членов партии, которые не входили в первичные организации из-за их отсутствия. В Красноярском крае на 1 июля 1942 г. насчитывалось 2020 таких коммунистов. В Свердловской области, Татарской АССР, Казахстане число единичных коммунистов стало в 2 раза больше, чем до войны, а в Свердловской области – в 4 раза[103]. Уменьшилась и сеть комсомольских организаций на селе.

Сокращение сети партийных и комсомольских организаций, как и общей численности их членов, могло привести к ослаблению не только массовой работы в деревне, но и руководства сельским хозяйством в целом. Нужно было принять соответствующие неотложные меры. Ощутимую помощь сельским коммунистам оказали партийные организации городов. Уже летом и осенью 1941 г. на руководящую работу в колхозы были направлены тысячи коммунистов из районных и областных центров. В Новосибирской области на село выехали 1043 коммуниста, в Омской – 686, в Алтайском крае – более 1 тыс. Всего только на постоянную работу в колхозы Западной Сибири во второй половине 1941 г. было командировано почти 2800 коммунистов и несколько сот комсомольцев[104]. Посланцы рабочего класса проводили не только хозяйственную, но и организационную и массово-политическую работу. С их помощью сплачивался новый сельский актив, а следовательно, и создавались условия для восполнения его рядов. В ряде мест были организованы партийно-комсомольские группы. Путем объединения коммунистов-одиночек при сельсоветах, МТС и учреждениях создавались территориальные партийные организации, ставшие основным типом первичных организаций на селе.

Оживлению партийно-политической работы на селе способствовали, как уже отмечалось выше, созданные политотделы при МТС и совхозах. Первостепенное значение в их деятельности, особенно в первые месяцы, имело вовлечение в партию новых членов, восстановление сети партийных организаций, сплочение колхозного актива. Уже с начала 1942 г. в основном было приостановлено дальнейшее сокращение численности коммунистов, стала увеличиваться сеть первичных организаций в колхозах и МТС. Об этом поступали сообщения из Московской области и Сибири, Азербайджана и Туркмении, из Казахстана, Поволжья, Урала и других регионов. В Алтайском крае к ноябрю 1942 г. появилось 136 новых партийных организаций; на 112 организаций увеличилась партийная сеть в сельских районах Омской области[105]. В Туркмении число колхозных парторганизаций в 1942 г. возросло с 298 до 334; политотделы Узбекистана создали тогда же 123 новые организации, приняв в свои ряды

1242 человека. В Казахстане в партию вступили 2093 колхозника[106]. В Челябинской области к июлю 1942 г. сельские парторганизации приняли 779 новых членов и 1086 кандидатов в члены ВКП (б)[107].

Всего к концу 1942 г. численность сельских коммунистов составила уже 280 тыс. против 294 тыс. на начало года. При той необычайной текучести кадров, особенно в связи с военными призывами, их число в деревне при возросшем пополнении уменьшилось за год всего на 5%, тогда как только во втором полугодии 1941 г. это уменьшение составляло 57%. Сокращение партийных организаций было приостановлено почти повсеместно: к концу 1942 г. в сельском хозяйстве их насчитывалось 38 тыс., или примерно столько же, сколько на его начало[108], в январе 1944 г. их стало уже более 45 тыс., а к окончанию войны сеть партийных организаций на селе и численность коммунистов практически вышли на предвоенный уровень[109]. Они росли и крепли за счет лучших людей деревни. В 1919 г. В.И. Ленин подчеркивал, что в условиях войны, когда на членов партии ложится более тяжелая, чем обычно, и более опасная работа, в партию пойдут «только искренние сторонники коммунизма, только добросовестно преданные рабочему государству, только честные труженики...»[110]. Во время Великой Отечественной войны колхозное крестьянство находилось в единении со своей партией, тысячи лучших представителей пополняли ее ряды.

В Казахстане только в 1943 г. в числе вступивших в партию кандидатами было 435 председателей колхозов, 505 заведующих фермами, 628 колхозных бригадиров, 258 трактористов, 61 комбайнер, а всего 1887 колхозников ведущих профессий, что составляло более трети общего состава принятых в партийные ряды колхозников[111]. В Киргизии за 1941–1942 гг. сельские партийные организации пополнились 157 председателями колхозов, 85 заведующими фермами, 146 бригадирами-полеводами и животноводами, 111 трактористами, 25 комбайнерами, 100 специалистами сельского хозяйства и 159 рабочими МТС и совхозов[112]. В Бурятии, которая многократно уступала по численности населения названным союзным республикам, особенно Казахской ССР, в 1942 г. в ВКП(б) вступили 75 председателей колхозов, 65 заведующих фермами, 46 бригадиров тракторных и полеводческих бригад, 28 трактористов и комбайнеров[113].

Эти примеры касались не только трех республик страны. Так было и в самых отдаленных национальных районах азиатской части СССР, и в близких к фронту европейских областях и республиках. «В такое исключительно грозное время, когда наш народ, не жалея жизни, борется за свою свободу и независимость, не быть в рядах коммунистической партии считаю немыслимым», – писал в партийную организацию бригадир тракторной бригады Атяшевской МТС Мордовской АССР А.А. Сорокин[114]. «В грозные дни войны я хочу вступить в члены ВКП (б), по зову партии готов встать на защиту Ро-

дины с оружием в руках. Буду драться с врагом до последней капли крови» – говорилось в заявлении председателя колхоза «Новая жизнь» Верховажского района Вологодской области[115]. Подобные заявления-клятвы бесконечны. Не они ли – свидетельства необычайной стойкости их авторов опять же роковых 90-х годов минувшего XX века!

В 1942 г. в Красноярском крае в партию вступили 448 крестьян. В их числе В.Я. Матвеева – колхозница сельхозартели им. XVII партсъезда Дзержинского района, награжденная медалью «За трудовую доблесть»; П.А. Закутан – бригадир тракторного отряда Каратузской МТС того же района, удостоенный медали «За трудовую доблесть»; Т.М. Андреева – бригадир полеводческой бригады колхоза «Заря коммунизма» Краснотуранского района, кавалер ордена Ленина и многие другие. В ряды ВКП(б) были приняты председатели колхозов П.И. Клыков (колхоз «Красный пахарь» Шенкурского района Архангельской области), В.М. Титов («Заветы Ленина» Беломорского района Карелии), И.В. Малявин (колхоз «Социализм» Ростовского района Ярославской области), А.М. Блинов (колхоз им. XVII партсъезда Иркутского района Иркутской области), Зайнап Шакирова (колхоз «Венеция» Дюртюлинского района Башкирской АССР). В известном ярославском колхозе «Горшиха» в годы войны коммунистами стали председатель И.И. Абросимов, его заместитель А.Ф. Щукина, зоотехник М.И. Скорнякова, агроном М.А. Коробова.

В январе 1942 г. в возрасте 22 лет в партию была принята Д.М. Гармаш. Получая в Рыбновском райкоме Рязанской области кандидатскую карточку, она сказала: «Отныне всю свою жизнь, все силы отдам своей партии, своей Родине, своему народу». И это чувство огромной преданности, вспоминала позднее прославленная трактористка, «давало ощущение той новой, огромной силы, что зажглась во мне. Это чувство и эта новая сила дали мне ту энергию, ту решимость и стойкость, которые потребовались от меня в тяжелые годы войны»[116]. Как и тысячи других патриотов колхозной деревни, Д.М. Гармаш доблестно трудилась во имя победы. И все подобные ей до конца своих дней остались верными однажды избранному.

Быстро пополнялись ряды сельского комсомола. Так, с октября 1941 г. по сентябрь 1942 г. в Московской области появились 1002 новые колхозные организации ВЛКСМ. К марту 1942 г. в Алтайском крае стали функционировать 860 новых комсомольских первичек[117]. В Западной Сибири в целом в 1942 г. было создано и восстановлено почти 2 тыс. сельских комсомольских организаций. Уже к лету эти молодежные организации имелись в большинстве хозяйств. На 1 июля 1942 г. в Западной Сибири и Красноярском крае на 16 358 сельхозартелей приходилось 11 625 колхозных комсомольских организаций, в которых состояло 76 557 юношей и девушек, в том числе 57 067 комсомольцев-колхозников[118]. Всего за годы войны сельский

комсомол принял в свои ряды около 2 млн человек. Только в 1943–1945 гг. в деревне было создано 70 920 новых первичных комсомольских организаций[119].

К концу 1942 г. организации ВЛКСМ имелись примерно в 70–75% колхозов, тогда как колхозные партийные организации – не более чем в 15–20% хозяйств (на начало 1942 г. только в 12,5% сельхозартелей были свои организации ВКП(б)). Укрепление рядов сельского комсомола в значительной степени объяснило возросшую роль молодежи в самом общественном производстве. Более ощутимой она стала прежде всего в тех хозяйствах, в которых не было первичных партийных организаций. Здесь комсомольцы зачастую становились вожаками всех колхозников: вникали в детали производства, руководили агитационно-массовой работой, выступали организаторами патриотических дел, становились непосредственными политическими исполнителями решений сельских территориальных парторганизаций, политотделов, райкомов. В 1942 г. на приеме передовых комсомольцев-колхозников М.И. Калинин говорил: «На селе сейчас нет организации более крупной, чем комсомольские организации... Вы, комсомольцы-колхозники, несете серьезную ответственность за наше сельское хозяйство»[120].

Перестройка партийно-организационной работы, принятые меры по укреплению партийных и комсомольских организаций создали благоприятные условия для активизации всей общественно-политической жизни на селе, полного ее подчинения народной задаче отпора и разгрома фашистских захватчиков. Это вытекало из самой логики всеобщих устремлений, всего стержня и социально-политического строения, воспринятого народом нового общества, из той осознанной жертвенности и необходимости, которые уже во многом оставались позади, а открывавшийся, как казалось, их решающий перевал, связываемый с Победой, представлялся самим историческим и патриотическим предзнаменованием для Великой советской Евразии.

Свою возросшую государственно-общественную роль в мобилизации колхозного крестьянства на оказание максимальной помощи фронту стали играть Советы депутатов трудящихся. Являясь прямыми носителями государственной власти на местах, они представляли самую многочисленную и разветвленную политическую организацию в деревне, имели большой народный авторитет. Их территориально-организационная структура хотя и претерпела существенные изменения, но в основном и в годы войны оставалась неизменной. Несмотря на резкое сокращение и обновление актива, на всем ее протяжении Советы постоянно и успешно опирались на него в осуществлении их многоликой массовой деятельности.

Наибольшие коррективы в работе Советов и их статусе произошли в прифронтовой зоне. В первый же день войны в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР в объявленных на во-

енном положении районах все чрезвычайные функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности передавались именно военным Советам фронтов, армий, военных округов, а там, где их не было, – командованию войсковых соединений[121]. Но это вовсе не снижало ответственности местных Советов. Им вменялось в обязанность оказывать всемерное содействие военному командованию, предоставлять в его распоряжение все необходимые средства, находившиеся в их ведении. Это еще больше поднимало и личную ответственность советских граждан в выполнении законов и распоряжений военного времени.

Военное командование получило законное право принимать постановления, подлежащие беспрекословному исполнению населением и всеми организациями. Во исполнение этих постановлений исполкомы Советов издавали свои решения в целях проведения соответствующих мер. Конкретная практика военного времени ярко свидетельствует о том, что взаимодействие военных и гражданских властей фронтовых и прифронтовых областей всюду характеризовалось дружной и согласованной работой по осуществлению общей для них задачи – обеспечения строжайшего порядка, максимальной организованности и мобилизованности. С удалением линии фронта деятельность военного командования заметно сужалась. В тыловых же районах местные Советы как органы государственной власти действовали в соответствии со своими конституционными и чрезвычайными полномочиями.

В связи с этим произошли существенные изменения в характере, формах и методах деятельности Советов, а частично и в их структуре. М.И. Калинин, характеризуя функции Советов и условия их работы в военное время, говорил: «Война подвергла жестокому испытанию не только отдельных людей, но и весь государственный организм в целом – его учреждения, предприятия, организации и в особенности Советы как местные органы государственной власти, задачи которых универсальны»[122]. Советы лишились большинства квалифицированных работников, депутатов, членов постоянных комиссий, многих прежних активистов. Большинство из них ушли на фронт, сражались в партизанских отрядах, руководили подпольем, были переведены на работу в партийные органы, в оборонную промышленность, выбыли по эвакуации.

Только в рядах Красной Армии сражалось 54,1% председателей исполкомов Советов, 37,4% их заместителей и 43% секретарей исполкомов[123]. Многие из них погибли на фронтах. А всего Советы лишились 79% наиболее квалифицированных руководящих работников[124]. В Тамбовской области в 1943 г. на фронт ушли 452 из 660 председателей и секретарей сельских Советов, или 77,5%[125]. В 1941–1942 гг. в Курской области было мобилизовано около 2 тыс. низовых

советских работников[126]. В Татарии на 1 января 1943 г. в 189 сельских Советах не осталось ни одного из числа избранных до войны членов исполкомов[127].

Аналогичные изменения произошли и в составе депутатов. Уже к декабрю 1942 г. в сельских Советах тыловых районов РСФСР оставалось в среднем 44% депутатского состава[128]. В сельсоветах Татарской АССР к январю 1945 г. имелось 8803 депутата, или 39,5% их довоенного числа[129]. В Сибири за время войны сократилось до 60% депутатов сельсоветов. Да и в целом на 1 января 1945 г. на учете местных Советов состояла лишь треть довоенного числа депутатов[130]. На селе уменьшилось число депутатов-коммунистов: в Татарии – с 7280 до 3100[131], в Воронежской области – с 720 до 582[132].

Поэтому повсеместно, по мере того как выбывали советские работники и депутаты Советов, была развернута работа по их замене. В первую очередь это касалось выдвижения нового пополнения на должности председателей, заместителей и секретарей Советов, ибо без них исполкомы вообще функционировать не могли. В Куйбышевской области только в 1943 г. на работу вновь пришли 344 председателя и 238 секретарей сельских Советов, а также 50 новых заместителей председателей райисполкомов; 132 сельских Совета возглавили здесь женщины – 22% их общего числа. Нередко исполкомы сельсоветов приходилось формировать не из числа депутатов. Так, в Татарской АССР на начало 1943 г. более половины всех председателей исполкомов местных Советов, преимущественно на селе, и более двух третей секретарей исполкомов не были депутатами[133].

Отклонение от конституционного порядка в формировании местных распорядительных органов диктовалось той чрезвычайной обстановкой. Но оно позволяло сохранить в неизменном виде практически всю прежнюю сеть и структуру низовых органов власти, что было особенно важно в связи с резким сокращением сети и состава партийных организаций. Более того, именно при сельсоветах в их территориальных парторганизациях группировалась основная часть сельских коммунистов. В Татарии, например, в 1943 г. из 4298 работников местных Советов 1585 были коммунистами, 727 – комсомольцами. В Саратовской области в 1944 г. из 2429 исполкомовцев 1208 являлись членами ВКП(б), 647 – ВЛКСМ[134].

Поэтому в той конкретной обстановке на селе, когда произошло резкое сокращение партийных, а поначалу и комсомольских организаций в колхозах, совхозах и МТС, на сельсовете сходились, в сущности, все нити государственного, хозяйственного, общественного воздействия и партийного влияния. Председатели сельсоветов зачастую одновременно становились секретарями первичных территориальных парторганизаций, а то и председателями колхозов. В сельсоветы, как в исходную инстанцию, направлялись для исполнения постановления и распоряжения всех районных, областных и центральных

организаций. Этим в определенной мере объяснялась широко распространенная в годы войны практика принятия совместных постановлений вышестоящих партийных и советских органов.

При сельсоветах проводились кустовые собрания крестьян и сельского актива, зачастую заменявшие собой депутатские сессии. Здесь же создавались агитколлективы, оборонные, спортивно-массовые объединения и кружки художественной самодеятельности. В отдаленных районах один лишь сельсовет имел телефонную связь с районным центром, и отсюда, как правило, распространялась вся экстренная информация, поступавшая из района и области. Так сама конкретная обстановка военных лет сделала сельсоветы центром не только государственной, но и партийно-политической работы среди сельского населения. Если для вышестоящих партийных органов было характерно усиление их хозяйственно-распорядительной деятельности, то в реальной практике работы сельских Советов, наоборот, все больше проявлялся ее партийно-политический аспект.

Что же касается универсальности Советов, о которой говорил М.И. Калинин, то она действительно стала необычной. Война не сняла с них ни одной из прежних обязанностей, зато значительно усложнила их исполнение. Они занимались практическим решением многочисленных хозяйственных и иных проблем: заботились о просвещении и здравоохранении, об организации торговли и общественного питания, о поддержании дорожного, жилищного и коммунального хозяйства и т.п. Однако к прежним делам прибавилось много новых. На первый план с первого же дня войны выдвинулась военно-организаторская деятельность: проведение всеобщей мобилизации, материальное обеспечение воинских формирований, организация всевобуча, оборонительного строительства, внедрение в жизнь военного законодательства, военной дисциплины, порядка и организованности и т.п.

Одни из задач были присущи деятельности Советов на первоначальном этапе войны: перестройка экономики на военный лад, эвакуация, перераспределение трудовых и материальных ресурсов и т.д.; другие – больше характеризовали их работу на заключительном этапе войны: организация восстановительных работ и оказание помощи населению освобождаемых районов, проведение конверсии, реэвакуации и т.д. Но от начала и до конца войны Советы активно боролись за разрешение продовольственной и сырьевой проблемы, за максимальную мобилизацию оставшихся материальных и трудовых ресурсов. Они привлекали к сельскохозяйственному труду городское население, оказывали помощь рабочему классу. Огромный размах приобрела деятельность по организации сбора теплых вещей, ценностей, денежных средств для Красной Армии и в фонд обороны, по оказанию помощи раненым бойцам, инвалидам войны, детям-сиротам, семьям военнослужащих и т.д.

Необычайный диапазон организаторской, общественно-политической и массово-разъяснительной деятельности при одновременном сокращении аппарата мог быть осуществлен лишь при необычайном повышении социально-политической активности всего сельского населения. К выполнению военно-оборонных, хозяйственных, культурно-просветительных задач подключились всевозможные постоянно действующие комиссии Советов, которые возглавили оставшиеся депутаты. По неполным данным, к концу 1944 г. при местных властных органах страны насчитывалось 276 тыс. постоянных комиссий, в работе которых участвовали 1 569 316 депутатов и активистов[135]. Опираясь на эту действительно огромную силу, Советы депутатов трудящихся успешно осуществляли свои государственные и общественно-политические функции.

Перестройка партийно-организационной работы, принятые меры по укреплению партийных и комсомольских организаций, активизация деятельности местных Советов и повышение всей общественной и иной активности сельского населения создали благоприятные возможности и условия для развертывания массово-разъяснительной работы в деревне. С первых же дней войны были определены и главные направления политической пропаганды, агитации, идеологической работы в целом. Их конкретизация в дальнейшем зависела от обстановки на фронте и в тылу. В соответствии с этим определялись и корректировались их формы и методы.

Сердцевину массово-политической деятельности составляло всемерное укрепление морально-политического единства советского народа, мобилизация его духовного потенциала на оказание максимальной помощи фронту под лозунгом: «Все для фронта, все для победы!». Это определяло органическое единство воспитательной и всей организаторской работы. Глубочайшая осознанность происходивших событий и личной ответственности каждым человеком за исход войны порождала беспримерный общенародный героизм. При этом важно подчеркнуть, что массовая героика по мере того, как развивались важнейшие события обнадеживающего характера, все очевиднее перемещалась из сферы политического воздействия и проявления в массах в область глубинного психологического осознания и даже интуиции, не имевшей альтернативы.

Важная роль в печатной пропаганде на селе отводилась районным газетам. Несмотря на сокращение тиражей, периодичности выхода и объема, недостаток журналистских кадров, они успешно доносили до тружеников села нужное слово из Москвы, основные вести с фронта, из тыла. В первые военные месяцы сельские газеты выполняли как бы двойную роль. Будучи органами местных партийных и советских органов, они несли значительный объем местной информации из жизни своих колхозов, совхозов, МТС. Но наряду с этим районная печать чаще, чем прежде, стала помещать многочислен-

ные перепечатки и извлечения из центральных газет, иногда и в ущерб местному материалу.

Подобное стало повсеместным и на первых порах даже не относилось к числу отрицательных, так как вызывалось необходимостью более широкого распространения авторитетных сообщений центральной прессы. Позднее, когда вся печать лучше определилась со своими новыми задачами и были приняты дополнительные меры по распространению публикаций центральных газет через многочисленные витрины, с помощью коллективного радиослушания, телефонной связи, активизации работы культурно-просветительных учреждений, устной пропаганды, необходимость в постоянных перепечатках отпала, ибо увлечение ими вело к ослаблению роли районных газет с их специфическими функциями.

В марте 1942 г. было принято специальное постановление ЦК ВКП(б), которое разъясняло, что районные газеты должны на конкретных примерах из местной практики «учить, политически воспитывать массы и организовывать их на разрешение стоящих перед районом задач» [136]. Далее говорилось, что местная пресса – важный центр политической работы среди сельского населения. Соразмерные задачи выдвигались и перед областными газетами. В апреле 1942 г. последовало постановление ЦК ВКП(б) о газете «Тамбовская правда», которая неудовлетворительно освещала подготовку колхозов, совхозов и МТС к весеннему севу[137]. Партийным комитетам и редакциям газет предписывалось систематически пропагандировать такие злободневные вопросы, как организационно-хозяйственное состояние колхозов и организация их труда в условиях войны, укрепление трудовой дисциплины и оплаты труда, организация соревнования на селе и укрепление связи редакций с сельскими корреспондентами.

Опираясь на оказанную помощь, местные газеты быстро устранили недостатки и перестроили свою работу. Освободившись от излишних перепечаток, пополнив состав редакций и авторский актив, они успешно стали выполнять роль боевых пропагандистов и коллективных организаторов масс. Газета «Победа» Нагорьевского района Ярославской области постоянно, например, нацеливала земляков-крестьян на самоотверженный труд. 1 апреля 1942 г. в статье «Боевые задачи сельских комсомольцев» говорилось о том, что там, где не стало первичных партийных организаций, решающее значение приобретают комсомольские организации, которые должны занять авангардную роль, быть организаторами всех колхозных масс. 3 апреля газета призывала уже усилить агитационную работу в связи с предстоящим севом. 10 апреля она подвергла критике Нагорьевскую МТС, отставшую с ремонтом тракторов, 12 апреля – опубликовала призыв колхозников артели им. Я.М. Свердлова Буйского района напрячь все силы на быстрейшее проведение сева, 24 апреля –

статью о значении трудовой книжки колхозника... Районка последовательно, один за другим поднимала вопросы подготовки к севу.

Боевым органом выступала газета «Красная звезда» Кытмановского района Алтайского края. В подготовке ее материалов участвовал широкий актив селькоров. Каждая статья была пронизана мыслью о том, как быстрее убрать урожай, досрочно выполнить план хлебозаготовок и помочь Красной Армии громить врага. Газета регулярно помещала передовицы, написанные на самые злободневные темы: о ходе весеннего сева, заготовке кормов, уборке урожая, вспашке зяби, о задачах агитаторов в проведении всех этих кампаний. Доблестному труду колхозников посвящались целые полосы. «Красная звезда» печатала военные корреспонденции, рассказы о героических подвигах воинов-алтайцев, переписку с земляками-фронтовиками. Тема патриотизма и любви к Родине противопоставлялась ненависти к фашизму, его звериному облику.

Повсеместное распространение получила стенная печать. Всевозможные ее формы ввиду трудностей с подпиской газет и вместе с тем вследствие возросшей потребности в систематической информации стали использоваться как никогда раньше. Помимо обычных стенных выпусков, наибольшее распространение получили «боевые листки», ставшие интенсивным средством воздействия печатного слова на массы. Широко использовались и такие средства пропаганды, как доски показателей, различные витрины с вырезками и перепечатками из центральных газет, обращения, «молнии», плакаты, лозунги, призывы и т.п. Они вывешивались на самых людных местах: при въездах в село, на площадях, в агитпунктах, в сельсоветах, избах-читальнях, клубах, на полевых станах, переносных витринах. Стенная печать служила оперативным подспорьем агитаторам. Она как в фокусе концентрировала и органически соединяла в единое целое все главные составные части политической работы в массах – оперативную пропаганду, широчайшую агитацию и эффективную организующую роль.

С каждым месяцем войны нарастало значение устной пропаганды и агитации, роль живого, правдивого слова. Война необычайно повысила общественно-политическую активность миллионных масс и вместе с тем создала небывалые трудности во всех сферах жизни и труда. У людей ежедневно появлялись всевозможные вопросы, они нуждались в постоянных советах, поддержке. Нередко даже бодрое слово не достигало цели, а суровый правдивый рассказ вызывал неукротимую страсть к победе, лютую ненависть к врагу. Все это выдвигало устную пропаганду на первый план во всей системе массово-политической работы.

28 сентября 1942 г. в речи на совещании секретарей обкомов комсомола по пропаганде М.И. Калинин говорил: «Если бы мы пришли на колхозное собрание какого-либо большого села и там выступили

бы с речью, пересыпанной веселыми вставками, анекдотами или напыщенной, то два года тому назад эту речь, может быть, и встретили бы с удовольствием, посмеялись бы, поаплодировали, народ остался бы и доволен. А можно ли сейчас выступить с такой речью? Конечно, нельзя»[138]. Население выполняло тяжелейшую работу, удовлетворение его потребностей было сильно ограниченным. Многие теряли близких. Поэтому риторика, громкие фразы, наставления, тем более поучения стали менее эффективны и даже вредны. Люди не нуждались в высокопарных словах агитатора и репортера. Лучшей похвалой для них стало правдивое описание их поступков, трудностей.

Все это обусловило перестройку устной пропаганды и агитации не только в связи с возросшей оперативной массовостью, но и в связи с иными требованиями к их формам, методам и организации. Районные и партийные кабинеты были преобразованы в агитпункты, которые возглавили организацию и постановку агитационной работы с учетом новых требований. Непосредственно на селе агитпункты были открыты при сельсоветах, клубах и избах-читальнях, на базе которых работали первичные агитколлективы. Это, в свою очередь, вызвало изменения в характере деятельности сельских клубов, изб-читален, Домов культуры. Деятельность многих из них быстро вышла за рамки обычного культурного просветительства и стала играть роль организующего начала во всей массово-политической работе на селе.

В начале войны число изб-читален сильно сократилось, тем не менее в 1942 г. в Российской Федерации их уже насчитывалось 29 тыс., а в 1944 г. – почти 37 тыс. К концу войны в РСФСР работало 2240 районных Домов культуры, 41 тыс. сельских клубов и изб-читален[139]. Всего к тому времени в стране имелось 94,3 тыс. различных клубных учреждений, в том числе 87,9 тыс. в сельской местности[140]. В среднем на территории одного сельсовета работало в среднем по два-три и более кустовых или колхозных политпросветучреждения. В 68 сельских районах Московской области действовало, например, 27 Домов культуры, 65 клубов, 603 библиотеки, 19 музеев и 1772 избы-читальни[141]. В Ярославской области к концу 1942 г. насчитывалось 788 изб-читален и клубов[142]. В Среднем и Нижнем Поволжье еще в начале войны имелось 300 сельских клубов и 6843 избы-читальни[143].

Насколько значительной стала роль сельских культурно-просветительных учреждений можно видеть на примере Воробьевской избы-читальни Жигаловского района Иркутской области. Ее работой руководил совет во главе с избачом Рудных, вокруг которого группировался многочисленный коллектив агитаторов-активистов. Деятельность совета полностью подчинялась производственной и политической жизни артели, повышению трудовой активности кол-

хозников. На каждый период сельскохозяйственных работ он вместе с правлением колхоза составлял план агитационной деятельности с использованием разнообразных средств устной и наглядной агитации.

Во время уборки, например, соответствующим образом оборудовались полевые станы: вывешивались картины, Доски почета, призывные лозунги, стенды для производственных показателей. Агитаторы ежедневно проводили политинформации о событиях на фронте, читки газет, художественной литературы, выпускали боевые листки. Каждое утро они записывали изложение сводки Совинформбюро и немедленно извещали о них колхозников. О наиболее важных событиях сообщалось в плакатах, которые вывешивались на полевых станах, на перекрестках дорог, при въезде в село и в других людных местах. Каждый раз таким способом односельчане получали информацию об освобождении советских городов. В такие дни особенно высок был трудовой подъем колхозников. В летнее время политбеседы и читки агитаторов ежедневно слушали 300–450 колхозников. Прямо в поле с помощью собранного активистами приемника организовывалось коллективное радиослушание.

Совет и агитаторы изб-читален находились на переднем крае всех уборочных работ. Не хватало рабочей силы – привлекали на помощьдомохозяек, задерживался обмолот хлеба – организовывали ночные молодежные молотильные бригады. И так было во всем. В начале жатвы допускались потери зерна. Агитаторы подсчитали, сколько колосков оставалось на квадратном метре уборочной площади, и выпустили специальный боевой листок. В нем сообщалось: «Вязальщицы 1-й бригады оставляют в среднем на 1 кв. м 15–17 колосьев, это примерно 15–17 граммов. В среднем на гектаре остается до 1,5 центнера зерна. В нашем колхозе 563 га. В этом случае потери составляют 844 центнера. Этого хлеба хватило бы на день, чтобы прокормить 200 тысяч человек. Если этот хлеб будет собран, то колхозники дополнительно получат на трудодень по 2 кг 815 г хлеба». Вечером вопрос о борьбе с потерями обсудили уже все бригады, а утром для сбора колосков были выделены по две колхозницы.

По предложению совета избы-читальни правление установило звание передового жнеца и вязальщицы с вручением премии, а агитаторы развернули соревнование. Лучший машинист Хохряков убрал на жатке 80,4 га зерновых и занял первое место. Агитаторы избы-читальни повесили на воротах его дома Доску почета, которая гласила: «Здесь живет стахановец уборки Хохряков». В артели не стало ни одного колхозника, который бы не выработал установленного для него повышенного минимума трудодней. Преодолевая трудности, колхоз успешно справлялся со всеми хозяйственными задачами. И в этом немалая заслуга принадлежала совету избы-читальни и его активу[144].

Небывалый размах устной агитации потребовал приобщения сотен тысяч активистов, и общее число агитаторов стремительно возросло в несколько раз. Если до войны в Горьковской области насчитывалось 20 тыс. агитаторов, то к началу 1942 г. их стало более 40 тыс., а к ноябрю 1942 г. – 60 тыс.[145]. Всего в областях и республиках Поволжья в 1942–1943 гг., по приблизительным подсчетам, было 200 тыс. агитаторов. Не менее 300 тыс. агитаторов работало в те же годы в Сибири и на Дальнем Востоке, в том числе в Алтайском крае – до 50 тыс., в Красноярском – до 32 тыс.[146]. В целом по стране в 1943 г. число агитаторов достигло 900 тыс.[147].

Чтобы иметь более реальное представление о размахе их массовой работы, недостаточно знать одно число официально утвержденных агитаторов. Разъяснительную работу среди населения вели десятки тысяч коммунистов, комсомольцев и беспартийных, часто и не значившихся в официальных списках агитаторов. Партийные и комсомольские организации требовали от всех своих членов непосредственного и каждодневного участия в политическом общении с людьми. Типична в этом отношении постановка вопроса на VI пленуме Новосибирского обкома ВКП(б), состоявшемся в январе 1942 г. Пленум потребовал, чтобы каждый коммунист независимо от должности стал агитатором, пропагандистом и организатором на производстве, на улице, в быту. Пленум призвал чаще заглядывать в столовые, магазины, на вокзалы, в дома колхозников, детские учреждения, бывать в очередях и других местах, где затрагивались жизненные интересы трудящихся, принимать необходимые меры по пресечению нездоровых настроений, бюрократизма и невнимательного отношения к нуждам и запросам населения, вести агитационно-разъяснительную работу[148].

В ходе перестройки преодолевалась и недооценка повседневной массово-политической деятельности со ссылками на и без того высокую сознательность населения. Потребовалось время, чтобы подтянуться всем по-военному, довести дисциплину и политическую бдительность, говоря словами В.И. Ленина, «до высших пределов»[149]. Секретарь Сталинградского обкома партии военных лет М.А. Водолагин рассказывал, что проведенной проверкой обкома в июле 1941 г. были вскрыты факты беспечности и безответственности: «Так, в некоторых сельских райкомах партии кабинеты секретарей, комнаты отделов оставались открытыми, на столах – неубранные деловые бумаги. В незапертом кабинете одного директора МТС находились без присмотра три винтовки, патроны к ним». В связи с этим обком партии разослал на места специальную директиву, в которой строго потребовал решительно покончить с настроениями мирного времени, всемерно повысить бдительность и разъяснить это населению[150].

Сельские агитаторы успешно справились с поставленной задачей. Крестьянство быстро осознало необычайную сложность обстановки

и на протяжении всех лет войны проявляло высокую бдительность, политическую стойкость в отношении как ложных слухов, так и прямых вооруженных диверсий фашистской агентуры. В мае 1944 г. на территории колхоза им. С.М. Кирова Жилокосинского района Гурьевской области Казахстана был выброшен вражеский десант во главе с матерым врагом, изменником Родины Агаевым. Группа должна была не только организовывать диверсии, но и «поднять казахский народ на восстание против Советского правительства»[151]. Но Агаев и его сообщники, хотя и переодетые в форму солдат и офицеров нашей армии, были сразу разоблачены. Колхозники сельхозартели им. С.М. Кирова – заведующий полеводческой бригадой Байжан Атагузиев и бригадир коневодческой фермы Байшуган Бектуралиев – помогли органам государственной безопасности уничтожить десантников. Атагузиев погиб в схватке с самим главарем банды: «пал, сраженный вражеской пулей, как солдат, защищая свою родную советскую землю»[152]. Он похоронен с воинскими почестями как герой Родины. Бектуралиев, которого насильно заставили стать проводником, повторил подвиг Ивана Сусанина. Он нарочно кружил по степи, пока не сумел дать знать о маршруте движения работникам органов госбезопасности. Вражеский десант был уничтожен.

Политико-разъяснительная работа приобрела небывалый нарастающий размах. Общее количество бесед, читок, проведенных агитаторами среди населения, стало огромно и по сей день не поддается точному подсчету. Количественные сведения о состоянии агитации включали, как правило, лишь приблизительные данные. В Красноярском крае за годы войны было проведено 450 тыс. бесед и читок, а в Алтайском только во второй половине 1943 г. – 700 тыс.[153]. Увеличивалось и число охваченного населения. Если в 1941 г. в Омской области по линии просветительных учреждений было проведено 7587 бесед и докладов с охватом 576 тыс. человек, то в 1942 г. их количество превысило 18 тыс., а присутствовавших слушателей – 1 млн. В 1943 г. (за 9 месяцев) число бесед и докладов составило 25 тыс., а слушателей – почти 1,5 млн человек[154]. В Казахстане только во второй половине 1941 г. было прочитано 56 тыс. лекций и докладов, которые прослушали 3 млн человек[155].

Живое слово проникало в самые отдаленные уголки, во все слои населения. В этой связи особое значение приобрел вопрос о дифференцированных формах агитации и пропаганды: среди женщин, подростков, стариков, домохозяек, семей погибших, эвакуированного населения, в национальных районах. Самой распространенной формой общения с людьми стала индивидуальная и групповая беседа. Чаще всего она проводилась по месту жительства раскрепленными по десятидворкам агитаторами. Они регулярно знакомили всех членов крестьянских семей с положением на фронте и в тылу, помогали улучшить бытовые условия, вместе с ними участвовали в массовых

мероприятиях, разделяя горе и радость. Сама военная обстановка сформировала особый тип массовика – агитатора-организатора, который всегда мог найти путь к сердцу любого колхозника, воодушевить его, увлечь личным примером.

За коммунистом артели «Память Мельникова» А.Г. Караштановой (Калачинский район Омской области) партийная организация закрепила 12 семей. В основном это были колхозники-старики. Встретить и подоить корову, прибрать в доме, присмотреть за детьми – таковы были их прежние обязанности. Уход в армию трудоспособных поставил другую задачу – привлечь престарелых крестьян к труду в общественном хозяйстве. Каждый день приходила к слушателям Караштанова, рассказывала о событиях на фронте, о ходе уборки, помогала по хозяйству, писала на фронт письма. Агитатор – вроде соседки, зашедшей на минуту, а хозяйка – хлопочущая возле печи престарелая колхозница и слушающая беседу. Будто будничному разговору двух женщин предшествовала вдумчивая подготовка агитатора. Ее слова и призывы были особенно убедительными потому, что подкреплялись хорошими делами. Будучи учительницей, Анна Герасимовна участвовала в скирдовании хлеба, уборке картофеля, вязала рукавицы для бойцов. По ее примеру все колхозные активисты стали выполнять те или иные поручения. Многие трудились на уборке, косили траву для скота семей фронтовиков, вязали теплые вещи для бойцов, присматривали за детьми многодетных колхозниц. Каждое хозяйство сдавало в фонд обороны молоко, отчисляло трудодни[156].

Выдвижение на первый план устного политического общения повысило значение и лекционной пропаганды. Пример умелых лекционных выступлений среди воинов армии и тружеников тыла показывали А.А. Андреев, А.А. Жданов, М.И. Калинин, А.И. Микоян, Д.З. Мануильский, А.С. Щербаков, Е.М. Ярославский, другие члены правительства, ЦК партии, руководители региональных структур – вплоть до районного кадрового звена. Если в 1941 г. в Омской области было прочитано 5624 лекции и доклада, на которых присутствовало 233 804 слушателя, то в 1942 г. – 9166 лекций и докладов, а число слушателей увеличилось почти в 4 раза[157]. В Московской области за первые 1,5 года войны было зарегистрировано 135 тыс. лекций – их посетило 6,5 млн человек[158].

И все же достигнутый в 1941 и 1942 гг. уровень, особенно на селе, был признан неудовлетворительным. В ряде мест оказалась заброшенной пропаганда военно-политических знаний, прекратились лекции на экономические и исторические темы, недостаточно раскрывалась роль тыла в войне[159]. По итогам проверки в г. Куйбышеве было проведено межобластное совещание по принципиальным и текущим вопросам пропаганды и агитации в полыхавшей войне. В нем участвовали секретари обкомов, редакторы областных газет, руко-

водители лекторских групп Куйбышевского, Саратовского, Сталинградского, Чкаловского, Пензенского, Башкирского, Чувашского, Мордовского и Татарского обкомов ВКП(б). Руководил совещанием Ем. Ярославский, а в центре внимания было обсуждение опыта пропаганды и агитации во фронтовых условиях Сталинградской области[160]. В конце октября 1942 г. аналогичное межобластное совещание Управление пропаганды и агитации ЦК партии провело в г. Новосибирске. Соответствующий опыт анализировался на примере массово-политической работы в тыловых условиях[161].

Принятые меры нацеливали на активизацию всех форм агитации и пропаганды, но в первую очередь лекционной. Особое значение для ее проведения в деревне имело постановление ЦК ВКП(б) от 17 июля 1943 г. «Об организации политических докладов партийных и советских работников для сельского населения»[162]. Были не только вскрыты недостатки в политической работе среди тружеников колхозной деревни, но и указано на то, что они объяснялись в основном значительно слабым участием в политико-разъяснительной деятельности среди крестьянства руководящих партийных и советских работников многих сельских районов. Это тем более стало ощутимо в связи с упразднением весной 1943 г. политотделов МТС и совхозов. Постановление обязывало местные руководящие организации проводить в каждом колхозе не реже одного раза в 1–1,5 месяца общие собрания с докладом или беседой на текущие военные и политические темы. С ними должны были выступать персонально ответственные работники районного и областного партийного, советского, хозяйственного и комсомольского аппарата.

Уже со второй половины 1943 г. политические доклады закрепились в системе агитационно-пропагандистской деятельности в деревне. В Горьковской области лишь за четыре месяца было прочитано 18 719 политических докладов для 1,2 млн колхозников. В Саратовской области во втором полугодии 1943 г. с политическими темами руководящие работники выступили около 15 тыс. раз – аудитория слушателей превысила 1 млн колхозников[163]; в Татарии за то же время прочитали свыше 20 тыс. докладов, которые прослушало почти 2 млн человек[164]; в Алтайском крае на 16 тыс. докладов присутствовал 1 млн сельских тружеников[165]. Всего же в таких важнейших сельскохозяйственных районах Сибири, как Алтай и Красноярский край, Новосибирская и Омская области, во второй половине 1943 г. было сделано не менее 120 тыс. политических докладов и лекций, которые прослушало не менее 7,5 млн работников сельского хозяйства[166]. В 1944 г. перед сельским населением страны выступило 60 тыс. разного уровня руководящих работников[167].

Значительную квалифицированную помощь на местах оказывали пропагандистские группы ЦК ВКП(б). По заданию его Управления они проводили установочные лекции и доклады для агитаторов и до-

кладчиков многих районов страны. В 1943 г. члены этих групп прочитали 5200 лекций. Одновременно с этим Управление пропаганды и агитации ЦК стало готовить и рассылать тексты отдельных лекций, подборки материалов, а также памятки по различным вопросам[168].

Десятки миллионов слушателей присутствовали на беседах, групповых читках, собраниях и митингах. Если иметь в виду все формы массово-политической работы, то станет очевидным, что ими обеспечивался полный охват сельского населения. Небывалый размах и действенность этой работы помогли в конечном итоге весьма удачно справиться с задачей максимальной мобилизации материальных и людских ресурсов на всех участках сельскохозяйственного производства.

Разумеется, не все обстояло столь успешно, как может показаться из сказанного. Да и оно не преследовало ничего подобного. При оценках большого и великого, тем более если речь идет об исходных пружинах этого великого, вполне естественно стремление исследователя к изучению предопределявших основ, в нашем случае, действительно исторической Победы 1941–1945 гг. Что же касается иных уроков, то и впредь мы будем помнить о них и в последующих разделах книги (осведомленный читатель, видимо, помнит о наших акцентированных суждениях подобного рода предыдущих публикаций). Но уместно сказать и другое. Поток очернительства недавних лет в отношении даже самого-самого из советского героического оказался настолько разрушителен, что давно пора – если не поздно – провозгласить встречный тотальный поход здравомыслящих патриотических сил.

Обращаясь же вновь к той мощной поучительной реальности по мобилизации материальных и духовных сил крестьянства на борьбу с фашизмом, мы, конечно, не можем не сказать и о наших роковых обстоятельствах, ошибках и упущениях, которые, к неизбывному сожалению, заметно проявились в организаторской и политико-разъяснительной деятельности на селе в их субъективно-объективном происхождении. Ни партийно-советское руководство, ни сам государственный механизм, ни потому и все население не оказались в должной мере готовы к отражению нашествия. В итоге затянувшийся клубок разноисходных причин катастрофической разбалансированности предельно мало оставлял для выбора и цены победы, и путей ее достижения.

Став жертвой своей же близорукости и амбициозности, наше высшее руководство опять же могло рассчитывать лишь максимум жертв и безальтернативных решений в смертельной опасности 1941–1942 гг. Да и народу, и всем низовым структурам партии уже не оставалось иного, чем в той песне: «...нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим!». Потому-то, по большому счету, та же политико-массовая и разъяснительная работа на селе, тем более

первых недель и месяцев войны, во многом оказалась далекой от истинной правды – всей правды о катастрофических поражениях на фронте, порой обвальных трудностей в тылу.

Не владел всей правдой и самый массовый руководящий актив. Не располагал должной информацией даже сам Председатель ГКО и Генеральный штаб Красной Армии. При этом имелось столько действительно ошеломляющих сведений, что доведение их до остального населения хотя бы дозированно в то предельно тревожное время вряд ли представлялось целесообразным. Многое сместилось из понятий вины в плоскость фатальной беды.

Однако сказанное не только не умаляет титанических усилий по морально-политическому сплочению и единению советского народа, а наоборот, еще больше по их безысходности выдвигало на спасительный край. Действовать на полуправде (подчас не сознавая этого) и вести в конечном итоге дело все ближе к самой правде, да еще добиваясь, как мы показали выше, весьма обнадеживающих результатов в той же многострадальной деревне, – значит, иметь огромный потенциал иной прочности – прежде всего системной, духовной и... кадровой.

И в завершение – в порядке полемики. И еще раз о кадрах применительно к нашей теме. Один наш давний коллега, автор добротных книг о крестьянстве военных лет (не станем здесь называть его имени – для историографа это не проблема) под давлением мутной фальсификации так уничижительно высказался на этот счет: «Партийные работники по возрасту, культурному и образовательному уровню отвечали требованиям времени (военного. – *В.А.*). Возраст до 40 лет позволял им без устали работать с утра до ночи – быть наиболее послушными и на все готовыми исполнителями, выполнять постановления и инструкции, указания, поступающие сверху, без сомнений и обсуждений, как солдаты. Они были преданы идеям социализма, изложенным в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Сколько здесь, мягко говоря, несуразностей, не имеющих ничего общего с тем, о чем мы говорили выше. Возраст – и не только партийных кадров – и в самом деле был до 40, а то и меньше. И работали они не только днем, а и ночью. Самым старшим, например, в составе бюро Ярославского обкома ВКП(б) и комитета обороны был председатель облисполкома В.А. Гогосов, которому в начале войны шел 41-й год. В 33 года встретил войну в должности первого секретаря и председателя ЯКО Н.С. Патоличев. В декабре 1941 г. его сменил 34-летний А.Н. Ларионов – его предшественник возглавил Челябинский обком. Да и остальным членам областного руководства насчитывалось немного выше, а то и менее тридцати. Номенклатурные работники городского и районного звена в возрасте до 30 лет к началу 1945 г. составляли 37% против 12% в 1940 г.

Исполнительской дисциплине тоже можно позавидовать. А вот насчет безропотного послушания, безынициативности, солдафон-

ства... – извините! С одной стороны – почти роботы, с другой – фальшивая идея «Краткого курса». И как за такими шел народ?! Чего уж там: может, и Победа действительно фальшива и уж во всяком случае без заглавной буквы. Как, кстати, по мнению тех же, фальшив и бездуховен и сам Октябрь 1917 г., стоящий красной датой в нашем календаре – о Красном знамени Красной Армии мы и не говорим.

У немецкого народа тоже был свой «краткий курс» национал-социализма под названием «Mein Kampf», от которого, коли следовать той же логике, куда больше отдавало социальным дурманом и демагогией, чем от «нашего» «Краткого курса». Но так «блистательно» начатая для Германии война закончилась ее сокрушительным поражением. Так в чем же тогда причина нашей Великой Победы (отвлекаясь от других ее слагаемых)? Конечно же, не в препарированном Сталиным и самой жизнью социализме, а в том, который еще раньше был заложен (и не столько им) в «Веру», «Надежду», а через них и в «Любовь» нашего народа и которому тогда реальная социальная практика не преподнесла ничего альтернативно лучшего.

Нам ближе и объективнее та образная характеристика партийно-советских кадров времен войны, которую дал в свое время писатель А. Бек в книге «Новое назначение», используя образ главного героя Онисимова. Но с той существенной поправкой, что им, тем кадрам, кроме высочайшей ответственности, дисциплинированности, работоспособности, убежденности в правоте своих идеалов были присущи и способность к самостоятельным решительным действиям. Без этих качеств в руководстве победа просто оказалась бы не достижима. От себя еще добавим: в то суровое время люди очень быстро учились, мужали, приобретали опыт. Ярко проявились такие непреходящие, лучшие качества руководителя, как предельная собранность, непреклонная воля, отсутствие высокомерия, органичная слитность с народом, верное «чувство локтя» и ответственности перед коллективом.

Если уж упрекать те кадры, то не за то, что они якобы были всего лишь «послушными исполнителями» и мало брали на свою ответственность, а скорее, к сожалению, в связи с тем, что сплошь и рядом они были вынуждены полагаться на собственную инициативу, находчивость и подручную изобретательность. Но такой упрек не по адресу, и он больше заслуживает самых добрых по отношению к ним слов – так распорядилась война, таким стал единственный выход.

Чтобы развеять одиозные сомнения, назовем конкретные и поименные примеры, два имени, две общие и столь же разные судьбы – первого секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагина и первого секретаря соседнего Алтайского крайкома В.Н. Лобкова. Они возглавляли самые крупные регионы планетарной Сибири, два ведущих, притом аграрных района страны. Оба они отдали все свои

силы делу мобилизации и организации населения на борьбу с врагом. Читая их выступления, анализируя стиль деятельности, отмечая несомненные достоинства первого как масштабного, гибкого, ведущего и, видя заметное из того, чем проигрывал ему второй, тем не менее нельзя не отметить их общее в главном – принципиальность, завоеванное в работе на износ уважение коллег, отсутствие заискиваний перед высшим руководством (при несомненной вере в него), умение из массы текущих дел выделить коренные, неординарные, в том числе такие, которые наверху могли показаться несвоевременными и даже сомнительными! И казались.

Одними из первых в стране М.В. Кулагин и В.Н. Лобков выдвинули, например, перед ГКО, ЦК ВКП(б) и правительством такие «непрестижные» тогда вопросы, как принципиальное изменение порядка планирования сельского хозяйства и его государственного налогообложения, повышения материального стимулирования труда колхозников, упорядочение военных мобилизаций и разумное бронирование от призывов квалифицированной рабочей силы деревни, изменение экономических отношений между МТС и колхозами. Словом, многие из тех, что при вожделенном стремлении к так называемой «борьбе с хлебосаботажниками» и поискам «фашистских пособников» в деревне не так уж трудно было при том «опыте» выдать за подобное (по селу к тому времени с довоенных лет уже не один раз прокатывались подобные «бдительные» волны). Этого мы еще коснемся ниже.

Так оно и произошло в драматической судьбе В.Н. Лобкова, который еще тогда предлагал на базе Славгородского и Кулундинского районов Алтая, принявших основную часть депортированных немцев Поволжья, образовать самостоятельный административный округ. Случись такое в те годы, возможно, и поныне этот постоянно и опасно тлеющий очаг социально-национальной напряженности уже к окончанию войны получил бы разрешение. Но многое вершилось в полном соответствии с теми грозными предостережениями (и в присутствии секретаря ЦК А.А. Андреева), которыми было пронизано теперь известное нам постановление ЦК ВКП(б) и СНК от 23 ноября 1942 г. (впервые опубликованное в нашей книге «Жертвенный подвиг деревни». Новосибирск, 1993). Примечательно и другое: никто из коллег не позволил себе сказать что-либо унизительное в адрес В.Н. Лобкова. Хотя, конечно, все это сильно походило на своеобразный обряд поднимавшегося в зенит культового молоха. Сам же пострадавший вел себя весьма достойно.

Куда удачливее оказалась судьба М.В. Кулагина – даже вопреки тому, что и руководимая им область план хлебосдачи того же 1943 г. выполнила лишь на 47% – примерно на том же уровне, что и на Алтае, где трудности с заготовками официально выдвигались в качестве главного обвинения. Уберегли не только большой опыт, высочай-

ший авторитет, но и прежние заслуги первого секретаря, который до войны работал зам. председателя СНК Белоруссии и заместителем председателя Президиума Верховного Совета республики*. Не последнюю роль сыграла и принципиальная позиция всего руководства области.

Приведенные фрагменты, как видим, свидетельствуют о совершенно иных качествах руководящих кадров. Но прежде чем обратиться к другим персоналиям, процитируем еще одно клише того же автора: «Их выступления, зафиксированные в протоколах пленумов обкомов, райкомов, строились на цитатах, заимствованных из передовиц газет и журналов. Страх за свою жизнь, жизнь близких, который они испытывали во время массовых репрессий, остался с ними, заставлял их безропотно, как солдат, исполнять вверху принятые решения, сковывал инициативу. Многие из руководящих работников, прошедших школу руководства в годы войны, вплоть до 70-х годов оставались на руководящих постах в партийных и советских органах. Изменялись решаемые задачи и проблемы, стиль их работы оставался прежним».

Итак, людьми двигали страх и передовицы из газет и двигали ими до самых 70-х... На страхе вытянули не только войну, но и разрушенную после нее страну, одновременно помогая тем же немцам. В страхе развенчали культ личности и вывели Родину на передовые позиции в мире. И все это писалось в 1990 г. Хотелось бы надеяться, что ныне авторы приведенных и подобных «оценок» испытывают хотя бы неловкость, а еще лучше – стыд, который в отличие от страха действительно перманентно влечет к лучшему.

Впрочем, пора предоставить слово и самим «обвиняемым». И чтобы нас не заподозрили в так называемой избирательности, послушаем, что рассказывает о своих молодых огненных годах Е.Д. Тумашева**, которая трудилась в одной связке с М.В. Кулагиным, только с другого – низового звена. В войну она в должности второго секретаря Туганского райкома Новосибирской, а затем Томской области отвечала за сельское хозяйство, в котором имелось 122 колхоза в радиусе до 50 км от райцентра. Ни одной благоустроенной деревни и дороги. Служебный транспорт – лошадь в упряжке или в седле. Охрана в таежных местах – личное охотничье ружье, питание – по обсто-

---

* С 1948 г. М.В. Кулагин – зам. председателя Комитета по делам колхозов, который сперва возглавлял А.А. Андреев, затем и его председатель.

** Елена Дмитриевна родилась в 1909 г. в Тамбовской губернии, в 1911 г. вместе с родителями сослана в Сибирь. В 1921–1929 гг. батрачила. В колхозе заведовала МТФ, а по окончании зооветтехникума работала председателем колхоза. В 1935–1938 гг. училась в Высшей коммунистической школе в г. Новосибирске, затем была направлена на партийную работу... С 1946 по 1950 г. – лектор Томского обкома, потом на советской работе. С 1965 г. на персональной пенсии. Награждена пятью медалями.

ятельствам: «Главной заботой райкома и его бюро была живая организационная и политическая работа. Мы постоянно находились на местах среди людей. Исключение составляли дни заседания бюро – 2, 12, 23 числа каждого месяца. На этих плановых заседаниях всегда были прием в партию и утверждение кадров. Пристальное внимание к этим вопросам диктовалось самой обстановкой. Из районной партийной организации шел огромный отлив коммунистов: уходили на фронт, колхозы и МТС лишались основных кадров.

За полтора года войны из Туганской МТС на фронт ушло 60% трактористов, почти все агрономы, а затем призвали директора МТС Д.А. Григорьева. Такое же положение было и в других МТС. За это время в колхозах района сменилась почти половина председателей (тоже были призваны в армию). Только в 1943 г. было утверждено 15 новых председателей сельсоветов...

На пленарных заседаниях райкома всегда было многолюдно, на них приглашался актив райцентра, секретарей некоторых сельских парторганизаций. Детально обсуждали деловые и политические качества выдвигаемых работников, сообща находили решения. Засиживались порой за полночь, и приглашенные из сел ночевали прямо в райкоме. На этих же плановых заседаниях принимались решения об организации курсов механизаторов, животноводов, бригадиров-полеводов и т.д.

Вся полнота ответственности за подготовку и подбор кадров возлагалась на секретаря райкома Г.И. Аверкова, и ему неделями не приходилось бывать дома. То со специалистами составлял планы курсовых занятий, подбирал преподавателей, то ездил по району, беседовал с людьми, подбирал кандидатуры... Не засиживались в кабинетах и другие работники. Ежедневно в райкоме оставались один из секретарей, зав. отделом, зав. партучетом, секретарь-машинистка. Все остальные находились на периферии и после десяти вечера выходили на связь с райкомом. Если какое-то дело требовало срочного решения, назавтра созывалось оперативное заседание бюро...

Помню такой случай. Я находилась в Турунтаеве, в 25 км от райцентра. Позвонил А.Г. Мощинский – первый секретарь – и сказал, чтобы приехала на заседание бюро. Выяснилось, что уполномоченный по заготовкам дал ложные данные по выполнению плана хлебозаготовок. Решением бюро его исключили из рядов партии.

Созывались «оперативки», как мы их тогда называли, и по другим вопросам. Принимали, например, решения о срочной помощи нуждающимся семьям фронтовиков и погибших на фронте. За три года войны семьям фронтовиков было выделено бесплатно более 200 ц картофеля, 15 телочек, 60 поросят, около 18 тыс. руб. Тем семьям, где дети были очень ослаблены, помогали мукой, крупой (из фонда закупок зерна у трактористов). Решали на таких срочных и коротких заседаниях также вопросы о проведении фронтовых де-

кадников по сдаче хлеба государству, о вывозке древесины, сборе средств в фонд обороны, теплых вещей для фронта и многое другое.

Какое-то время мне пришлось исполнять обязанности первого секретаря (А.Г. Мощинский был призван в армию). Позвонил первый секретарь Новосибирского обкома Михаил Васильевич Кулагин, спросил, как идут дела в районе. В заключение как бы мимоходом бросил:

– Триста шапок за десять дней сумеешь организовать?

– Постараюсь, – ответила я.

– Добро, – сказал он и повесил трубку.

В райком сразу же были приглашены все члены бюро... Посоветовались, как лучше организовать дело, приняли решение. После бюро я немного задержалась, а когда стала собираться домой, увидела на вешалке в приемной пять шапок. Их оставили члены бюро... На следующий день первыми пришли на приемный пункт и сдали шапки другие партийные активисты райцентра. За 10 дней мы пошили и собрали среди населения более 400 шапок».

Вот такая исповедь изнутри «на заданную тему»! Как говорится, ни прибавить, ни убавить. Неоднократные наши попытки где-то приостановить автора на полуфразе так и не удались: уж очень емко, зримо и поучительно. Вот такими кадрами и таким образом добывалась Победа.

Примечания

[1] Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР 1941–1944. М., 1985. С. 35–36.

[2] Цит. по: *Гриднев В.М.* Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941– 1944. М., 1976. С. 58.

[3] История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1960. Т. 1. С. 377.

[4] *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 49.

[5] Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне, июнь 1941–1945 г.: Документы и материалы. М., 1970. С. 41–43.

[6] Там же. С. 42.

[7] Там же.

[8] Правда. 1941. 23 июня.

[9] Во имя победы: трудовой подвиг горьковчан в годы Великой Отечественной войны. Горький, 1976. С. 12.

[10] Труды научной конференции «Сибиряки – фронту», состоявшейся в г. Омске 12–14 мая 1971 г. Омск, 1973. С. 17.

[11] Казахстан в первый год Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. Алма-Ата, 1943. С. 8.

[12] Киргизия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов и материалов. Фрунзе, 1965. С. 33.

[13] Патриотизм трудящихся Иркутской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Сб. документов и материалов. Иркутск, 1965. С. 14.
[14] Правда. 1941. 23 июня.
[15] *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд. М., 1970. С. 36.
[16] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: Сб. документов и материалов. Курск, 1960. Т. 1. С. 35; Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. Куйбышев, 1966. С. 23; Ярославцы в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов. Ярославль, 1960. С. 39.
[17] Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Сб. документов и материалов. Ставрополь. 1962. С. 39; Воронежская область в годы Великой Отечественной войны. Воронеж, 1965. С. 4.
[18] Научные труды по истории КПСС: Межвед. науч. сб. Киев, 1965. Вып. 3/4. С. 5.
[19] *Шушкин Н.Н.* Во имя победы: Орг. работа партии в деревне в годы Вели кой Отечественной войны. Петрозаводск, 1970. Ч. 1. С. 104; Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1967. Т. 2. С. 348.
[20] Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбил. стат. ежегодник. М., 1977. С. 44.
[21] Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1960. С. 52.
[22] По переписи 1939 г. колхозники составляли 44,6% всего населения, рабочие – 32,3%, служащие – 17,2%, остальные – крестьяне-единоличники и прочее население. См.: Развитие советской экономики: Стат. материалы. М., 1946. С. 8.
[23] *Островский В., Вениг Б.* По старым саратовским трактам: Из прошлого и настоящего саратовского крестьянства. Саратов, 1966. С. 59.
[24] *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. С. 105.
[25] *Сидоров И.И.* Трудящиеся Ярославской области в годы Великой Отечественной войны. Ярославль, 1958. С. 19.
[26] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 104.
[27] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 44–48.
[28] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 153.
[29] *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 123.
[30] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1961. Т. 2. С. 167.
[31] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. 10. С. 82.
[32] См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7. С. 260–261.
[33] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 166; Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. С. 275.
[34] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 280.
[35] ЦДНИАК. Ф. 1. Оп. 21. Д. 499. Л. 335; ЦДНИИО. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1. Л. 5; РЦХИНДИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 80. Л. 91.
[36] Учен. зап. Алма-Атинского ГПИ им. Абая. 1957. Т. 14. С. 122; РЦХИНДИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 160. Л. 8.
[37] *Гармаш Д.М.* Побеждает любовь. М., 1973. С. 141–142.
[38] *Буянов И.* Колхоз под Москвой. М., 1956. С. 177–179.
[39] *Родимцев А.И.* Твои, Родина, сыновья. Киев, 1962. С. 112–113.
[40] История советского крестьянства. М., 1987. Т. 3. Названное издание, в котором 5 из 7 глав о крестьянстве периода войны, все соотносимые сюжеты его «Введения» и «Заключения» принадлежат автору этих строк, широко используются в настоящей книге, равно и другие наши обобщающие работы этой проблематики предыдущих лет. Разумеется, с соответствующей коррекцией.

[41] *Смирнов В.И.* Подвиг советского крестьянства. М., 1976. С. 46.
[42] Очерки истории Псковской организации КПСС. Л., 1971. С. 278; На земле Новгородской: Очерки по истории Новгород. обл. Л., 1970. С. 207–208.
[43] *Грибней В.М.* Указ. соч. С. 40.
[44] Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 336.
[45] *Погребинский М.Б.* Евакуація матеріальних ресурсів сільского господарства Украінськоі РСР на початку Великоі Вітчизняноі війни // Укр. Журн., 1959. № 3. С. 66.
[46] Эшелоны идут на Восток. М., 1966. С. 82.
[47] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1. С. 284.
[48] *Данилюк М.З.* Трудовой подвиг колхозного крестьянства Украины в годы Великой Отечественной войны // Вопр. истории, 1959. № 6. С. 7.
[49] *Шовкопляс К.П.* Три тысячи километров в пути // Гвардия тыла: Сб. воспоминаний. М., 1962. С. 374–382.
[50] Очерки развития народного хозяйства Украины. М., 1954. С. 442.
[51] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1. С. 284.
[52] *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. С. 184.
[53] Научные труды по истории КПСС: Межвуз. сб. Киев, 1965. Вып. 3/4. С. 71–87 (на укр. яз.).
[54] Запорожская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Сб. документов. Запорожье, 1959. С. 58–59.
[55] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 49–50.
[56] Кузница победы. Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны: Очерки и воспоминания. М., 1974. С. 369.
[57] *Данилюк М.З.* Указ. соч. С. 7–8.
[58] Кузница победы... С. 371.
[59] Эшелоны идут на Восток... С. 241–242.
[60] *Чуянов А.* Сталинградский дневник. Волгоград, 1968. С. 136.
[61] *Каймаразов Г.Ш., Керимов И.К., Неистинен Г.С., Мелешко А.Г.* Дагестан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Махачкала. 1963. С. 21; Дагестан в годы Великой Отечественной войны: Сб. воспоминаний. Махачкала, 1962. С. 198.
[62] Северо-Осетинская партийная организация в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов. Орджоникидзе, 1968. С. 194–195.
[63] Эшелоны идут на Восток... С. 101–102; *Липило П.П.* КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1959. С. 22.
[64] *Курбатова П.И.* Смоленская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Смоленск, 1958. С. 18.
[65] *Смирнов В.И.* Указ. соч. С. 48.
[66] Очерки истории Брянской организации КПСС. Тула, 1968. С. 250.
[67] Воронежская область в годы Великой Отечественной войны. Воронеж, 1965. С. 13.
[68] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 2. С. 518.
[69] *Козыбаев М.* Компартия Казахстана в период Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1964. С. 116; *Балакаев Т.Б.* Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Алма-Ата, 1971. С. 139.
[70] *Балакаев Т.Б.* Указ. соч. С. 147; *Козыбаев М.* Казахстан – арсенал фронта. Алма-Ата, 1971. С. 372.
[71] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 53.

[72] Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбил. стат. ежегодник. С. 295; *Лаута С.П.* Колхозное крестьянство Советской Украины в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1965. С. 61–62.
[73] *Данилюк М.З.* Указ. соч. С. 8.
[74] *Лаута С.П.* Указ. соч. С. 60–61; *Данилюк М.З.* Указ. соч. С. 88.
[75] Эшелоны идут на Восток... С. 103.
[76] Воронежская область в годы Великой Отечественной войны... С. 13.
[77] *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. С. 208; Ставрополье в Великой Отечественной воине 1941–1945 гг. С. 110.
[78] Очерки истории Брянской организации КПСС... С. 250.
[79] Парт. стр-во. 1945. № 5. С. 8.
[80] Орловская область в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945: Сб. документов и материалов. Орел, 1960. С. 60–64; *Лихоманов М.И* Хозяйственно-организаторская работа партии в деревне в первый период Великой Отечественной войны, 1941 – 1942. Л., 1975. С. 71.
[81] *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. С. 203.
[82] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 2. С. 143; Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Киев, 1980. Т. 1. С. 267–268.
[83] История СССР. 1959. № 2. С. 142; ЦГА РФ. Ф. 21. Оп. 32. Д. 21. Л. 29–31; Ф. 1. Оп. 484. Д. 3. Л. 113.
[84] *Балакаев Т.Б.* Указ. соч. С. 96.
[85] *Дубовейший Ф.* На путях к коммунизму. Записки зачинателя колхозного движения на Украине. М., 1951. С. 61–63.
[86] *Данилюк М.З.* Указ. соч. С. 83.
[87] *Арутюнян Ю. В.* Указ. соч. С. 57.
[88] *Ламута С.П.* Указ. соч. С. 68–69.
[89] Правда. 1941. 24 июня.
[90] Там же. 1 июля.
[91] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 209.
[92] Там же. Т. 39. С. 45.
[93] См.: Там же. С. 45–46.
[94] Омская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. Омск, 1960. Т. 1. С. 21.
[95] Алтайская правда. 1941. 2 июля.
[96] ЦДНИАЗ – РЦХИНДИ. Ф. 1. Оп. 33. Д. 35. Л. 197–198; *Мехтиев Г.Г.* Деятельность Коммунистической партии Азербайджана в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Баку, 1967. С. 25.
[97] Ярославцы в годы Великой Отечественной войны... С. 46 – 49.
[98] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 375, 377. Процентное соотношение подсчитано.
[99] Парт. стр-во. 1942. № 12. С. 44; ЦДНИНО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 58. Л. 168; Омская правда. 1942. 9 окт.
[100] ЦДНИЧО. Ф. 3/10. Оп. 125. Д. 18. Л. 23-а; ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 708. Л. 45–46; РЦХИНДИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 80. Л. 97; оп. 8. Д. 132. Л. 35.
[101] Парт. стр-во. 1942. № 7. С. 22; *Киселев В.П.* Идеологическая работа партийных организаций среди тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны. Горький, 1975. С. 199; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 61.
[102] *Гильманов З.И.* Татарская АССР в Великой Отечественной войне. Казань, 1977. С. 26.
[103] РЦХИНДИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1025. Л. 17; Парт. стр-во. 1942. № 12. С. 44.
[104] *Анисков В.Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941–1945. Барнаул, 1966. С. 68.

[105] Алтайская правда. 1942. 29 окт.; РЦХИНДИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 206. Л. 13.
[106] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 68; *Самсонов В.Д.* Советское крестьянство Киргизии в годы Великой Отечественной войны. Фрунзе, 1969. С. 28; *Балакаев Т.Б.* Указ. соч. С. 224.
[107] РЦХИНДИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 156. Л. 59.
[108] Подсчитано по: История второй мировой войны. 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 362–363; Т. 5. С. 315.
[109] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 375, 377.
[110] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 225.
[111] *Балакаев Т.Б.* Указ. соч. С. 224.
[112] Киргизия в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Сб. документов и материалов. С. 103–105.
[113] *Анисков В.Т.* Указ. соч. С. 73.
[114] Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1967. С. 312.
[115] Красный Север. 1941. 28 дек.
[116] *Гармаш Д.М.* Указ. соч. С. 161.
[117] *Еремин В.Г., Исаков П.Ф.* Молодежь в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. С. 180.
[118] РГАЭ. Ф. 1. Оп. 498. Д. 24. Л. 1.
[119] Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Кн. 1. С. 163.
[120] *Калинин М.И.* Избранные статьи и речи. М., 1947. С. 147.
[121] Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.
[122] *Калинин М.И.* Вопросы советского строительства. М., 1958. С. 670.
[123] Советы за 50 лет. М., 1967. С. 363.
[124] *Храмков Л.В.* Советы депутатов трудящихся Поволжья в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Саратов, 1973. С. 28.
[125] ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2828. Л. 25; Д.. 4961. Л. 47.
[126] ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 22. Д. 42. Л. 68.
[127] *Лепешкин АИ.* Советы – власть народа, 1936–1967. М., 1967. С. 111.
[128] Советы депутатов трудящихся, 1970. № 5. С. 29.
[129] *Храмков Л.В.* Указ. соч. С. 29.
[130] Советы за 50 лет. С. 317.
[131] *Храмков Л.В.* Указ. соч. С. 29.
[132] ЦДНИВО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3778. Л. 11, 34.
[133] *Храмков Л.В.* Указ. соч. С. 29–30.
[134] Там же. С. 30.
[135] Советы за 50 лет. С. 318.
[136] Пропагандист. 1942. № 2. С. 49.
[137] Там же. № 3. С. 43.
[138] *Калинин М.И.* Советы агитатору. М., 1959. С. 53.
[139] Политпросветработа. 1943. № 1/2. С. 12; 1945. № 6. С. 4; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 377.
[140] Культурное строительство СССР: Стат. сб. М., 1956. С. 273.
[141] Политпросветработа. 1944. № 4. С. 46.
[142] ЦДНИЯО. Ф. 272. Оп. 11. Д. 77. Л. 94.
[143] *Киселев В.П.* Указ. соч. С. 118.
[144] ЦДНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 751. Л. 120–123.
[145] *Киселев В.П.* Указ. соч. С. 74.
[146] *Анисков В.Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту... С. 87.
[147] *Комков Г.Д.* На идеологическом фронте Великой Отечественной... М., 1983. С. 123.

[148] ЦДНИНО. Ф. 4. Оп. 64. Д. 256. Л. 23–25.
[149] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 55.
[150] Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. С. 124.
[151] *Шакибаев С.* Падение «большого Туркестана». Документальная повесть. Алма-Ата, 1968. С. 151 (на каз. яз.).
[152] *Шакибаев С.* Указ. соч. С. 176.
[153] РЦХИНДИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 993. Л. 252; ЦДНИАК. Ф. 1. Оп. 28. Д. 378-а. Л. 70.
[154] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1423. Л. 92.
[155] *Комков Г.Д.* На идеологическом фронте Великой Отечественной... С. 96.
[156] Омская правда. 1941. 7 окт.
[157] РЦХИНДИ Ф. 17. Оп. 1. Д. 1423. Л. 84; Д. 993. Л. 252.
[158] Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. С. 98.
[159] РЦХИНДИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 4. Л. 200–204.
[160] Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. С. 133.
[161] Сов. Сибирь. 1942. 28 авг.
[162] КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 420–421.
[163] *Комков Г.Д.* Идейно-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М., 1965. С. 307.
[164] *Киселев В.П.* Указ. соч. С. 213.
[165] ЦДНИАК. Ф. 4. Оп. 28. Д. 378-а. Л. 52–53.
[166] *Анисков В.Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту... С. 265.
[167] КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 420.
[168] См. об этом: *Комков Г.Д.* На идеологическом фронте Великой Отечественной. С. 124.

Глава II

КОЛХОЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

СОСТОЯНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

Война крайне тяжело отразилась на состоянии производительных сил сельского хозяйства. В первые же ее месяцы вследствие оккупации из хозяйственного оборота выпали большие площади посевов. Захваченные врагом сельскохозяйственные районы до войны располагали значительной материально-технической базой. Общая сумма имевшихся здесь энергетических мощностей составляла 30% всех предвоенных энергетических ресурсов сельского хозяйства страны[1]. На оккупированной территории до войны находилось почти 28% тракторного парка и 35% комбайнов[2].

Дополнительная мобилизация средств на развитие военно-промышленного комплекса осуществлялась прежде всего за счет отраслей гражданского производства и более всего сельского хозяйства. Уже во второй половине 1941 г. военные расходы по сравнению с первым полугодием были увеличены на 20,6 млрд руб., а бюджетные ассигнования на развитие гражданских отраслей народного хозяйства уменьшились на 21,6 млрд руб. Расходы бюджета СССР на сельское хозяйство к 1943 г. по сравнению с 1940 г. сократились в 2,5 раза (с 12,6 млрд до 5,1 млрд руб.)[3]. Капиталовложения по линии Наркомзема СССР в строительство, энергетику, сельскохозяйственные машины и инвентарь уже в 1941 г. были сокращены почти в два раза. Средства и материальные поступления, полученные сельским хозяйством во второй половине 1941 и в 1942 г., не покрывали даже тех расходов, которые оно несло в связи с проведением мобилизации и военно-оборонительных работ.

К 1942 г. на селе оставалась лишь половина энергетических и 46% механических ресурсов. Тыловые районы передали фронту 32,6% механических и энергетических мощностей, в том числе три четверти автомобильного парка. Для фронта отдали и рабочий скот: к концу 1941 г. на селе осталось 8,4 млн лошадей (39,8% довоенного поголовья). За полгода войны колхозы Западной Сибири передали для армии 202 100 лошадей. Значительно сократились поступления горючего, запасных частей, а централизованное снабжение некоторыми деталями вовсе прекратилось. К 1943 г. поступления тракторного ке-

росина в сельское хозяйство страны по сравнению с 1940 г. уменьшилось в 2,1 раза, лигроина – в 9,2 раза, бензина – в 5,8, дизельного топлива – в 3,3 раза.

Захватчики полностью разрушили два тракторных завода, выпускавших основное количество тракторов для сельского хозяйства. На оккупированной территории располагалось 9 крупнейших предприятий, которые давали до войны 76% всей валовой продукции сельскохозяйственного машиностроения[4]. В их числе были такие гиганты, как «Ростсельмаш», «Красная звезда», «Серп и молот», «Коммунар», завод им. Октябрьской революции. Многие тыловые предприятия, ранее выполнявшие заказы сельского хозяйства, перешли на выпуск военной продукции. Все это привело к резкому сокращению материально-технических ресурсов колхозной деревни.

Часть техники, причем лучшей, колхозы, совхозы и МТС передали фронту. Из села почти полностью были изъяты мощные гусеничные тракторы (только МТС Украины в первые месяцы войны отдали около 5500 тракторов), почти 75% автомобильного парка, 60,2% рабочих лошадей[5]. В МТС и колхозах Западной Сибири и Красноярского края на начало 1942 г. оставалось 5379 грузовых автомобилей из 15 600 на начало 1941 г.[6]. В общей сложности сельское хозяйство лишилось почти 54% всех своих механических энергетических мощностей, из которых 21,8% осталось на оккупированной территории и 32,6% было передано Красной Армии[7].

Резко сократилось производство всех запасных частей и инструментов, выпуск запасных частей для тракторов – в 5 раз, а по многим деталям – в 10–15 раз и более[8]. Поступления ряда дефицитных запчастей прекратились полностью. В 1941 г. капиталовложения НКЗ СССР в строительство, энергетику, в производство сельскохозяйственных машин и инвентаря уменьшились почти в 2 раза, к 1943 г. – в 5 раз[9]. В 1943 г. потребность колхозов и ведомственных предприятий Наркомзема РСФСР в строительных и других материалах, получаемых через наркомат, удовлетворялась следующим образом: лес круглый и пиленый – на 10%, гвозди – на 8,2, проволока – на 9,7, мешки – на 4,4, брезент – на 15,6%. Такие материалы, как стекло, толь, вообще не поступали[10].

Недостаток горючего, плохое техническое состояние машинно-тракторного парка, уход в армию квалифицированных механизаторов снизили эффективность эксплуатации оставшейся техники. В 1942 г. в Алтайском крае удельный вес выбывших из строя тракторов достиг 22,5%, продолжал увеличиваться он и в 1943 г.[11] Если учесть, что тракторный парк использовался не на полную мощность, то станет очевидной степень падения уровня механизации сельскохозяйственного производства. Выполнить возросший объем работ можно было лишь при условии огромного трудового напряжения, увеличивая объем конно-ручных работ.

Между тем трудовые ресурсы колхозной деревни сильно сократились. По данным годовых отчетов колхозов, в армию и в промышленность за годы войны ушло как минимум 13,5 млн крестьян. Динамические сведения об изменениях в трудовых ресурсах колхозов приводятся в табл. 2. По ним можно вычислить, что к началу 1945 г. число трудоспособных в колхозах уменьшилось на 13 471,5 тыс. (38%), в том числе мужчин – на 12 430,5 тыс. (73,7%), женщин – на 1041 тыс. (4,4%).

Таблица 2

Численность трудоспособных колхозников, тыс.*

Год	Число трудоспособных	Из них	
		мужчин	женщин
На 01.01.1941	35 448,3	16 873,4	18 574,9
–" " – 1942	16 410,0	6 262,8	10 147,2
–" " – 1943	15 051,8	4 021,1	11 030,7
–" " – 1944	16 567,2	3 620,7	12 946,5
–" " – 1945	21 976,8	4 442,9	17 533,9

* Ист. архив. 1962. № 6. С. 26.

Отвлечение сельского населения в армию и на работу в промышленность значительно усилило неравномерность распределения рабочей силы по различным зонам страны, которая имелась и в довоенные годы. В большей мере число трудоспособных колхозников упало в северо-восточных областях СССР. Так, в Пермской области, Коми АССР, Удмуртии и Тюменской области их число уменьшилось на 44% при 38% по Союзу, в Новосибирской, Томской и Кемеровской областях, Красноярском, Алтайском и Приморском краях – на 42–43%, а в Курганской и Читинской областях даже на 48,4%. Это было связано с ускоренным развитием здесь военно-промышленных предприятий, которые требовали дополнительной рабочей силы. В меньшей степени число трудоспособных колхозников сократилось в Архангельской области – на 35,2%, Ивановской – на 30,1, Костромской – на 32,1, Таджикской ССР – на 32,1, Ярославской области – на 32,4, Башкирской АССР – на 33,1, Чувашской АССР – на 33,8%[12]. Большинство названных областей и республик сами осуществили частичную эвакуацию промышленности или, как прифронтовые, приняли часть населения фронтовой полосы[13].

Еще более сложным стало положение с трудовыми ресурсами в колхозах восточных районов, особенно Сибири. Традиционный дефицит рабочей силы, резко увеличенный войной, многократное сокращение материально-технических средств обусловили в этих мно-

гоземельных областях необычайно высокую нагрузку на единицу механической, живой тягловой и рабочей силы. В 1940 г. на одного трудоспособного в колхозах Западной Сибири приходилось 5,7 га уборочной площади при 3,3 га в среднем по стране. В 1943 г. нагрузка только весенне-полевых работ на одного колхозника (из расчета на взрослого и подростка) в Хабаровском, Алтайском, Приморском, Красноярском краях, Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областях составила 5–7 га. В одинаковом положении находились только три области СССР – Саратовская, Чкаловская и Челябинская[14]. Нагрузка посевов на одну рабочую лошадь в колхозах Западной Сибири увеличилась с 12 га в 1940 г. до 18,1 в 1942 г., тогда как по РСФСР она поднялась с 3,7 га в 1941 г. до 9,4 га в 1943 г.[15]. Наибольшая посевная площадь на одну рабочую лошадь в 1943 г. приходилась в Алтайском крае (20,7 га) и в Омской области (18,5 га). А в таких районах Омской области, как Одесский и Оконешниковский, она приближалась к 30 га на рабочую лошадь[16].

Сокращение механизации основных работ неизбежно вело к резкому падению производительности сельскохозяйственного труда, увеличению его интенсивности, продолжительности рабочего дня, росту затрат физических усилий. Если в промышленности производительность труда за годы войны в целом выросла на 14%, то во многих колхозах, совхозах и на других государственных сельскохозяйственных предприятиях она снизилась на 40%[17].

В условиях войны каждый трудодень, так же как и каждый килограмм хлеба, давался ценой огромных физических нагрузок. Поэтому лишь в немногих областях (Горьковская, Ивановская, Ярославская, Костромская и др.), где существовали более благоприятные условия для восполнения убыли рабочей силы за счет городского, эвакуированного населения, широкой помощи воинских частей (при относительно небольших посевных площадях и более развитом многоотраслевом производстве), имелась возможность временно удержать производство на довоенном уровне и даже превзойти его по некоторым показателям[18]. В большинстве же районов страны, особенно в восточных, где явную недостачу рабочей силы и сельскохозяйственной техники оказалось невозможно восполнить, условий для расширенного производства не было.

И вполне понятно, что здесь и в целом на сопоставимой территории тыловых районов производство, как будет показано, в годы войны уменьшалось из года в год. Из-за сокращения количества тракторов в МТС колхозам рекомендовалось шире использовать на полевых работах лошадей, волов и даже коров из личных хозяйств. В первых колхозных планах военного времени предусматривалось большее, чем обычно, применение простейших механизмов и орудий ручного труда, организация работ в ночное время и т.д. Широкая инициатива и рационализация сочетались с мерами вынужденного харак-

тера, такими, как частичный возврат к упрощенным приемам земледелия – переложной системе, мелкой пахоте, посеву по стерне, уменьшению зяблевой вспашки, отступлению от севооборотов и ухода за посевами и т.п.

Таким образом, война оказала сильное разрушительное влияние на состояние всех производительных сил сельского хозяйства. Мелкотоварной крестьянской деревне и вовсе были бы не под силу испытания, которые выпали тогда на долю молодого колхозного строя. Лишь благодаря коллективистской организации труда, стойкости и самоотверженности советского крестьянства удалось выстоять и дать стране минимально необходимое продовольствие и сельскохозяйственное сырье.

Необычайно обострилась проблема квалифицированных кадров. В первый же год войны в армию ушло не менее 60–70% колхозных председателей и бригадиров. В начале 1942 г. в Алтайском крае оставалось лишь 10% трактористов и 30% комбайнеров[19]. К концу 1943 г. в Сибири и на Дальнем Востоке насчитывалось немногим более пятой части председателей колхозов, шестой – бухгалтеров и счетоводов и десятой – бригадиров полеводческих бригад, имевших довоенный стаж работы. В армию было призвано до 90% механизаторских кадров. В ряде районов уже не оставалось ни одного председателя колхоза с довоенным стажем работы[20].

Поэтому важнейшей общегосударственной задачей стали подбор и подготовка новых кадров руководителей колхозов. В Новосибирской области только в августе 1941 г. на эти посты было избрано 2 тыс. человек[21]. Но меры по выдвижению руководящих кадров не везде оказались своевременными и эффективными. В ряде мест был допущен самотек, председателями и бригадирами иногда оказывались случайные люди, что приводило к последующей замене кадров. Редко применялось бронирование людей, мало привлекались к руководству хозяйством женщины. 11 февраля 1942 г. ЦК партии принял постановление «О неправильном отношении Кировского обкома ВКП(б) к подбору руководящих кадров в колхозах»[22]. Всем обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик было предложено помочь хозяйствам освободиться от случайных и ненадежных лиц, оказавшихся на руководящей колхозной работе, заменить их передовыми, проверенными людьми и обеспечить выдвижение на должность председателей и бригадиров женщин-колхозниц.

Местные руководящие органы приняли оперативные меры. Весь состав председателей колхозов после персонального изучения был утвержден райкомами партии и райисполкомами. Слабые работники заменялись новыми, к руководству хозяйствами было выдвинуто много коммунистов и даже комсомольцев. В районах вводился персональный учет всех бригадиров, заведующих фермами и председателей ревизионных комиссий. Уже к концу марта 1942 г. в наиболее

крупные или отстающие хозяйства Кировской области было направлено 473 председателя колхоза (в том числе 356 коммунистов и 50 комсомольцев)[23]. До начала полевых работ в Новосибирской области дополнительно на должности председателей колхозов было командировано 300 человек, в Горьковской – 221, Саратовской – 144, Челябинской – 110 и т.д.[24].

К началу 1944 г. по тыловым районам страны к руководству колхозами на смену выбывшим пришло не менее 80% новых председателей[25], в том числе много женщин. Массовое подключение крестьянок-колхозниц к организаторской работе на селе стало возможным благодаря вовлечению их в активную общественную жизнь еще в ходе довоенного колхозного строительства. Удельный вес женщин в 1944 г. по сравнению с 1940 г. среди председателей колхозов вырос с 2,6 до 11,8%, бухгалтеров и счетоводов – с 10,1 до 56,4%, бригадиров – с 4,6 до 41,2%, среди заведующих животноводческими фермами – с 16,1 до 49,2%[26]. Всего на руководящую работу в колхозы пришло почти 400 тыс. женщин[27].

Развернулось и массовое обучение новых кадров. С зимы 1941/42 г. повсеместно при МТС и райземотделах работали курсы председателей колхозов, счетоводов, работников животноводства. Их подготовка и переподготовка осуществлялась также на межрайонных, областных и межобластных курсах и семинарах. В феврале – марте 1942 г. в областях и краях состоялись 10-дневные курсы-семинары председателей колхозов с расчетом еще до февраля 1944 г. обучить на них не менее половины руководителей хозяйств, а остальных – зимой 1944/45 г.[28]. Столь же остро стоял вопрос о подготовке специалистов сельского хозяйства. Количество работников с высшим образованием и занятых в земельных органах уменьшилось с 58 485 на 1 января 1941 г. до 25 232 на 15 февраля 1942 г., или более чем вдвое. Не лучше обстояло дело с кадрами средней квалификации, подготовка которых с началом войны сократилась более чем наполовину.

По данным учета эвакуированных специалистов сельского хозяйства и руководящих работников земельных органов, к апрелю 1942 г. по 32 областям, краям и республикам из 5086 таких специалистов 4845 были направлены на работу в колхозы, МТС, земельные органы. Кроме того, в 1942 г. назначения в село получили 2552 выпускника сельскохозяйственных вузов, а также 1125 специалистов в порядке свободного набора[29]. В 1943–1944 гг. большинство выпускников вузов и техникумов уже направлялось в освобожденные районы. Туда же отзывались и эвакуированные специалисты. К ноябрю 1944 г. в эти районы прибыло 4800 руководящих работников, в том числе 1177 агрономов, 623 зоотехника, 526 ветеринаров, 450 механиков и инженеров сельского хозяйства[30].

Развертывалась наиболее стремительно и подготовка кадров массовых сельскохозяйственных специальностей. С июня 1941 г. по де-

кабрь 1943 г. различное курсовое обучение прошли 2610 тыс. колхозников, миллионы крестьян приобрели профессиональные и агрономические знания и навыки в ходе индивидуального обучения[31]. При этом число подготовленных кадров даже превысило государственные плановые задания. Учитывая уроки первых месяцев войны, когда в связи с резким сокращением бюджетных ассигнований подготовка новых кадров велась явно недостаточно, колхозы сами развернули необходимую для них дополнительную сеть школ и курсов, мобилизуя собственные средства. Если в 1941 г. на курсах и в районных школах РСФСР обучалось 280,3 тыс. человек, что составляло 94% даже заниженного плана обучения, то в 1942 г. было уже подготовлено 401,3 тыс. человек, или 284% к плановому заданию[32]. В этом примере, как и во многих других, ярко проявились высокие мобилизационные возможности крупного сельского хозяйства.

Осуществлялась и массовая подготовка механизаторских кадров вместо выбывших и уходивших на фронт. В ее основе лежало патриотическое движение женщин за замещение призванных в армию мужчин. За первые полтора-два месяца войны МТС и колхозы подготовили вместо ушедших на фронт свыше 260 тыс. трактористов, комбайнеров и водителей других машин, в том числе 175 тыс. женщин[33]. Всюду в стране получил горячий отклик призыв знатных трактористок П. Ковардак, П. Ангелиной, А. Кирюшиной: «Женщины, на машины!». Последовательниц оказалось так много, что не все желавшие были зачислены на курсы. Уже во второй половине 1941 г. (в основном в июле – августе, а затем в ноябре – декабре в связи с двумя основными массовыми призывами мужчин-механизаторов) курсовое и индивидуальное обучение прошли 286 тыс. трактористов и комбайнеров[34], большинство составляли женщины-колхозницы.

Но как ни велик был размах подготовки механизаторов, их острый недостаток испытывался все время войны. В начале 1942 г. – в самый ответственный период подготовки к севу и в связи с наступлением наших войск – вновь была снята броня с большой группы механизаторов. В ряде областей не хватало почти половины трактористов. Снова в срочном порядке стали создаваться 20-дневные и месячные курсы по их подготовке. И опять МТС получили необходимое число кадров. В итоге в 1942 г. было подготовлено 459 тыс. трактористов и комбайнеров – на 13 тыс. больше, чем в 1940 г., и на 73 тыс., чем в военные месяцы 1941 г.[35]. Всего за время войны было подготовлено свыше 2 млн механизаторов (в их числе 1,5 млн женщин)[36]. Столь массовая подготовка кадров могла оказаться под силу только крупному сельскому хозяйству.

Качество подготовки механизаторов было, однако, невысоким, что при сильной изношенности машинно-тракторного парка и остром дефиците запасных частей опять же приводило к снижению производительности труда, низкому качеству выполняемых работ.

В 1943 г. в МТС более чем вдвое по сравнению с 1940 г. уменьшилась выработка на условный трактор, составившая 182 га мягкой пахоты[37]. Поэтому, в сущности, спасательной задачей стали ремонт и восстановление техники. Общегосударственное значение приобрело повсеместное движение по сбору и реставрации запасных частей, инструмента и металла для ремонта машинно-тракторного парка, начатое по инициативе комсомольцев Иловлинской МТС Сталинградской области.

«Искали повсюду, – вспоминает заслуженный механизатор сельского хозяйства Н.И. Соколов, работавший в Казахстане. – В одном сарае нашли старые невыплавленные вкладыши подшипников. Там же обнаружили настоящий, можно сказать, клад. Это слиток баббита в несколько десятков килограммов. Правда, он был изрядно перемешан с землей... Над своей находкой мы трудились буквально в поте лица. Расплавили баббит, цедили, вылавливали малейшие комочки. Ведь именно они могли заклинить коленчатый вал двигателя, вывести из строя трактор. И эта нелегкая работа себя оправдала. Ни один трактор, оснащенный этим баббитом, не вышел из строя»[38]. К середине апреля 1942 г. всего по стране было собрано более чем на 20 млн руб. неиспользованных или годных к реставрации запасных частей, инструмента, дефицитного материала[39]. В 1941–1943 гг. стоимость изготовленных, собранных и реставрированных запасных частей составила 65 млн руб.[40].

Первостепенное значение придавалось местной инициативе и предприимчивости. Из-за нехватки материалов, особенно в МТС, многие детали изготавливались из низших сортов стали, отходов, бронзы, пластмассы и даже из дерева, лишь бы вывести трактора в поле. Много забот доставлял дефицит горючего и смазочных материалов (в 1942 г. сельское хозяйство получило в среднем бензина, керосина и дизельного топлива в 2,5 раза меньше, чем в 1940 г.)[41]. Началось широкое движение за упорядочение хранения, учета и расхода горючего: создавались специальные контрольные посты, приводилось в порядок нефтехозяйство, вводились меры поощрения за экономию, распространялся опыт лучших механизаторов. Повторно использовались отработанные масла, во многих хозяйствах применялись местные горюче-смазочные материалы, заменители нефтепродуктов. В 1942 г. в Бурятии, Коми АССР, Иркутской области, Красноярском крае до пятой части тракторных работ выполнялось на твердом топливе – дровах, угле, торфе[42].

Уже тогда стали использовать на полевых работах крупный рогатый скот – в упряжке в основном стали быки и даже коровы из личных подворий колхозников. Для бережливого, но максимального использования лошадей вводилась строгая личная ответственность за их состояние, устанавливались твердые нормы выработки, условия оплаты, а также льготы для колхозников, работавших на своих ко-

ровах. Готовился и простейший инвентарь под обработку земли и для сева. Даже в ведущих зерновых районах объем работ на живом тягле еще на весенней вспашке 1942 г. составил более 50% общего объема выполненных полевых работ, тогда как весной 1941 г. он не достигал и 4%. Столь же необычно возросла и доля ручного труда. Если в 1941 г. в колхозах Западной Сибири и Красноярского края ручным способом было засеяно 10–20% яровых зерновых культур, то весной 1942 г. – около 50%. По неполным данным, в 1942 г. здесь было приучено к упряжи около 88 тыс. голов крупного рогатого скота, преимущественно коров[43]. В малоземельных районах страны, например, в Нечерноземье, увеличение доли конно-ручных работ было еще более разительным.

Активизировалась и трудовая деятельность крестьянства. Этому способствовало, в частности, постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»[44]. Каждый член сельхозартели обязывался теперь вырабатывать ежегодно не менее 100–150 трудодней (в зависимости от района), вместо 60–100 прежних. При этом основная доля трудового участия должна была приходиться на важнейшие периоды сельскохозяйственных работ. Впервые вводился обязательный минимум трудодней для подростков, которым стали выдаваться отдельные трудовые книжки. Некоторые колхозники, не выработавшие без уважительных причин установленного минимума трудодней, считались выбывшими из колхоза и даже лишались приусадебного участка. За невыработку трудодней по периодам работ по неуважительным причинам трудоспособные колхозники могли предаваться суду и наказываться исправительными трудовыми работами в самих же колхозах на срок до 6 месяцев.

Повышение минимума выработки трудодней было направлено, во-первых, на то, чтобы привлечь к систематическому участию в общественном труде и ту небольшую часть колхозников, которая еще мало работала в колхозах (в 1942 г. таких колхозников насчитывалось 6–7%); во-вторых, на то, чтобы побудить хозяйства заново рассмотреть все вопросы, связанные с их организационно-хозяйственным состоянием и укреплением трудовой дисциплины. До начала полевых работ 1942 г. в колхозах повсеместно состоялись общие и партийные собрания, которые и наметили соответствующие меры по улучшению условий, организации и учета труда. В хозяйствах больше стали уделять внимания детским учреждениям, а это способствовало вовлечению в активную работу женщин. Колхозы Бурятии открыли, например, 272 детские площадки, 60 постоянных и 534 сезонных детских яслей. К концу 1942 г. число колхозниц республики, не выработавших определенного минимума трудодней, уменьшилось по сравнению с 1941 г. почти в четыре раза и по своему уровню стало в два раза ниже, чем в среднем по РСФСР[45].

Основной формой воспитательной работы среди колхозников оставались методы убеждения. Применение санкций, в свое время рекомендованных постановлением от 13 апреля 1942 г., было редким. В 1940 г. по тыловым областям некоторые колхозники, не выработавшие минимума, составляли 12,6% трудоспособного населения, доля исключенных из колхозов тогда достигала 7,7%; в 1944 г. при 11,1% трудоспособных, не выработавших минимума, установленные заколом санкции были применены всего лишь к 3,3%[46]. Это даст основание утверждать, что в годы войны применение правовых мер как побудительного средства активизации общественного труда крестьян не только не усилилось, а, наоборот, по некоторым позициям даже заметно уменьшилось. Это же опровергает и вымыслы известной литературы вообще о так называемом принудительном труде в колхозах в годы войны, о том, что якобы только с помощью чрезвычайных правовых мер удалось поддерживать трудовое напряжение на селе.

Колхозники многих артелей по собственной инициативе принимали решения об утверждении такого размера обязательного минимума, который превышал бы установленный государством. Вот одно из таких решений, записанное в протоколе собрания артели им. С.М. Буденного Ведовского района Новосибирской области от 21 марта 1942 г.: «Слушали: о пересмотре минимума трудодней для трудоспособного колхозника артели... Постановили: утвердить на 1942 год минимум трудодней: для трудоспособной женщины – 200, для трудоспособного мужчины – 300» [47]. При обсуждении того же постановления от 13 апреля 1942 г. многие колхозники отмечали, что установленный минимум является довольно низким. Примечательно выступление 83-летнего колхозника артели им. XVII партсъезда Эхирит-Булагатского аймака Иркутской области Андрея Федоровича Малянова: «120 трудодней и инвалид может выработать. Военное время требует от нас работы за двоих-троих. В прошлом году я выработал 436 трудодней, а в этом году выработаю не менее 500»[48].

По решениям правлений колхозов, общих собраний и сельских Советов на время войны вводился более строгий распорядок дня, утверждались уплотненные планы работ с наиболее максимальным использованием оставшейся рабочей силы, техники и инвентаря. В решении сессии Обуховского сельсовета Ярославской области от 30 августа 1941 г. говорилось: «Обязать председателей колхозов перестроить работу по уборке урожая, правильно расставить рабочую силу, используя на работе подростков и стариков, уплотнить рабочий день, подъем на работу делать в 4 часа и кончать в 10 часов вечера, используя все сельхозмашины, не допуская простоя»[49]. И в целом средняя выработка одним престарелым или больным составила в годы войны 130–135 трудодней, или половину среднегодовой обяза-

тельной выработки трудоспособного. Реальная выработка одного подростка в возрасте от 12 до 16 лет поднялась с 74 трудодней в 1940 г. до 103 в 1944 г. и составила 42,2% среднегодовой выработки трудоспособного[50].

Таковы были, с позволения сказать, производительные силы колхозной деревни 1941–1945 гг. На протяжении всей войны они находились в состоянии крайнего перенапряжения. Техническая оснащенность МТС и колхозов резко снизилась. Оставшийся парк машин остро нуждался в запасных частях, горючем, смазочных материалах и потому работал на износ. По этой причине небывало возрос объем конно-ручных работ при одновременном резком сокращении трудоспособного населения.

СОРЕВНОВАНИЕ – ЯВЛЕНИЕ ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ

Убыль рабочей силы восполнялась в основном небывалым ростом трудовых усилий крестьянства. Опираясь на помощь рабочего класса, живо откликаясь на призывы и стимулирующие действия организационных структур всех уровней, труженики села сумели максимально мобилизовать внутренние резервы колхозов на разрешение стоявших перед ними задач.

Полная самоотверженности битва за военный хлеб развернулась с началом уборочной 1941 г. Работа велась круглосуточно. Днем косили хлеб, ночью скирдовали и молотили. Вся жизнь многих артелей переместилась на полевые станы, тока. Полеводы, особенно молодежь из отдаленных бригад, неделями, а то и до конца косовицы не возвращались домой. В деревнях оставались лишь малые дети, старики да часть животноводов. Но и они охраняли общественное и личное имущество односельчан, ремонтировали сбрую и тару, были заняты на приусадебных участках, а когда появлялась возможность – подключались к уборке, заготовке кормов, к подсобным делам. Получило распространение совмещение профессий. На время уборки упразднились должности заместителей председателей, вторых счетоводов, бригадиров по животноводству – их обязанности выполняли по совместительству.

«Сколько я жил на свете, не помню, чтобы мои земляки так дружно работали, – вспоминал И.А. Буянов – ветеран колхозного строительства Подмосковья. – Откуда только брались силы? И в полуденную жару, и в душные ночи – на жатве, молотьбе, на копке клубней, уборке пропашных, на фермах – люди работали и работали, не зная отдыха, не покладая рук»[51]. В сельхозартели «Путь Ильича» Калманского района Алтайского края средняя ежедневная выработка на сенокосилку в бригадах, состоявших из женщин, поднялась до 8 га вместо 4,5 по норме[52]. В хозяйстве «Новая жизнь» Тяжинского района Новосибирской области группа женщин во главе с депутатом Вер-

ховного Совета РСФСР Чмырь ежедневно навязывала по 6 тыс. снопов, применяя раздельно-звеньевой метод работы. Крестьянки Белоглазовского района Алтая Корнева и Щеглова при норме 520 снопов связывали в день 1150–1500[53]. В 1941 г. в колхозах тыловых районов машинами конной тяги и вручную было убрано 67% колосовых[54].

Трудовую доблесть на уборке хлебов проявляли механизаторы-мужчины, временно, по состоянию здоровья или по возрасту не призванные в армию. На их плечи легла особая ответственность за урожай – не только работать за себя и ушедшего на фронт товарища, но и срочно готовить замену из числа женщин. Обучали вождению трактора, комбайна и на курсах, и индивидуально. К каждому опытному механизатору было прикреплено по нескольку новичков в качестве помощников, прицепщиков, штурвальных. А это поднимало личную ответственность за порученное дело.

Комбайнер Юдинской МТС Новосибирской области И.А. Многолетний на сцепе трех комбайнов ежедневно убирал в колхозах Чистоозерного района по 80–100 га зерновых. Каждым комбайном сцепа он выработал по четыре сезонные нормы. Геройски трудились алтайские механизаторы. Комбайнер Н.Г. Добшик убрал сцепом комбайнов 2470 га, Ф.В. Чабанов – 1527, С.Е. Пятница – 912 га[55]. Осенью 1941 г. они подготовили десятки новых трактористок и комбайнерок.

В известной во время войны Раковской МТС Куйбышевской области комбайнер М. Радаев на сцепе двух комбайнов снял 1100 га зерновых вместо 800 по плану, а его товарищ А. Воробьев на комбайне СЗК – 607 га (более двух норм). Все механизаторы МТС добились высокой выработки при одновременной экономии горючего. Так, в бригаде М. Щербакова общая выработка, в переводе на мягкую пахоту, составила 2 тыс. га при плане 1594 и экономии 4335 кг горючего. Бригада И. Шанькина той же МТС выработала 1957 условных гектаров вместо запланированных 1554 га и сэкономила 2100 кг горючего[56].

Но механизаторов-мужчин с каждым днем становилось все меньше и меньше. Их заменяли женщины. В МТС возвращались бывшие трактористки и комбайнерки, оставившие работу по семейным обстоятельствам. В те тревожные дни, когда враг рвался к Москве, в родную МТС вернулась Дарья Матвеевна Гармаш, несмотря на то, что 5 июня у нее родилась дочь. В Рыбновском районе возвратились Мария Кандаурова, Анна Томина, Анна Ионова, Лидия Корнеева и многие другие. И все они не зная отдыха трудились на колхозных полях.

Так было в прифронтовых областях и в глубоком тылу. Только за неделю, с 23 по 29 июня 1942 г., во Фрунзенской области Киргизии 237 женщин, бывших трактористок, заявили о своем стремлении возвратиться в МТС, а 150 сразу же приступили к работе. В артелях «Красный герой» и «Восток» Сокулукского района призванных в ар-

мию штурвальных полностью заменили девушки, и комбайны работали без остановки. Во многих колхозах Тянь-Шаньской области, где в прошлые годы зерновые убирали механизаторы из Фрунзенской области, к началу уборки все комбайнеры были подготовлены из местных крестьян, среди них впервые были 62 женщины-киргизки[57].

Трудовым фронтом стала уборка для сельской молодежи. В Новосибирской области 2 тыс. комсомольцев работали трактористами и комбайнерами, в Омской насчитывалось 250 молодежных тракторных бригад, 222 комсомольско-молодежных комбайновых агрегата. Из молодежи и подростков состояли ночные смены по скирдованию, подноске снопов, обозы по вывозке хлеба в ночное время. В колхозах Новосибирской области работало 148 комсомольско-молодежных бригад, а на вывозке хлеба – 115[58]. 124 комсомольско-молодежные бригады и звена обмолачивали и вывозили хлеб на заготовительные пункты в колхозах Хакасии, 157 комсомольско-молодежных звеньев и 68 комбайновых экипажей трудилось в Бурятской АССР[59] и т.д.

Исключительным для крестьянства стал 1942 г. Летом и осенью враг полностью оккупировал такие богатейшие сельскохозяйственные районы страны, как Дон, Кубань, Северный Кавказ, Украина. Почти единственными валовыми поставщиками продуктов сельскохозяйственного производства становились восточные районы СССР. Но и здесь, сосредоточив силы на уборке 1941 г. и расширении озимых посевов, колхозы не смогли одновременно подготовить землю под урожай 1942 г. Объем вспаханных паров и зяби к яровому севу уменьшился на сопоставимой территории более чем в 2,5 раза (с 26,4 до 10,5 млн га). Еще неблагополучнее с подготовкой земель под новый урожай стало в областях Центра, Юго-Востока и Урала – площадь паров и зяби здесь сократилась в 3,5–5 раз[60]. Соответственно возрос объем весенних пахотных работ и удельный вес ярового сева по весновспашке. Чтобы справиться с предстоящими задачами, требовались предельное напряжение сил и организованность.

Но были некоторые преимущества. Пройдя первые военные испытания, крестьянство и все сельские организации накопили специфический опыт работы в чрезвычайных условиях. Меньше происходило перемещений кадров, много было подготовлено новых работников, особенно из числа женщин. В конце 1941 г. улучшилась и военно-политическая обстановка. Битва под Москвой завершилась разгромом фашистских войск. Был развеян миф о непобедимости фашистских полчищ. Возвращенная и укрепленная вера в победу стала источником нового прилива физических и моральных сил народа.

В январе–феврале 1942 г. началось Всесоюзное соревнование сельских тружеников. Под руководством партийных, а то и комсомольских организаций в колхозах, совхозах и МТС готовились кад-

ры, ремонтировалась техника, составлялись производственные планы. Мобилизующее значение имели состоявшиеся пленумы партийных комитетов, а вслед за ними – областные и районные совещания передовиков сельского хозяйства, обсудившие итоги прошедшего года и задачи весеннего сева.

12–15 января в ходе обсуждения на VI пленуме Новосибирского обкома ВКП (б) вопроса о плане предстоящих сельскохозяйственных работ делегация колхозников Купинского района вызвала на соревнование своих тогучинских соседей. Через несколько дней уже участники областного совещания сельских передовиков приняли общее обращение: «Горячо приветствуем почин колхозников, работников МТС и совхозов Купинского и Тогучинского районов области, начавших между собой соревнование за образцовое проведение сева, за высокий урожай... Развернем соревнование в каждом звене, в каждой бригаде, в каждом колхозе и между районами. Самоотверженным трудом на полях окажем мощную поддержку доблестной Красной Армии»[61].

14 февраля в совещании передовиков сельского хозяйства Купинского района приняла участие делегация другого соседнего – Чистоозерного района во главе с депутатом Верховного Совета СССР механизатором И.А. Многолетним. Купинцы единодушно приняли предложение чистоозерцев о включении их в тройственное соревнование с колхозниками Купинского и Тогучинского районов[62].

Первые недели 1942 г. показали, что колхозная деревня вступает в небывалый трудовой подъем. Важной вехой в подготовке Всесоюзного соревнования стал патриотический почин работников сельского хозяйства Алтайского края. Газета «Социалистическое земледелие» 14 февраля опубликовала письмо колхозников артелей «Родина», «Красный боец» и коллектива Шипуновской МТС Алтайского края ко всем колхозникам, работникам МТС, земельных органов Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии и Казахстана с призывом «вступить в социалистическое соревнование за лучшую помощь фронту». «Восточные области, – писали они, – стали основными базами производства зерна и многих других сельскохозяйственных продуктов. На эти области главным образом базируются тылы Красной Армии. Это возлагает на нас, сибиряков, так же как и на уральцев, волжан, жителей Казахстана, Средней Азии, колоссальную ответственность. Это требует коренного улучшения работы во всех колхозах и МТС... Вступайте в социалистическое соревнование за лучшую помощь фронту, за лучшее проведение весеннего сева. Помните, в этом деле нет мелочей, для успеха одинаково важно подготовить семена, кадры, своевременно составить план, отремонтировать каждый хомут, каждую постромку. Всю богатырскую мощь колхозного строя – на помощь фронту!»[63] В поход за лучшую помощь фронту в Алтайском крае включилось 3275 колхозов.

Крестьянство Алтая не называло тогда начатое ими движение всесоюзным, но его почин, по сути дела, впервые в стране отразил эту идею. Начинание алтайцев получило высокую оценку ЦК ВКП(б) и правительства. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин писал: «С их предложениями не только можно согласиться, их надо приветствовать и решительно проводить в жизнь... Обязательство, принятое колхозниками, показывает, что алтайцы правильно поняли требования момента. Этому пути должны следовать все колхозы и других областей...»[64]. 20 марта 1942 г. на своем краевом совещании передовики сельского хозяйства Алтая заключили договор о социалистическом соревновании за лучшую помощь фронту с Красноярским краем[65].

В апреле 1942 г. ЦК партии в первомайских лозунгах призвал работников тыла всемерно усилить социалистическое соревнование за помощь Красной Армии. Боевой клич вызвал новую волну политического и трудового подъема рабочего класса, колхозного крестьянства, советской интеллигенции. Празднование Первомая совпало с началом или разгаром полевых работ. По примеру рабочих колхозники отказывались от праздничного отдыха: 1 и 2 мая они трудились на оборону Родины. В первые же дни мая на всю страну прозвучал страстный призыв одного из крупнейших отрядов рабочего класса – коллектива Кузнецкого металлургического комбината развернуть всенародное Всесоюзное соревнование. 25 мая с инициативой Всесоюзного соревнования среди работников совхозов выступил совхоз «Лесной» Омской области. 30 мая с призывом о вступлении во Всесоюзное движение всех колхозников и колхозниц страны обратилась передовая сибирская артель «Путь крестьянина» Чистоозерского района Новосибирской области. Среди животноводов первыми во Всесоюзное соревнование включились крестьяне колхоза им. Сталина Кугалинского района Алма-Атинской области Казахской ССР, а среди механизаторов – коллектив Больше-Раковской МТС Куйбышевской области. Всесоюзному соревнованию женщин-механизаторов положил начало почин трактористок Орджоникидзевского края.

Коммунисты и комсомольцы всюду и однозначно возглавили соревнование. В начале мая в ЦК состоялось специальное совещание по этому вопросу. В нем участвовали ответственные партийные работники, наркомы, представители ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, редакции «Правды». 4 мая 1942 г. уже Политбюро ЦК одобрило предложения по организации соревнования[66], а 8 июня Государственный Комитет Обороны принял отдельное постановление об организации Всесоюзного социалистического соревнования колхозов, машинно-тракторных станций, районов, областей, краев и республик[67]. 10 июня «Правда» и «Известия» опубликовали его условия.

Основным показателем соревнования считалось выполнение плана. Победителем движения за высокий урожай мог быть признан тот

колхоз, который добился наибольшего перевыполнения плана в полеводстве и выполнил в целом план по животноводству. От вступивших в соревнование по животноводству, наоборот, требовалось максимальное перевыполнение заданий по данной отрасли и выполнение плана по растениеводству. Аналогичные критерии предусматривали конкурсные условия для районов, областей, краев и республик. Победителями среди МТС считались те, которые в установленные сроки завершали полевые работы, вместе с колхозами перевыполняли план урожайности, обеспечивали своевременное поступление натуроплаты, экономию горючего, хороший ремонт, перевыполняли общий объем тракторных работ и снижали их себестоимость.

В организации Всесоюзного соревнования нашла конкретное воплощение идея В.И. Ленина о его государственном руководстве. ЦК ВКП(б) и ГКО сформулировали и главную задачу Всесоюзного движения – в наиболее кратчайшие сроки и своевременно обеспечить необходимые материально-технические условия для изгнания фашистских захватчиков из пределов нашей Родины и их окончательного разгрома. По установившейся ранее традиции для победителей предусматривались переходящие Красные знамена высших партийных и государственных органов Советского Союза – Центрального комитета партии и Государственного Комитета Обороны. Вводились также переходящие Красные знамена ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС и наркоматов. Последние два предназначались для коллективов, занявших во Всесоюзном соревновании вторые и третьи места. Передовики колхозов и совхозов награждались значком «Отличник социалистического сельского хозяйства». Изменялся и прежний порядок подведения итогов соревнования. Мобилизующее значение имели подведение и публикация не только его окончательных, но и предварительных результатов по итогам важнейших сельскохозяйственных кампаний.

Первостепенное значение придавалось массовости соревнования и пропаганде его достижений. Последовательно разъяснялось, что оно – не временная кампания, а метод повседневной борьбы за всемерное усиление помощи фронту. Главная задача состояла в том, чтобы нацелить внимание на развитие производственной активности, на дальнейшее совершенствование организаторской работы в массах. Во всех регионах страны состоялись пленумы партийных комитетов, собрания первичных парторганизаций, обсудившие вопросы руководства соревнованием. При рассмотрении его условий местные партийные и советские органы предусматривали дополнительные меры поощрения победителей, выделяли специальные фонды для премирования деньгами и промышленными товарами.

Использовались самые разнообразные средства для превращения развернувшегося движения в подлинно массовое. Повсеместно действовали комиссии и штабы по организации оперативного руковод-

ства соревнованием. Кроме Красных знамен партийных и комсомольских органов, были утверждены переходящие Красные знамена отдельных фронтов и воинских частей, политотделов, МТС. Авангардную роль в организации соревнования играли коммунисты и комсомольцы. Особое внимание обращалось на устранение всяких проявлений формализма.

Парторганизация колхоза «Красный овощевод» Иртышского района Омской области направила на фронт почти половину своих членов, но работа ее не ослабла. С помощью комсомольцев она организовала вокруг себя наиболее широкий актив передовиков общественного производства. Задолго до сева в артели было создано большое количество фронтовых бригад, которые возглавили коммунисты и комсомольцы. Их лозунг «В труде, как в бою!» стал девизом всех колхозников. Доярки, телятницы, чабаны, конюхи после работы на фермах выходили в поле задерживать снег. Нередко при сорокаградусном морозе эта работа продолжалась до 3–4 часов ночи. С началом сева, когда бригады выезжали в поле, туда же перемещалась вся массово-политическая деятельность. Выходили первые номера боевых листков, которые рассказывали о социалистических обязательствах бригад и отдельных колхозников. В начале мая состоялось первое за время сева открытое партийное собрание по итогам развернувшихся работ. Отметив заслуги тех, кто выполнил нормы на 150–180%, собрание поручило активу рассказать об их опыте всем пахарям, бороновальщикам, сеяльщикам.

Прошло еще несколько дней, и перевыполнение норм стало массовым, во всех бригадах появились «двухсотники», выполнявшие нормы на 200%. Второе партийное собрание обсудило вопрос о работе на севе комсомольцев и молодежи. На этом же собрании два молодых колхозника вступили в члены ВКП(б). Обсудив итоги работы за 10 дней, партийное собрание поручило бригадиру тракторного отряда коммунисту Гулову перейти на работу агрегатным методом при одновременном проведении пахоты, боронования и сева. Темпы работ и размах соревнования поднялись еще выше. Кроме тракторов, на полевых работах использовалось 40 лошадей, 46 быков и 13 коров. Коммунисты, комсомольцы, а по их примеру и остальные колхозники, работавшие в поле, целую неделю не уезжали домой. В итоге артель «Красный овощевод» выполнила план весеннего сева на 115%, засеяв в фонд обороны 100 га зерновых[69].

В руководстве соревнованием опирались на опыт довоенных лет. Но тогда условия работы были иные, и размах соревнования не был столь массовым. В 1940 г. соревновались, например, 55% колхозов и 58% МТС[70]. Менее распространенным и далеко не повсеместным оставалось также и соревнование между районами, областями и республиками. Начиная с 1942 г. в сельском хозяйстве, как и в промышленности, Всесоюзное соревнование охватило все без исключения

коллективы, колхозы, совхозы и административно-территориальные районы. Такого широкого размаха и действенного руководства соревнованием колхозная деревня еще не знала.

Всюду на новую ступень поднялось и внутрихозяйственное «соперничество», которое в конечном итоге предопределяло большой успех всех остальных его форм, а также соревнование тракторных бригад и отдельных механизаторов, комсомольско-молодежных подразделений по выполнению различных видов работ и соревнование пахарей, бороновальщиков, звеньевых, полеводов, доярок, телятниц и т.д. Наибольшего накала все это достигало во время проведения разного рода декадников, месячников, трудовых вахт, связанных с ударным завершением важнейших работ и в честь конкретных побед на фронтах войны.

В условиях возросшего объема полевых работ ключевое значение приобрело соревнование механизаторов, особенно среди женщин. По примеру трактористок Ставрополья, Кубани и Терека всюду стали создаваться женские тракторные бригады. Развернувшееся между ними Всесоюзное соревнование было равносильно массовому движению женщин за овладение правилами технического ухода за машинами в процессе их эксплуатации, так как большинству трактористок предстояло впервые самостоятельно выехать в поле. А до того необходимо было разумнее сформировать бригады, распространить лучший опыт их работы, а также создать хотя бы минимум бытовых удобств для женщин.

Вопрос об организации их соревнования находился в центре внимания партийных, советских и комсомольских организаций. В Татарской АССР решением бюро обкома от 22 апреля 1942 г. была создана республиканская комиссия по руководству соревнованием трактористок и женских тракторных бригад[71]. Аналогичное подразделение в мае 1942 г. создало бюро Свердловского обкома партии. Райкомы ВКП(б), политотделы, партийные и комсомольские организации несли прямую ответственность за всемерную помощь трактористкам в выполнении взятых ими обязательств[72]. Во все женские бригады страны были назначены агитаторы. Все это придало соревнованию женщин-трактористок небывалый размах и высокую организованность. В Орджоникидзевском крае на весеннем севе 1942 г. первенство оспаривали 157 женских тракторных бригад и 7 тыс. трактористок из 8544, в Татарии – 112 бригад и почти все трактористки, в Саратовской области – около 120 бригад и 8150 трактористок, в Горьковской – 102 бригады и 3538 трактористок, в Казахстане – 183 бригады и более 10 тыс. трактористок и т.д.[73]. Всего, по данным 44 тыловых регионов в соревновании 1942 г. участвовали 3580 женских тракторных бригад и 145128 трактористок[74].

Сотни бригад и тысячи трактористок добились наиболее высоких показателей. По итогам весеннего сева 1942 г. 680 трактористок бы-

ли награждены знаком «Отличник социалистического сельского хозяйства»[75]. Первое место во Всесоюзном соревновании завоевала женская тракторная бригада Д.М. Гармаш из Рыбновской МТС Рязанской области. Только за период весеннего сева она обработала (в переводе на мягкую пахоту) 1296 га при 487 по плану и сэкономила 2110 кг горючего и 838 кг смазочных масел. По решению ЦК комсомола ей было присуждено переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ. В 1943 г. Д.М. Гармаш удостоилась Государственной премии. Мария Кострикина из этой же бригады на тракторе ХТЗ выработала на весеннем севе 260 га условной пахоты, выполнила задание на 426% при экономии 360 кг горючего. Результат Анны Демидовой составил 250 га (409,6% плана) при экономии 344 кг горючего[76].

На казахской земле славно трудилась бригада П.Н. Ангелиной. План весеннего сева она выполнила на 200%, а общий объем тракторных работ 1942 г. перевыполнила на 2210 га[77]. Женская тракторная бригада Больше-Раковской МТС Куйбышевской области, выступившая в числе инициаторов Всесоюзного соревнования, годовой план работ выполнила на 201%, а трактористка Антонина Казакова – на 213%[78]. В Свердловской области в числе первых были созданы женские тракторные бригады Д. Ларионовой из Ирбитской и Л. Жировой из Усениновской МТС. Обе бригады стали победителями областного соревнования, в котором участвовали 140 женских тракторных бригад (4636 трактористок). Д. Ларионова приняла руководство бригадой, которую до призыва на фронт возглавлял ее муж. В состав этого коллектива входили начинающие трактористки, но все они быстро освоили технику и добились высоких показателей[79].

В Омской области отличилась бригада А.Ф. Кирюшиной из Тюкалинской МТС, в Новосибирской – В. Яско из Тогучинского района. Трудовую доблесть проявила колхозница В.К. Борисова из артели им. XVII партсъезда Убинского района Новосибирской области. Мать пятерых детей, она пошла работать на трактор и за весну 1942 г. вспахала и засеяла свыше 200 га[80]. В межобластном соревновании женских тракторных бригад в числе первых находились трактористки Коми АССР. Здесь все 48 женских бригад на 117% выполнили годовой план при экономии 44 т горючего. Хороших результатов добились инициаторы Всесоюзного соревнования трактористки Орджоникидзевского края. Большинство из 7 тыс. оспаривавших первенство трактористок Ставрополья выполнили свои обязательства, а 139 из них были награждены значком «Лучшая трактористка Советского Союза»[81]. Высоких показателей добились тракторные бригады Московской области, Чувашской АССР, Краснодарского края, Приморья и других регионов. В Приморье из 682 женщин-трактористок 94 выполнили план весеннего сева на 200%, 322 – на 120 – 150%[82].

Хорошо показали себя другие труженики сельского хозяйства. С весны 1942 г. наиболее широкое распространение получила ценная

инициатива рационального использования оставшегося конного поголовья, инвентаря и рабочей силы, проявленная активным комсомольцем колхоза «Красный партизан» Краснотуранского района Красноярского края Валентином Нагорным. 17-летний пахарь, используя сменных лошадей, уже в первый день работы по-новому поднял 4 га, выполнив более четырех норм. В последующем выработка поднялась до 500%. Столь же высоких показателей добились пахари того же хозяйства Дмитрий Першин, Елизавета Шагоракова, Иван Тимченко – всего более 20 человек[83]. Почин, который оперативно пропагандировала местная и центральная печать, подхватили не только в Сибири. В движение за перевыполнение норм по методу Нагорного включились не только пахари, но и бороновальщики, сеяльщики, трактористы, а затем машинисты сенокосилок и других уборочных машин.

Наиболее выдающихся успехов добились нагорновцы артели «Революционный путь» Ташлинского района Чкаловской области Ерофеев, Иванов, Степанов, Катков. Двумя лобогрейками они скашивали за день более 30 га вместо 5–6 по норме. Но и это не стало пределом. Всесоюзный рекорд выработки был установлен в колхозе им. Шеховцева Челябинской области. Здесь председатель артели П.Н. Алтынов сам сел за лобогрейку. Работа началась в 4 часа утра на трех сменных лошадях и продолжалась весь световой день. Так как один круг поля составлял свыше 3 км, то лошадей перепрягали после 17 кругов. Затем Алтынова сменил напарник, работавший до 12 часов ночи. В итоге выработка на одну лобогрейку составила в этом случае 21 га. Но вскоре колхозник той же артели Шивцов снял хлеб с 24 га[84], что равнялось сменному заданию работы на комбайне.

Геройски, почти без сна и отдыха трудились на уборке механизаторы. Передовые комбайнеры ежедневно скашивали по 30 – 60 га. В Алтайском крае комбайновый агрегат С.Е. Пятницы снял хлеб с 3368 га. Ф.В. Чабанова – с 2083, Н.Г. Добшика – более чем с 2500 га. Комбайнер Красиловской МТС Новосибирской области Н.А. Левин сцепом двух комбайнов С-6 убрал 1925 га, сэкономив 1778 кг горючего. Лучшими в Омской области стали комбайнер Наумов, скосивший одним комбайном 960 га и сэкономивший 742 кг горючего, комбайнеры Боронков, Курля, Короб, убравшие по тысяче и более гектаров зерновых.

Комбайнер Голуметской МТС Иркутской области А. Селянин на комбайне «Коммунар» снял 557 га зерновых вместо 162 по плану, сэкономив 950 кг горючего[85]. В Чкаловской области рекорд комбайновой уборки установил И.П. Варакин из Большевистской МТС. Двойным сцепом он скосил и обмолотил 3467 га и сэкономил 4654 кг горючего[86]. От механизаторов не отставали и те, кто трудился вручную. 75-летние Иван Третьяков и Иосиф Прошухлин из Краснояр-

ского края выкашивали литовкой за день по гектару и более пшеницы при норме в полгектара.

Во многих хозяйствах развернулось соревнование женщин-косарей. В Тамбовской области по примеру колхозницы А. Сарычевой из Платоновского района были созданы специальные женские звенья по косьбе хлеба. «Все озимые и яровые убрали, крюком скашивали в день до гектара озимых!» – вспоминал колхозник Я. Глотов из сельскохозяйственной артели «Красный доброволец» Избердеевского района[87]. До 1,5 га в день скашивала вручную колхозница артели «Путь Ленина» Заларинского района Иркутской области Ф. Абрамова, убравшая за сезон 30 га колосовых. Колхозница Е.Н. Фатьянова из артели «Красный кустарь» Солдатского района Омской области скосила вручную 46 га[88].

Большое значение придавалось движению женщин за скоростную вязку снопов. В числе зачинателей соревнования сноповязальщиц были колхозницы-комсомолки артели им. 1 Мая Усть-Абаканского района Хакасской автономной области. Звено юных колхозниц – Евдокии Дребенцовой, Марии Дребенцовой и Клавдии Касаткиной – на уборке урожая 1942 г. впервые применило новый, раздельный по операциям, поточный метод. В среднем девушки связывали за день до 11 тыс. снопов при норме 1500. А рекорд тех же колхозниц составил 25 111 снопов в смену[89]. Метод Евдокии Дребенцовой нашел многочисленных последователей. В Красноярском крае его применяло 3 тыс. звеньев. По 3–4 дневные нормы вырабатывали на вязке снопов в Усть-Кутском районе Иркутской области Евдокия Тимофеева и Анна Игнатьева из колхоза «Новая жизнь», Вера и Татьяна Филипповы из артели «Красный остров» и др.[90]. Звенья Прасковьи Марусиной и Елены Почитайло из Ташлинского района Оренбуржья, применяя конвейерный метод на вязке снопов за лобогрейкой, вырабатывали ежедневно по 3–4 нормы[91].

Настойчиво боролись за выполнение обязательств животноводы. Полностью выполнили их колхозники сельхозартели им. Сталина Кугалинского района Алма-Атинской области Казахской ССР – зачинатели соревнования среди животноводов[92]. Больших успехов в скотоводстве добился весь Казахстан, награжденный Почетным знаменем и первой премией Государственного Комитета Обороны. Общественное стадо колхозов республики за 1942 г. возросло на 1,5 млн голов, или на 17% к поголовью на начало 1942 г. Годовой прирост поголовья отдельных видов скота здесь составил: по крупному рогатому скоту – 344,5 тыс. голов, или 21,1%; по овцам и козам – 1101,6 тыс., или 17,4%; по свиньям – 27,4 тыс., или 12,5%; по лошадям – 30,7 тыс. голов, или 5,4% [93].

В 1942 г. колхозы республики сдали государству мяса на 1600 тыс. пудов и шерсти на 108 тыс. пудов больше, чем в предыдущем году. Казахстан поставил стране свыше 158,6 тыс. т мяса, 263,7 тыс. т мо-

лока, 13,8 тыс. т шерсти, 2,1 млн шт. сырых кож. При этом колхозы выполнили задание по мясопоставкам, на 66% увеличенное по сравнению с 1941 г.[94]. Поздравляя колхозников Казахской ССР с подъемом животноводства и завоеванием знамени ГКО, М.И. Калинин писал: «Ваши успехи являются большим вкладом в общее усилие советских народов в борьбе против гитлеровских захватчиков. Я уверен, что колхозное крестьянство Казахстана – мужчины, женщины и молодежь будут с еще большей энергией, умением и сноровкой работать на полях и в животноводческих фермах, чтобы дать фронту все необходимое для скорейшего разгрома заклятого врага»[95].

Много потрудились над выполнением обязательств колхозники сельхозартели «Путь крестьянина» Чистоозерного района Новосибирской области – инициаторы Всесоюзного соревнования за высокий урожай. Как и намечалось, они засеяли сверх плана 400 га яровой пшеницы, из них 50 га в помощь освобожденным от оккупации колхозам, выполнили и повышенный план посадки картофеля и овощей. В 1942 г. хозяйство дало Родине более 67 тыс. пудов хлеба, в том числе свыше 27 тыс. сверхпланового. Артель выполнила также обязательства по поставкам картофеля, овощей, мяса, шерсти и других продуктов. Из личных запасов в фонд Красной Армии колхозники внесли 1062 пуда хлеба, сдали 200 кур и гусей, центнер шерсти[96]. А всего в 1942 г. хлеборобы Сибири и Дальнего Востока заготовили около 190 млн пудов зерна, что составило более 24% хлеба, полученного всей страной[97].

Итоги Всесоюзного соревнования за 1942 г. были подведены в апреле 1943 г.[98]. Первые места занял ряд центральных областей, а также среднеазиатские республики. Знамя ГКО и первые премии были присуждены: за работу МТС – Московской области, за высокий урожай – Калининской, за подъем животноводства – Казахской ССР; знамя ГКО и вторые премии: за высокий урожай – Горьковской области, за подъем животноводства – Чувашской АССР. Третьи премии, знамя Наркомзема СССР и ВЦСПС получили Киргизская ССР и Ярославская область. Отмечались также хорошие результаты по полеводству и животноводчству Московской, Тульской, Ивановской, Ленинградской, Орловской, Горьковской, Калининской, Пермской, Свердловской областей, Марийской АССР, Киргизской, Таджикской и Узбекской ССР.

Среди районов первые места по урожайности заняли Бежецкий район Калининской области и Шкотовский Приморского края. На вторые позиции вышли Барзасский район Новосибирской области и Алтын-Кульский Узбекской ССР. За достижения в животноводстве первую премию завоевали Ярославский район одноименной области и Баян-Кульский Казахской ССР; вторую премию – Арзамасский район Горьковской области и Вичугский Ивановской[99]. Хозяйства Бежецкого района Калининской области собрали в среднем 13,6 ц

зерновых с 1 га, а колхоз «Большевик» – 23 ц при 4,6 ц по Союзу. Несмотря на то что часть районов здесь только что была освобождена от оккупантов, область досрочно рассчиталась с государством по хлебопоставкам, сдав сверх плана 7211 т зерна[100].

Весной 1943 г. исполнилась первая годовщина Всесоюзного соревнования. С призывом отметить эту важную веху ударной работой на весеннем севе одновременно выступило крестьянство многих регионов страны – Московской, Пермской, Омской областей, Хабаровского края, Азербайджанской ССР и др. Механизаторы Оренбуржья стали инициаторами соревнования по уборке урожая 1943 г. Весной 1944 г. с призывом достойно отметить уже вторую годовщину Всесоюзного соревнования выступили колхозники артели «Красный путиловец» Краснохолмского района Калининской области, а осенью знамя предоктябрьского соревнования подняли члены колхоза им. М.И. Калинина Воскресенского района Саратовской области, весной же 1945 г. – колхозники артели «Красный партизан» Брюховецкого района Краснодарского края[101].

Эти и другие начинания составляли лишь главные этапы общего Всесоюзного соревнования в течение каждого последующего года. Повсеместно проводились также декадники, месячники, фронтовые вахты, субботники и т.п. Формы соревнования и его размах с самого начала войны определялись заботой о фронте. С 1943 г. патриотические начинания все чаще возникали в ответ на конкретные военные события. Разгром фашистских войск под Сталинградом, историческая победа под Курском, дальнейшее победоносное наступление наших войск все выше поднимали общенародный патриотизм. «Работать так, как воюют наши земляки!», «Больше хлеба, мяса, овощей – сильнее удар по врагу!» – эти и подобные лозунги определяли все дела и мысли тружеников тыла. «Трактор – это наш танк, который мы ведем в бой за высокий урожай. Если мы выиграем это сражение, мы поможем фронтовикам выиграть сражение у Сталинграда и Моздока»[102] – так понимала смысл своего труда трактористка Зохре Тахирова – одна из участниц движения тракторных бригад Туркмении за звание фронтовых.

В начале сентября 1943 г. прошли фронтовые декадники по усилению хлебозаготовок в честь освобождения Харькова. В Новосибирской области передовые колхозы и целые районы успешно выполнили, казалось, недосягаемые в силу возросших трудностей фронтовые задания: Нарымский округ – на 102%, Верх-Ирменьский район – на 118%. Многие механизаторы и колхозники добились даже рекордной выработки в ходе декадника в честь освобождения второй столицы Украины. Знатный комбайнер Юдинской МТС И.А. Многолетний сцепом четырех (!) комбайнов убрал 660 га, а всего за время уборки – 1601 га, сэкономив 750 кг горючего. Комбайнер Е.Я. Ковалев из Мироновской МТС снял в дни декадника хлеб с 411 га. Убор-

ка велась всеми доступными средствами. В. Толстиков из колхоза им. В.И. Ленина Верх-Ирменьского района на жатке-самоброске скосил 242 га, а Е. Кетова из той же артели связала снопы с 55 га[103].

Мощный подъем в дни уборки вызвало сообщение об освобождении Донбасса. Колхозники Павловского района Алтая обратились ко всем работникам сельского хозяйства края с призывом провести в честь этого события с 13 по 20 сентября Неделю труда. Почин павловцев нашел горячий отклик и на промышленных предприятиях Алтайского края. За Неделю труда были убраны тысячи гектаров зерновых, многие колхозы полностью вывезли хлеб, собранный с участков, засеянных в фонд победы и помощи освобожденным районам. Многие промышленные предприятия ознаменовали Неделю выпуском сверхплановой продукции[104].

Ярославские земледельцы обязались завершить хлебозаготовки к 20 октября, сдать сверх плана в фонд Красной Армии 700 тыс. пудов зерна и вывезти его на государственные склады не позднее 5 ноября. Повсюду вели круглосуточный обмолот зерна, действовали комсомольско-молодежные тракторные бригады, проводились дни массовых красных обозов. Предприятия Ярославля, Рыбинска и других городов выделили в помощь селу 328 автомашин, 350 лошадей и сотни рабочих для транспортировки зерна, погрузки и разгрузки обозов[105]. Область полностью выполнила обязательства во Всесоюзном соревновании. Государственный план хлебозаготовок она завершила 16 октября – на 4 дня раньше обязательств. А к 20 октября ярославцы сдали сверх плана в фонд Красной Армии 200 тыс. пудов зерна. К 1 ноября хозяйства региона выполнили уже план поставок картофеля. Всего по итогам 1944 г. они сдали в фонд Красной Армии 1,5 млн пудов зерна и 2 млн пудов картофеля и овощей[106].

В 1943–1945 гг. соревнование стало еще более массовым, разносторонним и конкретным по целям и задачам. Формы соревнования быстро обретали большее разнообразие, лучше дифференцировались по многим зонам страны, периодам работ, усложнявшимся условиям труда. Совершенствовалась и практика разработки принимаемых обязательств, подведения итогов, система материального и морального стимулирования. Более целенаправленно руководили соревнованием партийные, советские и комсомольские организации. Они умело, с меньшим проявлением формализма направляли политический и трудовой подъем крестьянства, вызываемый победами на фронтах и нараставшими трудностями в сельскохозяйственном производстве.

Дальнейшее развитие получило соревнование женских тракторных бригад. В 1943 г. его инициатором выступила известная во всей стране бригада Д.М. Гармаш из Рязанской области. До окончания войны этот прославленный коллектив удерживал первенство. В 1944 г. выработка на каждый колесный трактор в этой бригаде возросла до

1886 га мягкой пахоты (5 годовых норм) при высоком качестве работ и большой экономии горючего. За четыре военных года общая выработка бригады составила почти 19 тыс. га, что равнялось 20 годовым нормам. Тем самым в труднейших условиях был установлен мировой рекорд производительности такого типа машин. Дарья Гармаш и ее подруги – комсомолки А. Анисимова, А. Демидова, М. Кострикина, Е. Кочетыгова, А. Фомина – ежегодно завоевывали переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ вплоть до 1947 г. (тогда по решению ЦК комсомола оно было передано бригаде на вечное хранение)[107].

Из года в год трудовой доблестью выделялась женская тракторная бригада П.Н. Ангелиной, возвратившаяся в 1943 г. из Казахстана в свою Старо-Бешевскую МТС Донецкой области. Известными тогда успехами прославили себя женские тракторные бригады А.Ф. Кирюшиной из Тюкалинской МТС Омской области, А.П. Резцовой из Бронницкой МТС Московской области, Е.В. Матцулевой из Ново-Тульской МТС Саратовской области и др. Ряды соревнующихся быстро росли. Если в 1942 г. в тыловых областях в соревновании участвовали 3932 женские тракторные бригады, то в 1944 г. – уже 5585. Повсеместно признанным стало соревнование комсомольско-молодежных тракторных бригад, которые также состояли преимущественно из женщин. Теперь это соревнование повсеместно носило массовый характер: в 1944 г. оно охватило свыше 20 тыс., а в 1945 г. – более 25 тыс. комсомольско-молодежных коллективов. Многие из них опять же добивались высоких результатов. В 1944 г. все, например, 675 бригад Московской области выполнили, казалось, уже совсем неподъемный план тракторных работ[108].

С зимы 1943/44 г. началось Всесоюзное соревнование МТС и механизаторов по восстановлению и ремонту сельскохозяйственной техники. К тому времени заметно улучшилось материально-техническое снабжение, прежде сего в результате массового шефства промышленных предприятий. Всесоюзное соревнование по ремонту машинно-тракторного парка стало общенародным, так как в движение по оказанию технической помощи деревне включились не только фабрики и заводы, но и целые города. За выполнение и перевыполнение плана ремонтных работ присуждались переходящие Красные знамена Государственного Комитета Обороны. Их обладателями стали Московская, Ворошиловградская, Ярославская, Новосибирская области и Алтайский край. Правительство отметило также хорошую работу в Кемеровской области, Бурятской и Якутской АССР. Им выделялось по 300 тыс. руб. для премирования отличившихся на ремонте механизаторов[109].

Среди победителей были не только области промышленного Центра, но и многоземельные районы Сибири. Досрочно завершил ремонт техники Алтайский край, благодаря чему выполнил план ве-

сенних тракторных работ 1944 г. на 102,6%. Впервые за годы войны выработка на условный трактор против предыдущего года увеличилась более чем на 30%. На 110,5% выполнили план весенних работ МТС Новосибирской области[110]. В Ярославской области тоже задание 1944 г. перевыполнили на 35%, а выработка на условный трактор здесь увеличилась на 29 га. МТС стали строже соблюдать агротехнические условия. Вдвое возросла площадь тракторной культивации, в 6 раз против 1943 г. увеличились посевы зерновых рядовыми тракторными сеялками[111]. Повышение уровня агротехники, как и увеличение объема тракторных работ, свидетельствовало о существенном сдвиге к лучшему в сельском хозяйстве тыловых районов.

Восстановление культуры земледелия активизировало соревнование бригад, особенно звеньев высокого урожая. Еще в довоенные годы обрело известность соревнование пятисотниц свекловичных полей Украины, движение за 100-пудовый урожай среди хлеборобов Поволжья, соревнование ефремовских, юткинских и карповских звеньев в Сибири, берсиевских в Казахстане. С начала войны многие знатные полеводы ушли на фронт, часть звеньев распалась. Но уже в 1942 г. звенья высокого урожая стали возрождаться – они тоже включались во Всесоюзное соревнование. Более широкий размах это движение получило в 1944–1945 гг., став всеколхозным и тоже преимущественно комсомольско-молодежным. Если в 1943 г., по данным 28 областей, краев и республик, в нем участвовали 24 тыс. комсомольско-молодежных звеньев, то в 1944 г. их число возросло до 64 тыс., а к концу войны – до 100 тыс.[112].

На Алтае вновь набирало силу ефремовское движение за получение высоких урожаев зерновых, начало которому было положено М.Е. Ефремовым в 1936 г. Если в 1941–1942 гг. здесь к концу полевых работ оставалось не более 200 ефремовских звеньев, то в 1944 г. их насчитывалось 1140, а весной 1945 г. – 1600. Сбор зерна на закрепленных за ними участках в 2,5 раза превышал среднюю в крае урожайность[113]. В Новосибирской области весной 1942 г. значилось только 112 звеньев высоких урожаев, в 1943 г. – уже 926, в 1944 г. – 1012. И здесь молодежные звенья добивались урожая выше среднего по области[114]. С 3203 в 1943 г. до 4668 в 1945 г. увеличилось число молодежных звеньев в Казахстане, с 432 до 1120 – в Киргизии, с 1570 до 3213 – в Азербайджане, с 775 до 1648 – в Армении [115]. Кроме названных регионов, соревнование звеньев высоких урожаев организованно проводилось в Московской, Калининской, Воронежской, Свердловской областях, Азербайджанской, Узбекской, Украинской ССР. Большинство их выполняло и перевыполняло плановые задания по урожайности.

К концу войны нарастали массовость и эффективность соревнования по профессиям. Этому способствовало учреждение в областях, краях и республиках почетных званий «Лучший пахарь», «Лучший

сеяльщик», «Лучший бороновальщик», «Лучший жнец», «Лучшая сноповязальщица», а среди животноводов – «Лучший конюх», «Лучшая доярка», «Лучший овцевод» с вручением соответствующих дипломов и грамот. В Пермской области по итогам соревнования за 1944 г. была отмечена хорошая работа 500 юных пахарей и бороновальщиков. Свыше 100 молодых колхозников и колхозниц заслужили почетные звания «Лучший машиновожатый», «Лучший жнец», «Лучшая сноповязальщица». Только почетными грамотами за год здесь было награждено около 2 тыс. человек[116]. В Ярославской области в 1944 г. в областную Книгу почета занесли имена 1002 передовиков сельского хозяйства, награжденных дипломами I, II и III степени. Показательно, что 75% из них составляли женщины. В это число входили льнотеребильщицы, машинисты сельскохозяйственных машин, косцы, пахари и т.д. Из 277 косцов области, отмеченных дипломами, 273 были женщины[117].

Обобщающее свидетельство роста трудовой активности крестьянства за военные годы – приведенные в табл. 3 статистические сведения годовых отчетов колхозов о выработке трудодней. Наибольший ее прирост за 1940–1944 гг. дали женщины – свыше 30%, хотя в 1941 г. средняя их выработка даже несколько уменьшилась. Это объяснялось тем, что со второй половины 1941 г. на смену выбывшим 1,9 млн мужчин пришло 428 тыс. женщин[118]. До конца года они, естественно, не могли настолько освоиться, чтобы достичь среднегодового уровня трудового участия.

Не менее красноречивы данные о росте средней производственной активности трудоспособных колхозников, взятые отдельно по союзным республикам (табл. 4). В среднем выработка трудоспособного мужчины здесь возросла на 20%, а женщины – на 33,3%.

Таблица 3

Выработка трудодней в колхозах на одного мужчину, одну женщину и одного трудоспособного*

Год	Мужчины	Женщины	Один трудоспособный
1940	312	193	222
1941	323	188	227
1942	327	237	259
1943	338	244	267
1944	344	252	275
1944 г., % к 1940 г.	110,3	130,6	123,9

* Сост. по: Ист. архив. 1962. № 6. С. 52, 53.

Еще более разительны данные о сокращении в республиках доли женщин-колхозниц, не вырабатывавших установленного минимума

трудодней. Если по тыловым регионам процент трудоспособных женщин, не выработавших обязательного минимума, снизился к 1944 г. с 18,3 до 12,8 (в 1,4 раза), то в Туркменской ССР это выразилось соответственно в 19,8 и 6,7 (в 3 раза), в Узбекской ССР – в 21,9 и 8,9 (в 1,5 раза), Казахской – в 25,4 и 12,4 (в 2 раза), Азербайджанской – в 33,2 и 15,3 (в 2,2 раза), в Грузинской ССР – в 45,5 и 19,1% (в 2,4 раза)[119]. При этом особо подчеркнем, что столь большие сдвиги произошли в республиках, где на протяжении ряда предыдущих лет участие крестьян в общественном хозяйстве колхозов было значительно меньшим, чем в целом по СССР.

В течение войны средняя выработка одним престарелым или больным составляла 130–135 трудодней, или половину среднегодовой выработки одним трудоспособным. Выработка подростка в возрасте от 12 до 16 лет поднялась с 74 трудодней в 1940г. до 103 в 1944 г. и стала составлять 42,2% средней выработки трудоспособного[120]. Главным источником необычайного размаха соревнования за оказание максимальной помощи фронту был осознанный, а то и жертвенный патриотизм. Политическая активность рождала массовую трудовую доблесть. В самоотверженном труде во имя победы колхозники видели весь смысл своей жизни, высшую моральную и материальную заинтересованность.

Положительно сказывались формы морального и материального стимулирования отличившихся в труде. В 1944–1945 гг. повсеместно для обобщения опыта, награждения и поощрения победителей соревнования проводились слеты передовиков сельского хозяйства по различным профессиям, вновь стали организовываться районные, областные и краевые выставки по итогам года. Центральные и местные издательства выпустили ряд книг и брошюр о работе лучших механизаторов, животноводов, отдельных хозяйств и колхозных организаций. Авторами многих из них выступали сами передовики[121]. Новаторы производства пользовались значительными и реально ощутимыми льготами. Медленно, но повышалась роль дополнительной оплаты труда, введенной накануне войны. Если в 1942 г. ее начисляли в 19,4% хозяйств, в 1943 г. – в 19,8, то в 1944 г. – в 28,2 и в 1945 г. – в 44,1% колхозов[122]. В мае 1942 г. система дополнительной оплаты была распространена и на механизаторов МТС.

Это вознаграждение за высокие показатели выдавалось обычно в виде натуральной продукции соответствующей отрасли. В Киргизии, например, передовики овцеводства в 1944 г. получили дополнительно свыше 20 тыс. ягнят и козлят[123]. В Ярославской области известной доярке Е. Горевой из колхоза «Горшиха» Некрасовского района за перевыполнение плана надоя и сохранение молодняка в 1942 г. выдали 3446 л молока, а свинарке Кураповой из артели «Власть труда» того же района – 17 поросят[124]. Члены звена знатного овощевода А.Е. Картавой из артели «Путь новой жизни» Кемеровской области

в 1945 г. выработали по 500–600 трудодней – их дополнительная оплата составила десятки тонн картофеля[125]. Чаще же такие начисления, конечно, были значительно скромнее, но и в этих случаях каждый премиальный килограмм продовольствия был очень дорог.

Таблица 4

Выработка трудодней в колхозах союзных республик (на одного мужчину и одну женщину)*

Республика	Женщины			Мужчины		
	1940 г.	1944 г.	1944 г. в % к 1940 г.	1940 г.	1944 г.	1944 г., в % к 1940 г.
Азербайджанская	232	285	122,9	133	172	129,3
Армянская	209	246	117,8	103	139	135,0
Грузинская	203	260	128,1	103	148	143,7
Туркменская	318	370	116,4	216	265	122,7
Узбекская	292	346	118,5	198	264	133,3
Таджикская	198	250	126,3	100	144	144,0
Киргизская	257	302	117,5	175	199	113,7
Казахская	345	389	112,8	180	261	145,0
В среднем	257	306	120,0	146	199	133,3

* Сост. по: Ист. архив. 1962. № 6. С. 54, 55.

Практиковались и другие поощрения победителей, в том числе натуральные премии промышленными товарами. В соответствии с условиями Всесоюзного соревнования, помимо денег, выделялись значительные фонды товаров для продажи сельским передовикам по твердым государственным ценам. Многие хозяйства применяли в качестве поощрения обработку приусадебных участков лидеров соревнования силами колхозов, совхозов и МТС.

Тем самым многогранная деятельность по руководству и поддержке социалистического соревнования, глубинный патриотизм советского крестьянства, приумноженный освободительными целями Великой Отечественной войны, придали этому движению широкий размах, породили многообразие его форм и починов. Нарастающий трудовой накал имел не только важное производственное значение, но и массовое воспитательное воздействие.

Прежде чем завершить наш почти хроникальный рассказ о соревновании, заметим, что в 90-е годы ушедшего века в разносной постсоветской литературе мы почти не найдем добрых объективных слов об этом знаковом, присущем только социализму явлении. Суждения об этом разве что могут идти в той же плоскости, что и о сущностных, системных причинах нашей Победы с очевидным акцентом

на их якобы сомнительный характер. Разумеется, не все, быть может, обстояло настолько созидательно, как показано и у нас. Тем более, что даже в самых полезных начинаниях часто проявляются разные недостатки, отклонения, особенно в чрезвычайных условиях. В случае с соревнованием, тем более в отдаленной деревне, зачастую его организационная сторона, исходившая сверху, действительно превалировала над истинной самодеятельностью. Кстати, мы умышленно и весьма значительно сократили освещение субъективной роли партийного и иного руководства соревнованием в том виде, как оно вырисовывается реально по документам, дабы поумерить пыл наших оппонентов.

Но ведь и сам советский строй в целом, особенно в колхозно-совхозном преломлении, естественно, к началу войны (а затем парадоксально еще больше) был весьма далек не только от совершенства, но и его начального исполнения. Тем не менее это вовсе не отбросило его очевидные преимущества перед той крайне капиталистической системой в лице фашизма. Пройдет еще немного времени – и поколение последующей России, возможно, с чувством искреннего удивления, а быть может, почти фантастического восхищения станет узнавать о каком-то невероятном для него состоянии души былого советского общества, отразившемся в таком реальном его проявлении, как социалистическое соревнование.

И это будет, если сама наша история не возвратится на круги своя. Соревнование можно пытаться вычеркнуть из истории советской цивилизации, как и саму эту цивилизацию. Но это невозможно точно так же, как нельзя благоговеть перед капитализмом, не помня таких его неизбежных спутников, как, например, смертельная конкуренция или ужасающая коррупция.

СОЦИАЛЬНОЕ ЕДИНЕНИЕ ГОРОДА И СЕЛА

Анализируя вклад социальных слоев советского общества в достижение Победы, раскрывая его особенности и даже поразделную уникальность применительно к рабочим, крестьянам и интеллигенции, мы ни в коем случае не можем позволить себе впасть в политизированную «противоставительность» несущих основ межклассового союза в спасении Отечества. Более того, весь ход и исход войны воочию показали очевидную зауженность самого понятия «классового союза» (равно и межнационального) в отношении истинного и невиданного ранее столь монолитного социально-этнического единения народа в войне с фашизмом. Это был звездный час его общей уникальной «совковости», которая непостижима для новоявленного индивидуализма. Она – как особый предмет былой гордости – порождала и осознанную жертвенность, и морально-политическое превосходство над противником. В данном же конкретном случае, о ко-

тором пойдет речь, это единение помогало решению многих, казалось бы, безысходных производственных задач в городе и на селе.

К их числу, отмечалось выше, относилась всеобъемлющая и нараставшая с каждым днем проблема кадров и рабочей силы в целом. Она вызывалась массовыми военными призывами и последовавшими затем перераспределениями оставшихся людских ресурсов между индустриальными отраслями, промышленным и сельскохозяйственным производством. Но главным источником, питавшим все эти подвижки и перемещения, неизменно оставалась деревня, не знавшая бронирования. Две трети ее трудовых ресурсов, преимущественно мужчин, пополняли действующую армию. Одна треть, в основном женщины-колхозницы и подростки, восполняла призывную убыль рабочего класса в виде постоянного и сезонного трудового набора на селе. Город же обычно мог отвечать деревне временным, сезонным оказанием помощи в проведении главным образом уборочных и заготовительных работ.

Здесь трудно говорить о какой-то соразмерности и эквивалентности трудового взаимозачета, и об этом, разумеется, тогда и речь не шла. Но некоторые сопоставления все же просматриваются. Всего за время войны в промышленность, на строительство и транспорт было привлечено в общей сложности 12 млн человек. Одновременно на основные сезонные работы в сельское хозяйство в порядке мобилизации ежегодно направлялось от 3 до 4 млн неколхозного населения. То есть даже значительно больше, чем за год приходило на работу в промышленность. Аналогичны сопоставления и по регионам, если не принимать в расчет временной характер встречного взаимопривлечения. В Новосибирской области, например, на работу в промышленность и в школы трудовых резервов с начала 1942 г. и до сентября 1945 г. было мобилизовано 140 тыс. человек, тогда как только в 1942 г. на сельскохозяйственные работы здесь выезжало 150 тыс. человек[126].

Но нужно иметь в виду и следующее. Помимо мобилизаций на постоянную работу сельского населения в промышленность всюду и необычайно широко применялись временные его призывы – на военные строительные объекты, лесо- и торфозаготовки и т.п. На сооружение одного Орского металлургического комбината Чкаловской области летом 1942 г. было направлено 2000 местных колхозников и несколько сот конных подвод. В Свердловской области при общей численности 160 тыс. трудоспособных на селе только в лесозаготовках с ноября 1943 г. по апрель 1944 г. участвовало около 24 тыс. колхозных лесорубов, в том числе более 10 тыс. возчиков с лошадьми. Там же ежегодно из числа сельского населения на торфодобычу мобилизовывалось до 4 тыс. человек[127].

Так что городская сезонная помощь селу вполне компенсировалась обратным сезонным участием со стороны крестьянства. Разни-

ца, пожалуй, заключалась лишь в том, что первая в основном осуществлялась в летне-осеннее время, прежде всего в ходе уборки урожая, вторая – в остальное время года, преимущественно зимой. Но было еще одно принципиальное отличие. Как ни значителен был вклад горожан в уборочные работы (ежегодно, напомним, на село выезжало от 3 до 4 млн человек, которым соответственно начислялось от 3 до 4% всех выработанных в колхозах трудодней), не менее половины прибывавших в деревню составляли школьники и почти столько же так называемое «неорганизованное» население городов и рабочих поселков, которые, кстати, в какой-то мере решали здесь и свои чрезвычайно обострившиеся продовольственные проблемы.

На заготовки древесины, включая лесоповал и транспортировку, добычу торфа и выполнение разных строительных работ оборонного характера прибывали из села, как правило, наиболее трудоспособные крестьяне и опять же преимущественно из числа женщин – к владению лошадью, пилой, топором и прочим инвентарем им было не привыкать. Решающее участие сельского населения в этих тяжелейших работах приобретало очень важное государственное значение. По сути дела, крестьянство связывало собой целые выпавшие было звенья военно-промышленного комплекса, который и без того остро нуждался в своей фабрично-заводской рабочей силе. И крестьянство это хорошо понимало, хотя у самой деревни подобных производственных «разрывов» становилось еще больше.

И уж совсем не вспомогательный характер носило массовое участие крестьян и всего сельского населения в трудовом обеспечении многих ударных и даже не только межрегиональных, но и общегосударственных стратегических оборонных задач. Приведем лишь два обобщающих примера, связанных с глубоким тылом и с прифронтовой зоной. Как известно, после оккупации Донбасса основным энергетическим носителем стал сибирский Кузнецкий угольный бассейн, переживший в годы войны свое второе рождение. Строительство новых шахт, радикальное расширение прежних, острейшая проблема недостающей рабочей силы, узость подъездных и транспортных развязок – таким выглядел здесь целый комплекс неотложных проблем. На Урало-Кузбассе в итоге замкнулась вся прежняя и эвакуированная на восток промышленность.

В первые же месяцы и годы войны по различным трудовым мобилизациям на шахты Кузбасса прибыло около 100 тыс. рабочего пополнения, в основном из сельских районов. В 1943 г., когда местные трудовые ресурсы практически были исчерпаны, все же только по внутриобластному призыву бассейн вновь получил 32 тыс. человек, в том числе 17,8 тыс. из сельской местности. В 1944 г. сюда поступило еще около 30 тыс. человек – на этот раз уже из других областей Сибири, но в том же социальном составе. Кроме того, в 1943–1944 гг. на шахты и заводы Кемеровской области рабочая сила на-

правлялась из республик Средней Азии, соседнего Казахстана и даже с Северного Кавказа и из районов Нижнего Поволжья[128].

Но и это не все: в начале 1942 г. в соответствии с постановлением ГКО об усилении пропускной способности железных дорог, соединявших Кузбасс и Караганду с Уралом и Поволжьем, Свердловский обком ВКП (б) особым решением обязал большую группу районов области, примыкавших к железнодорожным линиям, выделить в распоряжение строительного управления 5500 колхозников и 1000 подвод. А еще в декабре 1941 г. с той же целью, но другая группа сельских районов направила на реконструкцию железных путей 2500 человек и 300 колхозных подвод. При этом было осуществлено жилищное уплотнение местного населения в радиусе 10-километровой зоны от железной дороги для размещения прибывших рабочих[129]. Все разнарядки и распоряжения выполнялись в намеченные сроки, как и реализация самих стратегических работ, превращавших Урало-Кузбасс в становой хребет нашей оборонной мощи.

А теперь о втором подобного рода примере. Уже осенью 1941 г. очень важным стратегическим звеном защиты Москвы становилось Верхневолжье и примыкавшие к нему области. В этой связи Г.К. Жуков рассказывал, что еще в сентябре Гитлер имел возможность развернуть прямое наступление на нашу столицу, но тогда не рискнул это сделать: «Он считал необходимым сначала захватить Ленинград, а затем, соединившись с финскими войсками, нанести глубокий удар, обходя Москву через Ярославль». 15 октября непосредственно И.В. Сталиным всем первым руководящим лицам Верхневолжского региона, включая Горьковскую область, было дано неотложное задание о возведении здесь мощного и сплошного вала военных укреплений. Общая их протяженность с ответвлениями и двойными линиями (от Рыбинского моря до границ Горьковской и Ивановской областей) достигала 1900 км – вместе с обводами вокруг городов.

Число занятых на стройке и подлежавших организованному питанию, как видно из постановления Ярославского комитета обороны, достигало 250 тыс. человек. До 75% мобилизованных составляли сельские жители, а в их числе до 70% – женщины. Со слезами от 35-градусного мороза (зима тогда выпала на редкость лютая), на тех же колхозных подводах и вручную они возили, рыли, долбили, пилили, жили в основном в ими же сооруженных землянках. Мужчин и профессиональных строителей едва хватало для организации фронта работ. За ноябрь, декабрь и январь 1941/42 г. было возведено 285 пулеметных дотов, 122 огневые позиции для пушек, а также 1332 железобетонных колпака. Здесь соорудили усиленные противотанковые рвы, надолбы, ловушки, эскарпы*, окопы, ходы сообщений. Помимо

* Эскарп, как и контрэскарп, – сооружение с отвесной стеной в сторону противника и пологим скатом в обратном направлении.

них было построено 1036 армейских землянок и 248 командно-наблюдательных пунктов[130].

И все это – ныне непостижимо – с помощью лома, лопаты, кирки, тачки, костра против промерзшего грунта. Не было даже взрывчатки, зато кроме питания хорошо обеспечивали теплой одеждой, обувью, бельем. И не надо сетовать на то, что построенные в срок оборонительные рубежи не пришлось использовать по прямому назначению. Хотя их возведение, несомненно, отрезвляюще действовало на фашистское командование. Пожалуй, впервые с начала войны немецкие «обходные клинья», столь успешно применявшиеся до этого, вовсе не прошли, а фронтальное наступление гитлеровцев на Москву не только захлебнулось, но и закончилось их сокрушительным разгромом.

Всего в 11 областях и автономных республиках РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Азербайджане, Армении, Грузии и в Карело-Финской ССР на строительстве оборонительных рубежей было занято, преимущественно из сельского населения, около 4,5 млн человек[131]. Столь массовые мобилизационные методы привлечения рабочей силы отвечали соответствующим патриотическим настроениям миллионов людей в городе и деревне, а потому срабатывали без каких-либо социальных конфликтов. Их преобладающее использование вызывалось только следующим – соображениями предельной организованности, централизма, управляемости и мобильности, диктуемыми военной, обычно критической обстановкой. Учитывалось при этом и усиление правовых и административно-плановых начал. Но в любом случае исключительная эффективность мобилизационных форм и методов, применявшихся сверху, обусловливалась прежде всего общей поддержкой снизу – рабочих, крестьян, интеллигенции.

Концентрированным проявлением общенародного единения стала созданная перед войной система подготовки трудовых резервов в виде ремесленных училищ, школ фабрично-заводского обучения, железнодорожных и некоторых других учебных заведений по подготовке квалифицированных рабочих кадров, в которые на основании добровольно-призывной мобилизации принимались дети в возрасте 12–13 лет. Всего за 1940–1945 гг. в учебные заведения этой системы было принято 3703,1 тыс. человек, в том числе 1315,5 тыс. из городской молодежи и 2387,6 тыс. из сельской. Две трети из числа зачисленных составляли учащиеся ФЗО, а в них, в свою очередь, 81% – посланцы деревень и сел. В общей сложности по СССР количество учебных заведений в системе трудовых резервов возросло с 1550 в 1941 г. до 2587 в 1945 г., в том числе в Российской Федерации – с 1063 до 1760[132].

В свою очередь в РСФСР наибольшее число училищ приходилось на Урал, где за годы войны оно возросло со 141 до 346, и на Сибирь

с Дальним Востоком, где вместо прежних 120 их стало 298. Из освобожденных республик наибольшее количество училищ трудовых резервов (199 на 1945 г.) имелось на Украине. Весьма примечателен пример индустриального Урала: даже в этом уникальном промышленном регионе из 302 тыс. принятых в училища за 1940–1945 гг. более 248 тыс. составляли выходцы из местных деревень, или 82%[133]. Этот «опорный край державы» не только с успехом выполнял роль главной литейной страны, ведущего производителя танков и другого вооружения, но и сводного учебно-производственного комбината по подготовке массовых квалифицированных кадров более, чем для 20 регионов европейской и азиатской части страны. Оттуда и шел преобладающе сельский поток молодежи.

Только в училища Свердловской области к 1944 г. прибыло: из Воронежской области – 5777 человек, Калининской – 5301, Башкирской АССР – 5100, Кировской области – 4770, Белорусской ССР – 3692, Орловской области – 2977, Смоленской – 2553, Мордовской АССР – 2322, Марийской – 2000, Чувашской – 1884, Казахской ССР – 1600, Саратовской области – 800, Тульской – 800 человек[134]. Попутно заметим и следующее: система трудовых резервов эффективно помогала разрешать не только кадровую, но и социальную проблему – она выступала одним из самых надежных гарантов успешного предотвращения детской и подростковой беспризорности – грозного бича, как видим теперь, не только военного, но и мирного времени.

Уже в первые месяцы и годы войны учащиеся трудовых резервов обрели опыт и участвовали в строительстве важных предприятий, затем – в восстановлении освобожденных городов, разных сельских объектов, электростанций, МТС, железных дорог, школ, больниц и т.д. Еще в мастерских училищ и на производственных площадях базовых предприятий они изготовили для фронта и страны 6 млн мин, 26 млн шт. различных деталей, добыли 7 млн т угля, 3 млн т руды, 400 тыс. т нефти, 1 млн т чугуна, 2 млн т стали, произвели 3 тыс. металлорежущих станков, отремонтировали 11 тыс. паровозов, 100 тыс. вагонов, а также 5 тыс. тракторов и комбайнов и выпустили 28 тыс. комплектов инструмента и 4,5 млн запасных частей к сельскохозяйственным машинам[135].

Государство при всесторонней заботе общественности, в первую очередь комсомола, испытывая и преодолевая нужду и бедствия войны, делало невероятно будничное и прозорливое: оно кормило, обувало и одевало в добротную форму и вводило в профессиональную жизнь совсем юное поколение рабочего класса, ставшее прямым детищем социально-военного единения нашего народа. Всего за время войны система трудовых резервов подготовила около 2,5 млн квалифицированных рабочих, в том числе около 2 млн в школах и училищах РСФСР, а из них, в свою очередь, – почти 800 тыс. на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке[136]. Они многое сделали уже в годы

самой войны, но еще больше в годы послевоенного восстановления. Это были и в самом деле и молодые, и золотые руки.

Тот же разноцелевой социальный аспект во взаимоотношениях города и села просматривался и в обратной организации движения молодежи по оказанию помощи деревне в наиболее напряженные периоды сельскохозяйственных работ. На первом месте, разумеется, стояла прямая производственная задача – помочь колхозам и совхозам в уходе за посевами, который из-за обвального сокращения рабочей силы в деревне стал почти неподъемным. Но широкое приобщение учащейся и подростковой молодежи городов и рабочих поселков особенно к уборке урожая требовало овладения хотя бы простейшими навыками крестьянского труда. Акцентированное трудовое воспитание опять-таки помогало вовлечению совсем молодого юношества в общее русло гражданской нравственности, а вместе с этим и облегчению его сложного продовольственного положения.

Уже в первую военную осень на полях и токах страны трудились сотни тысяч школьников и студентов. 6 августа 1941 г. Свердловский обком партии одобрил инициативу обкома ВЛКСМ о направлении 42600 комсомольцев и несоюзной молодежи на уборку урожая[137]. Поддержанный ЦК комсомола, этот почин, в сущности, вылился в общегосударственный поход юношества на село, который объединился с общим движением горожан, не занятых на работе в промышленности, по оказанию помощи деревне. Как свидетельствуют довольно репрезентативные сводки, в среднем по различным регионам страны в уборке урожая 1941 г. участвовало от 50 до 200 тыс. человек в каждом. На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке в летне-осенних работах было занято около 1 млн горожан, причем самым многочисленным этот «десант» (200 тыс. чел.) оказался в Новосибирской области[138]. Подчеркнем и следующее: всюду среди посланцев городов и райцентров до 50% составляла учащаяся молодежь.

Особый смысл борьбы за спасение урожая 1941 г. приобрела уборка в прифронтовых районах в условиях быстрого продвижения противника. О масштабах спасенного и вывезенного хлеба уже рассказывалось выше, и не вина в том мужественных людей, зачастую под вражеским обстрелом и бомбежками убиравших поля, что столь же нередко собранное ими доставалось оккупантам. На Украине только в Запорожской и Ворошиловградской областях в уборке урожая 1941 г. участвовали 120 тыс. горожан. Из поволжского региона, который также стремительно превращался в ближний тыл наших войск, наиболее массовым привлечение городского населения к сельскохозяйственным работам той осени было в Куйбышевской области – свыше 2 млн рабочих, служащих, учащихся и 8 тыс. учителей[139].

Еще более организованный характер приобрела трудовая помощь деревне в 1942 г. в связи с принятым 13 апреля постановлени-

ем СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы трудоспособного населения городов и сельских местностей». Совнаркомы республик, краевые и областные исполкомы получили разрешение с этой целью в наиболее напряженные периоды мобилизовать трудоспособное население, не занятое в промышленности и на транспорте, а также часть служащих учреждений. К сельскохозяйственным работам привлекались также учащиеся 6–10 классов, техникумов и студенты вузов, кроме выпускных курсов. Оплата труда горожан производилась по действовавшим нормам выработки наравне с колхозниками.

Прибывшие на село поступали в распоряжение колхозов и совхозов, которые были обязаны обеспечить их питанием и жильем, а также оплатить транспортные расходы по перевозке. При совнаркомах республик и соответствующих исполкомах создавались специальные мобилизационные отделы, а в районах назначались заведующие. Предусматривались и меры наказания лиц, уклонявшихся от мобилизации. Всюду началась заблаговременная подготовка городского населения и молодежи к овладению ими механизаторскими специальностями и основами агротехники. Уже к началу полевых работ такое обучение прошли более миллиона горожан. А всего в 1942–1943 гг. более 100 тыс. из них стали трактористами, 20 тыс. – комбайнерами, 7 тыс. – шоферами и 551 тыс. – специалистами по работе на других сельскохозяйственных машинах и механизмах. Почти все они участвовали в посевных и уборочных кампаниях[140].

Регионально труд горожан на селе в 1942 г. выглядел таким образом: в Казахстане в нем участвовало 300 тыс. человек, в Новосибирской области – 150 тыс., Омской – 133 тыс., Челябинской – 150 тыс., Горьковской – 107 тыс. и т.д. В целом по стране в 1942 г. в сельскохозяйственных работах было занято свыше 4 млн человек привлеченного населения, которые выработали 222 млн трудодней, или 4% от всех начисленных в колхозах. Чтобы подвести некоторый итог этому примечательному сюжету, одновременно заметим: в 1943 г. на колхозных полях трудилось 2,8 млн и в 1944 г. – 3,3 млн горожан. Всего за время войны они выработали – в основном на уборке – более 1,1 млрд трудодней. Из них только городским школьникам и только за 1942–1944 гг. было начислено около 589 млн трудодней[141].

Относительно малая доля (4%) выработанных трудодней никак не умаляет реального вклада в помощь деревне, ибо она будет выглядеть значительно большей, если ее соотнести не со всеми трудоднями, начисленными в колхозах, а за вычетом тех, которые выработали сами колхозники в осенне-зимнее и зимне-весеннее время, а также затраченных на содержание административного и обслуживающего персонала. Но были и своеобразные «рекорды» двоякого рода. Так, в одном из официальных документов отмечалось, что «в ряде колхозов» Алтайского края силами городского населения (здесь по-

мимо учащихся в сельскохозяйственных работах ежегодно участвовало около 150 тыс. чел.) выполнялось до 80% всех работ[142]. И в этом, скорее, проглядывала тревожная печаль обезлюдевшей деревни, нежели достижение. То главное, за что вскоре «поплатился» и сам первый секретарь крайкома, о чем было сказано выше.

Пример иного порядка дала Ярославская область. В этом промышленном регионе, существенно уступавшем в аграрном отношении Алтаю, уже в 1942 г., когда уникальные по масштабам задач и использованию людей работы по возведению оборонительных рубежей оказались позади, сезонный призыв на уборку составил почти 120 тыс. человек. В 1943 г. трудодни привлеченных на работу в колхозах достигли 17% начисленных самим колхозникам за полевые работы. Причем помимо взрослого мобилизованного населения на полях области трудилось еще 70 тыс. учащихся школ, техникумов и студентов[143]. Динамичное использование – подчас на уровне изнуряющего беспредела – всех оставшихся позволяло здешнему руководству весьма устойчиво поддерживать сельское хозяйство на уровне самых высоких для тех условий показателей в стране.

И все-таки: не единожды занимавшая призовые места во Всесоюзном соревновании, обладавшая дипломами ГКО и СНК СССР по ряду сельскохозяйственных показателей, представленная в этой связи в 1945 г. к награждению орденом Ленина (но так его и не получившая) Ярославская область в итоге не избежала той же участи, которая уже в 1943 г. постигла Алтайский край, с той лишь разницей, что обвальное падение сельскохозяйственного производства в Верхнем Поволжье удалось оттянуть до первых послевоенных лет – вместе с недородом и даже голодом. Но это вовсе немаловажно, когда дело шло о жизни и смерти самого государства. Тем более что широкое привлечение горожан к уборочным работам носило вынужденный, неизбежный и, по сути, спасительный характер – его ни в коей мере нельзя считать ошибочным.

Более основательным и результативным в оказании помощи деревне должно было бы стать восстановление ее технической оснащенности. Но в первые годы войны у государства такой возможности не было. Наоборот, как мы уже рассказали выше, само сельское хозяйство отдало всю свою лучшую технику для армии. Поэтому техническая помощь колхозам, совхозам и МТС в 1941 и 1942 гг. в основном носила самодеятельный характер на уровне заводских коллективов, традиционного шефства над селом в рамках конкретных предприятий, административных районов, ведомств и т.п. В последующем по мере развертывания слаженного военно-промышленного производства и появления значительных резервных возможностей у государства на первый план все больше стали выходить планируемые, а затем и прежние централизованные материально-технические поставки сельскому хозяйству.

С этой целью в 1944 г. государство выделило 7,2 млрд руб, что в 1,5 раза превышало аналогичные ассигнования 1943 г. К 1944 г. вступил в строй Алтайский тракторный завод, а в конце того же года началось производство тракторов на Липецком тракторном заводе. В апреле 1945 г. приняли к эксплуатации первую очередь Красноярского завода комбайнов. Возобновился выпуск тракторов на довоенных заводах – начались конверсионные процессы на других прежних предприятиях сельскохозяйственного машиностроения. Все это дало возможность поставить на село в 1944–1945 гг. 9 тыс. тракторов, 10,7 тыс. грузовых автомобилей, 8,5 тыс. тракторных и 39,2 тыс. конных плугов, 323 зерновых комбайна. Значительную часть техники передали в сельское хозяйство военные организации[144].

Но все это выглядело не более чем примечательным началом заключительного этапа войны. А раньше того нужно было предпринять хотя бы посильные меры по ремонту повально выходившей из строя и без того изношенной техники – из-за отсутствия запасных деталей, инструментов и надлежащего ремонта. В начале 1942 г. молодежь Иловлинской МТС Сталинградской области выступила инициатором сбора и реставрации запасных частей к тракторам и другим машинам. Их поддержали всюду, а главное – почти на всех предприятиях страны, особенно на машиностроительных и металлообрабатывающих. Создавались комсомольско-молодежные бригады, которые в свободное от основной работы время изыскивали где-то забытые или преждевременно списанные детали, инструмент, материалы, реставрировали станки и необходимую оснастку, а вместе с этим ремонтировали и изготовляли сами запасные части. Вскоре к столь важному делу так или иначе подключились и целые заводские коллективы.

В числе первых почин сталинградцев поддержали горьковчане. Сельским механизаторам в 1942 г. один только Горьковский автозавод передал 5700 единиц различного инструмента и запасных частей, 25 т металла. Его коллектив отремонтировал для подшефных МТС 39 тракторов, 12 автомашин, 58 моторов, 350 сельскохозяйственных машин. Соразмерную помощь деревне оказывали здесь такие не менее известные предприятия, как завод «Красное Сормово», авиационный им. С. Орджоникидзе, «Двигатель революции», Станкозавод и др. При этом масштабы помощи ежегодно увеличивались многократно. Если в 1943 г. для МТС и колхозов Горьковской области было изготовлено одних лишь запасных частей более чем на 1,5 млн руб., то в 1944 г. только на предприятиях областного центра – на 5,4 млн[145]. Уже с 1943 г. шефское движение стало настолько массовым и стабильным, что оно охватило все без исключения МТС, колхозы и совхозы, обретая основные черты обязательной заданности, приравненной по значимости к выполнению профильных производственных задач фабрично-заводских коллективов. Для этого создавались це-

лые производственные подразделения и даже цеха на постоянной основе, выделялись и зарабатывались средства, материалы. Итоги работы строго учитывались при общей оценке деятельности предприятий и их руководителей. В конце 1943 – начале 1944 г. повсеместно состоялись пленумы обкомов, горкомов, совещания руководителей фабрик и заводов, секретарей парторганизаций, обсудившие поставленные перед ними задачи по оказанию помощи селу, которые приравнивались к оборонным заказам со всей мерой государственной, партийной и чрезвычайной ответственности.

В начале 1944 г. по инициативе Саратовского завода «Сельэлектро» по всему Союзу развернулось соревнование за многократное увеличение выпуска запчастей к тракторам и сельхозмашинам. Готовились всюду и основательно: проводились организационные мероприятия всех уровней, один за другим следовали соответствующие воскресники, декадники, месячники, многое делалось для массовой пропаганды. Об этом ярко свидетельствует пример Алтая – комплексный, как и сама шефская помощь. Первый воскресник здесь был проведен еще в январе 1944 г. Накануне состоялось 320 собраний, 140 митингов, 1030 совещаний, на местах выпущено 212 боевых листков, разосланы тысячи обращений, призывов. Газеты «Алтайская правда» и «Гудок Алтая» издали 2,8 тыс. экземпляров специальных выпусков, посвященных организации воскресника.

На заготовку леса для Алтайского тракторного завода вышли десятки тыс. рабочих, железнодорожников, домохозяек, колхозников. За один день они заготовили 16 450 куб. м древесины, вывезли 12 840 куб. м леса. Тракторный завод получил дополнительно 809 вагонов лесоматериалов, что позволило увеличить производство запчастей для сельхозмашин. Таких воскресников только по трестам «Запсиблес» и «Алтайлес» состоялось свыше двадцати. Жители одного из крупнейших в Сибири центров сельхозмашиностроения г. Рубцовска с декабря 1943 г. до начала полевых работ 1944 г. ежемесячно проводили общегородские воскресники. Заработанные средства шли на премирование рабочих, отличившихся на выполнении заказов для села. В 1944 г. предприятия Рубцовска дали сельскому хозяйству запчастей на 2,5 млн руб. Эвакуированный сюда из Харькова тракторный завод выпустил за 1943–1945 гг. 7 тыс. мощных гусеничных машин. За ударную работу предприятие удостоилось Красного знамени ГКО[146].

И вся промышленность Алтайского края значительно перевыполнила даже повышенные задания 1944 г. по изготовлению запасных частей, а всего за два последних года войны она дала их сельскому хозяйству почти на 12 млн руб., или в 7 раз больше, чем в 1941 г. Значительное влияние на положительные сдвиги в деревне оказало постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 января 1944 г. «О мерах по подъему сельского хозяйства Алтайского края». Кроме других весь-

ма радикальных мер, в соответствии с ним тракторный парк МТС Алтая пополнился 150 новыми гусеничными машинами, в крае было создано 5 новых машинно-тракторных станций с полным комплектом ремонтного оборудования, электросварочных, газосварочных и иных аппаратов. Заблаговременно завезли горючее и семена яровой пшеницы, посевные площади которой в первые годы войны резко сократились[147].

И, как говорится, положительный итог не замедлил сказаться. Заметно улучшило работу ведущее звено сельского хозяйства. В 1944 г. впервые за годы войны МТС края не только выполнили, но и перевыполнили план тракторных работ на 20%. Средняя выработка на каждый условный трактор возросла на 27%. Началось восстановление посевных площадей – только яровой пшеницы было посеяно на 326 тыс. га больше прошлогоднего. На 9 млн пудов возросли заготовки зерна. Опять же впервые за военные годы Алтай выполнил планы заготовок картофеля и мяса. Начался постепенный, но неуклонный выход из прорыва[148].

Аналогично складывалась ситуация и в других регионах Сибири. На сумму около 5 млн руб. (в три раза больше, чем в 1941 г.) изготовили запасных частей предприятия Красноярского края. В несколько раз увеличилось их производство в Новосибирской и Кемеровской областях. Быстро наращивали производство запчастей и инструментов заводы и фабрики Омской области. А всего ее рабочий класс поставил за годы войны для села запчастей на 46,6 млн руб. Для МТС и совхозов здесь было передано 400 единиц металлорежущего оборудования, отремонтировано много станков, двигателей, моторов. Инициатор всесибирского соревнования 1944 г. по наращиванию помощи деревне томский завод «Манометр» изготовил на 32 тыс. руб. запчастей, а предприятия Томска (лишь сверх плана) к 26-й годовщине Советской Армии – свыше 3 тыс. поршней для тракторов[149].

Обратимся к Уралу. В 1944 г. и первой половине 1945 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) после тщательного изучения состояния сельского хозяйства региона приняли детализированные постановления о его восстановлении и развитии по всем без исключения областям. И здесь основным звеном считалось возрождение широкой технической помощи деревне. Примечательно и то, что наряду с перенесением изготовления запчастей в основной оборонный заказ (производственный план) было запрещено любое последующее изъятие из колхозов, совхозов и МТС материальных и людских ресурсов. Более того, в ряде случаев и не только на Урале, по ходатайству местного руководства часть весьма значительных предприятий была переключена с сугубо военного производства на выпуск деталей и механизмов для села. Директора шефствовавших заводов и фабрик наряду с директорами подшефных МТС стали нести персональную ответственность за готовность тракторов и другой техники к работе.

В областном срезе динамика роста технической помощи сельскому хозяйству здесь выглядела таким образом. В Чкаловской области производство тракторных запчастей поднялось по их стоимости с 449 тыс. руб. в 1941 г. и 2 млн 700 тыс. в 1942 г. до соответственно 3 млн 88 тыс. и 7 млн 468 тыс. руб. в 1943 и 1944 гг. Изготовлением запчастей только в плановом порядке занималось 33 предприятия южного Урала[150]. Столь же выразительны показатели по Челябинской области: количество произведенных запчастей на один физический трактор (в том же выражении) в этом тракторном регионе даже приблизилось к предвоенному уровню, составив в 1944 г. 671 руб. против 810 в 1940 г. и 381 руб. в 1943 г. Только с января по 15 декабря того же года 92 завода области поставили для села разных деталей на 10 млн 936 тыс. руб.[151].

В таких же исчислениях помощь деревне поступала и в другой индустриальной области центрального Урала – Свердловской. Если в 1942–1943 гг. для ремонта сельхозтехники ее предприятия изготовили деталей на общую сумму 3 млн 371 тыс. руб., то за III и IV кварталы 1944 г. и I и II кварталы 1945 г. – на 11 млн 518 тыс. руб[152]. Столь же соразмерны показатели по Курганской области восточного Урала, но у нас нет, разумеется, соответствующих динамических сведений, так как она была образована только в 1943 г. путем вычленения из Челябинской области. Что же касается Пермской области (Западный Урал), то здесь выпуск запчастей для сельхозмашин в 1944 г. по сравнению с 1941 г. возрос в 3,5 раза, достигнув суммы 5 млн 522 тыс. руб.[153].

И еще одна примечательная деталь: сюда в 1944 г. из армейских частей поступило 150 автомашин, пригодных для дальнейшей эксплуатации, и 500 комплектов авторезины[154].

И пожалуй, еще более знаковая примета того времени, особенно в свете (точнее, в темноте) веерных отключений электроэнергии в России в зиму 2000/01 г., дабы вновь не возвращаться к Уралу. К концу войны, богатый многими бурными горными речками, он стал одним из инициаторов «малой сельской электрификации» и опять же при решающей помощи заводских коллективов. Удивительно, но факт: заявки на проектирование, изготовление соответствующего комплекта электрооборудования и его монтаж лишь с небольшой долей участия самих колхозов и МТС поступили более чем от тысячи хозяйств региона. В Свердловской области в соответствии с постановлением обкома ВКП(б) заказы были размещены на 400 заводах. Только одно из номерных оборонных предприятий Свердловска изготовило в 1945 г. 100 турбин типа «Френсис», а известный Уралмаш поставил для строившихся ГЭС в подшефном районе экскаваторы, необходимый металл и материалы[155].

Всего к окончанию войны в сельских районах Свердловской области было построено 97 ГЭС, 470 трасформаторных подстанций, а

также 284 ТЭЦ общей мощностью 19 тыс. кВт. Электричество здесь получили 775 колхозов и 19 МТС. Такой же пафос «малой электрификации» переживала соседняя Пермская область. Лишь один пример. Трест «Севуралтяжстрой» только для подшефного хозяйства изготовил гидротурбину, изыскал и отремонтировал генератор, снабдил стройку проводами и своими силами выполнил монтаж ГЭС. В итоге в области к концу войны было построено 35 малых ГЭС общей мощностью 1520 кВт., не считая энергию более многочисленных и мощных тепловых станций[156]. В общей сложности за годы войны в изготовлении оборудования и деталей для сельских электростанций участвовало свыше 800 промышленных предприятий страны[157].

А теперь вновь обратимся к некоторым прежним сюжетам о помощи города деревне, но уже на примере освобожденных от оккупации районов и в рамках их же территорий*. Бедственное положение, в котором оказалось здесь сельское хозяйство, можно было превозмочь только действительно всем миром, опираясь прежде всего на своих же горожан, столь же остро испытывавших продовольственную нужду. Это никоим образом не откладывалось на потом. В числе первых и окончательно от гитлеровцев была освобождена Тульская область и сразу еще зимой и весной 1942 г. уцелевшие коллективы ее предприятий взяли шефство над восстановлением порушенных МТС. Назовем лишь некоторые попарные шефские связки, уже одно обращение к которым было традиционно обнадеживающим. Рабочие Тульского станколитейного завода взяли шефство над Крапивенской МТС, оружейного – над Дедиловской, Косогорского металлургического – над Одоевской, Мышегского арматурного – над Алексенской и Епифанской МТС и т.д.

Не всегда и не во всем совместные усилия были самодостаточны, но в любом случае весьма плодотворны. Коллектив завода «Тула», шеф Полтевской МТС Чернского района, сумел, например, при собственных ограниченных возможностях направить в помощь механизаторам бригаду для восстановления машинно-тракторного хозяйства на весь зимний период. В ее состав входили старший механик гаража, токарь, два кузнеца и слесарь. Завод выделил для ремонта необходимые материалы, сэкономленные на производстве. К началу полевых работ 1942 г. в МТС и совхозах Тульской области было восстановлено 2377 тракторов, а в ходе подготовки к уборке урожая предприятия областного центра в порядке шефства изготовили на 230 тыс. руб. запасных частей к уборочным машинам[158].

Сталинградской области, как известно, помогали отовсюду – ее разрушения были огромны. Но и здесь находили весьма ощутимые возможности для возрождения сельского хозяйства с использованием

* Подробнее о всенародной помощи освобожденным районам см. в гл. V.

местных ресурсов. Так было уже с весны 1943 г., тем более в 1944 г., когда коллективы предприятий Сталинграда шефствовали над 38 МТС области. До самого окончания войны, еще сами испытывая невероятные трудности со строительными материалами, они передавали подшефным хозяйствам цемент, кровельное железо, доски, гвозди. Рабочие тракторного завода помогли заново возвести для Городищенской МТС все производственные постройки, а для Лебяжинской и Солодчинской МТС – электростанции[159].

Более того, к окончанию войны, когда жизнь на волжских берегах стала обретать признаки тыловой, некоторые сталинградские предприятия, прежде всего Сталинградский тракторный, подключились к посильной помощи сельскому хозяйству Дона и Украины. Там же, в свою очередь и по мере освобождения, как бы заново воспроизводились самые разные формы взаимной социально-экономической помощи, валом докатившейся до самых крайних западных рубежей. На Украине с почином об оказании помощи селу выступил Красногорский завод огнеупоров Сталинской области, который начал с того, что отправил подшефной Марьинской МТС инструменты, материалы и бригаду ремонтников. Почин и призыв красногорцев дружно поддержали заводы и шахты Донбасса, а вслед за ним рабочие всей УССР.

При этом вновь подчеркнем, что те же предприятия угольного бассейна сами получали помощь отовсюду для восстановления полуразрушенных и полузатопленных шахт. Все регионы – ближние или дальние – действовали по принципу сообщающихся сосудов. Машиностроители Краматорска отремонтировали для подшефных МТС 12 металлообрабатывающих станков, изготовили более 120 тыс. запасных частей для тракторов и комбайнов, послали 25 т листового железа, сотни резцов, напильников и других инструментов. Предприятия Харькова оборудовали 33 передвижные мастерские для ремонта сельхозмашин непосредственно в поле. Они же передали подшефным МТС своей области 28 станков, изготовили 174 тыс. запасных деталей. Один только Харьковский электромеханический завод произвел 69 тыс. шт. тракторных деталей[160].

Подобные примеры бессчетны. Их прекрасносхожий перечень, будь то применительно к Украине, Белоруссии, Молдавии, республикам Прибалтики или к бесконечной хронике межклассового единения освобожденных областей РСФСР и Кавказа, восхитителен и ныне, к неизбывному огорчению, неповторим, по крайней мере пока. Тогда же столь прочное и беспрецедентное межсоциальное проникновение, полное социальное родство душ и действий, скрепленное соответствующим организационно-волевым началом, оказалось нерасторжимым, как и все другие факторы морально-политического единства.

Трудовая доблесть крестьянства, помощь рабочих и других слоев населения позволяли все годы войны получать то гарантированное, порой минимально необходимое количество продовольствия и сырья, без которого не могли обойтись тыл, тем более фронт. Первым испытанием стала уборка военного урожая 1941 г. Даже в условиях обвального, еще непривычного сокращения всех сил и возможностей колхозами и совхозами тыловых районов РСФСР, Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана был снят урожай с площади 51 630 тыс. га. т.е. почти с той же, что и в 1940 г. Трудности войны и сложные погодные условия, разумеется, повлекли ощутимый урон. Тем не менее план заготовок зерновых тыловые районы выполнили на 80% страна получила свыше миллиарда пудов хлеба (174,7 тыс. ц). Это была крупная победа тружеников сельского хозяйства. Важно отметить и то, что уже в 1941 г. колхозы и совхозы сдали государству 43,3% валового сбора зерновых против 38,1% в 1940 г.[161], чтобы свести к минимуму неизбежные потери.

Самый крупный вклад в продовольственный фонд государства внес важнейший зерновой регион тыла – Западная Сибирь. Она сумела не только сохранить хлебозаготовки на прежнем уровне, но и дать на 5 млн пудов хлеба больше, чем в 1940 г. Такой сбор хлеба при, казалось бы, катастрофическом сокращении людских и материальных ресурсов, мало сказать, крупное – это восхитительное достижение сибиряков. В 1941 г. колхозы Сибири заготовили 180 млн пудов хлеба, что составило почти 20% общих хлебозаготовок колхозов страны[162].

Победой увенчался и труд хлеборобов Казахстана. В 1941 г. республика заготовила свыше 100 млн пудов зерна, притом почти 90% этого хлеба сдали колхозы[163]. Всего Казахстан и Сибирь (включая Дальний Восток) дали фронту и стране треть хлебных поступлений, что при потере оккупированных районов и быстром росте численности рабочего класса в силу форсированного развития в восточных регионах оборонной промышленности имело стратегическое значение. Увеличились также заготовки картофеля, овощей, технических культур.

Увеличили производство, особенно заготовки хлеба, среднеазиатские республики. Более ощутимый урожай зерновых получила Киргизская ССР – 31,2 млн пудов. Из них 12,2 млн, или почти 40% валового сбора, было сдано государству. Выполнив план хлебозаготовок на 101,2%, Киргизия заготовила хлеба почти на 1,7 млн пудов больше, чем в 1940 г.[164]. На 3,5 тыс. т увеличилась сдача государству овощей, возросли поступления картофеля, табака. 11 ноября республика выполнила план поставок хлопка. К тому времени его было заготовлено почти в 2,5 раза больше, чем в прошлом году. Всего

Киргизская ССР в 1941 г. поставила этого ценного стратегического сырья почти на 160 тыс. ц больше, чем перед войной[165]. На 234 тыс. ц увеличили заготовки хлопка-сырца хлопкоробы Узбекистана (1650 тыс. ц вместо 1416 тыс. ц в 1940 г.)[166]. В целом по стране сдача государству хлопка-сырца составила 2478 тыс. т против 2237 тыс. т в 1941 г.[167].

Уборочные и заготовительные работы всюду проходили под лозунгом: «В труде, как в бою!» Прямое значение он приобрел в прифронтовой полосе, где спасение хлеба представляло настоящее боевое задание. Нередко колхозники попадали под обстрел и бомбежку, боролись с вражескими парашютистами и диверсантами. Для уборки и вывозки урожая на особо опасных участках создавались бригады из добровольцев во главе с коммунистами и комсомольцами, здесь патрулировали ночные колхозные дозоры.

Особое значение приобрело спасение большого хлеба Украины. Несмотря на позднее вызревание, косовица началась здесь раньше обычного. Поэтому на основной части Украины колхозы успели выполнить план хлебопоставок, обеспечить им воинские части, находившиеся на территории республики. По неполным данным, за август и 23 дня сентября 1941 г. из УССР было вывезено 12,5 млн ц зерна и других продуктов. Поступивший с Украины хлеб составил восьмую часть всех зерновых, заготовленных в 1941 г. тыловыми районами[168].

Начальный период войны тяжело отразился на поголовье скота, заготовках мяса, молока, яиц. Сданные скот и птица (в зачетном весе живого скота) в 1941 г. составили в тех же тыловых районах 826 тыс. т против 3240 тыс. т в 1940 г., яйца – 614 млн шт. против 797 млн. Стремясь не допустить опасных перебоев в снабжении продуктами животноводства, государство и колхозники опять же увеличивали нормы мясопоставок за счет дополнительного забоя скота. Заготовки шерсти даже несколько выросли – с 70 тыс. т в 1940 г. до 73 тыс. в 1941 г.[169].

Таковы основные результаты и направления перестройки сельского хозяйства на военный лад. Главным итогом первых шести месяцев войны явилось небывалое сплочение колхозного крестьянства вокруг партии и правительства. Предельно критические испытания показали, что труженики советской деревни морально готовы и способны преодолеть даже неожиданные трудности на пути к победе, что в самой коллективистской системе сельского хозяйства оказались заложены такие внутренние силы и возможности, которые вряд ли полностью осознавали сами его организаторы, склонные поначалу к превентивным мерам по отношению к селу, нежели к безраздельному к нему доверию.

Неотложной производственной задачей крестьянства стало максимально возможное восполнение потерь, вызванных фашистской

оккупацией. Особенное значение приобрел вопрос о посевных площадях в связи с утратой огромных земельных массивов Украины, Белоруссии, Прибалтики, Дона, Кубани и других районов. Но ухудшение всего комплекса агротехники практически исключало быстрый и ощутимый прирост сельскохозяйственной продукции на старопахотных землях тыловых районов. Хотя здесь все же, особенно в Казахстане, Сибири и на Урале, имелись благоприятные условия для быстрого расширения площади посевов за счет освоения свободных земель, если, конечно, позволяли трудовые и иные ресурсы.

Уже в 1941 г. при нараставшем сокращении производительных сил труженики села, часто по собственной инициативе, начинали расширять посевные площади озимых культур, особенно зерновых. Тогда было засеяно 21 671 тыс. га озимого клина (на 1,5 млн больше, чем в 1940 г.). Наибольший прирост дали колхозы Западной Сибири – 762 тыс. га, Урала – 470 тыс., Казахстана – 280 тыс., Средней Азии – 186 тыс. га[170]. Это и предопределило почти повсеместный курс на расширение посевных площадей, который представлялся тогда как реально возможный путь приостановки дальнейшего сокращения сельскохозяйственного производства.

При этом учитывалась не только неотложность данного мероприятия, но и его резервное значение на случай дальнейшего продвижения противника. Отсюда следует, что расширение посевов опять-таки представляло вынужденную меру, с тем чтобы предупредить еще большие продовольственные осложнения. Но поскольку оно осуществлялось при нараставших трудностях, то далеко не всегда приводило к абсолютному приросту валовых сборов. Более того, сокращение материально-трудовых ресурсов, усугубленное тяжелыми погодными условиями 1941–1943 гг., чаще вызывало даже обратную зависимость – снижение урожайности на всей площади посевов, включая старопахотные земли.

Но от природных аномалий не застрахован никто, тем более при тех возможностях. И потому вряд ли курс на расширение посевов военных лет следует относить к числу ошибочных и не оправдавших себя. Мы и без того слишком много повыносили ныне «исторических обвинений» руководству того времени за его чуть ли не тотальную непредусмотрительность. Однако в данном случае перед нами, несомненно, совсем иной случай, который не мог и не привел (даже при самом худшем стечении обстоятельств) к каким-то дополнительным роковым последствиям. В случае же еще более тяжких «итогов», например, второго фашистского продвижения 1942 г. на южном фланге фронта, подобные последствия вполне могли бы стать той реальностью, которая заставила бы нас куда лучше оценить упреждающее расширение посевов в восточных областях.

Это расширение, как отмечено выше, началось уже осенью 1941 г. с увеличения озимого клина под урожай 1942 г. В соответствии с пла-

ном озимые посевы в колхозах должны были возрасти почти на 2,5 млн га. При этом опять-таки важно отметить, что плановые задания формировались при встречной инициативе широких крестьянских масс, которые понимали важность этого общегосударственного дела. Колхозники стремились как можно скорее поднять новые земли. Учитывалось и то, что возросшая озимь уменьшит напряженность на весеннем севе, а затем на уборке урожая 1942 г. ввиду разновременности вызревания яровых и озимых культур.

Всего осенью 1941 г. тыловые колхозы засеяли 17,8 млн га озимых, что составило 98% к плану[171]. Несмотря на то что общий объем озимого сева по сравнению с 1940 г. уменьшился наполовину (до войны основной массив озимых культур размещался в зоне оккупации), восточные области добились-таки ощутимого прироста – более чем на 2 млн га[172]. Важно подчеркнуть, что озимый посев 1941 г. успели провести в основном в те же сроки, что и в 1940 г., хотя вовсе иными оказались условия и объем работ. Расширение озимого сева продолжалось и в следующем году. В целом по стране площади озимых увеличились по сравнению с 1940 г. на 18%. Наибольший прирост дали Казахстан и Средняя Азия (44%) и особенно Сибирь, где он достиг 64% [173]. Общая доля посевов озимых в 1942 г. составила примерно 23% против 35% в 1940 г.[174]. При этом, подчеркнем еще раз, следует иметь в виду, что если до войны озимый клин в основном размещался в западных и центральных районах страны, то теперь, в силу необходимости, – в восточных.

Вовлечение в оборот новых земель всегда представляло огромную трудность – в войну необычайную. Если в Центре и даже в Поволжье для этого в основном использовалась недавно запущенная пашня, то в Казахстане, Сибири и на Урале пришлось поднимать целинные и залежные участки, а то и отвоевывать землю у тайги, что требовало больших трудовых затрат. В 1942 г. Казахстан освоил 446,9 тыс. га целины и залежей. В Западной Сибири тогда же посевная площадь превысила уровень 1940 г. на 903 тыс. га, на Урале – на 528 тыс. га. В Грузии, Армении и Азербайджане за три года войны посевы возросли соответственно на 80,27 и 140 тыс. га[175].

И все же решающую роль в растениеводстве восточных районов продолжали играть яровые культуры. В соответствии с планом в 1942 г. здесь их предусматривалось засеять 54,1 млн га против 51,8 млн в 1941 г. Но из-за затяжной весны, убыли рабочей силы, недостатка техники, тягла и семян удалось засеять примерно столько, сколько и в 1941 г., – 51,7 млн га. Значительную часть площадей, предназначенных под яровую пшеницу, пришлось занять просом, что также несколько облегчало полевые работы и вносило элемент подстраховки. Самый большой абсолютный прирост ее посевов наблюдался в Казахстане, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке (с 32,2 млн га до 34 млн)[176]. Это было несомненным достижением,

тем более если учесть, что сев яровых проходил в основном по весновспашке, а не по зяби, так как с осени в связи с расширением озимых колхозы не успели подготовить земли под весенний сев 1942 г.

Три четверти прироста площадей приходилось на зерновые культуры. В 1942 г. на Дальнем Востоке он составил 30%, в Средней Азии – 23, в Казахстане – 17, в Восточной Сибири – 9,5 и в Закавказье – 6,6% [177]. В Центре и Поволжье посевы зерновых в 1942 г. несколько снизились[178]. Но и в ведущих зерновых районах прирост посевов в основном был обеспечен за счет общего увеличения пахотных земель. В Средней Азии и Закавказье, где общий прирост пашни постоянно ограничен, рост площадей зерновых, как и овощных культур, достигался сокращением посевов хлопчатника. Это в значительной мере вызывалось необходимостью местного продовольственного самообеспечения. Однако подобное нередко выливалось в антигосударственную практику, повлекшую к существенному уменьшению посевов хлопчатника.

Второе место по объему прироста занимали посевы овощей и картофеля, которые также заметно продвинулись на восток. Уменьшение заготовок хлеба, рост численности рабочего класса тыловых районов обусловили создание вокруг промышленных центров собственных овощекартофельных зон. В 1942 г. посевы овощей и картофеля в колхозах восточных районов выросли на 800 тыс. га, или на 37% по сравнению с 1940 г., в том числе в Сибири – на 44%, на Урале – на 37, Дальнем Востоке – на 30, в Казахстане и Средней Азии – на 32%[179].

Радикальные сдвиги произошли в размещении технических культур. Впервые в истории земледелия на востоке было освоено свыше 20 видов новых сельскохозяйственных культур. До 30 республик, краев и областей заново начали возделывать сахарную свеклу. В целом по тыловым районам ее посевы возросли более чем вдвое. Посевы сахарной свеклы появились даже в Вологодской, Кировской и Читинской областях, но главными свеклосеющими районами после оккупации Украины стали Казахстан, Средняя Азия, Закавказье, Южная Сибирь. Их удельный вес в производстве этой культуры возрос с 3,6% в 1940 г. до 44,9% в 1942 г.[180]. В районах Урала, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана, Средней Азии и Закавказья ускоренно осваивалось производство подсолнечника, конопли, коксагыза, клещевины, табака, горчицы и других не возделывавшихся здесь ранее культур. Общие площади посевов технических культур в названных районах в 1942 г. возросли на 203 тыс. га[181].

Некоторое исключение в общей тенденции к расширению посевов составлял, как уже сказано, хлопчатник и частично лен. Оккупация сама по себе не нанесла хлопководству существенного урона (оккупированные районы давали до войны не более 10% валовых сборов хлопка). Но в восточных областях, особенно в Узбекистане, на-

блюдалось существенное сокращение его посевов, а на освободившихся землях – размещение зерновых и овощных культур. К 1943 г. уборочная площадь хлопка-сырца уменьшилась по сравнению с 1940 г. почти в 1,5 раза. Одновременно в том же Узбекистане посевы зерновых возросли на 70% [182]. Правительству СССР пришлось принять срочные меры, чтобы исправить это одностороннее явление, не учитывавшее общегосударственных интересов*. Из-за острого дефицита рабочей силы в целом на сопоставимых территориях сократились и посевы такой трудоемкой культуры, как лен. Они увеличились только в Горьковской, Ивановской и Ярославской областях[183].

Рост посевов в тыловых районах, безусловно, способствовал смягчению продовольственных трудностей первых, наиболее тяжелых лет войны. Но он не смог, как надеялись, радикально восполнить основные потери: общая посевная площадь в стране уменьшилась со 150,6 млн га в 1940 г. до 84,7 млн га в 1941 г. и до 87,5 млн га (или на 41,9%) в 1942 г.[184]. Это и явилось основной причиной резкого сокращения сельскохозяйственного производства, о чем свидетельствуют данные табл. 5. Количество полученного хлеба в 1942 г. уменьшилось по сравнению с 1940 г. на 72%. Столь же значительным оказалось сокращение общего производства картофеля и овощей, так как из-за оккупации были потеряны наиболее плодородные земли районов традиционного земледелия. На Украине, например, урожайность зерновых в 1940 г. составляла самый высокий уровень в стране – 12,4 ц/га, т.е. была почти втрое выше, чем в Казахстане, и вдвое, чем в Сибири и на Дальнем Востоке[185].

Таблица 5

Валовой сбор зерновых, картофеля и овощей в колхозах в 1940–1943 гг. (на всех площадях), млн т*

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.
Зерновые и бобовые	88,9	35,5	24,9	20,5
В % к 1940 г.	100,0	39,9	28,0	23,0
Картофель	24,9	7,4	6,9	8,9
В % к 1940 г.	100,0	29,7	27,7	35,9
Овощи	5,9	1,9	2,4	2,5
В % к 1940 г.	100,0	32,4	40,3	42,5

* Сост. и подсчитано по: *Зеленин И.Е.* Совхозы СССР 1941–1950. С. 90; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 179, 422, 423, 425.

* Подробнее см.: *Анисков В.Т.* Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне. Историографический очерк. М., 1979. С. 84–88.

Тяжело складывалась ситуация с производством сахарной свеклы, подсолнечника и некоторых других культур. Как ни велики были усилия тружеников села по восполнению посевов сахарной свеклы, их уборочные площади в колхозах СССР в 1942 г. составили 268,4 тыс. га против 1111,1 тыс. га в 1940 г., т.е. сократились более чем в 4 раза[186]. Валовой сбор сахарной свеклы в стране упал с 18 млн т в 1940 г. до 2,2 млн в 1942 г., а подсолнечника – с 2,64 млн до 0,29 млн т[187]. Сбор хлопка-сырца уменьшился за тот же период с 2,02 млн т до 1,32 млн, или на 35,5%[188].

Заметно изменилось соотношение валовых сборов по различным категориям хозяйств. В производстве зерна еще более возросла доминирующая роль колхозов, которые давали основную часть хлеба. Доля совхозов в зерновых поступлениях снизилась с 6,9% в 1940 г. до 6,4% в 1942 г. и 4,4% в 1943 г.[189]. Личные и подсобные хозяйства практически не имели посевов зерновых, но их удельный вес в производстве картофеля и овощей уже к началу войны составлял не менее 31,3%[190]. С весны 1942 г. началось быстрое расширение подсобных хозяйств предприятий и учреждений, а также личных огородов горожан. Осенью того же года развитие подсобных хозяйств по их масштабам намного превысило уровень в 1929–1935 гг. Но наибольшего размаха подсобное производство, коллективное и индивидуальное огородничество получили в 1943–1945 гг.

Война, казалось, создала невыносимые условия для животноводства. Выше говорилось о беспрецедентной по своим масштабам эвакуации скота из прифронтовых районов, когда удавалось спасти до половины общественного стада. Но до глубокого тыла доходило не более 13% поднятого к эвакуации скота: часть погибла в пути, много животных сдали воинским частям, а затем в виде заготовок в счет обязательных поставок колхозов тыловых районов. К концу 1941 г. по сравнению с его началом численность крупного рогатого скота в колхозах уменьшилась с 20,1 млн до 11,5 млн голов (на 42,5%), коров – с 5,6 млн до 3,3 млн (на 41%), свиней – с 8,2 млн до 3,2 млн (на 61,1%), овец и коз – с 41,9 млн до 31,6 млн голов (на 24,6%)[191]. Ухудшились условия содержания, ослабла ветеринарная служба и, как следствие, усилились заболевания животных. Сократилась кормовая база, почти не стало концентрированных кормов. Зерно и даже картофель использовались теперь только на продовольственные нужды. Если до войны концентрированные корма в рационе скота достигали в среднем 30%[192], то теперь колхозы и совхозы вынуждены были почти полностью обходиться грубыми и сочными кормами. Следует учесть и то, что накануне войны в ряде районов, например в Сибири, животноводство и его кормовая база понесли ощутимый урон от засухи и оказались сильно ослабленными.

При всем этом те же колхозы восточных районов смогли даже увеличить поголовье продуктивного скота, в том числе крупного ро-

гатого с 11,4 млн голов на начало 1941 г. до 12,5 млн на начало 1943 г., овец и коз – соответственно с 28,1 млн до 34,2 млн голов[193]. Даже поголовье свиней в течение первого года войны здесь практически оставалось неизменным, хотя именно эта отрасль больше всего страдала из-за отсутствия концентрированных кормов и высокого расхода стада. Благоприятнее сложились условия для животноводства в Казахстане, республиках Средней Азии и Закавказья. В первые полтора года войны здесь повсеместно происходило увеличение основных видов скота. И в последующем в названных регионах, за исключением Казахстана, поголовье колхозного стада оставалось на высоком уровне. Из других районов наиболее заметными оказались достижения животноводов Нечерноземной зоны Центра – Московской, Ивановской, Ярославской, а также областей Поволжья, не затронутых военными действиями, – Горьковской, Чувашской АССР и некоторых других. В Восточной Сибири до конца 1943 г. росло поголовье скота в Бурятии и до окончания войны – в Якутской АССР.

Ведущую и еще более возросшую роль в животноводстве стали играть колхозы Российской Федерации в целом, хотя многие ее западные области оказались оккупированными. К концу 1942 г. доля РСФСР в колхозном стаде страны по сравнению с поголовьем на начало 1941 г. поднялась: по крупному рогатому скоту – с 60,2 до 64,5%, в том числе по коровам – с 67,3 до 71,1%, по свиньям – с 56,8 до 85,7%. Только по овцам и козам она снизилась с 56,7 до 43,6%[194]. Война, конечно, и здесь нанесла сильный удар, особенно в первую военную зимовку. Достаточно сказать, что к концу 1941 г. численность крупного рогатого скота вследствие оккупации и других причин упала с 12,1 млн до 7,1 млн голов, в том числе коров – с 3,8 млн до 2,5 млн, свиней – с 4,6 млн до 1,2 млн, овец и коз – с 23,3 млн до 12,3 млн голов[195]. Но уже к концу 1942 г. дальнейшее сокращение стада было остановлено (за исключением свиней) и до конца войны поддерживалось на одном уровне.

Ухудшение кормовой базы и условий содержания скота не могло не привести к снижению его продуктивности, но и она оставалась относительно высокой. Если урожайность основных культур полеводства к концу первого периода войны упала на 150 – 200%, то продуктивность животноводства – в среднем на 10 – 25%. Удойность коров, например, уменьшилась за это время на 20% – с 949 л в 1940 г. до 764 л в 1942 г. На этом хотя и очень низком уровне она поддерживалась до конца войны. Более значимый надой на корову (в л) имели Ивановская (1288), Ярославская (1237), Московская (1236), Рязанская (1181) и Горьковская (1142) области, наиболее низкий (запредельный) – Азербайджанская ССР (211), Дагестанская АССР (249), среднеазиатские республики (247 – 468), имевшие, однако, лучшие условия содержания стада. Настриг шерсти с 1940 по 1943 г. снизился на 33%[196].

Более сносные показатели в животноводстве по сравнению с полеводством (поголовье скота, надои молока и даже настриг шерсти) объяснялись рядом объективных причин. Во-первых, часть стада оккупированных районов все-таки удалось спасти. Во-вторых, война в меньшей степени затронула кадры животноводства, ибо и прежде в этой отрасли преобладали женщины. В-третьих, не произошло радикальных изменений в уровне механизации животноводческих ферм, так как и до войны здесь преобладал ручной труд.

Следует также иметь в виду существенные изменения в источниках восполнения общественного стада. Наряду с собственным воспроизводством в годы войны колхозное животноводство во многом пополнялось путем закупки скота в личных хозяйствах крестьян на условиях контрактации. Важное значение в связи с этим имели особые меры по сохранению молодняка и увеличению поголовья скота. Больше всего скота у колхозников было куплено в 1942 г.: около 2,5 млн телят, 0,2 млн свиней, 1,7 млн овец и коз[197]. Крупный рогатый скот, законтрактованный у колхозников, составил тогда (из расчета приведенных выше данных о колхозном стаде) почти 20% численности общественного животноводства. А всего за 1942–1944 гг. колхозы закупили у населения в порядке контрактации около 6 млн телят[198].

Резко снизилось производство мяса, сала, животных жиров. Если в 1940 г. валовая продукция животноводства (в пересчете на убойный вес скота и птицы) составляла 939 тыс. т, то в 1941 г. – 729,6 тыс., а в 1942 г. – только 441,5 тыс. т, или в 2 с лишним раза меньше, чем до войны[199]. Столь ощутимая разница во многом стала следствием оккупации, но не только. Даже за вычетом этих потерь (ориентировочно 40%) производство мяса на сравнимых территориях в первый период войны сократилось примерно в 1,5 раза[200].

Но главный вывод о состоянии колхозного производства за первые полтора года войны заключался в другом – количественные утраты оказались не основными. Крестьянство сумело дать фронту и государству столько продовольствия и сырья, что оказалось достаточно, чтобы выстоять в самый критический период войны. Это было время, когда наши фронт и тыл опирались на самую узкую за время войны продовольственно-сырьевую базу. Опорным производителем хлеба, мяса, картофеля, овощей, молока и других продуктов стало крестьянство восточных районов, которое сделало все, чтобы поддержать их производство на допустимом уровне. Большего не следовало и ожидать.

Самоотверженный труд на полях и фермах стал великим вкладом в общенародное дело. За победой под Москвой последовал разгром фашистов под Сталинградом и Курском – наступил коренной перелом в ходе войны. Началось освобождение оккупированной территории. Все это создавало новую перспективу событий на фронте, иную

морально-политическую обстановку в тылу. Качественные изменения произошли и в работе промышленности. Уже на протяжении всего 1942 г. она работала на основе расширенного воспроизводства. В 1943 г. валовая продукция всех отраслей промышленности СССР увеличилась против 1942 г. на 17%[201].

Сложнее обстояло дело с сельским хозяйством. Нараставшие масштабы военных действий и массовые потери вынуждали брать из деревни все новые людские и материальные ресурсы. Не прекращался отток сельского населения в промышленность. Производственные мощности сельского хозяйства практически не обновлялись более двух лет, а форсированная эксплуатация техники приводила к быстрому ее износу. На третьем году войны как бы слились воедино и вылились наружу все те трудности и проблемы, которые нарастающе концентрировались на селе. Освобожденное от оккупации сельское хозяйство поначалу также не облегчило положение тыловых районов, так как разрушенное и разграбленное фашистами оно само нуждалось в помощи.

Деревня испытывала неимоверные трудности с рабочей силой и материальным обеспечением. По колхозам тыловых областей с 1 января 1943 по 1 января 1944 г. число трудоспособных мужчин вновь сократилось с 41,6 до 32,8% от предвоенного уровня[202]. В тяжелых условиях оказалось сельское хозяйство восточных районов. Если в целом по РСФСР в 1943 г. число женщин-колхозниц, выступавших главной рабочей силой деревни, даже несколько увеличилось, то в Сибири и на Дальнем Востоке оно вновь сократилось на 5,2%[203]. До предела уменьшилось количество сельских специалистов. Оставшиеся было агрономы, механики, зоотехники, а также бригадиры и механизаторы теперь направлялись на восстановление сельского хозяйства освобожденных районов. С учетом этого перераспределялась и лучшая часть техники и инвентаря.

Ввиду изношенности машин, низкой квалификации механизаторов и крайней ограниченностью ремонтной базы самым «узким местом» МТС оказался не столько недостаток тракторов и комбайнов, сколько их неисправное техническое состояние, приводившее к частым поломкам и авариям. Ремонт тракторов на 1 марта 1943 г. по МТС был выполнен: в Алтайском крае – на 43 против 68% на то же время года в 1942 г., в Красноярском – на 55 против 65%, в Иркутской области – на 57 против 66%, в Кемеровской – на 39 против 67%, в Новосибирской – на 48 против 67%, в Омской – на 50 против 56%[204]. К началу весеннего сева 1943 г. в Алтайском крае оставалось неотремонтированными 3500, в Омской области – 1560 тракторов[205]. Из 12 тыс. тракторов, имевшихся на Алтае в 1943 г., на ходу было менее половины[206].

Это вынуждало еще более увеличивать и без того высокую долю конно-ручных работ. Но и здесь возросли трудности из-за недостат-

ка простейших машин, механизмов и рабочего скота. Зимовка 1942/43 г. ввиду бескормицы привела к истощению лошадей и волов, которые не выдерживали чрезмерные перегрузки. В Новосибирской, Омской областях и в Приморском крае падеж рабочих лошадей достиг 25% их наличия на начало 1943 г. Только в Алтайском крае за семь месяцев 1943 г. пало 52 тыс. лошадей[207].

Расширение озимого клина осенью 1942 г. позволяло пойти на сокращение ярового сева, а начавшееся освобождение оккупированной территории открывало некоторую возможность даже для планового уменьшения посевных площадей в целом. Планируемые на 1943 г. посевы яровых на сопоставимых территориях сокращались против прошлогодних на 4,3 млн га, или на 9,1%, а в основных районах яровых культур – до 14%. Это несколько сдерживало рост трудонапряженности, но не уменьшало ее по сравнению с 1942 г., так как объем подготовленных под посев 1943 г. паров и зяби был в 2,5 раза меньше, чем в 1941 г., и примерно таким же, как и под урожай 1942 г. В ведущих районах зернового производства он даже увеличился[208].

В начале 1943 г. планово-экономическое управление НКЗ СССР произвело расчет ожидавшейся трудонапряженности на предстоявших полевых работах. Стало очевидно, что в восточных районах, особенно в Сибири, практически невозможно провести весенний сев оставшейся рабочей силой, тяглом и обычными агротехническими приемами. Чтобы уложиться в допустимые сроки, Наркомзем вынужден был рекомендовать колхозам прибегать при необходимости к упрощенным приемам полевых работ: мелкой пахоте, культивации вместо вспашки, посеву по стерне, вручную и т.п. Такие рекомендации вскоре получили широкое и почти повсеместное распространение. Они дали некоторый выигрыш во времени, но неизбежно повлекли за собой снижение урожайности. Из-за недостатка рабочей силы в 1943 г. впервые за военные годы практически выпадал целый цикл полевых работ – уход за посевами.

Тем самым обстановка в сельском хозяйстве предельно осложнилась и стала критической. В то же время государство еще не имело возможности увеличить материально-техническую помощь селу. Поэтому в числе мер, предусмотренных государственным планом на 1943 г., имелись и такие, которые носили чрезвычайный характер и были рассчитаны лишь на то, чтобы как-нибудь приостановить дальнейшее сокращение производства. К ним относились, например, рекомендации по использованию для посева зерновых, начиная с весны 1943 г., залежных и переложных земель вместо засоренной и выпаханной пашни с оставлением ее под новый запуск. Но это опять-таки требовало дополнительных трудовых затрат и потому в итоге в основном свелось к еще большему сокращению посевных площадей.

В 1943 г. посевы зерновых в колхозах сопоставимых тыловых районов уменьшались по сравнению с 1942 г. на 3% – с 58,1 млн до

56,5 млн га, хотя в целом по стране, прежде всего за счет освобожденных территорий, они даже увеличились на 5%[209]. Уменьшение посевов зерновых, особенно яровой пшеницы, вызывалось не только чрезмерной трудонапряженностью, но и недостатком семян. Часть их из-за недорода была сдана для восполнения заготовок и в помощь освобожденным районам. Многие хозяйства зерновых зон к началу сева имели не более половины необходимых семян. Государству пришлось оказывать срочную помощь из продовольственных фондов. В Алтайском крае таким путем было покрыто почти 50% потребностей в семенах[210], но в основном некондиционным зерном, прежде всего просом. В первую очередь сокращались посевы ценнейшей продовольственной культуры – яровой пшеницы. В том же Алтайском крае против 1940 г. они уменьшились на 1127 тыс. га. В то же время посевы проса здесь возросли с 87,5 тыс. до 593 тыс. га[211].

В итоге весь комплекс агрономической неполноценности обусловил еще большее падение урожайности зерновых – с 7 ц в 1941 и 4,6 ц в 1942 г. до 3,9 ц в 1943 г.[212] Это был самый низкий показатель за все годы войны. Валовой сбор зерновых в колхозах, как свидетельствуют данные табл. 5, упал с 24,9 млн т в 1942 г. до 20,5 млн в 1943 г., хотя в целом по стране он остался на уровне 1942 г. (29,6 млн т)[213]. Сократилось и производство ряда других продовольственных, технических и кормовых культур, что еще больше усилило напряжение с продовольствием.

Выручали картофель и овощи. Полностью оправдал себя своевременный курс на расширение их посевов во всех категориях хозяйств. По данным Н.А. Вознесенского, в 1943 г. в общей сложности посевные площади под картофелем и овощами возросли по сравнению с 1942 г. на 40%[214], а валовой сбор картофеля – с 23,6 млн до 35 млн т[215]. Увеличению урожайности способствовало и то, что в этой отрасли полеводства легче решалась проблема семян. Особенно помогли рекомендации ученых по использованию в качестве посадочного материала картофельных срезок (верхушек), а также помощь колхозам со стороны личных хозяйств крестьян.

Убедительно об этом свидетельствует пример восточных районов страны. Упоминавшийся выше Алтайский край к 1943 г. уменьшил посевы яровой пшеницы вдвое и одновременно увеличил посадку картофеля до 110 тыс. га против 99 тыс. в 1942 г. и 78,7 тыс. в 1940 г.[216]. Подобное происходило во всех областях Сибири, Северного Казахстана, Урала, Дальнего Востока. Труженики далекого Северного Сахалина, находясь, в сущности, в прифронтовых условиях, даже повышенный план посева картофеля выполнили на 111,7%[217].

Недобор зерна, сокращение кормовых культур (за войну их площадь во всех категориях хозяйств уменьшилась с 18 млн до 10 млн га, а в тыловых районах еще больше)[218] отразились и на животноводстве. Теперь оно страдало от войны не меньше, чем полеводство. Кре-

стьянство прилагало максимум усилий, чтобы поддержать колхозный скот. Больше, чем прежде, на корм использовались грубые и сочные корма, в том числе солома, ботва, крапива, ветки деревьев, водоросли. В Казахстане небывалый размах получило отгонное животноводство. В южные районы республики из северных на зимнее время для пастбищного содержания стала отгоняться почти половина общественного стада[219]. Для предотвращения массового падежа часть скота передавалась на сохранение в личные хозяйства колхозников.

И все же общественное стадо заметно сокращалось. Одна из причин – его падеж, вторая – большой расход. Чтобы предупредить первую, а также восполнить недовыполнение заготовок хлеба и погасить задолженность по государственной семенной ссуде, многие хозяйства вынуждены были увеличить забой скота. В Нечерноземном центре и Волго-Вятском районе это проявилось в меньшей мере, зато в ведущих зерновых областях подобное стало повсеместным. Хозяйства того же Алтайского края за полученные для весеннего сева 1943 г. семена должны были сдать 26 тыс. голов крупного рогатого скота и 136 тыс. овец[220]. В Красноярском крае только с 15 января по 10 февраля 1943 г. в счет хлебозаготовок колхозы сдали более 90 тыс. ц скота в живом виде. А всего за год сдача мяса за продукты полеводства составила к годовому плану мясопоставок: по Красноярскому краю – 62%, по Хабаровскому краю – 59%, по Новосибирской области – 51,6%[221] и т.д. В Казахстане, Поволжье и некоторых других районах на сокращении колхозного стада заметно отразилась и его реэвакуация. При этом тыловые районы должны были не только возвратить находившийся у них на передержке скот, но и возместить допущенный расход. Только Казахстану надлежало возвратить 207 тыс. голов скота всех видов. Фактически республика вернула еще больше – 210 тыс.[222]. Всего, по итоговым данным, в 1943 г. тыловые районы реэвакуировали и передали освобожденным колхозам 630,8 тыс. голов скота[223].

В самих же тыловых областях эти убыль и забой скота приводили к тому, что многие хозяйства оказались не в состоянии обеспечить его воспроизводство. И в этом случае на помощь пришло личное крестьянское хозяйство. В Казахстане в 1943 г. для восстановления общественных ферм колхозники продали не менее пятой части своего скота, что, кстати, наряду с другими причинами, привело к значительному сокращению численности животных, находившихся в их личной собственности, – с 1,42 млн голов на начало до 1,20 млн на конец года[224]. В целом же в тыловых районах, по ориентировочным подсчетам, численность личного скота колхозников по сравнению с 1940 г. снизилась на целую треть.

Максимальная, а то и запредельная мобилизация всех возможностей не только общественного, но и личного хозяйства колхозников

позволила относительно предотвратить необратимое сокращение колхозного стада и сохранить возможности его увеличения в последующем. Но к концу 1943 г. по сравнению с его началом впервые за время войны численность крупного рогатого скота в колхозах тыловых районов упала с 12,5 млн до 10,6 млн голов, овец и коз – с 34,2 млн до 28,7 млн голов[225]. Но за исключением свиней, поголовье которых по сравнению с 1940 г. уменьшилось вдвое, численность других видов скота практически не опускалась ниже предвоенной, хотя их продуктивность упала до самого низкого за время войны уровня.

Таковы основные итоги развития сельского хозяйства к концу второго периода войны. Колхозное крестьянство жертвенно делало все, чтобы изменить его ход в нашу пользу. Но для экономики сельского хозяйства 1943 г. не стал и не мог стать переломным. Валовой сбор хлеба (амбарный урожай) по стране оставался таким же, как и в 1942 г., т.е. составлял менее трети довоенного. При этом четверть валового сбора зерна и не меньшую часть другой продукции дали освобожденные районы. Уменьшились валовые сборы и заготовки таких культур, как хлопок, сахарная свекла, льноволокно. Из-за недостатка кормов сократились заготовки молока и молочных продуктов. Не возросли по сравнению с 1942 г. и заготовки мяса, несмотря на то что многие области Сибири и Казахстана увеличили его сдачу за счет превышения забоя. Поэтому на сопоставимых территориях сократилась численность колхозного стада и еще больше – личного скота колхозников. Все это, конечно, сильно осложнило продовольственно-сырьевую проблему и поставило страну на грань продовольственного кризиса и даже всеобщего голода.

В то время когда события на фронтах вступали в стадию массового изгнания врага с советской земли, когда соответственно наращивал свои мощности военно-промышленный комплекс, когда в целом вся ситуация на фронте и в тылу официально квалифицировалась временем коренного перелома, 1943 г. для сельского хозяйства не стал таковым – он оказался для него, наоборот, самым тяжелым. Более того, наша деревня в силу рассмотренных выше причин вообще не знала действительно коренного перелома в своем экономическом развитии ни тогда, ни много позднее*.

Но несмотря ни на что, страна, тем более армия, получали допустимый минимум продовольствия. Победы на фронте, в свою оче-

* Несмотря на эту суровую реальность, в нашей исторической литературе вплоть до середины 70-х годов положение в сельском хозяйстве традиционно и по аналогии с промышленностью рассматривалось одномерно. Да и по сей день оно нередко анализируется в общем контексте «периода коренного перелома», когда снабжение продовольствием и сельскохозяйственным сырьем осуществлялось «без серьезных перебоев» (см., напр.: Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 2. С. 365, др.).

редь, требовали величайшей самоотверженности и дальнейшего напряжения сил в тылу. Они были и главным вдохновляющим фактором в борьбе за преодоление неимоверных трудностей. Битва за хлеб 1943 г. еще более закалила наше крестьянство. Как разгром немецко-фашистских войск под Москвой предвещал поворот событий на фронтах, а сражения под Сталинградом и Курском обеспечили их коренной перелом, так и общие итоги самых тяжелых двух с половиной лет войны стали предвестником поворота к лучшему и на самом трудном участке нашей экономики, каким оказалось сельское хозяйство.

К началу 1944 г. наша армия освободила очень важные сельскохозяйственные районы – Северный Кавказ, Кубань, Придонье, Левобережную Украину. Наращивалось массовое изгнание врага с советской земли. Уже в 1943 г. на освобожденных территориях было заготовлено 12,3 млн т зерна, а в 1944 г. – 21,6 млн т[226]. Наметились предпосылки улучшения в сельском хозяйстве тыловых районов, что явилось следствием качественных сдвигов в военной экономике страны в целом. Самый высокий уровень с начала войны составил национальный доход. В 1944 г. по сравнению с 1943 г. он увеличился на 19,2%, а по сравнению с 1942 г. – на 34,6%. В 1944 г. национальный доход достиг уже 88% довоенного[227], что позволило внести изменения в его распределение. Наряду с ростом военных расходов значительно повысились ассигнования на народное хозяйство. В 1944 г. финансирование сельского хозяйства составило 7,2 млрд руб. против 4,7 млрд в 1943 г., т.е. возросло на 53,2% при общем росте бюджетных расходов на народное хозяйство на 43,7%[228].

Выше приводились данные о строительстве тракторных заводов и материально-техническом обеспечении сельского хозяйства[229]. С 1943 по 1945 г. число тракторов на селе увеличилось на 88%, комбайнов – на 24, грузовых автомобилей – на 43%. Рост государственных и децентрализованных поставок запасных частей впервые за время войны позволил улучшить ремонт, а затем поднять и выработку машинно-тракторного парка МТС. Объем тракторных работ 1944 г. на сопоставимой территории возрос на 14 млн га, а с учетом освобожденных районов – на 25 млн га, в 1945 г. – еще на 20,8 млн.

В 1943–1945 гг. ЦК ВКП(б) заслушал отчеты ряда ЦК союзных республик, крайкомов и обкомов. Принятые по ним постановления жестко отмечали недостатки в руководстве сельским хозяйством и определяли меры по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и МТС[230]. На первый план выдвигались задачи повышения урожайности, роста поголовья и продуктивности скота. Требовалось улучшение качества полевых работ, увеличение площади подъема зяби, проведение сева в агротехнические сроки, улучшение структуры посевов, особенно восстановление посевов яровой пшеницы. В 1944 г. было запрещено мобилизовывать рабочую силу из деревни

в другие отрасли народного хозяйства, колхозы и совхозы освобождались и от поставок лошадей, в том числе на временные работы в промышленности и строительстве.

Осуществление этих мер дало ощутимые результаты. Постепенно восстанавливались традиционные культура земледелия и структура посевов. Росла площадь, улучшалось качество зяблевой и весенней обработки земли. В Сибири, Казахстане и некоторых других районах началось увеличение посевов яровой пшеницы и сокращение посевов проса. В 1945 г. эта тенденция стала повсеместной для всех районов выращивания яровых. Последний год войны дал 12,2% прироста посевов яровой пшеницы. Только в Западной Сибири ее площади возросли на 500 тыс. га, составив примерно пятую часть общесоюзного прироста[231]. В Средней Азии быстро восстанавливались посевы хлопчатника. Если к 1943 г. производство хлопка-сырца в Узбекистане уменьшилось более чем в 3 раза, то к концу войны его посевы уже составили 81,9%, а урожайность – 72,7% к уровню 1940 г.[232]. Быстро восстанавливались посевные площади сахарной свеклы, и еще быстрее – подсолнечника, хотя до предвоенного уровня было еще далеко. Продолжали расти посевы картофеля и овощей. Обобщенные динамические сведения о посевных (уборочных) площадях, а также о валовых сборах и урожайности основных продуктов полеводства в колхозах содержит табл. 6. Завершающий период войны дал ощутимый прирост валовой продукции полеводства, прежде всего зерна. С одной стороны, этот прирост обеспечили освобожденные районы, которые уже к концу войны восстановили свою предвоенную долю в производстве хлеба и ряда других продуктов. С другой – доминирующая тенденция к повышению урожайности стала приметой и тыловых районов – сказались меры по улучшению культуры земледелия при одновременном плановом сокращении посевных. В новых условиях последнее обстоятельство уже не мешало начавшемуся росту валовых сборов. При этом важно заметить, что завершающий период войны характеризовался неблагоприятными погодными условиями на Украине, в Белоруссии, некоторых западных и восточных областях РСФСР. Это, естественно, отрицательно отразилось на общей урожайности в стране, но уже не смогло прервать общую восстановительную тенденцию. Самое тяжкое стало уходить в прошлое.

Наметившийся сдвиг в земледелии, улучшение всей хозяйственно-экономической конъюнктуры в стране сказались и на состоянии животноводства. Заметно улучшился кормовой баланс и уход за скотом. В 1944 г. было заготовлено сена на 11,6 млн т, силоса на 17,3 млн т больше, чем в 1943 г.[233] Повсеместное распространение получили прифермерские участки кормовых культур, посевы которых возросли до 1320 тыс. га. Весь урожай с этих участков шел в распоряжение колхозных ферм. Общая площадь кормовых посевов по сравнению с

1943 г. увеличилась в 1944 г. на 12%[234]. Еще большее развитие получило отгонное содержание скота в южных районах страны. К концу войны на зимних пастбищах Казахстана, Средней Азии и Закавказья содержалось около 20 млн голов мелкого колхозного скота[235]. В связи с этим заметно сократился падеж, особенно молодняка, уменьшилась яловость маточного поголовья, увеличилась продуктивность животноводства. Удой молока на одну фуражную корову вырос с 751 л в 1943 г. до 771 л в 1944 г. и до 835 л в 1945 г.; поднялись настриг шерсти и упитанность скота[236].

Таблица 6

Посевные площади, урожайность и валовой сбор сельскохозяйственных культур в колхозах*

Год	Уборочная площадь, *тыс. га*	Валовой сбор, *тыс. ц*	Сбор с 1 га, *ц*	Уборочная площадь, *тыс. га*	Валовой сбор, *тыс. ц*	Сбор с 1 га *ц*
	Зерновые			Сахарная свекла		
1940	89 645,1	748 770,7	8,5	1111,1	159 157,3	143,2
1941	50 722,3	355 606,5	7,0	94,5	14 614,7	154,7
1942	54 457,7	249 427,9	4,6	268,4	19 562,9	76,8
1943	52 548,3	205 611,1	3,9	228,7	7 208,2	31,5
1944	62 693,8	354 931,3	5,7	555,3	35 768,9	64,4
1945	64 778,6	333 338,0	5,1	688,4	45 544,0	66,2
	Картофель			Подсолнечник		
1940	2 900,5	249 721,6	86,1	3067,5	22 989,6	7,5
1941	1 353,4	74 167,2	54,8	869,3	2 322,5	2,6
1942	1 702,5	69 541,0	40,8	800,2	981,6	1,2
1943	1 799,3	89 622,5	49,8	1326,8	3 073,7	2,3
1944	2 481,5	119 446,5	48,1	2240,0	7 486,0	3,3
1945	2 542,7	99 976,8	39,3	2198,4	6 133,0	2,8
	Овощи			Хлопок-сырец		
1940	709,5	59 346,3	86,3	1481,0	20 226,1	13,7
1941	306,6	19 186,1	62,6	1496,1	23 485,1	15,7
1942	351,2	23 945,6	68,2	1449,1	13 234,6	9,1
1943	410,7	25 210,2	61,4	1099,6	7 082,4	6,4
1944	587,0	33 450,6	58,4	1087,0	10 679,8	9,8
1945	625,0	28 957,0	46,3	1132,5	11 143,6	9,8

* Сост. по: *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 307–308, 422–431.

Началось и медленное восстановление колхозного поголовья (табл. 7). В 1944–1945 гг. оно также в основном происходило за счет

освобожденных районов. В тыловых же областях, наоборот, поголовье скота в 1944 г. даже несколько сократилось: крупного рогатого – на 7%, свиней – на 16, лошадей – на 12%[237].

Таблица 7

Численность скота в колхозах на конец года, млн голов*

Год	Крупный рогатый скот	В том числе коровы	Свиньи	Овцы и козы	Лошади
1940	20,1	5,7	8,2	41,9	14,5
1941	13,8	4,2	4,0	39,5	8,0
1942	13,5	3,7	3,3	35,5	6,6
1943	14,1	3,5	2,2	35,9	6,2
1944	15,4	3,4	2,4	36,9	6,2
1945	15,9	3,6	2,7	37,1	6,6

* Численность скота в СССР. М., 1957. С. 6–7.

Но это уменьшение не было проявлением дальнейшего спада, как и не свидетельствовал об улучшении положения в животноводстве известный рост общественного стада тыловых районов в первые годы войны. Тогда последнее обстоятельство в основном было обусловлено поступлениями эвакуированного скота и массовой концентрацией молодняка из личных хозяйств колхозников. Теперь же некоторое сокращение было вызвано, с одной стороны, возросшей помощью освобожденным районам, с другой – резко сократившимися масштабами контрактации. Если в 1942 г. колхозы тыловых районов получили по контрактации около 2,5 млн телят, в 1943 г. – более 2 млн, то в 1944 г. (на сопоставимой территории) – 1,5 млн[238]. Началось весьма быстрое восстановление численности скота в личных хозяйствах колхозников.

В итоге, как свидетельствует табл. 8, общее поголовье скота в стране во всех категориях хозяйств росло более высокими темпами, чем в колхозах. Приведенные данные показывают, что начавшийся с 1944 г. перелом к лучшему в животноводстве был ощутимее, чем в полеводстве. Особенно быстро восстанавливалось свиноводство, понесшее в 1941–1942 гг. наибольший урон. За два последних года войны поголовье свиней возросло на 89%. Данные табл. 8 свидетельствуют о благотворном взаимовлиянии общественного и личного хозяйства колхозников в развитии животноводства в зависимости от складывавшейся военно-хозяйственной обстановки в стране. В то же время восстановительный процесс был еще далек от своего завершения. Но начало становилось очевидным.

Война, как показано выше, сильно ослабила общественное хозяйство колхозов. Лишь немногие из них сумели удержать, а тем более

превзойти довоенный уровень. В Московской области к таким хозяйствам относился колхоз им. В.И. Ленина, в Ярославской – колхоз «Горшиха», в Ивановской – сельхозартель им. XVII съезда партии, в Горьковской – им. К.А. Тимирязева, в Свердловской – колхоз «Заря», в Алтайском крае – колхоз «Родина», в Красноярском – колхоз «Власть труда», Томской области – колхоз «Молот», в Азербайджанской ССР – колхоз им. М.И. Калинина, в Казахской ССР – сельхозартель «Красные горные орлы», в Узбекской ССР – колхоз «Звезда Востока» и др. В таких сельхозартелях даже в самые тяжелые годы войны не прекращалось хозяйственное строительство, укреплялась общественная собственность; снижение уровня механизации труда компенсировалось его лучшей организацией и интенсивностью; росли посевные площади, урожайность полей, поголовье и продуктивность животноводства. И как следствие – повышались заготовки основных видов продукции, а вместе с этим существенно не снижалась и роль общественного хозяйства в материальном обеспечении колхозников.

Таблица 8

Численность скота в СССР в 1945 г.,% к 1940 и 1943 гг.*

	1940 г.		1943 г.	
	Во всех категориях хозяйств	В колхозах	Во всех категориях хозяйств	В колхозах
Крупный рогатый скот	87	70	140	113
В том числе коровы	82	62	139	103
Свиньи	39	22	189	123
Овцы и козы	76	85	110	103
Лошади	51	43	139	105

* Численность скота в СССР. С. 6–7.

К концу войны посевы зерновых в колхозе «Власть труда» Богучанского района Красноярского края увеличились до 1200 га против 900 в 1940 г., урожайность с каждого гектара поднялась на 2 ц. В 2,5 раза возросли заготовки хлеба: за войну хозяйство дало Родине около 20 тыс. пудов зерна сверх плана. Почти на 30% увеличилось поголовье общественного стада и поднялась его продуктивность; удвоилась сдача мяса и масла; повысилась и стоимость трудодня. В 1944 г. на трудодень здесь было выдано по 2,5 кг хлеба против 1,8 кг в 1940 г.[239].

Упоминавшийся колхоз «Молот» Шегарского района Томской области построил за войну телятник, овчарню, конюшню, свинарник, заново создал птицеферму и пасеку. В 1940 г. с 386 га посевов он сдал государству 772 ц хлеба. В войну колхозницы раскорчевали и осво-

или около 300 га новых земель. В 1944 г. артель уже заготовила 2 тыс. ц хлеба и 5 тыс. пудов сдала в фонд победы. В 1945 г. она вновь перевыполнила план хлебосдачи. С превышением плана развивалось и общественное животноводство. В результате ощутимо возросла и оплата труда[240].

Столь нетипичные для военных лет достижения объяснялись рядом причин. Чаще и легче трудности войны переносили хозяйства животноводческого направления в силу относительной стабильности основных кадров, состоявших из женщин. Для колхозов промышленных зон более весомой оказалась материально-техническая помощь из городов. Неслучайно поэтому в числе более благоприятных по результатам сельскохозяйственной деятельности оказались, например, Московская, Горьковская, Ивановская, Ярославская и некоторые другие области. Здесь больше, чем в областях глубокого тыла, насчитывалось эвакуированного населения, скота. В значительной части хозяйств еще до войны на руководящих должностях находились женщины, а это при массовой сменяемости кадров имело существенное значение. В таких коллективах обычно действовали крепкие партийные и комсомольские организации. К их числу можно, например, отнести колхоз «12-й Октябрь» Костромской области, на развитии которого благоприятно сказались все названные обстоятельства[241].

Однако таких хозяйств оказалось мало. Подавляющее число колхозов не только не обеспечило своего поступательного развития, но и сократило производство в силу необычайных трудностей. Чтобы свести к минимуму неизбежные потери, а главное, поддержать на допустимом уровне объем государственных заготовок, колхозы вынужденно сокращали натуральную оплату труда. В итоге резко снизилась доля материальной продукции, выделяемой для обеспечения колхозников. Но и в этой закономерности были исключения. Так, несмотря на тяжкие условия труда, отсутствие минеральных удобрений и хороших семян, некоторые, и вовсе не единичные, полеводы все же получали высокие и даже рекордные урожаи. Выдающихся результатов добился известный хлебороб А.Я. Карпов из артели «Путь к социализму» Аскизского района Красноярского края, снимавший с закрепленного участка до 80 ц пшеницы [242]. В Казахстане прославленный просовод-опытник Чаганак Берсиев из колхоза «Курман» Уилского района Актюбинской области из года в год повышал урожайность. В 1940 г. его звено вырастило 125 ц проса с 1 га, в 1941 г. – 165, в 1942 г. – 175 ц. В наиболее тяжелый для сельского хозяйства 1943 г. уже в преклонном возрасте Берсиев получил невиданный урожай проса – 201 ц с 1 га[243].

В колхозе «Заветы Ленина» Шадринского района Курганской области новатор-опытник Т.С. Мальцев применил более рациональные для местных условий методы обработки почвы и посева зерновых,

что позволило не только на опытном участке, но и на всей колхозной земле получать по 20–25 ц яровой пшеницы с 1 га. Это в 3 – 4 раза превышало среднюю урожайность по стране и в 5–6 раз по Курганской области. Не прекращая опытной работы. Т.С. Мальцев вывел два новых сорта высокоурожайного картофеля[244]. Среди рисоводов наивысших урожаев добивались звенья Ким Ман Сама из колхоза «Авангард» Чиилийского района и Ибрая Жахаева из артели «Кзыл-Ту» того же района Кзыл-Ординской области Казахской ССР. Первое звено собирало во время войны в среднем по 137 ц риса с 1 га, а в рекордный для него 1942 г. получило 154,9 ц. Звено И. Жахаева приумножило этот результат, получив уже среднегодовой урожай риса 145 ц со всей площади. Оно же установило и новый мировой рекорд. В 1944 г. с каждого гектара им было снято по 220 ц этой трудоемкой культуры.

В возделывании картофеля и овощей широкую известность получило юткинское движение. Еще в довоенные годы звено А. Юткиной из колхоза «Красный Перекоп» Мариинского района Новосибирской области получало по 600–800 ц картофеля с 1 га. Средний урожай за военные годы стал еще выше – 900–1000 ц. Не отставало звено А. Картавой из артели «Путь новой жизни» того же района, которое в трудном 1943 г. превысило показатель юткинцев, соревновавшихся с ним. Урожай с гектара опытного участка подняли здесь до 1680 ц картофеля, а на всей закрепленной площади – до 400 ц[245].

Соревнование картофелеводов проходило во многих регионах страны. В Московской области к концу войны 350 молодежных звеньев вырастили по 350 ц картофеля с 1 га и выше, а овощей – более чем по 400 ц. Высшее достижение принадлежало соревновавшимся между собой звеньям Т. Круговой из колхоза «Пятилетка в четыре года» и К. Шориной из артели «День урожая» Коломенского района. Все годы войны оба коллектива получали по 500 – 600 ц картофеля с 1 га. В 1945 г. звено К. Шориной вырастило 1110 ц и добилось первенства во Всесоюзном соревновании молодежных звеньев высокого урожая[246].

Многие прославили себя на выращивании технических и других культур – свеклы, хлопка, чая, табака, кок-сагыза. С начала 1944 г. стало возрождаться движение свекловичниц-пятисотниц и тысячниц, хлопкоробов 50–100-центнеровиков. В Киргизской ССР рекордные урожаи сахарной свеклы выращивало звено знатной колхозницы Суракан Кайназаровой из артели им. М.И. Калинина Сокулукского района. Все годы войны оно получало не менее чем по 1100 ц этой ценной культуры, а в 1944 г. урожай здесь достиг 1250 ц. Тогда же звено Ш. Тезекбаевой из артели «III Интернационал» Калининского района собрало по 1309 ц свеклы с 1 га. Во главе движения 100-центнеровиков в Киргизии стали известные мастера хлопковых полей С. Алимов, С. Мамарасулов, Х. Джапарова, Т. Джураев[247]. Их дости-

жения и опыт были широко известны в Средней Азии и Казахстане.

В основной хлопководческой республике – Узбекистане высокие урожаи «белого золота» получали сотни звеньев и бригад. Выделялись звенья Р. Курбановой из колхоза «Пятилетие Узбекистана» Ургутского района, Н. Исмаилова из артели им. М.И. Калинина Пайарыкского района. По 50 ц и более хлопка-сырца выращивало звено Ф. Хасановой из колхоза «Интернационал» Туркменской ССР. В Азербайджане славилось звено К. Кадыровой из артели «Бакинский рабочий» Агдамского района. В 1944–1945 гг. с площади 5 га оно сдавало государству 275 ц хлопка-сырца – в 5 раз превышало плановое задание. Весь же колхоз «Бакинский рабочий» в конце войны вдвое перевыполнил план сдачи хлопка[248].

Неоднократно отмечались достижения ярославских и костромских животноводов. Участвуя в соревновании, они не только сохранили, но и увеличили поголовье общественного стада: крупного рогатого скота – на 15%, свиней – на 25, овец и коз – на 32%. Самой высокой продуктивностью славились молочно-товарные фермы колхозов им. XVII партсъезда и «Красный коллективист» Некрасовского района Ярославской области. Доярки О.А. Пеункова, А.П. Соцкова, М.С. Спиридонова, Ф.Я. Шутова получали от каждой закрепленной за ними коровы по 5 тыс. л и более молока в год. Доярки колхоза «12-й Октябрь» Костромской области (заведующая фермой П.А. Малинина) надаивали в среднем от всех коров по 4 тыс. л. В этих и других хозяйствах отдельные коровы-рекордистки ярославской и костромской породы давали за дойный период по 8, 9 и даже 11 тыс. л молока[249].

Животноводам всей страны было известно имя вологодской свинарки А.Е. Люсковой – жены фронтовика, матери семерых детей – из колхоза «Буденовец» Междуреченского района. Усовершенствовав методы выращивания и откорма животных, разработав свои рекомендации по уходу, она получала ежегодно по 26 – 27 поросят от каждой свиноматки. Вместе со своими подругами Л.Н. Коротковой и А.И. Аносовой А.Е. Люскова вырастила за войну 5-тысячное стадо свиней, заготовила для государства 40 т свинины[250]. Среди овцеводов прославились многие колхозники Средней Азии и Казахстана. В числе первых в Казахстане называли чабана А. Кенисариева из артели «Джангельды Куль» Сырдарышского района. От каждых 10 овцематок он получал и выращивал по 180–185 ягнят[251]. В Киргизии первое место в соревновании овцеводов в 1944 г. завоевала чабан А. Джанузакова из колхоза им. М.В. Фрунзе Кировского района. От 272 овцематок она вырастила 411 ягнят без единого падежа[252].

Все это – свидетельства достижений выдающихся мастеров сельского хозяйства. Такие примеры, подчеркнем еще раз, не единичны, но вместе с тем массовые показатели развития производства были, конечно, намного ниже или вовсе несравнимы. Тяжелейшие условия

труда, острейший недостаток, а то и вовсе отсутствие материально-технических средств чаще, чем когда-либо, сводили к минимуму даже самые максимальные и жертвенные усилия крестьянства.

Беспредельное ухудшение всех объективных условий производственной деятельности на селе неизбежно привело к снижению ее результативности. Если в промышленности, по данным ЦСУ СССР, за годы войны производительность труда возросла на 14%, то в сельском хозяйстве она сократилась на 40%[253]. При этом необходимо учесть, что названный процент сокращения относился к 1945 г., когда уже началось восстановление производительных сил колхозной деревни. Если же сопоставить уровень предвоенной производительности труда с соответствующим уровнем 1943 г., то сокращение составит не менее 50% и будет примерно равным аналогичному падению валовой продукции сельского хозяйства [254].

Приведенные данные о состоянии производительности исходят из среднегодовых расчетов без учета почасовой и ежедневной выработки, тем более без поправки на фактическое трудовое напряжение колхозников в течение всего светового дня. Такого учета, понятно, и быть тогда не могло. Но хорошо известно, что в годы войны труд крестьян продолжался от зари до зари и общий объем выработанных ими трудодней, как отмечалось выше, равнялся довоенному уровню при одновременном резком сокращении трудоспособного населения.

В этой связи уместно еще раз напомнить о той принципиальной позиции, которую с середины 60-х годов минувшего века отстаивал автор этих строк в дискуссии с теми, кто вслед за официальной историографией и вопреки фактам в течение десятилетий придерживался ложной «концепции» о якобы восходящем развитии нашего сельского хозяйства на протяжении всех лет войны, о неуклонном росте производительности труда, о всеобщем коренном переломе в экономике 1943 г., который, согласно этому, охватил и находившуюся в тяжелом хозяйственном (не системном) кризисе колхозную деревню.

Причем эти установки, как ни странно, разделяли и экономисты. Внешне вроде бы не желая «вычленять и обижать» крестьянство, в сущности, они затушевывали истинное положение дел на селе, обходили трудности и тем самым наихудшим образом принижали жертвенный, во многом уникальный вклад деревни в спасение Отечества. Дело доходило до настоящих научных подлогов, когда, например, сугубо точное понятие «производительность труда» подменялось суждениями о росте трудовой активности и напряженности в сельскохозяйственном труде.

Производственные итоги колхозов по их основным тенденциям на различных этапах войны в основном были одинаковы с совхозным производством, а по некоторым показателям колхозы имели даже более благоприятные результаты. В 1941–1942 гг. в совхозном секторе, как и в колхозном, произошло значительное расширение

посевных площадей. Но низкая агротехника и плохие погодные условия привели в 1943 г. к обвальному, более тревожному, чем в колхозах, сокращению валовых сборов (зерна с 6,6 млн т в 1940 г. до 1,3 млн т). В результате доля заготовок хлеба совхозами в общем объеме зерновых поставок упала с 10 до 5,8%, или почти вдвое. Через два года после начала войны поголовье крупного рогатого скота в этом секторе уменьшилось в 2 раза, овец и коз – в 1,6, а свиней – в 9 раз[255]. Ухудшились и качественные показатели, хотя в целом совхозное животноводство, как и колхозное, в силу отмечавшихся выше причин оказалось более устойчивым, чем полеводство.

Улучшение в обоих секторах проявилось лишь с 1944 г., причем в совхозном полеводстве оно, напротив, оказалось ощутимее. На заключительном этапе войны валовой сбор зерновых по сравнению с 1943 г. более чем удвоился, соответственно в 2–2,5 раза увеличились и заготовки хлеба. В 1944 г. совхозы даже перевыполнили план сдачи государству хлеба (на 6,5%), картофеля, овощей и животноводческой продукции, хотя опять-таки во многом за счет увеличения норм заготовок. Если в 1940 г. они передали в госпоставки немногим свыше половины валового сбора зерна, то в 1943–1944 гг. – свыше 60% при 43,6% в колхозах[256]. При этом восстановительные тенденции в совхозном животноводстве, как и в колхозах, проявлялись медленнее, чем в полеводстве. В этом сказалась общая однотипность главных проявлений хозяйственного состояния, выразившаяся во всем чрезвычайном сельскохозяйственном производстве.

Подводя общий итог трудовой деятельности крестьянства и экономического положения колхозов и совхозов за все военные годы, необходимо заключить: даже в самое тяжелое для сельского хозяйства время, каким стал для него 1943 г., когда недород урожая опустился ниже самой критической черты, колхозы (артельнокооперативное производство) дали стране 94,2% хлебных заготовок. И это оказалось тем спасительным минимумом для населения и основой фронтового хлебного довольствия. Колхозное крестьянство внесло незаменимый, во многом жертвенный вклад в достижение экономической победы над врагом.

Примечания

[1] Страна Советов за 50 лет. М., 1967. С. 152.

[2] *Володарский Л.* Возрождение районов СССР, пострадавших от немецкой оккупации. М., 1946. С. 9; Народное хозяйство СССР в 1958 г. М., 1959. С. 445, 448.

[3] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1963. Т. 2. С. 142; Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1970. С. 424.

[4] *Фараджаев Ф.А.* Производительность труда в сельскохозяйственном машиностроении СССР. Баку, 1956. С. 77.

[5] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Киев, 1980. Т. 1. С. 311; Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 246, 247.

[6] *Анисков В.Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. Барнаул, 1966. С. 112.

[7] Советская экономика в период Великой Отечественной войны... С. 247.

[8] Соц. сел. хоз-во, 1945. № 5. С. 7.

[9] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 5. Д. 87. Л. 3; Ф. 26. Оп. 14. Д. 8. Л. 38.

[10] Там же. Ф. 1. Оп. 22. Д. 177. Л. 77–78.

[11] ЦДНИАК. Ф. 1. Оп. 87. Д. 102. Л. 37.

[12] Ист. архив. 1962. № 6. С. 29.

[13] Подробнее см.: *Анисков В.Т.* Общее и специфическое в истории советской деревни периода Великой Отечественной войны // Социально-политическое и экономическое развитие советской деревни. Ярославль, 1978. Вып. 2. С. 54–59.

[14] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 714. Л. 10.

[15] Там же. Ф. 1. Оп. 498. Д. 24. Л. 5; Оп. 22. Д. 167. Л. 13.

[16] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1423. Л. 10.

[17] Страна Советов за 50 лет. С. 30, 35; Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбил. стат. ежегодник. М., 1977. С. 14. Производительность труда исчислена в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве исходя из годовой производительности труда. В литературе по истории крестьянства до конца 50-х годов преобладала упрощенная точка зрения на вопрос о состоянии производительности труда в сельском хозяйстве в годы войны. Исследователи подменяли вопрос о состоянии производительности колхозного труда вопросом о производственной активности колхозников, которая в действительности заметно возросла, и на этом основании делали вывод о росте производительности труда. Подробнее об этом см.: *Анисков В.Т.* Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне: Историогр. очерк. М., 1979. С. 74–77.

[18] Речь идет лишь о некоторых показателях производственной деятельности колхозов, которые и в передовых регионах не были следствием укрепления военной экономики сельского хозяйства.

[19] *Анисков В.Т.* Колхозное производство Западной Сибири в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Крестьянство и сельское хозяйство Сибири в 1917–1961 гг. Новосибирск, 1965. С. 89.

[20] *Анисков В.Т.* Трудовой подвиг советского крестьянства в период Великой Отечественной войны: Основные итоги и уроки // Вестн. Яросл. ун-та, 1972. № 1. С. 43.

[21] Новосибирская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1960. С. 82.

[22] Парт. стр-во. 1942. № 4. С. 43–44.

[23] Кировская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Киров, 1961. С. 151.

[24] *Лихоманов М.И.* Хозяйственно-организаторская работа партии в деревне в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). Л., 1975. С. 92. Постановление ЦК о колхозных кадрах по Кировской области имело и негативные последствия. Нередко в ходе его реализации к числу «неблагонадежных» необоснованно были отнесены и вполне достойные руководители хозяйств под предлогом их «сомнительного социального происхождения» и иных подобных «обстоятельств». Эти причины носили тот же характер, что и так называемые упредительные меры при создании политотделов и печальная кампанейщина в ходе «борьбы с хлебосаботажниками» 1942–1943 гг.

[25] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1. Оп. 484. Д. 26. Л. 59.

[26] *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 411.

[27] *Лихоманов М.И.* Указ. соч. С. 93.
[28] Парт. стр-во. 1943. № 20. С. 43.
[29] *Лихоманов М.И.* Указ. соч. С. 90; РЦХИДНИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 5. Л. 167.
[30] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 249.
[31] Большевик. 1944. № 5. С. 34.
[32] ЦГА РФ. Ф. 26. Оп. 14. Д. 7. Л. 132.
[33] Крестьянка. 1941. № 13/14. С. 7.
[34] История Великой Отечественной войны Советского Союза... Т. 2. С. 524.
[35] Там же.
[36] *Бенедиктов И.* Сила и жизненность колхозного строя // Соц. сел. хоз-во. 1945. № 10. С. 7.
[37] Вопр. истории. 1958. № 8. С. 96; Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 257–258.
[38] Кузница победы. Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны: Очерки и воспоминания. М., 1974. С. 359.
[39] Правда. 1942. 19 апр.
[40] ВЛКСМ в цифрах и фактах. М., 1949. С. 57.
[41] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 2. С. 515.
[42] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. 10. С. 283.
[43] РГАЭ. Ф. 1. Оп. 498. Св. 3. Д. 24. Л. 9–10, 17.
[44] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М., 1948. С. 310–311.
[45] ЦГА РФ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 40. Л. 95–97; РЦХИДНИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 81. Л. 5.
[46] РГАЭ. Ф. 1. Оп. 496. Д. 27. Л. 95.
[47] Сов. Сибирь. 1942. 28 марта.
[48] РЦХИДНИ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 40. Л. 55–57.
[49] Кострома – фронту: Сб. документов. Ярославль, 1975. С. 81.
[50] Ист. архив. 1962. № 6. С. 67.
[51] *Буянов И.А.* Тебе, жизнь. М., 1965. С. 130.
[52] Соц. земледелие. 1941. 1 авг.
[53] Сов. Сибирь. 1941. 27 авг.; Алтай в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 1960. С. 161.
[54] История СССР с древнейших времен... Т. 10. С. 81.
[55] Новосибирская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны. С. 79; *Пятница С.Е., Чабанов Ф.В., Добшик Н.Г.* Работа на комбайне. Барнаул, 1948. С. 16, 27, 38.
[56] Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны. Куйбышев, 1966. С. 212–213.
[57] *Самсонов В.Д.* Советское крестьянство Киргизии в годы Великой Отечественной войны. Фрунзе, 1969. С. 19; Сов. Киргизия, 1941, 8 авг.
[58] *Анисков В.Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту, 1941–1945. С. 164.
[59] Осуществление ленинской программы строительства социализма в Восточной Сибири. Иркутск, 1971. С. 217, 218; *Кузнецов И.И.* Восточная Сибирь в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Иркутск, 1974. С. 357.
[60] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 714. Л. 2–3.
[61] Сов. Сибирь. 1942. 22 янв.
[62] Там же. 15 февр.
[63] Соц. земледелие. 1942. 14 февр.
[64] *Калинин М.И.* О весенне-полевых работах. Ярославль, 1942. С. 7.
[65] РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 65. Л. 41.
[66] См. об этом: Вопр. истории. 1955. № 5. С. 30.

[67] История Великой Отечественной войны Советского Союза... Т. 2. С. 516.
[68] Указатель важнейших решений партии и правительства, принятых во время Великой Отечественной войны. М., 1980. С. 66.
[69] Омская правда. 1942. 5 июля.
[70] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1. Оп. 484. Д. 44. Л. 22; Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1960. С. 41.
[71] *Гильманов З.И.* Татарская ССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Казань, 1977. С. 148–149.
[72] См.: *Лихоманов М.И.* Указ. соч. С. 118.
[73] Сведения о размахе соревнования женщин-трактористок содержат почти все очерки по истории местных партийных организаций, а также отчеты комсомольских организаций областей о работе за годы войны, хранящиеся ныне в РЦХИДНИ.
[74] РЦХИДНИ. Ф. ЦК ВЛКСМ. Справка А.А. Андрееву об итогах соревнования женщин-трактористок и тракторных бригад за 1942 г. от 9 марта 1943 г. Л. 73.
[75] Правда. 1942. 28 июня.
[76] *Гармаш Д.М.* Побеждает любовь. М., 1973. С. 250–251.
[77] Правда. 1942. 1 дек.
[78] Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны... С. 230.
[79] РЦХИДНИ. Ф. ЦК ВЛКСМ. Отчет Свердловской областной комсомольской организации за 1941–1945 гг. Л. 49.
[80] Омская партийная организация в первый период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. документов. Омск, 1960. Т. 1. С. 209–210; Из истории рабочего класса и крестьянства СССР. М., 1959. С. 260.
[81] *Лихоманов М.И.* Указ. соч. С. 121.
[82] Очерки истории Приморской организации КПСС. Владивосток, 1971. С. 240.
[83] Красноярский рабочий. 1942. 5 мая.
[84] *Солдатенко Е.И.* Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1954. С. 163–164.
[85] *Пятница С.Е., Чабанов Ф. В., Добшик Н. Г.* Указ. соч. С. 16–17, 38; ЦДНИНО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 133. Л. 261; Омская правда. 1942. 18 ноября; Комсомол Иркутской области в дни Великой Отечественной войны. Иркутск, 1943. С. 54.
[86] Соц. земледелие. 1942. 12 сент.; *Солдатенко Е.И.* Указ. соч. С. 165.
[87] Гвардия тыла. М., 1962. С. 426.
[88] *Акулов М.Р., Анисков В.Т., Васильев Ю.А., Кузнецов И.И.* Подвиг земли богатырской: Сибирь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1970. С. 133.
[89] Соц. земледелие. 1942. 5 ноября; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 993. Л. 39; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1969. Т. 5. С. 100.
[90] Труды Иркут. ин-та народ. хоз-ва. 1967. Вып. 4 (11). С. 47.
[91] Крестьянка. 1942. № 16. С. 6.
[92] Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1964. Т. 1. С. 429.
[93] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1035. Л. 22; Казахст. правда. 1943. 10 июня.
[94] Преображенная степь. Сельское хозяйство Казахстана за 50 лет советской власти. Алма-Ата, 1967. С. 191; Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны, июнь 1941–1945. М., 1961. С. 500.
[95] Цит. по: *Балакаев Т.Б.* Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1971. С. 157; ЦГА КазССР. Ф. 1137. Оп. 8. Д. 424–а. Л. 3.
[96] Сов. Сибирь. 1943. 4 февр.; ЦДНИНО. Ф. 4. Оп. 64. Д. 251. Л. 293–294.
[97] *Анисков В.Т.* Крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту... С. 225.
[98] Правда. 1943. 15 апр.

[99] Соц. земледелие. 1943. 23 апр.
[100] *Смирнов В.И.* Подвиг советского крестьянства. М., 1976. С. 202, 203, 207; РГАЭ. Ф. 1. Оп. 484. Д. 21. Л. 68.
[101] Правда. 1943. 28 июля, 9 окт.; 1944, 10 апр., 4 окт; 1945, 4 апр.
[102] *Базарова Р.А.* Подвиг молодежи Туркменистана в годы Великой Отечественной войны. Ашхабад, 1964. С. 84.
[103] Сов. Сибирь. 1943. 8 сент.
[104] Алтай в годы Великой Отечественной войны... С. 194–195.
[105] ЦДНИЯО. Ф. 594. Оп. 5-а. Д. 34. Л. 28; Д. 37. Л. 27.
[106] *Анисков В.Т.* С полей колхозных на поля сражений. Ярославль, 1975. С. 167–168.
[107] *Гармаш Д.М.* Побеждает любовь... С. 336.
[108] *Шушкин Н.Н.* Во имя победы: организаторская работа партии в деревне в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1974. Ч. 2. С. 127, 131.
[109] Правда. 1944. 19 янв.
[110] ЦДНИАК. Ф. 1. Оп. 35. Д. 17. Л. 16, 228; Алтай в годы Великой Отечественной войны... С. 208–209; Новосибирская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны... С. 101.
[111] ЦДНИЯО. Ф. 272. Оп. 1-к. Д. 45. Л. 4.
[112] Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Крат. ист. очерк. М., 1965. С. 286; *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. ч. 2. С. 165.
[113] *Анисков В. Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту... С. 325, 328.
[114] Комсомол Западной Сибири. Новосибирск, 1948. С. 97; *Анисков В.Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту... С. 317.
[115] *Еремин В. Г., Исаков П. Ф.* Молодежь в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. С. 199.
[116] Учен. зап. Урал. ун-та. Пермь, 1966. Т. 151. С. 198.
[117] Подсчитано по: Материалы по социалистическому соревнованию колхозников и колхозниц Ярославской области за 1944 г. Ярославль, 1945.
[118] Составлено по: Ист. архив. 1962. № 6. С. 52.
[119] См.: Там же. С. 41.
[120] Там же. С. 67.
[121] *Гармаш Д.М.* Опыт работы женской тракторной бригады. М., 1944; *Кирюшина А.Ф.* Опыт работы женской тракторной бригады. Омск, 1945; Рассказы мастеров животноводства. Ярославль, 1944; Опыт лучших коневодов. М., 1945; Работа лучших свиноводов. М., 1945; *Козлов А.* Колхоз «Марксист». Челябинск, 1943; *Забелина Р.* Колхоз «Ударник 2-й пятилетки» в дни войны. Оренбург, 1944; *Антипов В.* Партийная организация колхоза в дни Отечественной войны. Саратов, 1944; и др.
[122] Советское крестьянство: Крат. очерк истории, 1917–1969. М., 1970. С. 322.
[123] *Казанский А.К.* Киргизский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945. Фрунзе, 1954. С. 95.
[124] *Сидоров И.И.* Трудящиеся Ярославской области в годы Великой Отечественной войны. Ярославль, 1958. С. 160.
[125] Сельскохоз. энцикл., 1951. Т. 2. С. 321.
[126] *Соколов П.В.* Война и людские резервы. М., 1961. С. 133, 153; *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 98; *Митрофанова А. В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 328.
[127] ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 4. Л. 301–302; ЦДНИЕО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 267. Л. 6; Д. 514. Л. 12
[128] *Анисков В.Т.* Укрепление союза рабочего класса с крестьянством // Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985. С. 163.

[129] ЦДНИЕВО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 412. Л. 25–27.
[130] *Анисков В.Т., Рутковский М.А.* История Ярославского края (1928–1998). Ярославль, 2000. С. 98.
[131] *Шушкин Н.Н.* Во имя Победы. Петрозаводск, 1970. Ч. 1. С. 149–150.
[132] История советского рабочего класса в 6 томах. Т. 3, М., 1984. С. 386, 389.
[133] Там же. С. 386–387; РГАЭ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 211. Л. 38–41.
[134] РГАЭ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 207. Л. 8–10.
[135] История советского рабочего класса. Т. 3. С. 391.
[136] Там же. С. 391–392; Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С. 338; *Докучаев Г.А.* Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973. С. 402–403.
[137] *Земсков В.Н.* Помощь города колхозному крестьянству // История советского крестьянства. Т. 3. С. 197.
[138] Союз созидателей нового общества 1917–1977. М., 1979. С. 185.
[139] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 42; Куйбышевская область: Ист.-экон. очерк. Куйбышев, 1977. С. 185.
[140] Союз созидателей нового общества... С. 185; История советского крестьянства... Т. 3. С. 198.
[141] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 42, 98, 100; История Великой Отечественной войны Советского Союза... Т. 3. М., 1961. С. 188; История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 385.
[142] ЦДНИАК. Ф. 1. Оп. 18. Д. 12. Л. 205.
[143] *Анисков В.Т.* С полей колхозных на поля сражений... С. 106.
[144] История советского рабочего класса... Т. 3. С. 237.
[145] Горьковчане в Великой Отечественной войне. Горький, 1990. С. 278.
[146] *Анисков В.Т.* Сотрудничество и взаимопомощь рабочего класса и колхозного крестьянства Сибири в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1978. № 3. С. 27–28.
[147] Алтай в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 1960. С. 204–205.
[148] Там же. С. 209, 212.
[149] Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма... С. 164.
[150] ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 9. Д. 2. Л. 42–48; Оп. 8. Д. 38. Л. 10,11.
[151] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Д. 332. Л. 27, 45.
[152] ЦДНИСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 642. Л. 27; Д. 697. Л. 17.
[153] ЦДНИПО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 218. Л. 41.
[154] Там же. Д. 167. Л. 218.
[155] *Багдашкин П.И.* Электрификация сельского хозяйства СССР. М., 1969. С. 45.
[156] ЦДНИПО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 218. Л. 158, 178.
[157] *Ивашкин С.С.* Из истории помощи рабочего класса сельскому хозяйству в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1975. № 3. С. 143.
[158] История советского рабочего класса. Т. 3. С. 339.
[159] *Люшин С.П.* Участие трудящихся Волгограда в подъеме сельского хозяйства // Сб. науч. работ (Волгоградский пед. ин-т). 1964. Вып. 1. С. 116.
[160] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Т. 3. Киев, 1975. С. 220–221.
[161] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 44–45; Советская экономика в период Великой Отечественной войны... С. 263.
[162] Подвиг земли богатырской... С. 112.
[163] *Балакаев Т.Б.* Указ. соч. С. 82–83.
[164] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1. Оп. 484. Д. 4. Л. 18; *Самсонов В.Д.* Указ. соч. С. 24.
[165] *Самсонов В.Д.* Указ. соч. С. 24.
[166] *Ефимов В.М.* Борьба колхозного крестьянства Узбекистана за увеличение производства сельскохозяйственной продукции в годы Великой Отечественной войны // Тр. Самарканд. ун-та, 1969, вып. 173. С. 234.

[167] *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1970. С. 155.
[168] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 43; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 10. С. 81.
[169] История Великой Отечественной войны Советского Союза... Т. 2. С. 167.
[170] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 3125. Л. 61.
[171] РГАЭ. Ф. 1. Оп. 484. Д. 2. Л. 91–92.
[172] *Карнаухова Е.С.* Колхозное производство в годы Отечественной войны. М., 1947. С. 53; *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 94.
[173] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 95.
[174] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1. Оп. 484. Д. 2. Л. 91–92; *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 94; Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. С. 301.
[175] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 163; Советская экономика в период Великой Отечественной войны. С. 259.
[176] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 160, 163.
[177] *Карнаухова Е.С.* Указ. соч. С. 53.
[178] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 94.
[179] Там же. С. 96; *Кравченко Г.С.* Военная экономика СССР, 1941–1945. М., 1963. С. 149.
[180] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 181–182.
[181] Большевик. 1943. № 5. С. 6.
[182] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 184; *Салямов Д.А.* Дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства Узбекистана в условиях Отечественной войны // Учен. зап. Наманган. пед. ин-та. Общ. науки. 1964. Вып. 5. С. 82.
[183] *Карнаухова Е.С.* Указ. соч. С. 117, 119.
[184] История Великой Отечественной войны Советского Союза... Т. 2. С. 167, 516.
[185] Народное хозяйство СССР за 60 лет... С. 309.
[186] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 182.
[187] Страна Советов за 50 лет. С. 130; История Великой Отечественной войны Советского Союза... Т. 6. С. 67.
[188] *Зеленин И.Е.* Совхозы СССР, 1941–1950. М., 1969. С. 71, 90; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 184.
[189] *Зеленин И.Е.* Указ. соч. С. 90.
[190] Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1960. С. 131.
[191] Подсчитано по: Народное хозяйство СССР за 60 лет. С. 332–333; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 433.
[192] *Карнаухова Е.С.* Указ. соч. С. 87.
[193] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 97.
[194] Подсчитано по: Народное хозяйство СССР за 60 лет. С. 332–333; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: Стат. ежегодник. М., 1977. С. 147–148; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 435.
[195] Подсчитано по: Народное хозяйство РСФСР за 60 лет. С. 147–148; ЦГА РФ. Ф. 26. Оп. 14. Д. 8. Л. 141–144.
[196] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 194, 442–443.
[197] Там же. С. 191.
[198] *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 236.
[199] Подсчитано по: Страна Советов за 50 лет. С. 122, 130, 149; История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 6. С. 67, 69.
[200] Даже в современной литературе недостаточно учитывается отмеченное выше влияние войны на качественное состояние продуктивного животноводства, что ведет к некоторому преуменьшению трудностей в этой отрасли сельского хозяйства как в ходе войны, так и в связи с его послевоенным восстановлением.

[201] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 46.
[202] РГАЭ. Ф. 1. Оп. 496. Д. 27. Л. 13.
[203] ЦГА РФ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 40. Л. 18–20, 22–24.
[204] ЦГА РФ. Ф. 26. Оп. 14. Д. 3. Л. 115–116.
[205] ЦДНИАК. Ф. 1. Оп. 87. Д. 298. Л. 14; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1389. Л. 24.
[206] ЦДНИАК. Ф. 1. Оп. 35. Д. 16. Л. 37.
[207] *Анисков В.Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту... С. 236.
[208] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 714. Л. 2, 3.
[209] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 423–425; *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 143.
[210] *Анисков В.Т.* Указ. соч. С. 244.
[211] Алтай в годы Великой Отечественной войны... С. 190.
[212] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 431.
[213] История Великой Отечественной войны Советского Союза... Т. 6. С. 67.
[214] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 143.
[215] История Великой Отечественной войны Советского Союза... Т. 6. С. 67.
[216] РГАЭ. Ф. 22. Оп. 22. Д. 168. Л. 39.
[217] Сахалинская область. Южно-Сахалинск, 1960. С. 220.
[218] *Кравченко Г.С.* Указ. соч. С. 263.
[219] *Балакаев Т.Б.* Указ. соч. С. 165.
[220] ЦДНИАК. Ф. 1. Оп. 23. Д. 56. Л. 99.
[221] РГАЭ. Ф. 26. Оп. 12. Д. 14. Л. 2; Ф. 1. Оп. 22. Д. 168. Л. 6.
[222] *Балакаев Т.Б.* Указ. соч. С. 173.
[223] О выполнении Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 21 августа 1943 г. М., 1944. С. 3.
[224] *Балакаев Т.Б.* Указ. соч. С. 173.
[225] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 97; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 193.
[226] История Великой Отечественной войны Советского Союза... Т. 4. С. 602.
[227] Там же. С. 578.
[228] Известия. 1944. 25 февр.
[229] См.: гл. II, параграф 1 наст. изд. «Состояние производительных сил».
[230] См.: История Коммунистической партии Советского Союза... Т. 5. Кн. 1. С. 365–366, 438–439, 465.
[231] Подсчитано по: РГАЭ. Оп. 484. Д. 35. Л. 7; Там же. Ф. 748. Оп. 6. Д. 350. Л. 5; *Анисков В.Т.* Указ. соч. С. 333.
[232] *Беккульбеков Ф.М.* Состояние сельского хозяйства УзССР в первые годы Великой Отечественной войны, 1941–1943 // Науч. зап. Ташк. ин-та народ. хоз-ва. Ташкент, 1962. Вып. 19. С. 226.
[233] Большевик. 1943. № 5. С. 9; Соц. сел. хоз-во. 1945. № 9. С. 27.
[234] *Кравченко Г.С.* Указ. соч. С. 263.
[235] *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. С. 233.
[236] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 317.
[237] Там же. С. 310.
[238] Там же. С. 313.
[239] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 965. Л. 139–140.
[240] Дела и люди Томской области. Томск, 1945. С. 41–42.
[241] Кострома – фронту: Сб. документов. Ярославль, 1975. С. 256–262.
[242] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 965. Л. 61.
[243] Чаганак Берсиев умер в июне 1944 г. На поле, где работал прославленный просовод, установлен гранитный монумент с надписью: «На этом поле Чаганак Берсиев в 1943 г. получил рекордный урожай проса – 1292 пуда».
[244] Коммунист. 1967. № 11. С. 99; РГАЭ. Ф. 1. Оп. 484. Д. 21. Л. 68.
[245] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 582. Л. 52; Соц. земледелие. 1943. 27 февр. – 25 марта; Крестьянка. 1944. № 5/6. С. 2.

[246] *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. С. 172.

[247] Сов. Киргизия. 1944. 11 марта, 24 сент.; *Животовская Н.П.* Женщины Киргизии – патриотки своей Родины. Фрунзе, 1968. С. 32; *Керимбаев С.* Патриотизм трудящихся Киргизии в годы Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Фрунзе, 1954. С. 167.

[248] Узбекистан в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Ташкент, 1966. С. 104; *Ильясов Б.* Советский Туркменистан в период Великой Отечественной войны. Ашхабад, 1964. С. 101; *Мехтиев Г.Г.* Деятельность Коммунистической партии Азербайджана в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Баку, 1967. С. 249.

[249] Достижения и методы работы ярославских животноводов. М., 1946. С. 5; Правда. 1945. 10 февр.; Сев. рабочий. 1945. 16, 17 февр.

[250] *Солдатенко Е. И.* Указ. соч. С. 165; Работа лучших свиноводов. М., 1945. С. 7.

[251] Достижения передовиков овцеводства. М., 1945. С. 29.

[252] *Животовская Н.П.* Указ. соч. С. 39.

[253] Народное хозяйство СССР за 60 лет... С. 12, 14.

[254] Страна Советов за 50 лет... С. 122, 128, 130–131.

[255] *Богденко М.Л., Зеленин И.Е.* Совхозы СССР. М., 1976. С. 114–115; Численность скота в СССР... С. 6–7.

[256] *Богденко М.Л., Зеленин И.Е.* Указ. соч. С. 115; *Анисков В.Т.* Хлеб Победы // Вопр. истории КПСС, 1984. № 7. С. 63.

Глава III

НА ФРОНТЕ И ДЛЯ ФРОНТА

ИСТИНА О ГЕРОИЗМЕ ВОИНОВ-КРЕСТЬЯН

В начале книги уже говорилось о главных истоках нашей Победы. О том, что массовый героизм советских людей в тылу и на фронте, сопряженный с готовностью к прямой жертвенности, около полувека воспринимался нами как та неоспоримая истина, как беспримерная социально-психологическая аксиома, которая не нуждалась в особых доказательствах. Убеждать, что борьба с врагом не на жизнь, а на смерть была всенародной, считалось равносильным тому, что говорить будто белое есть белое, а черное – черное.

Ныне времена для многих изменились, точнее – их изменили. Аксиому нужно разъяснять, тем более молодым поколениям, отстаивать от неправедных наскоков, приводить свежие аргументы, не давать извращать прежние. Защищать ту истину, что абсолютное большинство нашего народа хорошо осознавало тогда безальтернативность священной борьбы с фашизмом и это было очевидным проявлением массового сознания. Несомненно и то, что в стране возобладал государственный патриотизм, что система ценностей советского строя доминировала даже в таком межсистемном качестве общества, каким являлись его социальная и национальная психология. Выступления и приказы И.В. Сталина, заявления и статьи других видных деятелей партии и государства, вся практика агитации и пропаганды военных лет свидетельствуют, что руководство СССР всегда подчеркивало социалистический характер существовавшего в стране строя, акцентировало внимание на достижениях революции и социалистического строительства, на решении многих коренных социальных проблем. Но эти доминанты советского патриотизма не противопоставлялись традиционным чувствам общероссийского. Напротив, они все больше сливались в интегрированное советско-российское народное патриотическое сознание, предопределявшее позицию, волю и поступки людей. Из многочисленных признаний этой реальности приведем лишь два весьма примечательных.

Первое принадлежит бывшему корифею меньшевизма Ф.И. Дану, высланному из страны в 1922 г. за антисоветскую деятельность. Во время Сталинградской битвы, касаясь истоков нашего патриотиз-

ма, он писал, что при всех срывах и ошибках революционные ценности за четверть века вошли в плоть и кровь народа. Революция дала народу достижения и еще больше – надежды. Что за них массы «держатся всеми фибрами души, которые в их глазах перевешивают все темные и тяжелые стороны ее, за которые они хотят идти на нечеловеческие муки, сражаться и умирать». По мнению старейшего противника ленинизма, патриотизм народов нашей страны держался на идее социального освобождения, рожденной революцией[1]. Скупо, но мужественно: о своих поражениях с ликованием не пишут.

Вторая оценка показательна другим – она высказана французским военным историком Р. Гудимой, над которым не висел груз собственных ошибок, ценою в жизнь. «Никогда еще 180 млн жителей, – писал ученый, – населявших 22 млн кв. км советской территории, не были столь тесно связаны общей судьбой. Никогда еще представители различных профессий не были так крепко спаяны, как в эту войну. Рабочий на заводе, крестьянин в поле, выдающийся писатель и художник, артист армейского театра, священник, стоящий во главе партизан, все – мужчины и женщины как в тылу, так и на фронте и даже за линией фронта – все работали для победы»[2]. Казалось бы, все подмечено зарубежным историком, и тем не менее...

Социальная спайка связывала наше общество вдоль и поперек. Она стянула в едином порыве даже людей далеко не одинаковых взглядов и судеб, вполне преуспевавших при советской власти и тех, кто имел основания для обид – коммунистов и их оппонентов. Уместно задаться, например, вопросом о том, как же повел себя так называемый кулак, еще недавно самый массово гонимый из числа всех, как считалось, несовместимых с общественным сознанием при социализме? Для большинства из них война не стала тем, что «все спишет», а равно суровой и прекрасной возможностью доказать обратное. «Война – особое звено в цепи революционных десятилетий, – писал Б. Пастернак. – Кончилось действие причин. Стали сказываться итоги косвенные, плоды плодов, последствия последствий...

Неизбалованность, героизм, готовность к крупному, отчаянному, небывалому. Это – качества сказочные, ошеломляющие, и они составляют (составляли. – *В.А.*) нравственный цвет поколения»[3]. «Бок о бок сражались против фашистов бывшие кулаки и те, кто их раскулачивал, – вспоминал один из защитников Ленинграда. – Дивизию, в которой я служил, весной 42-го в шутку называли на Ленинградском фронте – «85-я стрелковая кулацкая дивизия», поскольку пришедшее к нам с Большой земли пополнение состояло из бывших кулаков-спецпереселенцев. После того как кулаки героически проявили себя в боях, командир нашей дивизии, не желавший в свое время принимать такой «чуждый элемент», запрашивая новое пополнение, требовал: «Мне только кулаков! Только кулаков!»[4] Но так называемых кулаков было не так уж много и вовсе не десятки миллионов,

как в воспаленном представлении некоторых социологов. И все же незадолго до войны в числе реабилитированных насчитывалось 837 тыс. необоснованно раскулаченных[5].

Во время войны дефакто были сняты прежние ограничения на вступление в партию и комсомол для детей так называемых кулаков, а также священников и других категорий «нелояльных к советской власти граждан», а кандидатский стаж по боевой характеристике сокращен до трех месяцев. Подобные отступления распространялись и на выходцев из единоличных крестьянских хозяйств. Кстати, к началу войны в СССР насчитывалось 302,9 тыс. таких дворов, или 2,5% к общему числу крестьянских хозяйств. К октябрю 1942 г. их доля упала еще ниже – до 1,8%[6]. В последующем и эта мизерная часть населения вовсе выбыла из статистики.

Но в целом к началу войны в российской деревне, как уже отмечалось выше, проживало 72% населения страны. Назывался и ряд специфических факторов, так сказать, сельского «преломления», который позволил нам обосновать 80-процентное представительство жителей деревни, преимущественно колхозной, в рядах сражавшейся Красной Армии. Это преобладающее представительство включало в себя не только собственно воинов-колхозников, но и выходцев из числа совхозного населения, сельской интеллигенции, управленческих и служащих структур низового звена, которые по социально-политическим характеристикам и общественному сознанию ближе всего подходили под определение сельского населения вообще.

Если же принять в расчет только колхозное население, то по данным годовых отчетов колхозов, на начало 1945 г. в армию и в промышленность ушло 12,4 млн трудоспособных мужчин и свыше 1 млн женщин[7]. Полных и дифференцированных данных за все годы войны колхозная отчетность не дает, хотя известно, что с 1942 по 1944 г. из сельской местности на постоянную работу и только в промышленность, строительство и транспорт выбыло около 1,4 млн человек[8]. Но нет таких данных о второй половине 1941 г. Всего же по стране за первые полгода войны в армию было призвано 5 млн человек, составивших 286 новых стрелковых дивизий[9]. В целом опосредованно можно констатировать, что общее число ушедших в армию колхозников было не менее 10 млн человек[10].

Однако, если исходить из общей численности одетых в шинели военных и предвоенных лет, которая достигла 34,4 млн человек, даже паритетное представительство всего сельского населения (а не только колхозников) в рядах Красной Армии должно было составить не менее 17 млн. Не говоря уже о вышеизложенных процентах поправок, связанных с той же системой одностороннего бронирования для другой части населения страны, как не учитывая (об этом ниже) и преобладающую долю сельских жителей в партизанском движении.

Даже в тех районах страны, где преобладало городское население, доля призывников-крестьян и тем более селян в целом была высокой. В Сибири, например, к началу войны насчитывалось около 6 млн колхозников – 33% общей численности местного населения. Еще до войны в сельском хозяйстве региона ощущалась нехватка рабочей силы, а в войну в связи с приемом более чем 400 эвакуированных промышленных объектов спрос на пополнение рабочего класса за счет деревни необычайно возрос. Но и в этом случае формировавшиеся здесь воинские соединения характеризовались примерно одинаковым представительством рабочего класса и крестьян[11], не считая других слоев сельского населения.

Ярким проявлением патриотизма крестьян стало массовое их участие в создании народного ополчения, истребительных батальонов и других добровольческих подразделений. Уже в первые дни войны по инициативе ленинградцев и москвичей началось формирование отрядов народных ополченцев, не подлежавших призыву. Всего летом и осенью 1941 г. были сформированы 60 дивизий народного ополчения, сотни других подобных формирований (почти 2 млн бойцов), 1755 истребительных батальонов (328 тыс. человек)[12]. Они создавались даже в глубоком тылу – на Урале, в Сибири, Казахстане. Но наибольшее распространение это движение получило в европейской части страны, особенно в прифронтовых областях. В Москве и Московской области уже в течение 3–5 июля 1941 г. заявления о вступлении в народное ополчение подали 310 тыс. человек, в том числе 140 тыс. жителей сельских районов[13]. Желающих оказалось так много, что даже первоначально в числе ополченцев оказалось 120 тыс. человек и среди них 50 тыс. колхозников[14].

Массовым стало участие крестьянства в народном ополчении на Украине. В 12 областях в него вступили 1 млн 300 тыс. человек[15] – почти половину ополченцев составляли жители сел и деревень. 5 июля 1941 г. «Правда» опубликовала призыв крестьян сельхозартели «III Интернационал» Запорожской области: «Братья колхозники! Вступайте все в народное ополчение! Организуйте в каждом колхозе, каждом селе лихие кавалерийские и пешие отряды! Седлайте боевых коней, точите стальные клинки! Вставайте на борьбу с заклятым врагом потомки славных запорожцев, колхозники Советской Украины!»

Не осталось какого-либо массово-ощутимого следа от горьких воспоминаний времен социальных междоусобиц, деливших когда-то казачество на белых и красных, как отошли к прошлому и совсем затухшие социальные потрясения, связанные с печальным расказачиванием. Хотя, конечно, и об этом – ниже, в особых экстренных условиях нацистской оккупации имели место и значительные проявления так называемого коллаборационализма. Впрочем, и опять же чаще под воздействием обманной демагогии гитлеровцев.

В числе первых к формированию ополчения приступили крестьяне-казаки Дона и Кубани. Из тех, кто не подлежал призыву в армию,

создавались казацкие сотни и другие отряды. «Мы, казаки, не можем в словах выразить наше проклятье врагу – Гитлеру и его приспешникам, – писали жители станицы Шумилинской. – На собрании мы решили записаться все в народное ополчение, чтобы с оружием в руках беспощадно громить врага»[16]. Отряд из 40 казаков возглавил бывший красный партизан, участник гражданской войны П.С. Куркин. Уже в июле 1941 г. на Дону и Кубани были сформированы целые ополченские казачьи дивизии, объединенные затем в 5-й Донской и 4-й Кубанский казачьи кавалерийские корпуса[17].

В обоих корпусах сражались десятки тысяч колхозников, имея при себе клинки, сабли, лучших колхозных коней. Донской корпус прошел боевой путь от Дона до Альп. Кубанский, ставший вскоре гвардейским, участвовал в освобождении Северного Кавказа, Украины, Белоруссии, а потом Польши, Венгрии, Чехословакии. В числе его первых бойцов были 60-летний колхозник станицы Родниковской, отец шестерых воинов М.Ф. Грачев; участник гражданской войны Рамазан Потоков из адыгейского аула Мамхеч; житель станицы Ладожской, отец восьми воинов М.Г. Россохоч; колхозник станицы Рузиновской, участник первой мировой и гражданской войн А.И. Жуков и его жена, добровольно выполнявшая обязанности санитарки взвода; отец четверых воинов-офицеров Ф.П. Шевченко и его жена; девушки-колхозницы М. Крутельникова, А. Добрунова и другие. В числе их были и такие, судьбы которых оказались схожими с былым Григория Мелехова из романа М. Шолохова «Тихий Дон».

Кавалерийские добровольческие дивизии и бригады, в которых преобладали ополченцы, сформировались в Ставрополье, Сталинградской области, Калмыкии, Дагестане, Башкирии. В Сталинградском корпусе народного ополчения крестьянство составляло даже абсолютное большинство личного состава сводной Донской казачьей кавалерийской дивизии[18], символично названной ими Донской. В Башкирии для кавалерийской дивизии колхозы выделили 13 355 лучших коней, 12 311 комплектов амуниции, несколько тысяч центнеров хлеба и фуража[19]. Из отрядов народного ополчения Вологодской, Ивановской, Кировской, Тульской, Ярославской и ряда других областей были сформированы стрелковые дивизии. Всего, по неполным данным, народными ополченцами в РСФСР стали более 1700 тыс. человек. На этой основе, не считая других формирований, было создано свыше 40 дивизий народного ополчения[20].

Высочайшим проявлением патриотизма стало непосредственное осознанно-массовое участие всех советских людей в вооруженной борьбе с врагом. Именно в сражениях прежде всего проявились их приверженность новым идеалам, общественное сознание и психология. Мужество, отвага, преданность Родине явились нормой поведения бойцов и командиров Красной Армии. В общей сложности орденами и медалями СССР было награждено свыше 7 млн человек,

представлявших более 100 национальностей и народностей страны. Около 11 тыс. боевых орденов присвоено полкам и дивизиям Вооруженных Сил. 11 358 лучших из фронтовиков удостоены звания Героя Советского Союза.

Многие Герои были выходцами из крестьянской среды. Это дважды Герои Союза М.З. Бондаренко из с. Богдановка Полтавской области, П.А. Воробьев из д. Горбачево Одоевского района Тульской области, М.С. Гареев из д. Илякшиды Башкирской АССР, К.А. Евстигнеев из с. Хохлы Шумихинского района Курганской области, В.А. Зайцев из д. Семибратское Коломенского района Московской области, Г.М. Мыльников из д. Егорьевка Касторенского района Курской области, А.Н. Прохоров из с. Рождественское Поворинского района Воронежской области, Г.Ф. Сивков из д. Мартыново Кунгурского района Пермской области, Н.М. Скоморохов из с. Лапоть (ныне с. Белогорское) Красноармейского района Саратовской области, И.Н. Степаненко из с. Нехайки Драбовского района Черкасской области, М.Т. Степанищев из д. Первое Колесово ныне Задонского района Липецкой области, А.П. Шилин из с. Петропавловка Новоузенского района Саратовской области и многие другие.

Среди дважды Героев Советского Союза выходцы из рабочих, по официальной статистике, составляли 40, а из крестьян – 60%[21]. Представление о социальном составе всех Героев в региональных срезах можно получить по следующим данным. Из 416 воинов, удостоенных этого звания за подвиги под Ленинградом, свыше половины являлись уроженцами или жителями сельской местности. Из 296 Героев – выходцев из Калининской области до войны также более половины проживало на селе. 448 Героев Казахстана – почти половина – опять же сельские жители[22]. Треть (из 300 человек) они составляли в Алтайском крае, столько же (из 278) в Узбекистане и треть (из 158) в Ярославской области[23]. Если же иметь в виду выходцев из деревень не только военных и предвоенных, но и более ранних лет, то их доля, естественно, повсеместно станет преобладающей. В традиционных сельскохозяйственных районах страны (Сибирь, ЦЧО, Украина, Белоруссия) доля Героев Советского Союза – крестьян по происхождению достигала 70–80% и более[24]. В таких вот обобщенных, но весьма конкретных показателях наглядно выражались социально-политические истоки исходного героизма советских воинов, их гражданской позиции и массово-психологической настроенности.

Это же относилось ко всем награжденным орденами и медалями Союза. 2456 советских воинов всех родов войск стали полными кавалерами ордена Славы, учрежденного в ноябре 1943 г.*. Материалы о

* Орден Славы по своему статусу фактически приравнивался к знаменитому Георгиевскому кресту, учрежденному в 1913 г., что нашло отражение в идентичности орденских лент обеих наград.

412 из награжденных тремя степенями этого ордена свидетельствуют, что не менее 230 из них – прямые выходцы из колхозной деревни[25]. Многие даже небольшие села и деревни дали Родине двоих-троих и более Героев Советского Союза. Этого звания были удостоены, например, шесть колхозников из с. Дигора Северо-Осетинской АССР[26]. Четырех Героев – К.Г. Высовина, Н.Г. Танского, Г.Я. Оводовского и П.Х. Дубинду – воспитало с. Прогнои Херсонской области[27]. Из маленькой деревушки Слобода Тульской области вышлb три Героя – снайпер И.И. Ларкин, танкист М.Г. Фомичев, командир партизанского отряда И.Ф. Титков[28]. Звание Героя было присвоено двум недавним колхозникам известного Шипуновского колхоза Алтайского края – артиллеристу Ф.К. Керданю и пулеметчику А.В. Матвееву[29]. Фронтовики-крестьяне геройски сражались во всех родах войск, на всех участках войны от первого до последнего дня.

Общеизвестен легендарный подвиг защитников Брестской крепости, небольшой гарнизон которой сдерживал натиск многократно превосходивших сил противника, проявил жертвенный героизм и стойкость. В их числе коммунист А.Ф. Наганов – в прошлом колхозник из Ульяновской области, коммунист А.М. Кижеватов – также бывший колхозник из д. Селексы Пензенской области, Н.А. Балак – из крестьян с. Краснополье Сумской области, М.Г. Пискун – из колхоза им. А.В. Суворова Белорусской ССР, В.К. Зайцев – из станицы Шкуринской Краснодарского края, Б. Кашанов – хлопкороб из с. Сох Ферганской области[30] и другие.

Общенародным героизмом стал разгром немецко-фашистских войск под Москвой. Среди множества примеров стойкости – выдающийся подвиг 316-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И.В. Панфилова. Весь ее личный состав, сформированный в июле – августе 1941 г. в основном из населения Казахской и Киргизской ССР, проявил здесь массовое мужество. Известен подвиг 28 бойцов из 1075-го стрелкового полка этой дивизии во главе с политруком В.Г. Клочковым у разъезда Дубосеково. Страстный его призыв: «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва» – стал в те дни призывом-клятвой для всех защитников столицы. Несколько часов 28 бойцов сдерживали натиск фашистских танков и автоматчиков. В том неравном бою 16 ноября 1941 г. большинство из них погибло. Всем его участникам было присвоено звание Героя Советского Союза, а 316-я стрелковая дивизия, геройски сражавшаяся под Волоколамском, удостоилась ордена Красного Знамени и стала 8-й гвардейской.

15 из 28 отличившихся панфиловцев у Дубосекова до войны трудились в сельском хозяйстве. Интересна и по-своему типична биография легендарного политрука В.Г. Клочкова – сына крестьянина-бедняка из с. Синодского Саратовской губернии. В 1921 г. его семья, спасаясь от «великого» голода в Поволжье, похоронив в пути отца,

добралась до с. Николаевка Локтевского района Алтайского края. Целый год беспризорником добывал себе хлеб 10-летний мальчуган, а затем батрачил у местного богатея. В числе первых Клочковы вступили в колхоз, а 15-летний Василий в 1926 г. стал комсомольцем, а с 1939 г. членом ВКП(б). К тому времени он уже закончил школу крестьянской молодежи, Всесоюзный институт заочного обучения Наркомторга. 30-летнего война застала его в Алма-Ате.

Но в Сибири считают В.Г. Клочкова воспитанником алтайского комсомола. Да и всего из 28 панфиловцев с Алтая было еще четыре Героя – И.Д. Шадрин, И.А. Крючков, П.К. Емцов, Г.С. Митин. Все они – выходцы из крестьянских семей, активные участники колхозного строительства 30-х годов. Трудно сложилась судьба Ивана Шадрина. Тяжело раненный и без сознания он оказался в плену (всего из панфиловцев, как считалось до недавнего времени, в живых осталось четверо). Чудом выжил русский солдат. В одном из фашистских лагерей он вошел в подпольную группу, которая весной 1945 г. организовала вооруженное восстание, освободила всех узников. Только после войны, уже на родине, И.Д. Шадрин узнал, что за подвиг у Дубосекова ему присвоено звание Героя Советского Союза[31]. К нему, как и ко всем панфиловцам, не могут «пристать» никакие инсинуации, распространяемые ныне очернителями истории.

24 августа 1942 г. в районе с. Малые Россошки незабываемый подвиг совершили 33 бойца 87-й стрелковой дивизии. Случилось так, что эта небольшая группа под командованием младшего политрука А.Г. Евтифеева, младшего лейтенанта Г.А. Стрелкова и заместителя политрука Л.И. Ковалева оказалась в полном окружении. У нее остались только автоматы, винтовки, гранаты, бутылки с горючей смесью и лишь одно противотанковое ружье. За два дня обороны они вывели из строя 29 вражеских танков, уничтожили много солдат и офицеров. Группа, не считая раненых, потерь не имела. В ее состав входили и колхозники: Никифор Ивус из д. Многоудобное Шкотовского района Приморского края, Петр Почиталкин из с. Рожнев Лог Парфеновского района Алтая, Кронит Пономарев из с. Харловка Краснополянского района Свердловской области[32]. Рязанский колхозник Сергей Прошин подбил и поджег в том бою четыре фашистских танка, за что был награжден орденом Ленина[33].

200 дней шло сражение за Сталинград, весь мир следил за битвой на Волге. Подвиг защитников твердыни высоко оценила Родина. Медалью «За оборону Сталинграда» наградили свыше 70 тыс. человек, десятки тысяч солдат и офицеров были отмечены другими правительственными наградами. 125 участников битвы стали Героями Советского Союза[34] – представители всех национальностей и социальных слоев государства.

Легендарной страницей в боевую летопись Сталинградского сражения вписана оборона одного из зданий города, известного с тех

пор как «Дом Павлова». Сотни бомб, снарядов и мин обрушили фашисты на импровизированную крепость. Бессчетное количество атак выдержали в течение двух месяцев ее защитники во главе с сержантом Я.Ф. Павловым. В составе небольшой группы сражались: И.В. Воронов – колхозник из с. Глинки Орловской области, В.С. Глущенко – хлебороб из Ставрополья, А.И. Иващенко – крестьянин из с. Троицкого Луганской области, Т.И. Гридин – колхозный агроном из станицы Суровикино Волгоградской области, Ф. Ромазанов – сельский кузнец из Астраханской области, Г.И. Якименко – животновод Волчанского района Харьковской области и другие. Да и сам Я.Ф. Павлов в 1938 г. колхозным пареньком из д. Крестовой Валдайского района Новгородской области был призван в ряды Красной Армии[35].

В героической обороне Сталинграда, как и других рубежей, принимали массовое участие не только вчерашние воины-колхозники, но и оставшееся крестьянское сельское население прифронтовых районов. Так, более 120 тыс. колхозников, работников МТС и совхозов вышли на строительство оборонительных рубежей на дальних и ближних подступах к Сталинграду. В кратчайшие сроки они выполнили свыше 13 млн $м^3$ земляных работ. Несмотря на близость фронта, непрерывные налеты вражеской авиации, крестьяне и рабочие без отдыха, круглые сутки возводили противотанковые препятствия, огневые точки, укрытия и т.д. Это был самоотверженный и тяжелый труд. Колхозы Черноярского района послали на оборонительные рубежи свыше 4 тыс. колхозников, выделили 560 подвод. Около 400 человек из артели «Новый путь» того же района участвовали в сооружении оборонительного рубежа непосредственно вокруг Сталинграда. Их силами в две-три недели был оборудован аэродром площадью 120 га, что позволило нашей авиации быстро развернуть боевые действия.

Ожесточенные бои шли в июле – августе 1942 г. на территории Клетского района. Все его население всемерно помогало Красной Армии громить ненавистного врага. Бригада колхозника Н.З. Макарова из сельхозартели «Заветы Ильича» ежедневно выполняла задания по заготовке леса для строительства оборонительных сооружений на 150–200%. Колхозницы артели «Власть труда» под руководством Родионовой постоянно в непосредственной близости от фронта на земляных работах выполняли норму на 150–170%. И все трудящиеся Сталинградской области проделали огромную работу по строительству оборонительных рубежей, переправ и аэродромов. Свыше 500 колхозников одного Быковского района в короткий срок оборудовали полевой аэродром, 200 из них сооружали переправы через Волгу. Секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) В.Т. Прохватилов писал: «Не было ни одного колхоза, совхоза и МТС, ни одного колхозника или колхозницы, ни одного рабочего совхоза и МТС,

способных к труду, которые не участвовали бы в оказании помощи фронту»[36].

А вот что сообщал в корреспонденции с фронта Борис Полевой: «Население освобожденных деревень по личной инициативе помогало нашим войскам громить врага. Тысячи людей выходили на строительство мостов, целые деревни Молдавии и Украины восстанавливали дороги, а когда это требовалось, крестьяне сами подходили к грузовым самолетам, подвозившим снаряды, брали эти снаряды и в мешках несли туда, где бушевал бой»[37]. До 100 тыс. крестьян Эстонии осенью 1944 и весной 1945 г. участвовали в восстановлении дорог и местных коммуникаций. Они отремонтировали до 2 тыс. км дорог, построили 285 мостов, протянули 12 тыс. км телефонных линий[38]. И это должно бы хорошо помнить современное им поколение.

В докладной записке из Молдавии в ЦК ВКП(б) также сообщалось, что «за самоотверженную работу на строительстве фронтовых дорог к правительственным наградам представлено 305 человек, из них 285 рядовых колхозников и крестьян-единоличников, женщин – 105 человек»[39]. «Наши войска встретили в молдавских селах поистине восторженный прием, – вторил в докладной военный корреспондент «Известий» Л. Кудреватых. – И этот прием еще больше поднимал наступательный дух наших воинов... Люди брали с застрявших в грязи машин все необходимое и спешили вперед. Я видел, как колхозники выводили коров, навьючивали на них ящики с патронами из оставшихся автомобилей и доставляли эти боеприпасы к линии фронта. Когда задержались в пути грузовики с продовольствием для Н-ской части, на помощь пришли колхозные ребятишки. Они взвалили себе на плечи ящики с консервами и мешки с крупой и несли эти грузы десять километров по тяжелой дороге, чтобы дать возможность приготовить сытный горячий ужин для бойцов и командиров»[40].

Множество подвигов и тяжких по исполнению дел совершили наши воины в боях и переходах по изгнанию врага с советской земли, за освобождение народов порабощенной Европы, в заключительных сражениях войны. И всюду их мужество и доблесть не знали предела – будь то в наземных, воздушных или морских битвах с противником. В больших и малых битвах столь же осознанно вместе со всеми сражались и воины-крестьяне.

Яркий героизм и самозабвение проявляли советские летчики – представители одной из самых сложных, но от того еще более приоритетных профессий. За годы советской власти ею овладели многие сотни и тысячи молодых выходцев из колхозной деревни. Символом их бесстрашия стал такой опасный для собственной жизни способ борьбы, как таран самолета противника. За годы Отечественной войны более 200 наших летчиков таранили вражеские самолеты, и опять-таки почти половина из них были выходцами из крестьян[41].

Назовем лишь некоторых героев тарана: младшего лейтенанта Н.Л. Грудинина – бывшего колхозника, уроженца д. Акулово Московской области, младшего лейтенанта А.П. Жукова из д. Ружбово Вологодской области, младшего лейтенанта А.Т. Севастьянова из д. Холм Калининской области, младшего лейтенанта С.Ф. Ткачева из д. Костюковки Могилевской области, младшего лейтенанта Г.Г. Сырейщикова из с. Никольского Марийской АССР, лейтенанта М.Г. Антонова из д. Замостье Ленинградской области, старшего лейтенанта Л.В. Дема из д. Михайловка Башкирской АССР, старшего лейтенанта Е.Н. Зеленко из с. Корощин Ровенской области, младшего лейтенанта П.Т. Харитонова из с. Княжево Тамбовской области и других. Родина всех их удостоила звания Героя Советского Союза[42].

Бесстрашным летчиком знали Михаила Гарама – одного из четырех братьев-пилотов из с. Власовка Черниговской области. На подступах к Сталинграду он винтом своего истребителя отрубил «хвост» вражескому бомбардировщику. Но и его самолет получил повреждение, который с большим трудом удалось посадить за линией фронта. К месту приземления уже мчались две вражеские автомашины. На помощь пришел второй брат – Николай Гарам, воевавший в том же соединении. На глазах оторопевших фашистов он посадил свой истребитель и успел взлететь вместе с раненым Михаилом. Всего в воздушных боях братья Гарам – Михаил, Николай, Виктор и Павел – сбили 40 фашистских самолетов. Из них 27 оказались на счету Героя Советского Союза Михаила Гарама. Но тяжкие утраты понесла к концу войны и семья Гарам: в крестьянский дом родителей Александра Ефимовича и Александры Николаевны возвратился только один Виктор [43]. Но, знать, многого стоила по-настоящему свободная и расцветавшая Украина, если за нее платили столь бесценно.

Всем известен подвиг коммуниста капитана Н.Ф. Гастелло (кстати, советского немца по национальности), который в начале войны вместе с экипажем (лейтенанты А.А. Буденюк, Г.Н. Скоробогатов и старший сержант А.А. Калинин), не пожелавшим покинуть горящий самолет, направил машину на скопление вражеских танков и бензоцистерн. Этот бессмертный подвиг повторили в годы войны более 70 советских летчиков, в том числе коммунист капитан А.А. Баштырков – колхозник из д. Судамировка Калининской области, коммунист младший лейтенант И.Т. Вдовенко с хутора Ильинка Белокалитвенского района Ростовской области, гвардии майор П.Е. Киселев из воронежского села Вербилово (ныне Липецкая область), сержант Н. Абдиров из колхозного аула № 5 Каркаралинского района Карагандинской области, комсомолец младший лейтенант П. Бабкин из д. Бережок Удмуртской АССР и другие[44].

Олицетворением народного героизма стал подвиг семьи колхозников Степана Павловича и Натальи Моисеевны Пляц из белорусского села Озерцы. Во время войны их сыновья – Дмитрий, Иван,

Леонид и Михаил, а также жена Михаила Руфина Гашева (Пляц) и жена Леонида Раиса Аронова были летчиками. Они совершили несколько тысяч боевых вылетов, уничтожили много боевой техники и живой силы врага. Их заслуги были отмечены 50 правительственными наградами, а Р.С. Гашева и Р.Е. Аронова удостоены звания Героя Советского Союза. Глава этой семьи С.П. Пляц во время оккупации сумел вызволить из фашистского концлагеря свыше 300 советских граждан[45].

В наземных войсках высшим проявлением личного мужества и самопожертвования стал подвиг гвардии рядового А.М. Матросова. Закрыв своим телом амбразуру вражеского дота во время боя 23 февраля 1943 г. у деревни Чернушки Псковской области, он ценой жизни обеспечил успех наступления всего подразделения. Только по известным данным, на различных фронтах войны подобное повторили более 300 советских воинов и партизан[46]. Большинство из них были коммунистами и комсомольцами*, многие – выходцами из крестьян и недавними колхозниками.

А еще раньше, 29 января 1942 г. аналогичным образом поступили три коммуниста-сибиряка в бою под Новгородом: командир отделения сержант Иван Герасименко – крестьянский сын из Кемеровской области, рядовые Александр Красилов и Леонтий Черемнов – в недавнем прошлом тоже колхозники алтайского села Старая Тароба Кытмановского района.

Взвод из 20 человек под командованием Герасименко по заданию командира полка вел ночную разведку боем. Уже были выявлены основные огневые точки противника, уничтожены несколько дотов, но неожиданно группа смельчаков попала под перекрестный огонь трех скрытых пулеметов. Всему взводу грозила смерть. И тогда почти одновременно, израсходовав все гранаты, к трем огневым точкам метнулись три бойца. Своими телами они закрыли амбразуры. Пулеметы захлебнулись кровью героев, но смолкли. В едином порыве поднялись остальные разведчики. Еще полтора часа шел неравный бой, были разрушены 8 дотов и вражеский узел обороны[47].

За пять дней до этого боя проходило заседание партийного бюро. Сержанта Герасименко принимали в члены партии, Черемнова и

---

* Наш читатель, тем более оппонент, видимо, изначально подметил очевидное (не изподвольное) и объективное авторское стремление не избегать политического контекста сюжетных линий нашего исторического (во многом политологического и психолого-мировоззренческого) повествования. Тем более, что уже в самом методологическом введении к исследованию нами была четко обозначена эта ситуативная задача. А потому и соответственно мы не обходили источниковой заданности и той фактологической обязательности, в которой действовала та руководящая и цементирующая сила фронта и тыла, какой выступала Коммунистическая партия, представлявшая собой и несущий скелет, и сам хребет того спаянного общества.

Красилова – в кандидаты. Вскоре об их подвиге узнала вся страна. 14 февраля 1942 г. «Красная звезда» писала: «Герасименко, Красилов и Черемнов не имели гранат, но в душе их пылала беззаветная любовь к Отчизне, священная ненависть к врагу. Они не имели пулеметов, но их воля к победе была несгибаема, их решимость выполнить боевой приказ, нанести удар по врагу непреклонны. У них не было ни гранат, ни пулеметов, но были тела, в которых бились горячие сердца большевиков, и своими телами, как броней, они укрыли товарищей». Бессмертие героев воспел в «Балладе о трех коммунистах» Николай Тихонов.

Кроме односельчан А.С. Красилова и Л.А. Черемнова, еще четыре выходца из крестьян Алтая повторили этот подвиг: П.А. Аврамков – комсомолец из с. Покровка Родинского района, А.Н. Калинин – из с. Новозыряновка Сорокинского района, А.И. Ощепков – механизатор Павлозаводской МТС Павловского района, М.А. Паршин – из с. Карпово Солонешенского района. Самым юным среди них был Михаил Паршин. Первые два года войны подростком он косил, пахал и сеял в колхозе. Только в 1943 г. его призвали в армию, а в сентябре 1944 г. в боях за освобождение Румынии Михаил грудью заставил замолчать фашистский пулемет. Это позволило остальным бойцам подняться в атаку, разгромить врага и взять в плен 148 захватчиков. Паршину посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза[48].

Чем больше называем мы имен героев-матросовцев, тем знаменательнее предстает перед нами необычайно широкая география бессмертного подвига. Под Смоленском его совершил рядовой В.И. Соловьев из д. Малые Карамсы Сотнурского района Марийской АССР, в районе Курска – рядовой Ф.Г. Крылов из д. Пушкино Омской области и пулеметчик В.П. Майборский, проживавший до войны в украинском селе Зиньки Хмельницкой области. На Дону то же совершил гвардии рядовой Ч. Тулебердиев – член колхоза им. Э. Тельмана Киргизской ССР, на Украине амбразуру вражеского дота закрыл разведчик А. Комар – парень из полтавского села, в Белоруссии – рядовой С. Ескалиев из казахского села Отрадного Уральской области, под Ленинградом – рядовой А. Типанов – колхозник рязанского села Устье, в районе Волхова – рядовой Т. Эрджигитов – колхозник из таджикского кишлака Булак Ленинабадской области.

На территории Польши, как и Матросов, поступил комсомолец Н. Ричагин из карельской деревни Задняя Заонежского района, на подступах к Берлину – комсомолец рядовой И. Солтыс – колхозник из Каменского района Молдавской ССР. На Дальневосточном фронте аналогичный бросок в бессмертие принадлежал ефрейтору В. Колеснику – трактористу из с. Боровое Харьковской области и комсомольцу П. Ильичеву из д. Пугачево Омской области[49]. Всего из числа воинов-сибиряков подвиг Матросова повторили 20 человек,

5 – бросились с гранатами под танки[50]. Более половины из них – колхозники или недавние выходцы из крестьянских семей.

Многие сельские механизаторы стали во время войны танкистами. Нередко из числа механизаторов-односельчан формировали даже целые подразделения, а братья-механизаторы составляли семейные экипажи. Много земляков воевало, например, в танковой бригаде гвардии полковника В.И. Шибанкова. Да и сам комбриг был не только выходцем из деревни, но и одним из зачинателей колхозного строительства. Сын крестьянина из с. Белянипино на Владимирщине, он в 18 лет стал коммунистом, председателем сельсовета, а вскоре и председателем первого во Владимирской области колхоза им. М. Горького.

Войну В.И. Шибанков начал кадровым военным. Его танковая бригада всегда находилась в центре решающих боев, а слава о мастерстве и бесстрашии ее командира разносилась далеко за пределами фронта. Только в одном из боев в районе Горшечного под Воронежем бригада при поддержке других наших частей уничтожила 205 вражеских танков, 72 орудия, 76 автомашин, много другой техники и до 5 тыс. солдат и офицеров[51]. И таких сражений было много. Комбриг Шибанков не успел прочитать Указ о присвоении ему звания Героя Советского Союза. В боях за Донбасс он был смертельно ранен осколком снаряда. Но машины его бригады дошли до Праги.

Еще до войны в одном танке воевали на Халхин-Голе два брата, Павел и Федор – сыновья знатного колхозника-пчеловода, депутата Приморского краевого Совета Дмитрия Федоровича Михеева. Вскоре к ним присоединились еще три брата – Иван, Владимир и Виктор. Так в Особой Дальневосточной армии был создан знаменитый танковый взвод Михеевых под командованием Виктора Михеева. В годы Отечественной войны в семью братьев-танкистов пришли еще четыре сына Дмитрия Федоровича – Михаил, Семен, Александр и Петр. Одна из двух боевых машин, на которых воевали братья, была построена на средства отца-колхозника. Михеевы сражались под Сталинградом, штурмовали Берлин, громили японских милитаристов в Маньчжурии. Их боевой счет – свыше 100 уничтоженных фашистских «панцеров», около 400 орудий. За подвиги на фронтах войны они награждены 46 орденами и медалями, а их отец – орденом «Знак Почета». Только двое Михеевых – Иван и Александр – погибли в боях[52]. Не столь частая удачливая семья!

В одних танковых экипажах храбро сражались братья Козулины из забайкальского села Баргузин, четыре брата-механизатора Федченко с Украины, братья – сибиряки Игнатовы и другие.[53]. Старший сержант А.Ф. Герасименко из с. Мало-Перещепино Полтавской области до призыва работал трактористом. Вместе с экипажем громил немецко-фашистских захватчиков на Украине, при ликвидации Кор-

сунь-Шевченковского котла, в предгорьях Карпат, на Висле и в самой Германии. За боевые подвиги А.Ф. Герасименко награжден дважды орденом Красной Звезды и орденом Славы всех трех степеней. Полным кавалером ордена Славы стал и тракторист С.Е. Колесников из д. Воробьевка Кочкуровского района Мордовской АССР. Он участвовал в оборонительных и наступательных боях на Курской дуге, форсировал Днепр, освобождал Правобережную Украину, прошел с боями всю Польшу и часть Германии, уничтожил четыре фашистских танка, восемь орудий, десятки автомашин и не менее сотни захватчиков. Кроме трех орденов Славы он был награжден орденом Отечественной войны, Красной Звезды, медалями. После войны тракторная бригада С.Е. Колесникова стала одной из лучших в районе, а ее бригадир за трудовые заслуги был награжден орденом «Знак Почета» [54].

Подобно Колесникову, мужественно сражался на фронте и бывший механизатор В.Ф. Голенищев из с. Никольское Курской области. Он участвовал в знаменитом танковом сражении под Прохоровкой, в танковом броске от Вислы до Одера и последний выстрел по врагу из своей самоходки сделал в поверженном Магдебурге. В мирное время В.Ф. Голенищев оставался верным своей довоенной профессии. Его военные подвиги трижды отмечены орденом Славы. Таких же высоких наград удостоен тракторист с предвоенных лет, а затем водитель танка Н.А. Онянов из д. Россохи Коми-Пермяцкого национального округа. Тяжело раненный в позвоночник, он вернулся после войны на свою родину. Столь же упорно боролся со своим недугом, пока снова не сел за руль трактора [55].

Несть числа подвигов воинов-колхозников в качестве артиллеристов, минометчиков и пулеметчиков. В Ярославской коммунистической дивизии в один из орудийных расчетов входили недавние председатели сельсоветов А.И. Козлов и Н.Ф. Золин и колхозник Ф.Н. Синькин. Расчет прошел с боями 2500 км, подбил несколько танков, 4 автомашины, 5 орудий, 23 пулемета, уничтожил 3 железнодорожных вагона с военным снаряжением, 6 блиндажей, 450 фашистских солдат и офицеров[56]. Из крестьян состоял и артиллерийский расчет А.Н. Гусейнова из с. Дастер Лерикского района Азербайджанской ССР. Под его командованием артиллеристы насмерть сражались у стен Сталинграда, на Курской дуге, освобождали Украину, Прибалтику, Польшу. Только с 16 по 23 апреля в боях за Берлин орудие сержанта Гусейнова уничтожило 14 пулеметов, 2 пушки, подавило огонь минометной батареи и истребило около 30 фашистов. За это храброго и умелого артиллериста наградили третьим орденом Славы. Полным кавалером столь боевого ордена вернулся А.Н. Гусейнов в родное село[57].

В Берлине закончил боевой путь минометный расчет старшего сержанта Х.А. Ляшенко – одного из организаторов колхоза в с. Ни-

кольское Беловодского района Ворошиловградской области. Его солдатская доблесть поистине не знала границ, о чем свидетельствовали те же три ордена Славы и три медали «За отвагу». Немногие воины стали полными кавалерами таких наград. В ожесточенном бою за плацдарм при форсировании Вислы расчет Ляшенко уничтожил до роты захватчиков, подавил огонь нескольких пулеметных точек. Во время Висло-Одерской операции только в день прорыва вражеской обороны он уничтожил два пулемета, три дота, подавил огонь минометной батареи и истребил 25 противников. И так многократно: 16 апреля 1945 г. миномет Ляшенко подавил орудийный расчет и рассеял взвод вражеских солдат; 20 апреля он вновь истребил около 30 фашистов; 27 апреля в бою за плацдарм на канале Тельтов миномет героя уничтожил 17 немцев и подавил три их огневые точки. После войны Х.А. Ляшенко восстанавливал свой порушенный колхоз[58].

Редкую стойкость проявил пулеметчик Джанбек Елеусов – колхозник артели «Кызыл нацмен» Усть-Канского аймака Горно-Алтайской автономной области. 12 сентября 1943 г. вместе с группой бойцов он переправлялся на правый берег Днепра. Часть его товарищей погибла еще при форсировании реки, а остальные пали вместе с командиром в самом начале схватки. Из всей группы остался один Джанбек. Без отдыха, сна и пищи в течение четырех суток он отбивал атаки врага пулеметным огнем и гранатами, выйдя победителем из неравного боя. За этот подвиг Джанбек Елеусов был удостоен звания Героя Советского Союза [59].

Земляк Елеусова председатель колхоза «Горный Алтай» Шебалинского района С.В. Налимов отличился при переправе через р. Снов. Захватив плацдарм на противоположном берегу, сержант Налимов отбивал одну атаку за другой, в которых участвовало до тысячи фашистских солдат. Израсходовав снаряды, он взялся за ручной пулемет. В той схватке вместе с бойцами расчета Налимов уничтожил 70 солдат и офицеров противника, не потеряв ни одного. Удостоенный звания Героя, до конца войны С.В. Налимов совершил еще ряд подвигов, а затем с победой возвратился в родное село Шебалино[60].

Тысячи шоферов, саперов, минеров, рядовых стрелков-пехотинцев, связистов, снайперов, разведчиков, бойцов всех родов войск свято выполняли свой воинский долг. И всюду среди них были люди легендарной судьбы, вчерашние земледельцы. Сельский шофер Макар Головатюк из колхоза им. Т.Г. Шевченко Каменец-Подольской области всю войну провел за рулем колхозного грузовика, подвозя на передовую снаряды и другое снаряжение. Не один раз участвовал и в боевых операциях. Его машина, трижды подбитая в сражениях, всякий раз возвращалась в строй. Десятки тысяч километров военных дорог прошел грузовик, а когда отгремели последние залпы, Головатюк на том же автомобиле вернулся в родное село[61].

Много славных страниц в летопись войны вписали женщины-колхозницы. Вместе с отцами, братьями и мужьями приходили они из деревень в военкоматы, партийные и комсомольские организации, настойчиво добиваясь отправки на фронт. Нередки были и такие случаи, когда они воевали плечом к плечу со своими родными. Вместе с мужем прошла по фронтовым дорогам Зейнаб Киргизбаева из колхоза «Кызыл-Аскер» Фрунзенской области Киргизии. Вначале супруги были снайперами, затем составили расчет противотанкового ружья. На их счету значились три подбитых вражеских танка. Войну они закончили кавалерами ордена Отечественной войны[62].

Допускалась и отдельная добровольная мобилизация женщин для несения службы в войсках противовоздушной обороны, связи, внутренней охраны, на военно-автомобильных дорогах и т.д. За войну было также проведено несколько специальных комсомольских мобилизаций девушек в Военно-Морской Флот, Военно-Воздушные Силы и другие рода войск. Только по мобилизациям ВЛКСМ в ряды защитников Родины влилось около 550 тыс. девушек, из них 200 тыс. комсомолок, причем 70% из них служили непосредственно в действующей армии[63].

В годы Отечественной войны впервые в истории Красной Армии стали создаваться специальные женские воинские формирования: 46-й (бывший 588-й) гвардейский женский легкобомбардировочный авиационный полк, 25-й (бывший 587-й) гвардейский бомбардировочный авиаполк, 586-й женский истребительный авиационный полк ПВО, 1-й отдельный женский запасной стрелковый полк, 1-я отдельная женская добровольческая бригада, Центральная школа снайперской подготовки. Что же касается подразделений войск ПВО, связи, медицинской службы, то многие из них преимущественно состояли из женщин. И во всех этих подразделениях, включая военно-летные, мужественно сражались женщины из крестьянских семей.

В мае 1942 г. прибыла на фронт в составе полка легких ночных бомбардировщиков Е.И. Носаль – из крестьянской семьи с. Бурчай Михайловского района Запорожской области. К концу года ее назначили командиром звена, а затем заместителем командира эскадрильи. Только за один фронтовой год она совершила свыше 300 боевых вылетов. На ее счету было много взорванных вражеских эшелонов, складов, переправ. Е.И. Носаль погибла при выполнении боевого задания. Она первой в полку в мае 1943 г. была удостоена звания Героя Советского Союза [64].

Из колхозной деревни Новая слобода Карачаевского района Брянской области прибыла добровольцем на фронт А.Ф. Худякова. Освоив бомбардировщик, она вскоре стала заместителем командира эскадрильи ночного бомбардировочного полка. Худякова участвовала в боях за Донбасс и Белоруссию, в воздушных налетах на Данциг, Гдыню, Кенигсберг. За время войны она сделала 926 боевых выле-

тов, сбросила на врага 130 т бомб, подожгла 173 разных объекта, уничтожила 3 склада, 12 автомашин, 2 переправы, железнодорожный эшелон, подавила огонь 4 батарей, разбросала в тылу противника 8 млн листовок. Доблестной летчице было присвоено звание Героя Советского Союза [65].

Аналогичный подвиг в составе 125-го бомбардировочного полка им. М. М. Расковой совершила Герой Советского Союза А.Л. Зубкова из рязанского села Семион, а также летчицы-герои М.И. Долина из д. Шаровка Полтавского района Омской области и Е.А. Никулина из с. Парфеново Спас-Деменского района Калужской области. К сентябрю 1944 г. на счету Никулиной имелось 600 боевых вылетов, за что она и была удостоена звания Героя [66].

Олицетворением мужества и преданной стойкости женщин-крестьянок на фронте воспринимался подвиг Анны Никандровой – юной патриотки из колхозной семьи д. Барашкино Красногорского района Псковской области. В какие-нибудь три-четыре предвоенных года сельский подросток Аня прошла путь от колхозного избача до секретаря райкома комсомола. В начале войны она работала в госпитале, а затем после курсов младших лейтенантов стала боевым командиром и комсоргом стрелкового полка. Во многих боях участвовала Анна, была ранена, снова возвращалась в строй. Последний раз отличилась при освобождении Витебской области. Во время наступления у д. Киреево пехотинцы попали под сильный огонь замаскированного вражеского дота и залегли. Только смелый бросок мог спасти бойцов. Никандрова первой поднялась в атаку, увлекая других. В том рукопашном бою, уничтожив несколько вражеских солдат, погибла и сама А. Никандрова. Но бой был выигран. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил патриотке звание Героя Советского Союза[67].

По всем дорогам войны проходил боевой путь санитарок и медицинских сестер. В каждом сражении под огнем врага, постоянно рискуя собственной жизнью, они не только спасали раненых, но сами участвовали в боевых действиях. Восемнадцатилетней девушкой из маленькой деревушки Яндебы Подпорожского района Ленинградской области вслед за отцом добровольно ушла на фронт В.О. Гнаровская. Уже в первом бою юная санитарка подняла в атаку бойцов своего подразделения. А затем только в сражениях у Северского Донца юная санинструктор вынесла с поля боя 47 тяжело раненных бойцов и командиров. Однажды она вывела из окружения целую санитарную часть с группой раненых. Все это проходило в бесконечных схватках с противником, когда медицинским сестрам и санитарам самим приходилось пробиваться с оружием в руках. Представляя Валерию к правительственной награде, командир полка писал: «Лично участвуя в боях, Гнаровская уничтожила двадцать восемь немецких солдат и офицеров»[68]. К сентябрю 1943 г. отважная крестьянка

спасла жизнь более чем 300 раненым бойцам, вынесенным ею с поля боя.

Последнее сражение с участием Валерии Гнаровской произошло в сентябре 1943 г. на левом берегу Днепра, недалеко от украинского села Вербовое. Несколько раз укрепленные позиции переходили из рук в руки. Валерия и ее подруги еле успевали выносить в безопасное место раненых. В одну из контратак в наш тыл прорвались два фашистских «тигра» и устремились к санитарному пункту. Один танк удалось подбить, второй неудержимо приближался к раненым. В самый последний момент Валерия бросилась со связкой гранат под его гусеницы. Славной советской патриотке посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Ныне бывшее село Вербовое и местный совхоз носят имя Гнаровской, а в парке Верхне-Свирской ГЭС ей установлен памятник [69].

В числе героинь была и А.Т. Кживонь из западноукраинской крестьянской семьи. Она отличилась при освобождении Могилевской области. Собственной жизнью Анеля спасла из горящей машины важнейшие документы и раненых солдат. За этот подвиг она также посмертно удостоилась звания Героя Союза[70]. Такой же подвиг жизни совершила при спасении раненых из горящего госпиталя Ф.А. Пущина из д. Тукмачи Удмуртской АССР. Она вынесла из огня свыше 30 тяжело раненных бойцов, получив смертельные ожоги[71]. Роковое ранение в боях у Северского Донца получила и дочь колхозного пастуха из с. Черкасское Саратовской области З.П. Маресева. Только во время последнего сражения она вынесла 64 раненых и около 60 переправила под обстрелом через реку. Или вот: в боях за Днепр санинструктор Мария Щербаченко из хутора Неждановка Харьковской области спасла 120 тяжело раненных солдат и офицеров[72].

Безмерной ценой заплатил советский народ за Победу. Более 27 млн человек потеряла наша страна в битвах второй мировой войны. Редкая семья не носила траур по погибшим. Еще более воинов имели контузии, ранения, увечья. Колхозники с. Черная слобода Шацкого района Рязанской области проводили на фронт 998 воинов, а встретили после войны только 490. Свыше 300 односельчан ушли на защиту Родины из украинского села Моринцы Звенигородского района, а вернулось домой менее 50[73]. Из алтайского села Малахово на фронт убыло 500 колхозников, и 230 из них остались на поле боя. Только 200 из тысячи ушедших на фронт колхозников возвратились в кубанскую станицу Красноармейскую. Из 550 воинов дагестанского села Куруш смертью храбрых пали более 300, а из 740 колхозников азербайджанского села Чадахлы возвратились только 320[74]. А вот в маленькую деревушку Рютово Рыбинского района Ярославской области не вернулся ни один из всех 25, ушедших на фронт.

Однако все жертвы, лишения и испытания, выпавшие на долю советских людей, подобных которым не знала история, были не напрасны. Они увенчались действительно Великой Победой. Но следует не забывать хорошо аргументированные, а потому наступательные ответы всякого рода глумливым «суждениям» последних лет, ставящих под сомнение как святой смысл понесенных потерь, так и само завоеванное. Да, утрат оказалось очень много. Они сильно подорвали наш великолепный генофонд. Но только не сломали и даже не надломили политический и психологический хребет народа – скорее, наоборот. Тем и силен был наш массовый героизм, тем и пульсировала наша Непобедимость!

ЗАГОТОВКИ: ДОСТИЖЕНИЯ, УРОКИ

Священные цели войны лежали в основе трудовой доблести крестьянства. Не щадя сил, здоровья, колхозники делали все, чтобы на поля сражений, на заводы и фабрики непрерывным потоком поступали хлеб, мясо, молоко и другие сельскохозяйственные продукты и сырье. На военном довольствии тогда находилось свыше 11 млн солдат и офицеров Красной Армии, государственному продовольственному обеспечению подлежало до 80,6 млн гражданского населения. Только для 2-го Белорусского фронта в начале 1945 г., по приблизительным подсчетам, ежедневно требовалось около 2 тыс. голов крупного рогатого скота и много другой продукции[75].

Войны всегда наносили особый ущерб сельскому хозяйству, несли с собой разорение и голод. И в Великую Отечественную, когда врагу удалось захватить огромную территорию, продовольственная база страны оказалась чрезвычайно суженной. Вопросы максимальной мобилизации продовольственно-сырьевых ресурсов и их рационального распределения приобрели исключительное военнооборонное значение. В связи с этим существенно перестраивалась не только система заготовительной политики, но и методы ее осуществления. Основу исчисления обязательных заготовок военных лет составлял тот же принцип поставок продукции колхозов с каждого гектара закрепленной за ними пашни, который был установлен постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7 апреля 1940 г.[76]. Но в зависимости от обстановки изменялись и нормы, и структура, и способы извлечения поставок.

Соответственно повышались дисциплина и ответственность партийных, советских и заготовительных органов, колхозов и всего крестьянства. При этом сами чрезвычайные условия нередко диктовали применение в заготовительной работе несвойственных мирному времени мер. Еще в 1918 г. В.И. Ленин писал: «Мы придаем громадное значение выдержанной пролетарской линии в продовольственном вопросе. Но бывают условия, когда военные обстоятельства застав-

ляют действовать по-военному. Хлеб надо достать во что бы то ни стало»[77]. «Хлеб – это победа!» – именно так в годы Отечественной войны ставило вопрос руководство, так понимали его все труженики сельского хозяйства.

Уборочные и заготовительные работы находились в центре внимания организационных структур сверху донизу. Их проведению оказывалась максимально возможная в тех условиях помощь. Выдвигались и дополнительные требования, вносились изменения в размеры и планы заготовок, предусматривались другие мероприятия для обеспечения поступлений продовольствия и сырья в необходимых количествах и в нужный срок. В феврале–апреле 1942 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановления о повышении норм обязательных поставок государству картофеля, овощей, мяса и других продуктов сельского хозяйства [78]. Для усиления контроля за ходом заготовок и оказания помощи на места неоднократно выезжали члены ЦК ВКП(б) А.А. Андреев, Н.А. Вознесенский, М.И. Калинин, А.Н. Косыгин, А.И. Микоян, Н.М. Шверник и другие.

Вопросы заготовок постоянно и с повышенной требовательностью обсуждались на пленумах и бюро партийных комитетов, исполкомах местных Советов. Ими систематически занимались не только сельские, но и городские организации, и уровень руководства этим участком рассматривался как один из важнейших показателей всей военно-организаторской деятельности. В ходе уборки и заготовок повсеместно создавались оперативные группы, комиссии или штабы, которые часто наделялись чрезвычайными полномочиями в мобилизации трудовых ресурсов, транспортных средств, а в исключительных случаях – в определении условий и порядка заготовительных работ.

Крутой поворот в политике и организации заготовок произошел осенью 1941 г. Он осуществлялся одновременно с общей перестройкой работы сельского хозяйства в обстановке массовых мобилизаций, резкой убыли рабочей силы и материально-технических средств деревни. Этот поворот нашел, в частности, отражение в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 9 августа 1941 г. «Об отмене утративших силу постановлений по заготовкам сельскохозяйственных продуктов», а также в практике натуральной оплаты труда колхозников и привлекаемых рабочих и служащих для уборки урожая зерновых, крупяных и масличных культур[79]. Партийные и советские организации получили право на привлечение к уборочно-заготовительным работам в порядке трудовой повинности всего работоспособного сельского и городского населения, незанятого на промышленных предприятиях и в учреждениях. Летом и осенью 1941 г. был принят еще ряд мер, направленных на усиление темпов уборки урожая в прифронтовых и тыловых районах.

1 сентября 1941 г. Госплан СССР представил в СНК СССР докладную записку о ходе уборочных работ и их ускорении[80]. В том же ме-

сяце уже председатели облисполкомов получили соответствующее указание по поводу их форсирования[81]. Большую работу в этой связи развернули партийные и советские организации на местах. С тревогой и напряжением она осуществлялась в охваченных военными действиями районах. Еще 3 июля 1941 г. ЦК КП(б) и СНК Украины направили директиву секретарям обкомов и облисполкомов Правобережной Украины об эвакуации скота и имущества колхозов, МТС и совхозов[82]. ЦК КП(б) Белоруссии разослал на места директиву по вопросу уборки урожая и частичного уничтожения посевов в районах возможной оккупации уже 26 июля 1941г.[83].

В этой связи все больше на передний план выдвигались тыловые районы. В конце июня V пленум ЦК КП(б) Казахстана, обсудивший задачи перестройки сельского хозяйства, наметил и меры по «своевременному и полному выполнению всех обязательств перед государством»[84].В первых числах июля те же вопросы рассмотрели Омский обком и облисполком. Все директивно-мобилизационные органы, правления колхозов и совхозов обязывались обеспечить максимальное участие трудоспособного сельского населения, в том числе молодежи школьного возраста, в уборке урожая и заготовках сельхозпродуктов. Хозяйства должны были в 3-недельный срок перейти на новые производственные планы с учетом оставшейся рабочей силы, а правления колхозов – составить такой распорядок, который предусматривал бы продолжительность рабочего времени на период уборки до 20 часов в сутки[85].

В августе–сентябре 1941 г. вопросы организации заготовительных работ в условиях войны обсудили VIII пленум Краснодарского крайкома ВКП(б)[86], объединенный Московского областного и городского комитетов партии[87], VI пленум Алтайского и бюро Приморского крайкомов ВКП(б)[88]. На совещании секретарей райкомов и председателей райисполкомов Ярославской области отмечалось, что «выполнение государственных обязательств – не менее важная задача, чем строительство оборонительных сооружений»[89]. Повышенной озабоченностью и ответственностью за сбор урожая были пронизаны решения пленумов и бюро районных комитетов, собраний первичных партийных и комсомольских организаций.

Первостепенное значение придавалось массовой разъяснительной работе среди крестьянства, организации заготовок непосредственно в районах и хозяйствах. В помощь на село прибыли тысячи коммунистов, комсомольцев и активистов из республиканских, краевых и областных центров. Даже при остром недостатке людей значительно увеличилась численность разного рода уполномоченных, представителей заготовительных организаций. Для охраны зерна создавались дозоры и посты, привлекалась милиция. Необычайно повышалась персональная ответственность руководителей хозяйств, районов и областей за выполнение государственных обязательств.

Чем сложнее становилось с ходом заготовок, тем чаще их недовыполнение квалифицировалось как срыв прямых заданий фронта, с одновременным усилением мер административного и правового воздействия. И все это воспринималось как чрезвычайные особые меры военного времени.

Правительство внимательно следило за выполнением своих директив и в случае необходимости принимало дополнительные меры. Сложная обстановка с уборкой и заготовками складывалась в ведущих зерновых районах тыла, особенно в Сибири[90]. Состоявшиеся здесь пленумы и бюро партийных комитетов приняли решения о дополнительном привлечении к уборочным работам городского и сельского населения. Только в Новосибирской области на село вновь прибыло еще 50 тыс. горожан. Общее их число достигло здесь 200 тыс. человек[91], а в целом по Сибири (по ориентировочным подсчетам) в уборке и заготовках 1941 г. участвовало не менее 1 млн рабочих, служащих и учащихся. Партийные и советские организации мобилизовали почти весь актив и большинство своих членов. В Алтайском крае на уборке урожая и заготовках, в том числе в проведении политической работы, на селе было занято более 70% всех районных коммунистов и комсомольцев[92]. В Новосибирской области только 8–9 и 22 ноября 1941 г. в деревню выехали 1420 коммунистов городского актива[93].

На места выехало большинство членов бюро обкома, работников его аппарата и облисполкома. Они получили право решения всех организационных вопросов на месте и принятия исчерпывающих мер с тем, чтобы закончить хлебоуборку непременно в установленные сроки. В районах ответственность за окончание заготовок возлагалась персонально на первых секретарей райкомов ВКП(б) с временным освобождением их от любой другой работы[94]. Подобные меры по ускорению темпов заготовок осуществлялись во всех областях, краях и республиках. Их повсеместное применение с учетом местных условий и конкретной обстановки способствовало и в последующие годы войны максимальной мобилизованности в борьбе за хлеб. Но тяжелая обстановка на фронте, огромная потеря уборочных площадей тяжело отразились на заготовках продовольствия. Валовой сбор зерна во всех категориях хозяйств снизился с 96,5 млн т в 1940 г. до 55,9 млн т в 1941 г.[95]. Страна недополучила тысячи тонн сахарной свеклы, подсолнечника, картофеля и других продуктов полеводства и животноводства.

Хотя война и внесла существенные коррективы в структуру заготовок, основные каналы их поступлений в принципе оставались прежние. Как и до войны, главным видом сельскохозяйственных продуктов являлись обязательные поставки колхозами государству зерна, картофеля, овощей, технических культур, мяса, молока и т.д. Вторым по значимости каналом заготовок также оставалась натуральная опла-

та колхозов за работу МТС, хотя из-за уменьшения объема тракторных работ вплоть до 1943 г. включительно происходило ее относительное и абсолютное сокращение. Но оно практически было восполнено таким новым источником заготовок, каким стали добровольные и регулярные отчисления продуктов в фонд Красной Армии и в фонд обороны. Существенно уменьшились поступления по линии закупок государственными заготовителями и кооперацией, а также возврата семенных ссуд. Всего по этим каналам государство стало получать вдвое меньше продуктов, чем отчислялось в фонд Красной Армии и обороны. Общая структура государственных заготовок зерновых и картофеля в колхозах по статьям поступлений прослеживается в табл. 9.

Таблица 9

Доля государственных заготовок от валового сбора зерновых и картофеля колхозов по статьям поступлений, %*

Статьи поступлений	Зерновые					Картофель	
	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1939 г.	1943 г.
Обязательные поставки государству	14,3	18,5	19,8	20,9	21,7	17,2	24,8
Натуроплата МТС	19,2	19,4	19,5	17,0	11,2	3,5	1,7
Сдача в фонд Красной Армии и обороны	–	–	0,2	4,5	7,0	–	1,3
Возврат семенных ссуд	4,0	3,2	2,5	1,7	1,7	1,2	Нет св.
Закуплено заготовителями и кооперацией	2,7	1,7	0,4	0,2	1,9	1,8	3,7
Общая доля заготовок	40,2	42,8	42,4	44,3	43,6	23,6	31,5

*Подсчитано по: Колхозы в 1939 г. М., 1939. С. 176–177; *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 208.

Приведенные данные интересны и тем, что свидетельствуют о заметно возросшей общей доле государственных заготовок от валового сбора: зерна – до 44,3%, картофеля – до 31,5%. Наиболее высокими отчисления наблюдались в крупных зерновых районах. На Урале они возросли до 52,3% в 1944 г. при 40,2% по Союзу в 1939 г.[96]. По колхозам Сибири общая доля хлебопоставок в 1943 г. составила даже 55,5% валового сбора зерновых против 35,2% в 1939 г.[97]. Это тем более показательно, ибо рост заготовок происходил при одновременном сокращении урожайности и валовых сборов.

Подобный рост отчислений в пользу государства обеспечивался за счет фондов потребления, сокращавшихся из года в год. В 1943 г. для оплаты трудодней было выделено 16,7% зерновых вместо 22,9% в 1939 г. В натуральном выражении эта разница стала еще ощутимее, так как сам валовой сбор резко упал и фактическая выдача колхозникам сократилась до минимума. В 1942 г. из предполагавшихся к выдаче 44 млн ц зерна было выдано 24 млн, а в 1943 г. – 29,5 млн ц вместо 36 млн[98]. И это не все: даже остаточная часть хлеба, предназначенная для потребления, частично перечислялась колхозниками в фонд обороны. Так, в 1942 г. из 2283 тыс. ц зерна, определенных к выдаче на трудодни колхозникам Урала, в фонд обороны и помощи рабочим было отчислено 35,6%[99]. В 1942–1943 гг. в среднем на один трудодень выдавалось 650–800 г зерна, 200–400 г картофеля. То есть примерно по 200 г зерна и 100 г картофеля на душу населения в день, или почти в два раза меньше, чем в 1940 г.[100]. И только в Средней Азии, которая до войны почти полностью находилась на централизованном обеспечении хлебом, включая сельское население, заметно возросла выдача зерновых на трудодни. В некоторой мере это стало следствием переключения подчас в ущерб общегосударственным интересам части предназначенных для технических культур земель под посевы зерновых.

Столь высокое и жертвенное понимание патриотического долга проявилось и при заготовках животноводческих продуктов. В 1943 г. из общей доли реализованного колхозного стада государственные поставки крупного рогатого скота составили 84,1% против 62,9% в 1940 г., свиней – 30,5 против 20,9%, овец и коз – 79,2 против 44,2%[101]. В тот же наиболее тяжелый для сельского хозяйства год тыловые колхозы сдали в счет заготовок столько же мяса (686,3 тыс. т), сколько и в 1940 г. в целом по стране (691,5 тыс. т), хотя общее число хозяйств за время оккупации сократилось почти на 40%[102]. Не облегчило положение и начавшееся освобождение оккупированных районов, так как тысячи и миллионы голов скота пришлось направлять на их возрождение.

Необычайно возросшая заготовительная роль колхозного производства наглядно видна и при сопоставлении с совхозами, которые, казалось бы, должны были увеличить свою долю в валовом сельскохозяйственном производстве и поставках. Но этого не произошло из-за резкого сокращения технической базы советских хозяйств, лишившего их одного из главных преимуществ перед сельхозартелями – более высокого прежде уровня механизации. В результате доля совхозов в государственных заготовках зерна по всем категориям хозяйств снизилась с 10% в 1940 г. до 5,8% в 1943 г. и до 7,9% в 1944–1945 гг.[103]. Что же касается остальной продукции, производимой в этом секторе в небольшом количестве (хлопок, сахарная свекла, подсолнечник, картофель), то ее доля в соответствующих заготовках по сравнению с зерновыми оказалась несопоставимо низкой.

Технический обвал совхозов привел к тому, что их заготовки падали, наоборот, быстрее, чем валовые сборы. В колхозах же объем заготовок, как уже отмечалось, в связи с сокращением урожайности уменьшался значительно медленнее, чем валовые сборы. К 1943 г. заготовки с гектара площади зерновых в совхозах по сравнению с 1940 г. сократились почти на две трети, тогда как в колхозах – наполовину[104]. Поэтому в годы войны по сдаваемой государству продукции (ее доли от валового сбора) колхозы ведущих зерновых зон почти сравнялись с соответствующими показателями совхозов предвоенного периода. В 1940 г. в счет хлебопоставок совхозы сдали 55% валового урожая, в 1943–1944 гг. – 60%[105] (при 53,4% в 1943–1944 гг. в колхозах Урала и Сибири).

Война оказала ощутимое воздействие и на принципы (условия) государственных поставок. Прежде всего, это сказалось на заготовительных ценах, точнее на их соотношении с колхозно-рыночными ценами на сельскохозяйственные продукты. Номинально в годы войны заготовительные цены на колхозную продукцию оставались такими же, как и перед войной: 7–8 коп. за 1 кг зерна, 3 коп. за 1 кг картофеля, 41–53 руб. за голову крупного рогатого скота, 32–48 руб. за свиную голову и 8–11 руб. за голову овцы и козы[106]. Цены же на рынке возросли многократно – в 100–200 раз и более. В Перми, например, в 1944 г. килограмм картофеля стоил 65 руб., овощей – 53 руб., мяса – 293 руб., литр молока – 74 руб.[107].

В результате заготовительные цены по отношению к рыночным стали играть, скорее, символическую роль – они ни в коей мере не покрывали себестоимости. Фактически вся колхозная продукция поступала в распоряжение государства почти бесплатно. В этом факте, как и в возросшей доле продукции, сдаваемой колхозами, прежде всего необходимо видеть высокое общественное восприятие происходившего советским крестьянством, отдававшим все для победы. В этой связи важно заметить и то, что в общей сложности в годы войны, несмотря на высокие рыночные цены и относительную свободу торговли, колхозы реализовывали по ее каналам в 2,5 раза меньше хлеба и картофеля, чем, например, сдали их добровольно и безвозмездно в фонд Красной Армии и обороны[108]. Да и эта небольшая по объему продажа, в сущности, не являлась в полном смысле источником общественного дохода, хотя и давала основную часть денежных поступлений колхозов. Она осуществлялась лишь для возросших денежных расчетов с государством.

Отдельно – о принципах исчисления обязательных поставок колхозной продукции. Продолжал действовать предвоенный метод видового расчета урожайности, а потому и начисления государственных заготовок и натуроплаты за работу МТС, введенный в 1940 г. Несмотря на его одностороннее несовершенство и исторически противоречивое влияние на аграрную политику в целом, в условиях вой-

ны исчисление урожайности с площади пашни объективно подталкивало к предельной мобилизации продовольственных ресурсов в руках государства. При резком падении фактической (амбарной) урожайности он, в сущности, означал переход к начислению размеров госпоставок в зависимости от максимальных усилий колхозов с учетом всей чрезвычайности обстановки и конкретного обострения продовольственного вопроса.

Это наиболее ярко проявилось в первые, наиболее тяжелые годы войны, когда враг захватил важнейшие западные сельскохозяйственные районы. Стремление государства заполучить в тыловых районах предельное, а то и запредельное количество хлеба и другого продовольствия полагалось при этом на допустимо осознанное стремление крестьянства, подчеркнем еще раз, не останавливаться ни перед чем ради спасения родины. Полный расчет с государством стал одной из непререкаемых заповедей, которая неуклонно проводилась в жизнь даже в тех случаях, когда приходилось сдавать практически весь хлеб, включая семенной, фуражный и предназначенный для выдачи колхозникам на трудодни.

Но чем больше приближалась победная развязка, тем неотложнее становились задачи восстановления сельскохозяйственного производства не только в освобожденных, но и в тыловых районах. Тем заметнее сказывались отрицательные стороны видового метода исчисления поставок. В более сложном положении оказались многоземельные районы, которые в большей мере подверглись сокращениям посевных площадей и фактической урожайности. В Алтайском крае даже в 1942 г. реально обрабатываемые земли на 1 млн 825 тыс. га (на 21%) оказались меньше той площади, которая облагалась зернопоставками. В 1943 г. только посевы ценнейшей яровой пшеницы сократились здесь на 1 млн 127 тыс. га, тогда как облагаемая пашня оставалась прежней [109]. Это стало очевидным почти во всех регионах Поволжья, Урала, Сибири и Казахстана. Их колхозы утратили реальную возможность выполнять доводимые до них планы заготовок, начисленные по завышенной пашне и видовой урожайности, превращавшие хозяйства в недоимщиков, лишенных какой-либо экономической перспективы.

В 1944–1945 гг. по ходатайству ряда местных партийных и советских органов правительство приняло несколько адресных постановлений о значительном снижении размера облагаемой пашни. Одновременно была списана или отсрочена часть недоимок колхозов прошлых лет. Все это вместе с некоторыми восстановительными тенденциями способствовало улучшению состояния сельского хозяйства. Но в целом видовой принцип исчисления госпоставок и натуроплаты за работу МТС продолжал действовать и в первые послевоенные годы, как оставались прежними, а главное, низкими заготовительные цены. С каждым годом они все больше тормозили восстановление и развитие сельского хозяйства.

Внешне и до поры легче разрешалась проблема заготовок животноводческой продукции. Мясопоставки, как правило, не только выполнялись, но и вносились в счет хлебозаготовок, проходивших с особым напряжением. Сказывались два основных фактора – относительно благоприятное состояние животноводства и временная возможность излишнего забоя скота. Сдача животноводческой продукции в счет других поставок особенно возросла в 1943 г. В Красноярском крае по мясу она составила 62% к годовому плану мясопоставок, в Новосибирской области – 51,6, Хабаровском крае – 59%. В целом в Сибири и на Дальнем Востоке в 1943 г. было заготовлено четыре пятых полученного государством мяса, молока, яиц, шерсти[110].

В большинстве случаев перерасход стада неизбежно приводил к его сокращению, тем более, если учесть, что в годы войны средняя упитанность каждой головы скота, сданной государству, в среднем снизилась на 20%[111]. Но в отдельных районах традиционного животноводства, где по климатическим и другим условиям лучше разрешалась кормовая проблема, рост объема заготовок обеспечивался на основе расширенного воспроизводства стада. К числу таких и некоторе время относился, например, Казахстан, где до третьей части стада содержалось на отгонных пастбищах. Заготовки мяса за 1941–1943 гг. по сравнению с тремя предвоенными годами здесь возросли на 66,5%, молока – на 18,7, шерсти – на 38,1%. Одновременно к концу войны поголовье крупного рогатого скота в республике увеличилось на 20,6%, овец и коз – на 46,9, верблюдов – на 27,1%[112].

Общую динамику заготовок продукции животноводства можно проследить по табл. 10. Примечательно, что при общем уменьшении заготовок мяса их удельный вес по отношению к валовому продукту животноводства даже в самые тяжелые для сельского хозяйства 1942–1943 гг. возрос по сравнению с 1940 г. более чем на 15% при одновременном приросте доли зерновых заготовок на 3,8%. Интересно вновь отметить, что общий объем животноводческих заготовок по всей стране и во всех категориях хозяйств, включая колхозы, сократился к концу войны значительно меньше, чем в совхозах: мяса – на 52% (в совхозах на 80%); молока – на 56% (в совхозах на 70%) и т.д.[113].

Если же сравнить соответствующие показатели по тыловым районам, то и здесь заготовки животноводческой продукции в совхозах быстро шли на убыль, тогда как в колхозах нередко они даже нарастали[114].

В связи с заготовками мясо-птицеводческой продукции небезынтересны сведения о поступлениях яиц. При общем дефиците питания вообще, тем более калорийного и добротного, их наличие существенно скрадывало белковую, жировую, углеводную и витаминную скудность обыденной пищи. Если же иметь в виду широкую сеть госпитальных учреждений, целые контингенты эвакуированного детского населения, общую бедность детского питания, а также учас-

тившиеся безбелковые опухания на фоне длительных голоданий, то обычное куриное яйцо превратилось в настоящую уникальность. Да и сама вагонная мера его оптовых заготовок представлялась весьма удобной и оперативной для транспортировки.

Таблица 10

Заготовка мяса и молока по всем категориям хозяйств, млн т*

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Скот и птица (в пересчете на убойный вес)	1,3	0,95	0,78	0,77	0,70	0,70
% к 1940 г.	–	73,0	60,0	59,0	54,0	59,0
% к валовому продукту	27,7	23,2	43,3	42,8	35,0	26,9
Молочные продукты (в пересчете на молоко)	6,5	5,3	2,9	2,4	2,7	2,9
% к 1940 г.	–	81,0	45,0	37,0	41,0	44,6
% к валовому продукту	19,3	20,8	18,1	14,5	12,2	11,0

* Страна Советов за 50 лет: Стат. сб. М., 1967. С. 122, 130, 149; История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941 – 1945. Т. 6. С. 67, 69.

Но именно эта отмеченная уникальность стала одной из причин резкого сокращения поступлений яиц в заготовительный фонд в условиях войны. Сказались также и общий военный урон в птицеводстве, и отсутствие зернового фуража, который сам по себе превратился в продукт питания, и не менее резкое уменьшение хозяйств – сдатчиков яиц (более чем в 2 раза) ввиду снятия с поставок семей красноармейцев и населения освобожденных районов. В итоге количество полученных государством яиц упало с 16 810 вагонов в 1940 г. до 6236 в 1941 г., 5548 в 1942 г., 4242 в 1943 г. и до 7200 (ориентировочно) вагонов, или на 14,5 млрд шт. яиц, в 1944 г.

Если же скорректировать данные за 1944 г. в сторону двойного увеличения, то есть на число указанных льготных сдатчиков, то к концу войны по заготовкам этого ценного продукта страна практически вышла на предвоенный уровень. Это было несомненным достижением. Важную стимулирующую роль стало играть нараставшее выделение для встречной продажи сдатчикам промышленных товаров, которые в 1944 г. составили трехкратную стоимость заготовленных тогда яиц[115]. А общая сумма, говоря попутно, выделенных тогда встречных товаров для реализации денежных средств, вырученных колхозами и сельским населением в целом на госзакупки зерна, составила 2766 млн руб., или в 10 раз больше поступивших на село денег. В число выделенных товаров входили хлопчатобумажные и шерстяные ткани, обувь, мыло, частично стройматериалы, конные повозки, но более 50% – винно-водочные изделия[116].

Несмотря на войну, среди расходных статей валовой сельской продукции продолжала оставаться ее реализация на колхозном рынке. СССР – единственная из всех воевавших страна, которая в неизменном виде сохранила торговлю сельскохозяйственными продуктами их производителями, тогда как в западных государствах она была запрещена, что приводило к возникновению широкого подпольного рынка. Хотя объем рыночной торговли, особенно в первые месяцы войны, сильно сократился. К 1943 г. по реализации зерна он составил более трети от уровня 1940 г., а к концу войны колхозная торговля хлебом достигала 42–43% предвоенного уровня. Всего за 1941–1945 гг. колхозы продали на рынке 8779,7 тыс. ц зерна. По отдельным годам и в процентах к 1940 г. продажа на рынке выглядела следующим образом [117]:

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
В тыс. ц	3819,9	1972,7	2187,3	1340,8	1640,6	1636,3
В % к 1940 г.	–	52	57	35	43	42

Среднегодовая реализация составила 1755,9 тыс. ц против 3819,9 тыс. ц в 1940 г., или 48%.

Важно обратить внимание на 1942 г. – время максимальной потери оккупированной территории. Численность колхозов тогда сократилась на 45%[118], а объем их рыночной торговли зерном упал на 43%, т.е. в расчете на одно хозяйство, тем более на колхозный двор, он даже несколько увеличился. Сказались официальные меры по активизации колхозных рынков. В июне 1942 г. последовало, например, распоряжение о выделении во всех местных и пригородных поездах специального вагона для проезда колхозников на городской рынок[119]. Местным партийным и советским органам были даны и другие указания по улучшению колхозной торговли. В Казахстане к осени 1942 г. действовало уже 290 колхозных рынков. Здесь принимались специальные меры по улучшению доставки продукции из села и усилению борьбы со спекуляцией[120]. Особое внимание придавалось встречной торговле промышленными товарами, созданию условий для приезжих крестьян (транспортировка, организация питания, мест хранения, починочных мастерских и т.п.). Значительное распространение имела практика встречной реализации товаров по согласительным, т.е. пониженным, ценам на сельхозпродукты при условии льготной продажи промтоваров. Только в мае–сентябре 1942 г. на рынках Алма-Аты по доступным ценам было продано около 2 тыс. т продуктов, не считая обычной реализации[121]. Подобный опыт использовался в других республиках и областях. Перед организацией встречной весенней ярмарки 1943 г. в Свердловской области провели, например, соответствующую разъяснительную работу в

30 сельских районах. В городах были организованы столовые, закусочные, бронировались места в кинотеатрах, на предприятиях для колхозников изготавливались предметы домашнего обихода, утварь, огородный инвентарь. Управление Свердловской железной дороги выделило на время ярмарочной торговли дополнительные вагоны, в 3 раза повысив нормы перевозки багажа. В результате только в продаже и обмене сельхозпродуктов для рабочих Нижнего Тагила приняло участие 210 колхозов из 15 районов области.

Крестьяне одного лишь Туринского района с 10 по 12 марта продали горожанам 13 т картофеля, 10 т овощей, 1 ц гороха, 1 ц муки, 188 л молока. Продукты продавались по пригласительным билетам, которые распространялись на предприятиях, выпускавших встречные товары для колхозников, и по нормам, установленным ярмарочным комитетом: мясо – 1,5 кг, картофель и овощи – 5 кг, хлеб – 1 кг. Дефицитные продукты реализовывались по очень умеренным ценам: мука ржаная – 4 руб. за 1 кг при рыночной цене 200 руб., мясо – соответственно по 20–30 руб. вместо 350–400, молоко – по 3 руб. за литр вместо 100, масло сливочное – по 50 руб. за кг вместо 1200[122]. Но на вырученные деньги и по корректным ценам колхозники приобретали очень необходимые для них промышленные изделия. Ряд торговых организаций и предприятий заключил с колхозами договоры о дальнейшем завозе сельхозпродуктов на рынки областного центра.

Нередки были и такие случаи, когда колхозы и колхозники по встречной договоренности с предприятиями продавали друг другу товары по государственным ценам. Так, в 1942 г. крестьяне Грузинской ССР продали рабочим по твердым ценам 254 тыс. пудов зерна и муки и на вырученные средства закупили промышленный дефицит[123]. Еще чаще продажа велась по предварительно утвержденным правлениями колхозов ценам, которые также значительно уступали рыночным. Обобщающей статистики о масштабах подобной торговли не велось, но документы военных лет подтверждают, что подобные формы купли-продажи имели повсеместное и весьма широкое распространение. Они являлись одним из своеобразных проявлений союза и единения рабочего класса с крестьянством военных лет. В общей сложности, несмотря на сравнительно небольшую долю сельской продукции, проходившей через рынок, она играла очень важную роль в смягчении продовольственной проблемы. Достаточно сказать, что на кохозном рынке в 1944 г. приобреталось до 40% всего потребляемого картофеля, столько же животного масла, 20% молока и столько же овощей[124].

Обращаясь вновь к заготовительным работам, еще раз обратим внимание на целенаправленную и эффективную деятельность партийных и советских организаций, на высочайшую политическую сознательность и трудовую активность колхозного крестьянства, кото-

рые обеспечили не только максимальную реализацию поставок, выполнение заданий фронта и тыла, но и высокие темпы заготовительных работ. Если и случалось так, что из-за сокращения валовых сборов те или иные области и хозяйства существенно недовыполняли повышенных, а то явно завышенных планов заготовок, то и в этих случаях поставки проводились быстро и организованно. Так, несмотря на резкую убыль материально-трудовых ресурсов, уборка и обмолот колосовых в хозяйствах Урала, Казахстана, Сибири и Дальнего Востока в 1941–1942 гг. были завершены в основном в те же сроки, что и в 1940 г.[125]. А темпы заготовок оказались даже выше довоенных. Печать осенних месяцев 1941 г. постоянно отмечала, что поступления зерна и других продуктов на заготовительные пункты начинались, как правило, раньше обычного.

В Алтайском крае первая военная уборка заняла не более пяти недель, тогда как в 1940 г. она продолжалась около двух месяцев. Раньше прошлогоднего завершилась тогда и заготовка хлебов: труженики сельского хозяйства Алтая сдали государству на 12 млн пудов зерна больше, чем в предвоенном году[126]. На две недели раньше обычного колхозники Ставрополья, Дагестана и Азербайджана начали уборку первого военного урожая и массовую сдачу хлеба. Уже на 20 июля 1941 г. хозяйства Грузии сдали государству в 10 раз больше зерна, чем на ту же дату 1940 г. На один–два месяца сократились сроки выполнения госпоставок в колхозах ряда областей Казахской, Киргизской и Таджикской ССР[127]. Даже тогда, когда из-за погодных или иных условий уборка затягивалась, для неотложного восполнения хлебных запасов страны колхозы поставляли страховое зерно из урожаев прошлых лет. Это особенно было характерно для первых лет войны. В 1941 г. «красные обозы» с хлебом из прошлых запасов доставляли на заготовительные пункты колхозы и колхозники Днепропетровской, Киевской, Кировской, Куйбышевской, Иркутской, Запорожской, Саратовской, Харьковской и многих других областей. В первые же летние недели войны государство получило миллионы пудов зерна в счет предстоявших обязательных поставок[128].

Высокое понимание долга проявляли крестьяне прифронтовых и фронтовых районов, сдавая хлеб и другие продукты часто непосредственно воинским частям действующей армии. Так было на Украине и в Белоруссии, на Кубани и Дону, в областях Поволжья и Центрального Черноземья, под Москвой и Ленинградом. Колхозы Сталинградской области во время битвы на Волге сдали действующей армии около 24 млн пудов зерна, 15 млн пудов картофеля и овощей, более 9 млн пудов мяса, 60 млн л молока, 30 млн шт. яиц, много фуража и других продуктов. Всего за годы войны войсковые части фронтов и армий приобрели таким путем свыше 200 млн пудов зернопродуктов[129]. Это имело уникальное военно-экономичес-

кое значение. К тому же обеспечение армии за счет местных ресурсов освобождало предельно перегруженный траспорт от больших перевозок.

Выше мы уже рассказывали, что с начала войны заготовки всюду стали рассматриваться как первоочередное дело. В последующем это правило стало еще более неукоснительным и жестким. На село уже традиционно направлялось максимальное количество партийного, советского и комсомольского актива. На Урале, например, во время заготовок общая численность коммунистов и остальных активистов, находившихся на селе, почти удваивалась[130]. На помощь крестьянству прибывали миллионы горожан – преимущественно женщин и учащихся. Только в Казахстане на уборке и заготовках 1942 г. трудилось свыше 306 тыс. посланцев городов и районных центров. На каждую предстоявшую пятидневку заготовительных работ здесь устанавливались твердые задания. Обкомы, каждый райком обязаны были считать законом выполнение этих пятидневок[131]. Подобные указания подкреплялись встречной инициативой с мест. Показательны в этой связи обязательства делегатов съезда дехкан-колхозников Узбекистана о преодолении отставания в производстве и заготовках хлопка, принятые в январе 1944 г.: «Это письмо является всенародной клятвой. Мы приняли ее стоя. Эта клятва будет выполнена, несмотря ни на что»[132]. И она действительно была выполнена: в том же году заготовки хлопка-сырца увеличились в 1,5 раза.

Заготовительным работам подчинялся весь ритм жизни на селе, особенно во время фронтовых недель, декадников, месячников. В информации из Свердловской области сообщалось, например, о том, что для более широкого привлечения к уборочным и заготовительным работам жителей деревень была перестроена вся служба быта и учреждений. Сельские советы, магазины, колхозные кладовые работали только до 6 часов утра и после 9 вечера. В остальное время служащие учреждений помогали колхозникам в уборке и заготовках[133]. Мобилизовывались все транспортные средства, независимо от принадлежности. Города отправляли автомашины, колхозники выводили коров под упряжкой из личных хозяйств. В каждой области в трудовой доблести соревновались тысячи молотильных и транспортных комсомольско-молодежных бригад. С почина колхозников-сибиряков впервые стали создаваться межколхозные транспортные обозы[134]. Всюду за сохранностью хлеба следили комсомольско-пионерские посты и дозоры. Организаторами своевременного проведения заготовок выступали сельские парторганизации, активисты сельсоветов.

Чем труднее складывалась обстановка, тем выше был пульс организаторской деятельности на селе. Показателен пример из буден 1943 г., когда из-за низкого валового сбора каждый пуд хлеба давался дополнительными усилиями, людским самоограничением. В Яро-

славской области кропотливую, живую работу среди колхозников проводила парторганизация Николо-Ширского сельсовета Мышкинского района. Во время уборки и заготовок она выпустила 110 боевых листков и плакатов-молний, провела 480 бесед и читок. Коммунисты трудились на самых решающих участках. По их инициативе быстро вскрывались неполадки, устранялась всякая опасность прорыва в работе. Здесь действовали специализированные транспортные бригады из лучших колхозников и комсомольцев. Бригадиры и возчики ревностно следили за ходом соревнования. Колхоз в числе первых в районе закончил хлебозаготовки[135].

И в целом крестьянство Ярославской области в 1943 г. первым в стране выполнило все государственные обязательства, в том числе план хлебопоставок. «Правда» писала в те дни: «Следом за колхозами Ярославской, Горьковской, Карагандинской, Ленинградской и Смоленской областей, Таджикской ССР и Чувашской АССР и некоторых других областей план хлебопоставок выполнили колхозы Калининской области. Близки к завершению плана хлебопоставок колхозы Московской и ряда других областей»[136]. На 10 дней раньше планового срока выполнили свои обязательства колхозы фронтовой Ленинградской области.

Первые миллионы пудов продовольствия в 1943 г. поступили от колхозов освобожденных районов. Крестьянство Украины даже сумело укрыть от оккупантов хлеб из урожая прошлого года и передать в фонд Красной Армии более чем по 2 ц зерна с каждого гектара уборочной площади. Это позволило бесперебойно снабжать хлебом украинские и белорусские фронты. Кроме того, Украина выделила 6 млн пудов хлеба Ленинграду и оборонявшим его войскам, а также 5 млн пудов – соседним областям[137]. В 1944 г. украинские колхозы на 35 дней раньше срока выполнили план государственных поставок[138]. А всего в 1944 г. все освобожденные районы дали более половины общегосударственных заготовок зерна, свыше трех четвертей сахарной свеклы, четверть скота и птицы, около трети молочных продуктов[139]. Можно почесть за диво – хотя и погода не подвела. Но это был куда более значительный вклад в смягчение обострившейся продовольственной проблемы, позволивший существенно снять напряжение с заготовками.

Накопившиеся с начала войны тяготы, форсированное до исчерпания использование всех возможностей колхозов, разумеется, не проходили бесследно. Как ни велико и жертвенно было стремление крестьян к увеличению заготовок, резкое падение плодородия полей и продуктивности животноводства неизбежно вели к обратному. Несколько более благоприятные результаты передовых областей выглядели, скорее, исключением, нежели правилом, и не носили устойчивого характера. Кроме объективных (главных) причин падения товарности сельского хозяйства, имелись субъективные и даже сис-

темно-волевые обстоятельства, проявившиеся в недостатках и даже в порочных методах по руководству этим участком экономики и социальной жизни*.

Тем самым мы подошли к одной из наиболее противоречивых, острых, если не самой острой, а главное, имманентных политико-социальных проблем, которые, пожалуй, с наибольшей ясностью сфокусировали в себе принципиальнейшие крайности (подчас и необходимые) всех трех смежных, органически «сросшихся» друг с другом периодов – военного и обрамляющих его так называемых предвоенного и послевоенного. Хотя по большому счету это было единое время начала второй мировой, всей Великой Отечественной и масштабного разворота «холодной» войн, скрепленных, в сущности, одним глобалистским обручем.

Все сказанное выше о характере, масштабах и методах заготовительной политики на селе, разумеется, имело очень важное значение. И оно – правдиво, официально и неофициально объективно. Оно выражало и отражало целевое назначение действий руководства, конечных устремлений народа в лице крестьянства. Это была прежде всего, так сказать, лицевая сторона исторической реальности первого порядка. Но имелась и другая, до поры весьма скрытая (причем во многом разумно) сторона той же истории во многом предопределяющего, а потому исходного уровня. О ней и пойдет далее речь, причем не только в историческом, но и политологическом аспектах.

Чрезвычайные условия диктовали, а то и просто служили поводом (бывало и так) применения жестких мер, мало отличавшихся от методов продразверстки «военного коммунизма». В этой связи мы уже приводили высказывание В.И. Ленина о громадном значении «выдержанной пролетарской линии в продовольственном вопросе». Но важно теперь подчеркнуть другое. «Выдержанной пролетарской линии» в нашей деревне явно не доставало не только в гражданскую войну, но и во все годы становления колхозного строя. Уж воистину нет худа без добра. Великая Отечественная при всех ее крутых поворотах и обвалах не потребовала столь же обвальных перемен в заготовительной политике.

Мы также уже констатировали, что ее государственно-мобилизационная сущность сложилась еще в мирное время, а во время войны она нуждалась не столько в радикальном пересмотре, сколько в усилении и даже абсолютизации прежних начал. По той конкретно-ис-

---

* О товарности сельского хозяйства военных лет можно говорить лишь весьма условно. Во-первых, потому, что в реальном экономическом понимании ее почти не стало (еще раз: не смешивать с его напряженностью, интенсивностью, затратами труда и т.п.). Во-вторых, ввиду максимального изъятия у колхозов результатов их труда при отсутствии даже видимости эквивалентного обмена и методами, близкими к реквизиционным.

торической логике в том не было ничего неожиданного. Унитарное государство да в огосударствленных колхозах, не говоря об МТС и совхозах, стало почти единоличным распорядителем и обладателем «колхозной» продукции. По формальной логике и антиномичным параллелям крестьянство, казалось бы, не должно и даже не могло было принять такую реальность. Но вся суть противоречивости столь диалектичной ситуации состояла как раз именно в обратном. Колхозное крестьянство не только восприняло, но и поддержало эту новую разновидность «продразверстки», тем более, когда не злоупотребляли ее реквизиционностью.

Однако наличие продразверстки и даже многих «военно-коммунистических» методов ее реализации вовсе не означало, что основу межклассовых и государственно-классовых отношений вновь составлял опять-таки известный по истории гражданской войны военно-политический союз. В этом как раз и заключается принципиальная разница в государственно-крестьянских взаимоотношениях в первой и второй войнах. Гражданская потому и называлась такой, что она велась внутри государства между гражданами бывшей и новой тогда России (если забыть об интервенции, что ныне и делают сплошь и рядом) за альтернативность будущего. А Великая Отечественная, в том виде как она сложилась, имела лишь один для всех приемлемый исход – победу*.

Если в гражданскую, рассуждая по известной схеме, советская власть и рабочий класс (разумеется, вместе с крестьянством) защищали деревню, скажем, от возвращения помещиков, а он, крестьянин, временно и только трудовой его частью вынужден был мириться с продразверсткой, то в Великую Отечественную, опять-таки выражаясь несколько условно, не столько советская власть (и даже не рабочий класс) защищали жизнь и будущее нашей деревни, скорее, наоборот. Напомним еще раз, что до 80% личного состава нашей армии в 1941–1945 гг. представляли сельские жители. Разбронированным от всяких мобилизаций и призывов, им вручили в руки решающую долю ответственности за судьбу страны.

Отсюда и тот феноменальный социальный монолит (а не феномен предательства), о который разбились все надежды гитлеровцев. В том же коренилась и та «безмерная» готовность колхозников к самопожертвованию в борьбе за победу во что бы то ни стало. Тем более, если государство и руководство знали (должны были знать) эту меру. А когда и переступали черту при тех же, например, заготовках, то и в столь крайних случаях срабатывал своеобразный социально-

---

* Попутно заметим, что и в наши дни «разгулявшиеся» фальсификаторы пытаются раскрутить так называемый российский «феномен пленения» (сдачу в плен) 1941–1942 гг. в новое издание «гражданской войны», и наша позиция по этому поводу уже высказывалась неоднократно.

экономический предохранитель – подсобное хозяйство колхозника, которое гарантировало хоть какой-то прожиточный минимум.

Конечно, крайние меры (изъятие, скажем семян или маточного поголовья, невыдача на трудодни), да под видом «борьбы с саботажниками и чуждым элементом», не прибавляли энтузиазма крестьянству. Но не порождали и столь решительных, массовых и очевидных форм протеста, как это имело место в гражданскую войну. Да и, видимо, не могли породить, ибо большинство колхозников хорошо понимало и свою роль бойцов трудового фронта, прикрывавших собой бойцов-односельчан на передовой. Это был самый мощный сдерживающий «заградительный» отряд. В том и следует видеть принципиальную разницу между тем, что было в гражданскую и как стало в Великую Отечественную.

Но не все было так очевидно и так гладко, тем более в разные периоды войны. Можно иметь разные мнения о количестве и границах этих периодов, особенно в области экономики страны, военной истории сельского хозяйства в частности. Но вряд ли подлежит дискуссии вопрос о периодизации взаимоотношений государства, руководства, крестьянства, о главной сущности самой социально-экономической политики на селе 1941–1945 гг. Хотя, как знать. Ведь долгие послевоенные годы эта проблема вообще рассматривалась в качестве единой, неделимой и одномерной применительно ко всем этапам войны. Некоторое исключение составляли лишь первые ее месяцы, когда шла перестройка всего и вся.

И в самом деле, очень многое проходило и должно было проходить через всю войну – от начала до конца. Но должен был быть и свой перевал, и вовсе не обязательно положительного свойства, после чего порожденные чрезвычайностью крайности могли и должны пойти на убыль, а то и на крутой откат – если дело шло о крупных срывах и ошибках в главном. Словом, в вопросах управления, руководства и самой сущности проводимого курса на селе был свой пиковый Рубикон, который проявился вовсю к началу 1943 г., разыгрался в виде заготовительного кризиса, повлекшего за собой продовольственные осложнения и ставшего таковым лишь при скрытом до поры кризисе самой политики в деревне.

Снова обратимся к исторической антиномии. 1919 г. – самый разгар гражданской войны и социальной раздвоенности на селе. При всей жестокости продовольственной диктатуры, когда не только зажиточная, но и середняцкая часть крестьянства припрятывала хлеб (у бедноты его не стало) и с тревогой смотрела на первые социалистические эксперименты, В.И. Ленин нашел-таки единственно правильный выход: «Не сметь командовать! ...Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина»[140]. Этот призыв на VIII съезде РКП(б), встреченный аплодисментами его делегатов, как освежающая гроза пронесся над страной и нашел миллионы новых союзников.

А на каких же путях разрешался продовольственный кризис, возникший в стране к 1943 г., и какая оценка причин его возникновения давалась на высшей ступени власти?* Первые почти повсеместные трудности с заготовками на селе появились, как теперь доказано, осенью и в зиму 1942/43 г. Их первопричина, как показано выше, заключалась в огромных потерях занятых врагом земледельческих территорий, в низкой урожайности из-за вызванных войной объективных трудностей в тыловых районах. Если и были причины местного порядка, то они не имели под собой социально-политических корней, если не считать ошибок, просчетов, нераспорядительности, а то и халатности.

В результате второго стратегического наступления немцев на южном фланге фронта летом 1942 г. вновь были потеряны не только ведущие сельскохозяйственные районы европейской части страны, но сосредоточенные здесь большие государственные запасы продовольствия. Только со складов Наркомзага СССР из Краснодарского края, Дона и Ставрополья не были вывезены из-за нераспорядительности и оставлены врагу 795,8 тыс. т зерна[141], что равнялось примерно половине всех хлебных поставок в Сибири за 1943 г.**. Не меньше было утрачено из-за дезорганизации сельского хозяйства Нижнего Поволжья вследствие депортации миллионного населения немцев Поволжья и Калмыцкой АССР***.

Между тем 23 ноября 1942 г. за подписью И. Сталина и А. Андреева в Алтайский край, а вслед за этим во все обкомы, крайкомы и ЦК компартий республик было направлено секретное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР, которым давалось совершенно преднамеренное, политически неправильное, провоцировавшее очередной тур репрессивных мер объяснение причин заготовительного кризиса. Еще раз за несущественными сокращениями приведем его полностью****:

---

* Официальная историография почти до конца советского периода не рассматривала и не поднимала этот вопрос – настолько он оставался опасно острым и политически злободневным.

** Подробнее см. нашу статью «Новое к эвакуации сельскохозяйственных ценностей из оккупированнных районов» // Всерос. науч. конф.: 55 лет Великой Победы: история и современность. Сб. науч. тр. Рост. н/Д., 2000.

*** См. опять же нашу статью «Социально-экономические аспекты депортации автономной республики немцев Поволжья // Акт. пробл. естеств. и гум. наук на пороге XXI века. Сб. к 30-летию ЯрГУ. Ярославль, 2000.

**** В извлечениях и без указания точного источника это постановление (иначе тогда не допускалось) впервые было упомянуто нами – но с довольно подробными комментариями – в книге «Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту. 1941–1945». Барнаул, 1966. С. 239–243 и др. В полном варианте постановление от 23 ноября 1942 г. также впервые было опубликовано в нашей книге «Жертвенный подвиг деревни». Новосибирск, 1993. С. 211–212.

«На основании произведенной проверки ЦК ВКП(б) и СНК СССР устанавливают, что несмотря на предупреждение, сделанное Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б) Алтайскому крайкому ВКП(б) и крайисполкому о неудовлетворительном ходе хлебозаготовок, бюро крайкома ВКП (б) и первый секретарь крайкома Лобков, крайисполком и председатель крайисполкома Смердов не только не исправили нетерпимое отставание хлебозаготовок, но допустили дальнейшее снижение темпов сдачи хлеба государству. Вследствие отсутствия руководства хлебозаготовками со стороны крайкома ВКП (б) и крайисполкома, попустительству антигосударственным настроениям отдельных колхозов, не желающих сдавать хлеб государству, на 10 ноября 1942 года в крае заготовлено на 29 млн пудов хлеба меньше, чем в прошлом году, и годовой план хлебосдачи выполнен лишь на 26 процентов. Из 125 тыс. рабочих лошадей, подлежащих выделению на вывозку хлеба, работает только около 22 тыс. рабочих лошадей...

Крайком ВКП(б) и крайисполком проявили политические колебания, не замечали саботажников хлебозаготовок с партбилетами в кармане, не вели с ними решительной борьбы, а занимались их пустым усовещеванием и уговариванием.

Центральный комитет ВКП(б) и Совнарком СССР постановляют:

1. Обязать бюро Алтайского крайкома ВКП(б) и первого секретаря крайкома Лобкова, крайисполком и председателя крайисполкома Смердова немедленно исправить положение и принять все меры для полного выполнения в кратчайший срок плана хлебозаготовок.

2. Предупредить первого секретаря крайкома ВКП(б) Лобкова и председателя крайисполкома Смердова, что если они не ликвидируют отставания хлебозаготовок в крае и не исправят серьезных ошибок, допущенных в организации хлебосдачи государству, то они будут сняты с занимаемых постов, исключены из партии и преданы суду.

ЦК ВКП(б) и СНК СССР указывают Алтайскому крайкому ВКП(б) и крайисполкому, что в условиях Отечественной войны злейшими врагами родины, советского народа и партии являются саботажники хлебозаготовок с партбилетами в кармане, организующие обман государства и провал выполнения плана хлебозаготовок в угоду немецким фашистам. По отношению к этим врагам родины ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязывают применять суровые репрессии – исключать из партии, арестовывать, предавать суду и заключать в концлагеря.

3. Обязать бюро Алтайского крайкома ВКП(б) представить первый отчет ЦК по выполнению настоящего постановления 15 декабря 1942 года.

4. Настоящее постановление разослать всем обкомам, крайкомам партии и ЦК компартий союзных республик»[142].

Это уже был не ленинский освежающий призыв, а настоящий сталинский смерч, пронесшийся по стране, и его разрушительные последствия ощущались повсюду. Вот лишь два примера из сопредельной Сибири Восточно-Казахстанской области Казахской ССР, секретари обкома которой только с конца 1942 по апрель 1943 г. разослали на места около тысячи угрожающих телеграмм со ссылкой на постановление от 23 ноября 1942 г.:

– Кумашкинскому РК, секретарю. В декабре колхозы района прекратили хлебосдачу. Не думает ли райкомпарт встать на путь измены родине, сказать: хлеба нет и план не выполнить. Невыполнение хлебозаготовок будет рассматриваться как предательство родине. Шестнадцатого дайте объяснение, что принимает РК, чтобы 20 декабря план хлебозаготовок району выполнить;

– Чистый Яр, Краснопартизанская МТС. Вы знакомы с постановлением ЦК ВКП(б) по Алтайскому краю. Хлебозаготовки колхозами радиуса вашей МТС срываются. Вы мер не принимаете. Неужели вы не понимаете своей ответственности за хлебозаготовки и так легко смотрите на предупреждения по этому вопросу. Ошибочно ваше спокойствие. Коли не примите немедленно мер, будем рассматривать как саботажников с партбилетами в кармане, не допускайте, чтобы так о вас был поставлен вопрос. План хлебозаготовок должен быть выполнен каждым колхозом. Больше предупреждений не ждите[143].

И часто не ждали – а что было делать! В 1943 г. оперативная группа по хлебозаготовкам Новосибирского обкома запрашивала районы не только о количестве заготовленного хлеба, но и о том, сколько за день разоблачено «саботажников». И отдельные районы отвечали: «Хлеб в этот день почти не заготовили, но подготавливаем трех-четырех саботажников»[144]. В их число попадали, как правило, директора МТС и совхозов, председатели сельсоветов и колхозов, секретари первичных парторганизаций. В Красноярском крае, например, большинство директоров МТС и совхозов получили строгие партийные и административные взыскания, а многие – по два, три выговора[145]. В Свердловской области органы НКВД за так называемый саботаж в поставках к началу 1943 г. только к уголовной ответственности привлекли 423 работника районного звена[146]. Репрессии применялись и в отношении массовых кадров сельского хозяйства. В Омской области в 1943 г. были незаконно привлечены к судебной ответственности около 1500 трактористов и комбайнеров[147].

Не лучшая участь ожидала и кадры областного, краевого и республиканского масштаба. Почти половина из них в 1943–1944 гг. оказалась снятой с работы, а число избежавших партийных и иных взысканий исчислялось единицами. Что же до руководителей районов, то они, как говорится, пачками оказывались в числе «саботажников». И не мудрено, ибо абсолютное большинство районов не имело возможности выполнить завышенный план хлебосдачи. Только

одним инспирированным постановлением бюро Красноярского крайкома сняло с работы и исключило из партии несколько секретарей РК ВКП(б), которые тут же были арестованы[148].

В областях и районах создавались так называемые «революционные комиссии», «пятерки», «тройки», в состав которых неизменно вводились прокурор и начальник МВД. Они учиняли «разбирательство причин невыполнения». Подобные разносы, разумеется, не помогали делу, так как трудности с хлебопоставками не имели и не могли иметь причин социально-политического характера, тем более не было никаких оснований зачислять в злоумышленники не только отдельных работников, но целые колхозы, совхозы и даже районы. Такие действия создавали обстановку неуверенности в работе и страха, они унижали достоинство руководящих кадров, в свою очередь побуждали их к незаконным действиям.

Вот что, например, по этому поводу на IV Новосибирской областной партконференции (март 1948 г.) рассказал секретарь Кочковского райкома Н.И. Смольцовников. «Давайте, товарищи делегаты, посмотрим правде в глаза и вспомним, – говорил он, – какие навыки в работе прививались партийным работникам села. Кто из старых секретарей райкомов оставался, которому бы не был в период войны приклеен прямо или косвенно ярлык саботажника или человека, который заносит нож в спину Красной Армии. Были ретивые секретари обкома, которые наклеивали эти ярлыки... Только на одном вопросе – «Как называется тот человек, который не сдает хлеб?» – на этом вопросе прижимался не один секретарь райкома, вынуждался сказать только одно слово – «враг», а потом из этого делался вывод: «Значит, ты враг, ты занес нож в спину Красной Армии – исключить из партии, отдать под суд».

«С таким ярлыком, – продолжал Смольцовников, – немало честных коммунистов в штрафных ротах, как преступники, направлялись на фронт, некоторые из них возвратились с победой, грудь их украшена орденами и медалями, некоторые из них сейчас являются участниками нашей областной партийной конференции. Это горько, но это – истинная правда... Этот порочный стиль привел к явной запущенности партийно-политической и организаторской работы на местах»[149].

Выступление Смольцовникова правильно отразило ту тяжелейшую моральную обстановку, которая была порождена постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 23 ноября 1942 г. Оно не вызвало возражений и было поддержано другими делегатами. Для таких было легче и честнее грудью в смертельных сражениях заслужить ордена, чем идти на сделку с совестью, чем обрекать колхозников на голод. Но не всем выпадало такое, как праведный бой на фронте. Не передовая вызывала страх, а реальная опасность стать «врагом народа». Боясь ужасного ярлыка, многие работники районов и кол-

хозов вынуждены были сдавать в счет поставок все – до последнего зерна, включая семена. Тем более что это делалось с ведома и под нажимом вышестоящих работников, представителей центральных заготовительных органов. Еще в ноябре 1942 г. бюро Новосибирского обкома ВКП(б) правильное и законное стремление районов и колхозов заготовить семена квалифицировало как «грубейшую политическую ошибку»[150].

Говоря об этом, следует, конечно, иметь в виду, что военная обстановка осени и зимы 1942/43 г. была очень напряженной. На берегах Волги шла битва, от исхода которой во многом зависели судьбы народов. Страна испытывала острейший недостаток продовольствия. Быть может, что очень сомнительно, что в те дни и следовало пойти даже на такой риск, как изъятие семенного материала. Но и в этом случае проведение столь крайнего «мероприятия» под знаком борьбы с «саботажниками» было политически грубой ошибкой. Миллионы крестьян отдавали свои жизни в борьбе с фашизмом, не задумываясь жертвовали остальным, зная для чего. Если бы и в таком случае им было честно сказано, что у государства нет иного выхода, чтобы накормить страну и армию, колхозники без колебаний сдали бы и семена, что они и делали не один раз.

Но такой необходимости не было, тем более что тысячи тонн зерна в той же Сибири гноились на складах «Заготзерно». И еще одно обстоятельство. Изъятие семян проводилось и как упредительная мера, чтобы сами полуголодные и голодные колхозники не использовали семенной фонд на свои нужды. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что за многие годы работы над самыми различными архивными и иными документами нам ни разу не встретились источники подтверждавшие подобные опасения. Для сеятеля остаться без семян все равно, что бойцу лишиться в бою оружия. И подобные «превентивные» меры выглядели аморально и оскорбительно.

И вот еще что: подобные акции не прекращались и после того, как отгремели битвы под Сталинградом и Курском. Выступая весной 1944 г. на пленуме Сузунского райкома, знатный комбайнер, депутат Верховного Совета СССР С.Я. Рязанов говорил: «За последние 2–3 года наши колхозы становятся слабее. Корень зла плохих урожаев – в плохой подготовке к севу и в том, что мы «блистаем» хлебосдачей за счет семян. Я считаю, что этим мы не помогаем государству и Красной Армии, а – наоборот»[151]. Изъятие семенных фондов на деле оказалось не чем иным, как плохо прикрытым обманом того же государства, очковтирательством, причинявшим вред сельскому хозяйству.

На V Красноярской краевой партийной конференции приводился и такой пример, относившийся к периоду хлебозаготовок 1943–1944 гг. Решением бюро крайкома в южную группу районов для усиления темпов хлебосдачи в качестве «чрезвычайно уполномоченного» был

направлен один из его секретарей. По его указанию и с ведома крайкома все эти районы сдали свои семена на единые пункты хранения. В результате было смешано зерно различных сортов – с разными сроками вызревания и приспособленностью к местным условиям. Весной эти семена колхозам вернули обратно, и к осени выросли «многоэтажные» поля: один сорт созревал, другой колосился, третий наливался[152]. В лучшем случае такие поля отводились на зеленый корм скоту. Пропали огромные и без того дефицитные трудовые затраты.

И это не редкий случай. Из урожая 1943 г. только в девяти регионах России были полностью засыпаны собственные семена зерновых. В остальных 35 регионах подготовленность семенного фонда составила к февралю 1944 г. в пределах от 36 до 70%, причем в таких крупных областях, как Куйбышевская, Ростовская, Саратовская, Челябинская, Чкаловская (Оренбургская), Тамбовская, не говоря о регионах сибирской зоны, она не превышала 40–50%. Колхозы Казахстана имели только 47% собственного семенного фонда[153].

В исторической литературе вопрос о хлебозаготовительных трудностях, а точнее о продовольственном кризисе 1942–1943 гг. и его субъективных причинах не поднимался и не рассматривался до самого последнего времени, если не считать давних попыток автора этих строк, не встречавших, однако, особого энтузиазма ни цензуры, ни оппонентов[154]. Чем дальше заходила реанимация сталинизма в условиях брежневщины, тем глуше звучали объективные оценки тяжелейшего положения сельского хозяйства в год коренного перелома на фронтах. В этой связи приведенный во второй книге по истории советского тыла[155] анализ состояния колхозного производства в 1943 г. является не столько новым словом в науке, сколько первой серьезной попыткой восстановить то принципиальное, что было достигнуто еще во времена хрущевской «оттепели».

Приведем лишь один фрагмент из давней дискуссии с Ю.В. Арутюняном, создавшим одну из лучших работ о колхозной деревне 1941–1945 гг., которая так много значила для воссоздания объективной истории нашей деревни. Тем не менее вопрос о субъективной стороне хлебозаготовок был подан в ней в значительной мере объективистски. Он правильно писал, что для выполнения планов заготовок в Алтайском крае в 1943 г. было направлено 18 тыс. различных уполномоченных, или по 4 заготовителя на каждый колхоз, не считая других представителей партийно-советского актива. А дальше автор рассказывал, чем занимались эти посланцы: «Саботажников хлебозаготовок штрафовали, за сокрытие хлеба некоторых председателей колхозов судили, нарушителей трудовой дисциплины и срывщиков заготовок предупреждали, что в случае дальнейших нарушений к ним «будет применен закон». Уполномоченные контролировали, проверяли ход заготовок, вскрывали факты сокрытия хлеба.

Случалось, что за злостный саботаж председателей колхозов приговаривали к тюремному заключению на срок до восьми лет»[156].

Да, случалось, и вовсе не редко, причем не за действительный саботаж, а во исполнение известного постановления ЦК и СНК от 23 ноября 1942 г. Ю.В. Арутюнян косвенно даже упоминает этот печальный документ, но в весьма оправдательном контексте: «В ноябре 1942 г. руководители крайкома и крайисполкома были предупреждены (кем – не указывалось. – *В.А.*), что если они не ликвидируют отставание хлебозаготовок, то будут сняты с занимаемых постов, исключены из партии и преданы суду. Положение не было выправлено, и в 1943 г. первого секретаря крайкома сняли с работы»[157]. Да, сняли, и не только на Алтае. Но там, где уцелели секретари, например, в Новосибирской области, положение с хлебопоставками было вовсе не лучше: в 1943 г. здесь заготовили (вместе с выделившейся Кемеровской областью) 2080 тыс. ц зерна против 3844 в 1940 г. и 2663 тыс. ц в 1942 г.

При этом заметим, что, в сущности, лояльные оценки постановления от 23 ноября 1942 г. Ю.В. Арутюнян сохранил и во втором, цитируемом нами издании книги. Они получили косвенных сторонников и некоторых других, хотя и менее авторитетных авторов. Чтобы полностью исключить даже малую двусмысленность в отношении действительной роли известного теперь постановления и снять всякие сомнения насчет так называемого саботажа колхозов и колхозников, а также подавляющего большинства местных руководящих кадров, обратимся еще к одной исторической аналогии. На сей раз не противоположного к злополучному постановлению свойства, а совершенно подобного характера и совсем недалекой по отношению к военному периоду истории алтайской, сибирской и советской деревни в целом. Имеется в виду зловещая поездка Сталина в Барнаул, Новосибирск, Рубцовск, Омск и некоторые другие районы Сибири, совершенная им в январе–феврале 1928 г.[158].

Что же общего было между этими событиями, отдаленными друг от друга 15 годами? Там и тут – хлебозаготовительный кризис. И в 1928, и с конца 1942 г. Сталин искал выхода, но не ленинского, а на путях чрезвычайных, репрессивных. В обоих случаях исходным полем их применения стала Сибирь. В отношении ее в январе 1928 г. он подчеркивал, что «нажать здесь нужно отчаянно»[159]. В первом случае сибирский «кулак» из экономической фигуры окончательно был превращен в политический образ классового врага, ставшего олицетворением общегосударственного политического противника, во втором – алтайский «саботажник» в лице целых колхозов и местного руководства с партбилетом в кармане зачислен в ранг «злейшего врага народа» и «угодника немецких фашистов».

От того, что зажиточный сибирский крестьянин давно уже ушел в небытие, а вся деревня стала колхозной и, как считал Сталин, безус-

ловно социалистической, методы «борьбы за хлеб» не получили особой коррекции, разве что в сторону ужесточения. Те же неконституционные «революционные» суды, не санкционированные правовыми актами, хлебные «тройки», упрощенные судоразбирательства, административные аресты, штрафы и другое воздействие, включая физическое, подворные обходы и обыски, пусть и временное, но фактическое запрещение продажи колхозной продукции через рынок и пр. Новое, пожалуй, заключалось лишь в том, что главный удар этих мер, не считая экономических и иных последствий, приходился не на само крестьянство, а на низшее и среднее местное руководство. Что же касается основной массы колхозников, то они и без того жертвовали всем общественным ради максимальной помощи фронту.

Если так называемый урало-сибирский метод выколачивания хлеба 1928–1929 гг., как считают некоторые ученые, лишь на один шаг не дотянул до продразверстки, то новый сибирский и общесоюзный вариант 1942–1943 гг. почти по всем параметрам перекрыл ее – по методам, размаху, масштабам. Предельно огосударствленное «коллективное» хозяйство практически целиком оказалось отчужденным от экономических интересов крестьян. Колхозное самоуправление распространялось теперь в основном на сферу внутренней организации производственной деятельности, да и то до известных пределов – его заменило самоуправство. Это и была та непомерная теневая, а не фасадная социально-экономическая цена победы, на которой пусть временно и безальтернативно сошлись государственные интересы и патриотические чувства колхозников.

Чем дальше шла война, чем больше отодвигалась ее главная опасность и приближался победный финиш, с одной стороны, чем хуже и нестерпимее становилось деревне, а вместе с ней и всей стране – с другой, тем очевиднее ощущалась необходимость хотя бы частичного ослабления военно-государственного пресса. Это усилившееся осознание проявилось в нараставшем давлении на центр в виде настойчивых просьб и сетований партийно-советских органов среднего звена по поводу пересмотра норм и принципов заготовок, создания хотя бы относительно сносных условий для экономических отношений государства с колхозами.

С конца 1943 – начала 1944 г. все настойчивее звучали предложения об изменении системы планирования сельского хозяйства, об ограничении и упорядочении мобилизаций его трудовых ресурсов, об изменении самого стиля руководства и деятельности руководящих институтов. Все настойчивее осуждались крайности в организационной работе, недооценка социально-массовой жизни самого крестьянства. А это, как известно, было далеко не просто и небезопасно. Тем более что центральное руководство, особенно высшее, меньше шло навстречу, больше упиралось или ограничивалось полумерами.

Подвижнее оказались отраслевые структуры в самом ЦК ВКП(б), прежде всего организационные. Летом и осенью 1943 г. его постановлением «Об организационном упорядочении работы горкомов, обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик» вообще был упразднен институт отраслевых секретарей. Учреждались их заместители, которые одновременно должны были руководить отраслевыми отделами. Секретари партийных органов (не более пяти в каждом комитете) возглавили лишь основные направления партийной работы, в том числе в сельском хозяйстве.

Принимая решение об изменении структуры партийных органов, ЦК подчеркивал, что теперь главное в их деятельности – не непосредственное решение административных и хозяйственных вопросов, а проведение в жизнь директив путем улучшения самой партийной работы. Усиливалась ответственность всех работников аппарата за ее состояние, за активизацию внутрипартийной жизни. Впервые и официально был поставлен вопрос об изменении форм партийного руководства, применявшихся в начале войны, и означен курс на их приближение к уставным нормам и методам работы. При этом особое внимание было обращено на восстановление свернутых с началом войны коллективных форм деятельности. Орган ЦК журнал «Партийное строительство» тогда писал: «Подмена методов коллективного руководства администрированием может привести не только к серьезным практическим ошибкам, но и дать неправильное воспитание партийным кадрам, повести к самомнению, зазнайству работников, нежеланию считаться с мнением коллектива»[160].

К сожалению, в этих словах была не вся правда, ибо то, от чего предостерегали на будущее, уже глубоко укоренилось в действительности. Пленумы ЦК не проводились по-прежнему, а о съезде и речи не шло. Только с 1943 г. заседания Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) стали проводиться регулярно и их решения теперь в меньшей мере принимались путем опроса. Для подготовки к заседаниям создавались комиссии ЦК, в которые входили видные партийные, советские, хозяйственные работники. Это был тот ощутимый минимум, который давал фактическое и моральное право поднять соответствующую требовательность к нижестоящим партийным органам.

Оргбюро, Секретариат, а также отделы ЦК усилили контроль за исполнением партийных решений. В принятом в августе 1943 г. постановлении ЦК признавалось необходимым систематически заслушивать на Оргбюро и Секретариате доклады первых секретарей обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик[161]. В сентябре ЦК принял постановление «Задачи и структура организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б)», которое выдвигало требование изучать практику руководства партийными организациями со стороны обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, своевременно вскрывать недостатки в работе партийных органов и оказывать помощь в их устранении.

Позднее, уже, в сущности, на грани войны и мира (апрель 1945 г.) было принято специальное постановление «О проверке исполнения решений ЦК ВКП(б) по отчетным докладам обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик». На отделы ЦК возлагалась обязанность – регулярно сообщать Оргбюро и Секретариату о том, как местные партийные органы обеспечивают выполнение решений партии и правительства. Эти постановления определяли неотложные задачи всех партийных структур, поднимали их исполнительскую дисциплину и ответственность.

С сентября 1943 по июнь 1945 г. после проверки состояния партийной работы на местах Оргбюро и Секретариат заслушали в общей сложности отчеты первых секретарей 56 областных, краевых и республиканских организаций[162]. Некоторые партийные органы докладывали дважды. По каждому отчету принималось развернутое решение, которое содержало предметный анализ состояния работы, рекомендации по устранению вскрытых недостатков, а если требовалось – по укреплению и смене руководства. Эти документы, подкрепленные основательными справочными материалами не только по партийным, но и экономическим вопросам, по сей день представляют один из наиболее обобщенных и авторитетных источников изучения состояния важнейших дел на местах.

В 1943–1944 гг. в числе других ЦК ВКП(б) заслушал доклады Алтайского, Красноярского, Омского, Иркутского, Читинского обкомов и крайкомов. По каждому из них были приняты специальные постановления, охватывавшие весь круг партийно-организационных и хозяйственно-экономических задач. В необходимых случаях параллельно им принимались соответствующие решения СНК СССР по восстановлению и оказанию материальной помощи конкретным регионам Сибири, в том числе по подъему сельского хозяйства. Такие постановления были приняты практически по всем без исключения областям, краям и республикам Сибири, а также Урала, Поволжья и других зон.

В конце 1943 – первой половине 1944 г. во многих партийных организациях были произведены довыборы и перевыборы руководящих партийных органов. На них, разумеется, лежала и та ощутимая печать, которая проистекала из тех волевых директивных рекомендаций, о которых говорилось выше. Так или иначе, тогда же были освобождены от работы первые секретари Алтайского, Красноярского крайкомов, Омского и Иркутского обкомов партии и другие руководящие работники краев, областей и республик. Первым секретарем Алтайского крайкома ВКП(б) был избран, например, Н.И. Беляев, Красноярского – А.Б. Аристов. К руководству на местах ЦК направил большую группу опытных партийных, советских и хозяйственных работников.

Для мобилизации партийных сил на решение вставших задач тогда же повсеместно были проведены пленумы партийных комитетов,

собрания коммунистов. При обсуждении постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР проявилась их высокая активность и глубокая озабоченность в связи с тяжелым состоянием сельского хозяйства. Пожалуй, впервые за время войны во многих случаях прозвучала действительно безоглядная критика в адрес руководящих органов всех рангов, за исключением, разумеется, ЦК. На трех районных партсобраниях в Якутии были приняты, например, решения просить ЦК ВКП(б) разрешить созвать областную партийную конференцию специально для обсуждения вопроса о состоянии сельского хозяйства республики[163]. Небывалый для того времени факт. В высшие инстанции поступила тогда целая серия документов с мест за подписью первых лиц руководителей регионов о крайне тяжелом положении дел на селе, например, в Саратовской и Пензенской областях, в Крыму и Дагестане.

«Недостатки в руководстве сельским хозяйством, – говорилось в постановлении XI пленума Новосибирского обкома (февраль 1944 г.), – сводятся к тому, что обком ВКП(б), многие райкомы руководили хозяйством односторонне, от кампании к кампании, не имея ясных перспектив и плана развития хозяйства в целом. В связи с этим райкомы в своей работе не смогли в свое время предвидеть и устранить надвигающиеся трудности в работе, на каждом отрезке времени правильно определять главные политические и хозяйственные задачи для районных советских и земельных органов и первичных партийных организаций»[164]. Смело осуждались администрирование в отношении кадров, принижение роли советских и хозяйственных органов в руководстве сельским хозяйством. Люди с возмущением говорили о закоренелой практике административного нажима на село с помощью разросшейся до небывалых размеров системы чрезвычайных и иных уполномоченных.

Она уже не устраивала не только низы, но и верхи. На том же пленуме Новосибирского обкома почти единственный из уцелевших на своем месте первый секретарь обкома М.В. Кулагин говорил: «Во многих районах (читайте: всюду в области. – *В.А.*) стала излюбленным методом руководства колхозами, МТС и совхозами посылка уполномоченных вообще, уполномоченных особых, уполномоченных чрезвычайных, уполномоченных больших, средних и малых, уполномоченных из городов, уполномоченных из собственных районных центров, уполномоченных то на один колхоз, то на целый сельсовет, то на целый куст, то на целую зону МТС, то на пятидневку, то на декаду, то на месяц, то на сезон, то с закреплением до Ноева потопа и так далее, и тому подобное»[165].

На прошедших пленумах крайкомов и обкомов ВКП(б) Сибири остро стоял вопрос о возрождении коллективности в работе бюро партийных комитетов. Заседания часто проходили без предварительного ознакомления их членов с повесткой дня и проектами ре-

шений. Повсеместным стал опросный метод принятия постановлений, что еще больше обюрокрачивало аппарат, вело к игнорированию прав и мнений членов и кандидатов в члены бюро и комитетов со стороны секретариатов. Эти в общем-то типичные злоупотребления в наибольшей мере проявились тогда в работе Иркутского, Омского обкомов и Красноярского крайкома партии. На XIII пленуме Иркутского обкома (июль 1944 г.) резкой и обоснованной критике за нарушение коллегиальности в работе был подвергнут первый секретарь обкома К. Качалин. По его вине даже не все члены бюро были ознакомлены с решениями ЦК ВКП(б), принимаемыми ранее по работе обкома. Не знали они и о тех отчетах, с которыми первый секретарь вызывался в ЦК[166].

Поднимался и такой актуальный вопрос, как принижение роли в руководстве сельским хозяйством советских органов, приведшее к прямой их подмене. Наиболее ярко это проявилось в распространенной практике вынесения совместных решений. В Красноярском крае, например, только в августе–октябре 1943 г. бюро крайкома ВКП(б) приняло 150 постановлений, из которых 62 – совместно с крайисполкомом[167]. В их числе и по таким вопросам, которые могли быть решены хотя бы начальником крайзо: о плане квашения капусты и соления огурцов, об установлении норм обязательных поставок яиц колхозами, об изготовлении гвоздей и т.п. Таким же образом поступали райкомы партии. Часто решения советских и хозяйственных органов не выполнялись до тех пор, пока по тем же вопросам не принималось постановление партийных органов. Поэтому как можно больше вопросов стремились провести непременно через обком или райком партии. А это, в свою очередь, усиливало обезличку и бесконтрольность.

С другой стороны – вело к перегрузке партийных органов и утрате ими собственных функций. Многие решения принимались наспех, без подготовки, в рабочем порядке. На бюро Омского обкома партии за 10 месяцев 1943 г. было принято 353 постановления по сельскому хозяйству. За их выполнением не было даже формального контроля[168]. В районы поступали целые потоки различных бумаг. За 8 месяцев 1943 г. Красноярский крайком направил на места 8,5 тыс. телеграмм – по 40 в день[169]. Секретари райкомов не успевали не только реагировать на них, но и читать.

Мы уже заметили, что высокий уровень критики и самокритики не поднимался, однако, выше областного и республиканского уровня. Соответствующие пожелания в адрес центра просматривались лишь в многочисленных просьбах, отношениях и ни в коей мере в виде прямой критики. Даже снимавшиеся с руководящих постов работники в своем последнем слове обычно сетовали на то, что не оправдали доверие ЦК, благодарили за приподнесенный урок и выражали согласие исправить ошибки на любом другом месте, которое дове-

рят. Между тем многое из того, чем оказались пораженными местные властные органы, было присуще и самому ЦК ВКП(б) и правительству.

Казалось бы, что тяжелое состояние сельского хозяйства и крупные недостатки в его руководстве настоятельно продиктуют обсуждение этого вопроса в общепартийном и общегосударственном масштабе – если не на съезде, то на пленуме ЦК. Это стало бы логическим завершением той огромной работы, которая была проведена за последние два года войны Оргбюро и Секретариатом ЦК, его отделами и правительственными органами, с тем чтобы выработать общую принципиальную линию по всем сторонам этой сложнейшей экономической, социальной и политической проблемы. Но это, видимо, не входило в планы высшего руководства.

Только по линии инструкторского аппарата ЦК, в первую очередь его сельскохозяйственного отдела, уже летом и осенью 1943 г. в 20 областях, краях и АССР страны с тщательным изучением состояния сельского хозяйства на месте побывали многие их ответственные работники и группы. Изучению и проверке подверглись Алтайский край, Башкирская АССР, Ивановская, Курская, Пензенская, Саратовская, Сталинградская области, Краснодарский и Красноярский края, ряд других регионов. Причем некоторые из них удостоились двух- и трехкратной проверки, например, Ульяновскаяи и Сталинградская области и Башкирская АССР.

На имя секретаря ЦК А.А. Андреева в каждом случае поступили развернутые аналитические справки, которые все без исключения отмечали необычайно сложное, а то и бедственное положение в деревне, говорили о сокращении посевов, падении урожайности, снижении продуктивности животноводства, о неудовлетворительном состоянии учета. В некоторых из них речь шла и о фактах хищения, о низкой заготовительной дисциплине. Но в целом, несмотря на «отрыжки» постановления от 23 ноября 1942 г., в котором по инициативе самого Андреева все сводилось к «хлебному саботажу», эти документы объективно свидетельствовали о совсем других явлениях, о которых нами уже рассказывалось выше.

Но в итоге все вторые по рангу органы ЦК и его отдельные члены, равно как и СНК СССР, тем более авторы аналитических записок вынуждены были ограничиваться более осторожными суждениями и предлагаемыми мерами. Они все чаще прибегали к принятию локальных постановлений по отдельным областям, краям и республикам, как это и было в 1943–1944 гг. Но большое число таких постановлений снижало их эффективность, затрудняло контроль за ходом выполнения, а главное – ограничивало общий уровень полномочий, необходимый для выработки стратегической линии на этом ключевом участке предстоявшего перехода от войны к миру. Это видно на примере Красноярского края. Только с июля 1943 по июль

1944 г. и только органы ЦК ВКП(б) вынесли 7 специальных постановлений по этому региону, в основном касавшихся его сельского хозяйства. Но положение выправлялось медленно, а то и ухудшалось, и не нашли ничего иного, как принять решение об освобождении первого секретаря крайкома[170].

Даже на столь высоком уровне и при столь предельной концентрации власти ощущалась очевидная беспомощность, особенно в тех случаях, когда прежде всего нужно было организовать и помочь, а не изымать, «мобилизовывать» и снимать. А именно в эту плоскость все больше смещался акцент партийно-государственного руководства на завершающем этапе войны. Именно этим можно объяснить и подмену высокой и жесткой требовательности к кадрам неоправданным администрированием, которое мало чем согласовывалось с задачами новой экономической и военно-политической ситуации.

Мы уже отмечали, что по отчетным докладам с мест в 1943–1944 гг. было снято или наказано большинство первых и многие вторые секретари обкомов и крайкомов. Всем членам бюро Алтайского, Красноярского, Омского и ряда других региональных комитетов были вынесены коллективные выговоры, т.е. им, в сущности, выразили групповое недоверие. Подобное происходило в других регионах страны. А это, в свою очередь, девятым валом прокатывалось до самых низов. Вопиющее неблагополучие создалось с кадрами председателей колхозов. В Алтайском крае из общего количества 4502 председателей (по данным 45 районов) за два года войны было сменено 3969, в Новосибирской области только за 1943 г. (по 48 районам из 3766 было снято 1817, в Кемеровской области за тот же год заменено 870, в Омской – 1657, в Красноярском крае – 694, в Иркутской области – 739 председателей и т.д.[171]. Не лучше обстояло дело с кадрами директоров МТС, председателей сельсоветов, земельных и заготовительных работников.

Если в начале войны сменяемость кадров была результатом мобилизаций на фронт, то теперь – в основном как следствие волевых перехватов и отсутствия продуманной системы их выдвижения и обучения. В числе «несправившихся с работой» оказалось много честных, преданных народу людей, мужественно вынесших на своих плечах невероятные трудности первого периода войны. Но через годполтора весь резерв на новое выдвижение и перераспределение кадров был практически использован. К 1944 г. кадровая ситуация оказалась даже более сложной, чем в 1941–1942 гг. Заново пришлось организовывать и воссоздавать существовавшую ранее сеть различных курсов по переподготовке. С середины 1944 г. все больше стали возвращаться раненые фронтовики – хорошее подспорье в обстрившихся кадровых делах.

Но все эти трудности никак не могут поколебать общего несомненно очень высокого, как модно ныне говорить, рейтинга руково-

дящих кадров военного времени. Конечно, не все из них оказались на уровне тех судьбоносных задач. Многие, превозмогая сложную объективность, стали жертвами субъективных кадровых передряг, свойственных экстремальному времени. И все же эти многие и те, кому суждено было дойти до Победы, достойны самой высокой похвалы и уважения, о чем мы с убеждением говорили выше.

И последнее в том же контексте: а не противоречат ли наши итоговые столь высокие оценки партийно-советским и всем другим кадрам тем же остро критическим высказываниям в их адрес и в отношении тех же порочных методов руководства сельским хозяйством, которые все больше стали сказываться к завершающему этапу войны и о которых мы только что рассказали. Конечно, не противоречат. Хотя бы потому, что все эти суждения и факты взяты нами из многочисленных и смелых, а главное – из официальных выступлений и других документов тех же кадров. Тех же живых свидетельств, которых долгое время пытались не замечать в официальной историографии, но которые (все к тому же) – убедительное опровержение осовремененных вымыслов об их безропотном фанатизме и бездумном исполнительстве.

А теперь, завершая, в сущности, центральный раздел о заготовках, вновь в итоговом виде вернемся к той экстремальной ситуативной необходимости, которую мы в развороте жертвенно-драматических обстоятельств весьма условно назвали «лицевой» и очевидной реальностью. Повышенная требовательность в заготовительной политике нередко диктовала чрезмерное усиление административного нажима. В ряде случаев даже понятное стремление колхозов припасти семена оценивалось как нежелание увеличивать заготовки, а резкое снижение хлебопоставок в 1942–1943 гг. официально (хотя секретно) и, конечно, ошибочно (не будем исключать и умысел) квалифицировалось как «саботаж».

Подчеркнем еще раз: подобные волевые, выхваченные из практики 20-х – начала 30-х годов, «толкования» причин напряженности в хлебозаготовках в названных документах военного времени нашли отражение и в научной литературе более поздних лет. Между тем, скажем, вполне естественное стремление крестьянства сохранить для самых необходимых нужд минимальное количество зерна ни в коей мере нельзя было ставить в один ряд с такими действиями, как преднамеренный или скрытый срыв заготовок. В войну не только хлебосаботаж, но даже обычное для иных времен растранжиривание общественной продукции, встречалось чрезвычайно редко.

Несмотря на историческую обусловленность и потому неизбежную противоречивость, состоявшиеся в 1944–1945 гг. пленумы региональных партийных комитетов (их решения также принимались во исполнение так называемых региональных постановлений ЦК ВКП(б) по отчетам в Оргбюро и Секретариате первых секретарей

56 обкомов, крайкомов и ЦК компартий республик) не столько детально, сколько озабоченно проанализировали состояние сельского хозяйства, если не вскрыли, то назвали многие недостатки и ошибки, в том числе в проведении заготовок, наметили важные, пусть не столь радикальные, меры по их устранению. Эти меры, конечно, далеки были по масштабности и духу от мер времен нэпа. Но они все-таки повернули внимание к задачам традиционного улучшения организаторской деятельности на селе, восстановления производительных сил колхозной деревни в связи с завершающим этапом войны и переходом на мирную работу.

Давалась высокая оценка трудовой доблести и самоотверженности колхозного крестьянства. В 1944 г. в связи с наметившейся положительной тенденцией в сельскохозяйственном производстве заготовки зерна по всем категориям хозяйств составили 1350 млн пудов – почти в 2 раза больше, чем в предыдущем году, заготовки сахарной свеклы выросли в 3,4 раза, хлопка-сырца – в 1,5. Всего за 1941–1944 гг. страна заготовила 4264 млн пудов хлеба, и, как свидетельствуют данные годовых отчетов колхозов, из них 3536 млн пудов дало крестьянство[172]. Для сравнения важно отметить, что заготовки и закупки хлеба в дореволюционной России 1914–1917 гг. составили 1399 млн пудов, в 1918–1921 гг. – 920 млн[173].

Заметим и то, что продовольственные поставки союзников СССР – США, Канады, Австралии – занимали весьма скромную долю по сравнению с собственным производством. К середине 1943 г. (по данным руководителя программы ленд-лиза Е. Стеттиниуса) из США Советский Союз получил 1,5 млн т[174], или 93,7 млн пудов, продовольствия. Всего за время войны наш среднегодовой экспорт из США и Канады крупы, муки и зерна составил (в пересчете на зерно) 0,5 млн т[175], т.е. в общей сложности 125 млн пудов, или 2,9% наших внутренних заготовок.

Кроме хлеба, было заготовлено 184 млн ц картофеля, 50,5 млн ц мяса, 132 млн ц молочной продукции, а также 57 млн ц хлопка-сырца, 3,6 млн ц льноволокна, 3,3 млн ц шерсти[176] и много другой продукции. Общий расход основных видов продовольствия и фуража на довольствие Красной Армии за годы Отечественной войны составил поистине колоссальную цифру – около 40 млн т[177].

Решающий вклад в продовольственный и сырьевой фонд страны, разумеется, внесло крестьянство. Оно не только принимало, но и само шло на жертвенные ограничения своих минимальных потребностей ради увеличения отчислений для фронта и тыла. Эта небывалая самоотверженность, и потому несоразмерно высокий выход колхозной продукции дали возможность в сложнейших условиях войны получить минимально-гарантированное количество хлеба, мяса, молока, картофеля, сельскохозяйственного сырья. И в этом состоял его величайший вклад в экономическую и морально-политическую победу над фашизмом.

САМОДЕЯТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ФРОНТУ

Помимо плановых заготовок и закупок колхозной продукции, которые составляли главную долю поступлений продовольствия и сырья, государство получало из села большое количество средств и продовольствия в виде добровольных сборов в фонд обороны, на строительство боевой техники, рабочим промышленных предприятий, эвакуированному населению, инвалидам войны, детям фронтовиков, а также путем отчислений на государственные займы, выплату военного налога и т.п. Все эти формы участия колхозного крестьянства в общенародном патриотическом движении, равно как и героический труд на полях и животноводческих фермах, явились выражением несравненного морально-политического единства советского фронта и тыла.

Одной из наиболее ярких форм проявления патриотической самодеятельности стал широкий поток добровольных взносов в фонд обороны и Красной Армии. Инициатива его создания возникла в первые же дни и недели войны в самых различных районах страны и одновременно среди всех групп населения. Многочисленные документы и воспоминания современников свидетельствуют о том, что сразу после нападения фашистской Германии вместе с первыми призывниками из колхозов потянулись первые обозы с хлебом, мясом, овощами. Уже в июне в правительственные и местные органы, в редакции центральных и других газет стали поступать многочисленные предложения о готовности не только своим трудом, но и личными средствами помочь священному делу обороны.

29 июля 1941 г. «Правда» в статье «Трудящиеся предлагают создать фонд обороны» опубликовала обзор полученных писем. 1 августа в ее передовой «Фонд обороны – новое проявление советского патриотизма» местным партийным и советским организациям предлагалось придать стихийно возникшему движению соответствующие формы. В первых числах августа в республиках, краях и областях последовали специальные решения по руководству этим движением. Всюду были образованы комиссии по организации сбора средств, продовольствия, всевозможных вещей и драгоценностей. Подобно соревнованию, движение за создание фонда обороны характеризовалось многообразием инициативных форм и починов. Оно развивалось на протяжении всей войны.

Среди крестьянства изначальным проявлением этого всенародного движения стали отчисления в фонд обороны выработанных трудодней с причитавшейся на них продукцией, а также денежные взносы из личных сбережений и другие пожертвования. Следуя примеру москвичей и ленинградцев, приступивших к отчислениям части зарплаты в фонд обороны, колхозники артели «Ленинский путь» Чкаловского района Чкаловской области стали переводить в этот фонд по 10 трудодней с каждого трудоспособного колхозника. «Если все

колхозы области последуют нашему примеру, то этим самым они дадут дополнительно один миллион пудов хлеба»[178] – говорилось в их обращении. Уже в начальный период войны крестьянство страны отчислило в фонд обороны десятки миллионов трудодней, в счет которых из деревни поступили миллионы пудов хлеба, сотни тысяч рублей деньгами, а также мясо, молоко, овощи и другие продукты[179].

Колхозники сдавали в фонд обороны личные накопления, драгоценности, семейные реликвии, облигации, продовольствие. За 1941–1943 гг. крестьяне Туркмении сдали в фонд обороны около 7,4 тыс. кг различных изделий из серебра[180]. В Марийской АССР по почину колхозницы-комсомолки Ани Покровской из артели «Москва» Сотнурского района было собрано 259 кг серебряных украшений; 952 кг серебра и 14,3 кг золота сдали в фонд обороны колхозники Азербайджанской ССР, около 150 кг серебра и золота – Бурятской АССР[181]. Крестьяне Западного Казахстана вместе со всеми трудящимися республики внесли 116 кг серебра, 1,2 кг золота и платины, а также 11 млн руб. деньгами и 12,5 млн руб. облигациями [182].

Одной из форм пополнения фонда стала сдача общественного и личного скота колхозников. Уже осенью 1941 г. почти одновременно в разных регионах страны началось широкое движение по выращиванию скота в личных хозяйствах крестьян для нужд Красной Армии. В самом начале битвы под Москвой общее собрание в с. Толстовки Амурской области постановило: «Каждому колхозному двору откормить по одной свинье и по два-три гуся или утки и передать их в фонд обороны для снабжения Красной Армии»[183]. Такой же почин проявили тогда подмосковные колхозники из артели «Путь к социализму» Бронницкого района, красноярские – из колхоза им. С.М. Кирова Минусинского района и др.

Уже к концу 1941 г. крестьяне Туркменской ССР передали в фонд обороны около 15 тыс. голов мелкого рогатого скота[184], более двух тыс. овец – колхозники Дагестанской АССР[185]. Тогда же колхозы Азербайджана поставили на откорм для сдачи в фонд обороны 6186 голов различного скота, Иркутской области – около 8 тыс. свиней[186]. В общей сложности только в 1942 г. хозяйства Иркутской, Новосибирской, Омской, Читинской областей, Алтайского и Красноярского краев сдали в фонд обороны 12,5 тыс. голов крупного рогатого скота, 36 тыс. овец и коз[187]. В течение первых двух лет войны колхозы и колхозники РСФСР передали на оборону 7650 лошадей, 79 878 голов крупного рогатого скота, 36 220 свиней, 207 630 овец и коз. А всего по стране за 1942–1944 гг. в фонд обороны поступило 114,3 тыс. голов крупного рогатого скота, 263,1 тыс. овец и коз, 42,7 тыс. свиней, 90,1 тыс. прочего скота[188].

Выражением понимания общенародных задач стало движение крестьянства по восполнению хлебных и иных продовольственных запасов страны. После первой сдачи остатков продовольствия из

предвоенных урожаев оно выступило с такой новой инициативой, как сверхплановый посев различных культур в фонд обороны. Идея «гектаров обороны» родилась еще во время озимого сева 1941 г. Она принадлежала колхозникам Бузулукского района Чкаловской области, труженикам сельского хозяйства Юго-Осетинской автономной и Каменского района Челябинской областей, а также Самаркандского района Узбекской ССР и др. Уже тогда в Южной Осетии в фонд обороны засеяли 222 га озимой пшеницы, 3238 га – колхозники Самаркандской области Узбекистана[189]. Весь урожай, собиранный с «гектаров обороны», сдавался государству.

Еще больший размах движение за такие сверхплановые посевы получило в 1942 г. Теперь с почином выступили колхозники артели им. Н.К. Крупской Выселковского района Краснодарского края. Они призвали всех крестьян страны провести такие посевы не только в фонд обороны, но и в помощь колхозам, пострадавшим от оккупации[190]. Кубанские казаки засеяли в этот фонд около 11 тыс. га яровых культур[191]. Их начинание быстро получило распространение и стало всесоюзным. В казахстанском колхозе им. М.И. Калинина Алма-Атинского района единодушно приняли резолюцию: «Мы присоединяем свой голос к обращению сельскохозяйственной артели им. Крупской Краснодарского края. В дополнение к 5 гектарам обязуемся засеять еще 15 гектаров. Весь урожай с них передаем в фонд обороны и помощи колхозам и колхозникам, пострадавшим от фашистской оккупации»[192]. «Гектарам обороны» отводились лучшие земли, для их обработки выделялись самые опытные полеводы.

В Казахской ССР в 1942 г. общая площадь таких участков достигла 50 тыс. га[193]. Свыше 10 тыс. га земли в фонд обороны засеяли в 1941–1942 гг. труженики сельского хозяйства Узбекистана[194]. Призыву краснодарцев последовали колхозники всех республик, краев и областей. Уже к середине мая 1942 г. колхозники Ставрополья засеяли в фонд обороны свыше 6 тыс. га, Куйбышевской области – около 4700, Вологодской – 3900[195]. В Азербайджане на 20 мая засеяли более тысячи гектаров[196]. К концу весны посевы в фонд обороны страны и помощи пострадавшим колхозникам освобожденных районов еще более возросли. В Алтайском крае на 10 июня они составили 13 161 га в фонд обороны и 6592 га в фонд помощи освобожденным районам[197]. Иркутские колхозники засеяли 3482 га[198], Приморского края – 3446, Хабаровского – 2230[199]. По нашим подсчетам, в общей сложности в стране было засеяно не менее 200 тыс. «гектаров обороны». В пересчете на среднюю урожайность зерновых 1942 г. с этих площадей получили около 60 млн пудов хлеба.

В 1943 г. сверхплановый посев в фонд обороны и помощи колхозникам освобожденных районов первыми продолжали труженики сельхозартели «Горшиха» Ярославской области. Их всесоюзный почин вновь характеризовался не только массовостью участников, но и

тем, что в отличие от 1942 г. засев «гектаров обороны» и откорм скота проводились теперь в основном за счет семян и животных из личных хозяйств. Так, в 75 колхозах Ярославского района все 350 га, засеянные по почину горшихинцев, были обеспечены посевным материалом из запасов колхозников. В фонд помощи пострадавшим от оккупации здесь поставили на откорм 500 голов крупного рогатого скота, свыше тысячи овец, 98 свиней. Всего по примеру «Горшихи» крестьянство Ярославской области посеяло сверх плана в фонд обороны и помощи освобожденным районам 10 тыс. га зерновых, овощей, картофеля и других культур[200]. Колхозники Горьковской, Московской областей и Башкирской АССР засеяли по 10 тыс. га. Около 7 тыс. га было посеяно в колхозах Рязанской области, свыше 5 тыс. – в Воронежской, 4,5 тыс. – в Азербайджанской ССР, почти 2,5 тыс. – в Киргизии[201], 1,3 тыс. – в Иркутской области[202]. Даже при общей засухе в Поволжье, Западном Казахстане и на Северном Кавказе сверхплановые гектары дали десятки миллионов пудов хлеба и других продуктов.

Восполняя потери от недорода, крестьянство наращивало дополнительную сдачу продовольствия и в помощь армии, и в помощь освобожденному населению. В 1943 г. передовые хозяйства Иркутской области выступили с предложением о создании уже непосредственно при правительстве СССР фонда помощи районам, освобожденным от оккупации. Забайкальцы обязались внести в этот фонд 12 тыс. голов скота из личных хозяйств и 11 тыс. пудов семенного зерна. Даже в условиях общего заготовительного кризиса крестьянство только что освобожденной Кубани сдало в хлебный фонд Красной Армии 10 млн пудов зерна. Колхозники подвергшейся засухе Горьковской области собрали из личных запасов более 4 млн пудов хлеба, Чувашской АССР – 2,5 млн, Узбекистана – около 2 млн[203].

В 1944 г. колхозники всей освобожденной Украины первыми развернули Всесоюзное соревнование за сверхплановую сдачу продуктов в продовольственный фонд Красной, а затем уже Советской Армии, обязавшись помимо поставок заготовить дополнительно 15 млн пудов хлеба. Фактически в этот фонд они внесли 33 млн пудов зерна, около 16 млн пудов картофеля. Всего со времени полного изгнания оккупантов по июнь 1945 г. украинское крестьянство сдало в фонд армии 175 млн пудов хлеба, более 86 млн пудов картофеля, 1,7 млн пудов мяса и много другой продукции[204].

По примеру украинцев колхозники Башкирской АССР внесли в тот же хлебный фонд около 6 млн пудов зерна[205]; свыше 3 млн пудов хлеба поступило в 1944 г. от Белоруссии, более 1 млн – от крестьян Молдавии[206]. Отмечая размах этого движения, «Правда» писала, что в нем активно участвовали колхозники как земледельческих, так и промышленных областей. Крестьянство Ивановской области решило тогда сдать 2 млн пудов различных продуктов, Калининской –

1,6 млн, Ярославской – 1,2 млн, Владимирской и Московской – по 1,6 млн пудов[207]. Ивановские колхозники уже в ноябре 1944 г. перевыполнили свои обязательства[208].

Патриотизм колхозной деревни был поистине массовым и жертвенным, ибо вся наша деревня жила тогда крайне бедно. «Почти нет таких колхозов, которые не считали бы своей моральной обязанностью, сверх установленных государством поставок, сдавать часть продукции в фонд Красной Армии»[209], – отмечал М.И. Калинин. При этом, как правило, чаще сдавалось далеко не излишнее, а самое необходимое и даже последнее. Типично в этом отношении решение общего собрания колхозников сельхозартели «Красный пахарь» Шенкурского района Архангельской области. Когда встал вопрос о дополнительной сдаче в фонд обороны еще 200 ц зерна, председатель колхоза П.И. Клыкова заявила: «Вот что, бабы, если 200 центнеров хлеба отдадим, мы еще проживем. А там люди за нас умирают». И решение было единодушным: «Отдать 200 центнеров для победы над врагом»[210].

Десятки миллионов пудов драгоценного продовольствия поступало в виде пожертвований из личных хозяйств колхозников. К 20 августа 1941 г. члены сельхозартели «Ленинский луч» Павловского района Чкаловской области внесли 900 пудов хлеба. В Пермско-Сергинском районе Пермской области к тому же времени поступило 14,2 тыс. пудов зерна, 854 пуда картофеля, 7944 шт. яиц [211]. В 1942 г. в труднейших прифронтовых условиях Ленинградской области колхозники северо-восточных районов сдали из личных остатков 36 тыс. пудов зерна и 9 тыс. пудов овощей. 400 крестьян Боровичского района внесли в фонд обороны от 10 до 20 пудов зерна каждый, а всего по району здесь собрали свыше 12 тыс. пудов хлеба[212]. Самый крупный взнос сделали колхозники Украины, сдавшие в 1944 г. из личных хозяйств 15 млн пудов зерна[213].

Пример показывали знатные люди колхозной деревни. В тяжелом 1942 г. известная бригада П.Н. Ангелиной заработала в Буденновской МТС Западно-Казахстанской области 1200 пудов зерна и верблюжьим караваном отправила его в фонд обороны. «Ваш благородный поступок, – писали тогда фронтовики, – воодушевляет нас на еще более героическую борьбу с фашизмом»[214]. Трактористы бригады Д.М. Гармаш из Рыбновской МТС Рязанской области сдали в тот же фонд 250 пудов хлеба[215]. Председатель подмосковного колхоза им. Владимира Ильича И.А. Буянов только в последний год войны передал государству более 900 пудов различных продуктов[216].

Патриотическая помощь фронту проявилась и в таком благородном почине, как сбор продовольствия для раненых воинов. Крестьянство свято выполняло заново пропагандируемый ленинский наказ о том, чтобы «помогать всем, чем можно, раненому красноармейцу»[217]. В каждой области, крае и республике сотни колхозов в от-

дельности или все коллективно шефствовали над военными госпиталями. В годы войны они собирали для них пшеничную муку, мясо, яйца, сливочное масло, молоко, фрукты, овощи, мед.

Все 149 госпиталей, размещенных в Грузии, имели колхозных шефов. Только во второй половине 1942 г. сельские хозяйства семи районов республики передали для них 38 голов крупного рогатого скота, 1600 кур, около 4 тыс. кг сливочного масла, 1080 кг сыра, 13 220 кг фруктов, много овощей. Колхозники Армении в общей сложности выделили для госпиталей около 6 тыс. пудов свежих и сушеных фруктов, 10600 л молока, 4300 кг сливочного масла, 1440 пудов овощей и 20300 шт. яиц[218]. В 1944 г. в освобожденных районах Украины было развернуто 262 госпиталя. Только из личных запасов крестьянство республики передало для них более 56 тыс. пудов зерна, 43 тыс. пудов мяса, 232 тыс. пудов картофеля и овощей, 44 тыс. пудов фруктов, 1360 кг сливочного масла и 150 тыс. шт. яиц[219].

Наибольшую организованность движение самого крестьянства за оказание помощи раненым получило с 1943 г. – по мере ослабления общественного колхозного производства. В начале 1943 г. колхозники Ершовского района Саратовской области и Мичуринского Тамбовской положили начало созданию «фонда здоровья» для защитников Родины. Уже к августу того же года все саратовское крестьянство внесло в этот фонд свыше 240 тыс. л молока. Кроме того, за годы войны оно передало из личных продуктов для снабжения госпиталей 1680 пудов муки, 50,4 тыс. пудов мяса, 960 пудов сливочного масла, 15 тыс. шт. домашней птицы, около 1 млн яиц[220]. Колхозники Тамбовской области к июлю 1943 г. сдали в «фонд здоровья» 728 тыс. л молока, 80,5 тыс. кг мяса, 265 тыс. шт. яиц [221]. По неполным данным, на начало 1944 г. колхозы и колхозники страны передали для раненых бойцов 23 млн л молока и много других продуктов питания[222].

Выражением особой любви и заботы об армии стали праздничные, новогодние и иные подарки бойцам армии и флота. Это массовое движение, как и многие другие, зародилось в начале войны. Уже в августе 1941 г. начали создаваться постоянно действующие областные и районные пункты по приему подарков для фронтовиков[223]. С разных концов страны шли эшелоны на фронт. В них было все – сибирское масло, пельмени и кедровые орехи, алтайский мед и вина Кавказа, овощи и фрукты Подмосковья, редкие плоды Средней Азии и мясо степных баранов Казахстана, рыба, икра, арбузы Поволжья и ароматные яблоки Центральной полосы. Только к 24-й годовщине Красной Армии труженики тыла направили на фронт 4 млн посылок. С ноября 1941 по май 1942 г. в действующую армию поступило 3,4 тыс. вагонов с подарками[224]. Многие эшелоны предназначались для защитников и жителей Москвы и Ленинграда. Из далекого Приморья к ноябрю 1942 г. к невским берегам было отправлено 185 вагонов посылок. Около 100 вагонов подарков собрали за вто-

рую половину 1942 г. для москвичей, ленинградцев и бойцов Карельского фронта трудящиеся Красноярского края. 71 вагон с продовольствием получили ленинградцы от трудящихся Омской области[225]. Первый для них эшелон с подарками и продовольствием из Горьковской области поступил в марте 1942 г., а к концу того же месяца из местных сел и деревень было отправлено 1180 т зерна, 175 т мяса, 142 т картофеля, 14 т гороха. К Первомаю 1942 г. ленинградцы и защитники города получили из Узбекистана 128 вагонов сухофруктов, 100 вагонов риса[226]. К ноябрьским праздникам того же года сюда пришло еще 40 вагонов продовольствия: 200 т муки, более 140 т гороха, 18 т крупы, 24 т лука и т.д.[227]. Многочисленные эшелоны направлялись на самые различные участки фронта. Только из республик Средней Азии и Казахстана в армию поступило более 2 тыс. вагонов с праздничными индивидуальными и коллективными подарками[228].

Особое значение в укреплении единства фронта и тыла придавалось многочисленным поездкам делегаций в подшефные фронтовые части для вручения подарков. Во время таких встреч, в которых непременно участвовали колхозники, часто рождались самые удивительные начинания. В составе одной из делегаций трудящихся Красноярского края побывал, например, на Карельском фронте представитель хакасских крестьян. В одной из частей самозабвенно воевали 13 минеров, которые потеряли в войне не только свои семьи, но и родственников. Многие месяцы они не получали ни одного письма.

Теперь же первыми о судьбе минеров узнали колхозники артели «Путь к социализму» Аскизского района Хакасской автономной области. Сразу решили: надо писать на фронт, надо немедленно сообщить минерам, что они не одиноки. В каждом из 13 писем, подписанных 500 колхозниками, сообщалось, что колхоз усыновляет героев-гвардейцев. «Более трехсот человек выставил наш колхоз на защиту Родины, – говорилось в письмах. – Они высоко несут честь сибиряков, они не щадят своей жизни – это лучшие люди нашего колхоза, это кровь нашего сердца. А теперь любовь к нашим колхозникам-фронтовикам слилась в едином чувстве любви и к вам... Это наш дом вы защищаете, наши земли, нашу жизнь. Значит, наш дом – ваш дом, наша земля – ваша земля, наш колхоз – ваш колхоз. Вы не лишились семьи. Мы – ваша семья»[229].

Вместе с письмами колхоз выслал минерам 13 членских книжек, свидетельствовавших о том, что все они приняты действительными членами артели «Путь к социализму». В письмах сообщалось и то, что каждого минера после победы ждет в колхозе приготовленное небольшое личное хозяйство: новая изба, огород, корова, овцы, куры, гуси. Письма колхозников Хакасии глубоко взволновали бойцов, ибо в них была выражена сама правда жизни и настроений того крестьянства. Опубликованные во фронтовой газете «В бой за Родину», они читались и перечитывались не только теми, кому были адресо-

ваны, но и всеми бойцами фронта. В выступлениях на митингах, в ответных письмах фронтовики горячо благодарили сибиряков за заботу. «Пусть знают колхозники Хакасии, – писал младший сержант А.Ф. Крохин, – я буду неплохим сыном, я с честью оправдаю их любовь и заботу. Завтра снова иду на выполнение боевого задания... Когда вернусь, я напишу подробно в Хакасию, чем ознаменовал я свое вступление в колхоз «Путь к социализму»[230].

На протяжении всей войны колхозники проявляли трогательную заботу об инвалидах войны, семьях фронтовиков. Они строили и ремонтировали для них жилье, выделяли земельные участки и скот, подвозили корм и топливо, собирали одежду. В 1943 г. колхозы и колхозники Ташкентской области Узбекистана выделили нуждающимся семьям фронтовиков 73 500 пудов зерна, 10 тыс. голов овец и коз, почти 2 тыс. голов крупного рогатого скота. Для них отремонтировали свыше 6 тыс. квартир, им оказали помощь в строительстве 349 новых домов[231]. В 1944 г. колхозы Российской Федерации передали семьям фронтовиков свыше 565 тыс. голов скота и более 1 млн т кормов[232]. Но неотложный свой долг крестьянство видело в том, чтобы помочь инвалидам войны, особо нуждавшимся семьям фронтовиков и их детям продовольствием. За 1941–1945 гг. в фонд помощи инвалидам, на содержание детских садов и яслей колхозы страны, согласно их годовым отчетам, выделили 69,7 млн пудов зерна, около 200 тыс. ц мяса и 162 млн л молока[233].

Особым вниманием и заботой окружались эвакуированные дети. Только из Москвы и Ленинграда в восточные районы было вывезено 800 тыс. детей[234]. Сотни тысяч ребят прибыли из Белоруссии, Украины, Прибалтики, Карелии, ряда областей РСФСР. За вторую половину 1941 и за 1942 г. из угрожаемых районов было эвакуировано 976 детских домов со 108 тыс. воспитанников. Если на 1 января 1941 г. в Новосибирской, Омской, Свердловской и Челябинской областях имелось 65 детских домов, то на 1 января 1943 г. их стало 447[234]. В несколько раз увеличилось число детских учреждений в других регионах. Алтайский край, например, принял 83 детских дома. Общее же число прибывших в Сибирь детей вместе с детскими учреждениями или со взрослыми составило на начало 1943 г. свыше 385 тыс. человек[235]. Всего в стране на 1 июля 1943 г. насчитывалось 4730 детских домов, в которых воспитывалось 688 750 детей, лишившихся или потерявших родителей[236].

Свою долю забот по приему, размещению и содержанию детей взяли на себя колхозы и колхозники. Большинство эшелонов с детьми, особенно в глубокий тыл, стало прибывать поздней осенью и зимой 1941 г., когда настали морозы. Многие дети поначалу не имели теплой одежды, были истощены, больны, измучены непрестанными бомбежками. На всем пути следования эшелоны сопровождали тысячи людей. Колхозники приносили тулупы и одеяла, хлеб и молоко,

яйца и масло. Для размещения детей выделялись колхозные дома, школы, избы-читальни. На партийных и комсомольских собраниях, активах и заседаниях сельсоветов, на правлениях и общих собраниях колхозников предметно обсуждались неотложные вопросы улучшения питания ребятишек, приобретения для них одежды, посуды, школьных принадлежностей, доставки дров, выделения земельных участков.

Забота о детских учреждениях не ограничивалась массовым шефством. Многие хозяйства брали их на полное обеспечение. Только в РСФСР за четыре года войны было организовано 376 колхозных и межколхозных детских домов, 117 детских санаториев[237]. Тысячи оставшихся без родителей сирот воспитывались в крестьянских семьях. К концу войны на воспитание в семьях было взято не менее 350 тыс. таких детей[238]. Часть из них усыновлялась, принималась на опеку и патронат. Узбекский колхозник-кузнец Шаахмет Шамахмудов усыновил 14 детей. Среди них были представители восьми национальностей. Всего в Узбекской ССР на воспитании в семьях находилось более 3 тыс. детей[239]. В Новосибирской области патронировали всех детей дошкольного возраста, оставшихся без родителей, многих усыновили[240].

Всенародным благородством стало спасение ленинградских детей. К концу августа 1941 г. из Ленинграда было вывезено 219 690 малышей и подростков. Не прекращалась эвакуация и в условиях осады города. Только за весну и лето 1942 г. в тыловые районы их прибыло свыше 38 тыс.[241]. Основной поток эвакуации проходил через верхневолжские области, и, прежде всего, Вологодскую и Ярославскую. В 1941–1943 гг. в Ярославской области находилось более 120 тыс. ленинградских детей. Еще больше их транзитом и с временной госпитализацией прошло через Вологодчину. В Горьковской области перед войной насчитывалось 39 детских домов общего типа, а к 1943 г. в одних колхозах их дополнительно было открыто около 30, преимущественно для ленинградских и московских ребят.

В Ярославской области им было предоставлено 190 школ, преимущественно в сельской местности, 1100 домов, принадлежавших колхозам и колхозникам, и другие помещения. За короткий срок сеть детских учреждений здесь возросла более чем в 10 раз. Если на 21 июня 1941 г. в области имелось 25 детдомов, то на октябрь 1943 г. их стало 276[242]. При этом контингент эвакуированных детей постоянно менялся. Сильно истощенные и больные проходили курс лечения на месте и только потом отправлялись в более глубокий тыл.

Свыше 500 колхозов и 10 промышленных предприятий были постоянными шефами детских домов. Колхозы Пошехоно-Володарского района в 1942 г. обработали и засеяли для детдомов 132 га земли, Борисоглебского – выделили 5 т лука, 8 т пшеницы, 8 т овса, 20 т картофеля, 4 т капусты, 20 тыс. шт. яиц, 5 тыс. л молока, 20 ко-

ров, 40 овец, 30 поросят и 4 лошади. Колхозники Гаврилов-Ямского района собрали урожай для детдомов с 95 га, приготовили к зиме 500 пар валенок, 700 пальто, 100 шапок-ушанок и много белья. Всего в 1943 г. в Ярославской области было засеяно 1700 га подсобных участков, с которых было получено 870 т зерновых, 4529 т картофеля, 1560 т овощей, 2486 т капусты. В пользование детских домов колхозы передали 216 лошадей, 970 коров, 613 свиней, 1347 овец, 2258 домашних птиц[243].

Хорошая продовольственная база, созданная с участием местных колхозов и колхозников, позволила области оказать неотложную помощь наиболее больным и истощенным детям Ленинграда, а также Белоруссии и Карелии. В конце 1941 г. почти 60 тыс. из них были эвакуированы на Урал и в Сибирь. И здесь их ожидала всеобщая забота. 3 января 1942 г. «Омская правда» опубликовала обращение женщин-общественниц и колхозниц Нижне-Тавдинского района ко всем женщинам Омской области с призывом обеспечить материнский прием прибывающим детям: «Пусть ленинградские братья будут спокойны, пусть продолжают бороться с фашистской нечистью. В подарок за это мы сохраним нашим героям их детей, мы вырастим их детей в духе беззаветной преданности и любви к матери-Родине». Более 300 малышей и подростков разместили у себя нижнетавдинцы. Женщины ввели регулярное дежурство в интернатах, сшили для детей свыше 200 пар нового белья, собрали посуду, оборудовали баню, каток на реке, обеспечили врачебно-санитарное обслуживание. Здесь же для них выделили 108 голов скота, 14,5 т картофеля, 12,5 тыс. л молока, 100 кг масла и 3500 кг других продуктов.

Женщины Омской области усыновили в годы войны 735 детей[244]. Патриотическое движение по их устройству всемерно поддерживали и развивали партийные, советские и комсомольские организации. О женщинах, взявших на воспитание осиротевших детей, печатались очерки, рассказы, стихотворения. Нельзя без волнения читать стихотворение «Подумай о ребятах», опубликованное 8 января 1942 г. в «Омской правде»:

В разрушенных и обоженных хатах
Им не найти отцов и матерей...
Товарищ женщина! Подумай о ребятах,
Их лаской материнскою согрей.

Своей рукою, теплой и умелой,
Ты вырастить заботливо сумей
Украинцев, латвийцев и карелов –
Советских наших маленьких детей.

Пускай легко живется им на свете,
Пускай живут с твоими наравне,
Пускай им так же ярко солнце светит
В сибирской, непривычной стороне.

Пройдет война, и на полях сраженья
Колосья закачаются в цвету,
Страна тебе заплатит уваженьем
За мужество твое и теплоту!

Никогда прежде беспредельное тепло души нашего человека – будь то рабочий или крестьянин – не проявлялось столь многогранно и ощутимо. Почти одновременно с началом мобилизации на фронт среди населения развернулся сбор одежды и обуви. Государство располагало значительными запасами армейского обмундирования, но новые многомиллионные формирования потребовали широкого участия тружеников тыла в их пополнении, особенно теплыми зимними вещами. До сентября 1941 г. более активно сбор обмундирования шел в связи с обеспечением различных добровольных соединений – дивизий народного ополчения, коммунистических батальонов, истребительных и партизанских отрядов. Сотни тысяч добровольцев были полностью одеты и обуты за счет населения. Кроме того и таким же образом в ходе всеобщей мобилизации собирались для призывников рюкзаки, полотенца, нательное белье и другие вещи. Но все эти поступления в начале войны включались составной частью в общий сбор средств в фонд обороны и подарков для фронтовиков.

Но с приближением зимы и в связи с тем, что война принимала явно затяжной характер, патриотическая народная инициатива стала обретать более целенаправленный характер. «Поможем нашему государству быстрее одеть родную армию в теплое обмундирование!», «Сделаем все возможное, чтобы наши отцы, братья, мужья и сыновья не испытывали на фронте холод и мороз!» – такие призывы все чаще звучали на митингах и собраниях, появлялись в печати и раздавались на радио. Во многих районах страны стали неотложно приступать к массовому сбору и изготовлению теплых вещей.

3 сентября 1941 г. газета «Волжская коммуна» опубликовала письмо колхозниц сельхозартели им. Люберецкого завода Похвистневского района Куйбышевской области «Пошлем на фронт больше теплых вещей». Они обязались связать для бойцов и командиров действующей армии варежки, носки и организовать сбор шерсти для валенок. На следующий день почин поддержало бюро Куйбышевского обкома, принявшее специальное постановление [245]. Тогда же аналогичную инициативу проявили колхозницы сельхозартели им. В.И. Ленина Ашхабадского района Туркменской ССР. 5 сентября их обращение опубликовала газета «Советский Туркменистан». Почти одновременно с подобными начинаниями выступили рабочие, колхозники и трудящиеся нескольких областей.

5 сентября 1941 г. уже ЦК ВКП(б) постановлением «О сборе теплых вещей и белья среди населения для Красной Армии», идя навстречу многочисленным предложениям, обязал все организации воз-

главить этот сбор и обеспечить переработку поступавшего сырья[246]. Повсюду для практической работы в течение сентября были образованы комиссии, созданы приемные пункты, открыты мастерские по переработке и пошиву. Общее руководство возглавила Центральная комиссия под председательством члена Политбюро, секретаря ЦК партии А.А. Андреева.

Насколько огромные размеры приобрела эта помощь Красной Армии, свидетельствуют следующие результаты поступлений теплых вещей на 1 декабря 1941 г.: валенок – 1175 тыс. пар, полушубков, курток и шаровар ватных – 1800 тыс., шапок-ушанок – 1333 тыс., теплого белья, свитеров и фуфаек – 1429 тыс., шерстяных перчаток, варежек и меховых рукавиц – 2245 тыс. пар, шерстяных носков, чулок и портянок – 2298 тыс. пар, шерсти – 2767 тыс. кг, овчин – свыше 2 млн[247]. Из шерсти и овчин могло быть дополнительно изготовлено не менее 10 млн пар варежек или более 1 млн пар валенок и около 700 тыс. полушубков. Только за счет полученных от населения в 1941 г. теплых вещей можно было одеть и обуть около 2 из 3,4 млн бойцов, находившихся на 1 декабря 1941 г. в действующей армии[248]. Тем самым фронт получил необычайно большую и своевременную помощь, если учесть, что она в основном поступила до наступления сильных морозов.

В благородном движении по сбору теплых вещей участвовали все – рабочие, колхозники, интеллигенция – практически каждая семья. Горожане, которые имели меньше возможностей для сдачи теплых вещей, собирали скудные средства на их приобретение, организовывали специальные воскресники, сверхурочно работали в пошивочных мастерских. Куда большими возможностями, особенно для сбора такого сырья, как шерсть и овчины, располагала деревня. Понимая это, крестьянство делало все, что было в его силах. В сельских районах и многих колхозах срочно открывались мастерские по выделке овчин, производству валенок. В осенне-зимнее время до глубокой ночи женщины вязали для бойцов варежки, носки, шерстяные подшлемники. «Зимой с вечера до первых петухов шили мы для вас душегрейки. Соберемся, бывало, и судим, как больше дать фронту хлеба, одежды, обуви, чтобы вам было сытно и тепло. Мы не спали сутками, потому что знали: вы тоже не спите, добываете победу», – говорила на митинге перед воинами нашей армии в Берлине А.П. Хлюстина – мать Героя Петра Хлюстина – колхозница одного из коллективных хозяйств на Смоленщине[249].

С фронта шли тысячи благодарственных писем от бойцов и командиров. Вот как вспоминал заместитель командующего Центральным фронтом по тылу генерал Н.А. Антипенко: «С чувством глубокой благодарности нашему народу скажем, что фронт был одет и обут. Даже удивляться приходится иногда, откуда бралось столько обуви, особенно валенок, ватных телогреек, полушубков, шапок?

Ведь мы так много потеряли при отходе летом 1941 года! И все же суровую зиму того же года войска встретили вполне подготовленными. Наша многомиллионная армия за четыре года войны четыре раза была одета в зимнее и четыре раза в летнее обмундирование»[250].

Иначе выглядела в «зимнем» обмундировании фашистская армия. Нападая на СССР, захватчики надеялись покончить с ним до зимы. Когда же план «молниеносной войны» провалился и наступили морозы, враг оказался к ним почти не подготовленным. Ничего не дал и объявленный в декабре сбор теплых вещей в самой Германии. Лишь с помощью повальных обысков своего населения и принудительного сбора на оккупированной территории фашистам удалось заполучить некоторую часть теплой одежды. Даже под угрозой смерти советские люди отказывались подчиняться их приказам. За отказ сдавать зимнюю одежду фашисты, например, полностью сожгли д. Воробьево Лотошинского района Московской области.

Провал кампании по сбору теплых вещей как в Германии, так и среди оккупированного населения вынуждено было признать и немецкое командование. В приложении к приказу № 43761/4 оперативного отдела генерального штаба Германии, изданном в январе 1942 г., указывалось: «Так как помощи с родины ждать нельзя, то необходимо путем принудительного обложения населения захваченных областей любыми способами добывать теплую одежду. Прежде всего необходимо забирать: шерстяные и кожаные перчатки, пальто, жилеты и шарфы, ватные жилеты и брюки, кожаные и валяные сапоги, портянки»[251].

Одним из наиболее ярких проявлений патриотизма стало общенародное движение по сбору денежных средств на строительство боевой техники. Как и сбор теплых вещей, он начался в первые недели и месяцы войны и тоже в рамках всеобщего движения за создание фонда обороны. Стремясь помочь ликвидировать численное превосходство фашистской армии в танках и боевых самолетах, коллективы многих промышленных предприятий, колхозов, совхозов и учреждений стали добровольно вносить крупные денежные средства.

В числе первых были колхозники. Во время битвы под Москвой в ответ на призыв руководства «свести к нулю превосходство немцев в танках» рабочие завода им. С.М. Кирова в Оренбурге и колхозники Шарлыкского района Чкаловской области начали сбор денег на танковую колонну им. В.П. Чкалова. Почин получил широкую поддержку – в середине 1942 г. танковая колонна была построена, а в начале октября по инициативе колхозников Октябрьского района оренбуржцы начали сбор средств уже на вторую колонну[252].

Аналогичные начинания рабочих, колхозников, служащих, ученых и других групп населения имелись почти в каждой области, крае и республике страны. Всего в течение первого периода войны – с июня 1941 по ноябрь 1942 г. – на средства трудящихся строились или

были построены около 150 танковых колонн и эскадрилий боевых самолетов, а также большое число бронепоездов, торпедных катеров, артиллерийских батарей и другой техники[253].

Но более мощный размах сбор личных средств на строительство вооружения получил в конце 1942 – начале 1943 г. Это было связано с крупными успехами Красной Армии, прежде всего с сокрушительным разгромом немецко-фашистских войск под Сталинградом. Именно это радостное событие послужило набатным призывом, чтобы еще больше усилить помощь фронту. Почти одновременно и отовсюду поступали сообщения о действительно крупных сборах средств. Центральные и местные газеты едва успевали помещать информацию с непременными благодарственными телеграммами за подписью И. Сталина.

Еще в разгар битвы на Волге в Алтайском крае по инициативе колхозников Ельцовского района начался сбор денег на строительство танковой колонны «Алтайский колхозник», а в Воронежской области по почину тружеников Таловского района – на танковую колонну «Воронежский колхозник». В середине ноября Татарский обком одобрил сбор средств на танковую колонну «Колхозник Татарии». В первой половине декабря развернулись сборы на танковые и авиационные соединения в Московской, Ленинградской, Куйбышевской, Свердловской, Челябинской, Ивановской, Ярославской и других областях.

Важной вехой вошли в историю сообщения от 9 и 12 декабря 1942 г. о том, что в Тамбовской области на строительство танковой колонны «Тамбовский колхозник», а в Саратовской на одноименную эскадрилью боевых самолетов было собрано соответственно 40 млн и 33 млн руб. личных сбережений. Именно тамбовские и саратовские колхозники стали первыми, кому от имени Советских Вооруженных Сил выразил благодарность Верховный Главнокомандующий. В последующем, подчеркнем еще раз, такие благодарности телеграфировались в адрес всех коллективов и отдельных лиц, внесших крупные суммы, и публиковались в печати. Это еще выше поднимало волну гражданской гордости и народного патриотизма.

К середине января 1943 г. уже не было областей, краев и республик, крестьянство которых не внесло бы многомиллионные суммы на строительство боевой техники. Даже небольшие по численности населения регионы вносили по 20–30 млн руб. и более. Взносы колхозников Новосибирской, Горьковской, Челябинской, Куйбышевской областей, Татарской АССР, Туркменской ССР и ряда других составляли по 60–100 млн руб. В Казахстане на строительство танков и самолетов к февралю 1943 г. поступил 421 млн; колхозники Узбекистана внесли 300 млн; трудящиеся Грузии (к марту 1943 г.) – 272 млн руб.[254]. В январе–феврале в большинстве областей уже приступили к повторному сбору средств. Так, трудящиеся Тамбовской

области дополнительно к ранее собранным 40 млн руб. внесли еще 41 млн, Саратовской – помимо первых 33 собрали еще 100 млн руб. В Горьковской области взносы возросли с 60 млн до 103 млн[255], в Алтайском крае – с 50 млн до 100 млн руб.[256] и т.д.

Одновременно развернулось другое столь же массовое патриотическое движение, связанное с почином саратовского колхозника Ф.П. Головатого. 18 декабря 1942 г. газеты опубликовали письмо Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, выражавшего благодарность российскому патриоту, внесшему на строительство самолета 100 тыс. руб. личных сбережений. «Эти 100 тыс. руб. я получил за продажу продуктов, которые заработал в колхозе, – рассказывал Ферапонт Петрович. – В колхозе я пчеловод. Был членом правления. Всего у нас 27 пчелосемей. Собрал две тонны меда, по 5,5 пуда с семьи. У меня было 500 трудодней, получил по 20 г меда на трудодень, да премии-надбавки за перевыполнение плана получил 3 ц меда... Продал мед, немного хлеба, мяса»[257].

О поступке Ф.П. Головатого быстро узнали не только во всей стране, но и за рубежом. Вскоре на его имя пришло письмо шотландского врача из Эдинбурга, в котором говорилось, что за границей не верят, что у Головатого могут быть последователи. Но наше крестьянство разрешило эти сомнения. Только в Саратовской области уже к 15 января 1943 г. 44 человека внесли на строительство танков и самолетов от 100 тыс. до 300 тыс. руб. каждый. 120 тыс. руб. сдал 65-летний колхозник М.И. Морковин. Но самую крупную сумму – 300 тыс. руб. – внес бригадир тракторной бригады из Федоровского района В.И. Жигло. Были и коллективные взносы. Так, бригада знатного комбайнера страны И.Т. Фурманова, состоявшая из пяти человек, собрала на постройку боевой техники 500 тыс. руб.

Среди 44 крестьян – участников крупных взносов в Саратовской области 18 являлись механизаторами, 13 – колхозниками-стахановцами, 5 – пчеловодами, 2 – колхозными бригадирами, 1 – заведующим свинофермой [258]. Всего к апрелю 1943 г. в стране насчитывалось 274 сельских патриота, которые в общей сложности передали на приобретение вооружения 36,5 млн руб. – в среднем на каждого по 137 тыс.[259]. А в целом на строительство боевой техники от трудящихся страны менее чем за четыре месяца (с 9 декабря 1942 по 31 марта 1943 г.) поступило 7 млрд 41 млн 320 тыс. руб.[260]. Самый большой вклад принадлежал крестьянству. Сумма его взносов с декабря 1942 по начало 1944 г. составила 4 млрд руб.[261].

Уровень жертвенно-патриотических настроений в условиях начавшегося коренного перелома на фронтах войны оказался настолько высок, захватывающ и даже ажиотажен, что стал оборачиваться и некоей отрицательной стороной, когда невольно в эту своеобразную социальную «турбулентность» начали втягиваться и те категории населения, которым по их достатку это было вовсе противопо-

казано. Да и очевидная материальная неспособность абсолютного большинства людей к непостижимым для них рекордным взносам слишком очевидно и даже унизительно обнажила многим этот необычайный «свищ» социального неравенства, выбившийся как за пределы официальных политических позиций, так и общественных мнений и представлений.

Это уловило и само руководство, и в связи с тем, что уже через два месяца предстоял выпуск второго государственного займа обороны, СНК СССР обратился к населению страны с просьбой «не обременять» себя чрезмерными расходами и «прекратить с 7 апреля 1943 г. добровольные индивидуальные и коллективные взносы денежных средств в фонд Красной Армии» [262]. Но перерыв оказался недолгим. Со второй половины 1943 г., воодушевленный разгромом фашистов под Курском и другими победами, народ снова стал собирать средства на вооружение.

Все активнее к этому сбору подключалось население освобождаемых районов. Несмотря на разрушения и потери, труженики Днепропетровской области в первой половине 1944 г. внесли на танковую колонну «Звильненна Днепропетровщина» 100 млн руб., Сумской области (к началу 1944 г.) на танковую колонну «Колхозник Сумщины» – 60 млн руб. В то же время проходил сбор денежных средств на танковую колонну «Колхозник Николаевщины», авиаэскадрилью «Колхозник Донбасса» и ряда других соединений. Только с середины февраля по первую половину апреля 1944 г. трудящиеся Донецкой, Запорожской, Киевской, Кировоградской, Харьковской и Черниговской областей Украины собрали 284 млн руб.[263]. Крупные суммы поступали от населения Белоруссии, Молдавии, Карелии, республик Прибалтики.

Всего за годы Великой Отечественной войны в фонд обороны и на строительство боевой техники от советских граждан поступило около 24 млрд руб., в том числе 17350 млн наличными деньгами. Этих средств вполне было достаточно, чтобы построить свыше 2,5 тыс. боевых самолетов, несколько тысяч танков, 8 подводных лодок, 16 военных катеров и много другой техники[264]. Не менее половины взносов принадлежало крестьянству. В ведущих сельскохозяйственных районах страны эта доля была еще весомей. Так, в Сибири и на Дальнем Востоке она составила 70% всех собранных средств[265].

Еще более крупные суммы денег поступали от населения в виде подписки на военные займы и распространения билетов денежно-вещевых лотерей. Эти виды мобилизации средств, как и вовсе добровольные поступления, также проходили с осознанным патриотическим пониманием. За время войны все население страны дало взаймы государству более 100 млрд руб. и приобрело на 13 млрд руб. лотерейных билетов[266]. При этом сумма фактической подписки на займы на19 млрд превысила первоначальную сумму выпуска облигаций,

а среднегодовая подписка возросла до 25 млрд руб. против 10,8 млрд в 1941 г. Выпускная сумма займов покрывалась подпиской в невиданно короткие сроки – в течение одного-двух дней; вся подписка по каждому займу продолжалась не более 6–10 дней[267].

Заметно возросла как общая сумма, так и подписная доля сельского населения. За 1941–1945 гг. она составила более 30 млрд руб., а вместе с колхозами и промысловыми артелями – 35,7 млрд, что превысило треть всей суммы подписки за военные годы при пятой части в 1941 г. К 1944 г. подписка среди сельского населения по сравнению с 1941 г. возросла в 5 раз, а в городе вдвое. И только в 1945 г. к окончанию войны, когда реализовалось полное превосходство Советской Армии, сумма подписки на военный заем весьма заметно снизилась[268].

А в 1943 г. многие советские люди подписывались на 25, 50, 100, 200 тыс. руб. Почти в каждой области и крае имелись свои «стотысячники». В Южно-Казахстанской области, например, к июлю 1943 г. 17 колхозников подписались в общей сложности на 1 млн руб. Но самую крупную сумму внес председатель колхоза им. К. Маркса Пахта-Аральского района той же области К. Бердыбеков. В 1943 г. он подписался на 1036 тыс. руб., сразу внес их наличными, а облигации сдал в фонд обороны[269].

Как следует из приведенных выше данных, общая сумма взносов нашего народа в фонд обороны, на строительство боевой техники, подписки на военные займы и реализации билетов денежно-вещевой лотереи составила за время войны примерно 137 млрд руб.[270] В эту сумму не входят возросшие налоговые платежи, которые также значительно пополняли бюджет военных лет. Все это вместе с многочисленными вещевыми и продовольственными пожертвованиями населения было поистине уникальным вкладом в победу над врагом – на фронте и для фронта.

Активное, а то и несравнимое участие колхозного крестьянства в подписке на военные займы, равно как во многих других начинаниях в помощь фронту – убедительное свидетельство его осознанной воли и преданности Родине, единению в союзе с рабочим классом и интеллигенцией, беспредельной любви к подлинно народной армии.

Причем это была не какая-нибудь фанатичная верность своей стране и ее порядкам, тем более – не лакейская подданность устрашенных людей, якобы приученных к ментальной исполнительности и послушности. Кстати, и сами монахи-послушники воевали и трудились отменно. Тем более, что безропотная подчиненность – вовсе не черта нашего народа. Лауреат Нобелевской премии академик Ж.И. Алферов как-то на вопрос, какие черты вам нравятся в русском народе, ответил: «Наивность и безалаберность». Потом добавил: «Отсутствие практичности»[271].

То был не случайный экспромт великого ученого, повидавшего весь шар земной. Психология российской безалаберности, как и отсутствие мелочной практичности, у нас всегда были второй стороной великодушия и последующего размаха. Потому русский и «запрягал долго» – пока не содрогались сами основы его бытия, а главное, пока он сам не почувствовал это на себе – о прозрачных аналогиях говорить не станем. За своих родных, близких, друзей и соседей, за Землю и Пашню, словом, за Отечество, а потом и за себя русский не только рвал рубаху, но и свою грудь, отдавая на алтарь Родины сердце и душу.

И отдал (мы имеем в виду тех старых и вечно молодых русских)! Не из-за страха, хотя это чувство не столько подвластное, сколько спонтанное. Не по расчетливости и практичности, как пытаются некоторые ныне объяснить ту же добровольную массовость самодеятельной помощи крестьян фронту. Приведем и пример подобной историографии. «К осени 1942 г. у части крестьянства, – пишет М.Ю. Ласкарев, – скопилась необеспеченная товарами денежная масса, полученная от реализации сельхозпродуктов по резко возросшим рыночным ценам. *Выбирая из двух зол меньшее,* учитывая кризисную обстановку на фронте, *крестьяне посчитали целесообразным отдать свои деньги* на нужды фронта (выделено мной. – *В.А.*) [272].

Какие «два зла» взвешивали колхозники, осталось здесь, как говорится, за кадром. Но вот что касается одного дурного начала, которое якобы повлекло за собой доброе, тот же автор со ссылкой на «заслуживающее внимание точки зрения историка В. Черепанова», заключает, что «активность тамбовчан (как, впрочем, и саратовцев, также начавших сбор средств на танки и самолеты) могла быть вызвана провалом плана сдачи хлебопоставок государству с целью некоторой реабилитации руководства области» [273]. Странная логика: чем беднее область или колхозник, тем больше у них возникало позывов к неординарным патриотическим поступкам.

И в самом, казалось бы, деле. Саратовская область, о чем мы рассказывали выше, действительно в силу ряда причин, в которых мало было повинно ее руководство, в 1942–1943 гг. находилась в тяжком состоянии. План заготовок для нее оказался совсем неподъемным, как и для абсолютного большинства других регионов страны. Но вот «только с ноября 1942 г. по апрель 1943 г. она дала фронту 1420 самолетов. Причем ясно, что народная помощь фронту к этому времени опиралась не на довоенные сбережения, а на текущие заработки малообеспеченных семей, для которых сдача последних денег в фонд Красной Армии была своеобразным подвигом» (Там же. С. 35).

Примерно в таком же ключе говорится Ласкаревым и о подписке крестьян на займы, о приобретении ими денежно-вещевых лотерейных билетов и прочее. Автор вроде бы признает приоритет добровольности патриотических начинаний перед «командно-обязываю-

щим» началом, но в конечном счете все приводит в несовместимость. В одном случае мы читаем: «Анализ свидетельствует, что *инициатива* материально-финансовой помощи фронту *шла все-таки сверху*, поскольку населению предлагались уже готовые формы участия...» (с. 38). Во втором говорится уже о нечто другом: «Материальная и финансовая *помощь Красной Армии со стороны населения* началась с первых дней войны и *носила стихийный характер*... Партия не могла не заметить этот *порыв* и внести в него *организующий элемент*» (с. 33, выделено мной. – *В.А.*). Читатель, уверен, разберется, что здесь ближе к истине, но сам автор в порыве к «новому прочтению» патриотических дел народа явно запутался. К сожалению, не он один.

А вот фронтовики отлично понимали, кто и почему их добротно одевал, обувал и кормил. Из множества сохранившихся в архивах, опубликованных и находящихся в семейных святынях писем во все государственные, общественные и личные адреса, в которых они стремились, как могли, донести свои слова безыскусной благодарности, приведем выдержки лишь из одного. Оно принадлежит старшему сержанту В.А. Краснову, бывшему бригадиру колхоза им. Сталинской Конституции Чернухинского района Горьковской области, и было отправлено им в редакцию районной газеты «За большевистские колхозы» 24 ноября 1942 г.

«...И хотя уже настала наша русская зима, мы все одеты в теплом белье, ватных брюках, фуфайках, рукавицах, в теплых шерстяных портянках, в битых теплых валенках.

По швам одежды, по запаху пищи читаем мы заботу и труд наших жен и сестер. Вот почему у нас у каждого большое стремление к лучшему выполнению боевой задачи, к большему уничтожению ненавистных врагов.

Могу вас заверить, что и дальше никто не пожалеет сил для полнейшего разгрома немецких фашистских зверей. И скоро настанет час, когда мы снова заживем по-прежнему веселой, свободной, счастливой, зажиточной колхозной жизнью.

С боевым приветом всем землякам-колхозникам»[274].

Вот такие были крестьянская и общенародная «целесообразность» и великая «практичность» на фронте и в тылу!

Примечания

[1] Правда. 1989. 13 октября.
[2] Великий подвиг советского народа. М., 1975. С. 210.
[3] *Пастернак Б.* Доктор Живаго // Новый мир. 1988. № 4. С. 101.
[4] С.-Петербургские ведомости. 1995. 6 апр.
[5] *Петров В.Л.* Страна готовилась к отражению агрессии // Военно-исторический журнал. 1995. № 6. С. 7.

[6] *Анисков В.Т.* Война и судьбы российского крестьянства. Вологда–Ярославль, 1998. С. 127.
[7] Ист. архив. 1962. № 6. С. 27.
[8] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 212. Л. 10.
[9] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1976. С. 698.
[10] Там же.
[11] См. об этом: История СССР. 1978. № 3. С. 22.
[12] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны... С. 698.
[13] Очерки истории Московской организации КПСС, 1883–1965. М.,1966. С. 566; *Матьяс О.* Когда враг угрожал Москве. М., 1966. С. 11.
[14] Выстояли и победили: Документы и материалы. М., 1966. С. 33.
[15] Українська РСР у Великій Вітчизняній війні Радянського Союзу, 1941–1945. Київ, 1957. С. 101.
[16] Колхозный Дон. 1941. 31 июля; *Шушкин Н.Н.* Во имя победы: Организаторская работа партии в деревне в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1970. Ч. 1. С. 118–119.
[17] Трудящиеся Дона – фронту: Сб. документов. Ростов н/Д. 1965. С. 15–17; *Маркусенко И.С.* Дон в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д. 1977. С. 32.
[18] *Колесник А.Д.* Народное ополчение городов-героев. М., 1974. С. 349.
[19] Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1966. Т. 2. С. 401.
[20] *Колесник А.Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982. С. 173.
[21] Правда. 1966. 13 июля.
[22] *Буров А.В.* Твои герои, Ленинград. Л., 1970; *Долгов И.А.* Золотые Звезды калининцев. М., 1969; Герои Советского Союза – казахстанцы. Алма-Ата, 1968. Кн. 1, 2; *Шушкин Н.Н.* Во имя победы, Петрозаводск, 1974. Ч. 2. С. 286.
[23] См. об этом: История СССР. 1978. № 3. С. 22–23; Ярославцы в годы Великой Отечественной войны. Ярославль, 1960. С. 411–419.
[24] *Кузнецов И.И.* Социальные истоки массового героизма советских воинов в годы Великой Отечественной войны // Борьба партии за укрепление социально-политического единства советского общества: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1981. С. 22–23.
[25] Подсчитано по: *Лобода В.Ф.* Солдатская слава. М., 1963; *Он же.* Солдатская слава. М., 1967; *Андреев Г.И., Вакуров И.Д.* Солдатская слава. М., 1971. Кн. 3.
[26] За нашу Советскую Родину. Орджоникидзе, 1957. С. 157–160.
[27] Правда. 1967. 23 марта.
[28] *Кольчугин М.* Герои одного села. Тула, 1946.
[29] Боевая слава Алтая. Барнаул, 1970. С. 247, 395.
[30] *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 269–270.
[31] Боевая слава Алтая... С. 625.
[32] Двести огненных дней. М., 1968. С. 286, 291.
[33] Рязанская область к тридцатилетию Октября: Сб. ст. Рязань, 1947. С. 51.
[34] *Самсонов А.М.* Сталинградская битва. 3-е изд., доп. М., 1982. С. 520.
[35] Двести огненных дней. С. 313, 326–327; БСЭ. Т. 19. С. 184.
[36] Цит. по: *Вылцан М.А.* Вклад колхозного крестьянства в достижение победы в Сталинградской битве // Исторический подвиг Сталинграда. М., 1985. С. 281–282.
[37] Цит. по: Правда. 1944. 27 марта.
[38] История Эстонской ССР. Таллин, 1974. Т. 3. С. 658.
[39] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945: Сб. документов и материалов. Кишинев, 1975. Т. 1. С. 493.
[40] Известия. 1944. 28 марта.
[41] По подсчету Н.Н. Шушкина (Указ. соч. Ч. 2. С. 282).
[42] См. об этом: История СССР. 1966. № 4. С. 135–166.
[43] Двести огненных дней... С. 342–351.

[44] *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 283.
[45] См. об этом: Огонек. 1958. № 52. С. 12; Известия. 1968. 18 авг.; Навечно в сердце народном: К 30-летию победы над фашистской Германией. Минск, 1975. С. 25, 92.
[46] Правда. 1985. 13 февр.
[47] Боевая слава Алтая... С. 309–312.
[48] Там же. С. 438–440.
[49] *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 274–275.
[50] *Акулов М.Р., Анисков В.Т., Васильев Ю.А., Кузнецов И.И.* Подвиг земли богатырской. М., 1970. С. 343.
[51] Герои и подвиги. М., 1966. Кн. 4. С. 158–172.
[52] Там же. С. 199–201; Партийная организация Приморья в период Великой Отечественной войны, 1941–1945: Сб. документов и материалов. Владивосток, 1966. Т. 2. С. 245.
[53] См. об этом: Известия. 1965. 18 апр.; В большом наступлении. М., 1964. С. 210–211; Военно-ист. журн. 1963. № 4. С. 117.
[54] *Андреев Г.И., Вакуров И.Д.* Указ. соч. С. 67–68, 118–119.
[55] Там же. С. 73, 74, 170–171.
[56] От Вислы до Эльбы. Ярославль, 1963. С. 328–345.
[57] *Андреев Г.И., Вакуров И.Д.* Указ. соч. С. 79–80.
[58] Там же. С. 150–151.
[59] Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области. Горно-Алтайск, 1973. С. 399.
[60] Боевая слава Алтая... С. 417–418.
[61] См. об этом: Известия. 1967. 8 янв.
[62] *Животовская Н.П.* Женщины Киргизии – патриотки своей Родины. Фрунзе, 1968. С. 56.
[63] Наш Ленинский комсомол. М., 1971. С. 199.
[64] Героини войны: Очерки о женщинах – Героях Советского Союза. М., 1963. С. 395–401.
[65] Навечно в сердце народном. Минск, 1975. С. 435.
[66] Героини войны... С. 181–190; Навечно в сердце народном... С. 123, 303.
[67] Героини войны... С. 367–382.
[68] Там же.
[69] Там же. С. 87–95.
[70] Героини. Очерки о женщинах – Героях Советского Союза. М., 1969. Вып. 1. С. 226–235.
[71] Героини войны... С. 514–519.
[72] Там же. С. 321–327, 712–717.
[73] Правда. 1968. 22 июня; Сел. жизнь. 1969. 8 марта.
[74] Сов. Россия. 1966. 4 окт.; Правда. 1971. 14 июля; *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 289.
[75] Всемирно-историческая победа советского народа, 1941–1945. М., 1971. С. 306, 343; Годы великой битвы. М., 1958. С. 135.
[76] См.: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М.. 1957. Т. 2. С. 624–628.
[77] Ленинский сб. Т. XXXIX. С. 193.
[78] Сборник постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. М., 1943.
[79] СП СССР. 1941. № 17. Ст. 331.
[80] *Залкинд А.И., Мирошниченко Б.П.* Очерки развития народнохозяйственного планирования. М., 1980. С. 208.
[81] Вологодская область в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов. Вологда, 1971. С. 67, 249.

[82] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. Киев, 1980. Т. 1. С. 269.
[83] Хроника важнейших событий истории Коммунистической партии Белоруссии. Минск, 1980. Ч. 3. С. 20.
[84] Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1964. Т. 1. С. 40.
[85] Омская правда. 1941. 8 июля.
[86] Кубань в Великой Отечественной войне, 1941–1945: Сб. документов и материалов. Краснодар, 1965. С. 36.
[87] *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. Х. 2. С. 315.
[88] ЦДНИАК. Ф. 1. Оп. 35. Д. 9. Л. 3–7; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1526. Л. 6.
[89] *Анисков В.Т.* С полей колхозных на поля сражений. Ярославль, 1975. С. 60.
[90] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1892. Л. 5.
[91] ЦДНИНО. Ф. 4. Оп. 64. Д. 247. Л. 348.
[92] ЦДНИАК. Ф. 1. Оп. 35. Д. 9. Л. 23.
[93] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1888. Л. 50–51; Д. 1892. Л. 80, 270.
[94] Там же. Д. 1888. Л. 50–51.
[95] История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 146.
[96] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 51. Л. 266–268.
[97] История Сибири. Л., 1969. Т. 5. С. 117.
[98] История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 387.
[99] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 643. Л. 21–23.
[100] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны... С. 420; История социалистической экономики СССР... Т. 5. С. 387.
[101] *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд. М., 1970. С. 210.
[102] РГАЭ. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 1733. Л. 211–238; Ист. арх. 1962. № 6. С. 25.
[103] См. об этом: *Зеленин И.Е.* Совхозы СССР, 1941–1945. М., 1969. С. 90.
[104] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 206.
[105] *Зеленин И.Е.* Указ. соч. С. 89.
[106] Союз рабочего класса и крестьянства на современном этапе. М., 1962. С. 58; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 211.
[107] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 415. Л. 44.
[108] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 4. Л. 18–36; Д. 13. Л. 12–24; Д. 21. Л. 2–3; Д. 41. Л. 12–24.
[109] ЦДНИАК. Ф. 1. Оп. 23. Д. 56. Л. 88–89.
[110] ЦГА РФ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 167. Л. 6; *Анисков В. Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту, 1941–1945. Барнаул, 1966. С. 272.
[111] ЦГА РФ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 167. Л. 6.
[112] *Балакаев Т.Б.* Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны. Алма-Ата, 1971. С. 169, 176.
[113] Подсчитано по: Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбил. стат. ежегодник. М., 1977. С. 286; *Зеленин И.Е.* Указ. соч. С. 97.
[114] См. об этом: *Зеленин И.Е.* Указ. соч. С. 96; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 445.
[115] РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 1. Д. 1180 (2). Л. 283–284.
[116] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 220. Л. 40,45.
[117] Сост. и подсчитано по: *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 444.
[118] Ист. арх. 1962. № 6. С. 25.
[119] *Любимов А. В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 160.
[120] ЦГА Каз-на. Ф. 1137. Оп. 6. Д. 1294. Л. 180; *Балакаев Т.Б.* Указ. соч. С. 295.
[121] *Балакаев Т.Б.* Указ. соч. С. 297.
[122] ЦДНИСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 518. Л. 161–164.
[123] Правда. 1943. 9 янв.

[124] *Чернявский У.Г.* Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну, 1941–1945. М., 1964. С. 152.
[125] АМСХ СССР. Ф. 1. Оп. 484, св. 100б. Д. 12. Л. 1–5, 15–28.
[126] Алтайская правда. 1942. 6 окт.
[127] Труд. 1941. 27 июля; *Абшилава А.* Трудящиеся Очамчирского района Абхазской АССР в годы Великой Отечественной войны. Сухуми, 1960. С. 72; Правда. 1941. 2, 9 сент.
[128] *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 316.
[129] Тыл Советской Армии за 40 лет. М., 1958. С. 99.
[130] ЦДНИСО. Ф. 4. Оп. 65. Д. 486. Л. 4–34.
[131] *Балакаев Т.Б.* Указ. соч. С. 127–129.
[132] Правда Востока. 1944. 21 янв.
[133] ЦДНИСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 555. Л. 5.
[134] РЦХИДНИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 72. Л. 37.
[135] Сев. рабочий. 1943. 31 окт.
[136] Правда. 1943. 12 нояб.
[137] Братское содружество союзных республик в развитии народного хозяйства СССР. М., 1973. С. 294.
[138] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945. Киев, 1969. Т. 3. С. 65 (на укр. яз.).
[139] История Коммунистической партии Советского Союза, 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 472.
[140] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 201.
[141] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 86. Л. 68.
[142] РЦХИДНИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 1. Л. 224.
[143] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 184-а. Л. 176–178.
[144] Там же. Оп. 3. Д. 1330. Л. 131.
[145] Там же. Д. 965. Л. 75.
[146] Там же. Оп. 2. Д. 1045. Л. 38.
[147] Там же. Оп. 123. Д. 164. Л. 46.
[148] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 965. Л. 248.
[149] Там же. Ф. 17. Оп. 6. Д. 1369. Л. 89–90.
[150] ЦДНИНО. Ф. 4. Оп. 64. Д. 230. Л. 1–2.
[151] Цит. по диссерт. М.И. Рейхруда: Партийное руководство колхозной деревней в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области). Томск, 1962. С. 177.
[152] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 965. Л. 248.
[153] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 194. Л. 80.
[154] См.: *Анисков В.Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту, 1941–1945. Барнаул, 1966. С. 232–296 и др.
[155] Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне, ноябрь 1942–1943 гг. М., 1989. С. 116–178.
[156] *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 202.
[157] Там же. С. 203.
[158] Подробнее см.: *Иконникова И.П., Угроватов А.П.* Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 68–81.
[159] Там же. С. 72.
[160] Партийное строительство. 1943. № 12. С. 8–9.
[161] До этого Оргбюро и Секретариат заслушивали доклады секретарей партийных органов главным образом по отдельным вопросам их работы, например, руководства сельским хозяйством. Теперь же заслушивались комплексные отчеты, включая кадровые, внутрипартийные и другие аспекты деятельности.
[162] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 366.

[163] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 253. Л. 73.
[164] Там же. Оп. 2. Д. 1020. Л. 6–7.
[165] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1022. Л. 24.
[166] Там же. Д. 379. Л. 19, 22, 38, 39.
[167] Там же. Оп. 3. Д. 965.
[168] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1389. Л. 25.
[169] Там же. Оп. 2. Д. 732. Л. 131.
[170] См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 732. Л. 109.
[171] ЦДНИАК. Ф. 1. Оп. 87. Д. 58. Л. 14; ЦДНИНО. Ф. 4. Оп. 68. Д. 178. Л. 72–74; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 582. Л. 117; Д. 1045. Л. 37; Оп. 3. Д. 965. Л. 73; Восточно-Сибирская правда. 1943. 25 июля.
[172] Общий объем заготовок по всем секторам приводится в книге Н. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (М., 1948. С. 90). Он заметно расходится с соответствующим покаателем в книге «История социалистической экономики СССР» (М., 1978. Т. 5. С. 411) – 4312 млн пудов и в книге «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945» (Т. 6. С. 67, 69) – 4418 млн пудов. Нам представляется более точным показатель, приводимый Н. Вознесенским, так как он ближе согласуется с названным выше объемом колхозных хлебозаготовок. Этот показатель предпочли и авторы книги «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945» (с. 701). Размер заготовок в колхозах подсчитан по сведениям их годовых отчетов с учетом всех статей выходящей продукции. Впервые соответствующие извлечения из этих документов (бывш. АМСХ СССР), хотя и без суммарных расчетов, были опубликованы в книге Ю.В. Арутюняна (с. 444). В настоящее время годовые отчеты хранятся в РГАЭ (Ф. 7486. Оп. 4. Д. 643, 704, 822; и др.).
[173] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 89–90.
[174] *Stettinius E.R. Lend-Leas.* N. Y. 1944. P. 192.
[175] *Чернявский У.Г.* Указ. соч. С. 20.
[176] Всемирно-историческая победа советского народа, 1941–1945. М., 1971. С. 306–307.
[177] Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1977. С. 215.
[178] Известия. 1941. 6 авг.
[179] *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту. М., 1975. С. 142.
[180] *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 335.
[181] Марийскому комсомолу 40 лет. Йошкар-Ола, 1961. С. 97–98; *Новрузов Т.А.* Трудовые подвиги колхозного крестьянства Азербайджана в период Великой Отечественной войны, 1941–1945. Баку, 1963. С. 77; Очерки истории Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ, 1970. С. 396.
[182] Сборник статей аспирантов и соискателей. Алма-Ата, 1970. Вып. 4. С. 39.
[183] Правда. 1941. 2 ноября.
[184] Там же. 15 дек.; 1942. 7 янв.
[185] Там же.
[186] *Новрузов Т.А.* Указ. соч. С. 90; Из истории Иркутской области. Иркутск, 1966. С. 169.
[187] ЦГА РФ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 162. Л. 1, 17.
[188] Подсчитано по: *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. Ч. 1. С. 338.
[189] *Плиев Б.З.* Трудящиеся Юго-Осетии в период Великой Отечественной войны. Сталинири, 1957. С. 102; История Узбекской ССР. Ташкент. 1957. Т. 2. С. 381; *Джураев Т.* Коммунистическая партия Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Ташкент, 1964. С. 123.
[190] Правда. 1942. 22 апр.
[191] Там же. 1 июня.
[192] Там же. 25 апр.

[193] *Балакаев Т.Б.* Указ. соч. С. 185.
[194] *Аминова Р.Х.* Колхозное крестьянство Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Ташкент, 1979. С. 291.
[195] Известия. 1942. 15 мая; Правда. 1942. 18 мая; Очерки истории Вологодской организации КПСС. Вологда, 1969. С. 500.
[196] *Мехтиев Г. Г.* Деятельность Коммунистической партии Азербайджана в период Великой Отечественной войны, 1941–1945. Баку, 1967. С. 125.
[197] РЦХИДНИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 65. Л. 89.
[198] ЦДНИИАК. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.
[199] РЦХИДНИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 76. Л. 48; ЦДНХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 914. Л. 206.
[200] *Анисков В.Т.* С полей колхозных на поля сражений. С. 197–198.
[201] СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945: Крат. хроника. М., 1970. С. 409, 414, 415; *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 342; *Самсонов В.Д.* Советское крестьянство Киргизии в годы Великой Отечественной войны. Фрунзе, 1969. С. 112; Правда. 1942. 21, 29 мая; 7, 20, 28 июня.
[202] Сибиряки – фронту. Новосибирск, 1971. С. 264.
[203] *Стрельский В. И.* Сибирь в Великой Отечественной войне. Омск, 1943. С. 35; Очерки истории Краснодарской организации КПСС. Краснодар, 1966. С. 151; *Анисимов Н.* Советское крестьянство. М., 1945. С. 82.
[204] *Данилюк М.З.* Трудовой подвиг колхозного крестьянства Украины в годы Великой Отечественной войны // Вопр. истории. 1959. № 6. С. 19.
[205] *Кинзебулатов Х.Б.* Патриотический вклад колхозного крестьянства Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Из истории Башкирской АССР: Сб. ст. Уфа, 1959. С. 149.
[206] Правда. 1944. 4 нояб., 4 дек.
[207] Там же. 27 окт.
[208] Рабочий край. 1944. 2 дек.
[209] *Калинин М.И.* О коммунистическом воспитании. М., 1947. С. 235.
[210] *Овсянкин Е.И.* В годы суровых испытаний. Архангельск, 1965. С. 80.
[211] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 67. Л. 96.
[212] Большевик. 1943. 10 янв.
[213] *Анисимов Н.* Указ. соч. С. 82.
[214] *Ангелина П.Н.* Люди колхозных полей. М., 1948. С. 57.
[215] Правда. 1943. 2 дек.
[216] Ветераны колхозного строя. М., 1969. С. 78.
[217] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 156.
[218] *Мушкин С.Г.* Всенародная помощь раненым воинам в годы Великой Отечественной войны. Тбилиси, 1971. С. 64–66.
[219] Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза... Т. 3. С. 60 (на укр. яз.).
[220] Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы. Саратов, 1969. С. 124.
[221] Патриотический почин тамбовских колхозников в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Сб. документов. Тамбов, 1961. С. 153–154.
[222] Правда. 1944. 14 янв.
[223] *Григорович Д.Ф., Замлинский В.А., Немятый В.Н.* Коммунистическая партия Украины в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1980. С. 86.
[224] Правда. 1942. 3 марта; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 327.
[225] *Анисков В. Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту, 1941–1945. С. 338.
[226] *Аминова Р.Х.* Указ. соч. С. 292.
[227] Горьковская партийная организация в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Горький, 1975. С. 23.

[228] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 327.
[229] 13 минеров. Красноярск, 1944. С. 18–19.
[230] Там же. С. 44. В 1970 г. в связи с 25-летием Победы газета «Красноярский рабочий» опубликовала статью о дальнейшей истории патриотического поступка членов колхоза «Путь к социализму». См.: *Тарасенко К.* Быль о тринадцати минерах и пятистах колхозниках // Красноярский рабочий. 1970, 26 февр.
[231] *Аминова Р.Х.* Указ. соч. С. 304–305.
[232] Правда. 1945. 9 февр.
[233] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 3. Д. 642. Л. 25–26; Ф. 7486. Оп. 4. Д. 643. Л. 14–16; Д. 704. Л. 2; Д. 822. Л. 52–60.
[234] Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Крат. история. М., 1970. С. 196.
[235] *Синицын А.М.* Указ. соч. С. 307, 309.
[236] ЦГА РФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 129. Л. 9, 18; Д. 170. Л. 11.
[237] *Синицын А.М.* Указ. соч. С. 309.
[238] *Синицын А. М.* Указ. соч. С. 321; *Мирский М.* Спасенные жизни. М., 1971. С. 69.
[239] *Синицын А.М.* Указ. соч. С. 323.
[240] *Каримов И.А.* Партийная организация Узбекистана в борьбе за дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 // Тр. Ташк. с.-х. ин-та. 1957. Вып. 1. С. 37–38.
[241] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1423. Л. 110.
[242] *Синицын А.М.* Указ. соч. С. 310.
[243] *Анисков В.Т.* С полей колхозных на поля сражений. С. 189; ЦДНИЯО. Ф. 272. Оп. II-г. Д. 12. Л. 6–10.
[244] Омская правда. 1942. 4 июля; РЦХИДНИ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1423. Л. 110.
[245] Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. Куйбышев, 1966. С. 325.
[246] СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945. С. 78.
[247] Правда. 1941. 10 дек.; Большевик. 1941. № 24. С. 23–24.
[248] Подсчит. по данным, приведенным в кн.: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 272.
[249] *Падерин И.* На главном направлении. М., 1954. С. 132. Смоленский колозник Петр Хлюстин совершил бессмертный подвиг в районе Вислы. Обвязавшись гранатами, он бросился под вражеский танк и взорвался вместе с ним.
[250] *Антипенко Н.А.* На главном направлении: Воспоминания. М., 1967. С. 301–302.
[251] Правда. 1942. 25 янв.
[252] Чкаловская коммуна. 1942. 12 февр.; Подвиг оренбуржцев: Документы и материалы. Челябинск, 1969. С. 32–33.
[253] *Синицын А.М.* Указ. соч. С. 168.
[254] Правда. 1943. 11, 16, 20 янв., 16 мая; Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: Сб. документов и материалов. Т. 1. С. 16.
[255] Правда. 1943. 8, 16 янв.
[256] Алтай в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов и материалов. Барнаул, 1965. С. 310.
[257] *Ильин Б. И.* Патриотическое движение саратовского крестьянина в годы Великой Отечественной войны // Учен. зап. Сарат. обл. партшколы. 1948. Вып. 1. С. 112. Ф.П. Головатый (1890–1951) родился в Полтавской области. Участник революции и гражданской войны. Командовал эскадроном в 1-й Конной армии. В мае 1944 г. внес еще 100 тыс. руб. на второй самолет. С 1944 г. – член ВКП(б). Депутат Верховного Совета СССР II и III созывов. В 1946–1951 гг. Ф.П. Головатый – председатель передового в Саратовской области колхоза «Стахановец», который до недавнего времени носил его имя. В 1948 г. за высокий урожай пшеницы ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. Первый самолет

Головатого выставлен в Саратовском музее, второй – в Москве, в Доме авиации.

[258] *Ильин Б.И.* Указ. соч. С. 114.

[259] *Синицын А.М.* Указ. соч. С. 172.

[260] Правда. 1943. 5 апр.

[261] *Малышев И.* Колхозный строй и Отечественная война. – План. хоз-во, 1944. № 1. С. 53.

[262] Правда. 1943. 7 апр.

[263] Днепропетровская область в годы Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: Сб. документов и материалов. Днепропетовск, 1962. С. 13; Правда. 1944. 13, 24 марта; 13, 14 апр.; 15 июля.

[264] *Синицын А.М.* Указ. соч. С. 187.

[265] *Акулов М.Р., Анисков В.Т., Васильев Ю.А., Кузнецов И.И.,* Указ. соч. С. 255.

[266] *Плотников К.Н.* Указ. соч. С. 315; Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 436. Данная сумма включает подписку и на заем третьей пятилетки (выпуск четвертого года), которая оплачивалась в основном во второй половине 1941 г.

[267] История социалистической экономики СССР... Т. 5. С. 502.

[268] Подсчитано по: *Тамарченко М.Л.* Советские финансы в период Великой Отечественной войны. М., 1967. С. 82; *Синицын А.М.* Указ. соч. С. 199; *Плотников К.Н.* Указ. соч. С. 315–316.

[269] *Анисимов Н.* Указ. соч. С. 83.

[270] Подсчитано по выше приведенным данным и данным в книге А.М. Синицына «Всенародная помощь фронту» (с. 203).

[271] Завтра. 2001. № 16.

[272] Вторая мировая война: история и современность. Сб. статей. Вып. 1. СПб, 1999. С. 34, 35.

[273] Там же. С. 35.

[274] Забвению не подлежит: страницы нижегородской истории (1941–1945 гг.). Кн. 3. Н. Новгород, 1995. С. 115–116.

Глава IV

ПО ТУ СТОРОНУ ФРОНТА

ФАШИСТСКИЙ «АГРАРНЫЙ ПОРЯДОК» – ГЕНОЦИД

Максимально близко фашистская оккупация подошла к Москве и Ленинграду. Ожесточенные бои шли на улицах Воронежа и Сталинграда. На юге гитлеровцы рвались в Горный Кавказ, на севере под их началом финская армия захватили две трети советской Карелии. Немцы вышли к Поволжью с обоих флангов его правобережья, которое практически все превратилось в прифронтовую зону. Враг целиком оккупировал Украину, Белоруссию, Молдавию, республики Прибалтики. Он занял или вторгся на территорию более 20 областей, краев и АССР Российской Федерации.

Хотя географически оккупанты захватили менее 9% Советского Союза, здесь к началу войны проживало от 85 до 88 млн человек, или 45% населения страны. А если учесть, что в большинстве западных регионов две трети жителей размещалось в сельской местности и что в силу быстрого продвижения фашистских войск большинство крестьян оказалось за линией фронта, то, несомненно, что не менее 70% оккупированного населения составляли сельские жители, преимущественно крестьянство. Уже одно это во многом предопределяло тот социально-политический и психологический фон, на котором развертывались жизнь, сопротивление, борьба против фашистского режима, да и варварским образом внедрялся сам этот режим.

Что же касается его нацистского существа, то оно напрямую определялось всей идеологией и изуверской программой гитлеризма по захвату и германизации беспримерно огромных евразийских территорий планетарного масштаба на путях установления глобального фашистского порядка. Даже оголтелый антисоветизм, антикоммунизм, антиславянизм и тот же антисемитизм, которые по сей день заведомо односторонние историки и политологи пытаются с понятной целью выдать за неистовую направленность всех «фюреров» той Германии, по большому счету выступали кровавой ширмой для запада, формой и методами оголтелой мировой экспансии на востоке. Хотя, разумеется, и носили чудовищный самодавлеющий характер.

Мы не станем подробно останавливаться на оценках фашистских планов в войне против СССР – о них написано предостаточно, и ни-

какие потуги «здесь и сейчас» не в силах поколебать главного в исторической памяти. Тем не менее напомним их само исходное начало, позаимствованное из устремлений еще кайзеровской Германии. В 1924 г. в своей книге «Mein Kampf» Гитлер писал: «Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взор в первую очередь к России, а также к соседним с ней и зависимым от нее странам... Это громадное государство на Востоке созрело для гибели»[1].

В последующем по мере разработки конкретных планов нападения на СССР и уже в самом начале войны Гитлер и его главари во всех деталях и более открыто формулировали свои захватнические цели. Основная задача заключается в том, наставлял фюрер в первые недели нашествия, чтобы «расчленить огромный пирог для того, чтобы мы смогли, во-первых, овладеть им, во-вторых, управлять им и, в-третьих, эксплуатировать его»[2]. Как это следовало делать, поясняла, например, газета СС «Дас шварце кор»: «Наша задача заключается в том, чтобы германизировать Восток не в прежнем смысле этого слова. То есть не в том, чтобы побудить живущих там людей усвоить немецкий язык и немецкие законы, а в том, чтобы населить Восток людьми с подлинно немецкой, германской кровью»[3].

Предусматривалось в итоге истребить и частично выслать около 31 млн славян (по планам так называемого восточного министерства Германии 46–51 млн) и поселить на их землях немцев. Лишь 14–15 млн коренных жителей фашисты предполагали оставить на захваченной советской территории и с течением времени их тоже «онемечить» в названном выше порядке. Еще за год до войны Гитлер подписал «соображения» Гиммлера о том, что для немецких колонистов на Украине должно временно остаться не более 35%, а в Белоруссии – до 25% местного населения, тогда как остальные обрекались на вытеснение и истребление.

Актуально напомнить и более основательное «решение русского вопроса» в планах того же «восточного министерства», названного затем министерством по делам оккупированных территорий: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорее всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их... Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Оно не доставит много забот для германского руководства». Территории, населенные русскими, до завершения колонизации, намечалось (и было осуществлено) разделить на обособленные районы во главе с немецкими генерал-губернаторами.

То же «восточное министерство» предусматривало даже меры по сокращению «биологической силы» русского и других славянских

народов, вплоть до введения массовой насильственной стерилизации. «Для нас, немцев, – подчеркивалось в докладной записке министерства, во главе которого стоял один из главных военных преступников Розенберг, – важно ослабить русский народ до такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе»[4]. Подобным вниманием не были обойдены все другие народы, тем более оказавшиеся в зоне прямой гитлеровской оккупации, в том числе республик Кавказа и Прибалтики.

Уместно в связи с распадом СССР 90-х годов особо подчеркнуть, что во все нацистские директивные документы, включая самые официальные планы «Ост» и «Барбаросса», неизменно предусматривали задачи повсеместной ликвидации даже минимальной государственности на захваченных территориях. И когда, например, Альфред Розенберг, наиболее приближенный к Гитлеру классик фашистской глобализации, не более как из соображений тактической целесообразности рекомендовал фюреру временно несколько смягчить отношение к народам Украины, Латвии, Литвы, Эстонии, а также Кавказа, тот категорически отклонил подобное размягчение, подчеркнув при этом, что вермахт обладает достаточной силой, чтобы без помощи всяких националистов держать в повиновении покоренные народы. Хотя, как известно, на деле фашисты весьма активно прибегали к их услугам, но об этом ниже.

Разжиганием национальной розни, как и социальной демагогией, гитлеровцы ни в коей мере не пренебрегали в ходе всей войны. Но основным методом установления и реализации «нового порядка» они считали тотальный террор – без каких-либо физических и моральных ограничений. Тому же служили расовые бредни Гитлера и его сподручных, которые составляли «идеологический» фон безмерного кровавого насилия и грабежа. «Если я посылаю цвет германской нации в пекло войны, без малейшей жалости проливая драгоценную немецкую кровь, – впадая в дьявольскую патетику ораторствовал фюрер, – то, без сомнения, я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как черви».

Генералам вермахта, всем остальным носителям и исполнителям всеобщего геноцида было чему внимать и чем прикрываться, когда в итоге пришлось сесть на скамью исторического Нюрнбергского трибунала. Взять того же фельдмаршала Кейтеля, все годы войны возглавлявшего штаб верховного главнокомандования вооруженных сил Германии. Обреченный на виселицу как военный преступник, подписавший акт о безоговорочной капитуляции, он всю чудовищную вину – свою и ему подобных – пытался свалить на покончившего с собой Гитлера. На самом же деле уже в силу занимаемой высшей должности в вермахте Кейтель выступал главным носителем, толкователем и распорядителем фашистского режима.

Именно он 13 мая 1941 г. подписал директиву об особых полномочиях немецких войск по отношению к советскому населению. Она не только предусматривала, но и вменяла в обязанность солдатам, офицерам, оккупационным властям проведение тотальных насильственных мер и заранее снимала с них всякую ответственность за любые злодеяния: даже в тех случаях, когда эти действия носили явно преступный характер. Тем самым оккупанты получили своего рода «законное» право как можно больше убивать, насиловать, грабить[5].

Вся подлежавшая колонизации оккупированная территория была изначально расчленена на две основные зоны – прифронтовую, находившуюся под началом военного командования, и районы более отдаленного тыла немецких войск, которыми управляла так называемая гражданская администрация во главе с упоминавшимся рейхсминистерством восточных областей. Что же касается недавно присоединенных к СССР территорий, то они соответственно напрямую включались: Западная Белоруссия – в Восточную Пруссию, Западная Украина – в Польское генерал-губернаторство, земли между Днестром и Бугом – в Румынию, которая затем аннексировала и Северную Буковину, и Бессарабию.

Последующее расчленение предусматривало образование в захваченных районах СССР четырех рейхскомиссариатов, в том числе в Центральной России под названием Московия и на Кавказе. Но сформировать эти структуры немцы успели только на Украине под началом гаулейтера Э. Коха и в Осландии (так именовали гитлеровцы другие восточные районы) во главе с другим прямым наместником фюрера Г. Лозе. В рейхскомиссариат Украины с резиденцией в г. Ровно вошли часть территорий собственно УССР, южные районы Белоруссии и Крым. Осланддия с резиденцией в г. Риге включал в себя Эстонию, Латвию, Литву, северную часть БССР, занятые районы Ленинградской и Псковской областей.

Рейхскомиссариаты в свою очередь делились на генеральные комиссариаты или округа, во главе которых опять же находились прямые назначенцы Гитлера генеральные комиссары с теми же неограниченными правами. В итоге эти имперские и генеральные структуры вместе с нижестоящими подразделениями – подчас многослойными и с целевыми задачами грабежа и насилия – охватывали, а то и конкурировали между собой, все оккупированные районы вплоть до малых деревень и отдаленных хуторов. В рамках традиционных областей действовало окружное начальство во главе с обер-бургомистрами. Им подчинялись семь-восемь сельских районов, которые состояли из семи-восьми волостей. Тут уже бесчинствовали сельские бургомистры или сельские старосты, творившие произвол на уровне волостей, бывших колхозов, деревень. В их числе и под их началом подхалимствующе перед оккупантами, а потому с еще большим усердием свирепствовали всякого рода коллаборационисты.

На всех уровнях безжалостно действовали многочисленные сыскные полицейские и карательные отряды и органы – гестапо, СС, СД и другие структуры, творившие месть и раздор по поводу и без повода. Особой жестокостью выделялись четыре специальные карательные части (Einsatzgruppen) с литерным обозначением А, В, С. Д. В каждую из них входило по 500–800 насильников и убийц. Перед самой войной на специальном совещании командиров этих частей был оглашен и прокомментирован приказ начальника полиции и СС Гиммлера и начальника гестапо и СД (служба безопасности) Гейдриха, который гласил: «Оперативным группам дается особое поручение – ликвидировать на территории СССР всех коммунистов, коммунистических деятелей, евреев и других врагов Германии»[6].

Подчиняясь командованию групп армий «Север», «Центр» и «Юг«, находясь в их тыловых районах, эти головорезы истребили за несколько месяцев около 2 млн советских граждан, в том числе сотни тысяч детей. Именно они создали «форт смерти» № 9 под Каунасом, расстреляли 100 тыс. человек в Бабьем Яру под Киевом, потопили тысячи женщин и детей в Мозырских болотах, согнали вместе со всякого рода полицаями, старостами и предателями десятки тысяч военнопленных и мирных жителей в лагеря смерти, жгли огнем, травили газами с помощью жуткой памяти «душегубок», вешали, терзали собаками неповинных людей.

Только на территории Украины и Белоруссии действовало свыше 440 лагерей смерти. Их обреченных узников морили голодом и холодом, расстреливали, доводили до смерти непосильной работой, применяя к ним изуверские методы уничтожения. Всюду, как и «требовалось», особым гонениям подвергалось еврейское население. Из 6 млн евреев, уничтоженных фашистами за годы второй мировой войны, 1 млн 50 тыс. были жителями СССР. С той же методичностью, часто под одну команду «Жиды и коммунисты вперед!» нацисты расстреливали прямо на месте весь партийно-советский актив, армейских политработников, а заодно и служащих хозяйственного аппарата любого уровня. Лишь на территории оперативного тыла группы армий «Юг» тайная полевая полиция с октября 1941 по сентябрь 1942 г. расстреляла или бросила в тюрьмы и лагеря 35 тыс. партийных и советских активистов[7].

Все население было лишено элементарных прав, и даже малейшая жалоба могла стать поводом для самого жестокого наказания. Любой солдат, тем более офицер, полицай, староста и бургомистр мог по собственному усмотрению распоряжаться жизнью наших граждан, не говоря уже об их имуществе, продовольствии. Никто не мог покинуть село и другой населенный пункт без особого на то разрешения. Запрещалось также перемещение внутри самих селений в ночное время. В некоторых сельских местностях немецкие власти присваивали каждому жителю номер и обязывали носить на шее со-

ответствующую бирку. Список жильцов с их номерными знаками надлежало вывесить при входе в каждый дом. Тем самым, скажем, целые деревни и сельские районы заведомо превращались в полузакрытый лагерь, очень пригодный для поголовного учета, слежки и доноса.

Столь же массовой и излюбленной для оккупантов оказалась система заложничества и круговой поруки, ставшая, впрочем, одной из причин временного сохранения ими в деревне неких коллективных хозяйств. Приказом того же Кейтеля был, например, установлен устрашающий «эквивалент»: в случае покушения на жизнь одного немца подлежало уничтожение в особо жестокой форме от 50 до 100 мужчин и женщин из числа местного населения[8]. В том же ряду чудовищных злодеяний находились массовые экзекуции. В непокорившейся Белоруссии фашисты якобы в качестве кары за поддержку партизан сожгли 618 деревень, многие вместе с людьми.

Символом ужасающего террора стала деревня Хатынь Минской области, где в 1943 г. заживо сгорели 149 крестьян, среди них 76 детей[9]. Но Хатынь – лишь один из многих символов фашистских жертв. Под входящей в состав Хатынского мемориала стелой «Кладбище деревень» в 1969 г. были захоронены урны с землей 185 сел и деревень Белоруссии, уничтоженных захватчиками вместе с жителями и не возродившихся после войны. Рядом на столь же условном «Древе жизни» помещены названия еще 433 сел и деревень, также сожженных гитлеровцами вместе с их жителями, но возрожденных заново после войны[10].

На Псковщине аналогичный мемориал установлен в память деревни Краснуха и ее жителей, которых (около 280 чел.) в ноябре 1943 г. заживо сожгли каратели. Всего здесь захватчики расстреляли и замучили 20 тыс. человек, в основном сельское население. В Барановичской области и опять же вместе с населением была предана огню целая группа Докуровских деревень. Не в меньшей, а то и в большей мере свирепствовали нацисты там, где, казалось бы, многочисленные местные коллаборационисты, усердно исполнявшие свою предательскую роль, заслуживали снисхождения. В Литовской ССР подверглось разорению около 40 тыс. крестьянских хозяйств, причем и не коллективизированных. Много деревень пострадало от пожаров и взрывов, а в июне 1944 г. после повального грабежа была полностью уничтожена деревня Пирчупис: заживо сгорело 119 жителей, в том числе 69 детей[11].

Подобным злодеяниям несть числа. Любые местные и центральные исторические и документальные публикации, тем более официальные сообщения Чрезвычайной комиссии по расследованию фашистских преступлений и материалы Нюрнбергского процесса, переполнены содрагающими душу свидетельствами. Нет возможности перечислить их даже самую малую толику. Ограничимся лишь предель-

но сжатой подборкой территориального порядка с использованием специальных монографических исследований В.М. Гриднева, М.Л. Гутина, А.И. Залесского, В.Н. Земского, А.Ф. Юденкова и других.

Продолжая этот бесконечный мортиролог с севера на юг (хотя он не станет иным и при обратной последовательности), еще раз подчеркнем, что за редким исключением обобщающие сведения об уничтоженном фашистами оккупированном населении в большинстве своем приходились на сельских жителей, а среди них – в основном на женщин и детей. Начнем с Карельской ССР, которая, к тому же, имела еще одну уникальную особенность. В силу относительной стабильности Карельского фронта с декабря 1941 до лета 1944 г. из республики удалось эвакуировать абсолютное большинство населения, причем в соседние и глубокие тыловые регионы. Из предвоенных 500 тыс. человек к 1942 г. здесь оставалось на не оккупированной территории лишь 75 тыс. человек и около 60 тыс. на занятой врагом (свыше 100 тыс. ушли в армию).

И даже при том, что в большинстве приграничных с Финляндией районов чаще оставалось этнически финское население, оккупанты убили, уморили голодом, непосильной работой и т.п. более 14 тыс. жителей Карелии, или почти четвертую часть оставшихся за линией фронта. Соотносимо эти потери сравнимы лишь с теми, которые понесла в войне Белоруссия, потерявшая в целом каждого четвертого своего жителя. За время оккупации Ленинградской области гитлеровцы расстреляли свыше 6 тыс., повесили около 1 тыс. ни в чем неповинных людей. Всего в занятых ими районах здесь погибло более 35 тыс. человек, помимо 100 тыс. военнопленных. Арестам, побоям, надругательствам подверглись 16 тыс. мирных граждан.

В соседней Новгородской области от рук оккупантов погибло более 15 тыс. гражданского населения. Те же экзекуции испытали на себе 5787 человек. Соразмерны людские потери оккупированных районов Калининской области. Некая «специфика», если судить по имеющимся публикациям, просматривалась здесь, может быть, лишь в том, что на Верхней Волге захватчики свое изуверство часто акцентировали на внедрении режима массового голода. В деревнях местное крестьянство месяцами не видело хлеба. В Погорелом Городище с октября 1941 по август 1942 г. погибло и умерло от голода 1980 из 3010 жителей. В небольшой деревне Золотилово Погорельского района за время оккупации умерло голодной смертью 20 человек. В деревне Дмитрово за 11 месяцев господства захватчиков погибло от голода 27 крестьян. Тысячи жителей умерли по той же причине в Ржевском, Великолукском, Зубцовском и других районах. Фашисты оставили без крова 67 тыс. семей колхозников, или каждую четвертую[12].

В эпицентре военных событий Центрального направления оказалась, как во многих былых войнах, Смоленская область – побра-

тимый регион по крови, мужеству и горю с родной Беларусью. Со ссылкой на П.И. Курбатова В.М. Гриднев дважды в своих работах называет 426 тыс. смолян (число-то какое!), расстрелянных и замученных гитлеровцами[13]. В сравнении это выглядело так: ко времени освобождения в области оставалось менее 330 тыс. крестьянского населения и около 20 тыс. в самом Смоленске, вместо 170 тыс. в канун войны. То есть лишь в том случае, если мы к числу оставшихся в живых приплюсуем все 67 тыс. граждан Смоленщины, угнанных принудительно в Германию, то только в этом случае получим примерно равное соотношение живых и мертвых: 437 и 426 тыс. Как тут не вспомнить Фермопильскую эпитафию!

Не лучше вели себя оккупанты на Брянщине, в основном входившей тогда в Орловскую и частично в другие области на стыке РСФСР, Белоруссии и Украины. Хотя, казалось бы, имеющиеся ныне сведения о 80–90 тыс. убитых и замученных жителей этого славного партизанского края численно уступают уничтоженным на Смоленщине. В этом, несомненно, сказалась весьма ощутимая защищенность жителей Брянщины со стороны мощного партизанского движения, которое во многом сковывало и даже парализовывало гитлеровский произвол. И все же только в 15 районах этого огромного лесного края оккупанты расстреляли, замучили и сожгли 20 тыс. человек.

В то же время число убитых здесь мирных граждан было значительно больше, чем в ряде сопредельных регионов и соразмерно количеству жертв в таких, например, крупных оккупационных зонах, как Ростовская область и Краснодарский край, где партизанское движение было не столь повсеместным. На Дону оккупанты уничтожили 89 500 человек гражданского населения, на Кубани – 61 540. В Ставропольском крае число убитых и замученных составило 31 645 жителей. Даже в таких относительно небольших регионах, как Адыгейская автономная область, Кабардино-Балкарская и Северо-Осетинская АССР захватчики расстреляли, сожгли и замучили соответственно 4, 4,2 и 1,5 тыс. человек.

Всего по данным материалов Чрезвычайной государственной комиссии от рук фашистских варваров на оккупированной территории СССР погибло более 6 млн мирных граждан, не считая военнопленных, в том числе на Украине – 3 178 084, в Белоруссии – 1 360 034. Но эти данные, которые часто приводятся в литературе и которые называют также авторы «Великой Отечественной войны 1941–1945» в 4 книгах[14], явно неполные. К 55-летию Победы Главное организационно-мобилизационное управление Генерального штаба ВС России опубликовало более обоснованные к тому времени итоговые сведения по всем составным наших безвозвратных потерь, в том числе среди мирного населения. В общей сложности вторая мировая война унесла жизни около 26 млн граждан СССР, включая военнослужащих. Среди них более 13,6 млн составили наши мирные жите-

ли, против 4,8 млн погибших из числа мирного населения Германии и ее союзников.

Структура этих жертв такова: оккупанты целенаправленно истребили почти 7,4 млн мирных советских граждан, уморили голодом в оккупации около 4,1 млн и загубили на работах в Германии 2,2 млн человек [15]. Попутно к 13,6 млн уничтоженных женщин, стариков и детей приплюсуем еще более 1,2 млн преднамеренно убитых гитлеровцами или умерших от голода и пыток военнослужащих, и нам предстанут *без малого 15 млн совершенно невинных* даже с точки зрения чрезвычайных военных законов *варварски загубленных душ.*

Этому никогда не может быть прощения. Их пепел всегда должен жечь наши сердца. И если принять терминологию В. Астафьева, Б. Васильева и иже с ними, то вот оно то «мясо», с «помощью» которого непревзойденные по жестокости классики глобализма пытались превратить нас, как сказал Леонид Леонов, «даже не в безгласный человеко-скот, но в настоящий компост нацистского огорода». Впрочем, соперники появились, которые и без большой войны уже 10–13 лет уничтожают в год по 1 млн граждан России, не считая тех, кто вместе плечом к плечу шел к Победе.

Не перевелись и иные «выгораживатели» нацистских палачей. Со времен войны по сей день находятся еще такие «политические историки», которые не прочь злодеяния умышленных мракобесов смягчить излишней строптивостью их жертв: не сопротивлялись бы, повиновались, а не принимались бы за партизанскую борьбу. Приведенная выше дифференцированная статистика на крови вовсе не подтверждает подобную зависимость – скорее, наоборот. В этой связи мы особо акцентировали, например, наше внимание на Брянском партизанском крае. Подобное можно бы сказать и в отношении Ленинградской области, где мощная партизанская война также заметно сковывала маниакальные буйства фашистов.

Подобные измышления, однако, не так уж безвредны. Они очень близки к извечным проповедям о всеобщем повиновении и замирении, о непротивлении злу насилием и, если говорить на современный лад, об абсолютном неприятии гражданской войны со стороны ограбленного большинства против новоявленных тотальных разбойников. Между прочим, психология разбоя со стороны сильного всегда отличалась наглостью, самонадеянностью, хвастливостью, рассчитанными на демонстративное запугивание жертвы. Отсюда и известное безразличие (по крайней мере до поры) к тщательному «заметанию» следов сотворенного. Сперва ошарашить, парализовать волю, обзавестись «абсолютной крышей», а уж потом или попутно припорошить следы.

Бессчетны и потому системны такие, например, действа фашистских громил и людоедов, как убийства детей на глазах у родителей и наоборот, да еще самым изуверским, невероятным для человеческой

психики способом. Сжигание, закапывание и замораживание заживо. Лютое избиение и садистское членовредительство. Провоцирующие и омерзительно унижающие всякое достоинство человека акции, не говоря о прилюдном удовлетворении арийской похоти – всего не перечесть. Не хватит никакого даже заведомо адаптированного воображения и восприятия. Да и нормальный читатель, доведенный до грани нынешним телевидением, вряд ли еще найдет в себе дефицитную дозу иммунитета. Взаимно пощадим себя и мы.

Некоторые отечественные и зарубежные публикации содержат суждения о том, что якобы нацистский беспредел вызывал возмущение даже некоторой части немецких солдат и офицеров. Разумеется, во всем бывают исключения, и они естественны. Тем более если речь идет об относительно нормальной части немецкого населения, не до конца одурманенной фашизмом. Мы тоже могли бы привести подобные примеры. Но когда читаешь уже далеко не единичные, полные цинизма откровения гитлеровцев, например, в их письмах в Германию родным, близким, матерям, женам и невестам с хвастливым описанием и смакованием собственных бесчинств и мародерства, возникают и не покидают совсем иные чувства: насколько уродливым стало немецкое общественное сознание, чтобы очевидные преступления против человечности возвести в ранг национального «героизма».

Сплошь и рядом многочисленные рвы, целые котлованы и овраги использовались оккупантами как показательные «Бабьи Яры». Их рыть и закапывать они заставляли сами же жертвы и окрестное население. Потому подобные «захоронения», как правило, не представляли особой секретности – больше имелись в виду соображения устрашения, «высшей производительности» и собственной «санитарной» безопасности колонистов. «Цивилизованных» крематориев на территории СССР нацисты возвести не успели. Зато постарались оставить после себя самые разные фото- и кинокадры персональных и массовых экзекуций. Еще больше – соответствующих приказов на их проведение и донесений об исполнении, за которыми стояли реальные имена преступников. Чувство неотвратимого возмездия пришло позднее, тем более к самим фашистским бонзам.

Но понимание лидерами третьего рейха преступности своих плановых деяний, конечно, присутствовало с самого начала. Известно, например, что на второй день после вторжения в СССР Гитлер заявил Геббельсу: «Когда мы победим, никто не спросит с нас о наших методах. У нас так много грешков, что мы обязаны победить»[16]. И творили все дотоле неслыханное для достижения чудовищных целей. Потому и остервенело сражались до своего конца, не щадя «ценнейшей арийской крови», жизни тысяч юнцов из Гитлерюгенда да и собственных детей, как поступил тот же Геббельс. Знали людоеды, сколько загубили безвинных жертв, какие горы пепла нажгли из их тел. Поэтому пришлось выбирать между цианистым калием и веревкой.

ДЕПОРТАЦИЯ, КОЛОНИЗАЦИЯ, ИЗУВЕРСТВА

В одном ряду с массовыми насилиями находились планомерные депортации населения, в том числе крестьянства, на рабские работы в Германии. Тотальная убыль трудоспособных немцев на фронт вызвала настоящий кризис с рабочей силой в их экономике, особенно в промышленности. Потребовалось срочное перераспределение и восполнение трудовых ресурсов за счет незанятых женщин и престарелых. Но главный выход нацистское руководство видело в насильственном угоне советских людей из оккупированных районов, преимущественно из числа женской молодежи и подростков (трудоспособных мужчин, тем более в нашей деревне, почти не оставалось). Все делалось с небывалым размахом и в самых чудовищных формах.

В одном из документов обвинения на Нюрнбергском процессе говорилось: «С согласия фюрера и господина рейхсмаршала германской империи, а также руководителя партийной канцелярии генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы (всеми акциями по угону в «неметчину» в имперском масштабе руководило специальное управление во главе с нацистом Ф. Заукелем. – *В.А.*) назначил всех гаулейтеров германской империи своими уполномоченными»[17] в соответствующих оккупированных районах. Заработали отдельные приказы и инструкции, прямо обращенные к крестьянству, и обязывающие его «к выезду» на работу в Германию.

Эсэсовцы, полицейские, старосты, всякого рода доносители прочесывали все деревни и хутора, выявляли прятавшихся крестьян, тысячами сгоняя их на сборные пункты и железнодорожные станции. Использовались все иезуитские и садистские способы насилия, шантажа и обмана – не более как паллиативно известные современникам по кинофильмам и жанровой литературе. Опять же жестокие избиения, порки, другие физические экзекуции за укрывательства, отказы, попытки к бегству. В селе Чернооково Смоленской области за нежелание выехать в Германию каратели расстреляли около 50 подростков на виду близких и односельчан. Сгоняемых на погрузку заставляли иметь при себе сменную обувь, одежду, а также питание. В пути и при посадке в товарные вагоны их травили собаками, разобщали с родными, отнимали ценные вещи.

Не только целые деревни, но и многие сельские районы становились безлюдными от физического истребления и массового угона людей. По неполным данным, оккупанты вывезли в Германию из 30 районов Смоленской области почти 82 тыс. крестьян. До войны в Гжатском районе проживало 32 тыс. человек – после освобождения оставалось 7500[18]. Число насильственно угнанных с Брянщины составило более 150 тыс. человек – в среднем по 2–3 тыс. из каждого района, а из относительно людного до того Суземского района в немецкое рабство было отправлено 20 тыс., в основном сельских жителей[19]. С Новгородчины фашисты вывезли в «неметчину» свыше

166 тыс. человек, с Псковщины – 150 тыс., из Ленинградской области – более 250 тыс., из Краснодарского края – 32 тыс., из Ростовской области – 84 тыс., с территории Крыма – 85447 [20] и т.д.

В последние годы войны, когда возможности угона трудоспособного населения оказались исчерпаны, а оставшееся концентрировалось в партизанских отрядах и зонах, нацисты, по настоянию Гитлера и Гиммлера, все больше переключались на вывоз подростков 14–15 лет. В июле 1944 г. они приступили к реализации кодовой операции «Сено», согласно которой в неволю намечалось перебросить насильственным образом 40–50 тыс. детей этого возраста. Но в условиях мощных наступательных ударов Советской Армии только в зоне 9-й немецкой армии из группы «Центр» оккупантам удалось создать так называемую «детскую деревню» – одну из тех, которые они хотели организовать в качестве предварительных резерваций на всей занятой территории. Однако в дальнейшем захватчикам больше приходилось думать над тем, как вовремя унести собственные ноги.

Тем не менее всего в результате репатриации по-фашистски в Германию было угнано несколько миллионов наших мирных жителей: по данным В.М. Гриднева – более 4,1 млн, согласно немецкой статистике – свыше 4,2 млн (за 1942–1944 гг.), по материалам Нюрнбергского процесса – 4978 тыс., по уточненным данным Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий – 4829 тыс. и, наконец, по сведениям из книги М.И. Шумилова и М.М. Шумилова – не менее 5 млн советских граждан и только за 1943–1944 гг.[21]. Имеются и другие цифровые свидетельства, но все они, как правило, нарастают по мере приближения к современным подсчетам. В итоге вырисовывается еще одна жуткая цифра в пределах 5 млн советских граждан, так или иначе оказавшихся в немецкой неволе.

Не менее драматично и, пожалуй, еще трагичнее складывалась судьба мирных жителей, которые внешне вроде бы «добровольно» поменяли оккупационный режим на работу в Германии. Здесь тоже нет единых сведений, и вряд ли они возможны. Поэтому возьмем для некоего ориентира заявление упоминавшегося выше генерального уполномоченного по мобилизации иностранной рабочей силы для рейха Ф. Заукеля, приведенные им на Нюрнбергском процессе и вряд ли приуменьшенные: «Из пяти миллионов иностранных рабочих, прибывших в Германию, добровольно прибыли не более двухсот тысяч» [22]. На самом же деле таковых было, конечно, меньше, и потому нацистам хотелось побольше невольников выдать за добровольцев.

Оккупационный режим на советской территории был настолько жесток и беспределен, что для многих он оказался совершенно нестерпимым. Лишенные самых элементарных средств существования, а то и крова, голодные и униженные люди подчас согласны были податься хотя бы в «германский полон», чтобы до поры просто выжить. Гитлеровцы, в свою очередь, распространяли массированную

лживую пропаганду о том необычном материальном и денежном достатке, который ожидает каждого прибывающего в Deutschland. Их заработок будет-де настолько высок, что каждый может завести сберегательную книжку на будущее.

В подобное, разумеется, мало кому верилось, но и не мешало призрачным надеждам заведомо обреченных. Тем горше становился для них обман с первых же минут пребывания в товарных вагонах и на местах назначения. Всюду их обрекали на тяжелый и изнурительный труд. «Восточных рабочих» содержали в лагерях за колючей проволокой, перегоняли на место каторжных работ под конвоем, примитивно одевали и кормили впроголодь. Используемых на секретных объектах, как правило, поголовно уничтожали по их завершению. Да и остальных зачастую ожидала смерть от физического истощения и голода.

По данным Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, на работах в Германии погибло 2,2 млн человек, или 44% угнанных 5 млн мирных граждан СССР. По сведениям Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, возможно, также по политическим мотивам, это жуткое соотношение заметно улучшено: после окончания войны на Родину возвратилось 3582 тыс. депортированных, или менее 72%, т.е. погибло более 28%. Разница, конечно, весьма существенная, но вовсе не утешительная, тем более что в научном обороте по сей день отсутствуют сведения о вернувшихся инвалидами и безнадежно больными. Между тем именно эта категория репатриантов нуждалась в необходимой компенсации, которую лишь по минование около 60 лет со времени фашистской депортации изъявило согласие выплатить демократическое руководство объединенной ныне Германии.

В пятой главе нашей книги мы подробно расскажем о чудовищных масштабах грабежа и разрушений, которые учинили оккупанты на нашей земле. Здесь же уместно особо обратить внимание на их изначальную заданность, которая заранее предусматривалась нацистами в духе тотального разбоя и мародерства на селе. Если в промышленности по всем их планам и действиям на первом месте в качестве захвата стояла нефтяная и топливная продукция, то в сельском хозяйстве – максимальный вывоз зерна и другого продовольствия, совершенно не считаясь даже с минимальными потребностями оставшегося сельского населения, не говоря уже о городском. Всюду действовал режим низводящего выживания, провоцирования повального голода.

Гитлеровцы не делали из этого никакого секрета ни при победоносных продвижениях на восток, ни при их массовом изгнании на запад. В первом случае ими овладевала безудержная эйфория, во втором – озлобленная обреченность. Летом 1942 г., когда немцы захватили основные аграрные районы европейской части СССР, главный

идеолог фашистского рейха Й. Геббельс открыто заявил: «Эта война ведется не ради «трона и алтаря», не за идеалы, а «за зерно и хлеб», за хорошо накрытый к завтраку, обеду и ужину стол, за создание материальных предпосылок для решения социальных вопросов.. идет война за сырье»[23].

Главное сельскохозяйственное управление экономического штаба «Восток» (было и такое) выполняло двуединую задачу: максимальный вывоз продовольствия из России и создание условий для вымирания ее населения. «Если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то, несомненно, десятки миллионов людей будут обречены на голод»[24] – назидательно говорилось на совещании в штабе «Восток». «Не проявляйте ненужного сострадания, не пытайтесь подходить к определению жизненного уровня русских по немецким стандартам», – поучал своих подчиненных стат-секретарь министерства продовольствия Х. Бакке. Он требовал постоянно иметь в виду «конечную государственную цель», согласно которой восточные земли будут «принадлежать Германии на долгие времена, в течение столетий»[25].

В числе главных задач сельскохозяйственного управления экономического штаба «Восток» была отработка на практике одного из аграрных направлений по перспективному освоению лучших оккупированных земель. Этот вариант предусматривал переселение части немецких крестьян и ремесленников в специальные военизированные поселения, оборудованные по передовой агротехнологии. Вокруг этих поселений планировалось разместить резервации славянских «гелотов» (рабов), которые военно-принудительно должны были работать на своих господ. За время оккупации Украины гестаповцы успели создать два таких спецпоселения – Хегевальд в районе Винницы и Ферстенштадт вблизи Коростеня. Они рассматривались как показательные центры германизации российских земель.

Но прежде чем развернуть масштабную реализацию колонизаторских планов на столетнюю перспективу, требовалась окончательная победа, вера в которую после разгрома под Москвой, тем более под Сталинградом, заметно покачнулась. Нацистским заправилам хватило ума не довольствоваться одними варварскими набегами на деревню, а в меру собственной тактической целесообразности позаботиться о сохранении хотя бы некоего сельскохозяйственного производства в условиях затяжного характера войны. Появилось и подобие «осмотрительности» в отношении к сложившимся или давно бытовавшим местным формам крестьянского бытия, трудовых традиций, их мобилизационно-реквизиционных возможностей.

Поэтому неслучайно после повального грабежа и вывоза колхозно-совхозной продукции в борьбе за «блицкриг« летом, осенью и зимой 1941 г. на основе тех же тотальных исходных «рекомендаций» фашистских бонз последовала целая серия дополнительных дирек-

тив, инструкций, корректирующих указаний 1942–1943 гг., и о них мы подробнее расскажем ниже. Но уже к осени первого года войны, столкнувшись с явным неприятием советским крестьянством «нового порядка» и его приверженностью к коллективным формам хозяйства, оккупанты отказались от повсеместной ликвидации колхозов, как они поступили в Прибалтике, западных районах Белоруссии, Украины и Молдавии.

Там коллективизация была проведена лишь в основном и перед самой войной, да еще с немалыми перегибами. В силу этого и по другим причинам одноактный роспуск колхозов здесь не вызвал заметного противодействия, а массовый наплыв немецких, польских и румынских колонистов, которых наделили на правах собственности крупными массивами земель, сопровождался даже внешней терпимостью. Тем более, что реставрация недавних порядков сопровождалась грабежом общественного имущества, уничтожением колхозно-советского актива, насаждением местных крупных имений и землевладений. Это, разумеется, порождало прислужничество, коллаборационизм, относительную лояльность к Германии в целом – хотя бы временно.

Иначе складывалась обстановка на основной оккупированной территории СССР, где уже не только было создано, но и укрепилось коллективное сельское хозяйство. Поэтому даже в начале войны гитлеровцы предпочитали маскировать свое принципиальное намерение упразднить колхозный строй. Они стремились использовать в своих интересах и очевидные коллективистские настроения нашего крестьянства, и саму колхозно-совхозную форму – в целях максимального изъятия сельскохозяйственной продукции (по крайней мере до уборки урожая 1941 г.). Весьма определенно по этому поводу было сказано в одном из директивных документов, проходившем по ведомству Геринга (тогда официального преемника Гитлера), датированном 14 августа: «Не может быть и речи о том, чтобы в будущем сохранить коллективную систему землепользования в форме колхозов. Однако время для преобразования еще не подошло. Опасно предпринимать сейчас изменения организации сельскохозяйственного производства и поставок».

Не призывались оккупационные власти к немедленной реализации и такого программного мероприятия, как раздел колхозной земли в собственность частника. «Сначала крестьяне должны доказать, каковы они в работе, затем только можно помогать им получать собственность»[26]. Но при этом условии, в сущности, речь могла идти не столько о реальной частной собственности местных крестьян на землю, сколько о временной и относительной субаренде.

Это диктовалось самими изначальными оккупационными директивами. Находившаяся в широком пользовании «Памятка для ведения хозяйства в завоеванных восточных районах», изданная верхов-

ным германским командованием, прямо указывала: «Завоеванные восточные области являются германской хозяйственной территорией. Земли, весь живой и мертвый инвентарь... являются собственностью германского государства»[27]. Подобными и еще более наглыми претензиями пестрели исполнительные приказы прямого военного действия. «Колхозная земля, колхозное имущество переходят в собственность германской армии» – говорилось в одном из них. «В течение 48 часов после опубликования настоящего приказа все бывшее колхозное имущество, находящееся у селян, должно быть сдано соответствующим управляющим. За невыполнение – расстрел»[28] – извещалось в другом.

Таким образом, в большинстве занятых районов Украины, Белоруссии, Центра и Юга России оккупанты сохранили все внешние атрибуты колхозного устройства. В ряде случаев какое-то время оставались прежние председатели таких колхозов, бригадиры, не были официально распущены правления, звенья и т.п. Выполняли прежние функции животноводы и даже материальноответственные назначенцы. Но все это, с учетом сказанного выше, в корне меняло жизнь и быт деревни. Сохранившийся или замененный «аппарат управления» полностью поступал в распоряжение оккупационного начальства и его управляющих. Не стало никаких колхозных демократических начал – собраний, выборности, отчетности. Коллективный труд превратился в групповое принудительное рабство. Все произведенное, за мизерным исключением, поступало в распоряжение всякого рода «хозяйственных команд», «сельскохозяйственных офицеров», «бургомистров», шло на прокорм немецкой армии и отправлялось в Vaterland.

Поставленный на организованную основу безудержный грабеж почти одновременно вызвал скрытое и прямое противодействие нашего крестьянства, а вслед за этим и некую обеспокоенность оккупантов. 12 февраля 1942 г. министр восточных областей Розенберг подписал более синтезированный закон под названием «Новый аграрный порядок». Вместо прежних разрозненных памяток, инструкций, приказов он распространялся на все оккупированные районы СССР, в которых до войны действовала колхозная система. В полном соответствии с новым законом в марте того же года известный палач белорусского народа В. Кубе опубликовал «Пояснение к новому порядку землепользования» в Белоруссии, а в середине апреля последовал аналогичный документ Чрезвычайной комиссии по упорядочению земельного вопроса на Украине[29].

«Новый аграрный порядок», как и все производные от него региональные «положения о земле», включая оккупированные области России, характеризовались беспримерным цинизмом и социальной демагогией. С одной стороны, была полностью отброшена еще недавно употребляемая нацистами коллективистская терминология.

С другой, почти все формализованные «нововведения» преподносились уже под видом бывшего общинного землепользования в России начала XX века. Вместо слов о «колхозной системе» в словесный оборот были запущены рассуждения об «общинном хозяйстве», председателя колхоза заменили «руководителем хозяйства», бригады и звенья – «кружками труда», трудодни переименовали в «дни труда» и т.п. Что действительно аграрии из нацистского ведомства Розенберга позаимствовали из опыта российской общины, так это ее кабальный принцип круговой поруки – как в принудительном выполнении работ, так и в налоговых обязательствах.

«Новый аграрный порядок» уже напрямую отменял не только колхозы, совхозы и Устав сельскохозяйственной артели. Возведя в принцип одиозную круговую поруку, с помощью которой нацисты в виде разновидности системы кровавого заложничества пытались подавить партизанское движение, они растоптали не только видимость колхозной демократии, но и выплеснули традиционные остатки демократизма вековой крестьянской общины. «Общественным хозяйством управляет его руководитель, – говорилось в положении «Об упорядочении земельного вопроса на Украине». – Его назначает и отзывает германский районный руководитель сельского хозяйства (крайсляндвирт)... Он устанавливает людей для присмотра, например, заведующего хозяйством, складами, зав. фермами, полеводов и устанавливает их обязанности и права».

Вся полученная «общественным хозяйством» продукция шла на погашение «хозяйственных долгов, восполнение семенного фонда, выполнение государственных (для Германии. – *В.А.*) поставок, денежных долгов МТС (они теперь назывались «сельскохозяйственными пунктами». – *В.А.*), расходов на содержание управления (всякого рода старост, полицаев, надсмотрщиков. – *В.А.*), на внесение налогов и т.д.». Не забыли и прежние колхозные долги, которые также должны были быть погашены в пользу, разумеется, немецкого рейха. Выдача крестьянам на «дни труда» могла осуществляться (в основном зерном) только с одного поля, которое не могло превышать 12% всей пахотной площади «общественного хозяйства». И опять-таки лишь после того, как оказывались выполненными все поставки «общественного» и приусадебного хозяйства.

Каждый пункт фашистских «уложений» о земле допускал безмерный произвол как в организации подневольного труда, так и в получении мизерной продукции для выживания. Все отдавалось на откуп «руководителя хозяйства», – Kreislandwirt'а и стоявших за ним распорядителей – продолжительность рабочего времени, меры принуждения и наказания, объемы работ и размеры их оплаты, условия пользования приусадебным участком и даже крепостнический распорядок остальной жизни деревни. Словом, все умышленно делалось таким образом, чтобы в любом случае и всегда крестьяне неизбежно

оставались недоимщиками, неплательщиками, нарушителями режимных распоряжений и т.п. А потому основными методами их наказания становились непристанные реквизиции, повальные обыски и открытые грабежи на уровне мародерства, а в случае малейшего противодействия и недовольства – самые невероятные по садизму карательные акции.

По своей жестокости и изуверству эти жуткие акции нацистов против сельского населения 1942–1943 гг. превосходили даже их зверства в условиях массовых наступательных операций фашистских войск. Они вылились в настоящую охоту на наше крестьянство с использованием авиации, танков, артиллерии, огнеметов, ядовитых газов и пр. Кинооператор партизанской бригады Ковпака М. Глидер оказался невольным свидетелем трагедии одной из многих белорусских сел Полесской области. «В 14 часов немецкие самолеты появились над Аревичами, – вспоминал он. – Они застали крестьян врасплох. Фугасные и зажигательные бомбы полетели на село... День был жаркий, дома, заборы, деревья вспыхивали, как спички. С бугра открывалось страшное зрелище: горели дома, в домах горели люди. Бомбы рвались одна за другой. Люди бежали по улицам, забыв обо всем, лишь бы уйти от смерти. Немцы начали обстреливать бегущих из пулеметов. Уже через десять минут после начала налета по некоторым улицам нельзя было пройти: пламя, возникшее на каждой стороне, соединилось. Я заснял эту страшную картину, хотя руки у меня дрожали»[30].

Спасаясь от воздушных налетов и наземных атак, крестьяне сооружали тайники, жилища-времянки. Но оккупанты сбрасывали термитные бомбы даже на эти шалаши и сколоченные из обгоревших бревен укрытия. Более надежной защитой служили леса и другие труднодоступные для карателей места – овраги, болота, топи. Только в Белоруссии насчитывалось свыше 1 млн человек, преимущественно из крестьян, которые уходили в леса целыми деревнями на несколько месяцев и даже лет, вливаясь в партизанское движение и создавая свободные от оккупации зоны [31]. Таким же образом поступали многие крестьяне Калининской, Ленинградской, Орловской, Смоленской областей, Крыма, Латвии. Во временных лесных жилищах осенью 1942 г. проживало, например, абсолютное большинство Суземского и Трубчевского районов Брянщины.

Но не всем и не всюду удавалось скрыться от карателей. На Черниговщине Украинской ССР будут вечно помнить о кровавых преступлениях оккупантов во время карательной операции, которую они учинили 11–12 марта 1943 г. над селом Козары*. Фашисты дотла

---

* С сожалением приходится констатировать, что даже в таком специальном издании, как «Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия», отсутствуют упоминания о трагедии сел Козары, Аревичи и многих других.

сожгли все его 870 дворов, колхозные постройки, две школы, клуб, магазин, почту. Они сожгли, замучили и расстреляли в селе 4269 жителей, в том числе женщин, стариков и детей, включая грудных. Лишь немногим удалось избежать гибели. Всего в Черниговской области за два года оккупации нацисты полностью уничтожили 23 населенных пункта. В апреле 1943 г. такая же участь постигла село Кодра Киевской области: каратели сожгли все 640 дворов, хозяйственные и иные постройки, буквально растерзали 1113 жителей – от младенцев до стариков[32].

Массовое изуверство всюду сопровождалось так называемым «частным» садизмом, далеким от нормальной человеческой психики и возведенным в ранг общеармейской нацистской престижности. Никакое воображение не в состоянии, тем более ныне, представить себе все то «цивилизованное» варварство, на которое оказались способны представители «высшей» расы. Приведем лишь один конкретно-собирательный пример, ибо пытаться хотя бы в самом приблизительном виде обрисовать ту кровавую вакханалию, которую везде учиняли гитлеровцы, значит, этот пример, как минимум, следует наложить на все без исключения оккупированные районы СССР и тем самым понять очевидную «бедность» наших представлений об изуверстве нацистских «сверхчеловеков».

Речь идет о типичных – но далеко не всех – избирательных фактах вандализма нацистских «сверхчеловеков», совершенных в Демяновском районе Новгородской области [33]. В деревне Талагино крестьянина И.А. Миронова расстреляли за отказ чистить туалет немецкому офицеру. 70-летний старик из д. Добросли был расстрелян за то, что он раньше 6 часов утра вышел на речку ловить рыбу. В феврале 1943 г. фашисты убили 8-летнюю Надю Захарову – она подняла с земли коробку из-под папирос: застрелили из пистолета в лицо. Осенью 1942 г. комендант д. Пасека арестовал за неповиновение 60-летнего А.Ф. Федорова, привязал веревкой к седлу и галопом запустил лошадь по деревне. За околицей застрелил колхозника.

В норму возвели оккупанты показательные насилия и убийства. В этой связи – опять-таки лишь один пример. Тем более что он касается фашистских бесчинств в одном из специфических национальных районов Кавказа, где, как нередко можно прочитать в современных публикациях, немцы осуществляли-де куда более щадящую политику. В с. Верхний Курп Терского района Кабардино-Балкарской АССР солдаты вермахта на глазах матерей насиловали девушек-кабардинок, а матерей, пытавшихся спасти своих дочерей, избивали прикладами. В с. Аргудан Лескенского района немецкий офицер приказал колхознице Машуковой за несколько минут приготовить ему завтрак. Женщина, как и искал повод нацист, не смогла и не могла уложиться в срок. Офицер бросил в нее гранату – убил колхозницу и ее малолетнего сына[34].

И не надо массовое изуверство выдавать ныне за патологическое исключение – излюбленный метод обеляющих фашизм и выискивающих его в российской истории. Патология, конечно, была да еще какая – на самом высоком уровне глобальных установок нацистских бонз, воплощенных ими в немецкий национальный психоз. Убивай, уничтожай, выкорчевывай – освобождай себе место под восточным солнцем, готовься к мировому господству над всеми недочеловеками. Это была самая эгоцентрическая, не терпевшая потери темпа варварская политика, дьявольским способом и беспрецедентно ворвавшаяся в многовековую человеческую историю. Женщины и дети целенаправленно уничтожались как основа возрождения чуждых народов, старшее поколение – как носитель их исторической памяти, образа жизни и мысли.

Нацистский глобализм выступил в лице целого блока агрессивных и сателлитных государств во главе с Германией – в том заключалась смертельная опасность человечеству. Но на его пути оказалась еще более мощная антигитлеровская коалиция великих держав во главе с Советским Союзом, ставшая не менее мощной опорой межгосударственного антиглобализма. В этом заключалось счастье народов. Но история бывает изменчива – может повториться, сказал один из мудрейших, не только в виде фарса, но и трагедии. Тем более когда мир пусть временно, но утратил свою биполярность, когда современная опасность неоглобализма исходит из единого суперцентра, выступающего за господство «элитного» человеческого миллиарда. Когда организованный антиглобализм находится лишь в стадии политического и организационного становления, не имеющего за собой надежной державности.

За принципиальной антиномией видно и очевидное прямое сходство. Прежде всего, в непомерной торопливости тех и нынешних, внутренних и внешних глобалистов, в их беспардонности, жестокости, коварности, склонности к авантюрам и в паническом страхе, прикрываемом демонстративной самонадеянностью. В прежней и неоглобалистской нетерпимости нет ничего общего с так называемой большевистско-сталинской торопливостью 20–30-х годов минувшего века, в чем не прочь ныне словоохотливо порассуждать современные либералы и опозорившиеся «демократы». Не забывая при этом упрекнуть того же Сталина за «недостаточную» или «плохую» подготовленность СССР к отпору фашистскому нашествию, а Гитлера – банально повинить в чрезмерной жестокости оккупантов, обернувшейся-де против них самих. Как будто массовый геноцид других народов не был заложен в планах фюрера.

«Обыкновенный» фашизм – это петля для людей, сплетенная из демагогии и цинизма. Так что легкомысленно было бы в историко-психологических оценках социального разбоя оккупантов отказывать им в присутствии политических манипуляций и профессиональ-

ной пропагандистской изворотливости. Достаточно вспомнить несравненное идеологическое жонглерство Й. Геббельса, с легкостью необыкновенной преподносившего чудовищную ложь в виде «большой» правды (его с полным основанием можно считать выдающимся классиком фальсификации истории фашизма вообще, Второй мировой войны в особенности). О наглой лжи применительно к нашей теме мы частично уже рассказали на примере пропагандистского насилия над миллионами советских людей, вывезенных в Германию в качестве восточных рабов и крепостных – негров из Африки в Америку завозили целое столетие.

Другим примером профессиональной политической демагогии может служить уже упоминавшийся «Приказ о новом аграрном порядке» из ведомства А. Розенберга – второго классика исторической фальсификации и внешней полуправды. Его изложение, рассчитанное на массовое одурманивание украинского крестьянства, было опубликовано в 1942 г. в ежедневной газете «Новая Украина». Написанное весьма ярко, пронизанное фактологической канвой препарированной истории наиболее трудных периодов советского прошлого республики, это обращение не могло остаться без внимания среди части населения и служило идеологическим подспорьем для украинских националистов и коллаборационистов [35].

В этой пространной публикации, в частности, смаковались злоупотребления при коллективизации 30-х годов, приводились ссылки на последовавший голод, который унес (обратите внимание!) миллион человек – не 3–4–5, как можно ныне прочитать у известных авторов, исчисляющих количество разных жертв «советской власти» по Млечному пути. Прелюбопытно и то, что в обращении к крестьянству было заявлено об «отмене большевиками нэпа» не когда-либо, а именно в 1929 г. То бишь и в этой части своими суждениями нацистские политологи на полсотни лет приоритетно упредили «новейшие» исторические изыскания эпигонов демократии 90-х годов во главе с А. Яковлевым.

Но тогда даже подобные, близкие к правде заявления, ложившиеся на еще живые воспоминания не только старшего, а и среднего поколения крестьян, очень расчетливо вплетались в главную демагогическую петлю оккупантов. Она же, как и во многих других помыслах захватчиков, таилась в обещании распустить, хотя и не сразу, колхозы, отдать землю в собственность – в будущем и еще менее определенно – отменить налоги с приусадебных участков и т.п. То есть один суммарный подвох даже по главному вопросу о земле.

Иного, разумеется, не следовало ожидать на фоне немецко-румынских колонистов, хлынувших на восточные земли, железнодорожных товарняков, скотской вереницей увозивших остарбайтеров на запад. Все так челночно-просто, как и масштабно. А чтобы оставшиеся в Германии немецкие землевладельцы не особо завидовали

новоявленным, скажем, немецко-украинским, им начали было такими же вагонами перебрасывать лучший чернозем из ЦЧО. До такого не додумались даже нынешние отечественные «асфальтовые» агрономы, чтобы предложить, скажем, засыпать бесподобной воронежской землей алтайские солончаки.

Но вернемся к начатому сюжету, завершив его переходом к следующему разделу. В том же архивном деле содержится «Докладная записка» старшего инструктора политуправления Наркомзема СССР В. Закладного на имя его начальника А. Бочкарева «О германских методах руководства сельским хозяйством во временно оккупированных областях Украины» [36]. В ней, в частности, говорится: «Нужно признать, что путем угроз, обмана и дешевых посулов гитлеровским властям удается превращать некоторых крестьян в послушных исполнителей приказаний и даже вербовать на свою сторону, тем более, что они проходят и через наших же людей (т.е. и через нашу скрытую агентуру в лице подставных старост, полицаев и т.п. – *В.А.*). В части крестьян, особенно пожилых, лично владевших единоличным хозяйством, быстро возрождаются частнособственнические тенденции».

Все это, особенно последнее, тем более в конкретных условиях оккупации только что вошедших в состав СССР западных районов, было вполне естественно. Странным выглядело бы другое – игнорирование данного обстоятельства, причем с обеих сторон. И приведенный документ, как и множество подобных, – объективное тому свидетельство. Что касается советского руководства, то оно никогда все 30-е и 40-е годы не замалчивало наличие среди части крестьянства собственнических пережитков и даже умышленно преувеличивало их в русле известных перегибов. В этом отношении оккупационные власти в некотором смысле действовали, пожалуй, более осмотрительно, считаясь, например, с преобладанием у наших крестьян коллективистских настроений. И реанимируемые ныне рассуждения о так называемой слепоте, неосведомленности и неумных приказах оккупантов (иначе якобы все было бы иначе) в лучшем случае можно отнести к числу наивных.

К тому же в основных районах Украины, Белоруссии, Юга и черноземного Центра России к началу войны крестьянство успешно прошло колхозную адаптацию и имело, как правило, крепкие коллективные хозяйства. Да и в целом по стране к тому времени насчитывалось всего лишь 302,9 тыс. хозяйств крестьян-единоличников, или 2,5% к общему числу крестьянских дворов[37]. Поэтому для фашистских лидеров было очевидно, что одномоментно упразднить колхозную систему нерасчетливо – ни с точки зрения преобладающих общественных настроений в деревне, ни с учетом ее больших мобилизационных возможностей. Отсюда – их тактическое лавирование и безудержная демагогия до известной поры. В этой части по-

добное не касалось Прибалтики, где только что созданные колхозы и опять же с неизбывными перегибами оккупанты упразднили сразу и без колебаний.

Так что форсированная предвоенная коллективизация хуторской деревни балтийских республик, как и схожих регионов, оказалась для советской власти, как говорится, «себе дороже». Впрочем, пожалуй, и само включение их в состав СССР. Во всяком случае, здесь есть основание для подобных сомнений. Тем более на фоне той детонаторской роли, которую сыграл националистический сепаратизм так называемого западного вала в период ликвидации Советского Союза.

Иначе складывалась ситуация на основной части оккупированной территории. Здесь колхозы и совхозы, пусть даже номинально, оказались не по зубам нацистам – самым воинственным носителям крайнего индивидуализма. Сколько им не хватило времени, чтобы напрочь разделаться и с самой видимостью «общественной жизни» на селе, – непосильный вопрос не только для истории, но и социальной психологии. Впрочем, может быть, достаточно было «всего лишь» падения Москвы. Но, как известно, для Наполеона и взятие нашей столицы обернулось бегством!.. Как знать, что предположить?!

А вот о судьбе и роли колхозов и коллективистской психологии крестьянства под фашистским гнетом гадать не надо. Их можно и нужно реально изучать.

БОРЬБА С ОККУПАНТАМИ

Гитлеровская психология захвата, заранее продуманная и даже зафиксированная документально, была проста: предельно запугать народ террором, стремительными победами парализовать его волю к сопротивлению, заставить безропотно выполнять любые приказы. В этом заключался главный социально-политический просчет, порожденный кратковременными западными кампаниями и незнанием глубинных основ российского патриотизма. Но нацистам уже вскоре пришлось убедиться, что у нас им придется вести боевые действия не только с Красной Армией, но и с самим народом. Уже в сентябре 1941 г. начальник штаба верховного главнокомандования В. Кейтель в приказе по войскам отмечал, что с начала войны на занятых вермахтом территориях СССР вспыхнуло «коммунистическое повстанческое движение», которое представляет растущую угрозу для немецкого командования[38].

Советскому народу, тем более в оккупации, своей главной настроенности на победу над фашизмом менять не пришлось, как и выбирать между Гитлером и Сталиным. В подавляющей массе он еще до нападения Германии имел понимание того, что представлял из себя фашизм и какую опасность он нес. Горечь первых поражений и ужа-

сающий разбой нацистов на нашей земле многократно усилили эту антифашистскую настроенность, как и глубинные чувства общенародного патриотизма, который поднялся на уровень беспримерного гражданского единения и осознанной жертвенности. Изгнание смертельного врага превратилось в святую потребность с его идейно-политическим, историческим, многонациональным и религиозным началом. Причем с той компромиссной духовной коррекцией, которая соборно и массово-индивидуально напрочь отбрасывала всякое «непротивление злу насилием».

Поэтому, возвращаясь к высказыванию Кейтеля о «коммунистическом повстанческом движении», особо подчеркнем его намеренную направленность. Прежде всего, с очевидной целью предельно заузить состав и мотивы участников сопротивления, сводя их лишь к одному так называемому довлеющему коммунистическому началу – как в побуждающих сверху мотивах поведения, так и в понуждающих организационных факторах со стороны советского коммунистического руководства. Тотальный антикоммунизм гитлеровцев дополнялся теперь антикоммунистическим противопоставлением в оценках партизанского движения и сопротивления на оккупированной территории в целом. Так был «скромно» запущен один из самых живучих фашистских мифов, бытующих в соответствующей литературе до наших дней и обретающих «второе дыхание» в современной связке с коллаборационистской фальсификацией.

Да, невозможно всерьез отрицать коммунистическую (советскую) направленность борьбы народа, который не мог принять «новый фашистский порядок». С ее раскрытия мы и продолжим наш последующий сюжет. Но палитра мотивов поведения людей оказалась куда более широкой и, что очень важно, слитной как радуга. Одни более или менее осознанно боролись за Советскую Родину и составляли ведущее большинство, иначе оно не стало бы цементирующим. Другие ненавидели фашизм из-за его общей античеловечности. Третьи защищали непосредственно свой дом, свою семью, свое достойное будущее. Четвертые – в силу прирожденного исторического патриотизма, пятые – по причине традиционно обостренного чувства коллективизма и товарищества... Но чаще – не жалея сил вследствие всех перечисленных и иных факторов: идейных, светских, моральных, религиозных.

Разумеется, не вызывали даже минимальной терпимости маниакальные зверства и изуверства оккупантов. Потому мы изначально могли и должны были победить, создать для захватчиков всюду и везде такую обстановку, которую они не встречали еще нигде. Обреченными оказались в этой связи и потуги гитлеровцев смоделировать собственное сопротивление на германской территории в тылу наших войск. Если фашистское нашествие не сломало советских людей на фронте, в тылу и за линией фронта, а еще больше их распря-

мило и охватило, в сущности, божественным чувством долга, то гитлеровские призывы к «тотальному» противостоянию закончились не более чем горькой отрыжкой обреченных перед цианистым калием. Даже ничего не решавшие формирования власовцев и им подобных в конце 1944 и начале 1945 г. были распущены или переправлены на западный фронт – от греха подальше. Нацизм не стал и не мог стать объединяющим на краю собственной гибели.

Что же касалось коммунистического начала в организации и всемерном развертывании сопротивления оккупантам на захваченной территории, особенно в руководстве партизанским движением, то оно действительно играло огромную мобилизующую роль, ложившуюся на готовую почву. Некоторые негативные последствия породила лишь ошибочная доктрина советского руководства предвоенных лет, исходившая из того, что в случае вражеского нападения военные действия Красной Армии будут сразу перенесены на территорию противника и его союзников. В связи с этим вопросы упредительной организации борьбы в тылу агрессора вовсе утрачивали актуальное значение. Поэтому вся конкретная подготовка подпольного, партизанского и иного сопротивления даже в зоне оперативных военных действий развернулась лишь после того, как оказались опрокинутыми самые оптимистические представления.

И все же изначальное, в том числе вооруженное, сопротивление в тылу гитлеровских войск полустихийно возникло в первые же недели войны, когда население захваченных районов сумело оправиться от шока, вызванного неожиданной оккупацией. В Белоруссии партизанские отряды возглавили Г.П. Бумажков, В.З. Корж, Ф.И. Павловский, М.Ф. Шмырев, на Украине – И.Ф. Боровик, С.А. Ковпак, С.В. Руднев, А.А. Сабуров, в Карелии – П.Ф. Столяренко, В.В. Тиден и другие. Но вначале даже командиры не имели ясного представления, с чего начинать, какой может быть организационная форма подразделений, как взаимодействовать, какова тактика борьбы и т.п. Даже попавшие в окружение и примкнувшие к партизанскому движению военные имели очень смутное понятие о борьбе в тылу врага, ибо она не отражалась ни в воинских уставах, не изучалась ни в академиях, ни в военных училищах.

То же следует сказать и об организации партийно-комсомольского и советского подполья. Быстрое продвижение противника, отсутствие заблаговременно подготовленных кадров и баз нередко приводили к поспешности, нарушениям даже простейших правил конспирации, к элементарной беспомощности. В результате в подполье иногда оказывались случайные, недостаточно проверенные люди – не только малодушные, но и склонные к предательству. Между тем враг хорошо был натаскан на беспощадном подавлении антифашистских организаций как в самой Германии, так и в европейских странах, имел разветвленный аппарат спецслужб. И как следствие, в первые

же недели и месяцы войны были разгромлены ни одна сотня партийных и комсомольских комитетов разных уровней, в застенках гестапо мученической смертью погибли тысячи верных сынов и дочерей Отечества.

Это потом приходил опыт, когда на смену нерасторопности, а то и беспечности приходили необходимая осмотрительность, предварительная подготовленность, а главное – опытные, проверенные, смелые и решительные люди. Всего два противоположных примера. Первый касается той растерянности и неподготовленности, которые имели место при стремительном захвате немцами Краснодарского края, особенно входившей в него Адыгейской АО. Хотя времени для должной подготовки к вероятной оккупации здесь было достаточно – Краснодар пал во время второго стратегического наступления гитлеровцев 9 августа 1942 г. В тот же день они взяли и г. Майкоп – столицу Адыгеи. «Ворвались фашистские танки, и руководство Адыгейского обкома ВКП(б) в панике разбежалось»[39], – сообщал в Москву инструктор ЦК Сергеев.

Врагу досталось около 143 тыс. т зерно-крупяных заготовок, почти 20 тыс. т маслосемян, а также около 400 тыс. т хлеба, находившегося на колхозных и совхозных токах, не считая около половины зерновых, оставленных на корню, и сотни вагонов с хлебом, уничтоженных немецкой авиацией в ходе запоздалой эвакуации. Тогда же в здании Адыгейского обкома «были оставлены мобилизационный план, все списки явочных квартир, подпольных организаций, списки и карты партизанских баз, 50 тыс. руб. деньгами, другие документы», – продолжал в своем донесении секретарю ЦК и члену ГКО А.А. Андрееву тот же инструктор. И заключал: «Обком не успел предупредить даже партизанские отряды, как на 3 базах уже были немцы. Своими действиями обком ВКП(б) подорвал всю работу подпольных организаций и партизанское движение по всей Адыгейской области»[40].

А вот пример иного порядка, казалось бы, тыловой Ярославской области, на территории которой, по воспоминаниям Г.К. Жукова, немецкое командование планировало замкнуть окружение Москвы[41]. Здесь тоже заранее, но не более двух-трех месяцев готовились к такого рода развитию событий. К осени 1941 г. в области было создано 42 истребительных батальона для борьбы с диверсантами, дезертирами, уголовниками и 42 партизанских отряда. Для выполнения специальных разведывательно-диверсионных заданий в тылу противника ярославские чекисты под руководством обкома создали 5 особых спецназовских партизанских отрядов под кодовыми названиями. Их подвижническая боевая деятельность в тылу противника, разумеется, не связывалась только с границами Верхневолжья.

В числе первых в тылу противника с февраля 1942 г. стал действовать отряд «Ярославец» в составе 65 добровольцев-партизан под

руководством командира Б.Л. Соколова и комиссара М.И. Снеткова. Вначале район его операций находился в полосе 22-й армии: разведка, захват «языков», взрывы важных объектов, коммуникаций, оборонительных узлов, установление и восстановление явочных мест – таким был неполный перечень задач, которые выполняли эти и другие группы после минования опасности оккупации Ярославской области. Затем вместе с наступлением Красной Армии дальше на запад уходили и эти особые партизаны.

К маю 1942 г. перед переформированием на исходной базе «Ярославец» численностью 40 человек дислоцировался уже в районе автострады Москва–Минск: взрывали военные склады, пускали под откос поезда, громили гарнизоны, уничтожали предателей, полицейские группы. Во время второго рейда за линию фронта отряд уничтожил 4 воинских эшелона противника, 42 танка, 12 броне- и автомашин, 12 тягачей, 2 артиллерийских склада, 13 мостов, 1137 солдат и офицеров вермахта, 2 генералов, 17 полицейских и других пособников фашистов. Ярославцы помогли создать на Смоленщине три партизанских отряда из числа местных жителей, снабдив их трофейным оружием и боеприпасами [42]. Тем же занимались и другие отряды, боевая деятельность которых, разумеется, была бы немыслима без опоры на местное оккупированное население, прежде всего сельских районов, в которых она в основном и проходила.

Тем не менее засылка в тыл немецких войск диверсионно-партизанских групп, формировавшихся на основе и под началом органов НКВД–НКГБ, сама по себе и в немалой мере явилась следствием отмечавшихся выше изначально упущенных возможностей и была направлена на их восстановление. Часто на положение партизанских отрядов переходили целые истребительные батальоны. Они содействовали военно-техническому обеспечению местных региональных отрядов, обучали технике и тактике разведывательной и подрывной деятельности, помогали налаживать конспирацию и связь, вести собственную контрразведку по выявлению шпионов и предателей в формировавшемся партизанском движении. По состоянию на 18 апреля 1942 г. на учете НКВД находилось 1798 разного рода комбинированных партизанских отрядов (около 80 тыс. бойцов и командиров и 1153 разведывательно-диверсионные группы)[43].

Это реальное обстоятельство по сей день представляет некий повод для всякого рода наносных измышлений насчет так называемой «искусственности» партизанского движения в целом. Тем более что сами-то диверсионно-партизанские группы, особенно в зиму 1941/42 г. несли большой урон при отсутствии надежного и опытного местного подполья за линией фронта и централизованного базового партизанского движения местного населения. При насыщенности немецких войск на главных направлениях, особенно московском, многие рейдовые подразделения вообще не сумели пробиться через линию

фронта и из-за критической ситуации вокруг самой столицы были направлены на восполнение боевых порядков собственных войск. Поэтому еще более многочисленные спецназовские, истребительные и подобные формирования вынуждены были заполнять бреши в их обороне, чем наращивать свою дислокацию в тылу противника.

Вынужденные и не всегда успешные меры прямого действия по развертыванию массового партизанского движения, без которого теряли свою эффективность подполье и сопротивление, все настойчивее и конкретнее сопровождались соответствующими директивными указаниями советского руководства. Напомним в этой связи директиву СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным организациям от 29 июня, речь И.В. Сталина 3 июля, ряд июньско-июльских постановлений 1941 г. ЦК КП(б) Белоруссии и ЦК КП(б) Украины, в которых выдвигались нарастающе актуальные задачи и рекомендации о развертывании борьбы в тылу врага и которые вызвали должное удовлетворение на местах [44]. Они послужили тем руководящим началом, которое заметно активизировало деятельность в нужном направлении областных и иных партийно-советских структур прифронтовой и оккупированных зон.

В их числе особо следует выделить тогда секретное постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск»[45]. Адресованное тем, кто должен был возглавить сопротивление народа во вражеском тылу, оно и сейчас звучит весьма многозначительно: «...нередки случаи, когда руководители партийных и советских организаций в районах, подвергшихся угрозе захвата немецкими фашистами, позорно бросают свои боевые посты, отходят в глубокий тыл, на спокойные места, превращаются на деле в дезертиров и жалких трусов...» Не принижавший опасности дезертирства, нацеленный на его конкретные проявления вроде тех, о которых мы рассказали выше на примере Адыгеи, содержащий адресные оргвыводы, этот документ по-своему предвещал известный приказ Сталина «Ни шагу назад».

Основная его задача заключалась в создании широкой сети партийного подполья. Партийные комитеты и организации, возглавив всемерную борьбу с врагом на захваченной территории, обязывались незамедлительно приступить к формированию партизанских отрядов и диверсионных групп из числа преданных советской власти коммунистов и беспартийных, участников гражданской войны, бойцов народного ополчения, а также из работников НКВД, НКГБ и др. Особо подчеркивалось, что вся эта работа должна развертываться под личным руководством первых секретарей и «получить размах непосредственной, широкой и героической поддержки Красной Армии, сражающейся на фронте с германским фашизмом».

Тремя днями раньше (15 июля) Главное политическое управление РККА начало массированное распространение с помощью авиации

над всей оккупированной территорией листовки-обращения «К военнослужащим, сражающимся в тылу противника»[46]. Это было чрезвычайно важно и своевременно, так как помогло многим нашим многотысячным подразделениям и разрозненным группам бойцов, оказавшимся позади наступавшего противника, не поддаться чувству обреченности и еще более массированной лживой фашистской пропаганде и принять сообразное решение. Воодушевляло прежде всего то, что деятельность советских солдат и офицеров за линией фронта рассматривалась не иначе как продолжение ими боевой задачи. Командирам и рядовым предлагалось, в частности, переходить к методам партизанских действий и всеми доступными средствами уничтожать врага.

Следуя этому призыву, в 1941 г. к партизанской борьбе подключились тысячи окруженцев. Среди них были и такие видные военачальники, как, например, командиры 6-й и 48-й кавалерийских дивизий М.П. Константинов и Д.И. Аверкин, командиры 110-й и 208-й стрелковых дивизий В.А. Хлебцов и В.И. Ничипорович. В среднем в районах наибольшего размаха партизанского движения численность недавних военных составляла от 10 до 20% личного состава партизанских отрядов. Они вносили в их подразделения дисциплину и организованность, военно-тактические знания и технические навыки владения оружием. Многие офицеры, сержанты и рядовые становились командирами и комиссарами отрядов, начальниками штабов их соединений, руководителями различных служб и спецгрупп. В Белоруссии – прославленном непокоренном крае – военнослужащие-окруженцы составляли почти 60% командиров партизанских бригад и полков, 45% воинов-коммунистов, вышедших из окружения, возглавили здесь подпольные райкомы и межрайкомы[47].

Однако в целом и главном формирование и деятельность партийно-советского подполья замыкались, конечно же, на партийно-государственное начало руководящих центральных, региональных и местных структур. И это следует особо иметь в виду применительно к любой теме организации движения сопротивления, тем более в связи с сельскими районами и колхозным крестьянством, ставшими в силу реальных условий его опорными носителями, хранителями и исконно социальным гарантом. Подпольные партийные органы были во всех партизанских краях и зонах. Более того, многие партийные структуры межрайонного и регионального характера располагались непосредственно в сельской местности и базировались в партизанских формированиях. Так, в сельских населенных пунктах и лесных массивах размещались все 10 подпольных обкомов компартии Белоруссии. В подобных условиях работали 12 обкомов Украины. Более того, все подпольные горкомы также были тесно связаны с деревней и имели там дублирующие подразделения.

Минский горком КП(б)Б третьего состава (с сентября 1943 г.) дислоцировался в партизанском отряде. Подобное происходило во

всех оккупированных районах, в том числе в областях Российской Федерации. На Брянщине, например, на базе обширных партизанских зон в итоге действовали не только Брянский горком партии, но и почти все райкомы партии и райисполкомы, а параллельно и комсомольские структуры. Для организации мощного партизанского движения в тылу противника со специальным заданием оставались 19 секретарей райкомов и горкомов партии, 16 комсомольских секретарей, 17 председателей райисполкомов [48]. Большую роль в усилении деятельности партизан и подпольщиков сыграл штаб партизанского движения, который возглавлял первый секретарь Орловского обкома*, член Военного совета Брянского фронта А.П. Матвеев.

Столь же результативно создавалось и действовало подполье в Ленинградской области. Известный исследователь этой проблемы П.Р. Шевердалкин, подводя общий итог**, констатировал: «Уже к концу 1941 г. сложилась гибкая система партийного и военного руководства партизанской борьбой на территории захваченной врагом Ленинградской области. Во-первых, Ленинградскому обкому партии удалось почти повсеместно создать в тылу врага партийные органы, являвшиеся боевыми штабами боровшегося с захватчиками народа. Во-вторых, Ленинградский обком партии, создав областной штаб партизанского движения и его представительства на фронтах, а также институт уполномоченных в оккупированных районах, получил возможность оперативно направлять партизанскую войну в масштабе всех оккупированных районов, координировать деятельность партизанских сил с задачами, решавшимися Красной Армией»[49] (Ленинградский областной штаб партизанского движения с сентября 1941 г. возглавил секретарь обкома ВКП(б) М.Н. Никитин. – *В.А.*).

В этой связи трудно пройти мимо еще одной кадровой приметы времени. Но в отличие от той, о которой мы рассказывали в начале нашей книги на примере партийных лидеров Алтайского края и Новосибирской области, она касается только что упомянутых двух секретарей обкомов сугубо фронтовых областей – Ленинградской и Орловской, не один военный год находившихся в эпицентре военно-стратегических событий. И Михаилу Никитичу Никитину (1902–1950), и Александру Павловичу Матвееву (1905–1946) к началу войны не было и 40. Да и прожили они после своего звездного времени совсем недолго. Но какая стремительная, целенаправленная, полностью отдавшая все силы Родине жизнь – как и сама история той Родины, – развившая свою скорость до космической и сгоревшая не по

---

* В годы войны вплоть до изгнания гитлеровцев оккупированные районы Брянщины в основном входили в Орловскую область.

** К числу немалых субъективных суждений Н.С. Хрущева по вопросам истории войны следует отнести и его фривольную оценку партизанской борьбы в Ленинградской области как сомнительной научной темы.

своей вине: для ее творцов – к неизбывному горю, для остальных – к эгоистичной радости.

А.П. Матвеев за свои 36 довоенных лет к 20 годам стал коммунистом, получил блестящее образование. В 1937 г. стал 1-м секретарем Минского обкома и горкома КП(б)Б, а перед войной – наркомом внутренних дел БССР. В начале войны выполнял задания правительства по организации выпуска военной продукции в Новосибирске и Кемерово, по созданию оборонительных сооружений для войск Западного фронта и Тульского укрепленного района. С июля 1941 г. 1-й секретарь Орловского обкома ВКП(б) и член Военного совета Брянского фронта. С июля 1942 г. одновременно начальник Брянского штаба партизанского движения. В сентябре 1942 г. – один из организаторов разгрома карателей на Брянщине, и об этом мы еще расскажем. 19 сентября 1943 г. принял парад партизанских отрядов в Орле в честь освобождения Орла и Брянска от оккупантов. С июля 1944 г. 1-й секретарь Брянского обкома партии. Депутат Верховного Совета СССР с 1941 г.

Биографические вехи М.Н. Никитина внешне, быть может, менее яркие. Тем более на фоне такого созвездия военно-политического руководства Ленинграда и области тех лет, как А.А. Жданов, Г.К. Жуков, П.С. Попков и другие. В 23 года – член ВКП(б). Окончил престижный Институт красной профессуры. Деятельное участие в профсоюзной и партийной работе позволило ему в 1941 г. стать секретарем Ленинградского обкома ВКП(б) и уже в июле возглавить создание и деятельность партизанских отрядов в области. С сентября того же года – начальник Ленинградского областного штаба партизанского движения, входил в состав Военного совета Ленинградского фронта. Дважды награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени.

По мере развертывания подполья и партизанского движения во всех республиках, а в РСФСР – в оккупированных областях и краях были образованы соответствующие штабы партизанского движения, работавшие под непосредственным руководством партийных органов. В целях общей централизации и координации партизанской борьбы и движения сопротивления 30 мая 1942 г. постановлением ГКО при Ставке Верховного Главнокомандующего был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД). Его начальником ГКО назначил члена ЦК ВКП(б), первого секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко, сыгравшего, без какого-либо преувеличения, выдающуюся роль в выполнении столь ответственного задания.

Как и подавляющему большинству руководящих деятелей предвоенных и военных лет, Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко (род. в 1902 г.) также не исполнилось 40. Но уже в 1938 г. он – сын кубанского крестьянина – 1-й секретарь ЦК КП Белоруссии, с 1944 г. – председатель СНК (СМ) БССР. В качестве начальника

ЦШПД Пономаренко (с 1943 г. в звании генерала-лейтенанта*) попеременно входил в Военные советы шести округов и фронтов, что имело поистине уникальное значение для обеспечения, казалось бы, невероятной в тех условиях эффективной координации армейских и партизанских действий. Почти «отвесная» и заслуженная карьера П.К. Пономаренко завершилась избранием его секретарем ЦК ВКП(б) (1948–1953) и членом Президиума ЦК (1952–1953)**.

В тандеме партийно-комсомольского руководства Белоруссии в годы оккупации действовал и другой недавний крестьянский паренек из Гомельской области, а затем незаурядный молодежный лидер К.Т. Мазуров. Тому и вовсе (род. в 1914) к началу фашистского нашествия было всего 27 лет. Но Кирилл Трофимович уже имел 4 года службы в армии, 7 лет трудового стажа, в том числе в должности секретаря Гомельского горкома и Брестского обкома ЛКСМ Белоруссии (1940–1941). С первых дней войны фронтовик-доброволец, получил ранение. В сентябре 1942 г. отозван из Красной Армии, утвержден секретарем подпольного ЦК ЛКСМ БССР и направлен в тыл фашистских войск, где до конца 1943 г. работал в партизанских соединениях в качестве представителя ЦШПД, руководил комсомольским подпольем республики***.

Создание, эффективная деятельность ЦШПД и его региональных структур уже с лета 1942 г., когда был проведен ряд крупных опера-

---

* В годы войны партизаны законодательно были приравнены к военнослужащим Красной Армии с присвоением соответствующих воинских званий. 15 февраля 1944 г. очередные офицерские звания были присвоены 3408 партизанам, а самым заслуженным из них – генеральские: В.А. Бегме, А.А. Вершигоре, М.И. Дуке, С.А. Ковпаку, И.П. Кожару, В.И. Козлову, С.В. Рудневу, А.Н. Сабурову, А.Ф. Федорову, В.Е. Чернышеву и др. Семьям партизан выплачивались государственные пенсии и пособия.

** В последующем до выхода на пенсию (1962 г.) в условиях послесталинских пертрубаций в высшем руководстве страны П.К. Пономаренко был оттеснен на вторые и третьи позиции. С 1953 г. – министр культуры СССР, с 1954 г. – 1-й секретарь ЦК компартии Казахстана. Внес крупный вклад в освоение целинных земель, но основные заслуги в этом позднее отнесли на счет Л.И. Брежнева – тогда 2-го секретаря ЦК республики. Его, смелого и предприимчивого, но к власти непритязательного, то направляли на запущенные участки вплоть до министерства заготовок СССР, то подальше от самой власти. В 1955–1962 гг. он побывал послом в ПНР, Индии, Непале, Нидерландах. Опубликовал несколько работ о партизанском движении.

*** Послевоенная биография К.Т. Мазурова поначалу складывалась куда удачливее, чем его старшего сподвижника, хотя закончилась вовсе трагически. После ряда преходящих должностей в 1956–1965 гг. он – 1-й секретарь КПБ. В 1965–1978 гг. – 1-й зам. председателя СМ СССР. Тогда же – член Президиума, затем Политбюро ЦК КПСС. Герой Социалистического Труда, награжденный 5 орденами Ленина, орденом Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Кирилл Трофимович, обладавший непререкаемым авторитетом, мог рассматриваться претендентом и на высшие должности в партии и государстве. Но его жизнь оборвалась нелепым образом при странной автомобильной катастрофе.

ций в тылу врага, когда наряду с локальными на передний план все больше выходили крупные согласованные выступления в условиях массового вовлечения всех социальных и национальных слоев населения, когда за оружие в борьбе с насильниками и грабителями взялся самый, казалось бы, убежденный пацифист, и когда, наконец, во всех звеньях военно-политического руководства, прежде всего в Ставке ВГК, окончательно убедились, что партизанское движение должно стать действительно всенародным (вопреки корпоративным представлениям Берии и его служб), – именно с того времени все движение сопротивления стало быстро перерастать в новое качественное состояние – в настоящий партизанский фронт, перемоловший в итоге не один десяток гитлеровских дивизий.

Пожалуй, самым знаменательным в этом отношении стал 1943 г. Обогащенные боевым опытом, четко оформленные, материально весьма обеспеченные, имевшие устойчивую координационную связь с нашим военным командованием, опиравшиеся не только на свой народ, но и разветвленную агентуру во многих структурах самого противника, базировавшиеся на многочисленных партизанских зонах, куда не ступала нога оккупанта, советские партизаны и все подполье действительно добились того, что земля всюду горела под ногами фашистов. И даже тогда, когда в январе 1944 г. стараниями Н.С. Хрущева был упразднен ЦШПД, а Украинский ШПД переподчинен непосредственно Ставке*, партизанское движение обрело второе, если не третье, необратимо спонтанное дыхание.

По аналогии то же можно сказать и о современном изучении истории партизанского движения. Преодолев тот же хрущевский волюнтаризм, отечественная историография в содружестве с социальной психологией за короткий срок превратила этот аспект знаний о войне и ее духовной компоненте в один из наиболее основательно изученных. На тот уровень познания поведенческой психологии советских людей на оккупированной территории, который напрямую и синтезированно, а потому и еще более доказательно, чем, скажем, на примере психологии подвига в советском тылу, вывел нас на куда более убедительные ответы о его историко-психологической природе, столь актуальные в современных социальных условиях. И наоборот: ныне приводит в замешательство тех, кто никак не хотел бы видеть в нашей Победе ее духовную природу. Подчас одно лишь напоминание о том, что всякая принадлежность к партизанам

---

* Январское решение ГКО об упразднении ЦШПД однозначно следует признать несвоевременным, а частичную передачу ее функций УШПД – ошибочным, хотя и не настолько, чтобы считать знаковым. К началу 1944 г. под властью оккупантов еще находилась огромная территория, на которой действовало 250 тыс. партизан и где предстояли решающие события по полному освобождению оккупированных районов при максимальном взаимодействии всех сил.

каралась гитлеровцами смертью, создаст для наших оппонентов тупик по поводу истинных мотивов героизма советского народа. Особенно крестьянского населения. Казалось бы, уж кто как, а колхозник, над которым в одночасье не стало «большевистской тирании», при его природной осмотрительности не должен был становиться партизаном или той социальной средой, из которой рождалось, на основе круговой коллективистской поруки, сберегало себя и крепло движение сопротивления. А ведь у немцев в кровавом залоге чаще оставалось все крестьянское – семья, дети, престарелые родители, отчий дом и, наконец, сама деревня. Чем, как мы знаем, они ужасающе пользовались. Оккупированная территория была превращена тем самым в неслыханное гетто, перед которым не идут ни в какое сравнение прежние и современные резервации. В нашем распоряжении ныне обилие союзной, российской и краеведческой литературы. В центре и на местах, даже там, где подпольное и партизанское освободительное движение носило кратковременный характер, опубликованы многочисленные сборники документов, воспоминаний, тематические юбилейные издания, материалы региональных конференций, с хорошим научным аппаратом исследования разных форм, в том числе работы, отражающие деятельность руководящих структур, республиканских и областных партизанских штабов, которые действовали до полного изгнания оккупантов. В музеях развернуты насыщенные экспозиции, в местах партизанской славы созданы впечатляющие мемориальные комплексы, которые теперь представляют предмет особой заботы самого населения, общественности, ветеранского движения, охранного бдения молодых и старых. Не порвать бы эту связь времен и поколений, на которой хранится и произрастает историческая память.

Все ее звенья настолько обеспечены документальной информацией, постоянно пополняющейся и уточняющейся, что впору приступить к завершению различных синхронно-сопоставительных таблиц, диаграмм, графиков о динамике, масштабности и, скажем, результативности подполья и партизанской борьбы в рамках общего движения и отдельных регионов. В значительной мере эту собирательную работу проделали, например, авторы и составители энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945», к которой мы уже неоднократно прибегали выше. Поэтому прежде чем напрямую перейти к рассказу об участии в партизанской борьбе крестьянства, приведем некоторые итоговые извлечения сопоставительного характера из упомянутой литературы в разрезе рассмотренных выше сюжетов.

Начнем с *Российской Федерации*. Народная борьба с захватчиками в основном велась в прифронтовой полосе, где размещались крупные группировки врага, действовала густая сеть его контрразведывательных и карательных сил. Так, на территории Смоленской об-

ласти были сосредоточены основные силы группы армий «Центр» и ее резервы. Основные районы партизанской борьбы в РСФСР были сосредоточены в лесной зоне, как, кстати, и на Украине. На оккупированной территории РФ из-за близости фронта не создавались и подпольные обкомы, хотя активно вели борьбу более мелкие партийно-комсомольские подразделения. Исключение составляли Курская и Крымская области. Другие обкомы ВКП(б) базировались в прифронтовой полосе, осуществляя руководство подпольем и партизанским движением через специальные оперативные группы и уполномоченных. На территории Ростовской, Воронежской, Сталинградской областей крупных партизанских соединений не формировалось, но действовали подпольные организации и диверсионные партизанские группы.

В *Московской области* уже в июле 1941 г. до начала оккупации был создан областной штаб (рук. секретарь МК С.Я. Яковлев), который возглавлял партизанское движение до января 1943 г. В тылу врага, который занял 27 районов области, в том числе 17 полностью, действовало 20 подпольных райкомов и горкомов, а также 5 окружкомов ВКП(б). Заблаговременно были сформированы истребительный мотострелковый полк, 25 партизанских отрядов, 377 диверсионных групп – более 15 тыс. человек. К октябрю 1941 г. в оккупированной зоне вел боевые действия уже 41 партизанский отряд. Во время битвы за Москву народные мстители вывели из строя свыше 17 тыс. оккупантов и их пособников, более 60 танков, 880 автомашин, 35 мостов, подорвали 5 воинских эшелонов. Символом мужества советской молодежи стал подвиг комсомолки-партизанки З.А. Космодемьянской, удостоенной звания Героя Советского Союза. Этим же званием были отмечены партизанские подвиги А.М. Гурьянова, И.Н. Кузина, С.И. Солнцева.

В *Ленинградской области* подготовка к подполью и партизанской борьбе также началась заблаговременно. Помимо того, что уже рассказано выше о деятельности Ленинградского штаба партизанского движения под руководством секретаря обкома М.Н. Никитина, бюро обкома еще 2 августа 1941 г. образовало чрезвычайную «тройку» по развертыванию народного сопротивления. К осени в оккупированных районах действовало 26 подпольных райкомов партии и 2 районных партцентра (Псковский и Лужский), 287 партизанских отрядов, 6 партизанских полков, 125 подпольных партийных и комсомольских организаций – всего до 18 тыс. бойцов. Высшим достижением партизанского движения первого этапа стало создание первого в области партизанского края (около 11 тыс. кв. км территории), полностью очищенного партизанами от оккупантов*.

* О жизни и борьбе партизанских зон и краев подробнее см. ниже.

После некоторого спада в зиму 1941/42 г. развитие партизанского движения в регионе быстро пошло на подъем. Помимо прежних подпольных структур к началу 1943 г. было образовано 11 межрайонных партийных центров – местные подпольные организации действовали к тому времени почти во всех значимых населенных пунктах области. Осенью того же года и в начале 1944-го здесь насчитывалось 13 партизанских бригад в составе 35 тыс. бойцов, имевших в резерве не менее 100 тыс. человек, в основном из сельского населения. Даже при относительно благоприятных природно-географических условиях партизаны создали к тому времени еще три свободные зоны, охватившие 1300 населенных пунктов, преимущественно деревень, в которых проживало 300 тыс. жителей. Это позволяло не только вести активные партизанские действия, но и помогать продуктами питания блокадному Ленинграду. Хорошо памятен в этой связи знаменитый продовольственный обоз в 220 подвод, доставленный через фронт в дар городу из партизанского края и ставший легендой истории его обороны.

Действия ленинградских народных мстителей хорошо координировались с армейским командованием. Некоторые их подразделения помогали эстонским, латышским и карельским партизанам, деятельность которых в силу специфических условий проходила с особым риском – даже в обеспечении временной базовой стабильности из-за широкого сотрудничества с немцами части прибалтийского населения и коллаборационизма в целом. В общей сложности за 1941–1944 гг. партизаны области уничтожили более 104 тыс. оккупантов и их пособников, свыше 1100 эшелонов, 100 самолетов, около 300 танков, более 4600 автомашин, свыше 1380 мостов, 326 складов, много другой техники и оружия противника. Партизаны принимали согласованное участие в снятии блокады Ленинграда и в разгроме фашистской группы армий «Север», в перенесении военных действий на территорию Прибалтики.

Более благоприятные условия для организации партизанского движения имела *Калининская область* – мощные лесные массивы, труднодоступная озерно-болотистая местность, ее пересеченный рельеф. Но при этом густая, почти непрерывная насыщенность немецких войск на северном фланге столицы, которые были нацелены на выход к ярославскому Верхневолжью в обход Москвы. В октябре 1941 г. захватчики оккупировали 41 район области из 69. Борьба с фашистским режимом развернулась с первых дней осени с опорой на заранее созданные подпольно-партизанские базы. Причем изначально было принято решение: с учетом местных условий центры партийного подполья всюду располагать непосредственно в самих партизанских отрядах. Всего на оккупированной территории области в разное время действовали 26 райкомов и 2 горкома партии. Их секретари одновременно являлись комиссарами партизанских отрядов, а

затем бригад и соединений. Многие из них возглавили затем партийно-советский аппарат освобожденных территорий.

При этом учитывалась и социальная структура тверского края, где в отличие от той же Ленинградской области с ее очевидным преобладанием городского населения, превалировали сельские жители. По данным штаба партизанского движения*, к ноябрю 1942 г. из 10,5 тыс. партизанских бойцов 4410 составляли крестьяне, 2625 – рабочие, 1785 – студенты и учащиеся, 1680 – служащие. В декабре 1943 г. в 17 бригадах и отдельных отрядах сражались около 14 тыс. партизан. Взаимодействуя с войсками Красной Армии, за три года борьбы они (по перекрестно сверенным источникам) вывели из строя свыше 100 тыс. оккупантов и их пособников, подорвали не менее 700 железнодорожных составов, более 1300 мостов, около 3000 автомашин, 100 танков, 111 складов с боеприпасами и продовольствием и других объектов.

На центральном направлении высокой организованностью и эффективностью действий выделялось партизанское движение и подполье *Смоленской области*. Здесь, как и в тверских лесах, также был в основном осуществлен комбинированный принцип взаимодействия обоих начал сопротивления. К ноябрю 1941 г. на Смоленщине действовало 32 подпольных РК, 42 партизанских отряда (св. 35 тыс. чел.), около 10 партизанских отрядов особого назначения, а также отдельные формирования из числа оказавшихся в окружении красноармейцев. 30 мая 1942 г. постановлением ГКО был образован Западный ШПД, который возглавил 1-й секретарь обкома Д.М. Попов. К 1943 г. общая численность партизанских формирований достигала 60 тыс. человек при трех освобожденных партизанских краях. За 1941–1943 гг. они вывели из строя свыше 100 тыс. оккупантов и предателей, подорвали более 1350 эшелонов, 530 танков, свыше 3200 автомашин и 580 мостов.

Но, пожалуй, самым ярким центром народного партизанского движения, наряду с Белоруссией, стала широкая зона Брянских лесов, вошедшая в историю войны под легендарным названием *Брянского партизанского края*, административно располагавшегося тогда в Орловской области. Выше мы уже знакомили читателя с блистательным 1-м секретарем обкома А.П. Матвеевым, который изначально возглавил здесь массовую борьбу непокоренных. Это был целый мир, казалось бы, непостижимой в тех условиях жизни и борьбы, физического и духовного подвига славянских и других братских народов. В разных документах ныне можно прочитать, что на тех и

---

* Калининский штаб партизанского движения, созданный 15 июня 1942 г., 6 сентября был переименован в представительство ЦШПД при Военном совете Калининского фронта. Руководителем представительства стал С.С. Бельченко.

иных направлениях партизанских действий на Брянщине участвовало от 25 до 60 тыс. народных мстителей.

В действительности даже последнюю цифру надо, как минимум, удвоить, если иметь в виду те периоды, когда готовились комбинированные действия партизан разных направлений, включая бригады и соединения соседних регионов, в том числе Белоруссии, Украины и даже Молдавии. Или когда в Брянский партизанский край стекались боевые силы всей огромной зоны на стыке славянских республик после выполнения тяжелых рейдов по тылам оккупантов – на отдых, переформирование, пополнение. Партизанский край становился в таких случаях самым заселенным на сотни километров вооруженными людьми с их бесконечным резервом из тысяч деревень, сел и других поселений.

«Когда мы пришли в Клетнянский район на Брянщине, усталые, потрепанные фашистами, то встретили огромную помощь, – рассказывал один из наиболее видных руководителей партизанского движения в Белоруссии, на Украине и в Брянском крае А.Ф. Федоров. – Колхозники и рабочие давали нам хлеб, мясо, одежду. Мы чувствовали о себе сердечную заботу. Мы убедились, что все люди здесь бесконечно ненавидят фашистов, и трудно сказать, кто здесь был не партизан. Большую поддержку мы встретили в Брянских лесах, окрепли и с новыми силами ринулись на врага» [50]. Здесь же нередко базировались и межрегиональные соединения С.А. Ковпака. А.А. Сабурова, отряды особого назначения Д.Н. Медведева, И.В. Шестакова, П.Г. Шемякина. В 1942 г. в этой зоне действовали 42 подпольные партийные организации и около 80 патриотических организаций и групп. В том числе – Сещинская интернациональная подпольная организация, в которую вместе с советскими гражданами входили польские, словацкие и чешские антифашисты во главе с К.Я. Поворовым и А.А. Морозовой.

Народные мстители Брянщины контролировали территорию, простиравшуюся с севера на юг на 180 и с востока на запад – на 60 километров. Здесь располагалось около 500 сел и деревень с населением почти в 200 тыс. человек, под контролем партизан со всей действовавшей партийно-советской структурой находилось 12 административных районов. С весны 1942 г. тысячи местных жителей, тем более сел и деревень, особенно из числа юношей и девушек, включая школьников, шли партизанить и уж в любом случае – помогать народным мстителям. Оградившись боевыми заставами, все от мала до велика повседневно укрепляли тылы и боевые порядки партизанского фронта.

«Чем занимались каждый день? – вспоминал бывший секретарь исполкома сельского Совета Суземского района В.С. Шанцев. – Размалывали зерно, которое привозили из партизанских отрядов, по домам пекли хлеб для народных мстителей и населения, ухаживали за

ранеными и за детьми, которых должны были отправить на Большую землю. Восстановили колхоз. Отсеялись. Когда созрел урожай, каратели пытались его уничтожить, но партизаны взяли выращенное под защиту. И мы собрали все. Особенно картошку, – это первый для нас продукт. Убирали обычно ночью. Партизаны охраняли поле, а мы убирали...»[51]

Подпольные райкомы и райисполкомы организовали оружейные, портняжные, сапожные мастерские, пекарни, больницы. В партизанских отрядах действовали свои оружейные мастерские – ремонтировали винтовки, автоматы, пулеметы, изготавливали мины, которые также поступали с Большой земли. Последние особо пригодились во время так называемой рельсовой войны – накануне и в ходе Орловско-Курского сражения. Во вражеском тылу выполняли свои задачи не только сельсоветы, школы и больницы, военкоматы и другие службы – занимались военно-оборонными делами даже сберкассы. Жители-партизаны вносили свои сбережения, подписывались на военный заем. Так, лишь в одном небольшом Суземском районе и только в 1942 г. было внесено в фонд обороны свыше четверти миллиона рублей, а общая сумма взноса здесь составила более 6 млн.

Брянские партизаны, помимо постоянной помощи с Большой земли, по сути, имели и свой второй тыл – хорошо организованный и потому надежный. Здесь гитлеровцы, как правило, не смели повторно появляться. Крылатыми здесь были слова: «Земля – крестьянская, леса – партизанские, шоссе – немецкое, а власть – Советская». Но и вражеские коммуникации заполыхали огнем, сотряслись канонадой взрывов. Более тысячи боевых операций провели брянские партизаны, пустили под откос 993 эшелона противника, подорвали 330 танков, около 2 тыс. автомашин, 260 мостов, разгромили десятки фашистских штабов, вывели из строя 154 тыс. оккупантов и их пособников.

Фашистское командование вполне осознавало мощь и опасность координированных действий орловско-брянских партизан и, в сущности, только один раз за всю войну решилось, как еще надеялось, нанести сокрушительное поражение партизанскому краю. Это было в канун переломного Курского сражения, чтобы обезопасить свои тылы и сохранить резервы наступавших войск вермахта. Для этого гитлеровцы сняли с фронта пять кадровых дивизий, соединения венгерского оккупационного корпуса. В операции участвовали все рода войск, усиленные подразделениями СС и СД. Ожесточенные бои фронтового масштаба не прекращались ни днем, ни ночью. Но партизаны выстояли, сохранили и умножили свои порядки, а главное – во многом предрешили поражение немцев на Курской дуге.

В свою очередь, Курская битва внесла радикальный перелом в масштабы и результативность самого партизанского движения и в

первую очередь *Белоруссии.* К началу борьбы за полное изгнание оккупантов численность участников движения освобождения в этой наиболее пострадавшей от войны республике возросла с 73 тыс. человек в ноябре 1942 г. до 270 тыс. бойцов и 250 тыс. человек резерва во время боев 1944 г. В течение одного 1943 г. в партизанские отряды вступило около 96 тыс. патриотов. В итоге к завершающим сражениям по изгнанию врага в БССР насчитывалось свыше 440 тыс. партизан. Здесь действовало 10 подпольных обкомов, 183 межрайкома, горкома и райкома партии, 1316 первичных парторганизаций – более 35 тыс. коммунистов. Под их руководством находилось 10 подпольных обкомов, 210 межрайкомов, горкомов и райкомов, 5,5 тыс. первичных организаций ЛКСМБ – свыше 95 тыс. комсомольцев[52].

Борьбой с партизанами БССР были скованы большинство резервов немецких армий группы «Центр». В Белорусской операции 1944 г. действовало 157 бригад и 83 отдельных партизанских отряда. Они громили коммуникации врага, захватывали и удерживали до прихода советских войск мосты, уничтожали отступавших фашистов, готовили обходные маршруты своей армии, действовали в качестве десантников на прорывавшихся в тыл оккупантов наших танках, участвовали в объединенных операциях по освобождению Минска, Борисова, Могилева, Слуцка, Пинска и других городов, взаимодействовали с партизанами западных областей РСФСР, Украины, Прибалтийских республик.

Боевой счет был несравним: как уже отмечалось, в партизанском движении Белоруссии участвовало более 440 тыс. бойцов и не менее 250 тыс. одних заявленных резервистов. За время оккупации они уничтожили, ранили и взяли в плен более 500 тыс. захватчиков и их пособников, подорвали 11 128 вражеских эшелонов, 34 бронепоезда, вывели из строя 29 железнодорожных станций, уничтожили 948 штабов, 18 700 автомашин, 1355 танков и бронемашин, 305 самолетов, взорвали 939 складов. За особые боевые заслуги 87 патриотов республики были удостоены звания Героя Советского Союза, 120 тыс. награждены орденами и медалями.

Быть может, кому-то региональные сравнения покажутся не очень корректными, а некоторые и вовсе «несовместными». И все-таки (конечно, с соответствующими оговорками) попытаемся хотя бы коснуться отдельных параллелей, которые еще недавно считались нежелательными. Возьмем в качестве примера три смежных оккупированных региона наиболее массового партизанского движения, которые, образно говоря, оказались настоящим «Бермудским треугольником» для фашистов: Брянский партизанский край, Белоруссия и Украина. При этом сразу заметим, что по своим географическим масштабам Брянщина примерно во столько же раз была меньше БССР, во сколько последняя уступала УССР. Те же соотношения характеризовали и численность их населения. В обоих случа-

ях каждый из последующих по возрастанию регионов превосходил предшествовавший в 5–6 раз.

А теперь приведем наиболее концентрированные характеристики о масштабах партизанского движения на Украине, чтобы в какой-то мере замкнуть наши сопоставления о «партизанском треугольнике». Разумеется, основные партизанские формирования и базы подпольного руководства освободительным движением создавались в лесистой части северной УССР, хотя деятельность Украинского ШПД, созданного в июне 1942 г., равно и подпольного ЦК КП(б)У (октябрь того же года), естественно, распространялась на всю республику, включая сугубо степные районы, где не только партизанская борьба, но и подрывная работа подполья имели весьма суженные возможности.

К началу 1943 г. на всей территории Украины действовало 9 подпольных (затем 12) и свыше тысячи партийных и комсомольских органов, а также 5 крупных партизанских соединений, около 900 партизанских отрядов и свыше тысячи диверсионных и разведывательных групп = около 77 тыс. патриотов. В ходе массового изгнания врага в 1944 г. в партизанских действиях здесь уже участвовало более 500 тыс. бойцов, объединенных в 60 соединения и около 2 тыс. партизанских отрядов и групп. В итоге их общими усилиями было выведено из строя около 500 тыс. оккупантов и их пособников, разгромлено 467 гарнизонов, комендатур, штабов, полицейских управлений, взорвано почти 5 тыс. воинских эшелонов, уничтожено свыше 1500 танков, 200 самолетов, 600 железнодорожных мостов, более 900 складов и многое другое.

95 руководителей и участников подпольно-партизанской борьбы Украины были удостоены звания Героя Советского Союза (С.А. Ковпак и А.Ф. Федоров – дважды), 183 тыс. награждены орденами и медалями. Десятки и сотни исследовательских, поисковых, журналистских, документальных и мемуарных публикаций рассказывают ныне об их мужестве и легендарных подвигах. Если и забываются теперь в угоду известным «иванам, не помнящим родства» имена многих из тех, кто не щадил жизни для нашего будущего, то, по крайней мере, уже на протяжении ряда десятилетий святые заслуги перед Отечеством С.А. Ковпака, А.Ф. Федорова, а также С.В. Руднева, П.П. Вершигоры. Д.Н. Медведева, А.А. Сабурова, В.А. Бегмы, П.Ф. Куманька и многих других служат неувядаемым примером верности.

И все же, не умаляя заслуг партизан Украины, включая ее южные и западные области, в том числе Львовщину, отмечая бесподобные рейды многотысячных соединений уже за пределами границ СССР, напоминая о 45 городах, райцентрах и крупных железнодорожных станциях, освобожденных партизанами и удерживаемых ими до подхода советских войск, перечисляя многие партизанские края и зоны, создаваемые по примеру брянцев и вполне самостийно, объективист-

ски, но в реальном контексте, мы можем констатировать и следующее.

Синхронные сопоставления конкретных сведений о масштабах партизанских и подпольных дел в Брянском ареале, Белоруссии и на Украине с поправкой на указанный 5–6-кратный коэффициент дают достаточные основания для того, чтобы расположить названные регионы в приведенной нами последовательности. Они, кстати, составляют тот же ряд и в плане социально-крестьянского состава партизанского движения, который в наибольшей мере соотносим с нашей проблематикой, чем мы и хотим в заключение подытожить этот раздел книги.

А сперва – несколько обобщающих сведений о масштабах и результативности подполья и партизанского движения по оккупированным районам СССР в целом, включая и те из них, о которых мы не имели возможности рассказать сколько-нибудь подробно. Уже в 1941 г. на занятой территории действовало 18 подпольных обкомов, более 260 окружкомов, горкомов, райкомов, большое число первичных партийных организаций и групп, в которых насчитывалось 65,5 тыс. коммунистов. Их действия возглавили 565 секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии, 204 председателя областных, городских и районных исполкомов Советов. В молодежных формированиях и на других участках подпольно-партизанской борьбы насчитывалось 104 секретаря комитетов ВЛКСМ разных уровней[53].

Осенью 1943 г. в тылу противника действовало 24 обкома, свыше 370 окружкомов и других партийных органов. Официально известно, что все годы войны действовало более 6 тыс. партизанских отрядов, в которых боролись свыше 1 млн человек. К началу 1944 г. около 41% бойцов партизанских отрядов и соединений составляли крестьяне-колхозники, более 30% – рабочие, свыше 29% – служащие и в их числе почти 10% насчитывалось женщин[54]. Под контролем партизан и организованного подполья в той или иной мере находилось до 60% оккупированной территории. Но приведенные сведения о составе партизанско-освободительного движения основаны лишь на данных ЦШПД и не охватывают децентрализованных партизанских структур и организованного резерва, который примерно втрое превышал подотчетные сведения.

В общей сложности количество партизан вместе с организованными резервами ориентировочно составляло свыше 2,8 млн человек. Вместе с ними действовала 220-тысячная армия подпольщиков; миллионы людей активно участвовали в военном, экономическом и ином саботаже оккупационной политики. Это было поистине общенародное движение. Да и его социальный состав выглядел иным, чем отражают приведенные данные. Поскольку основной территориальной базой партизанской борьбы стала сельская местность, а ее организационно-коллективистской основой – колхозная деревня, то, ра-

зумеется, превалирующим в числе самих партизан (их поддерживавших и содействовавших им) было крестьянское население. Тем более в партизанских краях и зонах. Здесь вполне обоснованы сравнения социального состава партизанского движения с социальной структурой личного состава действовавшей Советской Армии, которую мы уже называли в начале нашей книги.

В основных партизанских зонах происходил массовый приток в отряды и группы самообороны* местных крестьян. «Очень много крестьян, – докладывал в ГКО Центральный штаб партизанского движения, – идет в партизанские отряды одиночками и целыми семьями с оружием вплоть до пулеметов. Идут... целыми деревнями. Многие партизанские отряды имеют по 200–300 и более человек невооруженного резерва»[55]. С врагом воевали и погибали целыми семьями и деревнями. А если попадали в руки врага, выносили смертные муки, не выдавая товарищей, односельчан, родных. По мощному размаху, социальной спайке, единству поколений и психологической настроенности партизанское движение на оккупированной советской земле не имело аналогов во всей истории человечества.

Хорошо сказал об этом белорусский политолог В. Севрук. Не будем перелагать его суждения о партизанах БССР – приведем их дословно, хотя и с некоторыми сокращениями: «Это была поистине всенародная освободительная война. Более 370 тыс. бойцов в партизанских отрядах, 70 тыс. подпольщиков, полмиллиона – невооруженный резерв. Помножьте эту цифру на четыре – каждому партизану, подпольщику помогала его семья: братья, сестры, дети, родители. Если учесть, что полтора миллиона жителей Белоруссии было в Красной Армии, 400 тыс. вывезли на каторгу в Германию, больше 1,2 миллиона эвакуировано в советский тыл и более трех миллионов уничтожено гитлеровцами, то легко подсчитать, что на борьбу против оккупантов поднялась вся десятимиллионная Белоруссия.

Этот подвиг народа, показавший величие духа, непреклонную волю к свободе, к единству с братскими народами великой державы, вошел в генетическую память белорусов. И именно это страшит (ныне. – *В.А.*) больше всего «поборников демократии». Они пытаются любыми путями вытравить из сознания правду о тех грозных годах, когда весь мир увидел, на что способен гордый, непокоренный народ. Вытравить для того, чтобы разрушить основы самосознания – только тогда можно будет загнать Белоруссию, как мечтали предшественники нынешних национал-либералов, в «новую Эуропу», устано-

---

* В отличие от партизанских отрядов группы самообороны, как правило, находились в своих же селах и деревнях. Они охраняли их от налетов небольших подразделений полиции, карали предателей и вражеских агентов, при необходимости участвовали в объединенных партизанских операциях.

вить «новый порядок»[56]. Именно поэтому, добавим и мы, страшась к тому же и уроков партизанской борьбы народов Югославии 1941–1945 гг., натовское руководство сделало все, чтобы остановить современную Сербию (к тому же заявившую о готовности создать новое общеславянское государственное единство) от всенародного сопротивления агрессии в 1999 г.

Об осквернителях исторической памяти мы еще выскажем несколько реплик. В данном же случае убежденно поддержим принципиальные суждения Владимира Севрука о неотложности дальнейшего углубленного изучения истории партизанского движения в целом, в том числе в Белоруссии. «Когда работаешь в архиве, поднимаешь новые документы, – изумленно пишет он, – начинаешь понимать, что мы до сих пор не оценили, не осмыслили даже истинный размах партизанской войны». Казалось бы, уже апробированные в литературе итоговые и обобщающие сведения – не говоря о многих конкретных реалиях – ныне все чаще проявляют характерную в таких случаях зыбкость из-за их же неполноты, слабого методологического анализа.

Сражаясь насмерть с тем «новым порядком», наши люди меньше всего думали об увековечении памяти борьбы, что, кстати, диктовалось и строжайшими условиями конспирации, а то и преднамеренной дезинформации противника. Потому о какой-либо полной развернутой, тем более сводной динамической отчетности и речи не могло быть. Те же документы подпольщиков и региональных партизанских штабов опять-таки базировались на весьма «урезанной» информации находившихся «под их началом» партизанских соединений и зон, а следовательно, при всей их достоверности страдали заметной относительностью. Но, ссылаясь на них, многие авторы, в том числе не один раз упоминавшейся энциклопедии, при исчислении, например, масштабов партизанского резерва в той же Белоруссии, называют на порядок заниженную цифру – 250 тыс. человек.

Имели в виду эти сведения и мы, хотя, как нельзя не заметить, В. Севрук авторитетно говорит уже о полумиллионной армии белорусских партизанских резервистов. А это, подчеркнем еще раз, – совсем иной характер и уровень исчислений, напрямую выводящий нас на главный методологический, политологический, социально-психологический и, разумеется, политический уровень (еще раз подчеркнем, что безлукавых аполитичных трактатов, тем более по современным аспектам жизни, вообще быть не может) познания темы*. Проведя соответствующую коррекцию, сравнив полученное с чис-

* Изучение истории партизанского движения на сопредельной территории бывших советских республик с применением как традиционных, так и современных методов исследования и обследования – одна из важнейших задач обществоведения и всех озабоченных противодействием неоглобализму.

ленностью оставшегося на оккупированной территории населения, особенно крестьянского, мы будем иметь убедительнейшие свидетельства подлинно народного, абсолютного в своем сопоставлении движения сопротивления фашистам.

На этом фоне рассыплются в прах всякие «новомодные» и прежние домыслы о так называемой «искусственности» партизанской борьбы, о ее привнесенности сверху и «провокационности» в отношении немцев, о подмене партизанского движения заказными выдумками о «гражданской войне» за линией фронта между просоветским и антисоветским населением. Словом, уже при одном соприкосновении с правдой спадут ложной пеленой антинародные прописи националистов, закоренелых предателей и прочих апологетов гитлеризма, власовцев и иных разновидностей коллаборационистов. От одного упоминания о народном единении они теряют разум или прибегают к беспардонному саморазоблачительному извращению истории.

В самом деле, о какой гражданской войне, каком расколе общества в традиционном крае партизанской славы со времен М.И. Кутузова – его неоднократно олицетворяли Беларусь и окружавшее межреспубликанское Полесье* – можно говорить всерьез и без расчета на изуверскую клевету. «О каком расколе общества, народа в 1941–1945 гг. можно говорить, если во всех формированиях, служивших гитлеровцам в Белоруссии, – напоминает опять же В. Севрук, – кроме украинских, литовских, латышских и бригады СС Каминского из Брянской области, было не больше 20 тыс. человек? Да и кто был в противостоящей партизанам стороне? Отъявленные предатели. Они за что воевали? За гитлеровские цели. На верность рейху давали присягу и воевали в составе немецкой армии. Вот вам и вся «гражданская война». Их народ иначе, чем «черные бобики», не называл»**.

Если же коснуться другой упомянутой «версии», которую до недавних дней муссировали В. Быков, В. Астафьев и Св. Алексиевич (последняя вообще обзывает партизан не иначе как бандитами) – менее известных ненавистников народа мы здесь и не называем, – то она столь же далека от истины, что и рассмотренная выше. Встретили бы они, советские люди, «цивилизованных» носителей фашистского «нового порядка» – бритых и напудренных – хлебом с

---

* Под Полесьем, в отличие от принятого, мы имеем в виду весь огромный, но компактный межрегион советских республик, расположенный в лесной, лесостепной зоне западной и северо-западной части СССР.

** Примечательна оперативная аналогия: в массовом антиглобалистском выступлении в одной лишь Генуе в июле 2001 г. участвовало не менее 150 тыс. человек, преимущественно молодых рабочих и студентов, которых, между прочим, президент России почему-то назвал «экстремистами».

солью, а не бандитской партизанщиной, все сложилось бы как нельзя лучше: не сжигали бы немцы крестьянские дома, деревни и целые районы. Как бы не так! Известно, что первую карательную экспедицию оккупанты провели уже в июле 1941 г. в Старобинском районе Минской области, где не имелось еще ни одного партизанского отряда, но было уничтожено одномоментно около 10 тыс. мирных жителей.

Этот неоспоримый факт наряду с другими приводился на Нюрнбергском процессе в подтверждение планового нацистского уничтожения «представителей низших рас». Напомним еще раз, как ответил на вопрос американского обвинителя Джексона командующий войсками по борьбе с партизанами бригаденфюрер СС Бах-Залевский. Вопрос: «На каком основании вы уничтожали людей, что было поводом?» Ответ: «Причем здесь повод. У нас было задание уничтожить минимум 30 миллионов славян (не считая евреев, цыган и др. – *В.А.*). Мы не искали никакого повода, мы выполняли плановую работу».

Да еще как выполняли! Продлись фашистское нашествие хотя бы на пару его «победных» лет?! Тем более что и «поводом» нацисты не брезговали. В штабной ставке группы армий «Центр» в Борисове в том же июле 1941 г. Гитлер заявил: приказ Сталина о партизанском движении создает выгодную для нас ситуацию, теперь мы будем убивать каждого русского, который хотя бы бросит косой взгляд в сторону немца. А Кейтель добавил: мы расстреляем каждого русского, который не захочет работать на рейх. Через год последовал приказ Гиммлера: «Впредь запрещаю употреблять слово «партизан». Это – бандиты!» Вот так на очередном нисходящем витке замкнулся круг на белорусской историке-писательнице Алексиевич, равно и тех других, чья ненависть к истории своего народа «выела душу, иссушила мысль, испепелила даже заметный талант».

Неужели можно пренебречь таким фактом: еще в марте 1941 г. министерство пропаганды Германии, дабы облегчить формальности для гитлеровских карателей, заранее отпечатало массовым тиражом бланки следующего содержания: «Военно-полевой комендант извещает, что в районе деревни N совершен акт саботажа – перерезан телефонный кабель. В знак наказания саботажников жители деревни расстреляны, а деревня сожжена. О всех готовящихся актах саботажа сообщайте в ближайшую немецкую воинскую часть или военно-полевую комендатуру. За сообщение получите награду. Немецкий военно-полевой комендант». В остальном оставалось малое – сжечь деревню, расстрелять крестьян, проставить название населенного пункта и фамилию коменданта.

Такой «бюрократической» простоты прежде история не знала. Ныне еще можно прочитать, что-де «по-человечески жаль» и Василия Быкова, и Виктора Астафьева, что переживают даже они, видите ли, «ужасную и противоестественную трагедию» – о «шестидесят-

нице» Алексиевич речь не идет. Сами-де воевали, когда-то хорошие книги о современниках написали, сами... и т.п., и т.д. Но возразим и продолжим: сами же отреклись от себя, от армии, в которой принимали присягу и шли в бой, от Родины, наконец, которую предали. От боевых друзей и самого народа, которых обозвали «физиологическим явлением» и «непотребным говном».

Нет, жизнь такого не прощает! Да и тем, на потребу которых они «в рассудке» потрудились: подобных не жаль – отработанный шлак (не станем опускаться до компостных выражений) даже отягощает. Но не удержимся от политологического соблазна вспомнить, например, о том, как далеко не левая Красноярская краевая дума в июле 2001 г., принимая во внимание настроения людей, отказала проживавшему там больному В. Астафьеву в надбавке к выплачиваемой ему пенсии дополнительно 7 тыс. руб. в месяц. При этом даже некоторые коммунисты допускали положительное решение вопроса с учетом возраста, здоровья и прежних заслуг писателя[57].

Однако вернемся от острых политологических и даже политических аспектов современного видения околоисториографических сторон темы к итоговым суждениям о результатах прямых военных действий наших партизан, включая, разумеется, и вклад их главной социальной составной, чем, как показано выше, убежденно выступало крестьянство. Деревня стала тем оплотом, той родоначальной средой, которая на протяжении всей войны служила колыбелью и надежным полигоном добровольного, а потому и общенародного партизанского движения. Она поставляла, принимала и укрывала бойцов зыбучего для оккупантов фронта, вместе с ними намертво хранила общие тайны, принимала на себя незаменимую долю забот об их продовольственном обеспечении, формировании конно-подвижных подразделений, игравших решающую роль в знаменитых рейдах по тылам противника, мобильности партизанской тактики в целом. Словом, колхозно-крестьянское село всей своей сущностью – исторической и реальной – являлось естественным гарантом глубинного сопротивления. О чем, к сожалению, и по сей день не сказано в полный голос.

Общими усилиями партизан за годы войны во вражеском тылу было совершено свыше 18 тыс. крушений поездов, подорвано 500 тыс. рельсов, выведено из строя 42 тыс. автомашин, 9400 паровозов и 85 тыс. вагонов, разгромлены десятки тысяч фашистских гарнизонов. Прямые потери немецких войск от партизанских действий, как видно из приведенных выше сведений, далеко превышали миллионный показатель, а число отвлекаемых для охраны их коммуникаций в периоды важнейших фронтовых операций достигало 300 полковых подразделений или 70 дивизий. И тем не менее пропускная способность железных дорог, усиленно охраняемых оккупантами, падала тогда же на 35–40%[58].

Бесценными оказывались поступавшие от партизан и подполья разведывательные данные. Только с апреля по декабрь 1943 г. они установили районы сосредоточения 165 вражеских дивизий, 177 полков и 135 отдельных батальона. При этом в 66 случаях раскрыли их организацию, штатную численность, фамилии командного состава. Накануне Белорусской операции 1944 г. партизаны сообщили о расположении 33 штабов, 30 аэродромов, 70 крупных складов, о составе 900 гарнизонов, около 240 частей, о направлении движения и характере грузов 1642 эшелонов противника[59]. С тех пор все наступательные действия Советской Армии проводились в тесном взаимодействии с партизанами, которые срывали передвижение немецких войск, помогали прорыву их обороны, обеспечивали вскрытие флангов отступавших группировок, пролагали для наступавших советских войск благоприятные зоны охватов оккупантов и т.п.

В сущности, нараставшая мощь и организованность партизанских действий, их прямая скоординированность с планами нашего командования, особенно на центральном направлении, превратили встречную партизанскую войну в настоящий дополнительный фронт. Потенциально он почти всюду мог стать замыкающим звеном многочисленных «котлов», столь примечательных для фашистской армии 1944–1945 гг. Еще недавняя нацистская спесь все больше уступала место страху перед единым народом. Мы не станем здесь приводить многочисленные признания немецких генералов и высокопоставленных гитлеровских бонз по поводу партизанского движения – они хорошо известны. Что же касается их обреченной попытки хоть как-нибудь организовать нечто подобное на германской территории против наступавшей Советской Армии, напомнить уместно.

В сентябре 1944 г. нацистское руководство дало специальное указание, которое предусматривало заблаговременную подготовку на оставляемых восточных землях Германии соответствующих баз для развертывания в будущем немецкого партизанского движения. Создавались, например, специальные диверсионные отряды – вервольф, которые должны были возглавить офицеры СС и полиция, а их личный состав заполнить фольксштурмовцы и так называемые «народные ополченцы». Но ничего из этого не вышло. Само немецкое население опасалось даже одиночных актов диверсий против наших войск. Среди него уже преобладали настроения, о которых в марте 1945 г. даже в докладе службы безопасности СС говорилось следующее: «Недоверие к руководству в эти дни растет лавинообразно. Везде с большой силой критикуют партию, определенных руководящих деятелей и пропаганду... Народ чувствует себя обманутым»[60].

Это тоже исторический урок психологического свойства, да еще какой.

Примечания

[1] *Hitler A.* Mein Kampf. München, 1933. S. 733–742.
[2] Цит. по : Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 4. М., 1999. С. 116.
[3] Цит. по: Войны в тылу врага. М., 1974. Вып. 1. С. 324.
[4] Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1968. С. 78.
[5] См.: Там же. С. 67–70.
[6] Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 4. С. 123.
[7] См. там же. С. 125.
[8] Преступные цели – преступные средства... С. 117–118.
[9] Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1984. Т. 2. С. 38.
[10] Подр. см.: *Белевич А.П.* Хатынь: боль и гнев. М., 1975.
[11] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 379; Великая Отечественная война 1941–1945... Кн. 4. С. 124; История советского крестьянства. М., 1987. Т. 3. С. 265.
[12] *Смирнов В.И.* Подвиг советского крестьянства. Деятельность Калининской партийной организации в колхозной деревне в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 132.
[13] *Гриднев В. М.* Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупацмонной политики 1941–1944. М., 1976. С. 72.
[14] Великая Отечественная война 1941–1945... Кн. 4. С. 124.
[15] Вестник В.-Волжского отделения Академии военно-исторических наук. Ярославль, 2000. № 1. С. 9.
[16] Цит. по: За рубежом. 1988. № 36. С. 18.
[17] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступни ками. М., 1958. Т. 3. С. 643.
[18] *Кубраков Н.Д.* Борьба Смоленской парторганизации за восстановление сельского хозяйства в период Великой Отечественной войны. Смоленск, 1961. С. 6; История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 3, М., 1963. С. 441.
[19] *Гриднев В.М.* Указ. соч. С. 106.
[20] Выборка В.М. Гриднева из публикаций по материалам соответствующих регионов.
[21] *Шумилов М.И., Шумилов М.М.* История России 1917–2000. Петрозаводск, 2000. С. 427.
[22] Нюрнбергский процесс: Сб. материалов в 8 т. М., 1998. Т. 7. С. 15.
[23] За рубежом, 1988. № 36. С. 18.
[24] Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 4. С. 125–126.
[25] Fall Barbarossa: Dokumente zur Vorbereitung... S. 365; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrig. Stutgart, 1997–1990. Bd. 4. S. 127.
[26] Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 199–200.
[27] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками... Т. 3. С. 793.
[28] Там же. С. 793; Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны... Т. 1. С. 200.
[29] См.: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 123. Л. 9–11.
[30] *Глидер М.* С киноаппаратом в тылу врага. М., 1947. С. 18–19.
[31] *Залесский А.И.* Героический подвиг миллионов в тылу врага. Минск, 1970. С. 14; *Он же.* В партизанских краях и зонах. М., 1962. С. 247, 249, др.
[32] Немецко-фашистский оккупационный режим. М., 1965. С. 290–291.
[33] Сокращенная выборка из указ. кн. В.М. Гриднева. С. 70 и др.

[34] См.: *Гриднев В.М.* Указ. соч. С. 69.
[35] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Л. 11–14.
[36] Там же. Л. 8.
[37] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 46. Д. 618. Л. 129.
[38] Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы и материалы. М., 1987. С. 117.
[39] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 86. Л. 69–70.
[40] Там же. Л. 70.
[41] См.: *Жуков Г.К.* Великая битва: Беспримерный подвиг: Материалы научной конференции, посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1968. С. 196–197.
[42] *Анисков В.Т., Рутковский М.А.* История Ярославского края (1928–1998). Ярославль, 2000. С. 116–117.
[43] Великая Отечественная война 1941–1945... Кн. 4. С. 134.
[44] См.: Всенародное партизанское движение в Белоруссии... Документы и материалы. Минск, 1967. Т. 1. С. 51–54; Украинская ССР в Великой Отечественной войне... Киев, 1975. Т. 1. С. 79, 289–290 и др.
[45] Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 4. С. 132.
[46] См.: Великая Отечественная война 1941–1945... Кн. 4. С. 133. Оригинал хранится: ЦАМО. Ф. 32. Оп. 795436. Д. 3. Л. 291–293.
[47] История советского крестьянства... Т. 3. С. 278.
[48] В Брянском лесу тишина. Тула, 1985. С. 21, 38.
[49] Герои подполья. М., 1972. Вып. 1. С. 305–306.
[50] Цит. по: В Брянском лесу тишина... С. 51.
[51] Там же. С. 86.
[52] См. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия... С. 533.
[53] Там же. С. 530.
[54] История Коммунистической партии Советского Союза... Т. 5. Кн. 1. С. 490.
[55] *Бычков Л. Н.* Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. (Краткий очерк). М., 1965. С. 234.
[56] Правда. 2001. 12 июля.
[57] См.: Советская Россия. 2001. 24 июля.
[58] См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1973. Т. X. С. 547; Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 531.
[59] Та же энциклопедия. С. 531.
[60] Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945. М., 1999. Кн. 3. С. 188.

Глава V

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОСВОБОЖДЕННОЙ ДЕРЕВНИ

ПОСЛЕДСТВИЯ ОККУПАЦИИ – НАЧАЛО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Зима 1941/42 г. завершилась полным освобождением Московской и Тульской областей. С ноября 1942 г. до апреля 1943 г. Красная Армия, начав массовое изгнание врага, продвинулась на 600–700 км на запад, полностью освободив Сталинградскую и Воронежскую области, Чечено-Ингушскую, Северо-Осетинскую, Кабардино-Балкарскую, Калмыцкую автономные республики, Ставропольский край, Черкесскую, Карачаевскую и Адыгейскую автономные области, почти целиком – Краснодарский край, Ростовскую, Курскую и значительную часть Смоленской, Орловской и Ворошиловградской областей.

В ходе летне-осенней кампании 1943 г. противник был сокрушен на центральном и юго-западном направлениях. Красная Армия освободила всю Левобережную Украину, Смоленщину, часть Калининской, Полоцкой, Витебской, Могилевской и Гомельской областей. Началось изгнание врага из восточных районов Белоруссии. Зимой 1943/44 г. оккупантов выбили из северо-западных районов РСФСР, а весной и летом – из остальной Белоруссии, из Правобережной Украины, Крыма и Молдавии. Осенью 1944 г. с освобождением Прибалтики вся территория Советского Союза очистилась от немецко-фашистской оккупации.

Ликвидация ее последствий начиналась одновременно с изгнанием захватчиков. Масштабы восстановительных работ определялись теми колоссальными разрушениями, которые оставили после себя гитлеровцы. В целом на оккупированной территории фашисты уничтожили и разграбили 98 тыс. колхозов, 2890 МТС и 1876 совхозов, вывезли в Германию или уничтожили 137 тыс. тракторов, 49 тыс. комбайнов, около 4 млн плугов, борон и других почвообрабатывающих орудий, 265 тыс. посевных и посадочных машин, 885 тыс. уборочных, сортировочных и др. Колхозы почти полностью лишились автомашин, большинства живой тягловой силы – гитлеровцы истребили или угнали в Германию 7 млн лошадей[1].

Небывало пострадало животноводство. В 1940 г. на территории, вскоре подвергшейся оккупации, было 31 млн голов крупного рога-

того скота, 16,6 млн свиней, 12 млн лошадей. Фашисты уничтожили или вывезли в Германию[2]:

	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы и козы	Лошади
Колхозы, млн	17	20	27	7
Совхозы, тыс.	180	290	680	57
Хозяйства крестьян, рабочих, служащих, тыс.	9	12	13	1,5

Кроме того, они истребили 110 млн голов домашней птицы.

Захватчики уничтожили общественные постройки, мастерские по ремонту техники, складские помещения, селекционные станции, хозяйства племенного животноводства, инкубаторы, сожгли и разрушили около 4 млн жилых домов[3]. Уничтожили или вывезли лучшее продовольствие, семена, сельскохозяйственное сырье (зерно, кожа, шерсть, корма и т.д.).

В ряде районов гитлеровцы буквально стерли с лица земли целые деревни. В Воронежской области, например, они сожгли десятки придонских сел. В одном только Землянском районе они уничтожили 25 сел. В двух сельсоветах Давыдовского района – Сторожевском и Селявинском – до оккупации имелось 1300 домов, после осталось лишь 7 разбитых хат. В с. Урыв Острогожского района фашистские вандалы разрушили все 750 построек[4].

Миллионы крестьян лишились крова. На Украине в селах было уничтожено 734,7 тыс. жилых домов. Тысячи селений превратились в развалины. В Белоруссии не стало 420,8 тыс. жилых строений – свыше 30% жилого фонда села. Более 2 тыс. сел и деревень фашисты уничтожили полностью. Без крова осталось 371 тыс. семей – люди ютились в сараях и землянках[5].

Наибольшее число жилых домов, хозяйственных и культурно-бытовых построек сожгли и разрушили гитлеровцы в Российской Федерации. В Орловской области они уничтожили 100,6 тыс. домов колхозников, в Воронежской – более 60 тыс.[6]. Только в шести районах Калининской области, освобожденных в ходе битвы под Москвой, из 37 475 домов колхозников было сожжено 19 680[7]. Всего же, по данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний захватчиков, на оккупированной территории они полностью или частично уничтожили свыше 70 тыс. сел и деревень[8], 3,5 млн из 12 сельских жилых домов[9].

В запустение пришли посевные площади, сады, виноградники, оросительная система. Особенно пострадали районы тяжелых боев и неоднократных смещений линий фронта. Тысячи траншей, окопов, огневых точек, противотанковых рвов, больших и малых воро-

нок – такой выглядела, например, колхозная земля Курской, Харьковской, Сталинградской, Ворошиловградской, Ростовской, Смоленской и ряда других областей. После освобождения без предварительных работ здесь могло быть засеяно не более половины, а то и еще меньше прежней пашни. Многие поля оказались завалены разбитой техникой, скрытую опасность таили неразорвавшиеся мины и снаряды.

Причиненный гитлеровцами ущерб одним только колхозам составил 181 млрд руб., в 3,7 млрд руб. исчислялись потери МТС[10]. Чтобы представить последствия оккупации в сравнении, приведем краткие характеристики состояния сельского хозяйства союзных республик – РСФСР, Украины, Белоруссии, Молдавии, Карело-Финской ССР, Латвии, Литвы, Эстонии. В освобожденных районах России поголовье скота сократилось в следующих размерах: лошадей осталось лишь 23% довоенного поголовья, крупного рогатого скота – 40, овец и коз – 30, а свиней – только 10%. Здесь гитлеровцы уничтожили 1 тыс. МТС, разрушили или вывезли 46 тыс. тракторов, 18 тыс. комбайнов, 23 тыс. сеялок[11]. Колхозы практически лишились рабочего скота. В Смоленской области ко времени освобождения 1250 колхозов имели всего лишь по 1–2 лошади, а в 223 хозяйствах их вовсе не стало[12].

Резко сократились посевные площади. В период оккупации озимые под урожай 1943 г. на территории Краснодарского и Ставропольского краев, Воронежской, Курской, Ростовской, Сталинградской областей, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР не достигали и половины их площади под урожай 1941 г., а в ряде районов названных областей они сократились в 2–3 раза. Так, в Краснодарском крае озимых осталось только 38,3%, в Ставропольском – 41,4, в Курской области – 31,3, в Калмыцкой АССР – 39,2%. Особенно эти площади сократились в Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской АССР – соответственно до 16,9 и 21,1% довоенного уровня[13].

Тяжкий урон нанес враг сельскому хозяйству Украины. На оккупированной территории он разрушил и сжег 28 тыс. сел и деревень, ликвидировал 27725 колхозов, 1227 МТС и 873 совхоза, уничтожил в колхозах 230 тыс. строений, вывез 56 тыс. тракторов и 24 тыс. комбайнов, угнал в Германию 2244 тыс. человек[14]. Из общего поголовья скота в республике осталось 30% довоенной численности лошадей, 43% крупного рогатого скота, 26% овец и коз и 11% свиней[15].

Невообразимые последствия оставили гитлеровцы на белорусской земле. Здесь они сожгли и разрушили 209 городов и районных центров, а также 9200 деревень. Полностью уничтожили 316 МТС, вывезли из них в Германию 8 тыс. тракторов, 1 тыс. комбайнов и много другой техники. В колхозах БССР почти полностью было уничтожено общественное поголовье скота, птицеводство и пчеловодство. Захватчики вывезли также 2,8 млн голов крупного и 5,7 млн

голов мелкого рогатого скота. За время оккупации посевные площади здесь сократились на 43%, резко упали посевы таких важнейших культур, как рожь, пшеница, картофель, лен. Полностью были уничтожены посевы многолетних трав, парниково-тепличное хозяйство.

Во многих районах изрытые окопами, блиндажами, воронками и военной техникой пахотные земли заросли кустарником, бурьяном и стали непригодны для посевов[16].

Не менее пострадало сельское хозяйство Молдавии. Только в колхозах левобережья Днестра оккупанты разрушили 895 животноводческих построек, забрали 94,4% крупного рогатого скота, 99% овец, 98% свиней, полностью уничтожили птицефермы, вывезли весь племенной скот. Всего было угнано свыше 500 тыс. голов общественного стада. Захватчики подорвали плодово-ягодное хозяйство, на площади свыше 30 тыс. га они уничтожили сады и виноградники. Общий ущерб, причиненный сельскому хозяйству МССР, составил 5,5 млрд руб.[17].

В тяжелых условиях оказалось и сельское хозяйство северной советской республики. Под временной оккупацией находилось две трети всей территории Карелии. К тому же враг захватил ее южные районы, сельскохозяйственное производство которых занимало более значительный удельный вес. Оккупанты полностью уничтожили 84 и частично 409 населенных пунктов. Хозяйство колхозов также было разрушено, сожжено или разграблено. Опять же сильно пострадало животноводство – ведущая отрасль сельского хозяйства республики. Большинство животноводческих помещений захватчики вовсе уничтожили, а скот почти полностью вывезли или забили. За время оккупации Карелия лишилась около 60 тыс. голов продуктивного скота, свыше 10 тыс. лошадей, более 1,5 млн ц зерна, лучшей сельскохозяйственной техники. Хозяйство колхозов, совхозов и МТС после освобождения оказалось в таком состоянии, что его восстановление, по существу, означало новое строительство. К лету 1944 г. население республики составляло лишь 17% уровня 1940 г. В ряде районов – Куркийокском, Питкярантском, Сортавальском, Суоярвском – не осталось ни одного жителя[18].

Жестокий фашистский режим господствовал в Латвии, Литве и Эстонии. Оккупанты лишили крестьян земельных участков, полученных ими по реформам 1940–1941 гг. Превратив всех в батраков, они снова заставили их служить прежним хозяевам и колонистам.

В Латвии за время хозяйничанья захватчиков посевы сократились почти на треть, урожайность снизилась наполовину. Крупного рогатого скота и лошадей осталось менее половины, а овец и свиней – немногим более трети. Созданные советской властью в 1940–1941 гг. 50 МТС, 34 совхоза и 517 машинно-прокатных пунктов были полностью уничтожены и разграблены. Оккупанты разрушили около 70% молочных заводов, увезли 700 тракторов, свыше 4 тыс. плугов, 2800

культиваторов, около 10 тыс. жаток и сенокосилок, 500 молотилок и другой сельскохозяйственный инвентарь. Они уничтожили десятки тысяч построек, в том числе почти 20 тыс. жилых домов. Наполовину уменьшилась рабочая сила в сельском хозяйстве[19].

Литва потеряла за время оккупации 1,9 млн голов скота. Захватчики разграбили всю технику МТС, рабочий скот и инвентарь МКПП. Они вывезли в Германию 480 тракторов, 2416 тракторных плугов, 1443 культиватора, 985 сеялок, 894 сенокосилки, 260 молотилок, 5895 телег. Полностью были сожжены деревни Ферма, Лазденай, Дружиляй, Шаркишкес, Милюнай, Пирчюпис. Многие их жители, как и других селений, оккупанты расстреляли или угнали в фашистское рабство. Только в д. Пирчупяй было уничтожено 119 жителей всех возрастов. Обвально упали посевные площади и валовые сборы: валовой сбор озимой ржи к 1943 г. – на 40%, озимой пшеницы – на 73, ячменя – на 50, картофеля – на 47%[20].

Та же участь постигла сельское хозяйство Эстонской ССР. За время оккупации численность коров здесь сократилась на 44%, свиней – на 39, овец и лошадей – на 19%. Почти вдвое уменьшились посевы и валовые сборы сельскохозяйственных культур. Крестьян принуждали забивать племенной скот, дабы выполнить мародерские нормы поставок мяса. Имущество созданных перед войной МТС также было разграблено, вывезено в Германию. Многие деревни и крестьянские дома были сожжены[21], а вместе с ними и слабые надежды на некое снисхождение пришельцев.

Все и всюду свидетельствовало о том, что фашистский разбой на оккупированной территории носил тотальный характер. Его беспрецедентные масштабы, как правило, не зависели от места и продолжительности хозяйничанья гитлеровцев на советской земле. Всюду, где побывали фашистские мерзавцы, оставались выжженная земля и груды развалин. Предстояли столь же небывалые восстановительные работы. Начало им положили зимой 1941/42 г., когда враг был полностью или частично изгнан из районов Московской, Тульской, Калининской, Ленинградской, Рязанской, Смоленской, Орловской, Курской, Ворошиловградской, Харьковской, Сталинской и Ростовской областей.

Даже при крайне ограниченных возможностях государство стало оказывать крестьянству неотложную помощь, и в первую очередь в быстрейшем восстановлении жилья и хозяйственном обзаведении. Сельскохозяйственный банк открывал кредиты на постройку индивидуальных домов. Колхозникам устанавливались льготы при уплате налогов. В Белоруссии, например, в 1943 г. полностью от всех поставок было освобождено 30% колхозников Могилевской, Витебской, Гомельской и Полесской областей, ужасающе пострадавших от оккупантов. К июню 1944 г. крестьянству этой республики государство бесплатно отпустило 1,5 млн куб. м леса и выделило свыше

30 млн руб. долгосрочного банковского кредита на восстановление жилых построек[22]. Еще до окончания войны в Белоруссии была восстановлена почти треть разрушенного сельского жилого фонда[23]. А всего за 1944–1948 гг. в селах БССР построили 369 тыс. жилых домов. В результате 377800 семей – 2 млн человек – переселились из землянок и временных жилищ[24].

Вслед за отдалением фронта развертывались восстановительные работы в других республиках – освобожденных районах РСФСР, Украины, Прибалтики. Уже к 20 декабря 1943 г. в таких областях России было восстановлено 200 тыс. домов, в которые вселились 862,5 тыс. человек [25]. Набирало темпы восстановление на Украине. Поначалу жилища строились небольшими и неблагоустроенными: глинобитные дома, мазанки, полуземлянки. Сдерживала нехватка строительных материалов, особенно в степных районах. Кровля обычно возводилась из соломы, на стены шли другие всевозможные местные материалы. Но с каждым годом нарастал поток эшелонов с лесом, цементом, стеклом, листовым железом, гвоздями, восстанавливались кирпичные заводы. В результате государственной и всенародной помощи с июля 1941 по январь 1946 г. в колхозах в общей сложности было построено, включая восстановление, 47,6 млн кв. м полезной жилой площади[26]. Но это было лишь начало, так как более половины потерявших жилье продолжали ютиться в землянках.

Многие освобожденные крестьяне лишились самого необходимого – верхней одежды, белья, теплой обуви и т.д. В особо бедственном положении оказались они зимой. На первых порах выручали взаимопомощь, добрососедские отношения, испытанные совместной борьбой, нуждой и горем. Нередко на всю семью оставались одна-две пары ветхой обуви, носимой поочередно. Неудивительно, что во многих селах крестьяне вновь вернулись к домотканой одежде, лаптям, деревянным колодкам. Последствия оккупации оказались настолько тяжелы, что их относительное преодоление требовало ряда лет напряженного труда и огромных материальных затрат. При этом речь шла не только об экономическом возрождении сельского хозяйства, но и самих основ социализма, о восстановлении колхозного строя и советской власти в освобожденной деревне. Непосредственное руководство этим чрезвычайным делом осуществлял специально созданный при СНК СССР Комитет по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации[27].

Прежде всего предстояло полностью восстановить советскую власть, вновь сформировать привычный партийный и советский аппарат, под его руководством начать хозяйственное и иное возрождение. Эта деятельность проходила по трем основным направлениям. Во-первых, в ряде областей и районов, как известно, действовала весьма разветвленная сеть подпольных партийных, советских, комсомольских органов и партизанских подразделений. Закаленные в

боях, испытанные во всех отношениях, хорошо знавшие обстановку на местах активисты подполья и их резерв активно включились в восстановительные работы, составляя костяк нового руководящего актива. Во-вторых, в освобожденные районы стали возвращаться многие аппаратчики и руководящий актив из числа эвакуированных в тыл. И в-третьих, широко практиковалась посылка в освобожденные районы работников тыловых парторганизаций, советских органов и армейских коммунистов.

Еще до освобождения оккупированной территории ЦК Компартий Белоруссии, Украины, Латвии, Литвы, Эстонии, Молдавии, Карело-Финской ССР, а также ряд крайкомов и обкомов РСФСР, находившихся в эвакуации, провели учет не призванных в армию своих кадров. Учет, проведенный ЦК КП(б) Литвы, показал, например, что в советский тыл эвакуировалось 2553 члена партии, или 55,2% всей партийной организации республики. На 10 августа 1943 г. 406 руководящих партийных, советских и комсомольских работников воевали в рядах Красной Армии, в партизанских отрядах либо боролись в антифашистском подполье. На руководящей работе в тылу были заняты 203 коммуниста[28].

В тылу по месту расположения эвакуированных органов действовали специальные курсы по подготовке партийных и советских работников для освобожденных районов. Так, еще с конца 1942 г. развернули работу курсы по подготовке кадров для Эстонской ССР. Всего ко времени освобождения ее территории их окончило 2300 партийных, советских, комсомольских и других работников[29]. Тем же занимались и другие партийные органы. Более 9 тыс. работников разного назначения командировал в освобожденные районы к ноябрю 1943 г. ЦК КП(б) Украины[30]. Из созданного резерва кадров формировались оперативные группы, которые направлялись в распоряжение военных советов фронтов и армий и под их руководством вели соответствующую работу. По мере освобождения территории, продвигаясь вместе с передовыми частями Красной Армии, эти группы становились ядром воссоздаваемых партийных, советских и комсомольских органов.

Во многих случаях формирование официальных органов для освобожденной территории проходило заранее, и как уже отмечалось, из состава наиболее активных подпольщиков и партизан. Так, Ленинградский обком в октябре 1943 г. дал Псковскому подпольному центру указание срочно создать организационные тройки по районам. В Витебской области уже к августу 1943 г. при каждом подпольном райкоме имелся резерв ответственных работников из 80–100 человек. Такую же подготовку провели Орловский и другие партийные комитеты[31]. В Литовской ССР в формируемый партийно-советский аппарат освобожденных территорий, помимо 1300 человек, подготовленных в советском тылу, влилось 1200 бывших партизан и под-

польщиков, а также сотни демобилизованных из армии бойцов и офицеров[32].

Столь же типичен пример заблаговременного формирования кадров руководящего актива Карело-Финской ССР. Они подбирались из партийного и советского актива, командиров и политработников партизанских отрядов, коммунистов-подпольщиков. Некоторых отзывали из эвакуации и действующей армии. К 1 августа 1944 г. в освобожденные районы на административную работу было направлено 2295 человек. Зачастую к месту назначения они прибывали вместе с частями наступающей Советской Армии. К концу того же года на освобожденной территории Карелии уже действовало 169 первичных парторганизаций, 20 партийно-кандидатских и 13 партийно-комсомольских групп. Всюду работали партийные и советские органы – райкомы партии, райисполкомы, поселковые и сельские Советы. Возобновился выпуск районных газет[33].

Но кадров не хватало. Их подготовкой повсеместно на освобожденной территории занимались различные курсы. Только на Украине к 1945 г. функционировало около 850 районных партийных и 1170 политических школ, в которых обучались 61,4 тыс. коммунистов[34]. Тем не менее и этот источник не мог восполнить всей потребности.

Поэтому на освобожденную территорию были направлены коммунисты парторганизаций восточных районов. В Молдавскую ССР ЦК ВКП(б) и СНК СССР командировали, например, на постоянную работу 4800 партийных, советских и других работников из тыловых областей [35]. Свыше 1200 коммунистов прибыло в Курскую область[36], 375 партийных работников и большая группа специалистов сельского хозяйства – в Ростовскую область (в марте–апреле 1943 г.)[37] и т.д.

Быстрое воссоздание партийного аппарата позволило развернуть одновременное восстановление сети первичных организаций. Эта задача оказалась еще более сложной, тем более на селе. Трудное положение создалось в Латвии, Литве и Эстонии, где и накануне войны партийные организации были сравнительно немногочисленны, а в связи с быстрой оккупацией они понесли тяжелые потери. В первые месяцы после освобождения в сельских районах этих республик почти не осталось членов ВКП(б). Нередко даже парторгами волостей назначались кандидаты в члены партии или один из них выделялся сразу на несколько волостей. ЦК компартий Прибалтийских республик направили в качестве волостных парторгов сотни коммунистов из городов[38].

Основная тяжесть организаторской деятельности в той обстановке ложилась на уездное звено. В Эстонии в конце 1944 – начале 1945 г. в большинстве сельских уездов коммунистов оказалось значительно меньше, чем штатных должностей в уездном партийном аппарате[39]. Тем не менее и на село начался приток коммунистов. Так,

в волости Латвии к концу 1945 г. ЦК Компартии республики направил 500 членов партии. Здесь было создано 150 первичных организаций, 100 кандидатских и комсомольских групп, более 500 организаций ВЛКСМ[40]. Ощутимую кадровую помощь Прибалтике оказывали не только восточные тыловые, но и те освобожденные западные районы, где восстановление сельских парторганизаций шло быстрее. Например, одна Ростовская область направила в 1943– 1944 гг. в республики Прибалтики, в Западную Украину и Молдавскую ССР 1200 коммунистов[41].

Подобным образом восстанавливались и органы советской власти. Сразу же по освобождении стали действовать районные и уездные исполкомы Советов. В большинстве случаев они же подбирали председателей и секретарей сельских и волостных Советов, руководителей культурно-просветительных и других учреждений. На руководящую работу рекомендовались люди, проявившие себя в борьбе с фашистскими захватчиками, ничем не запятнавшие себя во время оккупации. В партизанских краях и зонах, где соответствующие органы советской власти действовали и во время оккупации, они продолжали работать в том же составе.

В информациях с мест сообщалось, что в первые же дни после прихода наших войск были восстановлены не только районные, но и абсолютное большинство сельских Советов. Так, к концу 1944 г. Красная Армия освободила 5 районов Винницкой области, и тогда же облисполком сообщал Совнаркому УССР: «...в освобожденных районах возобновили свою работу районные комитеты КП(б)У. Восстановлены исполкомы районных советов и их отделы. Возобновили свою работу сельские советы и приступили к руководству колхозами. Исполкомы сельсоветов, правления колхозов и другие сельские организации напрямую занялись работой по возрождению хозяйства и социально-культурных учреждений»[42]. Всего к концу мая 1945 г. на Украине были восстановлены и действовали 742 районных сельских, 453 поселковых и 16005 сельских Советов[43].

По мере становления местные Советы все активнее привлекали к восстановительным работам трудящихся. При большинстве из них вновь стали действовать постоянные комиссии, в которых участвовали десятки тысяч человек. Так, в апреле 1945 г. при исполкомах сельских Советов Винницкой области насчитывалось 4637 постоянно действующих комиссий – в них работало около 27 тыс. человек. Только при Мизяковском сельсовете Винницкого района в комиссиях участвовало 155 человек актива. Опираясь на него, исполком сельсовета восстановил школу-семилетку, клуб, избу-читальню, библиотеку, амбулаторию, ветеринарный пункт[44].

Сложнее восстанавливались органы советской власти в волостях и поселках уездного подчинения республик Прибалтики. Сказывались острая нехватка местных кадров и то, что созданию исполкомов

препятствовали скрывавшиеся в лесах вооруженные банды националистов и коллаборационистов. Выдвижение кандидатур в волостные и апилинковые (сельские) исполкомы проходило обычно на общих собраниях населения по прибытии представителя уезда. Нередко еще до приезда уездных представителей активисты волости сами организовывали временный исполком. Значительную помощь в организации местных исполкомов оказало командование армии и флота. Так, работники политотдела 249-й Эстонской стрелковой дивизии в ходе наступательных боев провели на территории республики 12 народных собраний и предложили временные составы исполкомов[45]. Но чаще работников волисполкомов утверждали вышестоящие партийные и советские органы.

В итоге и при всех трудностях уже в течение одного-двух месяцев после изгнания оккупантов в Прибалтике повсеместно были созданы не только уездные, но и волостные и апилинковые исполкомы. Так, в Эстонии с августа по октябрь 1944 г. исполнительные комитеты начали действовать в 241 волости и 28 городах уездного подчинения[46]. Для восстановления связи с массами зимой 1944/45 г. при волисполкомах были организованы постоянные комиссии и на каждые 10–12 крестьянских хозяйств назначены сельские уполномоченные. К концу войны в Эстонии насчитывалось уже около 7 тыс. сельских уполномоченных (десятидворников), а в Литве – не менее 20 тыс.[47]. Последние избирались на крестьянских сходах сроком на шесть месяцев. Это – преимущественно трудовые крестьяне, наделенные землей новоселы, бывшие участники партизанского движения и подполья, демобилизованные воины. Десятидворники разъясняли крестьянам советские законы, контролировали выполнение постановлений местных органов власти, госпоставок и т.д.

Таким образом, преодолевая трудности, всюду на освобожденной земле складывался и укреплял свое влияние разветвленный аппарат советской власти. Его органы занимались всеми неотложными вопросами, решение которых вытекало из той непосредственной обстановки, которая складывалась сразу после изгнания оккупантов: бытовым снабжением населения, учетом государственного и общественного имущества, восстановлением порушенного хозяйства, жилья, быта, колхозов, МТС и совхозов (а в районах Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и воссоединенной Молдавии – проведением земельных реформ, выполнением госпоставок, налаживанием работы школ, клубов, широкой пропаганды и агитации).

Организация массовой идейно-политической работы среди освобожденного населения, в том числе среди сельского, представляла одно из главных направлений и важнейшее условие всей восстановительной деятельности партийных, советских и других организаций. Крестьянство с очевидным воодушевлением встречало своих воинов-освободителей. О глубоких патриотических настроениях среди

колхозников ярко свидетельствовали многотысячные митинги и иные массовые проявления в помощь фронту, восстановление разрушенного войной народного хозяйства.

В донесении начальника политуправления 1-го Украинского фронта Главному политическому управлению Красной Армии от 17 января 1944 г. сообщалось: «Население Правобережной Украины, вызволяемое войсками нашего фронта от немецких захватчиков, с большой радостью и любовью встречает своих освободителей... Оставшиеся жители освобожденных сел и городов выходят навстречу бойцам и командирам... со слезами радости на глазах, с хлебом и солью, а иногда и с красными знаменами, бережно хранившимися советскими патриотами до этого радостного дня. Граждане, освобождаемые от немецко-фашистских оккупантов, при встрече с освободителями бросаются им в объятия, целуют их, зовут к себе в хаты отдохнуть, покушать. Встречи с частями Красной Армии зачастую превращаются стихийно в митинги. Присутствующие на них с волнением в сердце произносят слова благодарности Красной Армии. Их речи наполнены радостью и гордостью, жгучей ненавистью к немецко-фашистским оккупантам»[48].

Но приходилось учитывать и то, что находившееся в оккупации население не только было лишено правдивой информации о происходящих событиях, но и усиленно подвергалось нацистской обработке. Гитлеровцы всячески пытались поколебать преданность крестьянства советской власти, идеалам социализма, возродить среди него частнособственнические и буржуазно-националистические пережитки. Поэтому, писала «Правда», надо «с первого же дня разоблачать накопившуюся за время оккупации ложь и для этого развернуть систематическую, широкую политическую агитацию»[49]. Во время войны оживилась и деятельность антисоветски настроенных церковников, сектантов. На освобожденной территории оставались и всякого рода изменники Родины, вчерашние пособники фашистов, в том числе подпольно. Это требовало предельной бдительности и решительных действий.

В очень сложной обстановке развертывалась идеологическая работа в западных районах Украины, Белоруссии, в Бессарабии, а также в Латвии, Литве и Эстонии. Помимо общих трудностей, характерных для всех освобожденных районов, в каждом регионе имелись и специфические. В перечисленных районах до войны советская власть существовала лишь год-полтора, а фашистская оккупация продолжалась до трех лет. Гитлеровцы и различные националисты обрушили на население потоки антисоветской, а то и антирусской клеветы. Бандитские группы боролись против всего, что оставалось дорого трудящимся, опираясь при этом на прозападно настроенную часть населения, спекулируя на прежних собственнических настроениях некоторых крестьян.

В таких районах и республиках шла в то время острая классовая и политическая борьба, подогреваемая с Запада. Последыши фашистов распространяли ложные слухи, терроризировали население, совершали диверсии, грабили кооперативные магазины, дискредитировали, зверски убивали коммунистов, комсомольцев, беспартийных активистов. Только в Эстонии в 1944–1945 гг. от политического террора и бандитизма погибли сотни советских активистов, крестьян, работников волисполкомов[50].

В Волынской области с июля по ноябрь 1944 г. было совершено 804 подобных нападения, сожжено 135 крестьянских хат, 300 сельских и 16 районных клубов, 22 библиотеки. В Станиславской области к концу того же года от рук бандитов погиб 1531 человек. В Дрогобычской области лишь в октябре 1944 г. было зарегистрировано около 100 случаев террористических действий[51]. В Белоруссии вооруженные группы бесчинствовали на территории Брестской, Пинской, Барановичской, Молодечненской и Гродненской областей. Только в Гродненской области с осени 1944 до июня 1945 г. бандиты совершили более 300 таких вооруженных актов, жертвами которых стали 500 местных активистов[52].

Для решительной борьбы с террористическим антисоветизмом, наиболее проявившимся в сельских районах Прибалтики и западных областях Украины, на местах и в уездах из числа коренного населения были сформированы специальные истребительные батальоны, а в волостях – отряды народной защиты или группы содействия этим батальонам. На 15 февраля 1945 г. на Украине действовало 776 истребительных подразделений, в которых насчитывалось 69 315 человек, и 17 930 групп содействия, объединявших 116 297 добровольцев. Из этого числа 212 истребительных батальонов и 2336 групп содействия общей численностью 48 тыс. человек дислоцировались в западных областях Украины[53]. Только в селах Волынской области УССР в 1944 г. крестьяне добровольно создали 428 групп охраны порядка и 33 истребительных батальона по борьбе с бандами – записалось 6 тыс. человек[54].

Вместе с органами НКВД батальоны обезвредили много больших и малых вражеских, преимущественно националистических банд. В той же Волынской области за короткий срок было задержано 1500 террористов и уничтожено при сопротивлении более 600. За то же время население обнаружило свыше 100 их тщательно замаскированных и хорошо укрепленных убежищ. Немало так называемых идейных сопротивленцев, убедившихся в бессмысленности борьбы против советской власти и прозревших от буржуазно-националистических заблуждений под влиянием соответствующей пропаганды, выходили из лесов, сдавали оружие. Так произошло и на Волыни, где почти 2 тыс. бывших членов националистических групп пришли с повинной[55]. А всего к осени 1944 г. в семи западных областях УССР с

повинной явилось около 15,5 тыс. человек, в основном обманутых националистами[56]. Однако полностью ликвидировать очевидный бандитизм удалось лишь после войны. Что же касается скрытого до поры национализма, постоянно подогреваемого с Запада в условиях холодной войны, то он оставался таковым не более чем до распада СССР и не менее распространенным, чем в рассматриваемые годы.

Но были и более худшие проявления – в национальных регионах, например, на Северном горном Кавказе, особенно в Чечено-Ингушской АССР, входившей в состав РСФСР и в 1942–1943 гг. частично оказавшейся в оккупации. В имеющейся ныне литературе весьма подробно, подчас с крайними оценками повествуется о депортации ее народа, равно как ряда других малых народов. Мы полностью разделяем выводы о том, что массовое выселение целых народов, пусть не очень многочисленных, далеко не лучший способ так называемого «умиротворения» некоторой их части, хотя и весьма значительной. Насильственная депортация на долгие годы оставила после себя глубокое чувство унижения.

В то же время «нельзя забывать, что депортации, – как пишут авторы упоминавшегося четырехтомника по истории Отечественной войны, – осуществлялись под флагом возмездия за пособничество оккупантам» на волне всеобщей ненависти к фашистам. Это осуществлялось, мотивировалось в Указе Президиума Верховного Совета СССР, в интересах самих же пособников оккупантов ради спасения их от «гнева народного»[57]. А гневаться было за что. В дополнение к имеющейся объективной информации приведем еще одну – докладную уже упоминавшегося старшего инструктора политуправления НКЗ СССР В. Закладного своему руководству с просьбой доложить о сообщаемых фактах в ЦК ВКП (б) для принятия необходимых мер*.

---

* Меры, как известно, были приняты крутые и подготовленные. Вот некоторые дополнительные сведения, в частности, по организации приемки скота в ходе депортации Чечено-Ингушской АССР. В этом было занято 40 районных и 440 сельских комиссий, которые кроме скота вели сбор, учет и оформление сельскохозяйственных продуктов и имущества. Для обслуживания стада из соседних районов и областей дополнительно привлекались 26 тыс. человек, в том числе 8 тыс. колхозников. Кроме этого, для охраны животных было выделено 9 тыс. бойцов из запасной учебной бригады.

Всего было принято 208 тыс. голов крупного рогатого скота, 213 тыс. овец и коз, 16,2 тыс. лошадей, 20,6 тыс. волов, 4,5 тыс. ослов, а также 33,6 тыс. т зерна и кукурузы, 3,2 тыс. т картофеля, 130 т шерсти, 48 тыс. шт. кож (так что по военным меркам в целом здесь жили безбедно, если учесть и то, что приведенные сведения относились к 20 марта 1944 г., т.е. к концу годового продовольственного цикла). Принималось и жилье. Переселенцам выдавались соответствующие квитанции на все сданное за вычетом недоимок по заготовкам и налогам и т.п. (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 277. Л. 3). Расчет осуществлялся по месту переселения.

«После оккупации, – докладывал инструктор, – положение еще ухудшилось: враждебные элементы открыто проводят подрывную работу против МТС и колхозов. Организован ряд крупных банд, занимающихся террором и грабежами... Значительное число колхозов существует только на бумаге, по существу ведется индивидуальное хозяйство. В апреле 1943 г. из 24 районов рабочий скот был вновь обобществлен только в двух. В ряде районов скот 4–5 раз сводился и разбирался по дворам». Далее рассказывалось о полном игнорировании уставных колхозных норм, о захвате общественных земель и скота, об отсутствии какой-либо дисциплины.

«Причины такого положения, – продолжал В. Закладной, – объясняются следующим образом. В республике во время коллективизации не было ликвидировано кулачество, экономически его база не была подорвана. Кулаки, муллы, бандитские элементы ушли в горы, отсиживались до прихода немцев, постепенно вернулись в аулы, станицы, пробрались на руководящие посты в колхозах... стали проводить враждебную, националистическую пропаганду. В 1942 г. в связи с приближением фронта организовали ряд крупных и мелких банд, некоторые из них сохранились по сей день. Немцы всячески поддерживали все зло...»[58]

В сущности, ситуация выходила из-под контроля на всей территории Чечено-Ингушетии и многих смежных районов. В 1944 г. последовал соответствующий Указ о депортации, который вытекал из той чрезвычайной военной обстановки и не являлся каким-то нонсенсом. Подобные меры широко применялись и в других государствах, в частности, в США и Великобритании – главных участниках антигитлеровской коалиции», где, как известно, не было ни Сталина, ни Берии. Кстати, и указ Президента России от 24 января 1995 г. о восстановлении в правах сотрудничавших с оккупантами депортированных лиц не имеет полной обратной силы. Он не распространяется тем более на военнопленных и гражданских лиц, служивших в строевых и специальных формированиях вермахта, в полиции и т.п., ибо предательство и измена Родине не могут иметь сроков давности.

В связи с особой важностью политической и разъяснительной работы с освобожденным населением ЦК ВКП(б) принял ряд специальных постановлений. 25 августа 1943 г. – «О мероприятиях по усилению культурно-просветительной работы в районах, освобожденных от немецкой оккупации»[59], которым намечались конкретные меры по восстановлению типографий, по обеспечению населения газетами, политической и художественной литературой, возобновлению работы кинотеатров. Предстояло также в освобожденных областях РСФСР и Украины наладить работу партийных кабинетов горкомов и райкомов партии. Сюда направлялись пропагандистские группы, а на постоянную работу – кадры пропагандистов.

Затем последовали постановления ЦК ВКП(б) по отдельным ре-

спубликам: «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения»[60] (август 1944 г.); «О мерах помощи Украинской ССР в деле улучшения массово-политической и культурно-просветительной работы»[61] (сентябрь 1944 г.) и др. На Украине предусматривалось, в частности, создание годичной республиканской партийной школы для подготовки и переподготовки секретарей городских и районных комитетов, а при ней – комсомольского отделения. Центральному Комитету КП(б)У разрешалось также открыть годичную республиканскую школу для подготовки и переподготовки районных пропагандистов и газетных работников, а во всех областях Украины – 6-месячные курсы по подготовке секретарей партийных организаций и комсомольских работников. Определялся и ряд других конкретных мер по улучшению идеологической работы на местах. Аналогичным выглядело и постановление ЦК ВКП(б) по Белоруссии.

В 1944–1945 гг. ЦК ВКП(б) принял еще несколько отдельных постановлений идейно-пропагандистской направленности: «О недостатках в политической работе среди населения западных областей УССР» (сентябрь 1944 г.); «О недостатках и задачах в области политической работы партийных организаций в Литовской ССР» (октябрь 1944 г.)[62] и др. Речь шла о необходимости полного преодоления «буржуазно-националистического влияния», усиления воспитания трудящихся в духе «советского патриотизма и дружбы народов», проведения массово-политической работы с учетом местных особенностей. Принятые меры способствовали широкому развертыванию идеологической работы в западных районах. Население получило обильную информацию о ходе борьбы Советского Союза с фашистской Германией, широко обнародовались факты кровавых преступлений гитлеровцев и националистических банд, вскрывались и пресекались распространяемые вражеской агентурой провокационные слухи, преодолевались насаждавшиеся оккупантами антиколхозные настроения среди неколлективизированных крестьян. Ко всей этой работе на селе подключались местные газеты, радиопередачи, клубы, избы-читальни.

На освобожденной территории Украины уже к концу 1944 г. начали действовать почти 800 радиоузлов, более 10 тыс. радиотрансляционных линий, 330 тыс. радиотрансляционных точек. В Белоруссии в начале 1945 г. возобновили работу 1854 избы-читальни, 11 областных, 140 районных и 35 сельских библиотек, 168 районных Домов культуры и сельских клубов. Восстановление местных радиоузлов позволило наладить деятельность 30 районных радиовещательных редакций[63].

Развернули разъяснительную работу пропагандисты и агитаторы – их число быстро росло. В освобожденных районах Украины еще в

феврале 1944 г. насчитывалось 40 тыс. агитаторов, тогда как к лету их число увеличилось до 125 тыс., а к октябрю 1945 г. – до 300 тыс.

Столь же стремительно увеличивалось число пропагандистов, лекторов, докладчиков. Их подвижнической деятельности во многом способствовали восстановленные парткабинеты. Уже к концу 1943 г. в освобожденных районах насчитывалось 1066 таких кабинетов, в том числе в Ростовской области – 88, Орловской – 76, Воронежской – 42, в Краснодарском крае – 83[64]. Они вновь становились центрами оперативной пропагандистской работы.

В деревне широко использовалась и такая ее испытанная форма, как беспартийные сельские конференции. В Эстонии в октябре 1944 г. на итоговый сбор трудового крестьянства съехались представители всех без исключения уездов, а в марте 1945 г. здесь состоялся и Первый съезд трудового крестьянства. Его обращение затем обсуждалось на многочисленных собраниях в уездах и волостях. В Латвии после освобождения республики было проведено около 19 тыс. народных собраний (свыше 2 млн чел.). Присутствующие узнавали правду о победах Советского Союза, о его политике, важнейших государственных законах, в том числе по аграрному вопросу[65]. В январе 1945 г. состоялось первое республиканское совещание работников сельского хозяйства и активистов-крестьян Латвии с участием около тысячи человек[66]. В марте того же года прошел Первый республиканский съезд трудовых крестьян Литовской ССР. 400 его делегатов обсудили доклад первого секретаря ЦК КП(б) республики А. Снечкуса «О текущем моменте и задачах трудовых крестьян Советской Литвы»[67].

В Молдавии в одном Бельцком уезде Бессарабии и только в феврале 1945 г. было созвано 354 собрания трудовых крестьян по сельсоветам, на которых присутствовали 75 200 человек. Затем состоялись районные и уездные крестьянские конференции – участвовало более 4,5 тыс. делегатов – крестьян и агроуполномоченных[68]. Характерным представляется одно из многих выступлений на конференции крестьянки Михайловской из с. Логофтены Фалештского района: «Раньше, при румынах, если придешь в примарию, то нас даже не пускали в помещение. А теперь, при советской власти, мы вот сидим в президиуме вместе с руководителями. Летом 1944 г. мы много помогали Красной Армии. Сейчас, готовясь к весеннему севу, мы постараемся подготовиться так, чтобы как можно лучше провести весенний сев и получить высокий урожай. Этим самым мы будем помогать нашей освободительнице»[69].

Принципиальное значение для сплочения трудового крестьянства западных районов и подготовки условий для коллективизации имело восстановление действия закона о земельной реформе, начатой в 1939–1940 гг. Она была направлена на полную ликвидацию помещичьего землевладения, на устранение малоземелья и безземелья. Гит-

леровцы аннулировали результаты этой реформы. После их изгнания вся земля, отнятая захватчиками, вновь возвращалась в безвозмездное пользование батракам, безземельным и малоземельным крестьянам.

Но аграрные преобразования 1944–1945 гг. не стали простым повторением предвоенной реформы, они развивались и корректировались с учетом новой обстановки. В государственный земельный фонд полностью перешли землишш ушедших с оккупантами лиц и предателей. Уменьшались размеры участков многоземельных и богатых хозяйств. Максимальный размер надела определялся теперь в пределах 20–30 га в зависимости от его качества и местонахождения. Сотрудничавшие с оккупационными властями в Литовской ССР могли иметь не более 5 га, в Латвии – 5–8 га, в Эстонии – 5–7. Все отрезки, бесхозные и другие освободившиеся площади дополнительно поступали в государственный земельный фонд. В Латвии, например, эти земли составили в общей сложности свыше 1500 тыс. га. Часть их пошла на прирезки малоземельным крестьянам, остальные отошли совхозам, МТС, школам и другим учреждениям. По новому землеустройству новоселы и малоземельцы Латвии и Литвы могли получить 10–15 га вместо 10 по закону 1940 г., в Эстонии – 12–18 га против максимальных 12 предвоенных[70] и т.д.

Реализация закона о земле потребовала немало усилий и проходила в острой классовой и политической борьбе. Так называемые кулаки* и другие противники радикальных преобразований пытались влиять на составлявших большинство безземельных и малоземельных крестьян с тем, чтобы те отказывались брать землю. Они всячески тормозили работу земельных комиссий, срывали подготовку к севу, прятали скот, семена, машины, распускали провокационные слухи, устраивали диверсии, усиливали бандитские вылазки[71].

В целом осуществление земельной реформы завершилось в 1947–1948 гг., но основные преобразования были проведены уже к окончанию войны. Об этом свидетельствуют, например, подробные сведения по Латвийской ССР. В 1944–1945 гг. здесь было создано 48 873 новых крестьянских хозяйства с общей земельной площадью 606 142 га; 20 897 домовладельцев получили 90 034 га прирезанной земли; 37216 га отошло совхозам, 70 143 – МТС, машинно-коннопро-

---

* Мы преднамеренно сохранили здесь соответствующую социальную терминологию 20–30-х годов по отношению к зажиточной части сельского населения середины 50-х. И не только для того, чтобы оттенить преобладавший тогда неизменный характер создаваемых общественных настроений. Хотелось хотя бы сперва упредительно фактологически зафиксировать те исходные догматические предпосылки большой политики руководства, неизбывность которых в итоге обрела тот роковой исторический результат, по сравнению с которыми перегибы массовой коллективизации все больше выглядели досадным анахронизмом и все дальше уходили в область преходящего (подр. см. выше).

катным пунктам, школам, 79 494 – предприятиям и подсобным хозяйствам, около 600 тыс. га земли оставалось в резерве.

В ходе перераспределения государственного земельного фонда новохозяева и малоземельные крестьяне дополнительно получили 696176 га, то есть примерно на 100 тыс. га больше по сравнению с тем, что они имели накануне войны. К 1946 г. общее число крестьянских хозяйств в Латвии достигло 251 тыс., или возросло против предвоенного периода примерно на 25 тыс. При этом особенно увеличилось число середняцких хозяйств, в пользовании которых теперь находилось около 80% всей крестьянской земли и скота. Крупные землевладельцы и пособники оккупантов, напротив, лишились (на 30 апреля 1945 г.) 868 282 га земли[72].

Аналогичные преобразования прошли в других западных республиках и областях. В Литве к августу 1945 г. свыше 75 тыс. крестьянских хозяйств получили 516 тыс. га земли вместо 394 тыс. предвоенных. Государственный земельный фонд здесь возрос соответственно с 607,5 тыс. до 965,1 тыс. га[73]. Из этого фонда заново земельные участки приобрели 30 828 хозяйств батраков и безземельных, 25 270 хозяйствам возвратили утраченные участки (захватчики отобрали их в начале войны), 18 637 малоземельных и середняцких домовладельцев получили «прирезки»[74]. В Эстонии к концу 1945 г. было удовлетворено 43 тыс. заявлений безземельных и малоземельных крестьян на обретение желаемых наделов. В Молдавии к середине 1945 г. трудовое крестьянство получило более 200 тыс. га помещичьей и «кулацкой» земли. В западных областях Украины к маю 1945 г. та же категория сельского населения возвратила себе 483 тыс. га земли. Свыше 600 тыс. га получили 47,4 тыс. крестьянских дворов западных областей Белоруссии[75].

Ограничение зажиточных хозяйств и сотрудничавших с оккупантами лиц осуществлялось не только в землепользовании: у них полностью или частично изымались скот, сельхозинвентарь, дома и хозяйственные постройки. Так, в Эстонии «у кулаков и пособников оккупантов» было изъято и передано трудовому крестьянству 4,5 тыс. лошадей, 18 тыс. коров, 11 тыс. голов другого скота, много сельхозмашин и орудий, а также более 5 тыс. домов, 15 тыс. хозяйственных построек[76]. В свою очередь за 1944–1945 гг. крестьяне Латвии получили свыше 10 тыс. жилых и хозяйственных построек, тысячи лошадей, коров[77]. Политика экономического ограничения «кулачества» выражалась также в дифференцированных нормах обязательных поставок в зависимости от размеров землепользования. Для бедняков широко использовались льготы как по поставкам, так и по налогам. В Литовской ССР, например, в 1944–1945 гг. такими льготами пользовались 154,4 тыс. сельских дворов[78].

Крестьянству западных областей Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтийских республик и Карелии была оказана существен-

ная материальная помощь и в возрождении самого сельского хозяйства. К маю 1945 г. в Западной Украине государство восстановило 174 МТС, 136 мастерских текущего ремонта сельскохозяйственных машин. Во время осенних полевых работ 1944 г. 24 тыс. бедняцко-середняцких хозяйств и семьи фронтовиков получили помощь в обработке земли. В 1945 г. государство выделило крестьянству 540 тыс. пудов семенной ссуды[79]. Всего к концу войны на западе Украины, в Белоруссии, Молдавии и Прибалтике было восстановлено или создано заново около 440 машинно-тракторных станций[80]. Хотя доля обработанных ими посевов единоличных крестьянских хозяйств оставалась невысокой, их деятельность, как и первых совхозов, оказывала заметное влияние на подготовку коллективизации в этих районах послевоенных лет.

Исходно возрождение социалистических основ сельского хозяйства на всей освобожденной территории началось в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 января 1943 г. «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобождаемых от немецко-фашистских оккупантов»[81]. Оно обязывало республиканские и областные директивные органы неотложно, «впредь до созыва общих собраний колхозников и избрания правлений колхозов... подобрать и назначить исполняющих обязанности председателей колхозов, обязав райкомы ВКП(б) и райисполкомы утвердить счетоводов и заведующих животноводческими фермами... немедленно приступить к восстановлению всех ранее работавших МТС, подобрать руководящие кадры, в первую очередь директоров МТС, с последующим утверждением НКЗ СССР. Провести инвентаризацию имущества, развернуть подготовку механизаторских кадров, приступить к ремонту машин и помещений и по мере освобождения новых районов немедленно принимать меры к восстановлению работы МТС».

Местные руководящие органы обязывались в кратчайшие сроки восстановить земельные отделы райисполкомов и направить их усилия на возрождение колхозов, организацию сельскохозяйственных работ. В течение ближайших двух-трех недель по каждому хозяйству предстояло провести сбор и инвентаризацию сохранившегося общественного имущества и инвентаря, включая тот, который оказался на сохранении у колхозников; необходимо было взять на учет весь общественный рабочий и продуктивный скот, собрать на колхозные фермы, обеспечить его нормальное обслуживание. Придавая всему намеченному первостепенное значение, ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязали наркома земледелия СССР представлять им соответствующую информацию о ходе выполнения постановления через каждые пять дней.

В связи с тяжелым положением с кадрами в январе 1943 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР обязали Наркомзем СССР, Наркомсовхозов

СССР, обл(край)исполкомы, обл(край)комы ВКП(б) мобилизовать и направить в освобожденные районы 400 директоров МТС и их заместителей, 800 агрономов, 500 бухгалтеров, 150 заведующих райзо, 2800 бригадиров тракторных бригад и 23 тыс. трактористов и комбайнеров[82]. В первую очередь в это число включались работники, подлежавшие реэвакуации. К концу октября 1944 г. в освобожденные районы прибыли 4800 руководящих работников и специалистов, в том числе 1177 агрономов, 642 руководящих работника, 623 зоотехника, 526 ветеринаров, 450 механиков и инженеров сельского хозяйства[83]. Влившись в аппараты земельных органов, в состав ведущих кадров колхозов, совхозов и МТС, они сразу же включились в восстановление и укрепление общественного производства на освобожденной земле.

Само оформление колхозов проходило довольно быстро – в течение одной-двух недель после изгнания оккупантов. Особое внимание обращалось на их восстановление в областях, подвергшихся наибольшим разрушениям. В мае 1943 г. СНК СССР принял, например, специальное постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства г. Курска и Курской области»[84], выполнение которого правительство поставило под непосредственный контроль соответствующего Комитета СНК. Уже к июню 1943 г. в 40 освобожденных к тому времени районах области было восстановлено 4,5 тыс. колхозов. На их оформление потребовалось 10–15 дней после изгнания захватчиков[85]. В Белоруссии к ноябрю 1944 г. уже действовали 9160 колхозов из 9611 имевшихся до войны (остальные вместе со всем населением фашисты полностью уничтожили)[86].

Обобщающие сведения о восстановлении численности колхозов содержит табл. 11. К 1945 г. даже в подвергшихся полной оккупации республиках БССР, УССР и Молдавской ССР было в основном достигнуто их довоенное количество. Из освобожденных областей РСФСР названы не только крупные в сельскохозяйственном отношении, но и не изменявшие за годы войны своих границ – Воронежская и Ростовская, а также Краснодарский край. И здесь число колхозов уменьшилось незначительно. Некоторое исключение составляла Карелия. Последствия трехлетней оккупации при животноводческом направлении большинства хозяйств республики необычайно осложнили их восстановление. В течение года здесь вновь было организационно оформлено 675 колхозов, а также 10 совхозов, 19 МТС, создано 5 совхозов.

В итоге даже в Карелии к концу 1945 г. в основном также была достигнута довоенная численность колхозов[87]. Что же касается их числа по РСФСР и СССР в целом, то несоразмерное сокращение вызвало укрупнение части хозяйств тыловых регионов. В освобожденной зоне до окончания войны укрупнение колхозов, как правило, не проводилось.

Таблица 11

Численность колхозов 01.01. 1941 г. и 01.01. 1945 г.*

Республика, область, край	1941 г.	1945 г.	Уменьшилось (–)	1945 г., % к 1941 г.
РСФСР**	166761	152137	–14624	91,2
БССР	9611	9577	–34	99,7
УССР	26919	26373	–546	98,0
Молдавская ССР	233	227	–6	97,4
Карело-Финская ССР	872	620	–252	71,2
Воронежская область	4411	4307	–104	97,7
Краснодарский край	2334	2184	–150	93,6
Ростовская область	1845	1840	–5	99,7
СССР	233738**	216548	–17190	92,6

* Сост. по: Ист. архив. 1962. № 6. С. 21–22. До окончания войны в освобожденных районах было восстановлено 85 тыс. колхозов, а также все совхозы и МТС. См. об этом: История Коммунистической партии Советского Союза... Т. 5. Кн. 1. С. 472.

** Без Якутской АССР и западных областей БССР и УССР.

Восстановление уже бывших и организация новых коллективных хозяйств проходили также в республиках и областях, вступивших в состав СССР накануне войны. В первую очередь это касалось западных районов Украины, где еще до войны появилось весьма много колхозов. Уже весной 1944 г. в Львовской, Тернопольской, Ровенской, Дрогобычской, Станиславской и Волынской областях было восстановлено 77 сельхозартелей и создано 176 инициативных групп по их организации. Во второй половине 1944 г. только в Тернопольской области было организовано еще 35 колхозов и 22 инициативные группы. Но задача полного восстановления всех 2589 довоенных колхозов в ходе войны здесь не ставилась[88].

Это относилось и к западным районам Белоруссии. К 1945 г. в БССР восстановили 132 колхоза из 1115 имевшихся[89]. Сказывалась и соответствующая позиция в отношении кооперативного движения в этих районах республики со стороны местных партийных и советских органов[90]. В Молдавии перед войной имелось 935 колхозов, но их восстановление также развернулось в основном после окончания войны[91]. Что же касается республик Прибалтики, где довоенные колхозы исчислялись единицами (в Латвии – 3, Эстонии – 8, Литве – не более 20), то здесь задача их массовой организации тем более отодвигалась на послевоенные годы[92].

Восстановление колхозов и начало работ по обеспечению материально-бытовых условий жизни и труда сельского населения выдвинули на первый план задачу массовой подготовки колхозных кадров,

мобилизации трудовых ресурсов освобожденной деревни. Общая численность трудоспособного населения в колхозах Украины, Белоруссии и Молдавии к концу 1944 г. сократилась по сравнению с 1940 г. на 35,2%. В освобожденных областях РСФСР эта убыль оказалась более значимой: в Калининской – 62,2%, Ростовской – 39,1%[93] и т.д. Резко обострилась кадровая проблема, причем во всех ее структурах – от руководящих до массовых. Повсеместно началось выдвижение на колхозные должности новых работников вместо выбывших. К концу войны среди председателей сельхозартелей Украины, Белоруссии и Молдавии свыше 51% в этой должности работали не более одного года и 35% – менее трех лет. Среди бригадиров – соответственно 50,6 и 35,8%, заведующих фермами – 56,3 и 32,1%, счетных работников – 38,2 и 42,2%[94]. В среднем от 80 до 88% этих определяющих кадров колхозного производства были избраны во время войны, в основном на ее завершающем этапе, т.е. после освобождения.

В 1944 г. в числе председателей колхозов тех же республик насчитывалось 7,4% женщин против 1,3% в 1940 г., а в Карелии – 26,4 вместо 16,7%. Среди колхозных бригадиров Украины, Белоруссии и Молдавии доля женщин поднялась еще выше – в среднем с 1,3 до 39,5% (в Карелии с 25 до 66,5%), среди заведующих фермами – с 6,6 до 42,7% (в Карелии с 16,1 до 86,6%), бухгалтеров и счетоводов – с 11,7 до 59,6% (в Карелии с 22,2 до 71,1%)[95]. По числу женщин на руководящей колхозной работе 1944 г. стал рекордным за всю предшествующую историю коллективного сельского хозяйства как тыловых, так и освобожденных районов. Среди освобожденных республик первое место по удельному весу женщин в числе руководителей занимала Карелия, а среди областей РСФСР и в целом по стране – Калининская область, где в 1944 г. женщины составляли 34,9% председателей колхозов, 67,9% бригадиров, 79,6% заведующих фермами, 67,3% счетных работников[96]. Таков обобщенный показатель выдающейся роли женщины-колхозницы не только в производственной, но и в организаторской деятельности на самом тяжелом этапе восстановительных работ в деревне.

К числу первоочередных мероприятий, с которых началось возрождение освобожденных областей, относилась подготовка механизаторских и массовых колхозных кадров. Прибывшие из тыловых районов тракторы, комбайны и соответствующие специалисты лишь частично восполняли острую в них потребность. Поэтому повсеместно в первые же недели после освобождения начали действовать школы и курсы по подготовке работников массовых технических профессий. На Украине к весеннему севу 1944 г. было подготовлено 45 035 специалистов массовых профессий МТС, при этом план подготовки трактористов республика выполнила на 114%, комбайнеров – 112%. Тогда же здесь прошли обучение 30 547 человек массовых колхозных кадров – животноводов, счетоводов, ветфельдшеров, вино-

градарей, садоводов и др.[97]. Около 15 тыс. механизаторских кадров подготовила к окончанию войны Белоруссия; 9-тысячный отряд работников массовых технических профессий был создан к весне 1944 г. в Курской области; подготовку 3,7 тыс. специалистов разного профиля развернул к лету того же года Наркомат земледелия Молдавской ССР[98].

В освобожденных районах РСФСР обучение механизаторов в основном проходило в степных многоземельных районах. Лучших результатов добились в этом на Дону. До конца войны здесь подготовили 30 064 механизатора, в том числе 23 392 тракториста, 2382 комбайнера, 233 механика, 351 бригадира тракторных бригад, 2190 помощников комбайнеров, 761 шофера, 754 ремонтных работника. Треть из них опять-таки составляли женщины. Подготовка такого, например, числа механизаторов позволила уже в 1944 г. в основном обеспечить потребности МТС[99].

Столь же быстро проходило организационное восстановление и самих МТС. На Украине почти все они работали уже к концу 1944 г. Об этом свидетельствует и приводимая общая динамика. На начало 1943 г. их действовало 394, в 1944 г. – 1702, на 1 октября 1944 г. – 3080 и на начало 1945 г. – 3102 из 3150, имевшихся до войны[100]. Удивительная поступательность в возрождении МТС объяснялась исключительной заинтересованностью в них как государства, так и колхозов. Колхозники Ногинского района Московской области выступили даже инициаторами движения за скоростное восстановление МТС силами самих колхозов. Повсеместно решающую помощь оказывал рабочий класс, промышленные предприятия. Всего в 1945 г. методом народной стройки возводились и возрождались 400 МТС[101].

Развернулись работы по восстановлению ремонтно-технической базы МТС, ремонту тракторов и комбайнов, а также колхозных машин и механизмов. В соответствии с постановлением СНК СССР от 14 марта 1944 г. «О материально-техническом обеспечении сельского хозяйства» в освобожденных районах началось восстановление 828 МТМ текущего и 84 МТМ капитального ремонта, 24 ремонтных заводов, 1100 производственных помещений и гаражей. На эти цели государство выделило 302,8 млн руб. или 55% всех капиталовложений по Наркомзему на 1944 г.[102].

На начало 1945 г. в республике действовали 22 завода по ремонту сельскохозяйственной техники, 79 МТМ по восстановлению тракторов и комбайнов. Уже в 1944 г. в колхозах Украины работали 38 163 трактора, 6574 комбайна, 12 116 молотилок, много других машин и механизмов[103]. На завершающем этапе войны, когда заметно лучше стало с запасными частями, повысилось и качество ремонта техники и, как следствие, ощутимо поднялась выработка на трактор.

Организационное оформление колхозов и МТС, возобновление их работы являлось, разумеется, лишь началом большой и разносто-

ронней деятельности по восстановлению социалистических основ сельского хозяйства. Много предстояло сделать по восстановлению колхозного землепользования. Как показано в предыдущей главе, его в корне порушило введение фашистского «нового порядка» на советской земле. Следовало упразднить чересполосицу, оставленную оккупантами в результате внедрения их так называемых товариществ, насаждения индивидуальных хозяйств и владений колонистов, восстановить приусадебные участки и привести их в соответствие с нормами колхозного устава, наладить организацию и учет труда, изолировать враждебные элементы, возродить коллективистские отношения в жизни, труде и во всей социальной психологии села.

В большинстве вновь оформленных колхозов восстановили акты на вечное пользование землей, за колхозами вновь закреплялись общественные поля и выпасы. В ряде хозяйств сразу же восстанавливались шнуровые книги, устанавливались границы приусадебных участков. Но так было не везде. В некоторых районах и областях проведение этой работы затягивалось. Во многих колхозах медленно восстанавливались внутрихозяйственные подразделения – бригады, фермы, звенья; нередко наблюдалась и уравниловка в оплате труда. Имели место нарушения Устава сельскохозяйственной артели, в том числе со стороны районных и областных организаций.

Тем не менее вновь без должной подготовки и учета исторической специфики крестьянство, в сущности, безальтернативно продолжало вовлекаться здесь в так называемое массовое общественно-производственное «вступление» в колхозы, МТС и даже совхозы. Между тем та же прибалтийская деревня (и не только) со времен буржуазной власти имела довольно развитую структуру различных переходных форм потребительско-сбытовой кооперации, активно занимавшейся и организацией производственной деятельности.

В Эстонии, например, традиционно и активно действовали даже после фашистского грабежа яйцесоюзы и яйцекооперативы в составе 714 пунктов по сбору, упаковке и экспорту куриной продукции, закупавшие у крестьян и реализовывавшие до 13 млн шт. яиц в год, не считая куриного мяса. Столь же разветвленную структуру имел «Союз молочных товариществ», в распоряжении которого насчитывалось 234 маслозавода и 400 сливных пунктов, занимавшихся сбором и переработкой молока, собираемого у крестьян и реализуемого по рыночным ценам. Действовал и «Союз по сбору и переработке овощей» на базе тех же крестьянских хозяйств и 77 спиртоводочных заводов, «Союз мелиоративных обществ», 241 кооператив с 4 тыс. членов «машинопотребительского» направления, «торфяные» кооперативы, по «совместному использованию электроэнергии», по разведению свиней, садоводству, а также кредитное товарищество и др.

Словом, все, даже индивидуальное крестьянство в той или иной мере было вовлечено в разные виды потребительско-сбытовой коо-

перации и в обслуживание ее организационно-производственных структур. Это создавало благоприятные возможности для дальнейшего углубления коллективистских начал на селе в тесном союзе с местной промышленностью и экспортными организациями. Да и сами разного рода товарищества и кооперативы вовсе не исчерпали свои возможности, о чем, в частности, с подробным историческим и реальным обоснованием писал на имя А.И. Микояна в январе 1945 г. А.Т. Веймер – председатель правительства ЭССР[104]. И потому всякого рода прежние и современные суждения о том, что де при наличии колхозного строя в СССР в условиях Прибалтики «утрачивали свое значение переходные формы кооперации», не имели и не имеют оснований. Но их реализация нанесла непоправимый ущерб советскому строительству в западных регионах.

Однако все это (по крайней мере казалось) не имело глубинных причин для будущих потрясений. Главное тогда виделось – и вполне резонно – в другом: в кратчайшие сроки даже в условиях еще продолжавшейся войны были восстановлены социалистические основы колхозного строя, а в западных районах осуществлены столь радикальные аграрные преобразования, которые создавали условия для проведения там действительно массовой, но не форсированной, коллективизации. Все властные структуры, само крестьянство как освобожденных, так и тыловых областей, прилагали максимум усилий к экономическому возрождению деревни с участием всей страны.

Но нельзя не сказать и иное. В свете последних десятилетий минувшего века все большее, почти неотступное внимание обращают на себя, тем более после роспуска СССР, те действительно стратегические ошибки советского руководства, которые произросли (думалось ли) всего-то «лишь» из «тактических» перегибов и «оплошностей», унаследованных им из куда более опасной практики ударной коллективизации начала 30-х годов. Мы имеем в виду прежде всего те роковые ошибки, которые в полном объеме были продублированы нами в ходе, простите, злополучно-стремительной земельно-кооперативной реформы, проведенной в уже привычной спешке в окаймляющей страну зоне так называемого западного вала.

Новое издание «головокружения от успехов» последовало, как ни странно, в совершенно иных исторических условиях и национальной среде. В 30-х годах – во время прихода к власти фашистов в Италии и Германии, нависшей неотвратимой большой войны, в 40-х – после его сокрушительного разгрома. В первом случае страна испытывала острейший дефицит исторического времени, во втором – находилась в зените мировой славы и силы с большим временны́м запасом. Разноукладность экономики и социальной структуры к концу 20-х действительно таила в себе весьма реальную опасность для всей огромной страны в канун фашистского нашествия. В 40-х – она носила от-

носительно локальный характер и потому не могла основательно сотрясать весь евразийский Союз.

Да и морально-психологические факторы после капитуляции Германии оказались не на стороне так называемых буржуазных националистов и условных кулаков. Нужны были всего-то временная пауза, социальная выдержка и политическая лояльность, не ставившие на одну доску зажиточных крестьян и коллаборационистов. Нашлась же у нас мудрость рассредоточить коллективизацию 30-х во времени и формах ее осуществления в северных и восточных национальных регионах, хотя они всегда обращали свои соседские взоры на коренную Россию. Здесь же мы имели дело с населением и народами, традиционно длительно ориентировавшимися на соседний запад. В прогоравший костер, который неминуемо должен был «самостийно» потухнуть, мы сами заложили роковой детонатор. Но это – уже за пределами рассматриваемой темы, и потому последующая речь о другом.

ВСЕНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ ОСВОБОЖДЕННОМУ СЕЛУ

Восстановление колхозного строя, советского землепользования и углубление аграрных преобразований в западных районах явились важнейшим началом экономического возрождения сельского хозяйства. Но все это было лишь первым шагом на очень сложном и длительном пути хозяйственного восстановления колхозов, совхозов и МТС. Огромные разрушения, причиненные войной, требовали несравненных материальных, финансовых затрат, трудовых и организаторских усилий.

Руководство разработало всестороннюю и всенародную программу подъема сельскохозяйственного производства. В ее осуществлении призваны были участвовать не только освобожденные, но и все области и республики страны. Основные параметры этой программы СНК СССР и ЦК ВКП(б) наметили уже в упоминавшихся постановлениях от 23 января 1943 г., а также от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»[105]. Дальнейшее ее развитие нашло отражение во многих последующих документах ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР.

В постановлении от 21 августа 1943 г. предусматривались меры по восстановлению посевных площадей, поголовья скота, птицеводства, по обеспечению семенами, горючим, кадрами, по оказанию помощи в строительстве жилья. Для освобожденных районов устанавливался ряд льгот и щадящий порядок заготовок. Особое социальное значение имело создание для детей фронтовиков и партизан, а также для детей-сирот, родители которых погибли от рук фашистских оккупантов, специальных военных и ремесленных училищ, детских домов и приемников-распределителей.

В хозяйственном возрождении центральное место занимало восстановление материально-технической базы колхозов и МТС и, прежде всего, их машинно-тракторного парка. Выше отмечалось, что организационно МТС освобожденных районов восстанавливались довольно быстро, но их техника оказалась в жалком состоянии. В конце 1943 г. здесь насчитывалось лишь 76,6 тыс. в основном неисправных тракторов, тогда как до войны только на Украине их имелось 94,6 тыс.[106]. Всюду ощущалась нехватка горючего, не стало запасных частей, а главное – механизаторских кадров. В изношенном состоянии была и ремонтная база.

Постановление от 23 января 1943 г. предусматривало возвращение в освобожденные районы 20 тыс. эвакуированных тракторов, 1400 комбайнов, 2 тыс. автомашин, 15 тыс. плугов и 7 тыс. сеялок. Часть техники должны были выделить из своего парка тыловые организации. Все тракторы и механизмы в исправном состоянии, обеспеченные механизаторами, запасными частями и необходимым горючим, предполагалось доставить к месту назначения уже к началу предстоявших весенних полевых работ[107]. 18 марта 1943 г. последовало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по восстановлению производства сельскохозяйственных машин и орудий» с конкретными заданиями на 1943 г. по производству тракторных плугов – 3 тыс., тракторных сеялок – 2 тыс., конных плугов – 35 тыс., конных сеялок – 6 тыс., комбайнов – 300, жаток конных – 7 тыс. и т.д.[108]. 18 февраля 1944 г. постановлением «О строительстве тракторных заводов и развитии производственных мощностей по выпуску тракторов для сельского хозяйства» ставилась задача произвести их в том же году 5,5 тыс. и довести выпуск 1945 г. до 27 тыс.[109].

Начался обратный перевод сельскохозяйственных предприятий с производства военной на выпуск гражданской продукции. Быстро увеличили мощности Алтайский и Владимирский тракторные заводы, только что вступившие в строй. К 19 декабря 1943 г. с конвейера Алтайского тракторного сошла первая тысяча гусеничных машин, а в 1944 г. производство АТЗ возросло более чем вдвое[110]. В конце того же года вошел в строй Липецкий тракторный завод. В апреле 1945 г. была сдана в эксплуатацию первая очередь Красноярского комбайнового[111]. Завод сельскохозяйственного машиностроения во Фрунзе изготовил в 1943–1945 гг. 5190 жаток-самосбросок и 2264 конных граблей[112].

Несравнимо сложнее возрождалось тракторное и сельскохозяйственное машиностроение в освобожденных районах. Здесь практически заново пришлось восстанавливать два ведущих завода, выпускавших до войны основное количество тракторов, и 9 профильных предприятий, производивших ранее до 76% валовой продукции сельскохозяйственного машиностроения[113]. Преодолевая огромные трудности, их коллективы проявили массовый трудовой героизм, чем могло по-

могало крестьянство. В Ростовской области для восстановления «Ростсельмаша» каждый колхоз выделил своих посланцев[114].

17 июня 1944 г. в день 14-летия Сталинградского тракторного с его возрожденного конвейера сошла первая опытная машина. К февралю 1945 легендарный завод, еще вчера выпускавший танки, произвел уже 500 гусеничных тракторов. На это потребовалось немногим более 7 месяцев. На выпуск следующих 500 машин было затрачено только два месяца. Тысячный трактор сошел с конвейера 9 апреля 1945 г.[115]. На Харьковском тракторном производственная жизнь с изготовления запасных частей поточно началась еще в октябре 1943 г., а к 27-й годовщине Великого Октября здесь были выпущены первые 10 тракторов. С 1 февраля 1945 г. завод приступил к их серийному выпуску[116].

Одновременно с тракторными восстанавливались комбайновые и другие предприятия сельскохозяйственного машиностроения. Продолжая выполнять заказы для фронта, коллектив Харьковского моторостроительного завода «Серп и молот» в 1944 г. приступил к изготовлению запасных частей для конных сельскохозяйственных машин и к производству молотилок. К концу года он отправил в сельские районы Харьковской области 39 молотилок, а с мая 1945 г. полностью переключился на изготовление молотилок МК-1100 и их запасных частей[117]. Коллектив «Ростсельмаша» также начал производство с запчастей для села – в 1944 г. стоимость произведенного составила 2,5 млн, а в 1945 г. – 5 млн руб.[118]. Запорожский «Коммунар» с 1944 г. начал выпускать запасные части к комбайнам[119]. В канун 1945 г. рабочие кировоградского завода сельскохозяйственных машин «Красная звезда» рапортовали об изготовлении более 1500 сеялок для сельскохозяйственных работ[120].

Давала свои плоды начавшаяся конверсия в оборонной промышленности. В 1944 г. ее предприятия выделили для сельского хозяйства 3 тыс., а предприятия Наркомата Военно-Морского Флота – 300 гусеничных тракторов. Эта техника сразу же подключалась к полевым работам[121]. Направляли в освобожденные районы в порядке шефства сельскохозяйственную технику коллективы заводов центральных и восточных областей. В 1944 г. от рабочих Рязанского и Люберецкого заводов сельскохозяйственного машиностроения в села Белоруссии поступили 100 жаток, 100 сенокосилок, 500 окучников и другие механизмы. Рабочие Сибири также прислали колхозникам Белоруссии многие сельскохозяйственные машины[122].

Словом, еще в условиях продолжавшейся войны, благодаря заботе государства и трудовым усилиям рабочих, промышленность смогла приступить к форсированному производству тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники. Если в 1942–1943 гг. на село поступили только 900 тракторов (в 1940 г. – 20,3 тыс.), то в 1944 г. – 2,5 тыс., а в 1945 – 6,5 тыс.; если в 1944 г. в деревню было

направлено только 800 грузовых автомобилей, то в 1945 – 9,9 тыс. В 1944– 1945 гг. промышленность поставила 8,5 тыс. тракторных, 39,2 тыс. конных плугов, 323 зерновых комбайна и многие другие сельскохозяйственные орудия[123].

Конечно, это далеко не удовлетворяло потребности сельского хозяйства, но представляло значительный шаг в налаживании органичных экономических отношений города и деревни на базе взаимного удовлетворения производственных нужд. И важно, что он совпал с завершением изгнания оккупантов за пределы нашей страны. Крестьянство на собственном опыте убеждалось, что его патриотический, подчас жертвенный вклад в общую победу над врагом при первой же реальной возможности оборачивается усилением государственной заботы о нуждах сельского хозяйства.

Если постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 23 января 1943 г. главное внимание акцентировало на восстановлении МТС и возвращении в освобожденные районы эвакуированной техники, то постановление от 21 августа намечало широкие меры по обеспечению села ремонтной базой, запасными частями, по оснащению станочным парком и т.п. Не снималась и задача завершения реэвакуации машинно-тракторного парка – отгрузки еще не возвращенных 1400 исправных тракторов и другой сельскохозяйственной техники. Сверх того 400 тракторов планировалось завезти на Украину. В течение осенне-зимнего периода 1943–1944 гг. для обеспечения массового ремонта техники к предстоявшим полевым работам намечалось восстановить в освобожденных районах 7 ремзаводов и 424 мастерские текущего и капитального ремонта. Все эти весьма большие по масштабам военного времени работы обеспечивались необходимыми запасными частями, деталями электрооборудования, шарико-роликовыми подшипниками, резино-асбестовыми, другими комплектующими и инструментом.

Новые поступления машин, оборудования и запасных частей теперь в основном направлялись крупными партиями и, прежде всего, в те освобожденные области, которые в наибольшей мере пострадали от войны и занимали наибольший удельный вес в производстве сельскохозяйственной продукции. Из районов РСФСР к таким были отнесены Воронежская, Курская, Смоленская, Орловская области и Краснодарский край, из союзных республик – Украина, а в ней – Харьковская и Сумская области.

Такое распределение поступлений и средств диктовалось не только первоочередным решением ударных восстановительных задач, но и предельно напряженными возможностями государства, еще не закончившего тяжелейшую войну. Но по мере приближения полного разгрома врага неуклонно наращивалась помощь всем освобожденным районам. При этом ограниченность государственных вложений во многом восполнялась широкой шефской помощью тыла и моби-

лизацией местных возможностей промышленности и сельского хозяйства самих освобожденных областей. Так, в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. в разделе «О мерах по восстановлению машинно-тракторных станций и машинно-тракторных мастерских» Ростовская область не относилась к числу тех, в которые той осенью государство планировало завезти тракторы (не считая реэвакуации). Между тем Дон к тому времени был полностью освобожден, и он вновь превращался в один из ведущих районов сельскохозяйственного производства. Так вот одни лишь совхозы далекого Красноярского края в порядке шефской помощи выделили в 1943 г. колхозам Ростовской области 500 тракторов и необходимый к ним инвентарь.

Учитывалось, конечно, и то, что и сама промышленность Дона располагала редкими потенциальными возможностями помощи селу. Уже в 1943 г. здесь полным ходом шло восстановление таких крупных предприятий сельхозмашиностроения, как «Ростсельмаш» и «Красный Аксай». Другие заводы также быстро подключались к восстановлению машинно-тракторного парка. Всего за 1944 г. предприятия, ремзаводы и мастерские МТС Ростовской области изготовили и реставрировали на 5,5 млн руб. запасных частей, отремонтировали 82 токарных станка, тогда как накануне войны здесь выпускали только на 500 тыс. руб. в год запасных частей для сельскохозяйственной техники[124].

В целом в ходе выполнения постановлений от 23 января и 21 августа 1943 г. все освобожденные районы получили на 35,5 млн руб. запасных частей[125]. В той же Ростовской области успешное восстановление тракторного парка и других машин позволило уже в 1943 г. достичь средней по стране выработки на условный трактор, а в последние годы войны значительно ее превзойти[126]:

	1940 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
МТС страны, га	408	182	241	287
МТС Дона, га	557	189	345	413

В 1945 г. выработка на 15-сильный трактор здесь была выше даже довоенной средней выработки по стране.

Хотя предусмотренные правительством поставки техники в освобожденные районы полностью выполнить не удалось, сюда все же поступили тысячи тракторов, сельскохозяйственных машин и орудий. Но 10 апреля 1944 г. из восточных районов была отгружена 21 тыс. тракторов, 347 новых тракторов поставила промышленность[127]. Всего, по итоговым данным, к осени 1944 г. из тыловых районов было получено свыше 22 тыс. тракторов, около 12 тыс. плугов, 1,5 тыс. комбайнов и более 600 автомашин. По тракторам это составило 78% от намеченного, по остальным поступлениям – при-

мерно половину (табл. 12). Всего со времени изгнания оккупантов до конца 1945 г. в освобожденные области было направлено 26 тыс. тракторов, более 40 тыс. сельскохозяйственных машин[128].

Таблица 12

Поступления в освобожденные районы к осени 1944 г.*

	Намечено к отгрузке	Поступило по назначению
Тракторы	28772	22043
Плуги	20250	11866
Сеялки	7370	3315
Комбайны	2830	1548
Автомашины	2028	618

* *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 259.

Много техники получила Украина – самая крупная из освобожденных республик. 7 ноября 1943 г. СНК СССР в целях скорейшего восстановления ее сельского хозяйства в дополнение к постановлению от 21 августа 1943 г. принял еще одно специальное – «Об оказании помощи по восстановлению МТС, МТМ и ремонтных заводов в освобожденных районах Украинской ССР»[129]. Оно обязывало соответствующие наркоматы, ведомства и местные органы тыловых районов сверх предусмотренного ранее «завезти, передать и возвратить в МТС УССР пригодные для эксплуатации 3966 тракторов и 1000 тракторных плугов». Непосредственно к реализации этого задания подключались Казахская, Киргизская, Грузинская и Азербайджанская ССР, Мордовская и Башкирская АССР, 12 областей РСФСР, а также Наркомат вооружения. Тем же постановлением определялись и другие формы помощи Украине. Всего сельское хозяйство Украинской ССР получило 0,3 тыс. тракторов, 704 комбайна, много других механизмов.

В связи с тем что основным источником поступлений служило перераспределение из восточных районов в западные, наблюдалась и обратная взаимозависимость в соответствующей динамике роста и уменьшения. В конце 1943 г. в освобожденных районах имелось 76,7 тыс. тракторов, в 1944 г. – 116,9 тыс. и в 1945 г. – 125,2 тыс., тогда как в восточных районах в 1944 г. (по сравнению с 1943 г.) их число сократилось на 11,1 тыс., а в 1945 г. – еще на 4,6 тыс. То же самое происходило и с численностью комбайнов[130]. Вместе с тем к концу войны подобная зависимость становилась менее ощутимой. Во-первых, потому, что восточные районы с самого начала делились своей техникой не от ее избытка, а во-вторых, ввиду нарастания ее государственных поставок. Все ощутимее сказывалась реализация постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 18 марта 1943 г. «О мероприятиях

ятиях по восстановлению производства сельскохозяйственных машин и орудий» и от 18 февраля 1944 г. «О строительстве тракторных заводов и развитии производственных мощностей по выпуску тракторов для сельского хозяйства»[131]. В 1943 г. наряду с вводом в строй Алтайского тракторного завода развернулось строительство Владимирского и Липецкого, а также, как отмечалось, форсированное восстановление прежних флагманов тракторостроения – Сталинградского и Харьковского заводов.

В 1945 г. МТС и колхозы Белоруссии получили 417 тракторов, свыше 3 тыс. автомобилей и другую сельскохозяйственную технику[132]. Пополнялся машинно-тракторный парк всех 126 восстановленных МТС Прибалтийских республик. Но здесь подобные работы затруднялись не только общими последствиями войны, но и переходным характером сельской экономики, ее многоукладностью. К весеннему севу 1945 г. в эстонской деревне имелось, например, 1263 трактора, из них 243 – в МТС, 120 – в совхозах, 580 – в сельскохозяйственных кооперативах и 320 – в частном владении крестьян. Примерно такое же соотношение было во всей Прибалтике. Восстановление и ремонт техники осложнялись здесь и тем, что большинство из оставшихся машин имело иностранное происхождение (около 30 марок)[133].

Принимались меры по развитию сельской электрификации. До войны удельный вес потребления электричества на селе в общем электроэнергетическом балансе страны был очень низок – 1,1%. В 1943–1945 гг. он упал до 0,8–0,9%[134]. Но сельская электрификация не замерла полностью. В 1941–1944 гг. получили электроэнергию 584 МТС, МТМ и ремонтных завода. В 1941 г. было построено 48 сельских гидроэлектростанций, в 1942 г. – 25 гидро- и 95 тепловых электростанций, в 1943 г. – соответственно 44 и 155, в 1944 г. – 56 и 182[135] и т.д.

8 февраля 1945 г. последовало постановление СНК СССР «О развитии сельской электрификации»[136]. Предусматривалось не только строительство малых колхозных и межколхозных электростанций, но и присоединение части хозяйств к районной, заводской и коммунальной электросети. Выделялись соответствующие государственные средства и материалы, но само строительство выполнялось силами колхозов и заинтересованных организаций. Только за счет внутренних возможностей республик и областей сельское хозяйство получило 690 генераторов, 1700 электромоторов, 394 гидротурбины, около 3 тыс. м провода. Число электрифицированных колхозов только за один 1945 г. увеличилось почти наполовину, а МТС – примерно на одну треть[137].

Более масштабным направлением восстановительных работ стало возрождение общественного животноводства. И эту трудную задачу можно было разрешить, лишь опираясь на помощь государства, широкое участие тыла при разумном использовании сохранившихся

возможностей освобожденных районов. Прежде всего, в постановлении от 21 августа 1943 г. намечался целый комплекс заданий по возвращению колхозам эвакуированного скота. Все тыловые республики и области, в которых он содержался, получали конкретные установки по количеству возвращаемого стада, проведению подготовительных мер и точному сроку завершения перегона. Всего в освобожденные к тому времени районы РСФСР предстояло возвратить 591 526 голов скота, в том числе 197,2 тыс. голов крупного рогатого, 341,4 тыс. овец и коз, 52,9 тыс. лошадей. Реэвакуацию намечалось завершить до наступления холодов: в Калининскую, Смоленскую, Тульскую, Курскую и Орловскую области – не позднее 1 октября 1943 г., в Сталинградскую, Ростовскую, Воронежскую, Краснодарский и Ставропольский края – до 15 октября. К началу октября планировалось также учесть скот украинских колхозов[138]. Но так как массовое освобождение УССР только начиналось, сроки его возвращения поручалось определить самим Наркомзему СССР, Совнаркому УССР и ЦК КП(б) республики по согласованию с руководящими органами областей, содержавших скот на передержке.

В связи с тем что часть возвращаемого стада была израсходована колхозами тыловых районов на выполнение своих обязательств по мясопоставкам или на внутрихозяйственные нужды, они обязаны были возместить недостающее поголовье. Кроме того, освобожденным и освобождаемым областям разрешалось на добровольных началах, но в централизованном порядке самим закупать скот у колхозов и индивидуальных владельцев любых регионов. Закупка велась по государственным закупочным ценам с зачислением проданного скота колхозами в выполнение их государственных планов развития животноводства.

Реэвакуация и перегон скота представляли весьма сложную задачу, но она была решена успешно. Все подлежавшее возврату поголовье заблаговременно взяли на учет, подвергли ветеринарному осмотру и профилактическим прививкам. Заранее устанавливались и осваивались трассы перегона, промежуточные маршруты, обустраивались места осмотра животных в пути, намечались и возводились переправы. Только на таких крупных реках, как Урал, Волга, Терек, Ока, было наведено 15 больших переправ, рассчитанных на полный перевоз скота[139]. В начальные места отправления из освобожденных районов прибывали специальные уполномоченные для приемки животных и их сопровождения до места назначения. На трассы были направлены также тысячи гонщиков, доярок, ветеринарных врачей, зоотехников. Государство обеспечило им проезд к месту формирования гуртов, а также питание на все время перегона – колхозникам-гонщикам начислялись трудодни.

Скот перегонялся в нежаркое время дня или ночью. С учетом опыта эвакуации 1941–1942 гг. маршруты прокладывались по про-

селкам в обход шоссейных дорог, крупных населенных пунктов, по убранным колхозным полям и пастбищам. Всего было установлено 50 основных трасс общей протяженностью свыше 12 тыс. км. Гурты продвигались до 20–25 км в сутки, через каждые пять дней проводился промежуточный ветеринарный осмотр. Были полностью предотвращены массовые эпизоотии, при отдельных вспышках заболеваний принимались необходимые меры. Когда, например, в начале октября 1943 г. в пяти пунктах Орловской и Курской областей обнаружился ящур, Наркомзем СССР немедленно направил в эти места бригаду специалистов. Столь же быстрая реакция последовала и на опасность заболевания овец оспой в Сталинградской и Саратовской областях. По первому сигналу прибыли ветеринарные врачи, завезли сотни литров противооспенной сыворотки[140].

Наибольшее количество скота осенью 1943 г. возвращалось из Казахстана – треть всего реэвакуированного стада. По числу же принимаемых обратно голов первое место занимала Ростовская область: в колхозы Дона предстояло перегнать 212 из 591,5 тыс. голов, предусмотренных постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. Из областей Нечерноземья больше других должны были возвратить скота колхозы Ярославской области, а получить обратно – калининские и смоленские хозяйства. От оперативности и согласованности в работе обеих сторон в первую очередь зависел успех всей реэвакуации.

В 1943 г. в Казахстане была образована специальная республиканская комиссия. Она возглавила организационную работу по отводу трасс, устройству переправ, обеспечению перегоняемого скота кормами и водопоями. Для сопровождения животных, помимо прибывавших из мест назначения гонщиков, было привлечено 3300 казахстанских колхозников и более 120 зооветработников. Реэвакуация началась в первых числах сентября и полностью завершилась в октябре 1943 г. Возврату подлежало 207,7 тыс. голов всех видов скота, фактически же было возвращено 210,3 тыс.[141]. Основная часть этого стада перегонялась в Ростовскую область, чему также предшествовала большая оперативная работа по его приему. В начале сентября 1943 г. сельские районы Дона направили на восток, преимущественно в Казахскую ССР, 250 уполномоченных, 1200 гонщиков и доярок. Для обеспечения участников перегона хлебом облисполком выделил 100 т муки, организовал на трассах соответствующую торговлю. Своевременно начали работу промежуточные и конечные пункты приема возвращаемого скота.

Колхозники и специалисты, занятые на перегоне, преодолевая трудности и неудобства, полностью сохранили скот и вернули его в хорошем состоянии. Крестьянки Дубовского района Анна и Ефросинья Самохины, Мария Панфилова и Матрена Полковникова в начале войны перегнали в Актюбинскую область Казахстана 318 голов

крупного рогатого скота и 500 овец, полностью их сохранили и затем возвратили на Дон. Ростовский обком ВКП(б) и облисполком отметили Почетными грамотами свыше 500 мужественных участников перегона. До 1 января 1944 г. в колхозы и совхозы области было возвращено 212,8 тыс. голов скота, в том числе 54,6 тыс. крупного рогатого, 141,7 тыс. овец и коз, 16,5 тыс. лошадей. Вместе со свиньями общая численность возвращенного в область скота составила 229,7 тыс. голов[142].

В Калининскую область при плане реэвакуации 76,2 тыс. голов скота обратно поступило 78,6 тыс., в Смоленскую – вместо 86,7 тыс. 113,6 тыс.[143]. Половина эвакуированного стада калининских колхозов находилась в Ярославской области. Сюда и в другие верхневолжские области были командированы 67 представителей райкомов партии и райисполкомов, 6 уполномоченных Калининского обкома ВКП(б) и облисполкома, 6923 гонщика, 50 зоотехников и ветеринаров. Отличилась колхозная молодежь: за скотом из Калининской области выехали свыше 2 тыс. сельских комсомольцев. Совместные усилия ярославских и калининских колхозников увенчались замечательным успехом. Уже 9 сентября скот поступил к месту назначения, т.е. через 20 дней после опубликования постановления СНК и ЦК от 21 августа 1943 г.[144].

Всего в 1943 г., по данным семи областей (Калининской, Смоленской, Орловской, Курской, Воронежской, Ростовской, Сталинградской) и Ставропольского края РСФСР в освобожденные районы было возвращено 630,8 тыс. голов скота, в том числе 209,5 тыс. крупного рогатого, 366,8 тыс. овец и коз, 54,6 тыс. лошадей[145]. Кроме того, вместо планируемых 500 тыс. шт. птицы в освобожденные районы поступило 516,9 тыс.. Итоговые данные о выполнении плана реэвакуации по всем видам скота и птицы приведены в табл. 13.

Таблица 13

Реэвакуация скота в 1943 г., тыс. голов*

По указанным выше областям РСФСР	Подлежало возврату	Поступило в освобожденные районы	% выполнения
Крупный рогатый скот	197,2	209,5	106,2
Овцы и козы	341,4	366,8	107,4
Лошади	52,9	54,6	103,2
Птица	500,0	516,9	103,4

* КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 428–429; О выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. С. 3, 10.

Но возвращенного стада явно недоставало для быстрого возрождения общественного животноводства освобожденных районов. Для

дополнительной помощи государство закупило в восточных и центральных областях страны, вывезло и продало еще сотни тысяч голов скота. Только в последнем квартале 1943 г. там было закуплено 250,6 тыс. голов – в основном также для колхозов освобожденных районов[146]. В итоге за счет реэвакуации и закупок в тыловых районах в 1943 г. сюда поступило 881,4 тыс. голов разного скота.

Еще больше скота получили освобожденные районы в 1944–1945 гг. – во время массового и полного изгнания оккупантов с огромных территорий. Требовалось предельное использование всех видов помощи в восстановлении местного животноводства. Тем более в связи с тем, что численность поднятого к эвакуации общественного стада западных районов Украины и Белоруссии и дошедшего до тыловых районов ввиду быстрого продвижения противника в начале войны была невелика (примерно 1620 тыс. голов)[147]. Но тогда же только по одной Украине не менее 1 млн голов было сдано заготовительным организациям и воинским частям. Поэтому и более заметную роль в поступлениях скота в эти места могли играть именно государственные поставки и закупки животных у колхозов и колхозников тыловых областей. При этом следует иметь в виду, что закупочные цены на скот многократно уступали рыночным, и массовое подключение крестьян к его продаже для освобожденных районов также являлось ярким свидетельством их патриотизма.

В начале июля 1944 г. «Правда Украины» писала: «По грунтовым и железным дорогам страны движутся тысячные гурты крупного рогатого скота и овец на Украину. Трудящиеся союзных республик – Казахской, Узбекской и Туркменской ССР – отправили на Украину 12 700 голов крупного рогатого скота и 20300 овец, автономные республики – Башкирская, Чувашская, Мордовская, Татарская и Марийская – 10 400 голов крупного рогатого скота и 11 900 овец. Рязанская, Куйбышевская, Саратовская, Тамбовская, Чкаловская, Пензенская и Ростовская области – 500 голов крупного рогатого скота и 13 500 овец. Кроме того, к отправке было подготовлено еще 103 200 голов крупного рогатого скота и 343 200 овец»[148].

Если к этому добавить 41729 голов стада, закупленного в 1943 г. для Ворошиловградской, Харьковской, Сталинградской и Сумской областей УССР (30 264 овцы, 5000 коз, 6465 свиней)[149], то общая численность поступившего на Украину скота составит 533,1 тыс. голов, в том числе 132 тыс. крупного рогатого. А всего за последние два года войны сельское хозяйство Украины в виде государственных поступлений, реэвакуации и братской помощи народов СССР получило 284 тыс. голов крупного рогатого скота, сотни тысяч мелкого, 311 тыс. лошадей[150].

Из обобщенных данных, имеющихся в нашем распоряжении, назовем и следующие. В общей сложности за 1943 г. и 10 месяцев 1944 г. в ранее оккупированные районы поступило в порядке реэвакуа-

ции, а также государственной и шефской помощи 2058,3 тыс. голов скота, в том числе крупного рогатого – 632,6 тыс., овец и коз – 1299,7 тыс., лошадей – 117,8 тыс., свиней – 78,7 тыс., рабочих волов – 17,9 тыс., племенных жеребцов и быков – 11,6 тыс. Известны также сведения о внешних поступлениях скота за все три, не считая 1942 года войны – 1943–1945: 2892,4 тыс. голов, из них 1159,6 тыс. крупного рогатого, 1378,1 тыс. овец и коз, 268,3 тыс. лошадей и 86,4 тыс. свиней[151].

Таблица 14

Завезено реэвакуированного и закупленного скота в колхозы освобожденных районов в 1943–1945 гг., тыс. голов*

	1943 г.	1944 г.	1945 г.	Всего
Крупный рогатый скот	382,0	250,6	527,0	1159,6
Овцы и козы	420,0	780,7	177,4	1378,1
Свиньи	28,0	50,7	7,7	86,4
Лошади	33,0	84,8	150,5	268,3
Итого	863,0**	1166,8	862,6	2892,4

* *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 270–271.

** Дифференцированные по видам скота данные по годам рассчитаны путем вычета из обобщающих сведений за 1943–1945 гг. показателей за 1943 и 1944 г., а также данных о поступлениях скота за 1943 г., опубликованных в кн. Н. Вознесенского (Указ. соч. С. 62). При этом следует иметь в виду, что приведенные в этой книге сведения охватывают весь скот, включая контрактацию и местные закупки. Поэтому сведения о поступлениях скота за счет реэвакуации и закупок в тыловых районах получены нами путем вычета из данных Н. Вознесенского среднепроцентной доли поступлений скота по названным каналам, рассчитанной по отчету Комитета при СНК СССР «О выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г.» (с. 9). В связи с этим общий итог поступлений по реэвакуации и по линии госзакупок за 1943 г., полученный путем среднепроцентного перекрестного подсчета (863 тыс. голов), несколько отличается от соответствующего показателя за этот год (881,4 тыс. голов), приведенного нами на с. 294. Разница между ними незначительна, что свидетельствует о правильности расчета.

Из табл. 14 видно, что в общей сложности колхозы освобожденных районов получили, в основном по реэвакуации и в счет закупок в тыловых областях, около 3 млн голов скота, в том числе 1160 тыс. крупного рогатого. Наибольшее его число за счет тыловых ресурсов поступило в 1944 г. – в период массового изгнания оккупантов: 1166,8 тыс. голов. При этом теперь мы можем включить в научный оборот и дифференцированные обобщающие показатели отдельно о масштабах закупленного скота за все время войны, начиная с выполнения постановления правительства от 15 декабря 1943 г. Всего было закуплено и передано колхозам освобожденных районов 1 147 206

голов скота, что составило 102% к плану, в том числе 387 715 голов крупного рогатого скота, 662 927 овец и коз, 25 073 свиньи, 42 844 лошади, 20 608 рабочих волов, 6022 быка-производителя, 2017 племенных жеребцов. И опять-таки 90% этого стада было доставлено к местам назначения перегоном, в котором участвовало более 30 тыс. человек[152].

В 1945 г. государство продолжало направлять скот в те же районы, но главным внешним пополнением общественного стада стало возвращение из Германии его значительной части в счет репараций. По одним сведениям в 1945 г. таким путем колхозы получили 467 тыс. голов крупного рогатого скота, 100 тыс. овец и коз, а также 158 тыс. лошадей и племенных жеребцов[153]. По другим и уже на 20 мая того же года из армейских гуртов трофейного (так сказано в документе) скота было принято 625 137 голов крупного рогатого скота, 219 039 овец, 44 900 лошадей. Для его перегона по территории Германии, Польши и пограничных районов СССР была проложена 21 трасса общей протяженностью 27 600 км с необходимым кормлением, ветеринарными гуртами и пр. Сопровождали гурты и ухаживали за животными 42,6 тыс. человек, в том числе 2914 латвийцев[154].

Но вернемся к внутренним источникам воспроизводства стада. Несмотря на то что возвращенный из эвакуации и закупленный в тыловых областях скот и являлся одним из важнейших каналов возрождения колхозного стада на освобожденной земле (он составлял примерно половину всех путей его комплектования, включая контрактацию), им не исчерпывались все виды поступлений. Повсюду изыскивались и другие самодеятельные формы помощи. И началась она задолго до массового изгнания оккупантов. Уже осенью 1941 г. по инициативе членов артели «Красная звезда» колхозники Ярославской области стали оказывать всевозможную помощь первым освобожденным районам Калининской области. На 1 апреля 1942 г. они выделили для них 968 голов скота[155]. Еще не закончилось наступление Красной Армии под Москвой, а трудящиеся Казахстана сдали в фонд помощи освобожденным районам Подмосковья 1650 голов разного скота[156].

Эти примеры совсем не единичны, хотя подлинно массовый характер подобные патриотические начинания приобрели с 1943 г. В апреле «Правда» опубликовала обращение колхозников ярославской артели «Горшиха» ко всем колхозникам страны с призывом дать сверх плана больше скота, засеять личными семенами земельные участки в помощь освобожденным районам[157]. В мае 1943 г. колхозники Родниковского района Ивановской области выступили инициаторами шефства над колхозами и районами Смоленской области в виде сверхплановой отправки скота до полного восстановления поголовья разоренных врагом ферм[158]. В феврале того же года

колхозники Иркутской области обратились с просьбой в Государственный Комитет Обороны создать при правительстве «Фонд братской помощи народам СССР, пострадавшим от немецкой оккупации»[159]. Крестьяне Бурятии в числе первых в 1943 г. приступили к созданию фонда поголовья скота для оказания помощи колхозам освобожденных районов[160].

И всюду горячие призывы подкреплялись делом. Каждый район Ярославской области поставил на откорм сотни голов скота для освобожденных колхозов Смоленской области: Ярославский – 500 телят, 1000 овец, 98 свиней; Нагорьевский – 688 голов разного скота, Тутаевский – 1200, Даниловский – 1730, Любимский – 1300 и т.д., засеял десятки гектаров земли. Всего в 1943 г. колхозы Ярославской области направили сверх государственных и реэвакуации в одну только Смоленскую область 4675 голов крупного рогатого скота, 10 135 овец, 1960 свиней и 96 лошадей. Что же до сверхпланового засева, то на Ярославщине он составил 8900 га[161].

Инициаторы шефской помощи – крестьяне Ивановской области передали смоленским колхозам 16 200 голов[162]. Иркутские колхозники уже в начале 1943 г. внесли в фонд помощи пострадавшим 12 тыс. голов скота и 11 тыс. пудов семенного зерна. Все животные и зерно поступили из их личных хозяйств[163]. Колхозники Новосибирской области отправили в подшефную Воронежскую область свыше 16 тыс. голов скота[164], 18,4 тыс. передало в Курскую область крестьянство Читинской области[165], более 8 тыс. голов освобожденным районам выделили колхозы Бурятии[166]. В 1943 г. хозяйства Кировской области в порядке шефства отправили свыше 30 тыс. голов в Смоленскую, Ленинградскую, Мурманскую, Киевскую области и Белорусскую ССР, около 16 тыс. голов – колхозы Архангельской области, 10 тыс. – Коми АССР[167]. Все перечисленные шефствующие области и автономии относились к Российской Федерации, и средний взнос каждой из них составил около 16 тыс. голов. Если учесть, что только в регионах РСФСР действовало свыше 50 областных шефских комитетов помощи освобожденным районам[168], то можно предположить, что одна лишь Россия выделила по этим каналам примерно 800 тыс. голов скота.

Это приблизительная, но не преувеличенная цифра. Ее реальность подтверждают и результаты шефской помощи по другим республикам. Так, став коллективным шефом Орловщины, Казахстан к середине 1944 г. направил туда более 100 тыс. голов скота[169]. Всего в виде помощи колхозники Казахской ССР передали освобожденным районам 554,3 тыс. голов разного скота[170]. Около 160 тыс. голов, по неполным данным, выделили колхозы областей и республик Среднего Поволжья (Татария, Чувашия, Марийская АССР, Горьковская, Куйбышевская и Ульяновская области)[171]. Одна только Тянь-Шаньская область Киргизии отправила в освобожденные районы 28,6 тыс.

животных[172], 55 тыс. выделила Таджикская ССР[173]. Общее отправленное поголовье из Узбекской ССР составило 182 тыс. голов[174]. При этом следует иметь в виду, что эта хлопководческая республика вовсе не являлась животноводческой. Быстро подключилась к всенародной помощи освобожденным районам только что вступившая в состав СССР Тувинская Народная Республика. На 20 июня 1944 г. ее трудящиеся собрали 17 тыс. голов скота[175] для отправки в освобожденные районы.

В движение по восстановлению общественного животноводства включились и ранее освобожденные районы. В Калининской, Смоленской, Воронежской и Сталинградской областях широкое распространение получила внутриобластная взаимопомощь. В 1943 г. таким путем пострадавшим колхозам было передано 178,8 тыс. голов скота, в том числе 68,8 тыс. крупного рогатого, 97,5 тыс. овец и коз, 10,8 тыс. лошадей, 1,6 тыс. свиней[176]. Щедро делились между собой колхозы Дона. По инициативе сельхозартели «Путь Ильича» Сальского района они создали областной фонд помощи пострадавшим районам. Ильичевцы выделили для него 46 голов крупного рогатого скота и 120 овец[177]. Всего колхозы этого района передали в областной фонд помощи 730 голов крупного рогатого скота и 2150 овец, Веселовского – 1430 голов скота, в том числе 169 лошадей и 519 волов, Заветинского – 1900 голов крупного рогатого скота, 1 тыс. овец и 300 лошадей. Помощь оказывалась и личным подворьям колхозников, прежде всего семьям фронтовиков и инвалидов Великой Отечественной войны. Только в 1944 г. хозяйства Дона выдали бесплатно или продали колхозникам по низким ценам 4400 голов молодняка[178].

Примечательно то, что подобная шефская помощь опять-таки не ограничивалась пределами собственных областей. Ростовская область, например, помогала в восстановлении племенного животноводства и птицеводства колхозам Украины и других областей. В сентябре 1943 г. донские колхозники отправили на Украину 3600 тонкорунных овцематок и 3580 шт. птицы. В декабре 1944 г. те же дончане послали в Курскую область 300 баранов и 60 ярок породы «Прекос»[179]. К 13 июля 1943 г. животноводы Рязанщины выделили для колхозов Смоленской области 3864 головы крупного рогатого скота, 168 овец, 1109 свиней и 31 666 шт. птицы[180].

Имеющаяся литература еще не дает суммарного итога шефской помощи по возрождению животноводства в освобожденных районах в масштабах всей страны – бурный и разновременный ее поток не всегда должным образом фиксировался в документах. Но и приведенные весьма репрезентативные сведения дают основания для объективных подсчетов: общее количество скота, поступившего в ранее оккупированные районы в порядке шефства, составило не менее 1,5 млн голов – примерно половину реэвакуированного и закупленного в тылу скота, вместе взятых.

Еще сложнее подытожить размеры государственной, кооперативно-колхозной и общественно-самодеятельной помощи населению освобожденных районов по источникам поступления, поскольку, как правило, в документах приводятся суммарные данные. Так, в сборнике «Из истории дружбы украинского и узбекского народов» опубликована сводка главторга УзССР о заготовке скота, продовольствия и сборе вещей для освобожденных районов УССР с 14 сентября по 17 октября 1943 г.[181]. Она включает 36 наименований всевозможных поступлений: крупный рогатый скот – 1017 голов, мелкий скот – 7989, лошади – 72, свиньи – 15, куры – 237, деньги – 3017,5 тыс. руб., зерно – 3636,7 ц, овощи – 295 ц, фрукты сухие – 1975 ц, мясо и жиры – 34,5 ц, продовольственные продукты – 1018,5 ц, обувь – 2254 пары, одежда – 6008 шт., утварь – 32 697 шт., трикотаж и белье – 4460 шт., овчина и кожа – 3408 шт., постельные принадлежности – 2685 шт. и т.д.

В справке ЦК КП(б) Туркмении отмечается, что только для районов Сталинградской области «отправлено: скота – 15 397 голов, сельхозинвентаря (плуги, бороны) – 2012 шт., огородных семян – на 200 га, 15 вагонов ваты, 5 вагонов оконного стекла и т.д.»[182]. А ведь Сталинградская область далеко не единственная, куда направляли свою помощь трудящиеся Туркмении.

Внесли свой вклад в восстановление хозяйства фронтовых и освобожденных районов народы Закавказья. Азербайджанцы помогали, в частности, восстанавливать Ставропольский край и Сталинградскую область – посылали скот, оборудование, стекло, одежду, предметы первой необходимости[183]. Из Грузии помощь в основном шла в Краснодарский и тот же Ставропольский края, Ростовскую область, Кабардино-Балкарскую, Северо-Осетинскую и Чечено-Ингушскую АССР. Только в четвертом квартале 1943 г. населению Дона из Грузии поступило обуви, швейных товаров, чулочно-носочных и трикотажных изделий на 2 млн 290 тыс. руб.[184]. Опираясь на братскую помощь трудящихся Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Киргизии, Таджикистана, Армении, Азербайджана и Грузии, народы России, а также Украины, Белоруссии оказывали, в свою очередь, поддержку народам Молдавии, Латвии, Литвы, Эстонии, Карелии.

Неотложной задачей возрождения жизни на освобожденной земле было строительство жилищ для миллионов людей, лишившихся крова. Основные потери понес деревянный жилой фонд колхозной деревни. Гитлеровцы полностью сожгли и разрушили тысячи сел и деревень – люди ютились в сараях и землянках. Срочно требовалась помощь государства и всего населения страны. Причем строить надо было не только жилье, но и разного рода производственные и животноводческие помещения, также уничтоженные фашистами.

При крайне ограниченных ресурсах государство и правительство выделяли кредиты, строевой лес, пиломатериалы, кровельное железо, оконное стекло, инструмент, гвозди, предоставляли необходимый

транспорт. Руководство освобожденных областей принимало меры по максимальному использованию местных строительных материалов. Сотни эшелонов с древесиной направлялись в безлесные освобожденные районы РСФСР и Украины с европейского Севера, Урала, из Сибири. Особенно эти работы развернулись после постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г., определившего важнейшие меры по восстановлению и строительству жилищ колхозников, рабочих и служащих.

Намечалось построить 25 заводов по производству стройматериалов из местного сырья. Курскому и Орловскому облисполкомам на нужды жилищного строительства были отведены лесосеки для бесплатной заготовки 300 тыс. куб. м древесины. На восстановление жилья и производственных построек колхозам Украины выделялось 350 тыс. куб. м строительного леса[185]. Что касалось колхозов и крестьянства Белоруссии, то с них практически снимались все ограничения в использовании возможностей местных лесных угодий государственного и иного значения. В южные безлесные области и края России только в 1943 г. было завезено 5015 тыс. куб. м строительного леса. Им, а также Калининской, Смоленской и Воронежской областям отводилось в то время свыше тысячи лесосек государственного и местного значения под заготовки 1610 тыс. куб. м строевого леса[186].

Быстро выполнялось и решение о строительстве 25 заводов по производству стройматериалов из местного сырья освобожденных районов. Уже к началу 1944 г. в ранее оккупированных областях РСФСР были построены 22 таких завода и 3 – на Украине, в том числе 4 завода в Калининской области, 3 – в Ростовской, 2 – в Сталинградской, 4 – в Курской, 4 – в Воронежской, 3 – в Краснодарском крае, 2 – в Ставропольском[187]. Они изготавливали глинобитные и шлакобетонные блоки, известь, кирпич, черепицу, камышитовые плиты, алебастр, добывали ракушечный камень и другие строительные материалы, часть из которых предназначалась и для села.

Государство предоставило застройщикам освобожденных районов большой кредит. По состоянию на 1 января 1944 г. Сельхозбанк СССР отпустил на индивидуальное жилищное строительство 36 млн 265 тыс. руб., из них 34 млн 264 тыс. – колхозникам и 2 млн 1 тыс. – рабочим и служащим[188]. Кредит предоставлялся на выгодных условиях: в сельской местности по 10 тыс. руб. на семью сроком на 7 лет[189]. Строительство в основном велось за счет средств того колхозника, для которого строился дом. В первую очередь жилье возводилось участникам и инвалидам войны, семьям партизан и погибших, передовикам производства. По решению общих собраний многие колхозы часть расходов брали на себя.

Бесценную помощь оставшемуся без крова населению сел и деревень оказывали те же тыловые области. За счет местных ресурсов наряду с продовольствием и товарами массового обихода они направ-

ляли лес, строительные материалы, организовывали сборы средств, воскресники и декадники на лесозаготовках. Сотни тысяч колхозников отправлялись на сезонную работу в лесную промышленность, численность рабочих в которой в военные зимние месяцы достигала более 800 тыс. человек[190].

В октябре 1943 г. Совнарком Башкирской АССР телеграфировал в Ворошиловградскую область, что в ее адрес отправлен эшелон – 55 вагонов с разным оборудованием, стройматериалами, инструментом, в том числе 9 вагонов круглого леса, 9 – пиломатериалов, 1 – фанеры, 2 – оконного стекла, 1 вагон – алебастра, 50 т железа, проволоки, гвоздей[191]. Кемеровский обком ВКП(б) информировал в декабре того же года об отправке в Сталинскую область свыше 9 тыс. шт. разного инструмента, 200 т извести, 800 т цемента, 150 тыс. шт. кирпича, 4 тыс. куб. м леса и другого строительного материала[192].

Государственная и всенародная помощь давала необычайные результаты. В семи областях РСФСР – Курской, Калининской, Смоленской, Орловской, Воронежской, Сталинградской и Ростовской, а также в Краснодарском и Ставропольском краях – уже в ходе войны было восстановлено и построено 326,4 тыс. жилых домов, в том числе 266 тыс. в сельской местности и 60,4 тыс. в городах и рабочих поселках. В них переселилось 1 813 614 человек: 1 153 630 сельских жителей и 659 984 городских[193]. К началу 1946 г. в белорусской деревне было восстановлено и построено свыше 218 тыс. крестьянских домов. Колхозы республики возвели более 7700 животноводческих помещений[194]. В итоге все освобожденные сельские районы СССР за 1943 и 1944 г. восстановили и вновь построили 839 тыс. домов, в которые вселилось не менее 3,5 млн сельского населения[195].

Но условия жизни и быта на освобожденной земле продолжали, разумеется, оставаться трудными. Нехватка преследовала во всем. Остро давала о себе знать и жилищная проблема. В той же Белоруссии к окончанию войны не было еще восстановлено свыше двух третей сельского жилищного фонда[196]. Многие крестьяне ютились в землянках, новые строения чаще всего оставались небольшими, без удобств. Глинобитная мазанка, соломенная крыша, маленькие окна из-за недостатка стекла, примитивный двор – таким представлялся типичный облик освобожденной колхозной деревни.

И все же быстрое и радикальное возрождение демонстрировало удивительные ее возможности. В совместной борьбе за победу и выживание проявилась сила нерасторжимой тогда дружбы всех народов советской Родины – рабочих, колхозников, интеллигенции и служащих. Это был беспрецедентный патриотический подвиг всех народов Великой страны.

«Никто из нас не останется безучастным к нашим братьям и сестрам, натерпевшимся столько горя в фашистской неволе, – говорила знатная колхозница Батиш Изенбаева из колхоза им. М.И. Калини-

на Алма-Атинского сельского района. – Все, что у нас есть, всем поделимся, всем поможем»[197]. На таких всенародных чувствах и основывалась необозримая морально-психологическая, социальная и экономическая сила Советского государства. И эти его реальные уроки – глобальное историческое достижение.

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ НА СВОБОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Восстановление сельского хозяйства и советских основ земельных отношений, определяющая роль государства и общенародной помощи имели исходное значение для возрождения деревни. Но оно не стало бы возможно без трудового подвига самого крестьянства освобожденных районов, без максимального использования уцелевших здесь материальных и трудовых ресурсов.

Изгнание оккупантов с тех или иных территорий по времени обычно совпадало с проведением важнейших сельскохозяйственных кампаний: освобождение Северного Кавказа, Дона и части Центрального Черноземья – с подготовкой к весенней посевной 1943 г., возвращение Левобережной Украины и восточных районов Белоруссии – с подготовкой и проведением уборки урожая того же года. Во время весенне-летних работ 1944 г. освобождались Правобережная Украина, западные области Белоруссии, Крым и Молдавия. Уборочная страда 1944 г. совпала с изгнанием гитлеровцев из республик Прибалтики. Да и сама Победа выпала на цветущий Май.

Командование советских войск, все бойцы и командиры первыми приходили на помощь местному населению. Прежде всего, они многое сделали для нормализации элементарных условий жизни, оказания помощи женщинам, больным, детям. «В то время речь шла даже не о восстановлении, – замечает бывший начальник тыла 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Н.А. Антипенко. – Просто армия помогала безотлагательно создать сколько-нибудь приемлемые бытовые условия»[198]. Этим азартно и сердечно занимались санитарная, ветеринарная, интендантская, инженерная и другие службы фронта, дорожные и трофейные управления*.

Интересны и конкретные данные, наглядно раскрывающие эту помощь. Воины 1-го Белорусского фронта полностью отремонтиро-

* Весной 1944 г. фашисты создали вдоль всего передового края своей обороны цепь концлагерей, согнав в них 35 тыс. советских граждан, больных сыпным тифом. В апреле, т.е. в канун наступления наших войск и начала полевых работ, противник неожиданно оставил эту зону. Тысячи больных и голодных людей двинулись в расположение наступавшей армии и деревень. Контакт грозил вспышкой эпидемии не только в армии, но и среди всего освобожденного населения. Военное командование и местные власти проделали огромную чрезвычайную работу, чтобы расквартировать и пропустить через карантин всю массу людей и отвести, казалось, неотвратимую угрозу.

вали и оборудовали помещения для детских интернатов и яслей на 2 тыс. мест, построили 400 бань, восстановили 15 больниц, отстроили большой питомник, передав ему 300 племенных лошадей и жеребят, предоставили местным колхозам несколько тысяч, тогда бесценных, на железном ходу повозок, комплектов кожаной упряжи, дуги, гвозди, не говоря о помощи горючим и станочным оборудованием для МТС. Силами строительных служб были восстановлены железнодорожные мосты, в том числе через р. Сож, приведены в надлежащее состояние шоссейные и грунтовые дороги.

Подготовка операции «Багратион» по освобождению Белоруссии совпала с началом полевых работ. Армия не осталась безучастной и в этом случае. Командование передало освобожденному населению три крупных подсобных хозяйства – несколько тысяч гектаров вспаханной и засеянной земли, много продуктивного скота, 45 тракторов, лесоматериалы. «Теперь могут показаться «немасштабными» усилия военного командования и солдат для оказания помощи белорусам. Но по тем временам сделано было немало», – справедливо замечал тот же Н.А. Антипенко[199].

Подобную помощь оказывали и войска других фронтов, о чем свидетельствует, в частности, постановление Военного совета 2-го Украинского фронта от 25 марта 1944 г.: «Учитывая наступление весенних полевых работ и большую напряженность в их проведении, предложить Военным советам армий фронта, командирам войсковых соединений и частей, начальникам тыловых частей и учреждений не в ущерб военной работе оказывать помощь колхозам и совхозам в проведении весенних полевых работ тракторами, лошадьми, а также людьми». Партполитаппарату частей было предложено оказать помощь командирам в выполнении постановления и проведения разъяснительной работы. «Этим самым, – подчеркивалось в постановлении, – войсковые части окажут большую помощь колхозам и совхозам Украины и Молдавской ССР в своевременном выполнении весенних полевых работ, обеспечивающих на будущее получение продовольствия для Красной Армии»[200].

Командование фронтов и армий строго требовало конкретной и исчерпывающей информации об оказанной помощи. И как положено в действующей армии, эта информация носила именно такой характер. Вот один пример. В донесении Военного совета 6-й армии Военному совету 3-го Украинского фронта говорилось, что только в декабре 1943 г. колхозам и мирному населению была оказана следующая помощь. По 333-й Краснознаменной Синельниковской стрелковой дивизии: собрано и свезено на заготовительные пункты 196 т зерна, овощей и фуража. Дивизия передала колхозам 92 т зерновых, восстановила маслобойку, 30 колодцев, провела ветеринарную обработку колхозных лошадей. По 244-й Запорожской стрелковой дивизии: для организации уборки урожая выделены офицеры. Убрано с

полей 545 т картофеля, 200 т подсолнуха, 232 т кукурузы, 111 т овощей, 20 т сои. Перевезено транспортом соединений в хранилища колхозов 313 т зернофуража и овощей, собрано 210 т бесхозного урожая для колхоза в с. Разумовка. Восстановлены и построены 2 мельницы. Оказана ветеринарная помощь крупному рогатому скоту и лошадям.

По 60-й гвардейской Краснознаменной Павлоградской стрелковой дивизии: восстановлено 7 мельниц и крупорушек, перевезено попутными машинами в освобожденные районы 248 семей, собрано в счет госпоставок 65 т овощей и зерна, восстановлена 1 крупорушка, в 47 случаях оказана медицинская помощь населению, в 15 – ветеринарная помощь скоту. Кроме того, армейская база вывезла из колхоза им. Шевченко в счет госпоставок 36 т зерна, для перевозки населения было выделено 8 вагонов, ветеринарные учреждения отработали на сельхозработах 235 человеко-дней, выделили 8 лошадей. Они же вывезли 100 т зерна и овощей, отремонтировали 4 конюшни, провели ветеринарную обработку 45 лошадей, передали колхозам 10 выбракованных лошадей, 4 жеребенка, 1 трактор. Полевой эвакопункт провел медосмотр 496 больных местных жителей[201].

Реальная помощь воинских частей обычно являлась тем опорным звеном, с которого и начиналось возрождение опустошенной деревни. Да и деревни как таковой зачастую не оставалось. Что делать, с чего начинать? Эти мучительные вопросы со всей неотложной остротой ставила сама действительность. Крайне важно было из многих восстановительных проблем выделить самые-самые. М.И. Калинин говорил: «Перед населением освобожденных от немцев советских территорий стоит главная задача – как можно скорее включиться в борьбу. Эта задача в равной степени касается как руководителей, так и всего населения». Колхозникам с. Городня он советовал немедленно приниматься за дело: расчищать дороги, готовить людей, семена, приводить в порядок сельскохозяйственный инвентарь. Нужно было как можно скорее возродить общественный труд[202].

При этом главным показателем считались сроки начала и завершения тех или иных дел. В этом следует видеть одну из отличительных черт восстановительных работ самого военного времени. Задача состояла не в том, чтобы достичь довоенных показателей (это выглядело немыслимым при тех «возможностях» разоренной деревни и нараставших военных затратах), а в том, чтобы обеспечить «наискорейшее включение города или села в общую работу для фронта»[203]. Из этого исходили в своих действиях партийные и советские организации. Характерно постановление Запорожского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета по организации первоочередных работ в сельском хозяйстве, принятое вскоре после освобождения области. Почти каждый абзац этого документа начинался со слова «немедленно»: «...*немедленно* приступить к окончанию озимого сева, *немедленно* приготовиться к уборке поздних культур, *немедленно* приступить к

восстановлению перерабатывающих предприятий (мельницы, маслобойни, крупорушки), *немедленно* начать подъем зяби, заложить семенные фонды, создать ремонтные бригады»[204].

Да и само крестьянство, всегда знавшее цену времени, тогда, пожалуй, как никогда раньше, понимало, что труд на родной земле – это начало всех начал. Люди очищали поля и дороги от мин и снарядов, засыпали воронки и траншеи, извлекали из тайников спрятанный инвентарь и остатки семян, копали, ремонтировали, учились улыбаться, глубже воспринимать и ...отчаянно трудиться.

Вот один из примеров. После изгнания оккупантов на пепелище д. Кокошкино Ржевского района Калининской области вместе с односельчанами вернулась Е.М. Никольская. Женщины и дети поселились в землянках. В сельсовете Никольской сказали: «Будешь председателем колхоза». Она удивилась: «А где же хозяйство?.. Ни деревни, ни скота, ни техники». Обещали помощь. В трех деревнях набралось всего 16 семейств, объединившихся в колхоз. Не было семян. За ними нужно было идти на станцию за 25 километров. Но даже мешков не стало. Вместо них использовали матрацы, наволочки.

Как только сошел снег, вышли в поле. Копали вручную ослабевшими от голода и холода руками. Удавалось вырабатывать в день по три сотки. Это была норма, установленная самими женщинами, и ее выполняли все. Небольшая группа женщин и детей вскопала 34 га земли. Потом из Брусовского района пришла помощь: прислали трактор и лошадей. Были посажены ячмень, горох, лен и овес. Осенью часть собранного урожая отвезли государству, засыпали семена, выдали по 1 кг 200 г зерна колхозникам на трудодень[205].

А тем временем возрождался и домашний очаг. В Кокошкино, как и всюду на ржевской земле, от зари до зари стучали топоры плотников, прибывших на помощь из тыловых районов. Вместе с местными жителями, преимущественно с подростками, они возводили дома, животноводческие и общественные постройки. Всего к осени 1943 г. в Ржевском районе было восстановлено 213 колхозов из 360 довоенных, построено 1377 жилых домов, 170 общественных помещений, восстановлено 4 МТС, 71 школа, 3 библиотеки и 6 разрушенных больниц[206].

Тяжело, но сравнительно быстро возрождалась жизнь на калининской, смоленской, подмосковной, калужской, рязанской земле, частично или полностью освобожденной уже в 1942 г. Еще сложнее было поднимать сельское хозяйство после 2–3 лет хозяйничанья врага, когда масштабы восстановления казались необъятными. Но почти всюду все начиналось с нормализации элементарных жилищных условий крестьянства, а по мере этого нарастала деятельность и по другим направлениям.

К осени 1943 г. освободили Харьков, Ворошиловградскую, Днепропетровскую, Черниговскую и Сумскую области Украины,

а 12 октября ЦК КП(б)У информировал ЦК ВКП(б)[207] о том, что повсюду началось восстановление торговой сети и общественного питания, школ, медицинских и культурно-просветительных учреждений. Только в Ворошиловградской области было отремонтировано 761 школьное помещение на 107,5 тыс. учеников, открыто 16 детских домов, в которых находилось 805 детей, восстановлено 26 районных и 109 сельских клубов, 28 библиотек. К тому времени уже действовали 45 больниц, 12 поликлиник, 92 амбулатории, 6 диспансеров, 26 ветпунктов, 14 лабораторий, 587 детских яслей, 197 дезкамер, 238 бань и т.д.[208].

Особое значение придавалось восстановлению сельской потребительской кооперации. В той же Ворошиловградской области к октябрю 1943 г. в сельской местности вновь начали работу 32 райпотребсоюза, 32 райзаготконторы, 2 оптовые базы, 215 сельпо. В системе облпотребсоюза было восстановлено и открыто 256 магазинов, 15 ларьков, 38 столовых и 39 пекарен[209]. В сентябре 1944 г. советские войска полностью завершили освобождение Молдавии, а к январю 1945 г. здесь уже действовали все 6 уездных потребсоюзов, 60 районных и 580 сельских потребительских обществ против 518 в 1940 г., 563 приемно-заготовительных пункта вместо 518 довоенных и т.д. К тому времени в системе потребкооперации республики еще не были полностью восстановлены имевшиеся ранее лавки, магазины. Тем не менее к началу 1945 г. в среднем в Молдавской ССР приходилось по одному магазину на каждый сельсовет[210].

Потребительская кооперация занималась в основном встречной продажей товаров при государственной закупке хлеба, овощей, сельскохозяйственного сырья, а также снабжением из фондов государственных промышленных и продовольственных товаров работников местного актива, сельских учителей, врачей, агрономов, работников детских и больничных учреждений, инвалидов войны, семей военнослужащих, колхозников, а в западных районах – и единоличных крестьян. Как и в тыловых областях, членство в потребкооперации становилось массовым и даже всеобщим. На 1 января 1945 г. потребительская кооперация Молдавии обслуживала, например, 1835 тыс. человек сельского населения, т.е. практически все крестьянство*.

---

* В 1940 г. в Молдавии насчитывалось 2136 тыс. человек сельского населения. См.: Народное хозяйство СССР, 1922–1982: Юбил. стат. сб. М., 1982. С. 13. Если из этого числа вычесть среднесоюзный процент (18%) сокращения сельского населения за время войны (на конец 1944 г.), то к тому времени в молдавских селах оставалось 1751 тыс. человек. Кроме крестьянства, потребкооперация Молдавской ССР в 1944 г. обслуживала еще 130 тыс. человек (сельская интеллигенция, рабочие МТС и совхозов). См.: Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945. Т. 1. С. 542. В сумме получается 1881 тыс. человек – примерно столько, сколько обслуживала потребкооперация по ее отчетным данным (1835 тыс.).

Только в 1944 г. число ее пайщиков здесь возросло на 150 тыс. человек, а сумма паевых взносов достигла 7706 тыс. руб.. Тогда же по мере освобождения республики от оккупантов при райпотребсоюзах было организовано 13 промкомбинатов и 125 предприятий, которые выпускали на 2280 тыс. руб. товаров широкого потребления, или на 286% к плану[211]. Через потребительскую кооперацию сельское население главным образом приобретало и товары промышленного производства. Прежде всего именно это объясняло ее столь высокий авторитет среди крестьянства и большое значение в хозяйственном возрождении села. Быстро восстанавливалась колхозная торговля. В Белоруссии, например, к июлю 1945 г. уже действовал 161 колхозный рынок при 218 до войны[212].

Под особым контролем республиканских и областных руководящих органов находился ремонт сельскохозяйственной техники. Принимаемые в этой связи решения обычно носили строгий директивный характер. Так, в одном из постановлений СНК УССР и ЦК КП(б)У подчеркивалось, что ремонт тракторов и сельскохозяйственной техники «является решающим вопросом в подготовке к полевым работам» [213]. Далее следовали конкретный план, график, твердые задания и меры помощи со стороны заводских коллективов, перечень других организационных мер, обеспечивавших безусловное выполнение стоявших задач.

Еще более детальный характер имели выносимые решения по областям и районам, а также обязательства передовиков соревнования по ремонту техники. В декабре 1944 г. коллектив Старобешевской МТС Сталинской области, в которой работала возвратившаяся из эвакуации известная в стране трактористка Прасковья Ангелина, выступил инициатором Всесоюзного соревнования за высококачественный ремонт тракторов и сельскохозяйственных машин [214]. К тому времени, как писали старобешевцы, прошел год после освобождения родного края от фашистов: «Несмотря на отсутствие благоустроенных мастерских и острую нужду в запасных частях, мы в прошлом году закончили ремонт всего машинно-тракторного парка к 10 февраля – на один месяц и 10 дней раньше срока. Государственная комиссия качество ремонта признала хорошим, что впоследствии подтвердилось на практике – план тракторных работ нами выполнен на 170%, средняя выработка на условный трактор составила 555 га, экономия горючего – свыше 20 т»[215].

Все 12 пунктов социалистических обязательств Старобешевской МТС на новый год предусматривали четкие задания, конкретные сроки, главные компоненты предстоявших работ и пути их выполнения. Это было не только гарантией успеха самих инициаторов, но и хорошим ориентиром для последователей. Почин подхватили повсеместно, а развернувшееся соревнование оказало заметное влияние на организацию и улучшение ремонта техники на Украине и во всей

стране. В 1945 г. на Украине, как и в Молдавии, выработка на трактор составила почти 500 га при 354 в целом по Союзу. Из других южных районов столь высоких показателей (493 га) добились только МТС Северного Кавказа и Крыма. Выработка на трактор в МТС Дона поднялась со 189 га в 1943 г. до 413 га в 1945 г.[216].

Говоря о более высоких результатах в работе МТС Украины, Северного Кавказа и Дона с их обширными степными массивами обрабатываемой пашни, следует, конечно, иметь в виду, что здесь техника, в отличие от других районов страны, использовалась с заметно большей нагрузкой. Сказывался и общий, более высокий уровень механизаторской, ремонтно-технической культуры. Это отразилось и на времени восстановления сельского хозяйства после оккупации. Но улучшение в восстановительных работах произошло и в относительно малоземельных районах. Здесь с 1944 г. МТС в большинстве случаев успешно выполняли задания по реставрации и ремонту техники, как и планы важнейших работ в колхозах. Тем самым закладывались хорошие основы для сельского хозяйства последующих лет.

Но не следует переоценивать эти результаты. В мае 1944 г. «Правда» сообщала, что «даже там, где МТС восстанавливались быстро», они могли выполнить лишь до 40% основных полевых работ в деревне[217]. В большинстве же областей удельный вес работ МТС был еще ниже. В Белоруссии, например, в 1944 г. он составил 23%, в 1945 г. – 34 против 58% в 1940 г.[218]. Что же до западных областей Украины, Белоруссии, Молдавии и республик Прибалтики, то в силу единоличного характера производства подавляющая часть полевых работ выполнялась здесь имевшимся живым тяглом. Так, в Эстонии из общего объема весенней пахоты в 1945 г. МТС обработали 1,9% площади, конно-прокатные пункты – 3,1, сельскохозяйственные кооперативы – 1,3, а единоличные хозяйства на живой тяге – 93,7%[219].

То есть преимущественная роль оставалась за живым тяглом – лошадьми, рабочими волами и даже коровами. Повсюду в крестьянском хозяйстве ощущался острый недостаток конского поголовья. В Белоруссии, например, почти 70% лошадей были старше 15 лет, крайне истощены и больны. Тем не менее нагрузка на одну такую «рабочую» лошадь в республике составляла к концу войны 24,5 га в день при 8,2 га в 1940 г.[220]. При этом колхозная лошадь всюду использовалась на вывозке леса, урожая, заготовках, ремонте дорог и т.п. В ряде мест, особенно на Украине, выручали рабочие волы и коровы, хотя и их поголовье сильно сократилось.

Бывший главный агроном Бегомльского района Минской области К. Соловьева вспоминает: «Коров к упряжке приучали постепенно. Каждой по мерке старались изготовить хомут, впрягали вначале на 2–3 часа, затем на более длительное время. Помню, как мучились наши колхозницы, пока научили коров слушаться, правильно ходить. Часто бедное животное прямо в упряжке ложилось в борозду, и нуж-

но было немало сил и настойчивости, чтобы вновь заставить такую корову встать...»[221]

Развернули разъяснительную работу по поводу этого вынужденного, но крайне необходимого «средства восстановления земледелия»[222]. Газеты рассказывали о накопленном тыловыми районами опыте применения личных и низкопродуктивных колхозных коров на полевых работах[223]. Местная печать публиковала соответствующие решения советских и хозяйственных органов, необходимые рекомендации. Даже в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О плане сельскохозяйственных работ на 1943 год» правлениям колхозов предлагалось установить норму выработки при использовании коров на полевых работах в размере трети от норм выработки на лошадях, а колхозникам, работавшим на своих коровах, начислять трудодни в двойном размере и обеспечивать их коров фуражом[224].

Вскоре непривычное дело стало обыденным. Во многих освобожденных областях весной 1943, 1944 и даже 1945 г. крупный рогатый скот был основной тягловой силой. В Курской области к весеннему севу 1943 г. колхозники обучили упряжке 174 тыс. коров. Только на пахоте и бороновании здесь использовалось их от 110 до 140 тыс. Часть коров применялась на транспортировке зерна, горючего, воды и других хозяйственных работах. Общая численность рабочих коров в этой области в 1943–1944 гг. в 6 раз превышала количество оставшихся лошадей[225]. В Ростовской области численность занятых на полевых работах коров более чем в 2 раза превышала конское поголовье – 80 тыс. при 40 тыс. (1943 г.)[226]. На Кубани при наличии 54 тыс. лошадей только на вывозке зерна осени 1944 г. использовалось свыше 60 тыс. коров[227]. Из украинских областей в 1944–1945 гг. живую тягловую силу применяли в Полтавской (90 тыс.), Винницкой (50–55 тыс.) областях, а также в Запорожье, где в 1944 г. на коровах выполнили до 40% всех полевых работ[228].

Столь же распространенной стала и ручная обработка земли, особенно в малоземельных освобожденных областях РСФСР. Лопатами здесь, как правило, обрабатывали весь приусадебный участок, поднимали залежь и целину на косогорах, где истощенным лошадям и коровам работать было не под силу. Нередко впрягались в упряжку и сами колхозники. В Смоленской области весной 1944 г. женщины таким образом и лопатами подняли 45 тыс. га, или девятую часть всей площади колхозных посевов. Весной 1942 г. только в 20 освобожденных районах Калининской области лопатами было вскопано 30 тыс. га земли. Если в колхозе «Пролетарский» на лошадях вспахали только 8 га, то лопатами подняли 33229. В Белоруссии даже в 1945 г. площадь обработанной вручную пашни составила 158 тыс. га[230], что почти равнялось средней площади посевов зерновых в одной из шести областей республики. Это был поистине титанический, очень тяжкий, но обнадеживающий труд.

В общегосударственную проблему обратился острый недостаток семян, причем не только для сельского хозяйства освобожденных районов, где все, что успели, вывезли или уничтожили оккупанты. В 1943 г. в областях Левобережной Украины дефицит семенного фонда яровых составил 40–50% к плану, причем семена бобовых и трав в колхозах почти полностью отсутствовали[231]. Ряд районов и вовсе не имел никаких семян и мог рассчитывать лишь на помощь государства и тыловых областей. Положение усугублялось тем, как мы заметили, что и тыловые районы из-за низкого урожая сами испытывали недостаток посевного материала. Много хлопот доставляла его транспортировка, особенно там, где полевые работы начинались сразу же после изгнания оккупантов.

Тем не менее с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. освобожденным районам выделялось 120 тыс. т семян озимых, из них 95 тыс. предназначалось колхозам. Постановление определяло форму и сроки обратных расчетов. Колхозам Ростовской области и Украины надлежало возвратить ссуду из урожая яровых продовольственных культур не позднее 15 октября 1943 г. с начислением двух центнеров за каждые 100 полученных. Хозяйствам Воронежской, Курской, Сталинградской, Смоленской областей и Ставропольского края разрешалось возвратить ссуду из урожая 1944 г., но уже с начислением 10 ц на каждые 100 отпущенной ссуды[232]. Начисления на возврат семенных ссуд по линии внутриобластных закупок также составляли 10 ц на 100 ц зерна[233].

Правительство строго следило за своевременной отправкой семян по назначению. Транспортное управление Наркомзага СССР требовало немедленной прицепки загруженных вагонов к первым же отходившим поездам. К 20 сентября 1943 г. закончилась погрузка 12 тыс. т семенного зерна для Ворошиловградской и Харьковской областей, а уже 12 октября Наркомзаг СССР информировал о прибытии основной части этого груза к месту назначения[234]. Не менее сложной оказалась транспортировка ссуды на местах. По сообщениям обкомов ВКП(б) и облисполкомов, к середине сентября 1943 г. ее удалось реализовать только 41%, а обменные операции были проведены лишь на 20%[235]. Тысячи колхозников и сельских подростков на себе и коровах доставляли этот бесценный груз за десятки километров по осеннему бездорожью. В Куйбышевском районе Ростовской области 2900 женщин, стариков и подростков перенесли с элеватора на поля 127 т зерна; 70 т семян перенесли на себе колхозники и подростки соседнего Неклиновского района[236]. В итоге основная часть ссуды все-таки дошла до колхозов и совхозов освобожденных районов: осенью 1943 г. они получили более 96 тыс. т государственных семян[237].

Но этого могло хватить лишь на пятую часть озимых посевов. Остальное пришлось изыскивать на месте. Часть потребности была по-

крыта колхозным зерном, спрятанным от оккупантов, а также за счет личных семян колхозников. Только в одной Сталинской области УССР они сдали в семенной фонд 19,5 тыс. т зерна[238]. Нередко на помощь приходила армия. Так, по решению Военного совета 1-го Украинского фронта в апреле 1944 г. колхозам, совхозам и крестьянам-единоличникам Каменец-Подольской области было выдано для посева 1 тыс. т зерна яровых культур из трофейных запасов[239].

Но основным источником восполнения дефицита снова стала межколхозная, межрайонная и межобластная взаимопомощь. Партийно-комсомольский актив, работники сельских Советов, колхозное руководство провели разъяснительную работу среди крестьян. Закупка и сбор зерна в ссуду проходили в строгом соответствии с решениями правительственных органов при неукоснительных гарантиях возврата долга из будущего урожая. Крестьянство активно откликнулось на призыв. О масштабах поступлений зерна в виде семенной взаимопомощи можно судить на примере колхозов Дона. Весной и осенью 1943 г. государство выделило им ссуду и в обмен на фураж 24,8 тыс. т семенного зерна. Но кроме этого, местные колхозы и колхозники собрали еще 80 тыс. т семян зерновых и 3,6 тыс. т семян подсолнуха[240].

Курская область поначалу к апрелю 1943 г. засыпала лишь четверть необходимых семян зерновых и десятую часть семенного картофеля. Обком и облисполком обязали местное руководство взять под строгий контроль весь обмолоченный и стоявший еще в скирдах хлеб и использовать его для посевов. Они потребовали также собрать и то семенное зерно, которое роздали под расписку населению перед эвакуацией. Всемерно поощрялась сдача семян из личных запасов, при этом она нередко проводилась в обязательном порядке в виде ссуды и пропорционально посевам периода оккупации. В Старо-Оскольском районе 85% площадей было засеяно семенами, сданными колхозниками. В целом в 1943 г. область полностью выполнила план сева и досрочно рассчиталась с государством по всем обязательствам[241].

На Украине особую нужду в семенах испытывали колхозы Ворошиловградской и Сталинской областей. 12 февраля 1944 г. Совнарком республики принял специальное постановление об оказании им помощи путем организованной закупки 25 тыс. т зерна в Днепропетровской, Запорожской, Полтавской, Сумской и Черниговской областях[242]. Закупка проводилась на основе межобластной взаимопомощи в порядке выдачи остро нуждающимся хозяйствам семян в ссуду с возвратом из урожая того же года. Для организации закупок на места выехала большая группа ответственных работников Ворошиловградской и Сталинской областей. О ходе поступлений Наркомат заготовок СССР каждые пять дней докладывал правительству УССР. Это характеризовало не только масштабность мероприятия, но и оперативность его исполнения. Уже к началу марта задание в основ-

ном было выполнено. Все области Украины успешно провели сев 1944 г., а Сталинская область за хорошую работу колхозов и МТС была особо отмечена правительством СССР[243].

Проблема семян не ограничивалась зерновыми и картофелем. Столь же остро недоставало семян овощей, плодово-ягодных культур. Только в колхозах Украины фашисты уничтожили 144 тыс. га садов и виноградников, которые предстояло восстановить[244]. Почти повсеместно прекратилось сортовое воспроизводство семян овощей, а его материальную базу гитлеровцы полностью вывели из строя. И снова помогали сами колхозники, у которых с довоенных времен оставались в запасе семена моркови, свеклы, огурцов, капусты, лука, баклажан. Но собранные таким путем семена были разносортными. В связи с этим в 1944 г. только на Украине Наркомзем СССР выделил 5137,4 ц семян овощных культур, в том числе половину из них импортных[245]. Тогда же для восстановления виноградников украинские колхозы и совхозы получили из других регионов страны 18,6 млн стандартных черенков и саженцев, в том числе 7,5 млн из Грузинской ССР[246].

Все заботы освобожденной деревни в итоге подчинились одному – поскорее и побольше засеять земли, включить в оборот запущенную при оккупации пашню, ответить на помощь всеобщей трудовой доблестью, успеть внести соразмерный вклад в окончательный разгром врага. К тому же крестьянство Украины, Белоруссии, Дона, Кубани, ЦЧО хорошо понимало, что их сельское хозяйство всегда играло ключевую роль в продовольственном обеспечении страны, а близость фронта и резкое падение зернового производства в тыловых областях еще более усиливали это обстоятельство.

Трудовым накалом отличались полевые работы. С полной отдачей трудились женщины, инвалиды войны, старики, подростки, дети. Рядом с видавшим виды трактором, служившей колхозу со времен коллективизации старой лошадью тянула плуг, деревянную соху или борону уцелевшая от фашистского разбоя корова. Основные надежды возлагали на конную сеялку, жатку, а чаще на лукошко, косу, серпы, цепы, деревянные грабли и волокуши. А там, где имелся трактор или комбайн, работали на них от поломки до поломки, невзирая на время. Г.А. Логунов вернулся с фронта в свое освобожденное село на полуострове Чонгар (Сиваш) инвалидом, был избран председателем колхоза. В артели сохранились поломанный трактор ХТЗ и одна корова. С них все и началось: трактор отремонтировали, а корову продали. На вырученные деньги председатель купил насосную установку, оросил сухую чонгарскую землю, распродал урожай и приобрел 32 коровы[247]. Распрямились люди, набирало силу хозяйство.

В прифронтовых условиях помощь на севе и уборке уцелевшего урожая оказывала армия. Маршал Советского Союза И.С. Конев вспоминает: «Урожай в 1943 г. в Харьковской, Полтавской, Днепро-

петровской и части Кировоградской областях был на редкость богатым. Отступающие гитлеровцы не успели его полностью уничтожить, а население не в силах было убрать. Поэтому по решению Военного совета фронта к уборке урожая были привлечены войска и транспорт тыловых частей и учреждений. Нужно было видеть, с каким горячим энтузиазмом работали на полях наши воины. Большая часть хлеба была отправлена в Москву и Ленинград»[248].

Аналогичную помощь, только уже на весеннем севе 1944 г., оказывали войска 1-го Украинского фронта. Помимо семян и участия в севе личного состава воинских подразделений, фронтом было выделено 455 т крайне дефицитного горючего. В специальном постановлении, подписанном Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым, было сказано: «Военный совет фронта считает, что это задание не исчерпывает всех возможностей частей и подразделений по оказанию помощи совхозам и колхозам и единоличным крестьянским хозяйствам в проведении весеннего сева, и обязывает военные советы армий и политические отделы изыскать другие источники дополнительной помощи местным органам власти в проведении весеннего сева» и других работ[249].

Резкий спад технической оснащенности сельского хозяйства не снижал, а, наоборот, повышал роль МТС в обработке колхозной земли. В 1944 г. на Украине 1173 МТС обслуживали около 26 тыс. колхозов и большинство из них досрочно выполнило годовые планы тракторных работ. Свыше 100 МТС оказывали помощь крестьянским хозяйствам западных областей республики, и в целом выполнение планового задания по УССР составило 101,9%. Документы и литература оставили и необычайно яркие примеры трудовой доблести. Механизаторы Котовской МТС Черниговской области выработали в 1944 г. по 1053 га пахоты на 15-сильный трактор, Лебединской МТС Сумской области – по 1032 га, пять других МТС разных областей подняли от 665 до 842 га мягкой пахоты[250].

Быстро наращивали свое участие в колхозном производстве МТС Дона. Уже в 1943 г. они сделали крупный шаг в восстановлении довоенной площади обрабатываемых земель, а в 1944 г. ростовские механизаторы сумели выполнить в колхозах основную часть полевых работ. Во многих районах трактористы не только пахали и сеяли, но и возили зерно, горючее, воду. Несмотря на уменьшение машинного парка и ухудшение его технического состояния, МТС Дона на 12,7% перевыполнили план весенних работ, произвели 87,7% весновспашки, 79,5% посева. За время весеннего сева 1944 г. в среднем на 15-сильный трактор здесь было выработано 144 га мягкой пахоты при плане 101 га. Механизаторы передовой Азовской МТС обработали 397 га земли на трактор[251].

Но при хорошей работе тракторного парка успех тогда достигался там, где наряду с ним широко использовался рабочий скот. Кол-

хозники Целинского района Ростовской области в 1944 г. засеяли 52505 га яровых культур (106% к посеву 1941 г.), из них 18500 га обработали на лошадях и коровах. На 122% больше предвоенного засеяли колхозы Егорлыкского района, при том треть всей площади они также обработали на живом тягле. На Украине наивысшую выработку на трактор дали МТС Днепропетровской и Сталинской областей. Но и здесь в период сева в борозды ежедневно выводили более половины всех коров. Невероятная экстремальность, но только она позволила многим хозяйствам провести сев колосовых за 7, а таким районам Сталинской области, как Марьинский, Мариупольский, Андреевский и Селидовский, – за 4–5 рабочих дней[252].

Это тоже были своего рода достижения «со слезами на глазах», но и они не всем оказывались под силу и не везде – столь значимыми. Тем не менее всюду наблюдался ощутимый сдвиг к лучшему. По РСФСР в 1944 г. удовлетворительно справились с весенним севом Курская, Воронежская и Орловская области, а также Краснодарский и Ставропольский края, Северо-Осетинская и Кабардино-Балкарская АССР. Более того, тогда же общесоюзное знамя ГКО за высокий урожай завоевали пять областей СССР, и все они были из числа пострадавших от оккупации – Воронежская, Калининская, Киевская, Курская, Московская[253].

Заметно восстанавливались посевы зерновых. В 1945 г. по сравнению с предвоенным они составили: в Молдавской ССР – 93,6%, в Литовской – 88,4, Украинской – 83,2, Белорусской – 81,4, Эстонской – 72,4, Латвийской ССР – 66,2%. Медленнее расширялись посевные площади технических культур. Если в целом по стране по сахарной свекле в 1945 г. они равнялись 67,4% от уровня 1940 г., то в основной зоне свеклосеяния, какой оставалась Украина, – всего лишь 53,4%. Еще труднее возрождалось льноводство. Уже в начале войны под оккупацией оказались его основные районы – Белоруссия и северо-западные области РСФСР. Ввиду особой трудоемкости к 1945 г. БССР достигла немногим более третьей части бывших посевов льна, тогда как зерновые приближались здесь к 82%[254].

Итоговые данные о восстановлении общей посевной площади по всем категориям хозяйств и колхозам освобожденных республик приведены в табл. 15. Они свидетельствуют об огромных трудовых усилиях крестьянства, результативной помощи государства, жертвенной поддержке населения всей страны. Хотя до предвоенного уровня было еще далеко, достигнутые показатели уже приближались к среднесоюзным. А в крупнейшей земледельческой республике – Украине они практически сравнялись с ними. Сложнее обстояло дело с урожайностью полей. Почти всюду она существенно уступала довоенной. Сказывались истощение и засорение земель за годы оккупации, отсутствие удовлетворительной агротехники, минимума удобрений, отступления от севооборотов, острый дефицит рабочей

силы, запущенность семеноводства. То есть оставались, а то и нарастали фундаментальные проблемы земледелия, которые не решаются радикально за 2–3 года и которые требуют к себе столь же основательного отношения, особенно в свете перехода от войны к миру, от экстенсивного взгляда на сельское хозяйство к интенсивному, от экстремальных подходов к подлинно радикальным. Зауженность прагматизма аграрной политики военных лет как бы накладывалась на вероятность длительных системных сдвигов наступавшей новой полосы аграрной жизни государства в целом. Но об этом попытаемся подробнее сказать ниже.

Таблица 15

Посевные площади освобожденных республик, млн га*

Республики	1940 г.		1945 г.			
	все хозяйства	колхозы	все хозяйства	% к 1940 г.	колхозы	% к 1940 г.
Украинская	31,3	22,1	23,6	75,6	15,6	70,6
Белорусская	5,2	2,9	3,8	73,7	1,8	60,8
Литовская	2,5	–	2,2	89,5	–	–
Молдавская	2,1	0,2	1,9	92,2	0,14	66,6
Латвийская	1,9	–	1,4	72,0	–	–
Эстонская	0,9	–	0,7	75,8	–	–
СССР	150,4	117,7	113,8	75,6	83,9	71,3

* Сост. по: Советская деревня в первые послевоенные годы, 1946–1950. М., 1978; Страна Советов за 50 лет. С. 309–337.

Общее стадо, сформированное тогда колхозами по всем каналам, насчитывало 1723,2 тыс. голов, при этом численность законтрактованного скота и приобретенного в неоккупированных районах своих же областей составила 48,7% этого числа, или почти столько же, сколько поступило по реэвакуации и закупкам в центральных и восточных районах (53,3%), вместе взятых[255].

Несмотря на то что личное хозяйство колхозников и единоличных крестьян тоже подверглось разорению, оно сохранилось значительно лучше. Даже в Белоруссии, где общественное стадо оказалось практически уничтоженным, 40% колхозных семей сумели спасти часть своего скота[256]. Чтобы заинтересовать колхозников в быстрейшем воспроизводстве не только своего, но и общественного животноводства при том крайнем исходном уровне, требовались дополнительные поощрительные меры. До войны за сданную на ферму телку, кроме денежной оплаты, колхознику начисляли до 10 тру-

додней. Теперь же помимо этого за каждый килограмм живого веса теленка крестьянин получал по 1 кг зерна и по 10 кг грубых кормов. За контрактацию теленка старше шести месяцев личное хозяйство колхозника освобождалось от мясопоставок – их вносил колхоз.

В той же Белоруссии в течение 1944–1945 гг. крестьянство передало на этих условиях колхозным фермам 93 тыс. телят, 6 тыс. поросят, 7 тыс. ягнят[257]. Успешно прошла контрактация в освобожденных районах РСФСР: на фермы здесь поступило 689,1 тыс. голов крупного рогатого скота при плане 491 тыс., 886,8 тыс. телят и ягнят вместо 604 тыс. и 197,7 тыс. овец и коз против 113 тыс.[258]. Всего в 1943–1945 гг. колхозники освобожденных районов продали для общественного стада 4,5 млн голов крупного рогатого скота при его общем приплоде 1,5 млн голов[259].

Общественное животноводство быстро уходило от крайней черты. В Курской области с декабря 1943 по декабрь 1945 г. численность крупного рогатого скота в колхозах возросла с 82,6 тыс. до 217,1 тыс. голов, в Орловской – с 65,4 тыс. до 100,2 тыс., Калининской – с 301,4 тыс. до 345,7 тыс., Ростовской – с 207,4 тыс. до 344,2 тыс., в Краснодарском крае – со 181,5 тыс. до 273,2 тыс. голов и т.д. Всего по 16 освобожденным областям и краям РСФСР (включая бывшие в частичной оккупации) колхозное стадо крупного рогатого скота за то же время увеличилось с 2137,8 тыс. голов до 2846,7 тыс., или на 33%[260].

Полное освобождение других республик произошло в 1944 г. и потому сравнимые показатели мы можем привести только за период с декабря 1944 по конец 1945 г. В колхозах Украины за это время стадо крупного рогатого скота возросло с 1593,4 тыс. голов до 2174,3 тыс. (на 36,5%), в Белоруссии – со 105,9 тыс. до 229,0 (на 116%), Молдавии – с 11,5 тыс. до 13,9 (на 20,8%), Карело-Финской ССР – с 9,5 тыс. до 16,2 тыс. голов (на 70,5%)[261]. Наибольший прирост в Белорусской и Карело-Финской ССР объяснялся не только соответствующими усилиями по его достижению, но и самым низким изначальным уровнем восстановления из-за понесенных здесь потерь.

Но темпы возрождения животноводства имели не только региональные отличия. Самый большой его прирост приходился на первые месяцы после изгнания оккупантов, когда комплексно действовали все внутренние и внешние каналы поступлений – реэвакуация, помощь государства и тыловых районов, частичное возвращение угнанного оккупантами скота, а также контрактация и приплод. Это хорошо видно на примере Украины (табл. 16). За несколько месяцев 1944 г. численность скота со времени освобождения здесь возросла в 5–7 раз. В 1945 г. темпы прироста уже резко снизились, так как теперь они в основном определялись естественным приплодом, и наоборот – плохими условиями содержания, высоким падежом и яловостью животных.

Таблица 16

Возрождение животноводства в колхозах Украины, тыс. голов*

	На время освобождения	На конец 1944 г.	Рост, %	На конец 1945 г.	% к январю 1945 г.
Крупный рогатый скот	210,6	1593,4	756,6	2174,3	36,5
Свиньи	55,3	319,2	577,2	637,1	98,5
Овцы и козы	107,9	555,4	514,7	891,0	60,4
Птица	–	3270,2	–	3701,6	21,5

* Сост. по: Советская Украина в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 3. С. 395; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 441. Проценты подсчитаны автором.

Восстанавливалась численность всех видов скота, в том числе в личных хозяйствах колхозников и единоличных крестьян. Но до прежнего уровня было еще далеко, о чем свидетельствуют сравнительные данные по продуктивному скоту (в условном переводе на крупный) во всех категориях хозяйств (табл. 17). Низкой оставалась продуктивность. Для восстановления довоенных количественных и качественных показателей требовалось еще несколько лет мирного времени.

Таблица 17

Поголовье продуктивного скота в условном переводе на крупный, тыс. голов*

Годы	РСФСР**	УССР	БССР	Молдавская ССР	Литовская ССР	Латвийская ССР	Эстонская ССР
1940	29100,0	11100,0	2961,0	605,0	1092,0	950,0	509,0
1945	25000,0	7400,0	1500,0	523,0	672,0	639,0	387,0
% к 1940	85,9	66,7	50,7	86,4	61,5	67,3	76,0

* Страна советов за 50 лет. С. 309–337. Проценты подсчитаны автором.

** Данные по РСФСР включают и тыловые районы.

Низкий уровень продуктивности и товарности сельского хозяйства освобожденных районов учитывался государством в определении норм обязательных поставок. Так, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. местные органы получили право освобождать полностью или частично от сдачи сельхозпродуктов наиболее пострадавшие от оккупации колхозы и индивидуальные хозяйства колхозников, единоличников, рабочих и служащих. Хозяйства фронтовиков, партизан, инвалидов войны и нетрудоспособных чаще вовсе освобождались от всяких поставок[262].

В 1943 г. полностью или частично этими льготами пользовались: по зерну – 19,3% освобожденных колхозов, по картофелю – 26,6, по мясу – 24,1% и т.д. Совсем не облагалась поставками почти половина личных колхозных подворий[263]. В 1944 г. подобные льготы были распространены на колхозы и крестьян новых освобожденных районов. Наряду с этим даже при низкой продуктивности сельского хозяйства от колхозов требовался своевременный расчет основной и дополнительной оплаты труда колхозников. Только на Украине в 1944 г. дополнительную оплату получили 260 тыс. крестьян[264].

При всей скудости продовольственных ресурсов сельские труженики освобожденных районов при первой возможности включались в пополнение продовольственного фонда страны. В 1943 г. многие колхозы Дона были освобождены от обязательных поставок хлеба государству – разрушения усугубила засуха. Но благодарные воинам-освободителям донские колхозники сдали в фонд армии 11,5 млн пудов зерна, 21,6 тыс. т картофеля, 134 тыс. л молока, 8,2 тыс. т мяса, 5,7 тыс. т шерсти, 37 тыс. т сена. Около 11 млн пудов хлеба они внесли в фонд обороны из запасов, спрятанных от гитлеровцев. Необычайно, в 4,5 раза, возросли заготовки зерна на Дону в урожайном 1944 г., составившие почти 50 млн пудов[265].

Наращивала свой вклад Украина. Из урожая 1943 г. она сдала и продала государству 120,4 млн пудов хлеба. В 3 раза возросли здесь хлебопоставки в 1944 г. – до 365 млн пудов. Кроме того, в фонд Красной Армии республика внесла еще 175 млн пудов зерна. Тем самым общий объем хлебных заготовок 1944 г. достиг 540 млн пудов, или 99% от уровня 1940 г., хотя сравнительная урожайность упала на 42,5%. Всего за время войны крестьянство Украины сдало государству и армии 1 млрд 17 млн пудов (16,4 млн т) зерна, около 400 тыс. т мяса, 3850 тыс. т картофеля, 1 млн т овощей[266].

Свыше 42 млн пудов хлеба из урожая 1944 г. внесла Белоруссия, что составило 67% его валового сбора при 55,5% по Союзу[267]. Восполнение относительных сокращений заготовок за счет общественного сектора крестьянство БССР достигало увеличением норм поставок из личных хозяйств – до поры добровольным. Тогда же колхозники и работники совхозов продали государству 88% заготовленного молока, 97% яиц, 79% скота и птицы, 56% картофеля[268]. Уже в ноябре 1944 г. полностью рассчитались с государством по поставкам и натуроплате за работу МТС колхозы и единоличные крестьяне Молдавии. Сверх плана от них поступило 1 млн 13 тыс. пудов зерна в фонд Красной Армии[269].

Несмотря на острую социальную обстановку в прибалтийской деревне – зажиточное крестьянство часто саботировало государственные заготовки продовольствия – трудовое всемерно стремилось не только выполнить, но и перевыполнить их нормы. В Эстонии план заготовок зерна был выполнен к середине января 1945 г., а к апрелю

крестьянство продало сверх плана в фонд Красной Армии 136,4 тыс. пудов хлеба, 10,5 т мяса, 219 т картофеля[270]. Выполнили и перевыполнили обязательные поставки зерна, картофеля, мяса и молока за 1944 г. крестьяне Литвы[271]. При этом был важен не столько объем заготовок, сколько сам факт их выполнения и перевыполнения. Если в годы оккупации при жестоких репрессиях трудовое крестьянство всячески уклонялось от поставок, то теперь оно усердно оказывало поддержку советской власти.

В целом же освобожденные районы все более становились надежным поставщиком продовольствия и сырья. Уже в 1944 г. они дали более половины государственных заготовок зерна, свыше трех четвертей сахарной свеклы, четверть скота и птицы, около трети молочных продуктов[272]. Это был очень крупный, может показаться, невероятный вклад в продовольственное обеспечение Победы, тем более что внутренние резервы сельского хозяйства тыловых областей к тому времени находились на пределе. При тех разрушениях и утратах такое могло стать возможным лишь благодаря глубокой приверженности крестьянства социализму, жертвенному подвигу колхозников освобожденных районов, умелой организаторской деятельности в деревне всех структур советской власти. Это было зримое достижение всего советского народа, ибо только общими усилиями тружеников города и села могло быть начато успешное и невиданное по масштабам осуществление возрождения. Достигнутое уже в военные годы составляло исходную основу дальнейшего поступательного движения.

Примечания

[1] Нюрнбергский процесс. М., 1955. Т. 1. С. 739, 743; *Володарский Л.* Возрождение народов СССР, пострадавших от немецкой оккупации. М., 1946. С. 17, 24.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Очерки истории Воронежской организации КПСС. Воронеж, 1979. С. 385.
[5] *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР: Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. С. 161–162.
[6] *Карпенко Ю.М.* Фашистский оккупационный режим и его крах: По материалам Воронеж., Кур., Орлов. обл. // Социально-политическое и экономическое развитие советской деревни. Ярославль, 1976. Вып. 1. С. 101.
[7] *Смирнов В.И.* Подвиг советского крестьянства. М., 1976. С. 171.
[8] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1980. Т. 5. Кн. 2. С. 6.
[9] *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 161.
[10] История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 397; *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 241.
[11] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 56; Нюрнбергский процесс... Т. 1. С. 741.

[12] *Кубраков Н.Д.* Борьба Смоленской парторганизации за восстановление сельского хозяйства в период Великой Отечественной войны. Смоленск, 1961. С. 34.
[13] *Колесник А.Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 225.
[14] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. Киев, 1980. Т. 3. С. 7; Нюрнбергский процесс... Т. 1. С. 741.
[15] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 57.
[16] История Белорусской ССР. Минск, 1961. Т. 2. С. 501–502.
[17] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза: Сб. документов и материалов. Кишинев, 1975. Т. 1. С. 411; Становление и развитие колхозного строя в Молдавской ССР. Кишинев, 1971. С. 112; История Молдавской ССР. Кишинев, 1975. Т. 2. С. 353, 376.
[18] Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 361; *Морозов К.А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983. С. 198–199.
[19] История Латвийской ССР. Рига, 1958. Т. 3. С. 593.
[20] История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. С. 455–456, 496.
[21] История Эстонской ССР. Таллин, 1974. Т. 3. С. 622, 656, 677.
[22] История СССР. 1976. № 5. С. 142–143.
[23] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 363.
[24] *Островский В.Б.* Указ. соч. С. 163.
[25] РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 960. Л. 106–107.
[26] Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. С. 492.
[27] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5. Кн. 1. С. 469.
[28] История Литовской ССР. С. 465.
[29] История Эстонской ССР. Т. 3. С. 635.
[30] Запорожская область в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов. Запорожье, 1959. С. 221.
[31] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 382.
[32] История Литовской ССР. С. 476.
[33] *Морозов К.А.* Указ. соч. С. 205–206.
[34] КПСС – вдохновитель и организатор побед советского народа в годы Великой Отечественной войны. М., 1959. С. 300.
[35] История Молдавской ССР. Т. 2. С. 354.
[36] Учен. зап. Коми пед. ин-та. Сыктывкар, 1959. Вып. 7. С. 134.
[37] *Негодаев В.Ф.* Истоки возрождения: Ист. очерк. Ростов н/Дону, 1979. С. 18.
[38] См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 385.
[39] *Руусманн А.* Восстановление и коллективизация сельского хозяйства в Эстонской ССР, 1944–1950. Таллин, 1968. С. 5.
[40] История Латвийской ССР... Т. 3. С. 600.
[41] *Негодаев В.Ф.* Указ. соч. С. 26.
[42] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 314.
[43] Там же. С. 426.
[44] Там же. С. 418.
[45] Эстонский народ в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Таллин, 1980. Т. 2. С. 496–497.
[46] Там же. С. 496.
[47] Там же. С. 499; История Литовской ССР... С. 476.
[48] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 29.
[49] Правда. 1942. 30 марта.
[50] Эстонский народ в Великой Отечественной войне... С. 501.
[51] *Коваль М.В.* Общественно-политическая деятельность трудящихся Украинской ССР в период Великой Отечественной войны. Киев, 1977. С. 172.

[52] *Белязо Е.П.* Белорусская деревня в послевоенные годы. Минск, 1974. С. 142 (на белорус. яз.); *Зеленин И.Е.* Общественно-политическая жизнь советской деревни. М., 1978. С. 51.
[53] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 157.
[54] *Комков Г.Д.* На идеологическом фронте Великой Отечественной... М., 1983. С. 196.
[55] Там же.
[56] *Кондакова Н.И.* Идеологическая победа над фашизмом, 1941–1945. М., 1982. С. 107.
[57] Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 4, М., 1999. С. 14.
[58] См.: РЦХИДНИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 118. Л. 72–73.
[59] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7. С. 468–473.
[60] Там же. С. 506–512.
[61] Там же. С. 524–525.
[62] Перечисленные здесь и выше постановления ЦК ВКП(б) по освобожденным районам и отдельным республикам см.: Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. М., 1970. С. 118–121; Советская Украина в Великой Отечественной войне... Т. 3. С. 306–309; КПСС – вдохновитель и организатор побед советского народа в годы Великой Отечественной войны. С. 210–211; Вопр. истории КПСС. 1984. № 11. С. 5–13.
[63] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 391; *Комков Г.Д.* Указ. соч. С. 191.
[64] Пропагандист. 1943. № 22. С. 47.
[65] История Коммунистической партии Советского Союза... Т. 5. Кн. 1. С. 434–435.
[66] История Латвийской ССР... Т. 3. С. 598.
[67] История Литовской ССР... С. 493.
[68] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза... Т. 1. С. 550, 552.
[69] Там же. С. 551.
[70] История Латвийской ССР... Т. 3. С. 594; Эстонский народ в Великой Отечественной войне... Т. 2. С. 525–526; История Литовской ССР... С. 491–492.
[71] *Белязо Е.П.* Указ. соч. С. 142.
[72] История Латвийской ССР... Т. 3. С. 594–595.
[73] История Литовской ССР... С. 437, 492.
[74] История советского крестьянства... Т. 6. С. 314.
[75] Эстонский народ в Великой Отечественной войне... С. 527; История Эстонской ССР... Т. 3. С. 675; История Молдавской ССР... Т. 2. С. 356; Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 423; КПСС – вдохновитель и организатор побед советского народа в годы Великой Отечественной войны... С. 210.
[76] Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1970. С. 288.
[77] История Латвийской ССР... Т. 3. С. 597.
[78] История Литовской ССР... С. 495.
[79] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 423.
[80] Подсчитано по: Советская деревня в первые послевоенные годы. М., 1978. С. 362; Советская Украина в годы Великой отечественной войны... Т. 3. С. 423.
[81] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 746–750.
[82] КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 300.
[83] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 249.
[84] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: Сб. документов и материалов. Курск, 1962. С. 192–197.

[85] Учен. зап. Коми пед. ин-та. Вып. 7. С. 133; Ист. зап. 1952. Т. 40. С. 6–7.
[86] Правда. 1944. 2 нояб.; Ист. арх. 1962. № 6. С. 22.
[87] Очерки истории Карельской организации КПСС. С. 366, 384.
[88] *Квасюта М.К.* Нариси історії колгоспного будівництва в західних областях Української РСР. Київ, 1962. С. 76.
[89] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 82.
[90] Там же. С. 83.
[91] Становление и развитие колхозного строя в Молдавской ССР... С. 64, 108.
[92] Советская деревня в первые послевоенные годы... С. 357.
[93] Подсчитано по: бывший АМСХ СССР. Ф. 1. Оп. 609. Д. 3. Л. 14; Д. 63. Л. 15–16.
[94] Подсчитано по: *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 403–407.
[95] Подсчитано по: Там же. С. 411.
[96] Там же. С. 408.
[97] Правда. 1944. 1 июля.
[98] О выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». М., 1944. С. 13–14; Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза... Т. 1. С. 396–397.
[99] *Негодаев В.Ф.* Указ. соч. С. 57.
[100] История социалистической экономики СССР... Т. 5. С. 399; *Лаптев И.* Восстановление колхозного сельского хозяйства освобожденных районов // Соц. сел. хоз-во, 1945. № 3. С. 27.
[101] Соц. сел. хоз-во. 1945. № 6. С. 10.
[102] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 2. С. 827–828.
[103] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 252.
[104] РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 1. Д. 1188(1). Л. 126–129.
[105] КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 358–362, 427–465.
[106] Укр. іст. журн.. 1959. № 3. С. 65.
[107] КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 359.
[108] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 115.
[109] Там же. С. 183–184.
[110] *Пустынников И.А., Севастьянов К. Р.* Ордена Ленина Алтайский тракторный: Очерк истории Алтайского тракторного завода им. М.И. Калинина. Барнаул, 1978. С. 57–60.
[111] Экономическая жизнь СССР, 1917–1965: Хроника событий и фактов, М., 1967. Кн. 1. С. 377, 384.
[112] Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе, 1966. С. 389.
[113] *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя, 1945–1958. М., 1976. С. 17.
[114] Борьба партии и рабочего класса за восстановление и развитие народного хозяйства СССР, 1943–1950. М., 1978. С. 205.
[115] Первенец советского тракторостроения: История Волгоградского двух орденов Ленина, орденов Отеч. войны I степени и Трудового Красного Знамени тракторного завода им. Ф.Э. Дзержинского. Волгоград, 1980. С. 162–163.
[116] Очерк истории Харьковского тракторного завода имени Орджоникидзе, 1931–1961. Харьков, 1962. С. 132, 136.
[117] Годы трудовых свершений: Очерк истории Харьк. моторостроит. завода «Серп и молот». Харьков, 1975. С. 132.
[118] Борьба партии и рабочего класса за восстановление и развитие народного хозяйства СССР. С. 207.
[119] Там же.

[120] Крат. очерк истории Кировоград. з-да с.-х. машин «Красная звезда». Днепропетровск, 1974. С. 50.
[121] История СССР с древнейших времен до наших дней... Т. 10. С. 624.
[122] История социалистической экономики СССР... Т. 5. С. 398.
[123] Там же. С. 389, 401; История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1963. С. 388; История Коммунистической партии Советского Союза... Т. 5. Кн. 1. С. 466; *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1970. С. 264; История второй мировой войны... Т. 8. С. 361.
[124] *Негодаев В.Ф.* Указ. соч. С. 54.
[125] *Абрамов В.* Восстановление МТС в освобожденных от оккупации районах. М., 1944. С. 28.
[126] *Негодаев В.Ф.* Указ. соч. С. 63.
[127] *Арутюнян Ю.В., Вылцан М.А.* Историческая роль МТС и их реорганизация. М., 1958. С. 85.
[128] Соц. земледелие. 1947. 13 апр., 19 окт.
[129] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. Киев, 1980. Т. 2. С. 388.
[130] *Кравченко Г.С.* Военная экономика СССР. М., 1963. С. 268.
[131] КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 392–395, 492–497.
[132] История Белорусской ССР... Т. 2. С. 503.
[133] Построение социализма в Советской Прибалтике: Ист. опыт компартий Литвы, Латвии, Эстонии. Рига, 1982. С. 296; Эстонский народ в Великой Отечественной войне... Т. 2. С. 527.
[134] *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны... С. 254.
[135] *Писарев С.Н.* Электрификация сельского хозяйства СССР в годы Великой Отечественной войны // Учен. зап. Пятигорск. пед. ин-та, 1956. Т. 13. С. 173, 176.
[136] Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне... С. 132–134.
[137] *Писарев С.Н.* Указ. соч. С. 188–189; *Листов П.Н.* Применение электрической энергии в сельском хозяйстве. М., 1953. С. 15–17.
[138] КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 428–429.
[139] О выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. ... С. 4.
[140] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1976. С. 582.
[141] *Балакаев Т.Б.* Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Алма-Ата, 1971. С. 258–259.
[142] *Негодаев В.Ф.* Указ. соч. С. 93–95; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 2. С. 766.
[143] *Колесник А.Д.* Указ. соч. С. 263.
[144] *Анисков В.Т.* С полей колхозных на поля сражений. Ярославль, 1975. С. 196; *Бойцов И.П.* Возрождение хозяйства и культуры Калининской области. М., 1944. С. 51–52.
[145] О выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. ... С. 3, 9. Эти данные в основном совпадают с приведенными в книге А.Д. Колесника (631,4 тыс. голов всех видов возвращенного скота). См.: *Колесник А.Д.* Указ. соч. С. 262. Однако в этой книге говорится о том, что эта численность скота была возвращена колхозам не только РСФСР, но и Украины. Между тем освобождение Украины в основном началось поздней осенью 1943 г.
[146] Там же. С. 9.
[147] Подсчитано по: Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 765–766; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 53.
[148] Правда Украины. 1944. 2 июля.

[149] *Колесник А.Д.* Указ. соч. С. 264.
[150] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 530.
[151] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 270–271.
[152] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 333. Л. 8.
[153] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 271.
[154] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Ф. 333. Л. 59.
[155] *Анисков В.Т.* С полей колхозных на поля сражений... С. 194.
[156] Казахстан в Великой Отечественной войне. Алма-Ата, 1968. С. 278.
[157] Правда. 1943. 23 апр.
[158] Там же. 29 мая.
[159] Патриотизм трудящихся Иркутской области в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов и материалов. Иркутск, 1965. С. 243.
[160] Бурятия в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов. Улан-Удэ, 1975. С. 361–365.
[161] Очерки истории Ярославской организации КПСС. Ярославль, 1967. С. 411–412; *Сидоров И.И.* Трудящиеся Ярославской области в годы Великой Отечественной войны. Ярославль, 1958. С. 206.
[162] Партийные организации Верхней Волги в годы Великой Отечественной войны // Учен. зап. Иванов. пед. ин-та, 1969. Т. 70. С. 55.
[163] Восточно-Сибирская правда. 1943. 21 февр.
[164] Сов. Сибирь. 1944. 9 мая.
[165] Госархив Читинской области. Ф. 6. Оп. 9. Д. 18. Л. 13.
[166] Шестая сесссия Верховного Совета БурАССР. Улан-Удэ, 1943. С. 17.
[167] *Шушкин Н.Н., Улитин С.Д.* Союз рабочих и крестьян в Великой Отечественной войне: На материалах республик и областей Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 174; В краю Северном: Страницы истории Архангел. обл. парт. организации. Архангельск, 1969. С. 177; Очерки истории Коми партийной организации. Сыктывкар, 1969. С. 251.
[168] *Буцко Н.А.* Коммунистическая партия – организатор всенародной помощи Советской Украине в восстановлении народного хозяйства в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1962. С. 41.
[169] Казахстан в Великой Отечественной войне... С. 284.
[170] *Балакаев Т.Б.* Указ. соч. С. 273.
[171] Подсчитано по: *Киселев В.П.* Идеологическая работа партийных организаций среди тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны: На материалах областей и республик Поволжья. Горький, 1975. С. 310; *Храмков Л.В.* Советы депутатов трудящихся Поволжья в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Саратов, 1973. С. 155; Горьковская партийная организация в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Сб. документов и материалов. Горький, 1975. С. 315.
[172] *Керимбаев С.* Патриотизм трудящихся Киргизии в годы Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Фрунзе, 1954. С. 215.
[173] Таджикистан в братской семье народов СССР: Сб. ст. Душанбе, 1974. Вып. 2. С. 139.
[174] *Аминова Р.Х.* Колхозное крестьянство Узбекистана в годы Великой Отечественной войны. Ташкент, 1979. С. 312.
[175] *Анисков В. Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту, 1941–1945. Барнаул, 1966. С. 341.
[176] Соц. земледелие. 1945. 8 февр.; *Колесник А.Д.* Указ. соч. С. 264.
[177] Правда. 1943. 29 мая.
[178] *Негодаев В.Ф.* Указ. соч. С. 107.
[179] Там же.
[180] Немеркнущий подвиг: Сб. документов и материалов. М., 1982. С. 350.

[181] Из истории дружбы украинского и узбекского народов, 1941–1945: Сб. документов и материалов. Киев, 1968. С. 90–91.
[182] Туркмения в период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: Сб. документов. Ашхабад, 1962. Т. 1. С. 377.
[183] Учен. зап. Азерб. ун-та. 1967. № 4. С. 47–52.
[184] *Бабалашвили И. П.* Грузинская ССР в годы Великой Отечественной войны, 1941– 1945. Тбилиси, 1977. С. 273.
[185] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 2. С. 790; Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 2. С. 390.
[186] *Колесник А.Д.* Указ. соч. С. 266.
[187] Там же. С. 272.
[188] Там же. С. 273.
[189] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 2. С. 790.
[190] РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 291. Л. 11.
[191] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 2. С. 408.
[192] Там же. С. 449.
[193] *Колесник А.Д.* Указ. соч. С. 272.
[194] История Белорусской ССР... Т. 2. С. 507.
[195] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 62. Численность переселившегося населения рассчитана автором.
[196] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 363.
[197] Правда. 1942. 25 апр.
[198] Освобождение Белоруссии. М., 1974. С. 663.
[199] Цит. по: Там же. С. 663.
[200] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза... Т. 1. С. 328.
[201] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 19–20.
[202] Пролет. правда. 1942. 27 янв.
[203] Известия. 1943. 10 дек.
[204] Запорожская область в годы Великой Отечественной войны. С. 213–214 (курсив наш. – *Авт.*).
[205] На ржевской земле. Калинин, 1963. С. 105–109.
[206] В пламени войны. М., 1969. С. 278–279.
[207] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 2. С. 362–367.
[208] Там же.
[209] Там же.
[210] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза... Т. 1. С. 541–542.
[211] Там же. С. 542–543.
[212] *Проскурин А.П.* Управление торговлей в Белорусской ССР, 1921–1970. М., 1973. С. 118; *Олехнович Г. И.* Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны, 1941–1945. Минск, 1982. С. 143.
[213] Правда Украины. 1945. 4 янв.
[214] Там же, 1944, 26 дек.
[215] Там же.
[216] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны. Т. 3. С. 395; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 288; *Негодаев В.Ф.* Указ. соч. С. 63.
[217] Правда. 1944. 22 мая.
[218] *Олехнович Г.И.* Указ. соч. С. 121.
[219] Эстонский народ в Великой Отечественной войне... Т. 2. С. 529.
[220] *Олехнович Г.И.* Указ. соч. С. 131.
[221] Там же. С. 132.

[222] Правда. 1944. 27 мая.
[223] Соц. земледелие. 1944. 27 июля.
[224] Парт. стр-во. 1943. № 5/6. С. 25.
[225] Правда. 1944. 22 мая; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 436.
[226] *Негодаев В.Ф.* Указ. соч. С. 79; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 436.
[227] Правда. 1944. 2 сент.
[228] История Украинской ССР. Киев, 1956. Т. 2. С. 521; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 264; *Данилюк М.З.* Трудовой подвиг колхозного крестьянства Украины в годы Великой Отечественной войны // Вопр. истории, 1959. № 6. С. 13.
[229] Соц. сел. хоз-во. 1945. № 3. С. 28; *Смирнов В.И.* Указ. соч. С. 196.
[230] Экономика Советской Белоруссии, 1917–1967. Минск, 1967. С. 308.
[231] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 2. С. 351.
[232] КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 442–443.
[233] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 317.
[234] Там же. Т. 2. С. 407.
[235] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 264–265.
[236] Молот. 1944. 16 мая.
[237] О выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. ... С. 12.
[238] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 354.
[239] Там же. С. 74.
[240] *Негодаев В.Ф.* Указ. соч. С. 75–76.
[241] Учен. зап. Коми пед. ин-та. Вып. 7. С. 136.
[242] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 316–317.
[243] Там же. С. 412.
[244] Там же. С. 294.
[245] Там же. С. 451.
[246] Там же. С. 469.
[247] *Буковский К.* Портрет делового человека // Лит. газ. 1961. 14 дек.
[248] *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. М., 1981. С. 74.
[249] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 74–75.
[250] Там же. С. 379, 412.
[251] Молот. 1945. 7 апр.; *Негодаев В.Ф.* Указ. соч. С. 84–85.
[252] *Негодаев В.Ф.* Указ. соч. С. 85; Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 354.
[253] Правда. 1944. 4 марта, 3 авг.
[254] Страна Советов за 50 лет: Стат. сб. М., 1967. С. 309–337.
[255] О выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. ... С. 9.
[256] *Олехнович Г.И.* Указ. соч. С. 128.
[257] *Ковальчук П.* Развитие социалистического сельского хозяйства Белорусской ССР. Минск, 1950. С. 17.
[258] *Колесник А.Д.* Указ. соч. С. 266.
[259] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 273.
[260] Бывший АМСХ СССР. Ф. 1. Оп. 484. Д. 22. Л. 2–5; Д. 42. Л. 5–20; Д. 60. Л. 5–20. Суммарные данные и проценты подсчитаны автором.
[261] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 439, 441.
[262] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам... Т. 2. С. 775–779.
[263] О выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. ... С. 10–12.
[264] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 429.
[265] *Негодаев В.Ф.* Указ. соч. С. 112–113.

[266] Советская Украина в годы Великой Отечественной войны... Т. 3. С. 355, 396, 420, 528. Проценты подсчитаны автором.
[267] Рассчитано по: Развитие народного хозяйства Белорусской ССР за 20 лет, 1944–1963. Минск, 1954. С. 80; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 427.
[268] Экономика Советской Белоруссии... С. 309.
[269] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Т. 1. С. 514; История Молдавской ССР... Т. 2. С. 356.
[270] Эстонский народ в Великой Отечественной войне... Т. 2. С. 532.
[271] История Литовской ССР... С. 493.
[272] История Коммунистической партии Советского Союза... Т. 5. Кн. 1. С. 472.

Глава VI

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДВИГА

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ

Война потребовала величайшего напряжения сил и воли колхозного крестьянства. Продовольственный и сырьевой фонд страны приходилось создавать в условиях небывалого сокращения трудовых ресурсов. За четыре военных года крестьянское население уменьшилось на 13,9 млн (на 18%), т.е. среднегодовое сокращение достигло 3,5 млн (4,5%), тогда как за 11 довоенных лет (с 1928 по 1939 г.) оно составило 2,4 млн, или в среднем 3,1% в год, а за каждый из четырех лет кануна войны еще меньше – 0,5%[1].

Убыль происходила в основном за счет трудоспособного населения. Деревня дала фронту и промышленности не менее 13,5 млн трудоспособных, или 38% их на начало 1941 г. В среднем за каждый год войны выбывало почти 10% трудоспособных крестьян против 1,5% из четырех предвоенных лет. Наибольшее сокращение произошло к концу 1942 г. в связи с массовыми мобилизациями и оккупацией западных областей. На начало 1943 г. в тылу оставалось только 15 млн трудоспособных из 35,4 млн на начало 1941 г., или 42%. Но после разгрома фашистских войск под Сталинградом прирост трудоспособного населения за счет освобожденных территорий стал превышать убыль по мобилизации. В результате к началу 1945 г. общее число трудоспособных колхозников по сравнению с самым низким уровнем увеличилось на 6,9 млн, составив 21,9 млн[2].

В тыловых же районах уменьшение численности колхозников продолжалось до начала 1945 г. К тому времени в деревне оставалось 11,4 млн трудоспособного населения из 18,2 млн на начало 1941 г., или 62,8%[3]:

Год	Трудоспособные	%
1941	18 189,2	100
1942	15 423,2	84,8
1943	13 195,7	72,5
1944	11 934,8	65,6
1945	11 430,9	62,8

В большей мере сокращение произошло в северо-восточных и восточных регионах страны. Так, в Пермской области, Коми и Удмуртской АССР, в тюменском Зауралье число трудоспособных уменьшилось на 44%, в Новосибирской, Томской и Кемеровской областях, Красноярском, Алтайском и Приморском краях – на 42–43%, а в Курганской и Читинской областях – даже на 48,4%. Относительно меньшей убылью трудоспособных выделялись Ивановская, Костромская, Ярославская, Архангельская, Свердловская области, Башкирская, Чувашская, Бурятская, Татарская автономные республики, а также Таджикская ССР, где она составила от 30,1 до 35,6%. Еще меньшее сокращение трудоспособных колхозников наблюдалось лишь в Казахской и Армянской ССР – 28%[4]. Столь значительная амплитуда в основном была связана с продвижением на восток промышленности, эвакуацией населения, отдаленностью или близостью фронта.

В свою очередь убыль колхозного населения происходила в основном за счет мужчин призывных возрастов. К 1 января 1945 г. их число в колхозах тыловых областей уменьшилось в 3 раза – с 8,6 млн в январе 1941 г. до 2,8 млн, или на 68%. Количество трудоспособных женщин в первые годы войны практически оставалось неизменным, но в течение 1943 и 1944 г. оно тоже уменьшилось – на 929 тыс., или на 9,1%. Годовые отчеты колхозов объяснения этому не дают. Но здесь, несомненно, сказались две группы обстоятельств. В первые военные годы относительная стабильность женского населения, даже при условии мобилизаций в промышленность, поддерживалась внутренними миграционными процессами и частично пополнением по эвакуации, в основном женским. Но доля эвакуированных в колхозах была невелика. Если судить по количеству выработанных ими трудодней, то в Западной Сибири, например, в 1942 г. они составляли примерно 1,5% местного населения[5]. В восточноевропейской части страны эта доля была несколько выше, а в Восточную Сибирь и на Дальний Восток эвакуации вообще не было. Кроме того, в 1943–1944 гг. начался обратный отлив по реэвакуации. Возросла и убыль женщин по трудовым мобилизациям – к тому времени мужские трудовые ресурсы деревни оказались почти полностью исчерпанными.

Единственной группой колхозного населения, которая даже несколько возросла, стали нетрудоспособные – дети до 12 лет, старики (мужчины и женщины соответственно старше 60 и 55 лет), инвалиды и больные. Естественное сокращение рождаемости восполнялось и перекрывалось столь же понятным ростом числа больных и инвалидов. Хотя в абсолютном выражении это превышение внешне оказалось незначительным (60 тыс.), при обвальной убыли трудоспособного населения оно дало относительно заметное увеличение этой группы населения среди остальных – с 44% в 1940 г. до 55% в 1944 г. Итоговую динамику в соотношении всех групп колхозного населе-

ния тыловых районов дает табл. 18. В их числе выше мы не касались лишь наличия подростков. К 1945 г. оно также сократилось на 294,3 тыс. (на 7,7%), тогда как удельный подростковый вес в общем колхозном населении в связи с резким уменьшением трудоспособных мужчин возрос с 15,7 до 20,3%.

Отдельно обратим внимание на заметное увеличение числа трудоспособных мужчин в 1944 и особенно в 1945 г. Уже к концу 1944 г. оно составило 428,9 тыс., а в 1945 г. достигло 2 млн Эта тенденция, связанная с демобилизацией, отразилась на составе колхозных кадров. Если прежде шел неуклонный, быстрый и повсеместный рост на руководящей работе числа женщин, то в 1945 г. наблюдалось обратное. Среди председателей колхозов их доля с 1940 по 1944 г. возросла с 2,6 до 11,8%, а в 1945 г. снизилась до 8,1%; среди бригадиров после увеличения с 4,6 до 41,2% она упала до 27,3%; среди заведующих животноводческими фермами после прироста с 16,1 до 49,2% также сократилась до 37,4% [6].

Таблица 18

Численность и состав колхозного населения тыловых районов, тыс. чел.*

На 1 января	Наличные трудоспособные			Подростки	Нетрудоспособные и больные	Итого	В % к 1 января 1941 г.
	мужчины	женщины	итого				
1941 г.	8657,3	9531,9	18 189,2	3818,8	2360,0	24 368,0	
1942 г.	5890,3	9532,9	15 423,2	3779,4	2369,0	21 571,6	88,5
1943 г.	3605,0	9590,7	13 195,7	4035,0	2378,8	19 678,5	80,5
1944 г.	2340,8	9094,0	11 434,8	3820,9	2387,9	17 643,6	74,5
1945 г.	2769,7	8661,2	11 430,9	3524,5	2390,5	17 345,9	71,2
В % к итогу	16,0	49,9	65,9	20,3	13,8	100	
То же, в 1941 г.	35,5	39,1	74,6	15,7	9,7	100	

* Ист. арх. 1962. № 6. С. 29.

Тяжелые по своим последствиям изменения произошли на освобожденной от оккупации территории. В первую очередь они были связаны с фашистской политикой массового геноцида советских людей. В восьми союзных республиках гитлеровцы убили и замучили 6844 тыс. гражданского населения, 4,2 млн человек угнали в Германию[7]. Большую часть среди них составляли сельские жители. Как видно из табл. 19, общая численность только колхозного населения здесь сократилась на 31,6% при 28,8% по тыловым районам – причем в основном безвозвратно. Еще более значительными были потери по

группе мужчин: если по тылу их уменьшение составило 68%, то в освобожденных районах почти 80%. Главная причина – зверские условия оккупационного режима и проводимые насильственные депортации из числа мужчин и подростков мужского пола. В западных областях заметно ниже стала и доля общего трудоспособного населения в общей численности оставшихся к концу войны крестьян.

Сокращение сельского населения повлекло существенные изменения в соотношении его численности по сравнению с городским. Накануне войны сельские жители, как известно, составляли 67% населения СССР. Если исходить из этой доли, то прямые выходцы из села составляли до 70% армии, а с учетом очень малой доли их бронирования – и того больше[8]. На социальной структуре отразились также широкие мобилизации крестьян на работу в промышленность. Колхозная статистика не содержит соответствующих дифференцированных данных, приводя лишь общее число выбывших трудоспособных колхозников, которое на начало 1945 г. составило более 13,5 млн[9]. Но в то же время известно, что за 1942–1944 гг. из колхозной деревни на постоянную работу в промышленность, строительство и на транспорт выбыло около 1,4 млн человек[10].

Таблица 19

Численность и состав колхозного населения районов, подвергшихся оккупации, тыс. чел.*

На 1 января	Трудоспособные			Подростки	Нетрудоспособные	Всего
	мужчины	женщины	итого			
1941 г.	8215,8	9043,0	17 258,8	3261,3	2087,7	22607,8
1945 г.	1673,2	8872,7	10 545,9	2834,1	2091,4	15471,4
В % к 1941 г.	20,4	98,1	61,1	86,9	100,2	68,4
В % к итогу	10,8	57,4	68,2	18,3	13,5	100
То же, к тылу	16,0	49,9	65,9	20,3	13,8	100

* Сост. по: Ист. архив. 1962. № 6. С. 29–30.

Даже при существенной неполноте эта цифра дает реальное представление о масштабах социального перемещения в военные годы. Если же к ней прибавить ориентировочные данные за вторую половину 1941 г. и за последние месяцы войны, то в итоге общее число убывших из села только на постоянную работу в названные отрасли составит не менее 1,8 млн человек[11]. Кроме того, и опять же не далее как к началу 1945 г. в систему городских трудовых резервов из одних колхозов поступило свыше 700 тыс. подростков[12]. Но и без

этого общее количество перемещенного только на мобилизационных началах и не считая иного сельского населения из колхозов за все время войны выбыло более 2,5 млн человек. Намного вырос и удельный вес сезонных рабочих за счет крестьян.

В итоге существенные изменения претерпело и общее соотношение городского и сельского населения. Если к сентябрю 1942 г. численность рабочих и служащих одних восточных районов страны по сравнению с 1940 г. увеличилась на 1 млн 69 тыс. человек, а в 1943 г. в среднем она превысила уровень 1940 г. на 20%, то численность трудоспособного населения колхозов к концу 1943 г., наоборот, сократилась на 20%. Тем самым встречный суммарный разрыв достиг 40%. Наибольший прирост численности рабочих и служащих дали Урал (36%) и Западная Сибирь (23%) при одновременном соответствующем уменьшении трудоспособного колхозного населения на 36 и 39%[13]. При этом пополнение рабочего класса Урала, как главного арсенала фронта, происходило и за счет крестьянства других регионов страны, в том числе Сибири, Казахстана, Средней Азии, Поволжья. В 1940–1945 гг. только школы и училища трудовых резервов арсенального региона приняли 300,7 тыс. человек молодежи, в том числе 247,4 тыс. сельской, а также 107,1 тыс. из 13 других областей и республик страны[14].

Тем не менее в ряде областей европейского Севера, Северо-Запада и Центра произошло заметное сокращение численности рабочих. В связи с близостью фронта здесь не форсировалось строительство промышленных объектов, а часть их была эвакуирована. Эти районы в основном характеризовало межобластное перераспределение рабочей силы, в том числе сельской. Призывы крестьянского населения в промышленность восточных районов хотя и отвлекали значительную часть людских ресурсов местных колхозов, но не в такой мере, как в колхозах Урала, Сибири, Поволжья. Если в целом по тыловым районам к концу 1943 г. численность трудоспособных колхозников сократилась на 34,4%, а в Западной Сибири на 39%, то в Ивановской области – на 27,6%, в Московской – на 25,7%. Последнее оказалось соотносимо и с некоторыми районами Закавказья, где наблюдался даже некоторый резерв рабочей силы[15]. И напротив, в 1944–1945 гг. в ряде восточных областей (Урал, Западная Сибирь, Северный Казахстан) вынуждены были пойти на запрещение всякой дальнейшей мобилизации трудовых ресурсов деревни из-за их предельного дефицита.

Еще более разительные отличия в динамике и источниках восполнения городского и сельского населения произошли в освобожденных от оккупации областях. В этих районах РСФСР оставалось всего лишь 13% промышленных предприятий от их довоенного числа и 17% промышленных рабочих: на Украине – соответственно 19 и 17%, в Белоруссии – 15 и 6%[16]. Но уже в 1945 г. в результате беспри-

мерных восстановительных работ общая численность рабочих и служащих в промышленности освобожденных областей составила 48,8% исходного после оккупации уровня[17]. На Украине к тому времени общее число рабочих и служащих достигло 70% довоенного уровня, в Белоруссии – 55%. В областях Центра РСФСР, находившихся в зоне военных действий, оно поднялось даже до 82% к уровню 1940 г[18].

Если в восточных областях в последние годы войны возможности пополнения рабочего класса за счет крестьянства практически были далеко переисчерпаны, то в освобожденных районах сельское население вновь стало представлять один из главных источников его восстановления. В результате такого регионального смещения доля мобилизованного сельского населения на постоянную и сезонную работу в промышленность в целом по стране не только не сократилась, а даже резко возросла – с 22,9% в 1942 г. до 61,7% в 1944 г.[19].

Столь интенсивное переключение сельского населения освобожденных районов на работу в промышленность на первый взгляд может показаться даже аномальным на фоне тех людских потерь, о которых говорилось выше. Но при всем том следует иметь в виду ту дисперсность (рассеянность) в здешней сельской местности в целях укрытия от оккупантов не только собственно деревенских, но и городских жителей, которая выполняла своеобразную аккумулятивную роль. К тому же следует учитывать одновременное возвращение в разные места эвакуированных колхозников, выборочную демобилизацию из рядов армии, а затем и первых репатриантов. Отсюда – и то быстрое нивелирование как в численности городского, так и сельского населения в восточных тыловых и в западных освобожденных регионах. Как видно из табл. 18 и 19, уже в начале 1945 г. в первых насчитывалось 62,8% трудоспособных колхозников от предвоенного уровня, а во вторых – 61,1%.

В целом же по стране восстановительные тенденции в численности крестьянства действовали значительно медленнее, чем в численности рабочего класса. О социальном составе населения говорят следующие данные (млн человек)[20]:

	1937 г.	1940 г.	1945 г.
Рабочие и служащие	28,6	33,9	28,6
Крестьяне (трудоспособные)	38,8	35,4	23,9
Доля крестьян среди работающих, %	57,5	51,0	45,5

В 1945 г. численность рабочих и служащих достигла уровня 1937 г. и 84,4% предвоенного 1940 г. Война несколько замедлила закономерный процесс урбанизации, но не остановила его. В среднем за каждый военный год доля крестьян среди занятого населения уменьшалась на 1,1% при 1,6% за один предвоенный и 1,4% за год послево-

енного пятилетия. При этом мобилизации в армию в условиях большей устойчивости городского населения (бронирование рабочих оборонных предприятий и транспорта, переключение части крестьян в промышленность и т.п.) также представляли собой некую аккумуляцию сельской рабочей силы, которая, как показали послевоенные годы, в значительной мере не вернулась в деревню. Из тех же данных видно: если за 1940–1945 гг. из колхозов выбыло 11,5 млн трудоспособных колхозников (на начало 1945 г. еще больше – 13,5 млн), то их число, с учетом миграции, к концу 1950 г. пополнилось лишь на 2,3 млн. Это при том, что в целом в результате демобилизации к мирному труду возвратилось около 8,5 млн работников[21].

Война приостановила и дальнейшее разделение труда в сельском хозяйстве – сказалось понижение уровня производительных сил деревни. По переписи 1939 г., 82,5% всех работников сельского хозяйства были заняты ручным или конно-ручным трудом, не требующим особой квалификации. В военное время село в общей сложности лишилось 54% своих механико-энергетических мощностей, свыше 60% рабочих лошадей[22]. Практически все крестьянство оказалось занятым физическим трудом. Даже управленцы наряду с выполнением прямых обязанностей участвовали в полевых и иных работах. Поэтому разделение трудовых операций больше зависело от времени года, основных сельскохозяйственных кампаний и постоянных изменений в трудовых ресурсах.

Разумеется, сохранилось профессиональное разделение на растениеводов и животноводов с их известными внутренними подгруппами. При этом животноводческие кадры, которые и прежде преимущественно формировались из числа женщин, подверглись меньшим изменениям и потому оставались более квалифицированными. Напротив, большинство ушедших на фронт мужчин ранее были заняты в полеводстве. Это вызывало постоянные перемещения рабочей силы и необходимость массового овладения навыками мужского труда со стороны женщин, подростков. К полеводству обычно стали подключаться и животноводы, особенно к работам на землях при фермах. Была развернута широкая подготовка массовых сельскохозяйственных кадров. Только с июня 1941 по декабрь 1943 г. различное курсовое обучение прошли 2 млн 610 тыс. колхозников, миллионы крестьян обретали профессиональные и агрономические навыки в ходе индивидуального обучения[23].

Основательные изменения претерпела такая социально-профессиональная группа крестьянства, как механизаторы. На фронт убыло до 90% трактористов и комбайнеров. Для их замены только в первые полтора года войны вновь было подготовлено около 800 тыс. человек, в том числе две трети из числа женщин. А всего за время войны в ряды механизаторов влилось свыше 2 млн новых работников, из них около 1,5 млн женщин[24]. Краткосрочное обучение влекло за собой

снижение уровня их подготовки. Сократилась и общая численность трактористов и комбайнеров[25]. Если в 1940 г. в сельском хозяйстве насчитывалось 1237 тыс. механизаторов, то к июлю 1943 г. осталось только 391 тыс. Но затем даже при постоянной убыли на фронт их число стало быстро расти и к лету 1944 г. достигло 710 тыс., а к концу войны – 787 тыс[26]. С начала 1945 г. к механизаторскому труду все больше стало возвращаться мужчин, и уже в первом послевоенном году среди колхозных трактористов и комбайнеров женщин оставалось 17,4% против 72 в 1943 г., а еще через два года их имелось только 5%, или столько же, сколько перед войной[27].

Резко и необратимо на ряд лет сократилась численность специалистов сельского хозяйства, острый недостаток которых испытывался еще до войны. Общее количество специалистов с высшим образованием, занятых в земельных органах, уменьшилось с 58,5 тыс. на начало 1941 г. до 25,2 тыс. к февралю 1942 г., или более чем вдвое. Большие сокращения произошли и среди кадров среднего звена. Общее число всех агрономов с 1940 по 1945 г. уменьшилось с 34,5 тыс. до 21,1 тыс. Вдвое сократилась подготовка кадров для сельского хозяйства в специальных учебных заведениях[28].

Таким образом, небывалое сокращение трудоспособного населения, прежде всего мужского, привело к соответствующему уменьшению общей численности жителей деревни, к почти необратимым сдвигам в их половозрастной структуре и профессиональной занятости. Ощутимо снизилась и плотность сельского населения тыловых районов. Это особенно сказывалось зимой, когда из деревни отбывали сезонные работники из числа городских жителей, уходили временно в промышленность и на лесозаготовки многие местные трудоспособные колхозники, возвращались на постоянное жительство горожане, пенсионеры и школьники, которые в летнее время держались поближе к крестьянскому огороду.

Устойчивей оказалась численность колхозных дворов (семей и одиночек). К началу 1945 г., по данным годовых отчетов колхозов, в стране насчитывалось 17 975 тыс. колхозных дворов против 18 592 тыс. на 1 января 1941 г.[29] Если население колхозов, как видно из приводимых выше сведений, уменьшилось, почти на 18%, то число дворов колхозников только на 3,3%[30]. Важно заметить и то, что сокращение крестьянских дворов в ряде республик и областей наметилось еще накануне войны и потому чаще не было ее следствием. Если на 1 января 1939 г. колхозы РСФСР достигли самого высокого своего уровня по количеству хозяйств, то к январю 1941 г. их число сократилось с 11206 тыс. до 11002 тыс. В Белорусской, Армянской и Узбекской ССР уменьшение численности дворов началось с 1940 г.[31].

Война не внесла радикальных корректив в эту тенденцию, хотя, конечно, прилив крестьян в промышленность заметно сказывался на темпах уменьшения количества колхозных дворов. Больше это кос-

нулось восточных районов страны. По союзным республикам самый высокий процент сокращения наблюдался в Узбекской ССР (24,8%), Туркменской ССР (18,7%), Таджикской ССР (14,7%), в восточных регионах РСФСР – в Читинской (20,2%), Курганской (14,2%), Томской (9%), Пермской (8,6%), Новосибирской областях (7,6%), в Бурятской АССР (6,9%), Алтайском крае (6%) [32].

Связанные с войной особенности и проявившиеся в некотором увеличении численности дворов имелись в прифронтовых и в части освобожденных от оккупации районов. На 5% увеличилось число хозяйств в Ивановской области, на 4,1% – в Мордовской АССР, на 3% – в Воронежской области, на 1,3% – в Архангельской и на 1,7% – в Кировской. Это объяснялось эвакуацией части колхозов и колхозников из полосы военных действий и наоборот – последующей реэвакуацией. По освобожденным районам Украины в Белоруссии численность колхозных дворов увеличилась соответственно на 5,8 и 1,2%: в УССР – с 3882 тыс. до 4107 тыс., в БССР – с 738,9 тыс. до 747,5 тыс. В «Своде отчетов колхозов страны» за 1941–1945 гг. в этом видят «результат раздела хозяйств в период немецкой оккупации»[33]. Вычленение части дворов в отдельные хозяйства даже с минимальным земельным участком, когда урожай с колхозных полей полностью забирали оккупанты, имело вполне реальный смысл.

Весьма устойчивой оказалась средняя численность крестьянских дворов, приходившаяся на один колхоз. К концу войны, когда на освобожденной территории были вновь восстановлены сельхозартели, а в отдельных случаях, в том числе в тыловых районах, пришлось объединить мелкие хозяйства, в среднем по стране на один колхоз стало приходиться 80 дворов вместо 75 на начало 1941 г. При этом увеличение размеров колхозов в основном произошло за счет РСФСР, Украины и Казахстана. В республиках Закавказья и Средней Азии, наоборот, средние размеры колхозов несколько уменьшились[34].

Устойчивость крестьянских дворов при уменьшении общей численности колхозного населения обусловливалась и следующим. При необычайном дефиците продовольствия и столь же возросшей роли приусадебного участка даже самые престарелые колхозники, лишившиеся трудоспособных членов семьи, старались непременно удержать за собой усадьбу и дом в деревне. При этом и колхозное право, и военное законодательство были на их стороне. Всячески поддерживал такие хозяйства и весь артельный мир. Случаи продажи сельских домов, в отличие от довоенных лет, стали крайне редкими. Да и сама значимость родительского дома как особой психологической ценности крестьянина вновь обретала неповторимый смысл.

Но численность крестьянской семьи, приходившаяся в среднем на один колхозный двор, заметно снизилась. Из приведенных выше данных о количестве различных групп сельского населения и крестьянских хозяйств следует, что к концу войны на один колхозный двор

приходилось 3,5 человека вместо 4,1 накануне войны. Число трудоспособных за то же время уменьшилось с 1,9 до 1,2 человека, а трудоспособных мужчин – с 0,9 до 0,24 человека. Иными словами: если до войны почти в каждом колхозном дворе имелись трудоспособные мужчина и женщина, то в начале 1945 г. один трудоспособный мужчина приходился на четыре колхозных двора.

Но сокращение крестьянского населения при относительной устойчивости колхозных дворов не следует рассматривать как типичное обезлюдение деревни. Наше село и ставшие малочисленными по составу крестьянские семьи во время войны продолжали активно жить и, как никогда, доблестно трудиться. Устойчивой оставалась и общая численность колхозных семей. К тому же в летнее время крестьянский дом обычно и заметно пополнялся горожанами – незанятыми в промышленности родственниками, детьми горожан, учащимися, которые помогали колхозникам, разными постояльцами.

Однако и в этом случае основной причиной была война с ее огромными разрушительными последствиями, вторгшимися во все стороны материальной и духовной жизни. Она не прервала, хотя и надломила объективный процесс урбанизации. Более того, создала во многом форсированные предпосылки для его даже несоразмерного усиления в годы восстановления народного хозяйства. Изменения в численности и составе крестьянства, продолжавшиеся и даже разразившиеся после войны, были также связаны с этим процессом, но еще больше – с не лучшими послевоенными обстоятельствами.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ЖЕРТВЕННОСТЬ КРЕСТЬЯН

Материальное положение крестьянства, как и в мирное время, определялось тремя главными факторами: состоянием общественного производства колхозов, личного хозяйства крестьян и объемом государственных товарных фондов. Но все они действовали в крайне жестких параметрах военного режима, реализация которых изначально предусматривала необычайную стойкость тружеников села, а то и встречную их общественную жертвенность. Разумеется, в пределах допустимого и стерпимого.

С каждым годом войны все более поднималась роль личного хозяйства крестьян. При этом важно заметить, что по мере того, как нарастала доля подворья в доходах колхозной семьи, увеличивались и его общественные функции. Даже самый минимум продовольствия, полученный с личной усадьбы, служил основанием к тому, чтобы практически всю колхозную продукцию почти безвозмездно сдавать для фронта и тыла. Разумность в таком чрезвычайном распределении функций всегда выглядела весьма конкретно, индивидуально и при соответствующей разъяснительно-психологической настро-

енности колхозников сопровождалась не только их общественной покладистостью, но и удовлетворенностью исполненного долга.

Повышение роли личного крестьянского хозяйства обусловливалось также резким сокращением централизованных рыночных фондов и введением нормированной торговли продовольственными и промышленными товарами. Это привело, с одной стороны, к значительному уменьшению во всем розничном товарообороте доли государственной и кооперативной торговли, с другой – к существенному росту доли частной торговли. Продаваемая колхозниками продукция с приусадебных участков шла на приобретение не только промышленных, но и тех же продовольственных товаров, не производимых в личном хозяйстве. Вырученные деньги шли также на погашение разного рода государственных платежей.

Таковы основные направления, по которым происходили изменения в объемах, соотношении и структуре материального потребления среди крестьянского населения, носившие количественный и качественный характер. Несмотря на то, что эти изменения, как будет показано ниже, имели существенные теневые последствия, тормозили стабилизацию общественного хозяйства, а то и вовсе противоречили ему, в целом они все же не меняли его коллективистской природы. А теперь подробно рассмотрим основные источники материального обеспечения крестьянства. Прежде всего, остановимся на характеристике вызванных войной изменений в объеме и структуре централизованных рыночных фондов, на фоне которых происходили смещения в соотношении доходности общественного и личного хозяйства колхозников.

Радикально изменился ассортимент продукции легкой и пищевой промышленности. Основное место заняло в ней то, что в первую очередь шло на обеспечение армии. Сокращение заготовок сельскохозяйственного сырья и продовольствия вызвало резкое уменьшение и общего объема изделий из них. Самым тяжелым оказался первый период войны, когда к отмеченным обстоятельствам добавились потери, вызванные оккупацией. Если в 1940 г. в стране было выработано 3,9 млрд м хлопчатобумажных тканей, то в 1942 г. – лишь 1,6 млрд, кожаной обуви – соответственно 212 млн и 52,7 млн пар, сахарного песка – 2165 тыс. и 114 тыс. т[35] и т.д.

Ощутимое восстановление производства предметов потребления началось с 1943 г. (заработали эвакуированные предприятия, возрождалось производство в освобожденных районах, активизировалась деятельность потребительской кооперации), но все же и к концу войны его уровень намного отставал от довоенного. Выработка чулочно-носочных изделий к 1945 г. уменьшилась в 5,4 раза, бельевого трикотажа, резиновой обуви и сахара – в 4,7, кондитерских изделий – в 3,7, кожаной обуви – в 3,4, мыла – в 3, льняных тканей и растительного масла – более чем в 2,7 раза. Их производство упало

до уровня 1924–1925 гг., а многих товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения, например, швейных машин, прекратилось полностью[36]. Если в целом выпуск средств производства с 1940 по 1944 г. за счет форсированного развития военно-оборонной промышленности возрос на 36%, то производство предметов потребления ввиду обратных процессов сократилось на 46%[37].

Но сложность заключалась не только в резких противоположных изменениях. Из общей массы потребительских товаров основная часть опять-таки направлялась на вещевое и продовольственное снабжение армии. А это значит, что еще больше уменьшились централизованные рыночные фонды товаров для потребления населением (табл. 20), тем более сельским. В 1942 г. по сравнению с 1940 г. они сократились: по мясным продуктам – в 2,8 раза, рыбопродуктам – в 3,1, сахару – в 6,6, чаю – в 2,3, хлопчатобумажным тканям – в 12, швейным изделиям – в 8,5, ниткам – в 5,9, кожаной обуви – в 11,1, чулочно-носочным изделиям – в 6, трикотажу – в 4,1 раза[38].

Обвальное падение рыночных фондов вызвало необходимость незамедлительного введения нормированного снабжения рабочих и служащих. Переход к карточной системе был осуществлен в основном с июля по октябрь 1941 г. и в дальнейшем корректировался в зависимости от наличия ресурсов. В сельской местности карточки не вводились. Хлеб и другие продукты предполагалось здесь отпускать по талонам и спискам. Но из-за острого дефицита и эта форма распределения на селе применялась далеко не везде, в основном эпизодически по мере возможности. При этом для учителей, медицинских работников и других категорий сельской интеллигенции, а также для инвалидов войны и эвакуированных городских жителей, проживавших в деревне, но не связанных непосредственно с сельским хозяйством, снабжение хлебом и некоторыми другими жизненно важными товарами было установлено по небольшим, но гарантированным нормам.

Организованное снабжение сельского населения непродовольственными товарами осуществлялось только через потребкооперацию. Эта форма обеспечения носила более устойчивый характер, особенно в последние годы войны, когда, помимо централизованных фондов в сельском розничном товарообороте заметно повысилась доля товаров местного производства, изготовленных сельскохозяйственными предприятиями той же потребительской кооперации. Существовала предельная годовая норма промышленных товаров на одного человека: хлопчатобумажные или льняные ткани – 6 м, шерстяные – 3 м, обувь – одна пара. Преимуществом пользовались те же учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства, семьи военнослужащих и эвакуированные[39]. Необычайно возросшая роль сельской потребительской кооперации проявилась и в том, что почти каждая колхозная семья стала ее членом и пайщиком.

Таблица 20

Рыночные фонды основных товаров (1940–1945 гг.)*

	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.	1945 г., % к	
						1940 г.	1942 г.
Мясные продукты, тыс. т	689	246	344	510	670	97,2	272,3
Яйца, тыс. ящиков	992	291	239	358	506	51,0	173,9
Рыбопродукты, тыс. т	562	183	229	308	290	51,6	158,5
Сахар, тыс. т	971	148	77	110	243	25,3	164,2
Чай, тыс. т	17,5	7,6	10,3	12,5	12,5	71,4	164,5
Хлоп.-бум. ткани, млн руб.	781	65	55	60	157	20,1	241,5
Льняные ткани, млн руб.	64	5,5	6	6	9	14,1	163,6
Нитки, млн руб.	35	6	6	8	14	40,0	233,3
Швейные товары, млн руб.	796	94	70	65	116	14,6	123,4
Трикотаж, млн руб.	161	38	30	41	45	28,0	118,4
Чулки, носки, млн руб.	139	23	22	24	24	17,3	104,3
Кожаная обувь, млн руб.	512	46	38	47	65	12,6	141,3

* *Любимов А.В.* Указ. соч. С. 53, 55. Ценовые показатели приведены в новом масштабе цен.

Но и в этом случае снабжение непродовольственными товарами, особенно крестьянского населения, стало далеко нерегулярным. Значительная часть тканей, обуви, швейных, трикотажных изделий, которая поступала через потребительскую кооперацию, распределялась целевым образом. Так, в 1943 г. из общего рыночного фонда потребительской кооперации по этим товарам примерно 40% предназначалось на стимулирование заготовок шерсти, коконов, закупок зерна и других сельскохозяйственных продуктов и сырья, а также для снабжения детей и инвалидов. В 1944 г. на те же цели была отпущена половина, а в 1945 г. – четыре пятых всех выделяемых фондов этих товаров для реализации на селе[41].

Целевая торговля непродовольственными товарами позволяла кооперации заготавливать в значительных количествах дефицитную сельскохозяйственную продукцию, особенно картофель и овощи. В 1944 г. она заготовила, например, 2627 тыс. т картофеля, что на 248 тыс. т превысило объем 1940 г. В ряде областей заготовки картофеля ужу в 1943 г. превысили довоенный уровень: в Мордовской

АССР – в 4,5 раза, Рязанской области – в 4,2, Ивановской – в 2, Кировской и Пензенской областях – почти в 2 раза. В 1944 г. кооперация заготовила 797 тыс. т овощей (40,3% общего количества государственных заготовок по стране против 36,1% в 1940 г.)[41]. Уже этим потребительская кооперация успешно выполняла возложенную на нее задачу.

Как ни значительна была кооперативная торговля, она не могла все же заменить собой ту роль, которую играло накануне войны централизованное государственное снабжение. В 1944 г. удельный вес выделенных для села хлопчатобумажных тканей составил лишь 16,5% всего объема их рыночного фонда, шерстяных – 6,1, кожаной обуви – 7,9, хозяйственного мыла – 22,3%. Объем продовольственных товаров стал еще меньше. Сравнительно высокий удельный вес села в рыночных фондах поддерживался только по таким товарам, как соль (55,2%), чай (32,6%), туалетное мыло (32,2%), некоторым другим, относительная доля которых в общем товарообороте была небольшой[42].

При этом следует иметь в виду и то, что значительная часть сельского фонда реализовывалась лишь через торгово-заготовительные связи между потребительской кооперацией и колхозами в целях первоочередного удовлетворения производственных нужд последних. Кооперативные организации изготавливали для колхозов обозные и шорные товары, веревки, строительный материал, различный инвентарь. За 1943–1945 гг. они произвели 7,8 тыс. телег, 43,5 тыс. саней, 47,6 тыс. хомутов, 10,4 млн шт. кирпича, 8,5 тыс. т извести. И в целом выпуск изделий широкого потребления, производимых кооперацией, неуклонно нарастал. Если в 1942 г. их выработка (без хлеба печеного и переработки плодов, овощей и картофеля) исчислялась в 22,6 млн руб., то в 1943 г. – в 68,4 млн, в 1944 г. – 117,1 млн, а в 1945 г. – уже в 141,3 млн руб.[43].

В 1942–1945 гг. выпуск товаров собственного производства системы потребкооперации увеличился по швейным овчинно-шубным изделиям в 3,5 раза, трикотажным – в 8,5, шорным – в 3,5 раза по сравнению с 1940 г. К концу войны предприятия потребкооперации центрального Нечерноземья увеличили, например, выпуск обуви более чем в 10 раз. Кроме того, товарооборот по валяной обуви всюду и в основном обеспечивался собственным производством. В целом же спрос населения на обувь удовлетворялся явно недостаточно, поэтому с 1943 г. широкое распространение получило организованное и самодеятельное изготовление лаптей. В 1944 г. потребкооперация СССР выработала их более 737 тыс. пар[44]. Наркомторг РСФСР ежегодно выделял для потребсоюзов хлопчатобумажные и шерстяные ткани, кожаную обувь, швейные изделия, мыло, а главное те товары, которые своими силами они производить не могли: керосин, спички, швейные иглы, нитки. Только в первом полугодии 1945 г. потребкооперация по-

лучила от государства по госцене на 11 млн руб. шерстяных тканей, на 4,1 млн руб. ниток, на 5,5 млн руб. кожаной обуви, 264 тыс. ящиков спичек, 4,5 тыс. т хозяйственного мыла, 7,3 тыс. т керосина[45].

Несмотря на столь заметные поступления кооперативных товаров, непосредственно сельскому населению, особенно по государственным и кооперативным ценам, их поступало совершенно недостаточно. В освобожденных областях к тому же потребительская кооперация понесла огромные потери. До войны на эти районы приходилась почти половина торгового оборота этой системы. Фашисты полностью уничтожили 34 486 предприятий и хозяйственных зданий, принадлежавших кооперации, и 24 594 разрушили частично. За пять предвоенных лет здесь была создана широкая сеть хорошо оборудованных районных и сельских универмагов. Теперь же их соответственно осталось только 19 и 15%[46]. Причиненный урон предельно усложнил централизованное снабжение крестьянства.

Но и в целом по стране ситуация оказалась вовсе неудовлетворительной и даже несправедливой в отношении сельского населения. Как ни активно действовала в деревне потребительская кооперация, она не могла даже сносно заменить собой почти выпавшее централизованное государственное снабжение. У нас не должно быть иллюзорного представления на этот счет, тем более что именно в этой сфере материальных отношений с государством ощутимее всего таились социальные опасности, выходившие за допустимый порог осознанной жертвенности. Причем соответствующее социальное напряжение (и об этом непременно мы еще скажем ниже) само по себе уже выходило наружу, и только великое осмысленное терпение того же крестьянства ради святых целей войны помогло ему выстоять, а казалось, неизбежную внешнюю отрицательную реакцию на тяжкое крестьянское бытие сместить на послевоенные годы.

Приведенные в табл. 21 сведения со всей очевидностью свидетельствуют, во-первых, о крайне низком потребительском уровне всего нашего населения военных лет. Достаточно любую из названных позиций соотнести с численностью городского и сельского населения, например, по поступлениям сахара на одну душу соответствующего жителя, как предстанут перед нами поразительно мизерные его усредненные антиразмеры против бытовавших ранее представлений. В 1944 г., т.е. в период массового изгнания оккупантов, в среднем на одного горожанина СССР приходилось по линии Наркомторга не более 1618 г. на все 12 месяцев, а на одного жителя села при том же раскладе несравнимо меньше – всего 110 г. Но и эта символическая «лепта» применительно к Казахстану и Украине уменьшилась еще, как минимум, в 3–10 раз. Именно эта полная несуразность мотивировалась не иначе, иных причин и быть не могло, как наличием в тех республиках многих своих свекловичных полей. Хотя, скажем, в Сибири, Поволжье и на Дону их снова стало не меньше.

Таблица 21

Оптовая реализация товаров Наркомторга в 1944 г. в СССР, РСФСР, УССР, КазССР: в числителе – общая реализация, знаменателе – ее доля среди сельского населения (в тыс. руб. розн. цен – иные измерения оговорены особо)*

Товары	СССР	РСФСР	УССР	КазССР
Х/б ткани	600124 100%	372008 100%	54753 100%	12976 100%
	99784 16,6%	322168,7%	22482 41,1%	3175 24,4%
Шерст. ткани	558120 100%	348199 100%	38392100%	1718100%
	340936,1%	131963,8%	767819,9%	57127,4%
Нитки, нит. изд.	80035 100%	46974 100%	7158 100%	1601 100%
	20377 25,5%	10476 22,3%	2474 34,6%	439 27,4%
Кож. обувь	470907 100%	71283 100%	38641 100%	11868 100%
	373277,9%	22579 31,7%	5211 13,5%	1694 14,3%
Мыло хоз., т	73035 100%	52346 100%	5990 100%	2633 100%
	16363 22,4%	10270 19,6%	2025 33,8%	546 20,7%
Мыло туалетн.	177655 100%	82051 100%	13744 100%	5794 100%
	57221 32,2%	27760 33,8%	6562 47,7%	1933 33,9%
Парф.-косм.	2424493 100%	1241591 100%	160659 100%	59579 100%
	509267 24,2%	358444 28,9%	42158 16,1%	23681 39,7%
Табачн. изделия	1786765 100%	1037414 100%	71206 100%	48787 100%
	1123126,2%	669456,5%	32354,5%	7409 15,2%
Спички, ящ.	1343484 100%	917672 100%	155730 100%	43781 100%
	680662 50,7%	461095 50,2%	94485 60,7%	25174 57,5%
Керосин, т	111747 100%	38046 100%	7778 100%	888 100%
	39849 35,7%	21054 55,3%	6976 89,7%	816 91,9%
Рыба, т	308371 100%	257969 100%	23446 100%	6717 100%
	4914 1,6%	45971,7%	43 0,2%	120,01%
Масло раст., т	151189 100%	104273 100%	12452 100%	2329 100%
	15198 10,8%	2774 2,7%	359 2,9%	172 0,7%
Сахар, т	110486 100%	75624 100%	9541 100%	2857 100%
	18731 16,9%	43255,7%	164 1,7%	171 6,0%
Чай, т	12547 100%	6173 100%	323 100%	1035 100%
	455036,3%	171727,8%	40 12,4%	65463,2%
Соль, т	1051474 100%	793042 100%	120940 100%	29159 100%
	580510 55,8%	428877 54,1%	75618 62,5%	15504 53,2%
Водка, тыс. дкл	25179 100%	20342 100%	2904 100%	700 100%
	11145 44,3%	9155 45,0%	1300 45,8%	364 52,0%

* Рассчитано по текстовому варианту справок Наркомторга СССР (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 2. Д. 210. Л. 24, 25, 31, 35, 37, 39, 42, 45, 52, 55, 58, 61). В том же деле имеются сведения по другим годам войны, аналогичные приведенным. Они свидетельствуют и о том, что по ряду позиций (животн. масло, сыр, маргарин, макароны, вино и др.) поступления в сельский фонд даже не планировались.

Аналогичная ситуация сложилась по всему перечню оптовых распределений. Если абстрагироваться от их мизерного розничного расклада, мы вполне могли бы говорить – что и делалось нами в иных соотношениях – о социальном ущемлении сельского населения, тем более крестьян, которые вообще оказались лишенными централизованного нормированного снабжения. И это будет во-вторых. Те же мизерные 110 г сахара опять же уходили на номинальное поддержание сельских учителей, медиков и некоторых других категорий сельской интеллигенции. Подобным мизером довольствовались и крестьянские дети, позабывшие истинный вкус сладкого. Только повсеместный сахариновый суррогат, в том числе в городе, смягчает нашу категоричность означенного выше упрека.

Но освободиться от него нельзя. При всей скудости дисперсных оседаний мы не можем не констатировать упомянутое ущемление: тем более что густой фон бедствий и нужды не затушевывал даже малейшую несправедливость, напротив – оттенял и отягощал ее. И это наблюдалось не только на примере централизованного государственного «снабжения» сельского населения продовольственными товарами. Оно существенно не отличалось и по ряду сугубо промышленных изделий – по плановым выделениям, например, тканей, мыла, обуви и даже спичек и керосина, которые на селе практически не имели иных (включая электричество) заменителей, кроме таких хранителей огня, как кресало, лампада и даже лучина. Тем не менее для деревни предназначалось немногим более одной трети керосина и половины спичек. По тому же каналу сюда шло лишь 11,3% тканей и 7,9% кожаной обуви.

Отдельно скажем о пищевой соли. Казалось бы, ее приоритетность для крестьян с их животноводством и продуктовыми заготовками была очевидна – об этом свидетельствовали и все прежние разрушительные войны, народные смуты и иные катаклизмы. Элементарный расчет показывает, что во время Отечественной войны в 1944 г. в среднем на одного сельского жителя (не считая инициативной местной добычи) приходилось соли в 3,5 раза меньше (5,1 кг на 12 месяцев), чем на каждого горожанина (18 кг). Неслучайно этот в высшей степени дефицит стал тогда одним из основных факторов меновых отношений между городом и селом. А на оккупированной территории – предметом фашистского изуверского вымогательства у крестьян сельской продукции и пр. Во многих случаях последние вынуждены были вместо поваренной соли употреблять в пищу остатки былых химических удобрений.

До «соляных бунтов», конечно, не доходило, но заметный рост социальной напряженности выглядел очевидным и настораживающим. И как не один раз бывало в отечественной истории, острая нехватка незаменимого продукта в единой ментальной связке «хлеб-соль» обретала тем более знаковый социально-психологический смысл.

Выручали колхозно-совхозные коллективистские каналы и заметные усилия потребительской кооперации, поддержанные государством. В самый напряженный в этом отношении 1942 г. только Центросоюз СССР получил из запасов государства 273 тыс. т соли, из которых 234 тыс. приходилось на РСФСР47. Сам же Центросоюз добыл в 1943 г. 14,2 тыс. т. Большая часть соли была получена в Ростовской области (6,1 тыс. т), Казахстане (3,3 тыс. т) и в Алтайском крае (1,3 тыс. т)[48].

Опасный дефицит соли в условиях хлебозаготовительного кризиса 1942–1943 гг., когда весь продуктовый рацион сместился в сторону картофельно-овощного питания, диктовал экстренные меры общегосударственного и регионального масштабов. Под организацию добычи соли стали оперативно выделяться люди, жилье, материалы, спецодежда. Директивно внедрялся лучший опыт самоосадочного получения концентрата солевых водоемов. И повсеместно при этом ставилось и достигалось нарастающе-плановое получение готового продукта. В Ростовской области по решению местных организаций чрезвычайной задачей стало строительство общежития на 600 соледобытчиков, столовая, прачечная, душевая. В соответствии с резолюцией «Срочно выписать» на солеучастки поступило 1550 кубометров дефицитного в степной зоне производственного леса, необходимые спецобувь и спецодежда[49].

До 50% добываемой здесь соли распределялось в районах области, направивших на добычу своих людей, и столько же – в распоряжение облпотребсоюза. В итоге получение в регионе столь ценного продукта от изначальных измерений возросло к 1944 г. до 7 тыс. т. «Тем самым, – как докладывал в правительство Ростовский обком ВКП(б), – имевшее место напряжение с солью на Дону было значительно разряжено»[50]. Таким же образом действовали в Казахской ССР: соледобыча в республике с 1269 т в 1942 г. поднялась до 3287 т в 1943 и до 6000 т в 1944 г. Некоторые регионы и вовсе сумели устранить всякую недостачу соли[51].

К числу таких относился, например, Туркменистан. Союз республиканских потребительских обществ в ответ на запрос Центросоюза сообщал следующее: «В настоящее время наша республика в заготовках соли особенной нужды не имеет, ибо мы продажу соли производили без всякой нормы. Кроме того, соль от поставщиков поступает к нам в количестве, удовлетворяющем потребность. Мы приступали неоднократно к заготовке соли и в настоящее время имеем заготовленной, но не вывезенной с промысла, 1200 т лишь по причине отсутствия горючего и транспорта»[52]. Даже в Узбекистане, где прежде не было подобного промыслового опыта, в 1944 г. результативно стремились добыть до 1000 т поваренной соли.

Эти далеко не бодрые сюжеты напрямую подвели нас к суждениям о реальных проявлениях полуголодного и голодного состояния

очень значительной, а то и основной массы крестьянства, тем более в наиболее сложные зимне-весенние месяцы 1943–1944 гг. Нагляднее всего об этом можно судить на примере обобщенных данных бюджетных обследований крестьянских семей в сопоставимых показателях военного и предвоенного периодов. Снятие с них секретности вызывает противоречивые чувства исследователя. Прежде всего, пришлось приятно удивиться, что и в годы войны органы ЦСУ продолжали тщательное обследование бюджетов колхозников по хорошо разработанным методикам и показателям. Что этими объективными материалами всегда могли воспользоваться высшие партийно-государственные органы при формировании социальной политики в деревне.

Но удовлетворение тут же сменяет чувство горечи при первом же взгляде на обработанные нами и приводимые данные последующих таблиц (22–25). Их развернутый анализ мог бы составить отдельный раздел нашей книги. Тем не менее, предоставив читателю самому поразмыслить над этими равно уникальными и печальными сведениями, попытаемся сопроводить их лишь самыми краткими, но сущностными суждениями, которые суммарно подытожат многое высказанное ранее в разных ассоциативных вариантах.

Казалось бы, что общий приход сельхозпродуктов (это легко подсчитать по табл. 22) в первой половине 1944 г. по сравнению с тем же периодом 1941 г. сократился, по меркам военного времени, вроде и не столь разорительно – на 42,3%. Но при этом поступления от колхозов на трудодни упали в 4,4 раза, а по такому базовому продукту, как зерновые, почти в 5 раз. Даже увеличенные приусадебные участки не позволяли сколько-нибудь радикально восполнить столь бедственную убыль хлеба. Даже десятикратное увеличение производства зерна в личном хозяйстве совершенно не решало проблемы, ибо оно составило мизерную добавку – 1,2 кг в месяц на всех членов колхозной семьи. Оставался еще один способ как-то заполучить немного хлеба – купить на рынке, обменять и пр. Но этот канал стал предельно дорог, да и рыночные возможности оказались ограниченными.

Всего в первой половине 1944 г. каждый крестьянский двор в среднем приобрел таким путем 8,1 кг зерна в месяц при 10,9 кг полученного на трудодни. В итоге с учетом всех поступлений, включая переработку предыдущих месяцев, на одну крестьянскую семью приходилось к тому времени 1,5 кг зерна в день, или 300–375 г на человека (исходя из средней численности семьи 4–5 человек). Не меняла положение и добавка в виде приобретенной на стороне хлебной выпечки, которая составила, по тем же бюджетным обследованиям, не более 50–60 г на человека в день. Но и это не все, ибо наши расчеты исходят из того варианта, что весь приход зерновых крестьянин мог тратить на личное потребление (питание), чего, конечно, никогда не было. В действительности за вычетом расхода на корм скоту (а в об-

щий приход зерновых включены не только пшеница или рожь, но и зерновые так называемого второго порядка – овес, чечевица, фасоль и пр.), на обязательные поставки, семена, на обмен, продажу, наконец, за вычетом потерь потребление зерна на личное питание составило, в конечном итоге, 20 259 кг на все 100 хозяйств колхозников и на все первое полугодие 1944 г., или 1,125 кг на одну крестьянскую семью в день – 225–280 г на человека. Ни одна категория населения, находившаяся на нормированном государственном снабжении, не получала столь мизерного пайка.

Таблица 22

Приход сельскохозяйственных продуктов на 100 хозяйств колхозников

В кг	Из переработки	Получено		Куплено			Получено в обмен	Прочие поступления	Итого прихода
		от колхоза	в личном подсобном хозяйстве	в колхозе	в гос. и кооп. орг.	у граждан			
За I полугодие 1941 г.									
Зерновые	38486,9	32538,6	75,0	738,1	1214,0	3805,8	–	2671,9	79530,3
Картофель	–	4740,4	3217,2	155,0	92,0	4051,0	–	1400,2	13655,8
Овощи	–	172,4	375,6	43,6	52,3	236,1	–	119,0	999,0
Мясо, сало	5,5	13,0	1566,2	119,4	10,6	107,5	–	38,9	1861,1
Яйца, шт.		3,7	21337,5	54,8	15,7	600,9	–	175,6	22188,2
Молоч. прод.	11416,1	71,8	44405,8	186,5	706,6	351,5	–	590,9	57729,2
За I полугодие 1944 г.									
Зерновые	15053,8	6526,0	742,2	171,7	558,0	1800,5	1212,1	1151,0	27218,3
Картофель	–	1651,6	2503,5	211,5	44,7	1487,9	1662,7	1657,0	9218,9
Овощи	–	86,9	960,4	48,0	10,6	126,3	56,0	192,4	1480,6
Мясо, сало	1,2	34,9	747,6	111,4	2,3	94,5	23,9	31,7	1047,5
Яйца, шт.	–	4,6	8825,3	8,4	0,9	103,1	39,4	46,0	9027,7
Молоч. прод.	11394,6	182,7	41122,6	189,9	34,7	129,6	72,1	403,5	53529,7

* Рассчитана по материалам бюджетных обследований оборота продуктов 11 887 (1941 г.) и 10 192 (1944 г.) хозяйств колхозников РСФСР: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 193. Л. 6–8; Д. 931. Л. 1–2.

Принято считать, что в годы войны отсутствие настоящего хлеба деревня восполняла «вторым хлебом» – картофелем. В значительной мере это действительно так: в 1944 г. на личное потребление в крестьянской семье расходовалось картофеля на 35% больше, чем накануне войны. Но при этом на 87% уменьшилось употребление мяса и сала и в 2,1 раза яиц. В абсолютном выражении в начале 1944 г. крестьянская семья в среднем потребляла 91 г мяса и сала в день, или 18–22 г на человека; яиц соответственно 0,3 шт. на семью или одно яйцо на 15 человек в день (см. табл. 23).

Таблица 23

Расход сельскохозяйственных продуктов на 100 хозяйств колхозников

В кг	Личное потребление	Корм скоту	Переработано, отсеяно	Обяз. поставки	Продано			Семена	Отдано в обмен	Прочие расходы, потери	Итого расходы	Общ. питание
					колхозам	гос. и коп. орг.	гражданам					
	За I полугодие 1941 г.											
Зерновые	36849,8	10569,8	40597,9	68,5	9,4	89,5	4092,8	279,9	–	3354,3	9511,9	354,0
Картофель	39406,7	37635,5	40,1	1047,0	287,6	126,5	1144,5	17990,8	–	6606,9	114285,6	148,7
Овощи	9063,8	3440,6	6,6	7,7	10,2	18,0	604,0	417,2	–	1434,7	15002,8,	108,1
Мясо, сало	3064,6	0,7	6,0	–	3,4	57,4	542,0	–	–	79,3	3753,4	94,6
Яйца, шт.	11624,8	1317,0	–	5389,7	73,7	269,5	2141,5,	–	–	426,5	21242,7	64,3
Молоч. пр.	28315,6	10066,8	11409,7	5270,5	8,0	179,3	1624,9	–	–	822,5	57697,3	119,7
	За I полугодие 1944 г.											
Зерновые	20529,0	43,19	15567,2	9,9	–	28,3	534,9	402,2	632,8	1425,8	43179,9	79,1
Картофель	53304,4	9767,8	43,9	294.9	3,3	36,5	4705,0	13332,6	3399,8	3884,2	88772,4	65,1
Овощи	9259,0	1089,6	2,7	14,9	1,0	5,8	790,8	187,0	139,3	540,3	12030,4	9,4
Мясо, сало	1640,9	–	2,1	–	–	0,2	135,4	–	49,0	40,3	1867,9	19,8
Яйца, шт.	5471,0	296,3	–	1417,3	1,3	18,8	905,9	–	323,9	190,2	8624,7	6,8
Молоч. пр.	30592,5	6312,7	11411,6	1731,2	0,4	0,1	1663,7	–	260,9	616,5	52589,6	28,0

* Те же исходные данные расчета, что и в табл. 22: ф. 1562, оп. 324, д. 193, л. 7–9; д.931, л. 2–3

О денежных доходах и расходах крестьянства мы довольно подробно говорили выше в связи с налоговой политикой в деревне и потому приводимая табл. 24 о денежном бюджете колхозника не нуждается в дополнительных пояснениях, кроме, пожалуй, одного: все позиции денежных поступлений и расходов приводятся в ней в эквивалентных официальных расчетах по действовавшим тогда расценкам и ценам. Они не включали в себя расходы и поступления, связанные с колхозным рынком и потому оказались относительно стабильными. Но эта стабильность, как мы уже замечали, обернулась для крестьян обесцененной номинальностью, ибо, скажем, та же относительно стабильная цена по обязательной контрактации скота десятикратно уступала его базарным ценам.

Таблица 24

Денежный бюджет колхозников на 1 душу наличного населения, руб.
(по материалам обследования в Алтайском крае и Новосибирской обл.)

	Весь денежный доход	В том числе				
		из колхоза	за работу по найму	от продажи и контракт.	за работу в МТС	от продажи сельскохоз. продуктов
I пол. 1941 г.	222,90	47,32	15,87	25,59	8,38	76,16
II пол. 1941 г.	256,54	35,93	12,39	39,14	12,95	108,62
I пол. 1942 г.	362,66	24,11	15,69	20,99	5,49	219,92
II пол. 1942 г.	312,39	30,76	19,88	22,88	5,42	142,45
I пол. 1943 г.**	420,26	11,96	13,67	30,72	1,43	278,74

	Весь денежный расход	В том числе		
		на покупку скота, птицы	на покупку продовольствия и хлеба	на покупку промтоваров
I пол. 1941 г.	247,83	15,71	65,41	103,42
II пол. 1941 г.	232,92	16,94	34,35	77,67
I пол. 1942 г.	352,90	12,37	69,46	73,32
II пол. 1942 г.	327,39	9,19	51,17	137,35
I пол. 1943 г.	430,60	14,53	103,17	120,78

* Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 662. Л. 9, 16, 22, 23.

** По материалам одной Новосибирской области.

Немногим на смягчение материального положения крестьян влияли эпизодические централизованные поступления по линии государственной и кооперативной торговли (см. табл. 25). Первое, что бросается в глаза, это многократное снижение поступлений почти по всем видам продовольственных товаров промышленного изготовления – в 4–7, а по сахару, кондитерским и колбасным изделиям – в 30–65 раз. В абсолютном выражении те же продукты, тем более в пересчете на одно крестьянское хозяйство, составят еще более мизер-

ные доли, чем поступления натуральной сельхозпродукции, и приблизятся к нулевым значениям.

Таблица 25

Приобретение и потребление продовольственных промтоваров на 100 крестьянских хозяйств
(в числителе – первая половина 1941 г., в знаменателе – первая половина 1944 г.)

	Получено и куплено в колхозе	Куплено		Потребл. в общ. питании	Итого	1944 г. в % к 1941 г.
		в гос. и кооп. орг.	у граждан			
Хлеб и хлеб. изд., кг	338,1 / 199,1	8544,4 / 961,4	99,1 / 116,2	353,3 / 90,4	9334,9 / 1367,1	14,6
Вермишель, макароны, кг	0 / 1,6	0 / 0	0,1 / 0	3,4 / 0,1	47,7 / 2,0	4,2
Кондитер. изделия, кг	0,2 / 0	324,5 / 3,0	0,2 / 1,9	1,6 / 0	326,5 / 4,9	1,5
Колбасные изделия,кг	0,1 / 0	4,1 / 0,4	0,2 / 0,1	0,1 / 0	14,5 / 0,5	3,4
Сельди, рыба проч.,кг	0 / 0	109,1 / 4,9	5,0 / 8,3	1,6 / 0	115,7 / 13,2	14,3
Консервы рыбные, кг	0 / 0	0,8 / 0,2	0 / 0	0 / 0	0,8 / 0,2	25,0
Консервы овощные, кг	0 / 0	0,7 / 0,3	0 / 0	0 / 0	0,7 / 0,3	42,8
Чай натуральный, г	0 / 0	1738,9 / 4816,2	612,9 / 3106,8	6,4 / 2,8	2358,2 / 7925,8	336,0
Водка и пр. алк. напит., л	0,1 / 0	491,9 / 34,1	4,6 / 7,6	0 / 0	496,6 / 44,9	9,0
Безалкогольные налитки	0 / 0	0 / 0	0 / 3,7	0 / 0	496,6 / 44,9	–
Папиросы, шт.	0 / 0	15471,1 / 9,8	1,6 / 19,7	0 / 0	15472,7 / 29,5	5,2
Табак, махорка фабричные, кг	0 / 0	79,5 / 1,1	0,7 / 108,3	0 / 0	80,2 / 109,4	136,4
Спички, коробок	–*** /	– / 337,0	– / 137,3	– / 0	– / 474,3	–
Соль, кг	– / 0	– / 231,2	– / 305,7	– / 0	– / 536,9	–
Прочие товары, руб.	0,1 / 0	442,5 / 39,2	17,3 / 193,7	0 / 0	559,8 / 132,9	23,7

* Тот же источник и те же репрезентанты, рассчитано: РГАЭ7 Ф. 1562. Оп. 324. Д. 193. Л. 9; Д. 931. Л. 4.

** Включая обмен (1941 г.).

*** Не учтено.

Так, в первой половине 1944 г. на одно крестьянское хозяйство приходилось 0,049 кг сахара. То есть 49 г и на всю семью на шесть месяцев. Аналогичная ситуация сложилась по большинству других продуктов. Даже те из них, поступления которых казались более значимыми, практически также мало что значили. Того же печеного хлеба, приобретенного на весь крестьянский двор и по всем отмеченным каналам, приходилось 2,3 кг в месяц, а чая – 13,2 г. Это не позволяет даже горько сказать, что крестьянство перебивалось «с хлеба на воду». Вода, конечно, была, но не стало сахара и чая. Да и хлебных припасов оказалось куда как меньше минимальных потребностей. Все это было ниже самой последней черты бедности.

Выше говорилось о возросшей роли потребительской кооперации в снабжении крестьян и что наряду с колхозами она оказалась практически единственной сохраненной формой из всех простейших кооперативных объединений на селе со времени нэпа. Но нельзя и переоценивать ее значение. Из самодеятельной организации она, как и сама сельхозартель, все больше превращалась в государственный инструмент социально-экономической политики в деревне. От снабженческо-сбытовых функций для села потребительские общества были почти полностью повернуты к обслуживанию государственной заготовительной политики со многими экономическими мерами понуждения. Достаточно напомнить, что в последний год войны 75% всех фондов товаров против 40% в 1943 г. реализовывалось кооперацией в качестве стимула на заготовках зерна, овощей, шерсти, яиц и другой крестьянской продукции. И лишь остатки распространялись по паевым книжкам[53].

Тяжелое материальной положение колхозников прежде всего отразилось на их питании, хотя казалось, в том числе руководству, что неразрывная связь с землей поможет им продержаться безбедно. Так оно и было около года, когда еще сохранялись довоенные припасы и заделы. Но ограничение и самоограничение нарастали изначально. Причем не только ради максимальной помощи фронту, а и горожанам, особенно до тех пор, пока последние не обзавелись собственными огородами. На счету оставались каждый килограмм картошки, каждая горсть зерна, особенно после заготовок 1942–1943 гг., отягченных грубейшими перегибами. Скудных припасов хлеба лишь у немногих хватало до начала лета. Высшей мудростью крестьянки и самым «доблестным» показателем достатка семьи были их умение и терпение сохранить до полевых работ пропитанный густым рассолом кусок сала или говядины. Многих еще с зимы ожидало устойчивое недоедание.

Первыми его массовое проявление и даже голод испытали колхозники степных районов Сибири. Предвоенная засуха оставила большинство хозяйств этой зоны без каких-либо продовольственных запасов. Ее колхозы составляли четвертую часть всех недоимщиков

страны по итогам заготовок 1940 г. От бескормицы в предвоенную зиму здесь погибли сотни тысяч голов скота. В одной Новосибирской области с октября 1940 г. по май 1941 г. пало 35,3 тыс. лошадей, 21,4 тыс. голов крупного рогатого скота, 104,4 тыс. свиней[54]. Не облегчил положение и первый военный урожай. Не только фронт, но и огромные недоимки вынудили сдать государству практически все, что было выращено в общественных хозяйствах, и многое из того, что дали подсобные. Необычайный патриотизм к тому же оказался тем благоприятным социальным фоном, на котором массовая жертвенность деревни, разумеется, и города становилась не только обыденной, но и как бы оправданной, освященной самой войной. Потому-то люди чаще предпочитали недоедать и даже пухнуть от голода, чем сетовать и жаловаться. Своими лишениями они, как правило, старались не очень-то беспокоить фронтовиков.

Но уже с осени 1941 г. все чаще возникали не только бедственные, но и отчаянные ситуации. В декабре прокурор Новосибирской области в информации на имя А.А. Андреева сообщал о письмах колхозниц сельхозартели им. Чапаева Татарского района. Те писали: «Колхозники голодные и холодные (с топливом в степных районах стало также не легче. – *В.А.*) вынуждены есть павших лошадей и коров и скоро будем есть кошек и собак»[55]. А М.П. Серикова в безысходности заключала: «Я колхозница... имею большую семью 8 человек, из них один трудоспособный. Прошу Вас оказать нам какое-либо содействие или разрешить нам угробить своих детей и покончить свою жизнь»[56].

Были не только отчаянные письма, но и прямые покушения на жизнь своих семей. В докладной Кобулова на имя Андреева от 26 февраля 1943 г. сообщалось, например, что в селении Нижняя Хила Шилкинского района Читинской области в ноябре 1942 г. «колхозник Суханов П.С., 1914 г. р., зарубил свою мать, жену, шестерых детей и выстрелом из ружья покончил с собой. В оставленной записке Суханов указал, что на преступление его вынудил голод»[57]. Расследование установило, что семья Суханова уже с осени не имела никаких других продуктов, кроме небольшого количества картофеля и лука.

С зимы 1942/43 г. география голодных колхозов и целых районов распространилась на всю Сибирь. Теперь наиболее бедственное положение создалось в Читинской области, где средняя урожайность в колхозах в 1942 г. составила 2,9 ц с гектара. В феврале 1943 г. в докладной записке на имя того же Андреева директор Бочкаревской МТС А.И. Казаков и начальник политотдела А.Ф. Голубь писали, что в зоне их МТС насчитывается 32 колхоза. Из-за недорода лишь путем замены мясом удалось на 70% выполнить план хлебопоставок. В те же проценты пошли семена и все, что могло быть выдано на трудодни.

«Уже сейчас запасы хлеба кончились и никаких перспектив к покупке или займу нет... Имеют место случаи опухания от недоедания, а также уже есть смертные случаи... Положение еще больше усугубляется тем, что запасы картофеля и овощей у значительной части колхозников уже исчерпаны». Не приходилось рассчитывать и на соседей. «В том-то и дело, – говорилось в записке, – что в соседних районах положение может быть только несколько лучше, но не настолько, чтобы они могли оказать нам помощь... В таком же положении, как и мы, находятся, по крайней мере, колхозы Нерчинского района, Шахтоминского района, Газ-Заводского района, Сретенского района, Шилкинского района... Так как ни в районе, ни в области помощи мы не получили, а положение все больше усугубляется, то мы и решили довести до вашего сведения и просить о возможной помощи колхозам»[58].

Это, как и подобные письма и донесения, попадали в первую очередь в ведомство Берии. Затем, обычно в виде приглушенных и препарированных комментариев, они поступали к Андрееву, курировавшему сельское хозяйство. Иногда подписанные самим наркомом НКВД, а чаще его заместителями, эти докладные тем не менее вынуждены были констатировать бедственное положение в деревне. Касаясь приведенного выше письма из Читинской области, Кобулов, например, отмечал, что уже «в 1942 г. многие колхозники с марта совершенно не имели хлеба», что в Нерченско-Заводском, Сретенском, Болейском и других районах «колхозники из-за отсутствия продовольствия употребляли в пищу мясо павших животных и различные суррогаты», что «в ряде колхозов имеются случаи заболеваний и безбелкового опухания детей колхозников, в частности, в семьях мобилизованных в Красную Армию», что в пограничных колхозах Нерченско-Заводского и Быркинского районов из-за голода «ряд колхозников» проявляют даже «эмигрантские настроения»[59] и т.д.

Эмиграция, конечно, не допускалась, а недовольство крестьян по укоренившейся привычке еще нередко квалифицировалось как настроение «неустойчивой части колхозников». Но разрешалась такая вынужденная мера, как массовое отходничество населения голодающих районов на зимне-весеннее время. К такой чрезвычайной мере в соответствии с постановлением Читинского обкома ВКП(б) вынуждены были прибегнуть, например, в упоминавшихся выше Газ-Заводском, Нерченско-Заводском и Шахтоминском районах Забайкалья. Но отходничество имело крайне ограниченный выбор, ибо районов, способных прокормить отходников, практически не осталось. Да и сами крестьяне понимали, что «в отходничество всех не пошлешь – хозяйство колхоза кто-то должен обслуживать, а весной кто-то должен сеять».

Не лучше было и в западносибирских колхозах. Вот фрагменты из донесения другого заместителя Берии, Меркулова, о положении в

Новосибирской области после заготовок 1942 г., проведенных под знаком «борьбы с хлебосаботажниками»:

– к февралю 1943 г. в колхозе «Северное сияние» Бакчарского района из 230 хозяйств только 30 имеют хлеб;

– колхозники, в том числе семьи красноармейцев-фронтовиков, не имея продуктов, употребляют в пищу трупы павших животных;

– в колхозе «Пробуждение» Михайловского района жена красноармейца Болховского, выработавшая в 1942 г. 236 трудодней, но не получившая на них никаких продуктов, с детьми употребляет в пищу мясо павших животных;

– в колхозе «8 марта» Здвинского района колхозница М.Я. Янова, мать красноармейца, награжденного медалью «За отвагу», имеющая пятерых детей, выработавшая в 1942 г. 240 трудодней и получившая на них 34 кг зерновых отходов, всей семьей употребляет в пищу найденный в поле труп павшей коровы;

– в колхозе «Путь социализма» Каргатского района семья красноармейца Горобца, состоящая из четырех человек, употребляла в пищу мясо павшего от сибирской язвы теленка и т.д.

Приведя другие примеры, Меркулов заключал: «Аналогичные факты имеют место в колхозах «Новый путь» и «XVI лет Октября» Михайловского района, «Путь к коммунизму» Доволенского района, «Путь победы», «Жана-Жул» Каргатского района и ряде других колхозов»[60]. Хотя, конечно, речь должна бы идти не о тех или иных колхозах и сельских районах Сибири, а о массовом полуголоде в Северном Казахстане, на Южном Урале, в нижнем Поволжье, в Горном Дагестане и даже в Крыму. Но никаких причин того, почему крестьяне оказались без минимальных средств к существованию, в упомянутых, как и других подобных, документах не называлось.

Впрочем, и без того было ясно: основная причина голода – минимальная оплата трудодня и отсутствие вторых трудоспособных членов семей. А потому в первую очередь и больше других голодали, как тогда говорили, женщины-солдатки с детьми. Но уроков, к сожалению, долго не извлекали. В апреле 1944 г. уже сам Берия докладывал Андрееву, что опять же по сообщению УНКВД по Новосибирской области колхозники Здвинского района, главным образом семьи военнослужащих, «испытывают трудности с продовольствием»: «Проведенной проверкой 361 колхозной семьи по 16 сельсоветам района установлено, что большая часть семей, особенно дети, имеют безбелковые отеки на почве недоедания», что «имеются случаи смертности», что семьи военнослужащих употребляют в пищу мякину, ботву, древесные опилки, мясо павших животных[61].

Объективности ради заметим, что по ряду донесений, в том числе по названным, принимались даже правительственные и ведомственные решения об оказании неотложной помощи. Так, 18 апреля 1944 г. заместитель заведующего сельхозотделом ЦК Ицков информировал

Андреева, что Наркомат сельского хозяйства СССР «увеличил по Новосибирской области рыночный фонд муки на апрель месяц с.г. на 25 тонн для обеспечения хлебом нуждающихся семей военнослужащих, а также колхозников Здвинского района»[62]. Распоряжением зампредседателя СНК А.И. Микояна бедствовавшим районам Читинской области в начале 1943 г. была разрешена ежемесячная продажа 200–250 т хлеба «из фондов, отпускаемых области для снабжения населения сельских местностей»[63]. А 7 ноября 1944 г. постановлением правительства было разрешено завезти на Дальний Восток и в Читинскую область 110 тыс. т зерна по импорту и 354 тыс. т из других областей Сибири[64].

Все это, конечно, облегчало положение наиболее бедствующих районов. Но опять-таки в основном за счет уже «отжатых» продовольственных ресурсов восточных зерновых зон и Поволжья. Между тем значительную помощь можно было бы организовать, например, путем переброски части продовольствия из Узбекистана, где под хлеб произвольно были пущены большие массивы лучших хлопковых полей. Или за счет перераспределения запасов Закавказья, куда в ходе эвакуации была вывезена основная часть зерна с Северного Кавказа. В то время как в Сибири и Казахстане пухли от голода, в Тбилиси, например, длительное время продажа хлеба велась в открытой торговле по невысоким коммерческим ценам. Только в сентябре 1942 г. таким путем здесь было реализовано 820 т хлеба. Об этом сообщалось в донесении тому же Андрееву инструктором сельхозотдела ЦК[65]. Но постановление ЦК ВКП(б) о «разбазаривании» зерна и «саботаже» на его заготовках, которое рассматривалось нами выше, последовало не по Грузии, а по тому же Алтайскому краю.

Даже в критических ситуациях, как, например, в 1943 г., в Сибирь из Средней Азии предпочитали завозить не продовольствие, а мобилизованную рабочую силу. Вместе с местными колхозниками на заготовке древесины и лесосплаве трудились тысячи работников, в основном крестьян, из Узбекистана, Таджикистана и других южных республик. В одном Тавдинском лесокомбинате Омской области в 1943 г. из 4652 рабочих более половины (2417) составляли узбеки. Но в зиму того же года от холода и голода из них умер 191 человек[66]. Не легче было и местным крестьянам на лесных работах. Некоторые из них добровольно уходили на лесоразработку и сплав в надежде на сносное питание. Но и здесь их ожидал предельно скудный паек, совершенно не отвечавший столь тяжелому труду.

Имелись и другие источники хлебной помощи. 8 июня 1945 г. заместитель заведующего сельхозотделом ЦК А. Козлов сообщал уже не своему непосредственному шефу А. Андрееву, а члену Политбюро и ГКО П. Маленкову о том, что «на глубинных пунктах Украины хранится еще хлеб урожая 1944 г. в количестве 833 тыс. тонн», вывоз которого велся крайне медленно. Обеспокоенность вызывалась не

каким-либо дефицитом зерна в других районах, а необходимостью освобождения места для хлеба нового урожая[67]. На Северном Кавказе годом раньше также оставалось 314 тыс. тонн нереализованного зерна. А если приплюсовать к тому еще более 200 тыс. тонн сырого[68], пропадавшего хлеба, имевшегося на складах Заготзерна РСФСР, не считая других регионов СССР, то суммарный резерв составлял 1347 тыс. т, т.е на один колхозный двор России (10,6 млн) пришлось бы 127 кг продовольственного зерна дополнительно, или 75 кг на один двор СССР.

Но соответствующих распоряжений не последовало, тем более своевременных – продовольственный кризис в деревне и стране во многом разрешался сам собой. В то же время следует иметь в виду и следующее. При всех жутких в своей сущности фактах, о которых говорилось выше, самыми трагическими оказывались все же немногие. Все они, как и другие, были хорошо известны в регионах и наверху. О них поступала оперативная информация. По ним, как правило, принимались более или менее значимые меры – на места поступали, как минимум, конкретные директивы и рекомендации, в критических случаях выезжали следственные бригады, ответственные уполномоченные. Многое предпринималось на уровне областных и районных властных структур.

И что весьма актуально отметить (впечатление вытекает из ознакомления со многими сотнями увесистых архивных дел), так это бытующее поныне навеянное в общественном сознании представление о так называемой «полной непроходимости» до высших инстанций разного рода объективных писем, информаций, жалоб, просьб и т.п., что в принципе неверно. В этой связи больше просматривалось психологически иное: отсутствие политизированной озлобленности, частных обид и злорадной язвительности. Даже печально известное с 30-х годов доносительство (анонимщиков почти не стало) заметно «сникло» до уровня информационно-позитивных акцентов.

Относительно малое число жалоб, в том числе о тяжком, в сущности, материально-бытовом положении сельского населения, следует опять же рассматривать в единой связке личного и общественного в его жизни. Абсолютное большинство подобных обращений на виду у всех, а то и от имени всех односельчан так или иначе замыкалось на местном уровне – рассматривалось на заседаниях исполкомов сельсоветов, правлений кооперации, а еще чаще и с большим пониманием – на правлениях колхозов, общих и бригадных собраниях, ставших олицетворением участливости. Жизнь на миру всегда выступала гарантом праведности и терпимости.

Иначе было не выжить, не устоять. Тем более, когда многое в колхозно-личных отношениях оказалось перевернутым с основания пирамиды на ее острие. Когда на $^{9}/_{10}$ общественно-артельное стало государственно-колхозным, безвозмездно поступавшим в распоря-

жение государства, и лишь $^1/_{10}$ той «опрокинутой пирамиды» в виде личного подворья взяла на себя, казалось, социально немыслимое – сохранять это, в общем-то, ненормальное, с точки зрения нормальных отношений, сооружение в устойчивом положении.

Но иного выбора не стало – по крайней мере до окончания войны. И если столь небывалая конструкция оказалась парадоксально устойчивой, то лишь потому, что она, как нам уже доводилось отмечать, получила пусть краткосрочные, но мощные социально-психологические «растяжки». Этими растяжками служили и священные цели войны, и связанный с ней феноменальный патриотизм, и душевный запас стойкости, и великое русское начало. И все же такое не могло быть беспредельным. Оно имело свой Рубикон, переходить который всегда рискованно. Это, пусть и не должным образом, учитывалось в той политике по отношению к личному крестьянскому хозяйству, ставшему своего рода страховым полисом всего колхозно-государственного производства.

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЛИЧНОЕ В ЖИЗНИ КОЛХОЗНИКОВ

Реальные сюжеты о материально-бытовой жертвенности крестьянства, конечно, очень печальны. В широком понимании они не суть неизбежное, не его, как кто-то мог бы сказать, обреченно-роковой крест. Но в той конкретно-исторической ситуации невиданной по всем параметрам войны, она, эта жертвенность, не имела, точнее, оказалась не в состоянии иметь принципиально иную альтернативу в рамках четырех военных лет. Все могло быть лишь относительно решаемо в пределах тех же сложившихся реалий. Прежде всего в соотношении того же предельно урезанного общественно-кооперативного и ожившего индивидуально-личного начала колхозной системы. От того же, в конечном итоге, зависела и сама мера жертвенности, и ее пределы.

Определяющую роль в обретении потребительского благополучия играли децентрализованные источники от реализации дохода, получаемого крестьянством от общественного и личного хозяйства. Как и в предвоенные годы оба этих сектора в сельском производстве представляли собой весьма органичное единство. В то же время в этом единстве произошли существенные смещения, возросли их взаимозависимость и неадекватность. Прежде всего в доле получаемого дохода, шедшего на удовлетворение потребностей колхозников, в усилении обусловленности помощи крестьянству в содержании подворья от меры его участия в общественном производстве.

Ослабление колхозного крестьянства неизбежно повлекло очевидное смещение во всех отношениях распределения на селе, равно как и в соответствующих параметрах доходно-расходных связей государства и крестьянства. Резко упала выдача на трудодни. Исклю-

чение составляли механизаторы, которым по-прежнему выплачивали согласно гарантированному минимуму (3 кг зерна и 2,5 руб. за трудодень). Но эта норма выдерживалась далеко не всегда и не везде. Не меняла общей картины и эпизодически более значимая оплата трудодня в отдельных областях Центра, Кавказа, Средней Азии. В Узбекистане, например, выдача хлеба в 1942 г. по сравнению с 1940 г. увеличилась вдвое[69] (в абсолютном выражении она не стала и столь заметной). К тому же, это повышение не являлось следствием укрепления здешних колхозов, а было результатом форсированного расширения посевов зерновых за счет местнического сокращения посевов хлопчатника при недальновидности центральных властей (до войны хлеб в республику в основном ввозился из других районов страны). Натуральная оплата трудодня в РСФСР, в Белоруссии и на Украине уменьшилась в 2–3 раза.

Да и в целом по СССР, как свидетельствуют годовые отчеты колхозов, выдача хлеба на трудодни сократилась неоднократно. Если в 1940 г. колхозники получили 101 512,3 тыс. ц зерновых, то в 1943 г. – только 29 470,8 тыс., в 1944 г. – 42 068 тыс. То же соотношение показывает выдача продуктов из расчета на душу сельского населения, ибо уменьшение численности колхозников во многом компенсировалась увеличением выработки ими трудодней[70]:

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1945 г.
Зерно, ц	2,0	1,6	1,0	0,8	0,7
Картофель, ц	1,2	0,4	0,3	0,5	0,3

Фактически на человека приходилось еще меньше, так как приведенные сведения отражали размер выдачи по предварительному определению. Наглядную картину дают дифференцированные сведения о группировке колхозов по выдаче зерна на один трудодень (табл. 26).

Таблица 26

Группировка колхозов по выдаче зерна на один трудодень, кг (в% к итогу)*

Год	До 1	1,1 – 2	2,1 – 3	3,1 – 5	Свыше 5	Без выдачи
1940	42,2	28,2	13,9	7,6	1,3	6,8
1942	69,4	17,6	5,1	3,0	0,8	4,1
1943	76,8	12,9	3,5	1,7	0,4	4,7
1944	75,9	15,7	4,1	1,6	0,4	2,3
1945	76,2	14,2	3,9	1,9	0,5	3,3
1946	75,8	10,3	3,4	2,2	0,6	7,7

* *Островский В.Б.* Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. С. 59.

В войну почти вдвое увеличилось число колхозов с минимальной выдачей хлеба, более чем вдвое уменьшилось их количество с выдачей от 1,1 до 2 кг, в 3–4 раза – от 2,1 до 3 кг. Некоторое сокращение числа хозяйств без выдачи объяснялось лишь тем, что других источников поступлений зерна в условиях войны практически не стало и колхозы стремились хотя бы к его минимальным начислениям.

Еще более наглядно о размерах получаемой из колхоза продукции свидетельствует оплата по трудодням на душу населения из расчета на один день и на основании приводившихся данных (в граммах):

	1940 г.	1943 г.	1945 г.
Зерно	350	180	190
Картофель	330	110	70

В 1940 г. доход крестьянской семьи, полученный от колхоза, составлял 39,7% ее совокупного дохода[71]. Теперь же крестьянин имел от общественного хозяйства примерно в 3 раза меньше. Он стал получать, как пишет Ю.В. Арутюнян, «меньше 200 г зерна и около 100 г картофеля в день – это стакан зерна и одна картофелина»[72]. Потребность в овощах колхозом удовлетворялась на 15–20%, а выдача мяса и молока, если не считать расходов на общественное питание, почти не производилась.

Но учитывать общественное питание, конечно, надо – оно имело важное значение для трудовой жизни крестьянства. Судя по данным тех же отчетов колхозов, с каждым годом войны на общественные нужды мяса и сала отпускалось все больше. В 1945 г. в целом по СССР на эти цели шла уже третья часть всего произведенного общественными хозяйствами мяса и сала. Но в разных регионах такие продукты предназначались, а тем более отпускались неодинаково. Так, в областях Нечерноземья на общественное питание в колхозах выделялось значительно меньше мяса и сала, чем в среднем по СССР, и в два раза меньше, чем, например, в Западной Сибири. Исключение составляла Горьковская область, где в 1942 г. на общественное питание было отпущено 35% всего произведенного в колхозах мяса и сала. Столько же определили тогда на общественное питание колхозы Московской и Вологодской областей. На те же цели шло также большое количество мяса и яиц (6–7%), но меньше – меда, молока и молочных продуктов[73]. Однако обобщающими, тем более реальными данными мы не располагаем. Да они вряд ли и могут быть, ибо колхозы сами их тщательно (и вынужденно) «прикрывали», а всякого рода ревизоры, нередко тоже «прикасавшиеся» к столь заманчивому да еще относительно дозволенному каналу расходов, также не склонны были, по понятным причинам, жестко требовать таковые. Известно только, что далеко не везде постановка этого ответственного дела была соответствующей. Не все, как мы заме-

тили, отпущенные продукты попадали по назначению. Имели место и случаи значительного разбазаривания колхозной продукции под видом общественного питания[74].

Несколько лучше и объективнее, на первый взгляд, отражены денежные доходы от общественного хозяйства. Приведем соответствующую группировку колхозов по выдаче денег (табл. 27).

Таблица 27

Группировка колхозов по выдаче денег на один трудодень, руб. (в% к итогу)*

Год	До 0,6	0,6 – 1	1,01 – 2,50	2,51 – 4,00	Свыше 4	Без выдачи
1940	54,8	12,6	15,5	1,7	2,8	12,3
1942	38,2	12,8	15,1	4,9	4,7	24,3
1943	33,9	13,5	16,1	5,6	6,1	24,8
1944	30,8	12,5	15,4	5,6	5,9	29,8
1945	35,5	10,5	14,0	4,9	3,8	31,3
1946	37,5	12,1	13,4	3,9	3,7	29,4

* *Островский В.Б.* Указ. соч. С. 59.

Хотя количество хозяйств с минимальной и максимальной оплатой даже возросло, в среднем выдача денег на трудодни не дала ощутимого прироста. В 1942 г. по СССР на душу колхозного населения к выдаче было определено 129 руб., в 1943 г. – 146 против 113 руб. в 1940 г. По колхозам РСФСР этот уровень оказался еще ниже: в 1940 г. – 81 руб., в 1943 г. – 102, в 1944 – 95 руб.[75].

Если исходить даже из несколько завышенных данных «определенных к выдаче» продуктов и денег, то и в этом случае выплаты по трудодням могли лишь частично удовлетворить потребности крестьянской семьи. При этом следует иметь в виду и то, что рыночная покупательная способность денег упала в десятки раз. Других же каналов их реализации по государственному курсу крестьянин тогда практически не имел. Не оказывала заметного влияния на бюджет колхозников и введенная перед войной система дополнительной оплаты. Из-за резкого снижения урожайности в полеводстве и продуктивности скота ее получала незначительная часть крестьян и в мизерных количествах. Так, по хозяйствам РСФСР в годы войны эту оплату начисляли от 1,4 до 3,3% от общего числа колхозников, принимавших участие в работах[76].

Обобщенные данные о той доли продукции и денег, которую получали колхозники от общественного хозяйства, дает табл. 28. Даже по зерновым доля общественного хозяйства в общем приходе на од-

ного наличного члена крестьянской семьи снизилась до трети. Выдача картофеля по сравнению с 1940 г. сократилась в 5–6 раз и только в 1943 г. она составила около половины от предвоенного уровня. Еще более уменьшилась доля денежного дохода по трудодням. Так как колхозам в сущности была запрещена реализация их продукции через обычный рынок, а денежная оплата по заготовкам и госзакупкам мало чем отличалась от фиктивной. Даже незначительная и эпизодическая реализация продуктов с личного хозяйства на рынке многократно превышала денежные поступления по трудодням.

Таблица 28

Распределение продукции по трудодням на одного члена семьи,% к общему приходу*

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Зерновые (сырые и переработанные)	45,3	41,9	36,1	32,4	34,2	35,1
Картофель	30,0	7,5	5,2	14,2	9,8	6,9
Мясо и сало	0,3	0,3	0,5	0,4	1,0	0,1
Молочные продукты	0,2	0,2	0,1	0,05	0,2	0,3
Деньги	15,7	16,4	5,1	2,5	3,5	4,0

* *Островский В.Б.* Указ. соч. С. 60.

Этим объяснялись необычайно повышенная заинтересованность крестьян в развитии личного хозяйства и то в общем-то постоянное внимание, которое уделялось ему со стороны государства. Содержание приусадебного участка в условиях войны жестко регламентировалось уставными нормами, сложившимися в предвоенный период, и также должно было бы быть рассчитано на некое восполнение той части продуктов и денег, которую не могло дать общественное хозяйство. Но эта часть теперь существенно увеличилась, хотя возможности ее покрытия также оказались крайне ограниченными. Поэтому не снималась и необходимость повышения общественной отдачи и самого колхозного производства.

Однако в обстановке острого дефицита продовольствия и сельскохозяйственного сырья еще более контрастно обозначилось именно распределение обязанностей между обоими секторами крестьянского труда. Подавляющая часть колхозной продукции шла для страны и фронта. Доля государственных заготовок от валового сбора зерновых, несмотря на его сокращение, к 1943 г. поднялась до 43,6 против 40,2% в 1939 г., а картофеля – с 23,9 до 31,5%. Еще более повысился процент заготовок продукции животноводства: в 1943 г. из

общей доли реализованного колхозного стада заготовки крупного рогатого скота составили 84,1 против 62,9% в 1940 г., свиней – 30,5 против 20,9%, овец и коз – 79,2 против 44,2%. Ввиду того, что материальное положение самих крестьян стало основываться на доходах личного хозяйства, которое лишь по не сбывшемуся замыслу часто именовалось подсобным, государство на сей раз не увеличило, а даже уменьшило натуральные налоги на его продукцию животноводства. О чем свидетельствует заметное снижение (примерно вдвое) денежного дохода от личного подворья колхозников за продукцию по поставкам (табл. 29). Сданный в 1944 г. картофель составил лишь 2,9% всей его прибыльной части против 8,6% в 1940 г., мяса и сала – 9,3 против 15,4%[77].

Таблица 29

Денежный доход личного хозяйства за сданные обязательные поставки,% ко всему денежному доходу*

	1940 г.	1942 г.	1944 г.
За сданные по обязательным поставкам продукты и контрактацию	1,0	0,4	0,2
За сданные по мясопоставкам скот и птицу	0,6	0,4	0,7
От продажи сельскохозяйственных продуктов	30,9	58,8	64,5

* *Островский В.Б.* Указ. соч. С. 82.

Не повысив продовольственного обложения, государство не встало и на путь ограничения крестьян в реализации их продуктов через рынок. Приходы личного хозяйства от этой продажи возросли к 1944 г. более чем вдвое, достигнув 64,5% всех денежных доходов против 30,9% в 1940 г. (см. табл. 29). Здесь важно обратить внимание на столь же резкое снижение денежных поступлений крестьянской семьи от работы по найму. Если в 1941 г. в среднем таким путем она получала 11% денежных доходов, то в 1942 г. – только 3,3%, в 1944 г. – 4,5%[78]. При крайнем дефиците рабочей силы крестьянство предпочитало использовать ее в своем общественном и личном производстве.

Приостановленный с начала войны закономерный процесс сокращения размеров и снижения удельного веса действительно подсобного хозяйства быстро сменился в обратном направлении. Начиная с первого военного года наблюдался прирост посевов на приусадебных участках. Если перед войной такие площади колхозников занимали менее 3% посевов страны, то в 1945 г. – 4,3%, хотя, конечно, в абсолютном выражении этот прирост оставался незначительным, но вызывавшим незатухающие споры. К тому времени и средний размер приходившейся на колхозный двор земли составил 0,28 га против 0,24 в 1940 г. Заметно изменилась и их структура (в процетах ко всей площади посевов на усадебных землях)[79]:

	1940 г.	1944 г.	1945 г.
Зерновые	19	31	31
Технические и масличные	3	3	3
Овощи, бахчевые и картофель	69	62	62
Кормовые	9	4	4

Происходил значительный рост посевов зерновых как следствие резкого снижения выдачи хлеба по трудодням. Нередко колхозники занимали ими до половины и более приусадебного участка. И еще одно обстоятельство, не отраженное в статистике, но имевшее немалое значение. В войну использовался каждый свободный метр земли, тогда как прежде часть ее вовсе не обрабатывалась, оставлялась под лужайки, зоны отдыха, полисадники и т.п. Более того, к концу войны вновь, как и в предвоенные годы, проявилась сначала осторожная, затем почти повсеместная тенденция к разумному в основном расширению личных участков, но формально в нарушение уставных норм. Устранение этих «перекосов» и определение отношения к ним государства на этапе перехода к миру опять становилось актуальной задачей. Комплексное ее рассмотрение требует отдельного анализа. Пока же отметим более существенное.

С предвоенных лет в широком ходу официальной документации находился термин «разбазаривание». Он касался колхозных земель, общественного скота, инвентаря и даже имущества. В 1941–1942 гг. его употребление стало огульным. Столь нелестно (разумеется, незаслуженно) оценивалось стремление многих колхозов выделить часть пустующих земель для подсобных хозяйств предприятий, детских и медицинских учреждений, индивидуальных огородов горожан, интеллигенции. Для таких же целей выделялся колхозный скот, хотя он никогда не был излишним. Это делалось как на основании разных подзаконных распоряжений сверху, так и добровольно – по решению общих собраний и правлений колхозов. В таких случаях колхозное хозяйство благородно выполняло еще одну общественную функцию.

Но по мере обострения продовольственного снабжения, особенно с 1943 г., колхозы (да и совхозы) с трудом пытались противостоять многочисленным необоснованным покушениям на их землю, скот, инвентарь. Все чаще к ним прибегало районное и областное начальство. Натуральный обмен между городом и селом при отсутствии централизованных материально-технических поступлений в колхозы нередко выглядел настоящим вымогательством, как посягательство на артельные земли и скот. Так, один лишь колхоз «Пламя революции» Коченевского района Новосибирской области в 1943–1944 гг. вынужден был отдать 16 различным организациям 800 гектаров колхозной земли[80].

В том же хозяйстве межрайонная база Новосибирского облпотребсоюза «в обмен» за 2 седла, 20 комплектов сбруи, 2 кг баббита и

100 кг автола прирезала себе 40 га колхозной земли. Новосибирская швейная фабрика № 4 за 4 мужских и 5 женских костюмов и 20 метров парусины «приобрела» 80 гектаров. Чиковскому ремзаводу 30 га земельных угодий «обошлись» в 50 кг автола и 1,5 т угля. Аналогичные, в сущности, грабительские операции проделывались в Ижморском районе Кемеровской и других областях[81].

За подобные «промышленные услуги» в подсобные хозяйства и на продовольственные нужды изымался колхозный скот. С коровами проделывали и такое. После отела часть из них оказывалась в личных подворьях районного и иного начальства. По окончании дойного периода, т.е. в зимнее время, когда требовался корм, а коровы не давали молоко, они временно перемещались на колхозные фермы. И никаких проблем: свежее после отела молоко под рукой, кормить не надо, поголовье на учетный момент на месте.

Подобное, конечно, не имело ничего общего с эквивалентными меновыми сделками, которые осуществлялись на нормальной рыночной основе. Их было немало, и о них наши особые суждения. А пока еще одна иллюстрация. Колхоз «Комбайн» Новосибирского района одноименной области только в январе–феврале 1944 г. обменял (с кем – в документах не названо) 44 кг мяса и 4 кг меда на 100 кг гвоздей, 10 листов железа, 33 кг проволоки, 7 пар постромок, 33 супони, 8 шлей, 8 узд, 21 попону и 4 шорки. Затем: 37 кг мяса и двух подсвинков – на 70 кг металла и 3 клубка швагата. Далее: 1 лошадь – на 6 сыромятных кож, 100 листов маломерного стекла, 1 тонну каменного угля; 10,8 кг мяса – на 10 подпруг, 1 шлею, 4 узды, 2 седелки, 3 недоуздка. И еще: 1,5 кг мяса – на 1 замок, одну овцу – на пару пимов[82].

При всем разнообразии товара здесь заметна эквивалентная соразмерность, что естественно и разумно. Но, к сожалению, даже в одних и тех же хозяйствах с подобным товарообменом соседствовали и названные выше «сделки» под диктат. И что еще хуже, так это то, что не только принудительные, но и целесообразные действия правовые органы без разбора однозначно квалифицировали как незаконные. Многочисленные донесения с мест в сельхозотдел ЦК ВКП(б), особенно те, которые проходили через ведомства НКВД, любые обменные операции называли не иначе как «разбазариванием колхозного имущества».

При этом просматривалось и другое: грозные доносы в отдел и Оргбюро ЦК за подписью Кобулова, Меркулова, а то и самого Берии, адресатом заметно амортизировались и вопросы о принятии санкций обычно отсылались им на усмотрение местных партийных органов. А те, в свою очередь, ограничивались, как правило, весьма мягкой или вовсе символической реакцией. Было ясно, что на интенсивный товарообмен колхозы шли не от хорошей жизни, тем более если он не усугублял их состояние, а, наоборот, помогал поддерживать на каком-то уровне.

И еще о том, что с резким возрастанием роли приусадебных хозяйств в обретении собственного крестьянского благополучия массовая практика отчуждения колхозных земель пришла в явное противоречие с личными интересами самих колхозников, со строгими запретами в стремлении последних к расширению своих наделов. Поэтому вопреки уставным нормам и рецидивам недавних строгостей на местах и в центре с пониманием стали воспринимать стремление колхозников к расширению, хотя бы временно, индивидуального землепользования.

Более того, во многих районах, особенно с реальной опасностью массового голода, допускалась дополнительная нарезка участков для крестьянских семей в колхозных полях. Это резонно воспринималось как поощрение за активное участие в жизни общественного хозяйства. В колхозах Коченевского, Прокудского, Троицкого и других сельсоветов Коченевского района Новосибирской области к имевшимся приусадебным делянкам для огородов колхозников было прирезано каждой семье от 0,3 до 0,5 га земли. В колхозе «Путь Ленина» 38 крестьянских дворов получили дополнительно 7 га земли, остальные – от 0,3 до 0,5 гектара. В итоге здесь и других многоземельных районах личный надел колхозной семьи стал иногда достигать целого гектара.

Это был первый, но, к сожалению, последний со времени коллективизации разумный опыт вынужденного запольного крестьянского землеустроения, если не считать сселенных перед войной хуторских хозяйств. Он стал порождением самой многотрудной военной жизни – в этом его поучительность. Но действие этой реальности оказалось предельно скоротечным – 2–4 года, а то и меньше. И осуществлялась она почти явочным порядком: при поддержке и «попустительстве» низших местных властей – очевидцев бедственного положения крестьянства, и при некоторой благосклонности к подобным отступлениям от колхозного устава высших руководящих инстанций – они также располагали должной информацией.

Областное начальство чаще противилось «злоупотреблениям», а то и доносило по инстанциям, как поступили, например, в 1944 г. УНКВД по Новосибирской области и Кемеровский обком ВКП(б), сообщавших о «разбазаривании» колхозных земель соответственно в Народный комиссариат внутренних дел и в Отдел сельского хозяйства ЦК ВКП(б). Весьма примечательно и то, что в ЦК партии оба эти донесения были встречены весьма спокойно и даже с поддержкой действий колхозников. Заместитель заведующего отделом А. Козлов информировал тогда секретаря ЦК А.А. Андреева:

«Кемеровский обком ВКП(б) 22 мая 1944 г. вынес решение... изъять и прирезать к колхозным общественным землям имеющиеся у колхозников излишки приусадебных участков. Сельхозотдел ЦК находит такой огульный подход при отрезке излишков приусадебных

участков в середине года у всех колхозников без учета их участия в колхозном производстве неправильным... Считает, что в настоящих условиях, когда многие колхозы значительно уменьшили выдачу сельскохозяйственных продуктов на трудодни, отрезка излишков... должна проводиться только как воспитательная мера»[83].

Большего на уровне отдела в тех конкретных условиях ожидать, разумеется, не приходилось. Но и занятая им позиция была явно неординарной – двух-трехкратное, пусть даже временное увеличение установленной нормы «подсобного» участка совершенно не вписывалось в узаконенные догмы тогдашней аграрной политики. Гектар земли или 0,75 его сотых воспринимались тогда чуть ли не очевидным фермерством и бесплатным арендаторством, а робкая благосклонность местного руководства еще с майского 1939 г. пленума ЦК ВКП (б) официально квалифицировалась как преступное благодушие «к проникновению в колхозы враждебных колхозному строю частнособственнических, буржуазных тенденций, заносимых остатками разбитого кулачества»[84].

Вздорность таких оценок станет тем более очевидной, если действительное положение дел соотнести с такими в принципе аномальными реальностями аграрной истории, как продразверстка периода «военного коммунизма» и даже испольщина и издольщина еще более ранних лет. По меркам той же Сибири военного времени трудоспособный крестьянин должен был, как отмечалось выше, обработать до 9 гектаров колхозной земли (при двух трудоспособных в семье – до 18), собрать урожай и почти весь его передать государству, чтобы сохранить законное право на мизерный приусадебный участок.

Если испольщик обязан был отдать землевладельцу половину собранного урожая, то сибирский крестьянин при суммарно закрепленной за колхозом и личным подворьем 8–10 гектарах пашни на одного трудоспособного фактически безвозмездно передавал государству не менее 90% выращенной продукции. Потому-то и объем заготовок хлеба в колхозах Сибири за каждый военный год составил в среднем 124,2 млн пудов при 64,6 млн полученных здесь в 1920/21 хозяйственном году, когда официально действовала одиозная в представлении многих из нас продразверстка. Столь беспримерно великая классовая крестьянская жертвенность могла быть осознанно терпима лишь временно и при столь же великих общенациональных мотивах, которые доминировали в смертельной войне с фашизмом.

Иного объяснения, убежден, здесь не найти, ибо в таких масштабах и жизненных социально-экономических взаимоотношениях столь очевидной антиномичности быть не могло. Н. Бердяев в свое время на примере первой мировой войны резонно заметил: «Россия дорога и любима в самих своих чудовищных противоречиях, в загадочности своей антиномичности, в своей таинственной стихийности. Это все почувствовали, когда началась война»[85]. Жертвенность ради

жертвенности в несправедливой захватнической войне действительно загадочна. В войне Священной, Отечественной – она гражданственна и определенна.

Мы часто вспоминаем тютчевские слова об историческом своеобразии России, не укладывающемся ни в какие доктрины. И уж поистине непостижима для ума и неизмерима никакими аршинами жертвенность нашего крестьянства 1941–1945 гг., если ее мерить аршином первой мировой войны. Вот почему, как, возможно, уже подметил читатель, мы умышленно избегаем применительно к военной деревне, казалось бы, напрашивающегося само собой колючего слова «эксплуатация». Эта ответственнейшая понятийная категория заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь же подчеркнем, что в данном историческом контексте она неуместна и даже аморальна не только сама по себе, сколько, убежден, с позиций гражданского восприятия самих колхозников-ветеранов, если попытаться представить их жертвенный труд и борьбу с фашизмом в фокусе подневольной победы.

Самоотверженность во всем – не только в коллективном, но и в личном. Уже в исследованиях 80-х годов о крестьянстве периода Отечественной можно было прочитать, что в силу сложившейся ситуации произошло более четкое распределение ролей между общественным и личным хозяйством колхозников: первое в основном работало на нужды фронта, второе – на удовлетворение собственных потребностей[86]. Верно, но не совсем, если не обратить при этом внимание на весьма существенную общую взаимосвязанную подвижку обоих секторов колхозного производства: общественное хозяйство из кооперативного все больше превращалось в огосударствленное, личное – в общественное, т.е. и в еще более от него зависящее, и напрямую выполняющее общественные функции.

Продолжая тему о крестьянском подворье, предметнее обратимся к его животноводству. Как и до войны, личный скот оставался единственным источником поступлений для колхозников мяса, молока, яиц, шерсти. Если в индивидуальном землепользовании имело место превышение уставных норм, то в животноводстве, наоборот. В 1943–1945 гг. стал восполняться причиненный войной урон. Устранялись и некоторые ограничения в отношении норм содержания скота. К тому же начиная с 1943 г. колхозы в 2–3 раза увеличили продажу скота в личные хозяйства крестьян. Только в 1943 г. и только в областях центрального Нечерноземья они продали колхозникам более 28 тыс. голов крупного рогатого скота. Тогда же крестьянство РСФСР приобрело из общественных ферм 108,8 тыс. голов, а в целом по СССР – 118 тыс. голов крупного рогатого скота[87]. В результате к концу войны на фоне сокращения общественного поголовья впервые со времени коллективизации (хотя и недолгий период) в личных дворах оказалась сосредоточена основная часть крупного рогатого скота (табл. 30).

Таблица 30

Поголовье скота в личном хозяйстве колхозников и его доля в общем поголовье колхозной деревни*

	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Крупный рог. скот						
млн голов	19,2	11,8	9,7	13,4	16,5	17,9
доля в %	49	46	42	51	52	53
Овцы и козы						
млн голов	31,6	20,7	17,6	18,1	18,1	18,1
доля в %	43	34	33	35	34	35

* Сост. по: РГАСПИ. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 1733. Л. 238; бывш. АМСХ СССР. Ф. 1. Оп. 484, св. 609. Д. 5. Л. 13–15; Св. 612. Д. 14. Л. 8–16; Св. 614. Д. 22. Л. 2–5; Св. 617. Д. 42. Л. 7–20; Св. 620. Д. 60. Л. 7–20; Численность скота в СССР: Стат. сб. М., 1957. С. 95.

Отсюда, конечно, не следует, что соответственно улучшилась обеспеченность крестьянских семей животноводческими продуктами. Речь идет лишь об изменении в долевом соотношении, ибо в целом за годы войны поголовье скота в личной собственности колхозников даже очень существенно сократилось: крупного рогатого – на 1,3 млн голов, коров – на 1 млн, свиней – на 5,3 млн, овец и коз – на 13,5 млн голов[88]. На 4,4% увеличилось число дворов без всякого скота (с 13,1 до 17,5%), на 4,7% – бескоровных дворов (с 35,3 до 40%), на 7,7% – без овец и коз (с 51,6 до 59,3%) и на 16% – без свиней (с 69,3 до 85,3%)[89].

И все же часть мяса, молока, яиц, равно как и продуктов с личного огорода, продавалась колхозниками на рынке или обменивалась на промышленные товары. Это вынуждалось острой потребностью в последних, ибо, как уже отмечалось, государственная торговля для сельского населения, по существу, оказалась закрытой. Общее же количество реализованной таким образом продукции по сравнению с довоенным периодом заметно сократилось: зерновых – с 3,8% от полученного прихода в 1940 г. до 1,5% в 1944 г., картофеля – соответственно с 5,3 до 4,4%, мяса и сала – с 14,4 до 9,3%, яиц – с 14,8 до 11%. И только продажа молока увеличилась с 3,3 до 4,4% [90]. Уменьшение фактических поступлений непосредственно на рынок оказалось еще более заметным из-за резких сокращений валового производства.

Но приведенные подсчеты не охватывают тех продуктов, которые реализовывались в форме прямого обмена на промышленные изделия. Соответствующей статистики быть не могло, ибо товарообмен (меновая торговля) в основном осуществлялся на инициативных началах и проводился не только в городах, но и в деревне. Об этом свидетельствуют многочисленные документы и воспоминания совре-

менников. Они же подтверждают и то, что в обстановке постоянной неустойчивости рыночных цен и многократного падения покупательной способности денег колхозники предпочитали товарообмен.

Ввиду острого дефицита сельскохозяйственные продукты легко обменивались на сахар, соль, мыло, спички, предметы одежды, обуви, хозяйственного обихода, огородный инвентарь. Наибольший размах меновая торговля приобрела в первые годы войны. Государство, местные партийные и советские органы прилагали усилия, чтобы ограничить рыночную стихию, хотя бы частично ввести ее в желаемое русло. В ряде мест, особенно в Казахстане, на Урале, широкое распространение получила практика организации встречной торговли и обмена по согласительным ценам и предварительной договоренности. Только в мае–сентябре 1942 г. на рынках Алма-Аты по доступным ценам было продано около 2 тыс. т продуктов, не считая реализованных конъюнктурно[91].

В целом же формирование рыночных цен происходило в зависимости от спроса и предложения. В результате к 1943 г. их индекс по сравнению с 1940 г. на продукты растениеводства увеличился в 12,6 раза, а на продукты животноводства – в 13,2. Но по мере восстановительных сдвигов на селе, развития огородничества рабочих и служащих, а также в связи с организацией государственной коммерческой торговли начиная с 1944 г., рыночные цены на продовольствие стали заметно снижаться – в 1945 г. по сравнению с 1943 г. они уменьшились в 2,3 раза[92].

Однако и эти цены были относительно высоки. Продажа даже небольшой части картофеля, овощей, молока или мяса на рынке не только покрывала потребности крестьян в налоговых расчетах с государством, а и вела к оседанию в деревне значительной массы денег вообще. Из-за ограниченной возможности их реализации размеры денежной наличности стали превышать даже текущие расходы крестьянской семьи. Тем самым сложилось несоответствие между покупательной способностью денег в системе нормированной государственной торговли, которая охватывала преимущественно рабочих и служащих, и колхозно-рыночными ценами. Если городское население могло реализовывать зарплату при отоваривании карточек, но было ограничено в денежных средствах для приобретения продовольствия на колхозном рынке, то сельское население, наоборот, располагало значительной денежной наличностью, но в большинстве своем не могло пользоваться даже эпизодическим централизованным снабжением.

Государство стремилось смягчить эти несоответствия – прежде всего на путях увеличения товарной массы, стабилизации денежного обращения и изменений в налоговой политике. В начале войны для экстренной мобилизации денежных средств на военные нужды была введена 100-процентная надбавка к подоходному и сельскохозяйст-

венному налогам [93]. Но сложнейшая военно-хозяйственная обстановка, приведшая к обвальному сокращению товарной массы, вызвала столь же резкий рост рыночных цен, прежде всего на продукты питания. Из-за отсутствия промышленных товаров так называемые сельские деньги выпадали из обращения. Все очевиднее проявлялось нежелание крестьян продавать личные продукты за бумажные знаки.

Повышению спроса на деньги и усилению притока сельской продукции на колхозный рынок способствовал введенный в декабре 1941 г. военный налог. Одновременно была отменена 100-процентная надбавка к подоходному и сельскохозяйственному налогам[94]. Главной особенностью нового налога стал подушный принцип его построения в отличие от прежних обложений колхозного двора, размеры которых зависели лишь от количества предметов обложения. Военный налог имел и такую особенность: его размеры увеличивались на 50% для граждан, которые подлежали призыву в армию, но по тем или иным причинам оставались в тылу. Наряду с этим твердые ставки налога на селе в основном дифференцировались не в отношении отдельных плательщиков, а по республикам, областям, районам и даже отдельным селениям в зависимости от размеров доходов колхозного двора в связи с различным уровнем цен на сельхозпродукты и пр. В итоге увеличивалась и сумма налогового взноса, и численность налогоплательщиков. В целом военный налог составлял более половины всех налоговых поступлений от населения. Так, в 1944 г. из 37 млрд руб. налоговых сборов по военному налогу было получено 20,7 млрд руб.[95].

Изменения коснулись и действовавших до войны налогов, особенно на селе: в несколько раз увеличивались прежние нормы доходности по сельскохозяйственному налогу. В результате того же роста цены сильно отстали от фактически получаемых колхозниками доходов от личного хозяйства. Это видно из данных табл. 31.

Фактический доход превысил действовавшие в 1942 г. нормы доходности в 7–10 раз. По отдельным союзным республикам, например, Узбекской, Казахской и Киргизской, по сравнению с действовавшими нормами он возрос еще больше – в 10–15 раз. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1943 г. прежние нормы доходности были увеличены в среднем по СССР в 3–4 раза. Тем же указом вводились и новые условия дифференциации средних норм доходности по республикам и областям в зависимости от военной конъюнктуры, условий реализации продукции и т.п.

Если иметь в виду, что в большинстве регионов страны (за исключением зоны поливного земледелия) размер приусадебного участка официально был установлен в 0,2–0,3 га, то средняя доходность крестьянского хозяйства (исходя из табл. 31) при наличии коровы, двух овец (коз) и свиньи составляла в 1942 г. 13 600 руб., тогда как обло-

жение (по прежним нормам) не достигало и 6% дохода. После увеличения норм доходности в 3–4 раза сумма облагаемого прихода возросла от 2214 до 2952 руб. в год. Так что и в этом случае налоговые взносы составляли весьма щадящую сумму для крестьянской семьи. Введение военного платежа и пересмотр норм доходности по сельскохозяйственному налогу привели к отмене так называемого сельского культсбора как самостоятельного налогового платежа, который, в сущности, превратился в излишний придаток к сельхозналогу. Этот платеж был отменен в начале 1943 г.[96]

Таблица 31

Фактический и облагаемый доход с 1 га посева или с одной головы скота в 1942 г. (в среднем по СССР)*

Объект обложения	Фактически получаемый доход	Облагаемый доход по нормам	Облагаемый доход, % к фактическому доходу
Посевы сельскохоз. культур	16324	2378	14,6
В том числе			
зерновых	4794	707	14,8
картофеля	16202	2603	16,1
овощей	32255	3915	12,1
Коровы	5137	912	17,8
Овцы и козы	757	80	10,6
Свиньи	4453	323	7,3

* *Марьяхин Г.* Налоги с населения СССР в период Великой Отечественной войны // Науч. зап. Всесоюз. заоч. фин.-экон. ин-та. М., 1946. Вып. 1. С. 77.

С ростом налоговых поступлений развернулось широкое движение крестьянства в виде патриотических начинаний по сбору средств на вооружение, по подписке военных займов и т.д. На строительство боевой техники, например, крестьянство внесло не менее 12 млрд руб.; взносы по подписке превысили 30 млрд. Если даже исходить из того, что из общих сумм, поступивших за время войны от всего населения, взносы крестьянства составили только половину, то и в этом случае они равнялись 70 млрд руб.[97]. Фактически они были значительно выше. Но пожертвования не только выполняли прямые задачи военного финансирования, но и содействовали устойчивости денежной системы страны.

Таким образом, материальное положение крестьянства, несмотря на всю чрезвычайность военной обстановки, определялось прежде всего его местом и ролью во всей системе социалистической мобилизационной экономики. Перестройка жестко сместила не толь-

ко акценты, но и во многом саму суть в соотношении общественного и личного в жизни колхозников, в масштабах и формах товарно-денежных отношений между городом и селом. Из-за резкого сокращения товарной массы до предела сузилась сфера централизованного государственного снабжения населения, особенно сельского. Практически вся продукция общественного хозяйства колхозов шла на восполнение ограниченных возможностей государства, обеспечение нараставших потребностей фронта. В связи с этим небывало поднялась роль личного хозяйства крестьян. Одновременно на передний план выдвинулись обменно-вещевые (иногда с участием денег) отношения колхозного рынка с его известными негативными сторонами.

Но война не поколебала главного. Этим главным и ведущим оставалось общественное хозяйство колхозов. Несмотря на низкую оплату труда, оно давало подавляющую часть продукции сельского хозяйства, взяло на себя основную долю сельских налоговых платежей и дополнительных отчислений в пользу государства. Это хорошо видело и понимало крестьянство, и поэтому на протяжении всей войны его трудовое участие в коллективном производстве все время росло.

Оно осознавало, что именно от меры добросовестности в колхозном труде зависели и разного рода льготы, и помощь крестьянам в содержании их личного хозяйства: обработка участка, предоставление транспорта, снабжение сеном и дровами, выделение дефицитных товаров через потребкооперацию, оказание материальной помощи и др. В итоге само право на приусадебный участок, нередко и на его некоторое увеличение против уставных норм, представляло своего рода совокупный материальный стимул для колхозников, меру доброго отношения односельчан.

Повышение роли личного в материальном обеспечении крестьянства не изменило, конечно, его принципиального места в колхозных отношениях. Превращение подсобного хозяйства в основной источник личного дохода при ведущем значении коллективного труда и ответственной сознательности крестьянства обусловило, повторимся еще раз, усиление его общественных функций, равно как и повышение внимания к нему со стороны государства и сельской общественности. Специфичность военных условий не принижала важности накопленного в том опыта.

Тяжелое материальное положение колхозников неизбежно вело к ухудшению их питания. Оскудение крестьянского стола было вызвано не только общим ослаблением производства, но и стремлением колхозников как можно больше дать для фронта продовольствия не только в виде обязательных заготовок, но и многочисленных добровольных отчислений за счет ограничения собственного потребления. Часть ограничений стала неизбежной в связи с продажей далеко не

лишнего продовольствия на колхозном рынке, о чем подробно говорилось выше. Но и это не все. В первые военные годы, когда не было еще развернуто огородничество горожан, драгоценную долю продуктов они получали с тех же приусадебных участков их сельских родственников. Крестьянский дом отца или деда вновь, как в былые времена, становился надежной опорой для всех его выходцев, прежде всего для детей и подростков.

На счету колхозников были каждый килограмм зерна и картофеля. Да и выбор питания стал намного беднее. Небольших припасов хлеба с трудом хватало до начала лета. Выручали добавления в виде сырого и тертого картофеля, отрубей и даже жмыхов. В 1,5–2 раза уменьшилось потребление мяса и яиц. С крестьянского стола почти полностью исчезли такие продукты промышленного производства, как сахар, кондитерские изделия. Вместо них все больше употреблялся сахарин, полученный в обмен на картошку, или обжаренная свекла, а заваркой вместо чая служили фруктовая смесь, настои из листьев и трав, желуди.

Основными продуктами питания стали картофель, овощи и, к счастью, молоко, потребление которых даже возросло. Картофель и овощи в какой-то мере восполняли недостаток белков и углеводов. Картофель реже с молоком, а чаще с луком, огурцом или грибами – таков крестьянский стол военных лет. Крахмальный, тем более овсяный кисель стал праздничным блюдом. В южных районах СССР ассортимент питания был, естественно, разнообразнее. В других же местах нередко случалось и так, что к маю–июню не оставалось и картошки. Тогда в пищу шли свекольный лист, крапива, лебеда, разного рода коренья, щавель.

Предельное ухудшение материального положения крестьянства отразилось на всех сторонах его быта и культуры, на всем укладе жизни колхозного села. В предвоенные годы после спада в жилищном строительстве, вызванного отливом сельского населения в города, вновь оживилось возведение новых крестьянских домов. За 12,5 лет до начала войны в деревне было построено 2,7 млн домов[98]. Перестраивались и ремонтировались прежние жилища, избы и хаты начали делить перегородками на несколько комнат. Разнообразилось убранство, приобреталась новая утварь, одежда. Колхозная жизнь вносила новые атрибуты во внешнее оформление крестьянских изб, палисадников, околиц, улиц, селений. С началом войны капитальное жилищное строительство было остановлено: не стало мужских рук, возникли трудности с транспортом, строевым лесом и другими материалами. Сказывались также уменьшение заселенности колхозных дворов и необходимость экономии топлива. Для женщины-крестьянки не только ремонт крыши или печного дымохода, но даже замена обычного оконного стекла оборачивалась непосильным делом.

Традиционный жилищный крестьянский простор с его надворными постройками, чердаками и сеновалами в летнее время неизбежно менялся в зимние холода, когда ради тепла закрывались даже вторые комнаты. Верную службу несла старинная русская печь. На ней не только готовили пищу – она служила главным источником тепла, постелью для хозяев дома и гостей, а когда нужно, она становилась баней, обогревала подполье, сушила зерно, овощи, одежду, принимала под себя молодой приплод с подворья*.

Редко в крестьянской избе горела керосиновая лампа, да и то по особым случаям. Лишь к концу войны в отдельных селениях вновь стали появляться мерцающие электрические лампочки. В освобожденных от врага районах зачастую пользовались лучиной. Поэтому и у сельских школьников, и у женщин-колхозниц военной поры наблюдалась необычная для них прежде близорукость зрения. Вернулись в быт ручные мельницы-самоделки, кортофелетерки, примитивные прялки, дедовские ступы, кресала, оживилось старое ремесло, восстанавливались домоткаческие навыки.

Изменился и внешний облик жилья. Потускнели некрашеные наличники, появились заколоченные рамы. Вместо цветов перед домом стали сажать картошку, овощи, табак. На стенах домов, общественных построек, у околиц сел висели призывные плакаты и лозунги о всемерной помощи фронту. В прифронтовых областях виднелись дозорные вышки, стояли бочки с песком для тушения зажигательных бомб, повсюду села, деревни, фермы и поля охраняли вооруженные ночные обходы.

Ватная стеганка (реже полушубок собственной выделки), хлопчатобумажные шаровары, ручной катки валенки да галоши довоенного производства – такой выглядела одежда крестьян осенне-зимнего сезона. Летом было проще – донашивали старую одежду любого размера, недавние солдатские гимнастерки, для подростков приспосабливали отцовские вещи. То есть в среднем цена одного кубометра дров покрывалась рыночной ценой одного килограмма картофеля, а килограмма мяса было достаточно, чтобы обеспечить крестьянский двор отоплением на весь осенне-зимний период.

---

* Коль речь зашла о печи – уместно сказать и о дровах. На селе, особенно в лесных зонах с колхозным лесопользованием в них, как правило, неразрешимых проблем не было. Здесь дрова фактически доставались бесплатно. Трудности были с транспортировкой – но и здесь выручал колхоз. В степных районах дело обстояло сложнее – сказывались узкие места железнодорожного подвоза. Тут действовали и реальные государственные цены, но традиционно низкие для российских реалий, особенно в современных сравнениях. Так, в 1943 г. кубометр дров в зависимости от зоны страны стоил от 4 до 33 руб. (РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 448. Л. 25–26), тогда как цена одного килограмма картошки, например, в г. Серпухове Московской области колебалась от 15 до 25 руб., а говядины – от 180 до 400 руб. (Там же. Ф. 7971. Оп. 5. Д. 60. Л. 32).

Примечания

[1] *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 322; АМСХ СССР. Оп. 496. Св. 453. Д. 9. Л. 12, 16, 20; Оп. 484. Св. 620. Д. 63. Л. 12, 16, 14.
[2] См. об этом: Ист. арх.. 1962. № 6. С. 26–27.
[3] АМСХ СССР. Оп. 496. Св. 139. Д. 27. Л. 14.
[4] Там же. Л. 14–15.
[5] *Анисков В. Т.* Колхозное крестьянство Сибири и Дальнего Востока – фронту... С. 145.
[6] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 411.
[7] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны... С. 369.
[8] Народное хозяйство СССР за 60 лет; Стат. ежегодник. М., 1977. С. 44; Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 52.
[9] Ист. арх. 1962. № 6. С. 27. Подсчитано по: АМСХ СССР. Оп. 496. Св. 136. Д. 27. Л. 11.
[10] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 212. Л. 10.
[11] За семь месяцев 1945 г. из деревни на постоянную работу в промышленность, школы ФЗО и РУ Комитетом по учету и распределению рабочей силы было мобилизовано не менее 846 тыс. человек. См.: *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 428.
[12] Ист. арх. 1962. № 6. С. 27.
[13] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1963. Т. 2. С. 499; *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в Отечественной войне. М., 1948. С. 109–110; *Арутюнян Ю. В.* Указ. соч. С. 397–398.
[14] РГАСПИ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 211. Л. 38–41; Д. 207. Л. 8–10.
[15] Подсчитано по: *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 397–398.
[16] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 56–57.
[17] *Кравченко Г.С.* Военная экономика СССР, 1941–1945. М., 1963. С. 219.
[18] *Митрофанова А.В.* Указ. соч. С. 447–449.
[19] Там же. С. 428.
[20] Подсчитано по: Народное хозяйство СССР за 60 лет... С. 461; Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы, 1946–1970. М., 1972. С. 53, 55. Численность крестьян за 1937 г. дана на начало года.
[21] 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 479.
[22] Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1970. С. 247.
[23] Большевик. 1944. № 5. С. 34.
[24] *Бенедиктов И.* Сила и жизненность колхозного строя // Соц. сел. хоз-во. 1945. № 10. С. 7.
[25] Подробнее о подготовке механизаторских и других кадров сельского хозяйства см. в начале второй главы настоящего издания.
[26] Народное хозяйство СССР в 1968 г.: Стат. ежегодник. М., 1969. С. 454; Советская экономика в период Великой Отечественной войны... С. 256.
[27] Соц. сел. хоз-во. 1945. № 11/12. С. 20; *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972. С. 244.
[28] *Лихоманов М.И.* Хозяйственно-организаторская работа партии в деревне в первый период Великой Отечественной войны, 1941–1942. Л., 1975. С. 90; РЦХИДНИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 5. Л. 167; *Вылцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя, 1945–1958. М., 1976. С. 48.
[29] Ист. арх. 1962. № 6. С. 23; Подсчитано по: АМСХ СССР. Оп. 496. Св. 139. Д. 27. Л. 6.
[30] Там же.

[31] Ист. арх. 1962. № 6. С. 24.
[32] Там же.
[33] Там же.
[34] Там же. С. 20, 26.
[35] *Любимов А.В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 14; Народное хозяйство СССР в 1974 г.: Стат. ежегодник. М., 1975. С. 269, 285.
[36] Промышленность СССР: Стат. сб. М., 1964. С. 42–43, 406–411; Народное хозяйство СССР в 1974 г. ... С. 269, 281, 285.
[37] История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 457.
[38] *Любимов А.В.* Указ. соч. С. 53, 55.
[39] Там же. С. 41–43.
[40] 40 лет советской потребительской кооперации, 1917–1957. М., 1957. С. 83.
[41] История социалистической экономики... Т. 5. С. 463.
[42] Там же. С. 477.
[43] 40 лет советской потребительской кооперации... С. 86–87.
[44] РГАЭ. Ф. 484. Оп. 9. Д. 1102. Л. 3.
[45] Там же. Оп. 8. Д. 1068. Л. 136.
[46] 40 лет советской потребительской кооперации... С. 90–91.
[47] РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 2. Д. 192. Л. 258.
[48] РГАЭ. Ф. 484. Оп. 9. Д. 1063. Л. 59.
[49] РГАЭ. Ф. 484. Оп. 9. Д. 1063. Л. 22.
[50] Там же.
[51] Там же. Л. 27.
[52] Там же. Л. 36.
[53] 40 лет советской потребительской кооперации... С. 83.
[54] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 67. Л. 38, 149, 151.
[55] Там же. Л. 11–14.
[56] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 67. Л. 14.
[57] Там же. Д. 164. Л. 90–91.
[58] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 164. Л. 92–93.
[59] Там же. Л. 89, 90, 91, 92 и др.
[60] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 164. Л. 95–96.
[61] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 292. Л. 43.
[62] Там же. Л. 44.
[63] Там же. Д. 164. Л. 94.
[64] Там же. Д. 220. Л. 40.
[65] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 86. Л. 69.
[66] РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 448. Л. 57.
[67] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 346. Л. 114.
[68] Там же. Л. 4.
[69] *Салямов Д. А.* Дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства Узбекистана в условиях Отечественной войны // Учен. зап. Наманган. пед. ин-та. 1964. Вып. 5. С. 85.
[70] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 340.
[71] Народное хозяйство СССР за 60 лет... С. 491.
[72] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 341.
[73] РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 175. Л. 2; бывш. ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3451. Л. 107–122.
[74] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 336.
[75] АМСХ СССР. Ф. 21. Оп. 1. Св. 2. Д. 44. Л. 227.
[76] Там же. Оп. 32. Св. 3. Д. 26. Л. 153; Оп. 1. Д. 40. Л. 121; Д. 44. Св. 2. Л. 137.
[77] Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967. С. 81.

[78] Там же. С. 82.
[79] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 349.
[80] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 292. Л. 52.
[81] Там же. Л. 52, 60.
[82] Там же. Л. 39.
[83] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 292. Л. 69.
[84] КПСС в резолюциях... 7-е изд. М., 1953. Ч. II. С. 941.
[85] *Бердяев Н.* Судьба России. М., 1990. С. 34.
[86] К концу войны из 26 364 выборочно обследованных колхозов тыловых областей страны лишь 83 колхоза (0,31%) выдавали на трудодни мясо, 553 (2,1%) – молоко, 445 (1,7%) – мед, 77 (0,3%) – шерсть. Даже картофель распределяли только в одной пятой хозяйств (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1384. Л. 7).
[87] Бывш. ЦГА РСФСР. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3459. Л. 30–45.
[88] РГАСПИ. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 1733. Л. 211–238.
[89] *Островский В.Б.* Указ. соч. С. 77.
[90] Там же. С. 81.
[91] *Балакаев Т.Б.* Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Алма-Ата, 1971. С. 297.
[92] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 129.
[93] Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. 6 июля; Правда. 1941. 4 июля.
[94] Правда. 1941. 30 дек.; Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. 12 января.
[95] История социалистической экономики... Т. 5. С. 505.
[96] Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. 16 янв.; СЗ СССР. 1938–1975. Т. 1. С. 589.
[97] Подсчитано по: *Плотников К. Н.* Очерки истории бизнеса Советского государства. М., 1955. С. 314.
[98] Народное хозяйство СССР в 1963 г.: Стат. ежегодник. М., 1965. С. 514.

Глава VII

ФИЗИЧЕСКАЯ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНСТВА

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ СЕЛУ

Плохое питание, недостаток одежды, зимняя скученность, перемещение потоков эвакуированного населения и спецпереселенцев, устройство непривычного к сибирским и уральским холодам пополнения по призывам из Средней Азии, встречная межотраслевая людская миграция, стихийное и регулируемое межрегиональное движение голодающего населения, переключение медико-санитарной службы, включая кадры, на неотложное обслуживание полевых и тыловых госпиталей – все это необычайно усилило опасность всякого рода инфекционных заболеваний и эпидемий, которые хорошо помнила российская деревня со времен Первой мировой и гражданской войн.

Кроме этих причин, была еще одна – резкое изменение половозрастной структуры населения. К концу 1943 г. в связи с различными мобилизациями и призывами доля женщин, нетрудоспособных колхозников и подростков в колхозах СССР возросла до 52,6% против 36,9% на начало 1941 г. В колхозах Сибири даже к концу войны, когда демографическая ситуация несколько улучшилась, оставалась лишь четвертая часть довоенного трудоспособного мужского населения, на 7,4% уменьшилась эта категория и среди женщин. В регионе насчитывалось 1321,1 тыс. трудоспособных крестьян обоего пола – лишь 31,1% от всего наличного населения колхозов против 44,9% на начало 1941 г. А это значит, что 68,9% колхозного населения[1] составляли нетрудоспособные крестьяне преклонного возраста, преимущественно женщины, а также подростки и дети.

Не изменили возрастную структуру сельского населения и прибывшие по эвакуации. В той же Сибири к началу 1943 г. примерно 55% всех эвакуированных составляли нетрудоспособные и дети[2]. А если учесть, что именно эта категория мигрантов направлялась прежде всего в сельские районы, то ее доля и среди всего наличного сельского населения могла быть примерно такой же, что и в колхозах. Следовательно, к началу 1945 г. в числе 7689,3 тыс. человек все-

го сельского населения Сибири (не только колхозного*) насчитывалось 5385,6 тыс. стариков и детей, т.е. тех групп, которые наиболее подвержены заболеваниям, тем более в экстремальных условиях.

Сложнейшая демография поначалу не сопровождалась ощутимым улучшением медико-санитарного обслуживания населения. Лучшие медицинские кадры были призваны в армию. В тыловые и полевые госпитали направлялась основная часть лекарственных средств и медицинских препаратов. В пользу тех же госпиталей перераспределились и соответствующие помещения. Большой урон медицинской промышленности нанесла оккупация западных районов. Многие предприятия и смежники, а также медицинские учебные заведения оказались разбросанными по дорогам войны. Действовавшие ранее организационные структуры во многом не отвечали небывалой чрезвычайной ситуации.

Самой первой неожиданностью стали огромные перемещения людей, особенно в ходе эвакуации. До февраля 1942 г. в тыловые районы было эвакуировано 12,4 млн человек, а во время второй волны эвакуации летом 1942 г. на новые места прибыло еще 8 млн[3]. К этому надо добавить значительную часть неучтенных переселенцев и тех, которые «инициативным» способом перемещались в последующие регионы по мере продвижения линии фронта. В итоге общее число снявшихся с мест людей приближалось к 28–30 млн человек, что равнялось средней по численности населения европейской стране того времени и значительно превышало то количество русских граждан СССР, оставшихся за пределами России после ликвидации Советского Союза.

При этом число эвакуированных не шло ни в какое сравнение с масштабами беженцев времен первой мировой войны (организованная эвакуация тогда осуществлялась лишь в особых случаях и в рамках европейской части России). В Сибирь, например, в 1914–1916 гг. переместилось только 63–65 тыс. разного рода беженцев[4], тогда как с июля 1941 по декабрь 1942 г. почти такое же число эвакуированных прибывало сюда ежемесячно. По нашим подсчетам, в общей сложности (включая более 300 тыс. спецпереселенцев и неорганизованные поступления) за годы войны Сибирь приняла около 1,5 млн человек – более 12% общей численности населения тех ее районов (к переписи 1939 г.), в которые в годы войны прибывали эвакуированные и переселенцы[5]. При этом из числа всех официально поступивших около 53% изначально направлялись в деревню. А если к

---

* Общая динамика численности сельского населения Сибири за военные годы выглядела так (в тыс. чел. на начало года и в% к городскому населению): 1941 г. – 10006,5 (66,9%), 1942 г. – 9949,8 (64,8%), 1943 г. – 9366,2 (62,4%), 1944 г. – 8359,0 (59,4%), 1945 г. – 7689,3 (56,7%). См.: *Алексеев В.В., Исупов В.А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986. С. 80.

этому добавить упомянутое выше число спецпоселенцев, которые в абсолютном большинстве размещались в отдаленной сельской местности, то доля прибывших сюда мигрантов составит не менее 60–65% поступивших в регион.

Хорошо известно, в каких условиях, какими темпами и какими способами перебазировались за Волгу и за Урал миллионы людей. Если для части эвакуированных поспешное снятие с мест диктовалось стремительно надвигавшимся фронтом и мало чем отличалось от бегства с подручными узлами, то для всех без исключения усугублялось методами морального и имущественного понуждения. Хотя, конечно, далеко не так или вовсе иначе, – как чаще всего с нажимом это расписывается в современных публикациях, в том числе по поводу депортации Чечено-Ингушетии*, а также АО немцев Поволжья, Калмыкии и др. Тем не менее по мере того, как самые разнородные потоки, бравшие начало от Прибалтики и Ленинграда до Молдавии, Кавказа и Нижнего Поволжья, сливались в немногие железнодорожные магистрали, ведущие на Восток, все очевиднее становилось, в каком неслыханном людском водовороте нежданно оказался народ.

---

* Тема о депортированных народах настолько остра и актуальна, что всегда влечет к себе даже вне сюжетных ассоциаций, тем более о Чечено-Ингушской АССР, ставшей воистину непреходящим крестом России. И все же несомненный произвол военных лет не был столь жесток и безграничен, как теперь его нам хотят представить. Перед нами вновь информация-объективка в ЦК (о ней уже шла речь выше в несколько ином соотношении. Да и подобные повторения лишь облегчат «участь» читателя). Еще раз из нее: во время выселения в республике работало 40 районных и 440 сельских комиссий по сбору, учету и оформлению принятого от населения скота, продуктов, имущества в составе 3 тыс. человек. Для обслуживания одного скота из соседних регионов было мобилизовано 26 тыс. человек, в том числе 8 тыс. колхозников. Кроме них, охранные мероприятия осуществляли 9 тыс. бойцов запасной учебной бригады. В итоге было принято 208 тыс. голов крупного рогатого скота, 213 тыс. овец и коз, 36,8 тыс. лошадей и волов, 4,5 тыс. ослов, 33,6 тыс. т зерна кукурузы, 3,2 тыс. т картофеля, 130 т шерсти, 48 тыс. шт. кож. Официально оформлялось и принималось жилье. Переселенцы получали на руки квитанции на все сданное за вычетом недоимок по заготовкам прошлых лет (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 277. Л. 3). О подобных мерах государственной ответственности и реализованных затем гарантиях российские беженцы из западных районов СССР и из стран СНГ 90-х годов могли только мечтать. А ведь шла Великая война. Да и меры организованности переселения оказались куда более сносными, чем в ходе общей эвакуации из оккупированных вскоре территорий Советского Союза.

А вот информация «с другого конца», – из «Справки Новосибирского обкома ВКП(б) о работе среди немцев Поволжья», депортированных в Новосибирскую область. На октябрь 1941 г. сюда было переселено 120 тыс. человек, в основном в колхозы и совхозы. Разместили в свободных сельских домах и в виде «уплотнения». К тому времени уже большинство владевших русским языком детей устроили в школы. Взрослых подключили к работе в колхозах. Приведены конкретные примеры их хорошего трудового участия. И что важно подчеркнуть, была начата выплата компенсации за сданное имущество по месту прежнего жительства, в первую очередь за зерно (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 71. Л. 23–27).

Данные санитарной статистики подтверждают, что подавляющее большинство случаев заражения остроинфекционными болезнями происходило именно во время массового движения населения, в местах его особенного скопления – на железных дорогах, пристанях, в переуплотненном транспорте и т.п. Особенно, когда для перевозки использовались неприспособленные товарные вагоны, грузовые баржи, открытые автомобили, доступные всем ветрам и пыли повозки. А если еще учесть, что основная масса эвакуированных оказалась без зимней одежды, обуви и променявшей свой скарб на продукты питания, что среди бежавших от войны было много больных и истощенных, например, ленинградцев, уже пораженных инфекциями людей фронтовых и блокадных мест, то опасность неотвратимого цепного распространения заразных заболеваний эпидемической формы оказалась более чем велика.

Самым тяжелым со зловещими признаками нависшей беды стал осенне-зимний период 1941/42 гг. На транспорте всюду не хватало санитарных узлов, кипяченой воды, не говоря уже о соответствующей медико-санитарной службе. Переуплотненность вокзалов и пристанционных территорий усугублялась массовыми смешениями со встречными воинскими эшелонами, с населением прилегавших районов. Зачастую тут же на узловых станциях проходили захоронения умерших раненых и инфекционных больных. Все это создавало реальную угрозу цепного распространения заболеваний, особенно сыпного тифа, не только среди населения тыловых областей, но личного состава армии. Ситуация стремительно подвигалась к неуправляемости и потому требовала решительных мер на всех уровнях. Из тыловых районов наибольшая заболеваемость тифом, наряду с Уралом и Предуральем, отмечалась почти во всей Западной Сибири, особенно в Омской области и на Алтае[6], а также в Красноярском крае, в Поволжье – в Саратовской области.

Уже 30 июня 1941 г. нарком здравоохранения СССР Г.А. Митерев* утвердил «Положение о медико-санитарном обслуживании на-

---

* Митерев Георгий Андреевич (1900–1977) – видный государственный деятель. Член КПСС с 1928 г. Окончил Самарский государственный университет (1925 г.). В 1939–1947 гг. – нарком, затем министр здравоохранения СССР. Обладавший незаурядным организаторским талантом, успешно возглавил осуществление экстремального комплекса мер по развертыванию военных госпиталей, благодаря которым до 70% раненых бойцов возвращались в строй, по пресечению возникновения массовых эпидемий в условиях эвакуации огромных масс людей, по поддержанию медико-санитарного благополучия в тылу и на освобожденной территории. В 1947–1954 гг. – директор НИИ санитарии, в 1954–1971 гг. – председатель исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, тремя орденами Трудового Красного Знамени. Перед нами один из тех примеров, когда государство и общественность вновь должны бы вернуться к должному увековечиванию памяти героев фронта и тыла. Соч.: В дни мира и войны. М., 1975.

селения, эвакуированного из угрожаемых районов»[7], которое предусматривало осуществление целого комплекса противоэпидемических мер совместными действиями органов Всесоюзной государственной санитарной инспекции и санитарной инспекции транспорта на местах отправки, в пути следования и прибытия. После создания Государственного Комитета Обороны вся предопределяющая противоэпидемическая деятельность концентрировалась в этом высшем, ставшим чрезвычайном органе, а Г.А. Митерев был назначен уполномоченным ГКО со всеми чрезвычайными обязанностями и правами.

В соответствии с тем же «Положением» каждый поезд должен был иметь свой медицинский персонал, который назначался в местах отправки территориальным отделом здравоохранения в составе врача и вспомогательных лиц в следующем соотношении: на эшелон до 300 человек – фельдшер, от 300 до 500 – врач и медсестра, от 500 до 1000 – врач, фельдшер и медсестра, свыше 1000 – вторая медсестра. На пути движения эвакуированных создавались эвакопункты, работавшие по централизованному плану на всех этапах эвакуации.

По требованию Всесоюзной госсанинспекции и ее местных структур органы прокуратуры и суда сняли с работы за допущенную антисанитарию и осудили к разным срокам лишения свободы ряд руководителей нескольких железных дорог, а в апреле 1942 г. такие же санкции были применены и в отношении начальника транспортного управления НКПС. Произошла смена руководства и главного сануправления путей сообщения, которое теперь возглавил генерал-майор медицинской службы Соколов. На важнейшие 24 транспортных узла страны, в том числе в Горьком, Перми, Свердловске, Омске, Красноярске Новосибирске, Ярославле, были командированы уполномоченные Всесоюзной санинспекции. Подчиненные центру, они получили полномочия «применять жесткие меры путем наложения штрафов и привлечения через органы прокуратуры к строгой ответственности лиц, виновных в невыполнении санитарных требований на транспорте»[8].

Жесткие требования сочетались с оперативными мерами по созданию хотя бы элементарных медико-санитарных условий на железной дороге. На всех узловых станциях и вокзалах Транссибирской магистрали и ее ответвлениях, через которые проходили основные потоки эвакуированных, были созданы службы с широким подключением местной общественности. В эти службы входили санитарно-контрольные, обсервационные и изоляционно-пропускные пункты. Заболевшие в пути получали неотложную медицинскую помощь, в тяжелых случаях снимались с поездов и госпитализировались. Приводилась в порядок продажа продуктов горячего питания, на каждой станции пассажир мог запастись кипяченой водой. Под особым присмотром находились дети. Не стало захламленности, службы стали дейст-

вовать с большей слаженностью. О всех результатах оперативно, как и требовалось, докладывалось в наркоматы путей сообщения и здравоохранения. Уже к лету 1942 г., т.е. ко второй волне эвакуации, эпидемиологическая обстановка на транспорте стала улучшаться[9].

Вслед за транспортом, как и ожидалось, поначалу быстро поднялась заболеваемость в местах массового размещения эвакуированных, в том числе в сельской местности. В Западной Сибири заболеваемость сыпным тифом достигла максимума к апрелю 1942 г., а к концу того же года начался значительный рост дифтерийных и дизентерийных вспышек. Наиболее опасным стал сыпной тиф, который и в последующем угрожал возвратными вспышками. Так было, например, на Алтае, где с осени по декабрь 1943 г. число тифозных больных вновь возросло со 173 до 538. Более других пораженными стали именно Алтайский, Карасукский, Марушинский, Старо-Бардинский, Тальменский и Шипуновский районы края, оказавшиеся сильно переуплотненными. Предотвращением начавшейся было эпидемии занималась созданная чрезвычайная комиссия, действия которой координировал уполномоченный Наркомздрава СССР. В названные районы незамедлительно прибыли 32 уполномоченных крайздрава и 10 эпидбригад. Заболевшие в суточный срок в обязательном порядке проходили обработку в санэпидстанциях, а для остального населения срочно построили 1418 дополнительных дезокамер. Столь экстренные меры позволили быстро остановить угрозу[10].

Подобные вспышки не были единичными – они возникали в разных районах страны, в том числе в Московской, Тульской, Калининской областях, а также в Татарской АССР и Узбекской ССР. Потому потребовалась единая, хорошо организованная, а главное – эффективная служба сохранения санитарно-эпидемического благополучия со всеми элементами быстрого реагирования, подкрепленная правовыми, организационными и материальными мерами. Такая служба и была создана в ходе реализации постановления ГКО от 2 февраля 1942 г. «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии» и ряда подзаконных актов центральных и местных органов в его развитие. Только СНК РСФСР в 1942 г. принял 17 постановлений по различным медико-санитарным вопросам и территориям в связи с выполнением указаний ГКО и правительства СССР[11].

Во всех субъектах СССР начали результативно действовать чрезвычайные противоэпидемические комиссии. Для оперативной информации о положении на местах в наркомздравах Советского Союза были образованы специальные конъюнктурные группы с круглосуточным дежурством. Региональные здравотделы и комиссии ежедневно сигнализировали в центр о положении с заболеваемостью, как минимум, по трем наиболее опасным позициям – сыпному тифу, брюшному тифу и дизентерии. Это же по своей подчиненности дела-

ли и райздравотделы. Каждый месяц в противоэпидемическое управление наркомздравов Союза и республик поступали конъюнктурные обзоры о текущей ситуации. С 1942 г. это управление впервые за свое существование получило право на правительственную внеочередную телефонную связь с регионами. В ее составе стали действовать специальный отдел особо опасных инфекций, группа по контролю за исполнением директивных распоряжений и отдельное подразделение по подготовке эпидемиологических кадров[12]. Тем самым, в сущности, новая санэпидемиологическая служба в самом первом приближении стала отвечать чрезвычайным условиям войны.

Непреходящую сложность все годы войны представлял вопрос о медицинских кадрах. Причем, пожалуй, не столько в их абсолютной убыли, сколько в постоянном движении. На первых порах уход медицинских работников в армию в тыловых районах был не только восполнен, но даже перекрыт встречным их прибытием по эвакуации. В Алтайском крае и Омской области, например, количество врачей в 1943 г. по сравнению с довоенным периодом возросло на 60%, в Красноярском крае – на 30%[13]. То же наблюдалось в республиках Средней Азии. Но профиль их специализации далеко не соответствовал местным потребностям, особенно в терапевтах, хирургах, эпидемиологах, санитарных работниках. Тем более что издержки неплановых поступлений по эвакуации затем усугубились неизбежным отливом кадров в освобождаемые районы. В итоге в 1943–1944 гг. обеспеченность врачами даже в областных центрах упала до 85%, не говоря о сельских больницах и участках[14].

На первых порах выручало совместительство, подкрепленное широкой системой подготовки, переподготовки и инструктирования кадров. При возросших материально-финансовых трудностях ежегодно проводились зональные и межрегиональные семинары-совещания по важнейшим вопросам медико-санитарной деятельности на местах. В 1942 г. такое совещание, помимо 8 других кустовых сборов, было проведено в Новосибирске, а в 1943 г., наряду с совещаниями в Москве, Куйбышеве, Свердловске и Грозном, оно состоялось и в далеком Иркутске[15]. Аналогичные оперативно-информационные мероприятия регулярно проводились на областном и районном уровнях[16].

Перспективные медицинские кадровые вопросы решались за счет высших и средних учебных заведений. В начале войны учебные заведения сумели организовать досрочный выпуск врачей и специалистов средней медицинской квалификации. Потом вузы перешли на ускоренные сроки обучения. Затем частично и полностью в 1943 г. по мере восполнения кадров вновь были восстановлены прежние профили подготовки врачей и нормальные сроки их обучения. В 1942–1943 гг. развернули необычайную по масштабам и эффективности работу по переквалификации медиков, для подготовки хирургов, ин-

фекционистов, эпидемиологов, санитарных врачей, в которых ощущался особый недостаток.

Начали действовать целевые краткосрочные курсы, к переквалификации врачей подключились научные институты, высшая медицинская школа, госпитали, больницы. Принимались ощутимые меры по улучшению материального положения медицинских работников – в 1942 г. им была повышена зарплата. Всего за годы войны в стране было выпущено свыше 200 тыс. специалистов-медиков, на курсах подготовлено 300 тыс. медсестер[16].

В сельской местности уже на начало 1943 г. насчитывалось 62,4 тыс. одних только медицинских работников со средним образованием[17]. Нарком здравоохранения Г.А. Митерев писал в ноябре 1944 г. в ЦК ВКП(б): «Правительственные планы набора в медицинские учебные заведения в годы войны, несмотря на отсутствие бронирования учащихся в них мужчин, из года в год перевыполнялись, достигнув в настоящее время довоенного уровня»[18]. В числе других средних медицинских учреждений он особенно высоко оценил деятельность училищ Иркутской области по подготовке медицинских фельдшеров и сестер. Именно это звено медицинской службы оказалось главным ее представителем в деревне. Сплошь и рядом, наряду с прямыми обязанностями, в каждодневном подвижничестве сельская медсестра выступала как в роли врача, так и санитарного инспектора, акушерки и больничной няни.

В среднем численность врачей в тыловых районах к 1944 г. по сравнению с 1940 г. возросла на 13%. В сельских районах на каждые 10 тыс. человек населения (без освобожденных районов) приходилось по 2 врача против 1,43 предвоенных. Наибольший прирост числа медицинских работников произошел, как уже отмечалось, в местах массового размещения эвакуированных. При этом в Таджикистане (в дополнение к приводившимся примерам) численность одних врачей возросла на 51,4%. В освобожденных же районах число сельских врачей было, разумеется, намного меньше довоенного: в Белоруссии (в конце 1944 г.) – почти наполовину, на Украине – на 25%, в Молдавии – на треть.

Примерно три четверти сельских врачей составляли женщины в возрасте 30–40 лет. Но почти половину (48%) – недавние выпускники вузов, имевшие менее чем 5-летний стаж. В 1944 г. на каждого сельского врача приходилось 7–8 человек среднего медперсонала. Кроме этого, с 1943 г. медицинские сестры и общественные санитарные инспектора (были и такие) готовились за счет колхозов. Они работали на колхозных медпунктах Красного Креста в подчинении заведующих сельскими врачебными участками или фельдшерскими пунктами.

В Калининской области в 1944 г. насчитывалось около 10 тыс. общественных инспекторов и почти половина из них – в освобожден-

ных районах. Здесь также для улучшения обслуживания сельского населения проводилась массовая кадровая подготовка медицинских сестер для колхозов и за их счет. В 1944 г. на таких курсах на базе районных больниц обучалось 800 человек. По решению облисполкома окончившие учебу сестры возвращались только в свои колхозы. За медицинское обслуживание им начислялась надбавка в размере 10–15% к заработанным трудодням. Руководили работой колхозных сестер и санинспекторов медицинские участки. Совместно проводились подворные обходы, санитарная обработка жилых и общественных помещений [19].

Общие итоги подготовки и восполнения убыли медицинских кадров за годы войны, в том числе для села, выглядели следующим образом. В тыловых районах помимо временного резерва из числа эвакуированного населения главным каналом поступлений врачей и других медицинских работников оставались высшие и средние учебные заведения. За 1941–1944 гг. вузы системы здравоохранения выпустили 63 663 специалиста: 58 265 врачей, 3227 стоматологов, 2170 фармацевтов. Это при том, что общее количество мединститутов в стране к 1942/43 учебному году сократилось из-за оккупации с 72 до 56. Но к июлю 1944 г. их число возросло до 65[20].

Очень эффективной оказалась деятельность по эвакуации, реэвакуации и восстановлению вузов на новых, затем и на прежних местах. К таким относились, например, Сталинградский, Воронежский, Киевский, Харьковский, Днепропетровский, Сталинский (г. Сталино) мединституты. Готовился к своему возвращению в начале последнего военного учебного года Белорусский институт, развернувшийся в качестве вуза-дублера в Ярославле. Да и отдельные той же судьбы мединституты оставили, как правило, на своих временных мостах самостоятельные филиалы-дублеры. К их числу относился тот же Киевский медвуз, сумевший за короткий срок в Челябинске организовать хорошую клиническую, учебную и научную базу, которая позволила после реэвакуации в Киев развернуть здесь новый крупный медицинский институт союзного значения.

Успешно действовали мединституты в блокадном Ленинграде, в осадной Москве, в прифронтовых Горьком и Баку, в поволжской Казани и в южно-уральском Чкалове, принявшем Харьковский медицинский. Все они многое сделали по организации работы военных госпиталей, по борьбе с эпидемиями, по освоению новых лечебных средств. И конечно, по подготовке медицинских кадров, в том числе для сельских районов. В приказах Наркомздрава за военные годы неоднократно отмечалась успешная деятельность средних медицинских учебных заведений – в Куйбышеве, Ярославле, Кирове, Иркутске, в Туркменской медицинской школе в Ашхабаде. Все правительственные планы набора студентов в высшие и средние медицинские заведения, несмотря на отсутствие в них бронирования мужчин от

военных призывов, неизменно перевыполнялись и в 1944 г. достигли довоенного уровня[21].

При всех трудностях в 1943 г. в сельских местностях насчитывалось 15 268 врачей против 13 027 в 1940 г. (без освобожденных союзных республик). Даже с начавшейся реэвакуацией 17-процентный прирост уменьшился в 1944 г. лишь до 8,9%. А по республикам Средней Азии и в этом случае прирост составил 27,5%, по закавказским республикам – 13,2% при 5,4% по РСФСР. И все же врачей (не только на селе) явно недоставало. В 1944 г. в целом по сельским районам СССР не была замещена 8461 врачебная должность. Выручало совместительство, при котором нагрузка каждого врача составляла в среднем по 2–2,5 ставки[22]. Многое ложилось на средний медицинский персонал, численность которого на начало 1943 г. превысила в сельской местности 62 тыс. человек. Это примерно равнялось его довоенному количеству, но составляло не более 65% потребности. При всем отменном подвижничестве медицинского персонала, его воистину доблестный труд нуждался в реальной поддержке. В том же году Наркомздрав СССР обратился в правительство, а то поддержало его предложение о распространении на всех сельских средних и врачебных работников льготы по снабжению продовольственными и промышленными товарами, которыми пользовались сельские учителя[23].

Это важно подчеркнуть в связи с тем, что среди сельских участковых врачей в 1944 г. почти 80% составляли женщины, обремененные, как правило, безраздельными заботами о доме, семье, своих родителях и делах. При этом 41% из них работал на своем участке до 2 лет и менее, 14% – от 2 до 3 лет и 29% – от 3 до 5 лет, т.е. подавляющее большинство сельских врачей (не менее 75%) стали ими и заняли свои должности в канун войны и в разгар ее. Средний возраст столь ведущей категории медицинских кадров колебался от 30 до 40 лет[24]. Именно этой, без сомнения, зрелой молодости оказались под силу те физические и психологические перегрузки, которые уготовила ей война.

О подвижничестве, основанном на уважении к человеку, среди врачей и учителей и до нас много и заслуженно сказано. Но еще раз особо подчеркнем это в отношении к сельскому медицинскому работнику. Здесь, тем более в войну, это прекрасное социальное явление выражалось не только в сущностной его емкости, но и в действительном, сплошь и рядом физическом проявлении – в постоянных перемещениях врача, фельдшера, медсестры, санинспектора, общественного санинструктора – от одного края сельского участка до другого, от одной деревни до другой, измеряемых десятками километров и более, из дома в дом в стужу и слякоть. И хорошо, если на лошадях и в должной одежде. Охрана, как ни странно, тогда не требовалась.

Как видно из табл. 32, число посещений врачами больных на дому по сельским участкам за время войны возросло более чем в 3, средним персоналом – в 2 с лишним раза. По СССР (без освобожденных республик) – соответственно почти в 3 и в 2,3 раза. Наибольшими эти показатели оказались в Туркменской и Узбекской ССР: среди врачей – 954 и 606%, среднего медперсонала – 662 и 403% от уровня 1940 г. Если взять только врачебные посещения на дому, то в 1944 г. наивысшие результаты дал Таджикистан – 3101%: свыше 3106 посещений против 13,4 тыс. предвоенных. Не менее разительны сравнения тех же показателей и с городскими участками, где в среднем по Союзу среди врачей они даже сократились на 6,4%, а среди сестринско-акушерских посещений увеличились с 10 921,5 тыс. до 16 645,1 тыс., или на 51,9%, хотя условия таких посещений были несравнимы.

Таблица 32

Число посещений больных на дому (в тыс. и % к 1940 г.)*

	Врачи				Средний мед. персонал			
	1940	1944	1945		1940	1944	1945	
			абс.	% к 1940			абс.	% к 1940
РСФСР (50 тер.)	1028,5	2915,3	3117,2	302,6	5617,2	11176,0	11490,0	205,2
Азербайджан	186,9	616,7	330,0	176,4	293,2	733,7	797,0	274,8
Грузия	365,4	614,8	168,2	46,0	355,3	628,9	730,2	208,5
Армения	103,9	146,3	140,8	135,4	178,8	265,1	316,5	175,5
Туркмения	26,6	67,4	253,8	954,1	134,5	888,7	860,0	661,5
Узбекистан	94,4	562,9	583,9	605,7	392,3	1471,8	1571,9	403,1
Таджикистан	13,4	56,6	416,2	3106,0	80,4	178,8	205,4	256,2
Казахстан	150,1	582,1	387,8	258,5	589,1	1545,7	1572,9	266,6
Киргизия	27,6	131,8	477,5	1370,0	94,7	335,8	250,8	264,2
Итого по селу	1999,0	5693,9	5875,4	293,9	7735,5	17225,5	17795,0	230,2
По городу	15793,0	13423,0	14785,5	93,6	10921,5	15233,5	16645,1	151,9

* РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 1950. Л. 26.

И еще один примечательный факт, касавшийся национального состава сельских врачебных участков. Даже среди их врачей в РСФСР русские составляли 75%. Что же до среднеазиатских и кавказских республик, за исключением Азербайджана, где 76% сельских

врачей представляли местные национальные кадры, последних насчитывалось буквально единицы. В Таджикской ССР имелся всего лишь один врач-таджик, в Казахской – 3% казахов, в Узбекской – 7% узбеков, а в Киргизии даже не было ни одного представителя коренного народа республики[25]. В городах и крупных населенных пунктах ситуация, разумеется, выглядела иной и в обратном соотношении. Подобные социальные «аномалии» рассматривались тогда в общем контексте исторической помощи «старшего брата» «младшему» и на этом не акцентировалось внимание. Но почему эта безответная помощь концентрировалась в глубинных районах названных республик, где находилось абсолютное большинство местных жителей, близкое к 100%? Трудно отбросить мысль о проявлении в данном случае того же местного национального эгоизма, укрывавшегося под знаком бескорыстного межнационального единения, в целом не подлежащего сомнению.

Помимо кадров в усиленной заботе нуждалась материальная часть здравоохранения. При всей скудости средств к 1944 г. расходы государства на здравоохранение и физкультуру по сравнению с 1940 г. возросли с 9 до 10,2 млрд руб.[26]. Хотя главное внимание, естественно, уделялось военно-госпитальной медицине, ни на один день не забывались и нужды гражданского обслуживания. На начало 1944 г., по данным девяти союзных республик, включая территории РСФСР, не подвергавшиеся оккупации, число амбулаторий и поликлиник возросло до 2826 против 2694 на январь 1941 г., или на 4,7%. В сельской местности этот показатель оказался еще выше – прирост на 7,2%, а в Узбекской и Казахской ССР это увеличение соответственно достигло 15 и 26%[27]. Число же развернутых больничных коек по тем же сельским тыловым регионам за то же время возросло на 10,7%, а их количество на 1000 жителей составило 2,24 против 1,51 на начало 1941 г.[28].

И общая обеспеченность сельских населенных пунктов всеми медицинскими учреждениями на уровне сельских Советов поднялось по СССР с 70,7% в 1940 г. до 79,9% в 1944 г. Самые высокие результаты по этому показателю при 77,1% по РСФСР были достигнуты в Таджикской (93%) и в Грузинской ССР (128%). Но небывалый охват сельского населения по средним и региональным показателям был обеспечен по линии санитарно-эпидемической структуры и службы. Число санэпидстанций на селе в СССР возросло за время войны с 202 до 1099: в РСФСР – со 137 до 848, в Узбекской ССР – с 8 до 108, Киргизской – с 1 до 46 и т.д. Количество дезпунктов увеличилось в целом с 413 до 803, санбаклабораторий – со 106 до 144; эпидотрядов – со 101 до 434, а дезкамер на селе – с 6694 до 14585. Кроме этого, по Союзу в целом действовало 11057 заново построенных дезинсекторов[29].

При особо заразных и опасных заболеваниях во всех обстоятельствах применялась полная госпитализация и санитарная обработка

больных. Это в первую очередь касалось паразитарных тифов, дифтерии, малярии, скарлатины. 100-процентной госпитализации подлежали, например, не только больные с трехдневным сроком заболевания тифом, но и все подозреваемые. В критические периоды, как это имело место зимой 1941/42 и в первую половину 1943 г. в Западной Сибири, число больничных инфекционных коек незамедлительно увеличивалось в 1,5–2 раза. Причем согласно приказу Наркомздрава СССР чрезвычайное развертывание таких мест в больницах должно было осуществляться с 10-процентным резервом к ожидаемой эпидемической вспышке[30].

Помимо госпитализации для всякого рода простудных и иных незаразных заболеваний в основном продолжал действовать довоенный порядок определения временной нетрудоспособности и лечения на дому. Для колхозников такой порядок был установлен совместной инструкцией Наркомздрава и Наркомзема СССР от 19 декабря 1939 г. В ней говорилось, что «справки об освобождении от работы по случаю временной нетрудоспособности... выдаются колхозникам заведующим сельским врачебным участком, врачом районной больницы, врачом специализированного амбулаторного учреждения, фельдшером, исполняющим обязанности заведующего сельским врачебным участком, на бланке лечебного учреждения с его печатью». Но в связи с острой нехваткой рабочих рук в первые годы войны на местах участились случаи несоблюдения этого порядка.

Поэтому 3 мая 1943 г. Наркомздрав СССР довел до сведения сельских лечебных учреждений указание, вновь подтвердившее действие прежней инструкции. Справки о временной нетрудоспособности выдавались на срок до полного выздоровления, но не более трех месяцев, при посещении больного 1 раз в 5 дней. Заведующий фельдшерским пунктом мог дать освобождение до 7 дней с последующим продлением врачом или правлением колхоза[31]. В итоге, несмотря ни на что, брало верх правило: «Война войной, а здоровье здоровьем!» К 1945 г. общее число посещений на дому в сельской местности по сравнению с 1940 г., как уже отмечалось, возросло почти в три раза, соответственно увеличилось и количество временных освобождений от трудовой деятельности[32].

Чрезвычайное значение приобрела массовая профилактика и ранняя диагностика. Повсюду и регулярно практиковался полный подворный обход, еженедельный санитарный осмотр школьников на завшивленность. Не только в городах, но и в колхозах и совхозах (в том числе на полевых станах и лесоучастках) были сооружены простейшие стационарные и передвижные дезкамеры, санизоляторы.

Отсутствие моющих средств и появление вшей вновь вызвало к жизни сооружение и таких крайне неблагозвучных, навсегда, казалось, ушедших в прошлое приспособлений, как вошебойки. Промыс-

ловые артели и потребительская кооперация наладили массовое изготовление памятных еще недавней деревне гребешков для вычесывания педикулезных паразитов.

В поле зрения массового медико-санитарного контроля практически оказалось все – жилище, надворные постройки, одежда, бани, скот, продукты, колодцы и другие источники воды, не говоря уже о свалках мусора и нечистот. С полей, оврагов и скотных дворов в периоды массового падежа скота его многочисленные трупы своевременно и с соответствующими предосторожностями свозились в места захоронений. Вся эта небывалая по масштабам, а главное, беспримерная и по результативности работа могла стать под силу лишь многократно умноженному активу санитарных помощников. К 1943 г. в каждой области, крае и республике насчитывалось в среднем около 5–6 тыс. общественных санитарных инспекторов[33].

В поле зрения столь огромной армии добровольных помощников постоянно находилась каждая крестьянская семья. С 1942 г. в сельских врачебных участках была восстановлена патронажная служба. Оперативнее других сработали в областях Восточной Сибири: здесь уже к концу 1942 г. она имелась во всех сельских врачебных участках и насчитывала не менее 400 патронажных сестер[34]. В профилактике заболеваний на первый план выдвинулись санитарная пропаганда и просвещение – от индивидуальных до групповых форм, от бессчетных устных бесед и лекций до броских призывных плакатов и лозунгов. Даже в учебные планы курсов по подготовке председателей колхозов в соответствии с совместным приказом Наркомздрава и Наркомзема СССР были включены обязательные занятия по профилактике и борьбе с инфекционными заболеваниями.

Незаменимым средством профилактики и лечения оставалось, естественно, широкое и своевременное применение лекарств, прежде всего, прививок. Оккупация и перебазирование предприятий медицинской промышленности лишь на первых порах вызвали сокращение производства лекарственных препаратов и их полуфабрикатов. Уже в 1942 г. в восточных районах страны был развернут ряд крупных предприятий-дублеров, численность которых в системе Главхимфармпрома по сравнению с 1941 г. возросла в 2 раза. Мощности по выпуску стрептоцидов против довоенных увеличились на 73,3%, по сульфидину – на 68,2%, по хлорэтилу – на 126%, по глюкозе – на 82,2%, по новокаину – на 20%, по препаратам висмута – на 181%. Если в первом квартале 1942 г. в системе Главхимфармпрома выпускалось 152 наименования препаратов, то в четвертом – 211[35]. Резко возросло производство витаминов – с 2,13 млрд ч/доз в 1940 г., 1,192 млрд в 1941 до 7,379 млрд в 1943 г., 17,958 млрд в 1944 и 25,801 млрд ч/доз в 1945 г.[36].

Массовой профилактике служило серийное производство бактериологических препаратов, в том числе более 20 новых – дизенте-

рийные фаги*, подкожная дизентерийная и сыпнотифозная вакцины, столбнячные анатоксины, вакцины против туляремии и др.[37]. Только в последний год войны для серопрофилактики дизентерии страна изготовила 1465 тыс. л соответствующего бактериофага против 270 тыс. л в 1941 г.[38]. Перевыполнялись даже резко повышенные планы производства препаратов, особенно институтами эпидемиологии и микробиологии. Так, в 1942 г. в России план выпуска тривакцины они выполнили на 116%, дизентерийных бактериофагов – на 135%, оспенного детрита – на 129%, коревой сыворотки – на 121%, моножидкой вакцины – на 157%, монофагов – на 141%, скарлатиновой сыворотки – на 130%, прочих фагов – на 127%, поливакцины – на 219% и т.д.[39].

Форсированное производство лечебных и профилактических препаратов обеспечило массовые прививки населения, которые охватывали сотни миллионов людей. Только за 1941–1943 гг. в стране было осуществлено 250 млн предохранительных прививок[40]. В РСФСР в 1943 г. инъекции против брюшного тифа получили 14,8 млн человек, а фагирование бактериофагом – 4,8 миллиона[41]. Самые радикальные меры принимались даже при единичных случаях особо заразных и опасных заболеваний – чумы, холеры, оспы. Несмотря на предельную локальность подобных случаев, в 1943 г. по приказу Наркома Г.А. Митерева срочно было изготовлено 34 тыс. л жидкой моновакцины, 1,5 млн монотаблеток и 55 тыс. л монофага и только по РСФСР проиммунизировано 389 тыс. человек[42].

В Омской области, которая стала своего рода воротами эвакуации в Сибирь и без принятия необходимых мер могла служить рассадником распространявшихся из прифронтовых областей инфекционных заболеваний, уже в 1941 г. было вакцинировано против брюшного тифа 119,1 тыс. человек, в том числе 81,6 тыс. в сельской местности. В Красноярском крае в 1941 и во второй половине 1942 г. была проведена 361,3 тыс. прививок от брюшного тифа, 228,9 тыс. от дизентерии; вакцинировано против оспы 182,2 тыс. и ревакцинировано 295,3 тыс. человек, против дизентерии – 11,4 тыс. и против кори – 10,6 тыс. человек. В Новосибирской области в 1945 г. общее число прививок составило более 800 тыс. Тем самым практически все население Сибири было охвачено различными видами вакцинации, что и предопределило настоящий успех в предотвращении эпидемий.

При этом нередко приходилось не только восстанавливать методы лечения и профилактики, казалось бы, исчезнувших болезней, но срочно овладевать способами борьбы с сугубо специфическими заболеваниями, порожденными условиями войны. Одним из них стала

---

* Фаги – вирусы, вызывающие разрушение микроорганизмов. В данном случае разрушение носителей заболеваний.

септическая ангина, получившая опасное распространение среди сельского населения, особенно в Сибири, Казахстане, Поволжье. Она вызывалась употреблением в пищу оставшегося в полях неубранного и проросшего зерна, пораженного болезнетворным грибком. Таких полей, особенно в 1943–1944 гг., оказалось немало, а голод все больше вынуждал людей прибегать к столь опасному питанию. К 1943 г. заболеваемость септической ангиной по сравнению с 1941 г. возросла в 25 раз, а к весне 1944 г. – в 346 раз[44].

Резко расширилась и ее география – с 5 до 33 регионов страны, прежде всего зерновых. Число зарегистрированных больных подскочило с нескольких сотен до 25 тыс. человек[45]. В Сибири септическая ангина наибольшее распространение получила в сельских районах Новосибирской, Омской областей и Алтайского края. Здесь доля соответствующих больных поднялась до 13–19% к числу всех пораженных инфекциями и уступала лишь сыпному тифу. Да и по смертности септическая ангина оказалась на втором месте (12,5% к числу заболевших), уступив лишь энцефалиту, оставив после себя даже тиф[46].

Столь высокая смертность, эпидемический характер заболевания во многом оказались следствием неготовности санэпидслужбы к такому недугу, особенно весной 1942 г. В результате в целом по РСФСР из 3000 заболевших умерло тогда 1000 человек, или 33%[47]. Но и в последующие военные годы наблюдались очень тяжелые вспышки септической ангины, особенно в Поволжье. В Саратовской области в 1943 г. было зарегистрировано 3000 случаев этого заболевания, из которых 690 (23%) оказались смертельными. В Ульяновской области из 4300 заболевших умерло 430 (10%). Принятые чрезвычайные меры предусматривали одновременное осуществление срочных научных исследований и выработку соответствующих рекомендаций, подготовку кадров и широкую пропаганду профилактики и методов лечения септической ангины, а также ряд организационных мер.

Была окончательно доказана прямая связь заболевания с употреблением в пищу перезимовавшего в поле зерна. В центре и на местах издали ряд работ и пропагандистских материалов о патогенезе, клинике, диагностике и эффективных методах его лечения. Осуществили оперативную подготовку кадров и их инструктирование, в опасные очаги поражения направили группы специальных медиков и санитарных врачей, выделили необходимые лекарства. Профилактическая работа охватила сотни тысяч людей[48].

В борьбу с септической ангиной включились все имевшие к ней отношение центральные и местные ведомства – Наркомздрава, Наркомзема, Наркомзага, государственных санэпидемических служб и санпищевого надзора. Правительство выделило значительное количество незараженного зерна и других пищевых продуктов в обмен на перезимовавший хлеб. Земледельческие органы конкретно уточни-

ли места ушедших под снег массивов зерновых, где только в 1944 г. было создано 4 тыс. обменных питательных пунктов с охватом свыше 150 тыс. человек. В 1944 и 1945 г. 2-миллионным тиражом ушла на места популярная брошюра о борьбе с септической ангиной. Энергичные, вызывающие восхищение упредительные и лечебные меры позволили быстро добиться перелома и взять ситуацию под контроль. К концу войны заболеваемость этой опасной болезнью сократилась в 217 раз[49]. Уже в 1944 г. доля госпитализированных больных септической ангиной среди всех прошедших инфекционные отделения РСФСР упала до 1,8% (114 человек), и даже в Сибири эта «чума» военных лет стала встречаться в единичных случаях[50].

Многое в преодоление кишечно-пищевых заболеваний и в смягчение голода внесла служба санитарно-пищевого надзора. Облеченная особыми контрольно-санкционными функциями, она бескомпромиссно боролась за здоровье людей. Вместе с санэпидемиологическими подразделениями эта служба только за 1942 и первую половину 1943 г. провела в тыловых районах 3 млн 450 тыс. медицинских обследований на предмет соблюдения санитарно-гигиенических требований к пищевым продуктам и их заменителям. Были закрыты по несоблюдению норм около 10 тыс. предприятий, 70 тыс. оштрафованы, против 2300 возбуждены уголовные дела[51].

Одновременно служба возглавила весьма актуальную по тем временам деятельность по определению санитарно-медицинских требований к производству и употреблению многих вынужденных продуктов питания и их заменителей – сахарина, пищевых жмыхов, изделий из крови и т.д. С гигиенической точки зрения прошел проработку и получил решение вопрос об использовании, при определенных условиях, мяса таких диких животных, как лисицы, барсука, сурка и т.п. Были также расширены показания относительно использования в пищу финнозного мяса* и субпродуктов от всех известных животных и использования на пищевые цели крови крупного рогатого скота, реагирующего на бруцеллез, но без клинических признаков, крови больного ящуром, но с нормальной температурой[52].

Можно предположить, что подобные рекомендации хотя и таили в себе вероятный риск, но имели и несомненное значение для районов массового падежа домашнего скота и располагавших к тому же значительными возможностями отлова таежных и степных зверей. К ним, разумеется, в первую очередь относились Сибирь, Казахстан, Поволжье. При этом очевидно и то, что в здоровье людей, пожалуй, как никогда самым прямым образом переплелись, а то и взаимоисключающе столкнулись такие его предопределяющие факторы, как общее чрезвычайное положение страны и состояние конкретного ее

* Мясо, зараженное финнами (личинками) ленточного червя в стадии личиночного развития.

тылового региона, цена сытости, мера голода и способности выстоять, тяжелейшее материально-бытовое состояние людей и умение государства в лице его медицины обратиться к нестандартным в пределах разумности, порой к сугубо вынужденным мерам по упреждению наихудших последствий самой войны, а то и волевых действий того же государства.

Наихудшим следствием, очевидно, могла стать смертность от голода и среди самого крестьянства, в который раз оказавшегося в более уязвимом положении. Но вот этого-то самого худшего как раз и не случилось. Ныне, критикуя многие отрицательные стороны максимального государственного централизма в отношении деревни, и прежде всего его монопольно-мобилизационные пересчеты в заготовительных изъятиях из села, придется все-таки признать, что это же государство оказалось вполне способным увидеть ту последнюю черту, за которой начиналась социальная катастрофа. Этой чертой и было сохранение во что бы то ни стало санитарно-медицинского благополучия в тылу, особенно в крестьянской среде.

Многие документы военных лет убедительно свидетельствуют о том, что в своей медико-санитарной политике на селе все партийно-государственные органы и структуры явно исходили из того, что колхозная деревня при максимальном изъятии ее продовольствия сможет еще раз выстоять лишь при столь же предельных усилиях по устранению хотя бы эпидемиологических последствий материальных бедствий. Что явное санитарно-медицинское неблагополучие на селе сразу же, как цепная реакция, парализует и армию, ибо не менее 80% ее постоянного пополнения давала именно разбронированная деревня, которую безрассудно было превратить в сплошной медицинский изолятор. Поэтому вряд ли правомерно применительно к военному времени говорить о так называемом остаточном принципе медицинского обслуживания села, тем более что и сама «остаточность» при небывалых затратах на лечение многомиллионной армии раненых фронтовиков оказалась весьма значительной, к тому же фактически бесплатной.

Перед нами один из тех примеров, когда даже беспрецедентная война не сумела реанимировать одну из самых трагичных закономерностей давней и близкой истории нашей деревни – ужасающие эпидемии и повальную смертность. Любой из современников колхозной жизни военных лет, непременно расскажет о тяжком труде, о том, что недоедали и голодали, все отдавая фронту. Но никто не сошлется на массовые эпидемии, тем более на повальный мор – их просто не было. А вот и очень яркие подтверждения.

Сначала об общей смертности городского и сельского населения в сравнении с дореволюционным временем. Даже в самый тяжелый в этом отношении 1942 г. Отечественной войны на каждые 1000 жителей Сибири умирало 24,3 человека против 31,1 в мирный и весьма

благополучный для прежней России 1913 г. При этом мы, конечно, имеем в виду всю некорректность сопоставлений в отношении 1942 г., когда из-за небывало массовых призывов в армию в деревне резко возросла доля старших поколений и детей, подверженных заболеваниям. Потому куда объективнее сравнение с 1918 г., оказавшимся на стыке первой мировой и гражданской войн. В этом случае данное соотношение смертности составит соответственно 24,3 и 44,2 человека на 1000 жителей. Если же за 1942 г. взять в расчет только сельское население Сибири, то интересующее нас сравнение станет еще контрастнее для периода Отечественной войны и даст более чем двукратную разницу – 21,3 человека в 1942 г. и 44,2 в 1918 г.[53].

Но еще разительнее сопоставление уровней смертности последнего года первой мировой войны и последнего Великой Отечественной. Если в 1918 г., как мы уже знаем, на каждые 1000 жителей России умирало 44,2 человека, то в 1945 г. в Сибири этот показатель для городского населения снизился до 12,2 человека и для сельского до 7,4[54]. То есть в сибирской деревне к концу Отечественной войны соотносительно умирало без малого в 6 раз меньше, чем в целом по России к окончанию первой мировой войны.

И еще одна принципиальная разница. Все годы Великой Отечественной войны смертность среди населения Сибири, особенно среди сельского, начиная с 1942 г. явно шла по затухающей линии, тогда как в годы интервенции и гражданской войны, сменивших мировую, рост заболеваний и смертности среди всех жителей региона и страны в целом катастрофически поднялся. Одна лишь эпидемия тифа, вспыхнувшая в Сибири в январе–апреле 1920 г., дала около 400 тыс. случаев заболеваний[55].

Оценивая состояние того здравоохранения в крае, журнал «Жизнь Сибири» писал: «Конец 1919 и начало 1920 г. в Сибири характеризуется полным развалом существовавших ранее врачебно-санитарных организаций, разгромом лечебных учреждений, потерявших свой обслуживающий персонал и оборудование, небывалым еще доселе развитием эпидемий сыпного и возвратного тифа»[56].

Брюшной, сыпной и возвратный тиф, оспа, холера, дизентерия и малярия являлись основной причиной смертности большинства людей в годы первой мировой и гражданской войн. И не только в Сибири. В целом по стране за 1918–1920 гг. от инфекционных болезней скончалось 5048 тыс. человек[57]. То есть среднемесячное число умерших достигало 210,3 тыс., с чем вполне сравнимы среднемесячные фронтовые потери Советской Армии в 1941–1945 гг., составившие 235,4 тыс. (разница не превышала 12%).

Возвращаясь к вопросу о затухающей динамике в смертности населения Сибири за 1943–1945 гг., сошлемся на обобщающие расчеты, позаимствованные нами из книги В.В. Алексеева и В.А. Исупова (табл. 33).

Таблица 33

Динамика смертности городского и сельского населения Сибири (число умерших на 1 тыс. чел. населения)*

Год	Городское население	Сельское население	Год	Городское население	Сельское население
1941	24,1	19,7	1944	17,3	10,6
1942	29,6	21,3	1945	12,2	7,4
1943	27,2	13,6	1945, % к 1941	50,6	37,6

* *Алексеев В.В., Исупов В.А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. С. 117.

После известного роста смертности в первый период войны к 1945 г. она снизилась соответственно почти в 2–3 раза. Примерно такой же оказалась летальность и среди остро инфекционных больных: в течение 1943–1945 гг. в Сибири от брюшного тифа, дифтерии, гемоколита, кори и коклюша она уменьшилась в 2 раза, от воспаления легких – в 3,3, от туберкулеза легких – в 1,9, от токсической диспепсии – в 3,7, а от дизентерии – в 6 раз[58]. В 1944–1945 гг. общая смертность среди всех пораженных заразными заболеваниями в стране составила лишь 5,1%. Даже в числе больных сыпным тифом (по 140 обследованным сельским больницам тыловых районов) на 10858 случаев приходилось 504 летальных исхода (4,6%). Наиболее высокая смертность остро инфекционных больных наблюдалась в Алтайском крае, где не один раз возникали рассеянные случаи эпидемических заболеваний. Но и здесь летальность среди таких больных не превысила 9,7%[59]. В освобожденных от оккупации районах наибольший процент смертности наблюдался в Запорожской (14,4%) и Житомирской (11,1%) областях.

Обобщающие показатели по крупным регионам и Союзу при всей их основательности не столь рельефны без фактологических зарисовок о реальном медицинском подвижничестве на местах, о котором упоминалось выше. По окончании войны в Чувашии состоялся II съезд сельских врачей республики, на котором выступили 30 делегатов из 258 присутствовавших. Участвовало все высшее руководство АССР, но особый интерес вызвало выступление Марии Большаковой – медицинской сестры колхоза «Комбайн» Чебоксарского сельсовета, имевшего 179 крестьянских дворов с населением 700 человек. Приведем лишь некоторые фрагменты переложения ее рассказа.

Постоянно проводила подворные обходы, проверяла санитарное состояние жилищ, дворов, содержание и хранение кухонной посуды, продуктов, воды, есть ли и какие баня, уборная и т.п. Обнаружила завшивленность 79 дворов, 32 хозяйства не имели бань, оборудованных уборных, у многих не было мусорных ям. Обо всем этом М. Больша-

кова рассказала на общем колхозном собрании – и о том, что неотложно надо было делать.

С того времени все без исключения каждую неделю стали мыться только в бане. В необходимых случаях простирывалось белье, проводилась санобработка. Вшивость стала обнаруживаться только в единичных случаях. Ликвидировала все заболевания чесоткой. Добилась того, что во многих дворах построили новые специальные уборные. В колхозе выделили два дома для въезжающих, все бани обеспечили дровами. Те, у кого еще не было собственных бань, официально прикреплены к соседям – за режимом строгий контроль.

Ежедневный обход – 36–55 домов (одна из бригад). Результаты заносились в специальный санпаспорт, введенный в каждом доме. Под особым контролем – колодцы, которые все имели крышки и желоба для оттока воды. Один раз в неделю проверялось санитарное состояние молочно-товарной фермы. В сезонных яслях – контроль постоянный и общий. Регулярный надзор за школой: под наблюдением каждый ученик – все получили прививки от распространенных инфекций.

На медпункте вела прием по вызову и записи. Возглавляла первичную организацию Красного Креста – вовлекла в нее всех колхозников. Нормы ГСО сдали 525 человек. В колхозе организованы санпосты, которые имели аптечки, оказывали помощь в поле... Они же помогали ремонтировать колодцы, бани, проводить санитарные обходы и т.п. Результаты обследований обсуждались в сельсовете и на правлении колхоза – принимались необходимые меры.

Провела не поддающиеся учету коллективные, групповые и индивидуальные беседы на санитарные темы. Организовала кружки ГСО по бригадам, вовлекла их в соревнование с первичной группой Красного Креста из соседнего района. С учетом сведений медсестры все семьи фронтовиков и нуждающихся получали целевую материальную помощь. Высшей оценкой своего труда Мария Большакова считала уважение односельчан и благодарности райздравотдела[60].

Может быть, кому-то подобное ныне покажется будничным, но съезд врачей Чувашии одарил подвижницу аплодисментами единомышленников. А главное – все сказанное о самозабвенном труде рядовой медсестры отражало самую суть медицинской службы на селе того времени. В той же республике к концу войны было подготовлено и работало 445 колхозных медицинских сестер. Не будь этого – санитарное благополучие на селе стало бы недостижимым. На одного врача в сельском районе здесь, как, впрочем, повсюду, приходилось по 11–13, а то и 19 тыс. населения. В ущерб собственному здоровью все они несли 2–2,5 нагрузки – выручали колхозные сестры.

А общие результаты таковы. В Чувашской ССР не только сохранили, но расширили довоенную лечебную сеть: было 16 детских

больниц с 1175 койками – стало 20 на 1231 место при упавшей рождаемости; было 35 сельских больниц – стало 38. Число фельдшерских пунктов за войну довели до 170 против 145 в 1940 г. Число постоянных мест в сельских яслях возросло до 520 вместо 195, а количество «сезонников» стало исчисляться тысячами. Детская смертность самых уязвимых возрастов сопоставимо снизилось почти вдвое[61].

За организационно-материальной статистикой следовала еще более весомая – социально-людская. К концу войны отмечался явный спад заболевания трахомой как специфического недуга республики. Вдвое уменьшилась заболеваемость и смертность от туберкулеза. Число больных малярией – вторым «спутником» в республике – сократилось до 9367 в 1944 г. и 7188 в 1945 против 15 034 в 1940 г. В 6–8 раз снизились кишечно-желудочные заболевания, в 1,5–2 раза стало меньше больных дифтерией[62].

Эти и другие несомненные достижения воплотили в себе все три органически единых фактора – морально-психологическую устойчивость доблестных тружеников медицины, необычайно высокую знаковую функцию общественного начала в организации службы здоровья и определяющую роль государства. О первом факторе мы свидетельствовали почти перманентно. В связи со вторым в дополнение подчеркнем, что в сельских районах Чувашской АССР помимо врачей и среднего профессионального персонала к концу войны действовало 3406 общественных санинспекторов и 8 тыс. санпостов.

А о третьем факторе сказала в своем докладе на съезде участковых врачей сам Нарком здравоохранения Чувашии Лихачева: сельское население не испытывает «особых трудностей в лекарствах – в 1944 г. в республику завезено их и медикаментов на 3 млн 503 тыс., в 1945 г. (за 10 месяцев) – на 3 млн 400 тыс. руб.[63]. О розничной стоимости лекарств речи не шло – тогда она имела для крестьян такое же, впрочем, символическое значение, как и государственные заготовительные цены на их сельхозпродукцию.

Здесь уместно обратить внимание и на состояние аптечной сети. Накануне войны в сельской местности РСФСР имелось 2980 аптек. За первые два военных года в связи с оккупацией их число сократилось до 2239. Принятые в последующем меры существенно улучшили положение. На начало 1944 г. аптечная сеть на селе достигла 91,2% довоенного уровня и насчитывала 2788 аптек, а в январе 1945 г. – 2932. Незначительное отставание объяснялось отсутствием помещений в разоренных оккупантами районах, где вместо аптек стали открываться аптечные пункты. Сказывался и острый недостаток фармацевтов[64].

А теперь рассмотрим состояние рождаемости, и снова начнем с Сибири (табл. 34), по той же схеме, что и в предыдущей таблице о динамике смертности, позаимствованной из того же источника (с. 389).

Естественно, что длительная, тяжелая, с обвальными демографическими последствиями война повлекла небывалое сокращение рождаемости: в городах Сибири – на 43,1% к 1943 г. (самый низкий уровень), на 41,9% к 1945 г., среди сельского населения – на 69,0% к 1944 г. (самый низкий уровень), на 60,6% к 1945 г. При этом максимальное снижение рождаемости (с коррекцией на время беременности) приходилось, как показали В.В. Алексеев и В.А. Исупов, на периоды наибольшего выбытия мужчин на фронт, когда семейно-брачные отношения для большинства женщин оказывались прерванными. В сущности и в основном та же причина объясняет более низкую рождаемость на селе – бронирование от призывов мужчин в городах и его практическое отсутствие в сельской местности. Но уже с конца 1944 – начала 1945 г. и в городе и в деревне рождаемость стала постепенно увеличиваться. Причем этот рост оказался столь значительным, что уже компенсировал убыль населения из-за смертности.

Таблица 34

Динамика рождаемости городского и сельского населения Сибири (родилось на 1 тыс. жителей)

Год	Городское население	Сельское население	Год	Городское население	Сельское население
1941	34,6	32,5	1944	16,2	10,1
1942	23,8	19,8	1945	20,1	12,8
1943	14,9	11,2	1945, % к 1941	58,1	39,4

Однако было бы упрощением сокращение рождаемости сводить лишь к уменьшению численности мужчин. Это, в частности, подтверждает неоднократный рост, особенно в последние годы войны, рождаемости внебрачных детей. Несносные деформации половозрастной структуры населения привели к тому, что необычно широкое распространение получили семейные отношения без регистрации брака. Во втором полугодии 1944 г. по сравнению с первым число детей, в отношении которых в акте о рождении отсутствовала запись об отце, в Кемеровской области возросла в 8 раз, в Красноярском крае – в 2,9, в том числе в городах – в 2,7 раза, в сельской местности – в 3,4 раза. В Новосибирской области удельный вес внебрачных детей среди всех родившихся составил в 1944 г. в сельской местности 5,9%, в городских поселениях 9,4%; в 1945 г. соответственно 19 и 28,2%[65]. И это при том, что указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. было отменено прежнее право обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от отца, с которым она не состояла в зарегистрированном браке[66].

Поэтому причины общего сокращения рождаемости были гораздо шире. Это общая неустроенность и плохое материальное обеспечение, массовые миграционные процессы и тяжелый физический труд и, разумеется, неуверенность в завтрашнем дне. Порожденным войной трудностям государство стремилось противопоставить соответствующую демографическую политику, прежде всего в заботе о детстве и материнстве. При огромных людских потерях предпринимались и меры для стимулирования рождаемости. Их проявлением, а также общей заботы об укреплении семьи стал уже упомянутый выше указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства».

Указ предусматривал увеличение денежных пособий, выделяемых государством на рождение и воспитание детей. Единовременно по рождении ребенка выплачивалось от 400 до 5000 руб., а ежемесячно – от 80 до 300 руб. (размер пособия зависел от общего количества детей в семье). Указом назначалась также выплата пособий одиноким матерям – 100 руб. ежемесячно на одного ребенка, 150 руб. на двоих детей и 200 на трех и более. Увеличивалось – с 42 до 120 руб. – единовременное пособие, выделяемое из средств социального страхования и касс взаимопомощи кооперативных артелей. На эту сумму гарантировалась продажа матери комплекта белья для новорожденных, что было особенно важно в условиях его необычайного дефицита. Одинокие матери согласно указу могли поместить ребенка в соответствующее государственное учреждение. В таком случае государство полностью принимало на себя все расходы по его воспитанию. Но за матерью все же сохранялось право взять ребенка обратно.

Отпуск по беременности увеличивался с 63 до 77 календарных дней, а послеродовый – с 35 до 42. Указом запрещалось привлекать женщин с четвертого месяца беременности к сверхурочным работам, а имевших грудных детей – к работам в ночное время. Важным было увеличение вдвое норм дополнительного пайка женщинам, начиная с шестого месяца беременности, и кормящим матерям в течение четырех месяцев кормления. Указ предписывал хозяйственным органам, в том числе колхозам, выдавать беременным женщинам и кормящим матерям дополнительные продукты питания из общественных фондов. И в целом расширялись права колхозов в улучшении материального обеспечения беременных женщин и многодетных матерей. Не только в городах, но и в сельской местности значительно увеличивалась сеть детских дошкольных учреждений.

Всю войну возможное внимание уделялось родовспомогательной службе. Несмотря на очевидное сокращение рождаемости, многие

показатели родовспоможения немногим уступали предвоенным, а некоторые оказались даже более благоприятными. По обследованным регионам РСФСР, которые опять же охватывали Сибирь, число развернутых родильных коек в сельской местности к концу войны сократилось лишь на 11,2%, тогда как в 1943 г. занятость каждого места не превысила 90 из 365 дней против 170 в 1940 г. Но Наркомздрав не считал нужным пойти даже на временное свертывание коечного фонда. Тем более что свободные родильные койки обычно использовались и как гинекологические (по РСФСР в 1942 г. – на 43%, в Грузии – на 161%, в Азербайджане – на 50%), что при резком ухудшении условий женского труда и быта приобрело особенное значение[67].

Столь же незначительным оказалось и сокращение численности фельдшерско-акушерского состава родильных стационаров на селе – с 13 112 человек на начало 1941 г. до 11 806 к началу 1945 г., или на 10%. Что же касается врачей-гинекологов, то их количество в 1942 г. по сравнению с предвоенным периодом даже возросло на 42,2%, а в 1944 г. – на 9,9%, хотя в численном отношении таких специалистов оставалось крайне мало. Сохранение кадров родовспоможения и гинекологии дало возможность заметно улучшить консультативную и профилактическую помощь женщинам. Число амбулаторно-поликлинических консультаций в сельских районах по сравнению с 1940 г. возросло к концу войны в 1,4, а посещений на дому – в 3 раза. По Российской Федерации этот прирост соответственно составил 1,4 и 2,8 раза[68]. Нарастающая динамика (табл. 35) рассматриваемых показателей характеризовала все тыловые союзные республики, за единичным исключением врачебных консультаций женщин в Армении – 16,7 тыс. в 1945 г. вместо 25,1 в 1940 г. Но и в этом случае временное уменьшение компенсировалось почти 4-кратным ростом консультаций, проводимых средним медперсоналом.

Это не в последнюю очередь позволило оперативно оказывать необходимую гинекологическую помощь и относительно редко прибегать к такому, например, крайнему хирургическому вмешательству, как аборты. В 1944 г. на каждые 100 беременных женщин их приходилось только 5,8% – лишь на 2% больше, чем в 1940 г. В городах это соотношение оказалось значительно хуже – соответственно 21,0 и 16,3%[69]. Еще Д.Н. Мамин-Сибиряк в повести «Лес» подметил: «Нравы заводского населения, как известно, не отличаются особенным целомудрием». Не абсолютизируя и не осовременивая это проницательное наблюдение в отношении деревни, в свою очередь все же заметим, что ее население более или менее, но всегда отличала повышенная традиционная нравственность, ментальный колорит социально-брачной психологии.

Так или иначе к 1944 г. в указанных сельских районах РСФСР родовспоможение охватило 88,9% рожениц вместо 51,3% в 1940 г.

И смертность новорожденных в сельских стационарах все годы войны составляла немногим более 1%, или в 2 раза ниже, чем в городских[70]. Приведем и такое сравнение. В 1919 г. в начинающей Советской республике общая смертность новорожденных достигла 34,4%, а в родильных домах (1922 г.) – 8,9%[71].

Таблица 35

Число женских консультаций в сельской местности (в тыс. посещений)*

	Стационарно						На дому					
	Врачи			Сред. персонал			Врачи			Сред. персонал		
	1940	1944	1945	1940	1944	1945	1940	1944	1945	1940	1944	1945
РСФСР (50 тер.)	554,6	631,0	777,0	362,5	472,0	547,2	20,7	58,7	99,1	85,5	150,0	193,9
Азербайджан	13,4	8,5	20,5	4,5	0,8	8,3	0,4	0,7	2,1	2,2	0,8	3,8
Грузия	48,7	35,2	52,9	6,0	4,4	13,1	3,1	8,0	9,6	2,7	9,1	22,0
Армения	25,1	27,0	16,7	4,4	7,4	16,0	1,4	–	–	1,3	5,6	5,2
Туркмения	6,9	9,7	24,0	3,4	9,1	5,1	0,5	1,1	1,3	1,1	3,5	2,8
Узбекистан	128,4	135,5	156,9	58,5	44,2	82,6	2,9	16,3	20,3	7,4	25,8	35,1
Таджикистан	19,8	15,0	23,5	4,9	10,3	12,9	0,9	2,2	4,2	1,8	4,2	7,2
Казахстан	119,5	166,2	182,2	50,2	79,5	63,8	6,9	031,9	21,7	14,0	32,6	34,0
Киргизия	22,0	19,0	21,9	12,7	10,6	13,3	0,2	1,7	2,1	1,4	2,2	3,5
Итого	938,4	1047,1	1275,6	507,1	638,3	762,3	37,0	120,6	160,4	117,4	238,8	307,5

* РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 154. Л. 14.

Но просматривался и контраст иного рода. Наитяжелейший за всю войну 1943 г. в деревне по результатам хозяйственной деятельности и скудости питания одновременно стал переломным в здравоохранении и борьбе с усилившимися было в 1942 г. заболеваниями. Даже в относительно неблагополучных тыловых регионах очень опасные эпидемические вспышки так и остались очаговыми, а затем и вовсе были ликвидированы. Своевременно была развернута профилактика по особо заразным заболеваниям. Даже единичные случаи появления холеры, чумы, оспы рассматривались как чрезвычайные и по ним принимались самые экстренные меры локализации и лечения. А наиболее бедствовавшая с питанием Читинская область ни по одному республиканскому и союзному отчету санитарно-эпидемиологической службы ни разу не упоминалась в числе неблагополучных.

Все это явилось несомненным и принципиальным достижением социальной политики в деревне, важнейшим условием последующего воспроизводства ее населения. Это надо знать, помнить, сопоставлять и делать ретроспективные выводы.

ОЗДОРОВЛЕНИЕ ОСВОБОЖДЕННОЙ ДЕРЕВНИ

В любом случае следует оперировать не только показателями по тыловым регионам и самым отдаленным зонам типа Средней Азии или Восточной Сибири – к последней и относилась та же Читинская область. Пожалуй, даже еще более примечательными и убедительными предстанут перед нами аналогичные сведения о медико-санитарной деятельности в освобожденных районах, которых выше мы касались лишь сопутствующе. Хотя, конечно, и в данном случае предлагаемый отдельный сюжет темы, скорее, опять же может претендовать не более как на совокупность тематических фрагментов*.

Первую и самую неотложную санитарно-медицинскую помощь освобожденному населению, в том числе сельскому, оказали воинские соединения Советской Армии. Но потребность в ней оказалась настолько большой, что требовала всеобщих чрезвычайных усилий и на протяжении всей войны. Основным источником заразных инфекций стало само освобожденное население. Оккупанты не только не оказывали ему никакой помощи, а напротив, делали все, чтобы массы больных с приходом наших войск послужили детонатором фронтальных эпидемий. В нередких случаях, когда особо опасные заболевания угрожали самим гитлеровцам, их «локализовывали» путем сжигания вместе с умершими в крестьянских домах и целых деревнях. Обыденным было сбрасывание трупов и даже живых людей, как и животных, в питьевые колодцы, водоемы, шахты и т.п.

В освобожденном Краснодарском крае после ухода оккупантов осталось 3463 больных сыпным тифом, в Курской области – 7959[72]. В сельских районах Орловской области число заболевших тифом со-

---

* В данной связи опять-таки уместно подчеркнуть, что проблематика санитарно-медицинской деятельности, в том числе на освобожденной территории Союза, настолько многослойна и конкретно осязаема, что каждый ее сюжет невольно может увлечь исследователя. Тем более в условиях доступности архивов, когда к услугам историка тысячи суммарно-обобщающих дел целого ряда фондов РГАЭ, РГАСПИ, РЦХИДНИ и других хранилищ. В изучении многих предприняты лишь первые шаги, а ценнейшие фолианты наркомздравов СССР и бывших союзных республик (ф. 8009), Всесоюзной гос. санинспекции (ф. 9226) по сей день ждут своих настоящих первооткрывателей. Обилием первозданных документов, перенасыщенных уникальной информацией да к тому же подвергнутой исходной профессиональной обработке выделяются, например, комплексные годовые отчеты упомянутых служб, доклады и аналитические справки, выходившие из-под пера одного из талантливейших наркомов военных лет, к каким относился Г.А. Митерев.

ставляло от 800 до 900 в каждом, а в Колпнянском районе – 3280, т.е. каждый житель здесь был заражен тифом или находился в прямом контакте с больным. В Ростовской области перед уходом с занятой территории с диверсионной целью фашисты расселили среди местного здорового населения выпущенных из лагерей заведомо больных советских военнопленных[73]. В Ляховском сельсовете Ленинградской области из 26 колодцев осталось только 9, в Ильиногорском 9 питьевых водоемов оккупанты превратили в свалки и могильники [74]. Так было почти повсеместно, особенно там, где у захватчиков оставалось время перед отступлением.

После себя эти настоящие недочеловеки оставляли наряду с тифом весь набор тяжелейших инфекционных очагов – от холеры и чумы до туляремии и малярии, абсолютное большинство которых уже в предвоенные годы проявлялось в виде отдельных рецидивов. Сразу после освобождения Белоруссии, по неполным данным, было зарегистрировано свыше 67 тыс. одних только больных малярией. Их лечение на первых порах оказалось даже не под силу медицинской службе[75]. В одной Рязанской области только в 11 освобожденных районах число больных и переболевших туляремией достигло 8,4 тыс.[76]. В годовом отчете противоэпидемического Управления НКЗ РСФСР за 1943 г. отмечалось, что на недавнюю оккупированную территорию России приходилось до 65% всех заболеваний по РСФСР, тем более сыпным тифом[77]. Самыми пораженными оказались Курская, Орловская и Смоленская области – места тяжелейших боев, огромных разрушений.

Из материальной части санитарно-медицинских учреждений после оккупантов в лучшем случае оставались лишь остовы помещений. Оборудование и аппаратура были уничтожены, разграблены, приведены в негодность. Перед войной на Украине имелось 1314 сельских аптек – гитлеровцы полностью уничтожили из них 60%, остальные имели лишь стены. В Волынской области из 55 аптек разрушили и сожгли 48. В Германию было вывезено на 85 млн медикаментов, инвентаря и других ценностей[78]. Из 22 учтенных освобожденных территорий в 10 был полностью разрушен банный фонд[79]. Домашние бани, как правило, использовали для «арийских нужд» и также уничтожались с отступлением. Ни о какой гинекологической и акушерской помощи не могло быть и речи, а беременность зачастую становилась поводом для издевательств и расправ.

Почти все предстояло начинать заново и в условиях ужасающей антисанитарии. Выручали ценнейший опыт первого года войны, уже отлаженное взаимодействие всех служб борьбы с эпидемиями в тыловых районах, набиравшая силу медицинская промышленность и, конечно, незаменимая помощь общественности при деятельном участии самого населения. Коль скоро вся зона освобождаемой территории стремительно превращалась в оперативный тыл армии, – она без

промедления должна была стать как главным полем санитарного благополучия, так и своеобразным лечебно-медицинским кордоном одновременно. Только в 1943 г. правительства СССР и РСФСР приняли 27 различных постановлений по развертыванию лечебно-профилактических учреждений в самих освобождаемых районах, по борьбе с инфекционными заболеваниями как в целом, так и по отдельным областям, краям и республикам – их исполнение подлежало строгому контролю.

Первое, с чего все начиналось, был подворный обход и полная госпитализация больных формы 30 (холера, оспа, чума), а также зараженных сыпным тифом. В условиях не восстановленной еще лечебной и карантинной материальной базы использовалась санитарная авиация, подвижные и стационарные эпидемиологические отряды с полным составом медицинских специалистов, необходимой аппаратурой, медикаментами неотложной помощи, имевшие транспорт, связь и должные права. Упорядочивались места захоронений умерших людей и павших животных. Из колодцев, в необходимых случаях, извлекали трупы, мусор – их очищали, тщательно дезинфицировали, но чаще засыпали, устраивая новые. На первый план всей этой деятельности, включая санобработку населения, одежды, жилья, подворья, а вслед за тем вакцинацию и массовые прививки, выдвигалась широкая сеть местных и межрегиональных санэпидстанций и саннадзора. На селе развернулся небывалый до того бум возведения придворных бань и пристроек.

Вот лишь некоторая конкретно-фактологическая хроника того тяжелого, но светлого надеждами времени.

С начала изгнания врага во внеочередном порядке в соответствии с указаниями ГКО, правительства, Минздрава СССР развернулось восстановление и расширение санэпидслужбы, хотя почти не осталось прежней материальной базы. В первую очередь это коснулось Краснодарского края, который до оккупации имел 10 упрощенных санэпидстанций, к апрелю 1943 г. – 13, а к августу – уже 24. На Ставрополье вместо 24 довоенных станций только в мае 1943 г. их было создано 42. В Орловской области против 23 прежних к концу войны имелось 50, а Ворошиловская вместо 24 уже к августу 1943 г. ввела в действие 41 станцию. Общее число заново открытых санэпидстанций в Прибалтике достигло 50.

На основании постановления СНК СССР в освобожденные районы в 1943 г. было направлено 72 эпидемиологических отряда с полным составом врачей, медперсонала, с необходимыми лекарствами, аппаратурой, мобильным транспортом. В 1944 г. в наиболее опасные места заболеваний выезжало 50 таких отрядов. Им и региональным службам было придано также около 50 санитарных самолетов С-6. Они комплексно действовали в УССР, БССР, Прибалтике и в Молдавии. Наилучших результатов достигли в ликвидации очагов сыпного тифа.

Основную лекарственную продукцию поставляли восстановленные в тылу медицинские предприятия. В 1942–1943 гг. в Сибири были созданы 5 мощных химико-фармацевтических заводов, которые вместе с другими предприятиями Средней Азии, Москвы, Ленинграда выпускали свыше 300 наименований лекарств. Вновь созданные предприятия, в основном на Урале, развернули форсированный выпуск медико-инструментальной продукции. Вместо 4 тыс. уничтоженных оккупантами аптек и свыше 8 тыс. аптечных пунктов в кратчайший срок была возрождена аптечная сеть. Многое делалось с помощью республиканских эпидемфондов. Уже в 1942 г. в РСФСР по этой линии было израсходовано 15 млн руб. на приобретение и изготовление лекарств.

С 1943 г. в освобожденные районы широким потоком направлялись необходимое дезинфекционное оборудование и большое количество бакпрепарат. Так, один лишь Минздрав РСФСР и только в 1943 г. выделил на эти цели около 47 тыс. л таких препаратов, около 15 млн доз оспенного детрита, 152 т других дезинфецирующих средств, а также 1273 дезкамеры, 1021 гидропульт, 3528 аппаратов Флит, 2060 машинок для стрижки волос, 10 250 термометров для дезкамер – все примерно в половинном размере от поступившего в целом в Наркомздрав РСФСР. По приказу Наркомздрава СССР в том же 1943 г. срочно и дополнительно было изготовлено для прививок против особо заразных заболеваний 34 тыс. л жидкой моновакцины, 1,5 млн монотаблеток и 55 тыс. л монофага.

Даже в региональном исполнении выделявшиеся средства, как и количественный состав лечебных бригад, поражают современное воображение. В феврале 1942 г. в донесении в СНК СССР на имя Р.С. Землячки сообщалось о массовом заболевании туляремией в ряде районов Рязанской области. И тут же на место были направлены 15 специальных уполномоченных, 9 врачей, 57 фельдшеров и лаборантов. Московский институт им. Мечникова командировал в область опытного специалиста-эпидемиолога. Особым грузом в Рязань поступили необходимые препараты и многие тонны извести для хлорирования колодцев. Такая же реакция последовала на телеграмму из Калмыкии после ее освобождения в январе 1943 г. В Элисту срочно было отправлено 50 т препаратов для погашения вспышки чумы.

На уровне сельсоветов, колхозов – бесконечные и регулярные подворные и иные обходы, пока явно не пошли на спад устойчивые заболевания. Особое внимание – питьевой воде. В Калачинском районе Сталинградской области осмотрели 727 колодцев: 432 отремонтировали, 712 прохлорировали. На Ставрополье приняли к использованию 2993 колодца, отремонтировали 492. В прифронтовых районах Тульской области было осмотрено 12 тыс. колодцев, из них 3100 очищено и прохлорировано, 2500 – отремонтировано, 3500 отнесено к неблагонадежным. На Орловщине медсанработники осмотрели и

продезинфицировали 68 777 дворов, в Краснодарском крае – 182 тыс. Не хватало извести и других подобных средств, использовали золу, некоторые суглинки, железные отходы. И так всюду.

Как и везде, остро стоял вопрос о восстановлении и сооружении простейших бань. В той же Орловской области к концу 1943 г. их стало 1024 вместо 130 после изгнания оккупантов, в Калининской – 1004 против 403. За год-два после освобождения количество этих важнейших источников чистоты и санитарии всюду возросло в 3–5 раз. Как, впрочем, и простейших дезинсекторов и дезкамер. В называвшихся Орловской и Калининской областях против их изначального числа (14 и 387) к концу того же 1943 г. стало соответственно 673 и 1302. В одних колхозах Сталинградской области и только в 1943 г. было построено 24 новых дезинсектора. Велись и более перспективные восстановительные работы. В особо пострадавших селах заново осуществлялась разметка и планировка усадеб, их построек с учетом уставных, строительных и санитарных норм.

Иммунные прививки и бактерицидные обработки населения охватывали сотни тысяч человек, а то и превышали миллионные масштабы, тем более если они касались и детского контингента. В таких случаях только привлекаемые к подобным мероприятиям общественные активисты (которые тоже проходили необходимую иммунизацию) исчислялись тысячами. В 1942–1943 гг. в районах недавних действий войск Калининского фронта на стыке со Смоленской областью действовала эпидбригада в составе 130 специалистов из Москвы под руководством зам. наркомздрава Л.Г. Вебера. Вместе с общественными отрядами в течение 3 месяцев она боролась с опасным вирусным заболеванием.

В освобожденные районы в помощь здравотделам лишь в пределах Российской Федерации в 1943 г. было направлено 915 студентов 3–4-го курсов мединститутов – на Кубань, в Воронежскую и Сталинградскую области. Только в Чечено-Ингушской АССР, незадолго до депортации, проведенной в феврале 1944 г., с участием студентов было обследовано и санобработано 60 селений с общим количеством более 20 тыс. дворов, 155 очагов сыпного тифа, выполнено 3 тыс. прививок от оспы. Общими же усилиями вся республика получила необходимую дезинфекцию и санобработку, без которых предстоявшая вскоре переброска сотен тысяч людей в Сибирь и Среднюю Азию оказалась бы немыслимой и санитарно опасной.

Из других примеров следует назвать ситуацию в бывших под оккупацией сельских районах Воронежской области, в которых в 1943 г. были зафиксированы тифозные вспышки. Целевому обследованию здесь подвергли 1500 населенных пунктов с населением 200 тыс. человек. Выявленные больные госпитализировались, жилища обрабатывались, в опасных местах устанавливался карантин. Подобное, но уже в феврале–марте 1944 г., отмечалось в ряде районов на границе

Украины и Белоруссии. Здесь пораженных сыпным тифом в одном Ракитянском районе насчитывалось около 1000 человек. А всего в Ровенской и Житомирской областях заболевших и оказавшихся в опасных очагах было не менее полумиллиона. Потребовались предельные усилия обеих республик, армейских частей и Минздрава СССР, чтобы локализовать эпидемиозный регион, а затем и ликвидировать саму опасность, которая грозила перекинуться за рубеж*.

А тем временем в обжитых уже освобожденных районах полным ходом шло, а то и в основном завершалось восстановление стационарной сети органов здравоохранения. По УССР к 1945 г. общая сеть восстановленных больниц достигла 91,5%, по БССР – 90%, по Молдавской ССР – 106,7%, по Карелии – 70%. Соответственно из месяца в месяц нарастала и численность больничных коек. Это видно на примере Курской области. Еще в марте 1943 г. здесь госпитализировалось только 48,5% эпидемических больных, в апреле – 65,2%, а уже в мае – 80,3% и в июне – 87,1%. Примерно такой же выглядела динамика госпитализации в Ростовской области[80].

Несколько медленнее шло восстановление амбулаторно-поликлинических учреждений, хотя и весьма поступательно. На Украине, например, численность амбулаторий по сравнению с 1940 г. поднялась к окончанию войны до 90%, в Белоруссии – до 81,7%, а в Молдавии она даже превысила его на 2%. Но детженконсультаций было восстановлено примерно 60%. Подобным же образом возрождалась сеть сельских врачебных участков: в УССР этот процесс достиг 94,8%, в БССР – 78,4%, в Молдавии – 64%, Карелии – 47,2%[81].

Быстро был достигнут довоенный уровень в восстановлении сети сельской женской консультации. В 1945 г. по 20 территориям РСФСР она насчитывала 565 консультаций против 493 в 1940 г., по Украине – 414 против 374; в Белоруссии стали действовать все прежние 29, хотя в остальных республиках наблюдалось заметное отставание. В целом же по всем освобожденным районам СССР к окончанию войны действовали 1073 женконсультации вместо 953 в 1940 г.[82] Однако сильно отставало восстановление родильного коечного фонда на селе, достигшего к 1945 г. только 66% к уровню 1940 г. – 22 тыс. против 36,5[83], что, конечно, в связи с быстрым ростом послевоенной рождаемости превращало этот участок в один из самых узких.

Зато лучше выглядела забота о самом детстве как на освобожденных территориях, так и в далеком тылу. В июле 1944 г. Наркомздрав СССР издал специальный приказ об улучшении медицинского обслуживания детей в сельских лечебных учреждениях. К его выполнению в соответствии с постановлением правительства подключались так-

* Приведенные здесь сведения о работе на местах извлечены из тех же документов, которые отмечены нами выше.

же Наркомпрос и Наркомзем и их органы на местах. Всюду были приняты повышенные планы по развертыванию постоянных и сезонных детских яслей, подкрепленные материально-финансовым и кадровым обеспечением[84].

Республиканские нарком- и облздравы провели курсовые мероприятия по подготовке колхозных сестер для обслуживания яслей, воспитательниц и инструктажи с выделенным медперсоналом. Определили фонды крахмала, риса, черники, вяжущих средств, медикаментов. Повсеместно разослали аптечки, а главное – определили пригодные помещения.

В Узбекистане в помощь областям для проведения санитарных обследований на период уборочных работ и развертывания колхозных яслей Наркомздрав направил на село 41 врача, 117 средних медицинских работников. Колхозы получили 5 тыс. аптечек, для них подготовили 3040 воспитательниц. На осенний период здесь было развернуто 4010 сезонных яслей с охватом более 64 тыс. детей[85].

Чувашия: развернуто 1426 колхозных яслей на 39839 мест на весенне-летний период 1945 г. – выделено 10 т хозяйственного мыла, 6 т крахмала, медикаменты. Грузия: открыто 990 яслей на 28 174 ребенка – забронировано необходимое питание, лекарства. Украина: организовано 200 000 мест – помимо государственных каналов, колхозного участия налажена помощь сельской детворе со стороны военных госпиталей. Молдавия: открыты все плановые места – подготовлено 450 ясельных работников и 120 сестер, забронированы необходимые фонды продовольствия, медикаментов, а также до 10% коек на случай госпитализации сельских детей; разослано 2850 колхозных аптечек. И такие информации (как и требовалось) поступали отовсюду. И лишь в Прибалтике число сезонных яслей оставалось единичным – здесь практически еще не было колхозов[86].

Обобщая поступавшую информацию, Управление сельских лечебных учреждений НКЗ СССР отмечал, что после принятых мер «коренным образом улучшилась работа сельской медицины по обслуживанию детей. Каждый сельский врачебный участок наряду с противоэпидемической деятельностью основной задачей считает обслуживание детей и матерей. Проводится патронаж детей и беременных женщин. Организуются оздоровительные мероприятия. Повсюду появляется коечный фонд для детей, оживилась работа по родовспоможению. Медицинские работники на селе являются инициаторами в осуществлении правовых норм матерей – организуют соответствующие консультации, требуют от местных торгующих организаций обеспечения приданого новорожденным, ставят вопросы перед правлениями колхозов о выделении фондов питания беременным женщинам и кормящим матерям, организуют помощь многодетным и матерям-одиночкам, женам фронтовиков и инвалидам Отечественной войны[87].

Подготовка к последней военной весне (а это стало для всех очевидным) явилась своеобразным смотром-отчетом о возросших возможностях медицины вообще, на селе в особенности – тем более в освобожденных районах. Весьма показателен пример Украины – в значительной мере в развитие уже сказанного. Здесь во все местные структуры в связи с подготовкой к севу 1945 г. были разосланы письма-директивы от имени трех наркоматов – здравоохранения, земледелия и совхозов. К каждому колхозу и совхозу прикреплялись врачи и другие медработники, а также военные госпитали для проведения осмотров и оказания медицинской помощи. Сельские участковые врачи получили 2300 санитарных сумок для неотложной помощи. В колхозные бригады поступило 55 400 аптечек, в МТС – 978, в совхозы – 520. Наряду с детскими учреждениями приумножалась сеть женских медицинских подразделений. В одной Житомирской области в 1945 г. было развернуто 250 колхозных роддомов в дополнение к 84 уже имевшимся[88].

Так выглядела житейская «конверсия» устоявшей в войне деревни.

ОСНОВЫ ДУХОВНОЙ СТОЙКОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА

Ни на один день не ослабевала забота государства о просвещении колхозников и их детей. Даже в самые критические периоды войны всегда ощущались внимание к нуждам учителей, беспокойство о школьных помещениях, об учебниках и карандашах, о всеобуче и успеваемости школьников. Эти вопросы постоянно находились в поле зрения партийно-государственных органов всех уровней.

Самым тяжелым в жизни школ оказался первый военный год. Необходимо было перевезти многие коллективы из угрожаемых районов в тыловые, организовать интернаты. Неожиданные трудности создала война и в работе школ тыловых районов. В связи с эвакуацией и военно-мобилизационными мероприятиями значительная часть учебных помещений перешла к военным и хозяйственным учреждениям. Только по РСФСР к 1 ноября 1941 г. для военных нужд было занято около 3 тыс. школ[89]. На оставшейся материальной базе следовало организовать обучение не только местных, но и эвакуированных ребят.

Школы Узбекистана приняли более 400 тыс. эвакуированных детей. В тыловых областях РСФСР было размещено 600 эвакуированных школ с 63 тыс. учащихся. К 1943 г. здесь действовало 700 интернатов, в которых потерявшие родителей дети учились и жили за счет государства[90]. В Челябинской, Чкаловской, Свердловской и других областях была организована учеба детей, вывезенных из Прибалтики, Белоруссии, с Украины. В Москве, Ташкенте и других городах печатались учебники для открытых в тыловых районах украинских и других школ. Занятия чаще проходили в три смены. Не хватало пе-

дагогических кадров: только с 22 июня по сентябрь 1941 г. из школ Западной Сибири на фронт убыло 7,6 тыс. учителей, а к началу 1942/43 учебного года состав педагогического персонала сократился на 19,3%[91].

Ухудшилось материальное обеспечение школ. Как правило, на несколько учеников приходилось по одному учебнику, не стало и тетрадей. Школьники писали на старых газетах, обоях, канцелярских книгах, сшивали тетради из оберточной бумаги, афиш и плакатов. Настоящим бедствием стала острая нехватка топлива, а для вечерних смен – отсутствие электричества и керосина. На занятиях сидели в пальто, шапках и валенках, школьники сами вместе с учителями заготавливали дрова. Для сельских школ сложнейшей проблемой обернулась их отдаленность. Отсутствие транспорта, недостаток одежды и обуви стали основной трудностью в осуществлении всеобуча.

В тяжелейшем положении оказались школы освобожденных районов. Все, что было связано с культурой и образованием, фашисты уничтожали в первую очередь. В Ставропольском крае за время своего «хозяйничанья» они успели взорвать и сжечь большинство сельских школ и почти все районные средние. Только в 7 городах и 10 селах края было уничтожено и приведено в негодность 225 школ, 7 высших учебных заведений, 17 техникумов, 38 детских садов, 15 детских домов, 68 клубов и изб-читален[92]. В Воронежской области за 6 месяцев оккупации гитлеровцы привели в негодность 1354 школьных зданий. В Курской и Орловской областях, где враг «хозяйничал» около двух лет, был учинен еще больший погром. В первой из них вместо 3211 школьных зданий осталось только две трети, 1263 школы нуждались в капитальном восстановлении. На Орловщине из 3993 школ оккупанты разрушили 2075, сожгли 13 педучилищ, 2 учительских и 2 педагогических института[93].

В оккупированных районах Московской области из 1200 имевшихся школ было уничтожено и приведено в негодность 926, или 76% всей школьной сети. В Тульской области фашистские вандалы вывели из строя 1036 школ, что составило 45% их бывшей численности. На Смоленщине они уничтожили около 70% всей школьной сети[94]. Всего же на оккупированной территории РСФСР «цивилизованный» враг разрушил 17 тыс. школьных зданий, а по всем западным республикам – 83 тыс.[95]. Кроме того, гитлеровцы разгромили и сожгли 10 тыс. библиотек, в том числе сотни детских[96]. В зданиях школ захватчики устраивали казармы, конюшни, тюрьмы, молитвенные дома сектантов и т.п., хотя и это не приводило к сохранности помещений. Подавляющая часть детей была вынуждена прекратить всякую учебу.

Забота о народном образовании проявилась прежде всего в государственном финансировании. Несмотря на то что на оккупирован-

ной территории осталась примерно половина общеобразовательных школ, бюджетные расходы на народное просвещение к 1943 г. по сравнению с 1940 г. уменьшились только на 42% (в млрд руб.)[97]:

	1940 г.	1941 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
СССР	22,0	–	12,7	21,1	28,6
В % к 1940 г.	100	–	58	96	130
РСФСР	9,5	5,9	6,0	9,2	10,9
В % к 1940 г.	100	62	63	97	115

В 1944 г. уже в ходе восстановительных работ они практически достигли довоенного уровня, а в 1945 г. превзошли его на 30%. Та же тенденция действовала в РСФСР и других республиках. В Мордовской АССР на народное образование в 1944 г. было ассигновано 5 млн руб. против 67,3 млн в 1943 г. [97] В Дагестане эти расходы возросли с 56, 2 млн руб. в 1942 г. до 91, 3 млн в 1945 г.[98].

Местные советы, колхозы, все совхозы и все население оказывали школам и детским учреждениям всевозможную шефскую помощь: ремонтировали помещения, заготавливали топливо, собирали и реставрировали книги, учебный инвентарь, одежду для детей, помогали наладить работу на пришкольных участках, в подсобных хозяйствах. Колхозы выделяли продукты для интернатов, оказывали материальную помощь учителям и т.д. В 57 районах Новосибирской области уже к 1 августа 1941 г. с помощью общественности было отремонтировано 2156 школ из 2398. Сами колхозы инициативно построили 37 школьных зданий и приспособили для занятий 297 классных комнат. Более чем в 15 районах области усилиями общественности заготовили для школ годовой запас топлива[99]. В 33 районах Омской области за время подготовки к 1941/42 учебному году состоялось 732 воскресника (участвовало свыше 30 тыс. человек)[100]. При школах Киргизии было создано 70 интернатов, причем 33 из них (1200 детей) находились на полном содержании колхозов[101].

Требовалось не только сохранить, а где нужно, расширить сеть школьных учреждений. Эта задача стала острой даже в тыловых областях, ибо заметное в начале войны уменьшение числа общеобразовательных школ наблюдалось повсеместно. Но столь же повсюду в последующие годы происходило их восстановление, а зачастую и увеличение по сравнению с довоенной численностью. В Башкирской АССР уже в 1943/44 учебном году школьная сеть превысила довоенный уровень – стало 4869 школ против 4815. В Марийской АССР их число к окончанию войны возросло до 753, тогда как годом раньше их было 727, а в предвоенном – 701. В Мордовской АССР школьная сеть соответственно возросла до 1303 школ против 1293 и 1266. В Куйбышевской области численность школ увеличилась с 1466 в 1941 до 1504 в 1945 г., в Татарии – с 3510 до 3718. В Киргизской ССР

к окончанию войны она, напротив, даже несколько уменьшилась (с 1497 до 1400) – сказались их реорганизация и укрупнение[102].

Необычайная по масштабам, оперативности и социально-политической значимости работа по возрождению народного образования была проведена в освобожденных районах. В итоге уже к концу 1943 г. здесь вновь открылись 23 805 школ, к занятиям приступили 2,8 млн учащихся. А ко времени полного изгнания оккупантов действовало 35 тыс. школ, в которых занималось 4, 8 млн детей [103]. В западных районах Московской области восстановление школ также началось сразу же после разгрома фашистов в осенне-зимнюю кампанию 1941/42 г.: к 15 февраля в 23 районах возобновилось обучение в 414 начальных, 80 семилетних и 28 средних школах, в одной их таких недавно фронтовых семилеток вновь сел за парту и автор этих строк[104]. В Краснодарском крае в 1944–1945 гг. работало 2610 школ вместо 2536, действовавших до войны, в Крымской области – 949 против 1264, в Новгородской – 1395 из 1556, в Ростовской – 2576 из 2594, в Смоленской – 2405 против 3382, в Ставропольском крае – 1365 против 1631 и т.д.[105].

Возрождение образования стало одним из важнейших составных всенародного фронта восстановительных работ. В декабре 1942 г., когда враг находился еще на части территории Воронежской области, было принято решение о восстановлении и развертывании школьной сети. После полного освобождения в течение 1943 г. вопросы народного образования только на бюро обкома обсуждались здесь 6 раз. Столь же оперативно они рассматривались партийными и советскими органами других областей центрального Черноземья[106], которые сильно пострадали. И всюду успешно проводился курс на соединение двух начал восстановительных работ – государственных и общественных.

В возрождении школ участвовала вся страна. Вопрос о формах и методах шефства неоднократно и практически рассматривался всеми обкомами ВКП(б), в том числе и самых отдаленных областей: только в течение второй половины 1943 г. Новосибирский обком неотложно обсуждал его 5 раз, Кемеровский – 4[107]. Он находился также под контролем районных и первичных парторганизаций, местных Советов, профсоюзов, городской и сельской общественности, органов образования. Развернулось даже соревнование за лучшую организацию шефства.

На восстановление школьного фонда Курской области правительство выделило 7 млн руб., что позволило уже к концу марта 1943 г. открыть здесь 1681 школу[108]. В сентябре стали освобождаться занятые не по назначению здания, к их ремонту подключались не только государственные, но и колхозные бригады, учителя, молодежь. Иногда для занятий колхозники предоставляли свои дома. Всего куряне выделили 633 таких дома, свыше 55 тыс. столов и скаме-

ек[109]. В июне 1944 г. бюро обкома поддержало обращение колхозников артели им. Ильича «За новую жизнь» Волоконовского района с призывом оказать помощь школам к началу занятий. На следующий год такую же инициативу проявило население Рыльского района. Всего за три года восстановительных работ в Курской области собрали свыше 1 млн руб.[110]. Почин подхватили в соседних регионах. В течение месяца, с 25 ноября 1944 г., в Воронежской области проходил месячник подготовки школ к зиме. Для школьников здесь изготовили 3147 и отремонтировали 13 039 пар обуви, 1717 предметов одежды, собрали 1 млн 116 тыс. руб. денег, 65 т хлеба, 466 т овощей, 1220 кг меда и жиров. Свыше тысячи колхозников предоставили свои дома для временных занятий[111].

Особое значение среди другой помощи приобрело обеспечение школ освобожденных районов учебниками и пособиями. Оккупанты уничтожили почти весь книжный фонд. При ограниченных возможностях государство выделяло крупные суммы, срочно подключало к печатанию учебников типографии. За 1943–1945 гг. только в школы освобожденных районов РСФСР от государства поступило около 12 млн учебников, 19 млн тетрадей[112]. При всей значимости по своим размерам она уступала той, которая шла по линии шефства. Уже к концу 1943 г. в РСФСР для школ освобожденных районов было собрано и закуплено 40 млн подержанных учебников[113]. Столько же учебников поступило через книготоргующие организации РСФСР в 1944 г., в том числе 11,5 млн закупила потребительская кооперация у населения[114].

Обеспечение школы учебниками и тетрадями, равно и другими учебными принадлежностями приравнивалось к выполнению самых неотложных военно-оборонных заданий, и в случае одной опасности его невыполнения подключались самые высшие государственные инстанции. Лишь один беспрецедентный для сегодняшнего времени пример. В течение первых трех кварталов 1944 г. для школ РСФСР и СССР предстояло отгрузить 111 млн тетрадей – срыв выполнения задания обозначился, однако, в четвертом квартале. Этого оказалось достаточно, чтобы нарком просвещения РСФСР В. Потемкин и председатель Центросоюза СССР Н. Сидоров направили специальное представление зам. Председателя ГКО В.М. Молотову с тем, чтобы Наркомместпром и Наркомбумпром СССР приняли «срочные и безоговорочные меры» для «отгрузки тетрадей во все края, области и республики» в счет выполнения плана четвертого квартала[115].

Много забот и труда в организации полнокровной жизни школы взяли на себя учителя. К хлопотам о воспитании детей, которыми всегда так полна деятельность педагога, прибавилось много новых, необычайно тяжелых. Не стало события в культурной жизни села, в котором не принимал бы участия учитель. Жизнь сельских учителей, как весьма многочисленного отряда советской интеллигенции, была

настоящим подвигом. Вместе со всеми они работали в поле, выступали ведущими колхозными агитаторами, счетоводами, избачами, руководителями художественной самодеятельности, да мало ли еще кем. Все это требовало небывалого физического и морального напряжения, преодоления материальных лишений.

Резкая убыль учителей в начале войны поставила под угрозу все дело образования, особенно на селе. В связи с этим, а также с началом освобождения оккупированной территории в 1942–1943 гг. была создана разветвленная сеть 6- и 10-месячных курсов по подготовке учителей-предметников для 7-летней школы и 3-месячные для учителей начальных классов. В 1944 г. в РСФСР курсовую подготовку прошли 25 тыс. школьных преподавателей. Расширилось заочное обучение, которое охватило свыше 160 тыс. будущих учителей[116]. Кроме того, все наркоматы и ведомства обязаны были немедленно освобождать учителей, работавших не по специальности, и направлять в распоряжение органов народного образования. Частично недостаток кадров восполнялся увеличением учебной нагрузки. В августе 1943 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о повышении зарплаты учителям и работникам начальных и средних школ[117].

Тысячи будущих дипломированных специалистов готовились в университетах, педагогических, учительских институтах и училищах. Большинство выпускников уезжало в сельские школы – часто в родные места. В 1941–1943 гг. 89% окончивших педагогические учебные заведения РСФСР получили такие направления[118]. Всего же в сельских школах в соответствии с контингентом учащихся трудилось примерно две трети учителей страны. В количественном отношении проблема учительских кадров в основном уже была решена к концу войны, что заметно облегчило проблему всеобуча. Но острой оставалась задача образовательного уровня очень значительной части учительства. По сведениям наркома просвещения РСФСР В.П. Потемкина, в августе 1944 г. в среднем по школам республики более его половины не имели необходимого образовательного ценза[119]. В основном это были педагоги, прошедшие курсовую подготовку, и на селе их насчитывалось больше, чем в городе.

Все годы войны центральной задачей народного образования оставался максимальный охват детей (закон о семилетнем всеобуче). Трудности и лишения заметно увеличили отсев школьников, особенно в старших классах. Если в 1939–1940 гг. в РСФСР школу в среднем оставило 7% учащихся, то в первый же военный год отсев возрос до 20%. При этом в сельских школах он был еще выше – соответственно увеличился с 9,7 до 24% (в городских школах с 4.4% до 14%)[120]. Отсев в 8–10-х классах сельских школ тогда же оказался еще больше – 29,6%, а в 5–7-х классах – 29%.

Обследования показали, что примерно пятая часть школьников старших и средних классов перестала учиться по «семейным или до-

машним обстоятельствам». Они заменяли взрослых в производственной деятельности, выполняли работу по дому, нянчили малышей и т.д. Почти столько же выбыло из-за отсутствия одежды и обуви. В младших классах сельских школ сказывались удаленность школ и отсутствие транспорта[121]. Ходить ежедневно до школы туда и обратно по 5–7 км в изношенной одежде в зимние холода и весеннюю распутицу становилось не под силу детям 8–10 лет. Неслучайно поэтому многие крестьянские дети в первый год войны вынужденно и с огорчением оставили школу, и лишь единицы из них сумели «доходить» до окончания десятилетки.

Мотивы отсева имели, конечно, некоторые отклонения от средних показателей, но в основном были схожи. К началу 1942/43 учебного года в прифронтовой Тамбовской области школу не посещали 18 887 детей. Основные причины: отсутствие одежды и обуви – 5476 человек (28,9%), отдаленность школ – 4915 (26,1%), болезнь – 1317 (6,8%), прочие – 4725 (25,2%)[122]. В бывшей фронтовой Воронежской области на конец 1943/44 учебного года не обучалось 16 296 детей, в том числе из-за отсутствия одежды и обуви – 9667 (59,3%), по болезни – 2430 (15%), из-за работ в колхозах – 1567 (9,6%), домашних работ – 1236 (7,6%), отдаленности школ и пр. – 1389 (8,5%)[123].

Больше всего непосещаемость вызывалась плохой обеспеченностью одеждой и обувью и отдаленностью школ – это порождало свыше половины отсева. Требовались и соответствующие меры. В 1944 г. бюро обкома ВКП(б) той же Воронежской области девять раз обсуждало вопросы, связанные с обеспечением всеобуча, в том числе и прежде всего о помощи нуждающимся учащимся. К производству одежды и обуви подключались предприятия местной промышленности. К 1943/44 учебному году они изготовили для детей 16 026 пар обуви, 3423 пальто, 474 полушубка, 1572 костюма для мальчиков, 2929 платьев для девочек, 619 других различных предметов одежды[124]. Повсеместно открывались мастерские по ремонту обуви, в том числе при школах. О результативности принятых мер свидетельствовало следующее. К окончанию 1944/45 учебного года число учащихся области увеличилось до 416 479, тогда как годом раньше обучалось 389 267 детей[125].

Целенаправленная борьба за всеобуч сначала помогла заметно приостановить отсев, а затем уменьшить его по сравнению с первыми военными годами. В то же время итоговые данные свидетельствуют, что и к окончанию войны не была достигнута предвоенная численность учащихся. Это видно из данных таблицы 36 (без школ рабочей и сельской молодежи). По довоенным расчетам Наркомпроса РСФСР, уже к 1943 г. повсеместно могло быть осуществлено обязательное семилетнее обучение[126]. Между тем именно семилетняя школа дала в годы войны самый большой отсев, причем в сельской местности он втрое превышал городской. Общеобразовательный

уровень того поколения, школьные годы которого совпали с войной, оказался заметно ниже, чем у населения соответствующих предвоенных и послевоенных возрастов[127]. Из-за военных лишений многие крестьянские дети раньше времени и чаще навсегда вынуждены были оставлять школу, многие учащиеся «семилеток» зачастую уходили в ремесленные училища, школы ФЗО. Увеличился и разрыв в образовательном уровне городского и сельского населения.

Таблица 36

Число учащихся в школах СССР, тыс.*

	1940–1941 гг.	1945–1946 гг.	Сокращение
Всего учащихся	34786	26094	-8690
начальные школы	21375	19859	-1517
семилетние	11955	5949	-6306
средние	1180	502	-678
прочие	274	85	-189

* Народное образование, наука и культура в СССР. М., 1971. С. 78.

Тем не менее и вопреки невзгодам, прежде всего благодаря целенаправленной деятельности государства удалось преодолеть отрыв детей от начального обучения. При всех потрясениях, связанных с оккупацией больших территорий, длительными перемещениями и даже гибелью значительной части детей, подавляющая масса подраставшего поколения получила начальное образование. Из таблицы видно, что к окончанию войны учащиеся начальных школ составили более 93% их предвоенной численности. Тем самым была заложена основа для быстрого преодоления военных последствий в народном образовании в годы мирного восстановления.

Но и в самый разгар войны осуществлялась эффективная помощь подросткам, занятым на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве, чтобы одолеть ими образование без отрыва от производства. 15 июля 1943 г. СНК СССР принял постановление о создании вечерних семилетних и средних школ для обучения городских подростков (30 апреля 1944 г. их переименовали в школы сельской молодежи), а 6 июля 1944 г. – об организации вечерних школ сельской молодежи[128]. Последние открывались в крупных селениях, колхозах, совхозах и МТС. В отличие от городских они предусматривали начальное и семилетнее образование. Этим было положено начало перспективной форме развития действительно народной школы, популярность которой росла с каждым годом. В 1943/44 г. насчитывалось 1084 школы рабочей молодежи, в которых обучалось свыше 100 тыс. человек, а в следующем – уже около 500 тыс., в том числе 210 тыс. сельских юношей и девушек. В 1945/46 г. действовало уже более

12 тыс. школ рабочей и сельской молодежи и общеобразовательных школ взрослых, которые охватили почти 700 тыс. учащихся[129].

Для детей воинов Красной Армии и партизан Великой Отечественной, а также для сирот, родители которых погибли в ходе войны, были открыты детские военные учебные заведения – Суворовские (1943 г.) и Нахимовские (1944 г.) училища, специальные детские дома и ремесленные училища с 4-летним сроком обучения. Их воспитанники получали производственную квалификацию и общее 7-летнее образование.

Важные военно-хозяйственные и социальные задачи продолжала выполнять система трудовых резервов. С 1943 г. расширилась сеть школ ФЗО и ремесленных училищ: общее их количество с 1551 в 1941 г. и 1129 в 1942 г. увеличилось до 2132 в 1944 г. и 2587 в 1945 г. Численность учащихся соответственно возросла с 602 и 445,1 тыс. до 652,6 и 683,4 тыс.[130]. Всего за 1941–1945 гг. школы трудовых резервов приняли 3 млн 101 тыс. юношей и девушек, в том числе 2 млн 100 тыс. из числа сельской молодежи[131].

Перестройка, восстановление и развитие народного образования сопровождались улучшением содержания учебных процессов, подчинением его задачам и условиям военного времени. Партийные и советские организации, органы народного образования, педагогические коллективы формировали у подрастающего поколения чувство патриотизма, жгучей ненависти к фашизму, готовности в любую минуту встать на защиту Отечества. К тому призывали и бывшие воспитанники школ: «Учите наших юнцов всеми силами души ненавидеть врага, – писал с фронта Дмитрий Зольников учительнице Алтайского края А.А. Быстровой. – Ведь мы раньше больше любили, чем ненавидели, а оказывается, любить Родину без ненависти к врагу невозможно»[132].

Особое внимание уделялось информации о событиях на фронте и в тылу. В школах постоянно проводились читки газет и сводок Совинформбюро, беседы и лекции о героической борьбе советского народа, подвигах тружеников тыла, зверствах фашистов. Школьные программы были перестроены в целях быстрейшего вооружения учащихся практическими навыками: ориентировки на местности, работы с географическими картами, опознания отравляющих веществ и борьбы с ними, управления двигателями внутреннего сгорания и т.д.

Внимание школьников акцентировалось также на героическом прошлом, великих творениях русской литературы, искусства, науки. В национальных республиках большое внимание уделялось преподаванию русского языка, повышению культуры устной и письменной речи, достижению высокой грамотности. С августа 1941 г. была введена новая программа физической подготовки, ставшая составной частью военного обучения, а с 1942 г. в городских и сельских школах достойное место заняло военное дело. Преподаватели-военруки не-

сли ответственность как за военную, так и физическую подготовку учащихся.

Активное трудовое и военно-физическое воспитание благотворно влияло на качество обучения, способствовало успешному выполнению возросшей нагрузки учащихся в связи с освоением новых программ. Городская и сельская школа тех лет отличались внутренней дисциплинированностью, внешней подтянутостью, повышенной требовательностью. Даже в самое тяжелое время не было скидок ни на сложные условия, ни на возраст учащихся. В прифронтовых и освобожденных районах, где занятия часто возобновлялись после длительного перерыва или с середины учебного года, делалось все, чтобы в оставшиеся 4–5 месяцев полностью освоить программы и перевести детей в следующий класс. В связи со значительным сокращением численности учащихся и обеспечением дальнейшего развития школы постановлением СНК СССР от 8 сентября 1943 г. был изменен возраст детей, поступавших в школу (снижен до 7 лет)[133].

Еще большая ответственность легла на работников образования в связи с постановлением СНК СССР от 21 июня 1944 г. «О мерах по улучшению качества обучения в школах»[134]. Важнейшее внимание обращалось на воспитание образованных, культурных, идейно выдержанных юношей и девушек, на борьбу с формальным, поверхностным или неполным усвоением знаний. Отменялось соревнование среди учителей и школьников. Одновременно вводились «Правила для учащихся», ученические билеты, а также пятибалльная система оценок знаний и поведения. В четвертых и седьмых классах получили свой статус выпускные экзамены, а в десятом классе – экзамен на аттестат зрелости. Впервые в советской школе были учреждены золотые и серебряные медали за отличные успехи и примерное поведение [135]. Вручение первых наград и аттестатов зрелости совпало с окончанием войны. Тысячи выпускников сельских школ активно включились в восстановление народного хозяйства. Экзамен на аттестат зрелости успешно выдержала вся наша система народного образования и вместе с ней советская культура.

Все годы войны общеобразовательная школа на селе ощущала непосредственное внимание местных партийных организаций, сельских Советов, колхозов, совхозов, МТС, а также сельской общественности. Это внимание проявлялось в самых различных видах морально-политической и материальной помощи. Вопросы ремонта школьных помещений, обеспечения письменными принадлежностями, снабжения топливом, организации подвоза детей отдаленных селений, обеспечения школьников одеждой, обувью и питанием, выделения пришкольных земельных участков, оказания помощи детям погибших и многие другие не сходили с повесток дня всех организаций, правлений колхозов, сельпо, общих и бригадных собраний колхозников.

Всю войну при всех радикальных коррективах с учетом чрезвычайности продолжал, и весьма эффективно, действовать профсоюз работников начальной и средней школы, выполняя соответствующие защитные функции. Он внимательно следил за соблюдением льгот для учителей села, других поселковых работников – в предоставлении жилья, топлива, в обеспечении освещения, добивался своевременной выдачи зарплаты и т.п. Когда, например, в 1944 г. поступили острые сигналы из Смоленской и Пензенской областей, президиум ЦК профсоюза, его обкомы предприняли незамедлительные меры. На место выехали инспекторы ЦК, после тщательной проверки были сделаны соответствующие представления в областные партийно-советские органы и в местные прокуратуры. Принятое тогда постановление ЦК профсоюза довел до сведения СНК РСФСР[136].

В свою очередь только по результатам проверки одной Пензенской области было осуществлено следующее:

– в связи с плохим снабжением дровами учителей на двух председателей сельсоветов дело передали в прокуратуру;

– аналогичное представление инспектор ЦК направил по поводу задержки зарплаты;

– принят ряд решений соответствующего содержания на уровне обкома профсоюза;

– вопрос о материально-бытовом положении учителей вынесен на рассмотрение бюро обкома ВКП(б);

– на места за подписью председателя облисполкома и первого секретаряобкома партии разослана телеграмма с конкретным указанием о нормах обеспечения сельских учителей хлебом;

– подобные директивные указания – разъяснения о снабжении учителей топливом выслал в районы Пензенский обком профсоюза;

– за плохое обеспечение продовольствием и промтоварами сельских учителей Пензенский облисполком снял с работы председателя облпотребсоюза.

Весьма примечательный и характерный факт – тем более для условий военного времени. Потому и школа в целом жила полнокровной жизнью, успешно решала возложенные на нее задачи.

В силу своей духовной патриотической сущности с самого начала войны она включилась в разнообразную военно-оборонную, хозяйственную и иную деятельность в помощь фронту. Под руководством и с участием учителей школьники собирали для бойцов Красной Армии теплые вещи, создавали разного рода мастерские, пошивочные и ремонтные бригады по изготовлению и приведению в порядок белья, обуви, одежды, варежек, шапок-ушанок, не говоря уже об восстановлении старых учебников, учебных пособий, детских игрушек для малышей и т.п. Новый подъем переживало знаменитое с предвоенных лет тимуровское движение в связи с неотложной заботой о семьях мобилизованных в армию, а затем и погибших на фронтах вой-

ны. Особой опекой пионеров и школьных комсомольцев были окружены престарелые родители защитников Родины, эвакуированные детские учреждения.

Но пожалуй, наиболее организованный и общегосударственный характер среди других форм трудового участия школьников и учительских коллективов приобрело прямое приобщение к сельскохозяйственному труду. Этому, разумеется, способствовали известные мобилизационные меры на уровне общесоюзного и республиканских правительств, принятые в первые годы войны, и о которых мы уже говорили. Но не только: они, в том числе и регионального уровня, как никогда удачно наложились на великий общенародный настрой, захвативший собой всю «смышленую» школу и подростков – как на селе, так и в городах.

С 1941/42 учебного года от спонтанно массовых походов в помощь деревне, в каждом из которых во всех регионах страны участвовало от 50 до 200 тыс. школьников, развернулась системная, очень хорошо отлаженная подготовительная деятельность по максимально эффективной работе школьников сначала во второй, а затем и на последующих сельскохозяйственных кампаниях военных лет. В зимнее время всюду велось агротехническое обучение учащихся 5–10-х классов (по два часа в неделю, и не в ущерб общеобразовательным предметам). Оно варьировалось в зависимости от их возраста и местных условий: от привития простых навыков обработки почвы и ухода за посевами до освоения старшеклассниками сложных сельскохозяйственных машин.

По сведениям 36 областей РСФСР, к лету 1942 г. наряду с подготовкой учащихся к массовым полевым работам школы обучили свыше 148 тыс. трактористов, около 29 тыс. комбайнеров, 7508 шоферов. А всего к массовым сельхозработам тогда в РФ было подготовлено 1 млн 18 тыс. учащихся 7–10-х классов. Сельские школьники, разумеется, оказались более адаптированными к труду на полях и фермах. В итоге в 1942 г. здесь работало почти 4 млн учащихся, а вместе с ними 182 тыс. учителей. Они выработали 139, 4 млн трудодней – в среднем по 40 трудодней на каждого, или без малого отработали тот обязательный минимум, который предусматривался правительством для подростков на весь сельскохозяйственный год. В целом по Союзу в решающий период уборки трудилось около 4,8 млн школьников; по неполным данным им начислили тогда почти 150 млн трудодней[137].

Поражают воображение и обобщающие сведения о нараставшей динамике. За четыре военных года в сельскохозяйственных работах (и опять же по неполным данным) приняло участие более 14,5 млн школьников и свыше 500 тыс. учителей. Они выработали почти 500 млн трудодней и заработали более 75 млн руб. деньгами. В Узбекистане, самой большой республике Средней Азии, за годы войны

учащимся начислили свыше 100 млн трудодней, что равнялось средней выработке 325 тыс. трудоспособных колхозников УзССР тех лет. Из года в год наращивали вклад в сельское производство школьники Азербайджана: в 1942 г. их выработка составила 2 млн трудодней, в 1943 – 6, 2 млн, в 1944 – 7, 2 млн, а к концу войны в общей сложности она приблизилась к 20 млн трудодней. И так – всюду.

Какую только работу ни выполняли ученики: пахали, боронавали, сеяли, сажали, пололи, косили, сушили, строгали, работали на лошадях, комбайнах, других машинах, закладывали силос, убирали картофель и весь набор овощей, отправляли собранное на заготовительные склады за десятки километров, валили и вывозили лес, пилили дрова, выполняли строительные и иные поручения, охраняли колхозное и личное имущество односельчан, ходили в ночные дозоры, исполняли роль связных и пр. и пр. И, конечно, воспитывали и приглядывали за меньшими братьями и сестрами – утешали, как могли, а то и вместе плакали навзрыд... Ну а радость фронтовых вестей первой слетала с их неугомонных уст – от околицы до околицы, из дома в дом, одномоментно пронизывая натужливый сельский мир.

Ежегодно проходило Всесоюзное соревнование школ и их трудовых коллективов. Среди других в числе лучших по его итогам назывались школы Иркутской области: 270 тыс. их учащихся выработали за годы войны 4, 8 млн трудодней. Как и всюду, здесь школьники занимались всем разнообразием дел. Добавим лишь к приведенному выше перечню: закладывали силос, мололи и обрабатывали зерно, трудились в учебных мастерских, собирали посадочный материал, органические удобрения, колоски, грибы, дикорастущие ягоды, лекарственные растения, шефствовали над животноводческим молодняком, охраняли от пожаров леса, участвовали в различных военно-обучающих и патриотических мероприятиях и т.д.

Среди многих выделялись учащиеся Усольской средней школы Забайкалья. Приведем лишь перечень выполненных ими работ только летом 1942 г.: они строили и ремонтировали свинарники, птичник, подвезли и столбы, подвесили на них электропровод – 20 дворов получили освещение. Школьники сеяли, пропалывали зерновые, окучивали картофель, косили траву, заготавливали чурочки для газогенераторных машин, на которых сами же перевозили фураж, продукты и горюче-смазочные материалы. И все это, как заметил нарком просвещения РСФСР В.П. Потемкин, явилось «колоссальным приобретением не только для народнохозяйственной жизни страны, но и для педагогической работы...»[138].

Ежегодно начиная с 1942 г. по окончании сельхозработ специальные комиссии с участием представителей ЦК ВЛКСМ, Наркомпрома РСФСР и Наркомзема СССР подводили итоги Всесоюзного соревнования школьников. За наиболее активное участие в работах на полях

и фермах за время войны 4440 учащихся и 1158 учителей были награждены грамотами, премиями и ценными подарками. Красные знамена ЦК комсомола и первые премии получили 17 средних и семилетних школ. Если же иметь в виду число награжденных на всех региональных уровнях, то оно составит многие десятки тысяч человек.

В центральные органы поступали, разумеется, представления только на особо отличившихся школьников, но от всех, без исключения, регионов. Предусматривались соответствующая норма и результативные достижения представляемых из расчета 10–15 школьников на область или край. Приведем полный перечень имен по Ивановской области за 1942 г.[139]:

Мокеев Виктор – ученик 7-го класса Каргинской НСШ Сокольского р-на. Заработал за каникулы 201 трудодень – на косьбе, прополке, молотьбе и копке картофеля; Ширина Маруся – ученица 5-го класса Кореневской НСШ того же района. Заработала за каникулы 150 трудодней; Цветкова Нина – ученица 5-го класса Кореневской НСШ того же района. Выработала за каникулы 150 трудодней; Орлова Тоня – 7-й класс той же школы. Выработала 170 трудодней; Матрина Лиза – 6-й класс Аньковской средней школы Ильинского р-на. Выработала 160 трудодней; Соловьева Нина – та же школа, 163 трудодня; Муравьев Юра – 7-й класс той же школы. Изучил трактор, работал трактористом. Выработал 250 трудодней; Срулов Миша – 7-й класс той же школы. Изучил комбайн, работал пощником комбайнера, затем комбайнером. Убирал в день 11 га озимой пшеницы; Фомин Алеша – 7-й класс Каваргинской школы Ильинского р-на. Выработал 250 трудодней; Бурова Нина – 10-й класс Мордвинской школы Юрьевецкого района. Выработала за каникулы 190 трудодней*.

Уж коли речь зашла о заготовках дикорастущего сырья, то заметим, что уже летом 1942 г. пионеры и школьники Советского Союза собрали его более 50%: 22 627 т дубовой коры, 4866 т лекарственных растений, заготовили 20 074 т солено-маринованных и 770 т сушеных грибов. В 1943 г. только по РСФСР «добыча охотников за расте-ниями» составила: грибов сушеных – 344 т, солено-маринованных – 5764 т, ягод и плодов – 5153 т, лекарственных растений – 1150 т, ранней съедобной зелени – 1017 т, дубовой коры – 18450 т, шиповника – 50 т, рябины 13,9 т. Известен и обобщенный итог: за три года войны школьники всей страны собрали и сдали государству 240 784 т дикорастущих растений и плодов[140].

В заключение рассказа о жизни школы – еще несколько слов о сельском учителе, о «все умевшем» учителе вообще. К разнообраз-

---

* Все перечисленные школьники одновременно были представлены политуправлением области к награждению значком «Отличник социалистического сельского хозяйства». Хотелось бы знать стали ли позднее все они обладателями почетного звания «Ветеран войны»?

ным заботам о воспитании и обучении детей, война прибавила, как видим, сотни необычных. И все это требовало небывалого напряжения – сказывались и большие материальные лишения. Память многих из нас цепко хранит образ учителя той поры – склонившегося после изнурительного трудового дня при свете коптилки над ученическими записями на ветхой бумаге разбавленными водой чернилами.

Под стать учителю росло и мужало новое поколение. Опаленное войной, многим обделенное, взявшее раньше времени на свои плечи тяжкие заботы, оно, тем не менее, входило в жизнь грамотным, закаленным, трудолюбивым, с обостренным чувством общественного долга, любви к Родине. Его не сломало военное лихолетье, не надломили затем восстановительные лишения и невзгоды, как не скрутили, уже на склоне лет, социально-политические вихри на финише XX в.

За ними была любимая Родина, их влекли вперед ее идеалы, они всегда считали себя готовыми на любые жертвы ради будущего. Невольно вспоминается в виде аналогии эпизод из фантастического романа выдающегося отечественного социолога А.А. Богданова «Красная звезда», впервые опубликованного им в 1908 г. Подросток вполне «социалистического» общества, построенного к тому времени на Марсе, в ответ на предостережения старших о невероятных жертвах в случае освоения Венеры, пылко отвечал: «Пусть девять десятых погибнет, – тут есть из-за чего умереть, лишь бы была одержана победа!» И по его горящим глазам, продолжал автор, было видно, что и он сам, конечно, не отступил бы перед тем, чтобы оказаться в числе этих девяти десятых[141]. Примечательно и то, что столь реально фантазировал, пожалуй, самый убежденный противник любых насильственных преобразований, наиболее последовательный оппонент общественного радикализма.

Культурная и духовная жизнь колхозной деревни не ограничивались деятельностью школы. Массовыми ее очагами для всех групп сельского населения были избы-читальни, колхозные клубы, районные дома культуры и другие культурно-просветительные учреждения. С уменьшением тиражности, осложнением доставки газет далеко не все крестьяне стали иметь их в собственном доме. Сократилась и без того небольшая радиосвязь, а оставшиеся радиоточки располагались в основном в колхозных клубах и избах-читальнях. Поэтому сюда стекались сельские жители для того, чтобы послушать сводки Совинформбюро и «Последние известия», почитать газеты и посмотреть, скажем, карту военных действий. При избах-читальнях работали курсы военного дела, противовоздушной и противохимической обороны. Здесь же развернули свою деятельность агитколлективы, кружки художественной самодеятельности, а к концу войны – разного рода агрономические секции.

В помещениях многих изб-читален проходили заседания сельских советов, правлений колхозов, размещались партийные и комсомоль-

ские организации, действовали столы справок. Лучшие избы-читальни, особенно в зимнее время, превращались в подлинные центры не только культурно-просветительской работы, но и всей общественно-политической жизни на селе. Они собирали продовольствие, теплые вещи, денежные средства для нужд фронта. Здесь проводилась санитарная и медицинская пропаганда, оказывалась помощь колхозникам в составлении всевозможных заявлений и жалоб, в переписке с фронтовиками и т.д.

Но от того деятельность культурно-просветительных учреждений военных лет не стала легче. В конце 1940 г. в стране насчитывалось 118 тыс. клубных учреждений, включая избы-читальни, и основная их часть была сосредоточена в сельской местности (108 тыс.)[142]. К концу 1942 г. общая численность клубных учреждений сократилась более чем вдвое – до 54 тыс.[143]. В Российской Федерации перед войной имелось 39,7 тыс. изб-читален, сельских клубов, домов культуры, 21 тыс. колхозных клубов. К концу 1941 г. число изб-читален уменьшилось до 26,9 тыс., а в течение 1942 г. – до 23,9 тыс.; районных домов культуры – с 1800 (1941г.) до 1159 (1942 г.)[144].

Оккупанты нанесли огромный ущерб культурно-просветительным учреждениям. Имеющаяся литература не содержит обобщающих данных по всем освобожденным районам, но только по РСФСР фашисты разрушили свыше 10 тыс. изб-читален, клубов и домов культуры[145]. Число массовых библиотек сократилось с 95 тыс. в 1940 г. до 32 тыс. в 1942 г. (т.е. в 3 раза), при этом их книжный фонд уменьшился со 185 млн до 90 млн экз.[146]. Всего, по учтенным данным, во время войны погибло более 100 млн книг[147].

Накануне войны в Калужской области насчитывалось 685 изб-читален. Почти все они и библиотеки оказались разрушенными и сожженными. В 1944–1945 гг. в области было восстановлено и вновь построено 674 избы-читальни. Кроме них, в последние годы войны действовало 84 сельских клуба и 106 библиотек. Молодежь своими силами восстанавливала культпросвет. На 1 июля 1945 г. в Белоруссии уже работало 2378 изб-читален, 24 сельских клуба, 149 районных домов культуры[148].

В сложных условиях начиналась и шла перестройка работы культурно-просветительных учреждений тыловых районов. Многие из них в начале войны были закрыты или вынуждены размещаться в школах, заброшенных ранее постройках и даже в частных домах, уступая свои прежние помещения под госпитали, детские дома, интернаты, общежития для эвакуированных, склады и т.п. В действовавших клубах и избах-читальнях часто не стало самого необходимого культинвентаря, минимума книг, периодических изданий. Все усугублялось отсутствием топлива, освещения, должных санитарных условий, а главное, острым недостатком квалифицированных и просто сведущих работников, многие из которых ушли на фронт.

На 1 декабря 1941 г. в Саратовской области из 1161 избы-читальни не работали 759, из 59 домов культуры – 52, из 362 библиотек – 341; в Ивановской области из 901 избы-читальни закрылись 386; в Ярославской – из 831 – 107. В Горьковской, Куйбышевской областях и некоторых других регионах не функционировала почти вся сеть политпросветучреждений[149]. При этом не всегда уменьшение их числа объяснялось объективными причинами военного времени. В ряде мест, особенно в начале войны, проявилась явная недооценка роли культурно-просветительных учреждений. Часто эти помещения использовали для хозяйственных целей без острой на то необходимости[150].

В ноябре 1942 г. Наркомпрос РСФСР (руководство культпросветучреждениями осуществлялось органами народного образования) провел Всероссийское совещание заведующих избами-читальнями Горьковской, Калининской, Орловской, Свердловской, Тамбовской, Ярославской и некоторых других областей и краев. Выступавшие отмечали явную недооценку политико-просветительной работы на местах. В Воронежской, Пензенской, Чкаловской областях тогда не работали почти все избы-читальни, в Челябинской – многие сельские библиотеки. Только в августе того же года в Российской Федерации были закрыты 5 тыс. изб-читален. На совещании говорилось и о плохом состоянии действовавших учреждений, об отсутствии необходимых кадров[151].

Но приводились и яркие примеры активной работы изб-читален с первых же дней войны. В той же Горьковской области в числе лучших называлась изба-читальня с. Мокрина Ктовского района, руководимая А.М. Савиновым. Здесь имелись радио, хороший книжный фонд, наглядные пособия, свежие газеты. Работали кружки – ПВХО, драматический, музыкальный, агротехнический. За 9 месяцев 1942 г. для колхозников было проведено 1700 коллективных читок газет, прочитано девять лекций, на которых присутствовало 6258 человек, выпущено 14 стенгазет и боевых листков. Массовость работы способствовала тому, что колхозы Мокринского сельсовета устойчиво занимали первые места в районе по производственным показателям[152].

Активизировали свою деятельность культурно-просветительные учреждения Куйбышевской области. За первые 1,5 года войны они организовали 30 290 лекций и докладов с привлечением 843 тыс. слушателей, 87 632 читки и беседы, на которых присутствовали 1 млн 155 тыс. человек, организовали 1811 книжных выставок и агитвитрин, 1203 военнооборонных, 400 агрономических, 365 самодеятельных кружков, провели 6814 вечеров самодеятельности, выпустили 11 444 стенгазеты и боевых листка, создали 121 культбригаду, 178 столов справок и т.д.[153]. Но подобные возможности использовались далеко не везде. Многие из сельских политико-просветительных учреждений бездействовали в зимнее время – не отапливались и не освещались[154].

В конце 1942 – начале 1943 г. в Москве, Вологде, Горьком, Алма-Ате, Новосибирске, Хабаровске и других городах состоялись областные, межрегиональные и республиканские совещания по улучшению политико-просветительской деятельности. 3 декабря Московский комитет ВКП(б) провел областное совещание с участием Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина и секретаря ЦК и МК ВКП(б) А.С. Щербакова. Подведя первые итоги смотра, начатого по инициативе работников политпросветучреждений Краснополянского района области, совещание обратилось с призывом развернуть начатое движение во Всесоюзное социалистическое соревнование[155]. Уже это оказало заметное влияние на улучшение культурного просвещения на селе.

Но более ощутимый сдвиг к лучшему произошел в осенне-зимний период 1943/44 г., когда были реализованы меры по улучшению руководства сельским культпросветом. Вводились должности заместителей заведующих областными и краевыми отделами народного образования по политпросветработе, а в районе – соответствующего инспектора; расширялся также штат инструкторов в облоно и крайоно, была проведена подготовка помещений к работе в зимних условиях. Областные и краевые исполкомы, совнаркомы автономных республик обязывались в короткий срок восстановить бездействовавшие избы-читальни и дома культуры – выделить помещения, заготовить топливо, помочь с освещением[156].

Обращалось внимание и на кадровое комплектование изб-читален, на привлечение к их работе учителей. Именно с осени 1943 г. им разрешалось заведовать этими учреждениями на правах совместительства, что оценивалось важным поручением. Повсюду развернулось широкое назначение сельских учителей избачами. В некоторых областях, например, в Куйбышевской, они почти наполовину заполнили эти должности[157]. В актив изб-читален входили не только учителя и представители сельской интеллигенции, но и учащиеся старших классов, а также колхозники.

Все это оказало решающее влияние на отношение к культпросветучреждениям со стороны всех местных и административных органов. В осенне-зимний период 1943/44 г. практически все обкомы, крайкомы и ЦК республик детально разобрались с состоянием их работы, а бюро и пленумы приняли необходимые постановления. Некоторые партийные и советские органы вновь возвращались к тому же вопросу не единожды, настоятельно преодолевая укоренившуюся недооценку этих учреждений со стороны всех без исключения первичных парторганизаций, сельсоветов, правлений колхозов, педсоветов.

Происходило дальнейшее и повсеместное слияние культурно-воспитательных функций с политическим просвещением сельского населения. В деятельности директивно-организационных структур вырабатывались оперативные навыки широкого политического воз-

действия на массы, повседневного соединения их с культурно-просветительскими методами. Такое срастание характеризовало и деятельность самих политико-просветительных учреждений. Теперь уже не только в каждой области, но даже в любом сельском районе насчитывалось до десяти и более таких комбинированных пунктов. Улучшилась координация их работы со стороны районных домов культуры, а через них и органов местного управления.

Из многочисленных примеров, о которых подробно рассказывалось в центральной и региональной печати, приведем лишь один – об опыте культурно-просветительных учреждений Воскресенского района Горьковской области, располагавшегося в самой глуши ветлужских лесов. Здесь имелось 16 изб-читален, и все они пользовались неизменной популярностью среди сельских тружеников. Методическим центром просветительской деятельности выступал районный Дом культуры. В центре села всегда вывешивались свежие номера «Правды», «Известий», «Комсомольской правды», «Горьковской правды», а также районной газеты «Колхозная победа». Привлекала хорошо оформленная Доска показателей межколхозного соревнования, политическая карта мира со сменявшимися символами. Здесь же размещались «Окна ТАСС», красочные плакаты «Чем ты помог фронту», районная Доска почета.

Дом культуры привлек к культурно-просветительской деятельности практически весь актив местной интеллигенции. Здесь регулярно выступали лучшие агитаторы и пропагандисты с лекциями, докладами, беседами. Много внимания уделялось оборонной работе. В двух оборудованных кабинетах были представлены электрифицированные таблицы, чертежи, макеты современного оружия. Кружковцы создали несколько десятков учебных винтовок, гранат. В Доме культуры периодически заседали сельские библиотекари и избачи. Ежемесячно районная организация проводила с ними инструктивные семинары, организовывала обмен опытом.

Одной из лучших считалась Шадринская изба-читальня, которой руководил И.Ф. Ковалев. В прошлом крестьянин-бедняк, после революции – член Союза писателей, народный сказитель, с помощью актива с начала войны он перестроил всю работу избы-читальни. Была создана специальная группа агитаторов, которая читала газеты и проводила беседы непосредственно в поле. Вместе с парторганизацией изба-читальня возглавила движение по оказанию всесторонней помощи фронту. Здесь работал коллектив из 30 человек по пошиву теплой одежды. За короткий срок он сшил 40 полушубков, связал 50 пар варежек, 25 пар носков, соткал 20 полотенец и т.п. В фонд обороны колхозники внесли 4 тыс. руб. деньгами и 5 тыс. облигациями, много сала, мяса, масла, яиц [158].

Улучшение агитационно-пропагандистской и организаторской деятельности изб-читален и домов культуры благотворно сказалось на

их культурно-художественной жизни. Неслучайно именно в осенне-зимний период 1943/44 г., а затем в 1944–1945 гг. впервые после длительного перерыва как в городе, так и на селе проходил Всесоюзный смотр художественной самодеятельности. Его основу составляла массовая кружковая работа культурно-просветительных учреждений. В Московской области, например, насчитывалось свыше 3 тыс. драматических, хоровых, музыкальных и танцевальных кружков. Более 2 тыс. кружков работало в сельских районах Горьковской области, около 1 тыс. – в Рязанской. В 1944 г. в художественной самодеятельности РСФСР участвовало 28 тыс. сельских коллективов. В ходе смотра сельской художественной самодеятельности только в Мордовской АССР на 1 марта 1944 г. было представлено несколько сотен кружков художественной самодеятельности: драматических – 314 (2957 человек), хоровых – 342, песни и пляски – 111, оркестров народных инструментов – 2; исполнителей-одиночек – 3119, певцов – 1570, танцоров – 767, гармонистов – 213, чтецов и рассказчиков – 567, мастеров художественного слова – 2 человека[159].

Смотры художественной самодеятельности 1943–1945 гг. свидетельствовали о богатстве культурно-массовой жизни села. Только на районном уровне в них участвовало 150 тыс. человек[160]. В Московской области было проведено 1,5 тыс. сельских смотров художественной самодеятельности с участием десятков тысяч исполнителей. А итоговый концерт состоялся в Колонном зале Дома союзов. В Горьковской области в смотрах самодеятельных коллективов участвовало 40 тыс. сельских исполнителей, в Ярославской области – 30 тыс., в Кировской – 18 тыс., в областях и краях Сибири, по неполным данным осенне-зимнего периода 1944/45 г., – свыше 20 тыс.[161] и т.д.

Программы выступлений отличались богатством содержания и жанров, проникнутых глубоким народным искусством и военно-патриотической тематикой[162]. Популярностью пользовались произведения народных сказителей – сказы, былины, песни, частушки на темы войны. Это – «Письма родным колхозницам» сказительницы Архангельской области А.И. Гладкобородовой, «О 56-й гвардейской Смоленской дивизии сибиряков-алтайцев» сказительницы Алтайского края А.В. Росляковой, «Большая утрата» колхозницы Мордовской АССР Ф.И. Беззубовой, «Заветный меч кладенец и волшебное кольцо», «Кто несет в мире зерно злобное, тот пожнет горе-горькое»[163] колхозницы-орденоноски, основательницы хора с. Старая Тойда Воронежской области А.Н. Корольковой. Еще большую известность обрели тогда имена народных сказителей – крестьянки Петушинского района Московской области, матери трех воинов Е.В. Волковой, упоминавшегося уже избача-сказителя Горьковской области И.Ф. Ковалева, колхозницы Подтелковского района Сталинградской области М.Т. Елфимовой[164] и других.

В информации об итогах в Московской области отмечалось: «Сельские районные и областные, – они со всей очевидностью показали, что художественная самодеятельность – это не только средство заполнения досуга, это огромная сила на фронте культурного строительства, это действенное средство агитации и пропаганды, это средство художественного воспитания масс и художественного обслуживания села»[165]. «То, что показал смотр, – писала народная артистка СССР Е.А. Степанова, – превзошло все ожидания. Я обрадована и восхищена многообразием самодеятельных сил колхозной деревни»[166].

В те примечательные дни и недели, как никогда, оживилась деятельная работа изб-читален, клубов, сельских домов культуры. Там, где не было художественных кружков, они создавались в ходе смотра. В Московской области в то время вновь организовалось свыше 3 тыс. коллективов художественной самодеятельности, в том числе более 500 хоров русской народной песни. В состав самодеятельных участников влилась 31 тыс. человек. В РСФСР художественные выступления охватили 295 тыс. человек (21 тыс. новых кружков)[167].

Общее оживление в работе культпросветучреждений, достигнутое к середине войны, на заключительном ее этапе уже позволило более целенаправленно сосредоточить внимание на преодолении наиболее узких мест. 14 июня 1944 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе культурно-просветительных учреждений в Чувашской АССР»[168]. Отмечалась недопустимость ее ослабления в республике со ссылками на трудности военного времени. Уже к концу того же года основные недоработки остались позади: были восстановлены 71 изба-читальня, 20 клубов, 2 сельские библиотеки, краеведческий музей, картинная галерея, филармония. В 1945 г. в Чувашии работало свыше 900 культурно-просветительных учреждений[169].

Принимаемые в 1944–1945 гг. решения центральных и местных руководящих органов охватывали весь комплекс вопросов качественного подъема в деятельности культурно-просветительных учреждений, полного восстановления их довоенной сети, улучшения материального оснащения, а также материального положения самих культпросветработников. Такими стали, например, постановление СНК СССР от 16 августа и постановление СНК РСФСР от 30 ноября 1944 г. Первом значительно повысило зарплату заведующим избами-читальнями и сельскими клубами, художественным руководителям и инструкторам районных домов культуры, а также работникам библиотек[170]. Второе обязывало полностью восстановить закрытые в военное время просветучреждения с тем, чтобы к 1 января 1946 г. каждый сельсовет имел избу-читальню или сельский клуб, районный центр – районный дом культуры[171].

Продолжалось быстрое восстановление культурно-просветительной сети в освобожденных областях. Исходное значение имели меры

директивных органов по оказанию соответствующей помощи. При советах министров автономных республик создавались отраслевые управления, в краях, областях, районах – отделы культурно-просветительной работы[172]. Аналогичные решения по улучшению централизованного руководства культурно-просветительной деятельностью приняли все союзные республики. При первой возможности государство увеличивало финансирование. Из 28 769,7 млн руб. бюджетных ассигнований РСФСР на 1945 г. почти 72% (20 559 млн) было направлено на развитие культуры: эта сумма на 4077 млн руб. превышала соответствующие расходы мирного 1940 года[173]. Основная доля выделяемых средств опять таки шла на восстановление культуры освобожденных районов.

Возрождение просветительства, как и многое другое, носило общенародные и общегосударственные черты. Застрельщиком всегда выступал комсомол. В Ленинградской области за короткий срок молодежь восстановила 273 политико-просветительных учреждения. Всего к концу 1945 г. здесь имелось 28 домов культуры, 137 библиотек, 437 изб-читален[174]. В Орловской области в возрождении подобных учреждений участвовало свыше 4 тыс. комсомольцев[175]. Уже к началу 1944 г., когда еще не завершилось полное освобождение территории РСФСР, в западных ее районах вновь занялись своим делом 2502 библиотеки, 10175 изб-читален и 1317 киноустановок[176]. Всего в январе 1945 г. в сельских районах РСФСР, подвергавшихся оккупации, насчитывалось 37 970 изб-читален против 36 921 в январе 1941 г. Одновременно была восстановлена треть сельских клубов и домов культуры, около половины библиотек и почти две трети киноустановок[177]. В целом по стране к окончанию войны действовало 87,9 тыс. разных сельских клубных учреждений (81,4% их предвоенной численности)[178].

Это позволило радикально улучшить кинообслуживание сельского населения. Директивное значение имело постановление ЦК ВКП(б) (1944 г.) «О работе кинотеатров и кинопередвижек в Ульяновской области»[179]. Указав на бездействие многих кинопередвижек, оно обязало руководство всех регионов и Комитет по делам кинематографии при СНК СССР обеспечить регулярную демонстрацию кинофильмов в городах, во всех районных центрах и колхозах. В том же году в постановлении о массово-политической и идеологической работе в Татарской АССР точно определялось, что кинофильмы должны демонстрироваться в каждом сельсовете и не реже 1 раза в месяц[180]. В 1944 г. только по селам РСФСР кинофильмы просмотрело 250 млн человек, т.е. в три с лишним раза больше, чем в 1943 г[181].

Приезд передвижки всегда был событием для сельского населения, а в годы войны тем более. В зимнее время кинозалом обычно служили изба-читальня или школа, летом фильмы показывали на любой лужайке. Особую популярность имели ленты: «Ленин в Октя-

бре», «За советскую Родину», «Нашествие», «Разгром немецких войск под Москвой», «В тылу врага», «Непокоренные», «Радуга», «Военная хроника» «Фронтовые подруги», «Танкисты», «Мы из Кронштадта», «Чапаев», «Суворов», «Александр Невский», «Адмирал Нахимов» и др. Военно-патриотические и исторические фильмы воспитывали тружеников советской деревни в духе любви к Родине и ненависти к фашизму.

Исключительную роль во всей культурно-просветительной жизни села играло радио. Четыре года войны наше крестьянство вместе со всеми, затаив дыхание, слушало голос Москвы. Живой отклик находили обзоры положения на фронтах, радиопередачи из городов-героев. В душу западали сообщения «Писем с фронта» из освобожденных районов, выступления очевидцев зверств фашистов на советской земле. За время войны радио передало тысячи корреспонденций, репортажей с фронта, интервью, информаций о внутренней и международной жизни, пропагандистских и научно-популярных статей, литературных и музыкальных передач. Программы велись более чем на 70 языках народов СССР, их объем достигал 88 часов в сутки.

Центральные передачи ретранслировались всеми местными радиостанциями и радиоузлами. В сельских районах из-за сокращения радиосети и печатных изданий повсеместное распространение получило коллективное радиослушание. У репродукторов собирались сотни людей. В отдаленных районах для приема передач использовалась телефонная сеть. В Омской области, например, местное вещание велось в 57 сельских районах, в 50 из них во время местной передачи в радиосеть включались телефонные точки, которые обслуживали 292 сельсовета, 148 колхозов, 51 МТС, 29 совхозов. На селе для коллективного слушания радио было приспособлено 1140 пунктов[182].

Принимались меры по расширению и самой радиосети, в первую очередь отдаленных районов. К началу войны в Таджикистане работало 48 радиоузлов и 17 тыс. радиоточек. К середине 1944 г. радиоузлы имелись уже во всех 72 районах республики, а число радиоточек к концу войны достигло 21 222. Увеличился и объем радиопередач. Если в 1942 г. бывшая Сталинабадская радиостанция вещала 13 ч 10 мин в сутки, то в 1943 г. продолжительность ее передач составила 15 ч 50 мин, а затем – до 17 ч 27 мин. При отсутствии радиосвязи оперативные материалы принимались по телефону. Такие передачи осуществлялись с 25 районами, 37 сельсоветами, 118 колхозами, 3 совхозами и 28 МТС[183].

Всю войну идейное воспитание и просвещение на селе служили укреплению морально-политического единства крестьянства в борьбе с врагом. По мере приближения победы на передний план все больше выдвигались такие задачи, как дальнейшее развитие совет-

ского сознания колхозников, укрепление их коллективистской психологии. Наряду с дальнейшим разоблачением фашизма все более целенаправленно усиливалась «борьба с проникновением буржуазной идеологии» в целом. Восстанавливались довоенные акценты внедрения материалистического мировоззрения в сознание советских людей, преодоления проявлений местного национализма, отдельных идеалистических, религиозных представлений. Последнее, надо сказать, вступало в очевидное противоречие с теми компромиссными отношениями власти с православной церковью и другими компромиссами, сложившимися в первые годы войны с фашизмом. Возвращение к воинственному атеизму (пусть в виде отдельных рецидивов) стратегически никак не могло быть оправдано, тем более в условиях заметного оживления католических и сектантских взглядов и организаций, а также при возросшей тяге населения, в том числе крестьянства, к обыденной религиозности.

В годы войны крестьянство проявило очевидную приверженность к сложившемуся отношению к труду, к общественной собственности, ко многому из того, что связывалось с революцией, с ее идеалами, с лучшими проявлениями колхозного строя. Как ни велики были трудности, колхозники не покидали свои хозяйства и делали все для их сохранения и укрепления. Даже на оккупированной территории, где фашисты широко применяли разнузданную социальную демагогию и политический обман, крестьянство всюду, где представлялись даже самые минимальные возможности, стремилось сохранить черты довоенных общественных отношений: в распределении скудных продуктов, в совместном строительстве жилья, в коллективной помощи партизанам, семьям военнослужащих, осиротевшим детям, горожанам. Как свидетельствуют документы и очевидцы, даже в партизанских зонах не было ни одного случая выхода крестьян из колхозов[184].

И все же требовалась соответствующая разъяснительная и воспитательная работа. Предельное ослабление сельского хозяйства, известные пропагандистские последствия оккупационного режима создавали некоторую почву для нетрадиционных представлений о путях послевоенного курса развития, о перспективах колхозного строя[185], особенно в западных окраинных территориях. С точки зрения побеждающей страны и сложившихся схем завершения строительства социализма подобные политико-идеологические озабоченности были понятны и целесообразны. Негативы просматривались в другом – в столь же очевидном догматическом воспроизводстве довоенной политической практики, о чем мы говорили уже выше.

Но усилия советского руководства по укреплению антигитлеровской коалиции иногда воспринимались как принципиальные уступки буржуазной политике и идеологии. Тем более что к завершению войны реакционные круги западных стран, в первую очередь США и

Англии, стали возрождать открытый антикоммунизм, т.е. выступать не столько против фашизма, сколько против официального курса советского государства. Спекулируя на трудностях и невзгодах войны, они стремились возбудить у советских людей нездоровый интерес к заокеанскому образу жизни и мысли, поколебать их патриотизм. Поначалу для этого использовались такие средства, как торговые военно-экономические связи периода войны. Затем, когда опасности фашистского порядка остались позади, вступили в действие атомный шантаж, претензии на мировое господство на путях «отбрасывания коммунизма», провозглашенного в известной речи У. Черчилля в Фултоне. Причем оголтелый антисоветизм становился не столько целью, сколько прикрытием курса на разрушение СССР и выхода США на единоличное решение глобальных проблем.

Между тем партийные организации и кадры недооценивали новое усиление идеологического противостояния. Кадровый актив не пополнял в годы войны свои знания в области государственной политики, идеологии. В просветительной работе продолжала преобладать устная массовая агитация, тогда как задачи завершающего этапа войны требовали более широкого ее сочетания с пропагандой научных знаний о природе и человеческом обществе. Это создавало опасность теоретического отставания, снижения общего уровня идейно-просветительной работы в городе и деревне. Об этом говорилось, в частности, во многих выступлениях и решениях пленумов партийных комитетов. Это подтверждали результаты целевой проверки, проведенной Новосибирским, Читинским и другими обкомами ВКП(б)[186].

ЦК осуществил ряд мер по улучшению идейно-воспитательной деятельности. Важное значение имели его постановления, принятые в 1944 г.: «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения»[187]. Обращалось внимание на отмеченные недостатки и намечалась конкретная программа по их устранению. Восстанавливались единые формы партийно-комсомольского просвещения.

Вводилась стройная система подготовки и переподготовки пропагандистских кадров, укреплялись идеологический аппарат и редакции газет. Идеологических работников запрещалось использовать в качестве уполномоченных в сельсоветах и колхозах. Наряду с этим было предложено расширить сеть политшкол при первичных организациях в деревне для обучения сельских коммунистов и комсомольцев. В пропагандистской работе среди населения освобожденных районов обращалось, разумеется, внимание «на преодоление насаждавшихся немецкими оккупантами частнособственнических, антиколхозных и антигосударственных настроений»[188]. В конце 1944 –

начале 1945 г. ЦК ВКП(б) особо проанализировал состояние политической работы среди населения западных областей Украинской, Белорусской, Литовской, Эстонской и Молдавской ССР[189]. Принятые постановления определяли соответствующие задачи политической работы в каждой из этих республик, в том числе среди сельского населения.

1944/45 учебный год стал первым в возрождении, как требовалось, массового изучения марксистско-ленинской теории периода войны. В Белоруссии, как и в других республиках, повсеместно действовала широкая сеть районных и сельских политшкол. В числе докладчиков при ЦК КП(б)Б насчитывалось 100 профессионально подготовленных пропагандистов, составивших 3 особых группы. Быстро увеличивалось число лекторов и агитаторов в сельских районах[190]. В 1944–1945 гг. в Татарии на местах работала 2-тысячная армия лекторов и докладчиков[191]. Весной 1945 г. в Новосибирской области состоялся первый выпуск 11 сельских районных школ. Здесь при сельских парторганизациях действовало 200 политшкол[192]. Всего в 1944–1945 гг. в стране насчитывалось 25 тыс. таких школ, в которых занималось более 500 тыс. коммунистов, комсомольцев, хозяйственных работников, активистов[193].

Идейное воспитание на селе строилось на научно-просветительной пропаганде. Материалистическое мировоззрение советского крестьянства явилось результатом целенаправленной работы в деревне. Война в основном застала крестьян атеистами в их абсолютном большинстве. Даже многие из тех, кто продолжал посещать церковь, совершать религиозные обряды, больше делали это в силу привычки, чем по убежденности. Но следует отметить и другое – заметное оживление религиозных настроений, активизацию деятельности разного рода сектантов. Сама обстановка тех лет – материальные трудности и лишения, гибель родных и близких, постоянный страх в условиях бомбежек, блокады и оккупации, зверства фашистов влияли на психику людей, усиливали соответствующие настроения. На оккупированной территории под покровительством оккупантов не бездействовала католическая церковь, разного рода ее проповедники. Используя чувства вдов и матерей, потерявших своих детей и близких, они завлекали их в разного рода молитвенные дома.

Увеличилось число участвовавших во всяких богослужениях, в крестных ходах, многие стали открыто и безбоязненно справлять религиозные обряды и праздники. В комитет по делам православной церкви и в адрес правительства поступало много писем с просьбой об открытии новых храмов и обрядческих домов, но были и такие случаи, когда при проверке писем крестьян иного села подписи оказывались сомнительными, а число верующих преувеличенным. Из подобных и тоже порой сомнительных информаций зачастую делались скоропалительные выводы, которые во многом перечеркивали дея-

тельность государства по восстановлению нормальных отношений с церковью, сыгравшей и продолжающей играть несомненную роль в духовном сплочении народа. Вместо поисков новых модернизированных аспектов взаимодействия на основе родственных платформ православия и исходных коммунистических постулатов набирала силу очередная целенаправленная антицерковная кампания.

В 1944 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «Об организации научно-просветительной пропаганды»[194]. В нем отмечалось, что «за последнее время партийные организации и наркомпросы союзных республик ослабили внимание к делу научно-просветительной пропаганды среди населения», которая «приобретает в нынешних условиях особо важное значение в деле дальнейшего подъема культурного уровня широких слоев трудящихся и преодоления пережитков бескультурья, суеверий и предрассудков».

Основным содержанием такой пропаганды должно было стать материалистическое объяснение явлений природы, разъяснение достижений науки, техники, культуры. «Среди населения, особенно в деревне, – подчеркивалось в постановлении, – следует широко практиковать организацию лекций, проведение бесед и громкое чтение популярных брошюр и статей о строении вселенной, о происхождении Солнца и Земли, об основных астрономических явлениях, о возникновении и развитии жизни, о происхождении человека, о строении человеческого тела, о происхождении и жизни растений и животных, о причинах болезней и борьбе с ними...»[195] Организация лекций возлагалась на районные отделы народного образования с привлечением в качестве лекторов учителей, агрономов, врачей, зоотехников, культпросветработников. Тем самым вновь намечался поворот в сторону наступательности атеистического воспитания.

С учетом религиозной политики 30-х годов в принципе все это было «правильно и действительно своевременно», тем более в той части, где речь шла о преодолении бескультурья, чуждых суеверий и предрассудков, которые не укладывались не только в каноны материалистического миросозерцания, но и традиционных в стране религиозных представлений. Конечно, нельзя было проходить мимо враждебных по сути действий отдельных церковников. Но и в подобных случаях следовало в первую очередь опираться на совместные усилия властных структур и религиозного руководства. Даже фактические обстоятельства выдвигали на первый план поиски встречных приемлемых решений и норм взаимодействия, например, на путях укрепления российской государственности, в чем православие тоже имело богатый опыт.

Страна потеряла в войне 27 млн человеческих жизней. Столь жутких цифр тогда и позднее она еще не слышала, хотя в каждом селе наперечет знали и пересчитывали все похоронки, ни по одной приходившейся на семью. Осознавали и то, что все погибли ради об-

щего великого и... святого. Это стало главным мотивом утешений, естественным побудителем «ярости благородной», а то и мстительных настроений. Здесь также могли объединяться и смыкались усилия властей, общественности всех уровней и различных религиозных конфессий. Даже некоторые «суеверия», еще не опровергнутые тогда наукой, вряд ли могли быть предметом идеологической непримиримости.

Религиозные чувства в тех конкретных условиях, особенно на бытовом уровне, из области социально-мировоззренческих представлений очевидно сместились в сферу социально-психологических понятий. Как, кстати, и те мотивы несравненного российского патриотизма (и советского тоже), о чем мы уже говорили выше. Наш крестьянин, можно сказать, настолько оказался исторически обусловленным материалистом в его революционно-советском наполнении, насколько остался он в глубине души тем духовным идеалистом, корням которого служила святая православная Русь, никогда не пасовавшая перед чужестранцами. Даже в самые тяжелые годы войны он с достоинством чтил, скажем, первомайские праздники, годовщины Октябрьской революции и больше прежнего отдавал дань уважения, казалось, подзабытым было религиозным дням и символам.

Этот своеобразный дуализм главного носителя российской ментальности не был досадным пережитком прошлого, каким он оценивался в официальных документах тех лет, и стал поистине драгоценным фактором победы. Только неисправимые догматики от политики не видели в нем, этом дуализме, одно из слагаемых психологии подвига крестьянства, а склонны были считать исконную двойственность колхозника как лишь до поры терпимое, преходящее явление. Как знать, быть может, односторонне понятые уроки борьбы с так называемым богостроительством в рядах российской социал-демократии начала XX в. сыграли в том дурную роль. А ведь тогда у истоков поиска и обоснования того дуализма стояли такие корифеи российской политико-философской мысли, как В. Базаров, А. Луначарский и даже М. Горький, не говоря уже о Н. Бердяеве. С. Булгакове и других.

И Сталину трудно дались попытки порвать пуповину прежней непримиримости к «богостроительству» – таковой оставалась сама логика ортодоксального марксизма. Восстановление патриаршества, вовлечение РПЦ в единое русло борьбы с фашизмом – его несомненная заслуга. Но дальше пойти он не смог, а может, и не успел. Пуповина оказалась лишь надорванной, а благожелательное отношение к религиозному фактору в итоге так и осталось на уровне политической тактики, хотя реально и очень полезной.

А завершить наши суждения по поводу духовной стойкости колхозной деревни хотелось бы пересказом одного очень яркого синтезирующего эпизода, позаимствованного нами из живых воспоминаний современника военных лет – уже известной читателю по первой

главе нашей книги Е.Д. Тумашевой. Речь шла об одном из сельских клубов Новосибирской области.

В тот осенний вечер 1943 г. после работы в поле в нем собрались все жители села и курсанты со своим баянистом, помогавшие в уборке. «Провели короткое собрание, на котором, – вспоминает Тумашева, – я вручила воинам благодарственное письмо райкома и райисполкома. Потом начались танцы под баян. Протанцевав два или три круга, вдруг выпорхнула низкорослая девчонка, на вид лет шестнадцати, и выкрикнула:

– Пятки чешутся, плясать хочу!

Баянист заиграл «Барыню», девчонка, поведя плечами, отбила каблучками дробь. Кто-то из зала крикнул:

– А ты, Маня, с припевками.

Она птицей пролетела по кругу, приостанавливаясь, и звонко запела:

Я в Берлин завтра лечу,
Видеть Гитлера хочу.
Спрошу, помнит ли он, гад,
Про Москву и Сталинград,
Про дугу про Курскую
И храбрость нашу русскую.

– Вот это Маня! – раздалось сред курсантов. А она обошла круг и снова запела:

Геббельс брешет на луну,
Разошелся, ну и ну...

Я точно не помню следующие слова, но они о том, что Маня готовит для Геббельса кляп из льняных отрепьев. В зале смеялись и хлопали в ладоши.

– Ты, Манюха, про наших-то что-нибудь сочини, – попросила пожилая женщина.

Зал затих. В Дунине в каждом втором доме к тому времени были либо похоронка, либо сообщение «пропал без вести».

Маня замедлила движение, затем остановилась, она совсем стала непохожей на ту озорную девчонку, которая только что летала по кругу. Но выполнить просьбу ей, видимо, очень хотелось. Вдруг в глазах у нее снова сверкнул огонек, и она пропела:

Мы Россию возродим
Гришек, Мишек народим,
Наши корни не умрут.
Ну а Гитлеру – капут!

Возвратилась я домой глубокой ночью. Трое моих детей и Дуся-ленинградка спали. Дуся жила в нашей семье все годы эвакуации... Без меня была полной хозяйкой в доме, строго распределяла продукты, по счету на каждого варила картошку в мундире, следила, чтобы

всем поровну досталось... В этот вечер она подумала, что я не вернусь, и разделила мой вечерний паек на детей.

Я разожгла примус, вытряхнула из кармана полушубка на стол горсть пшеницы, которую с согласия взяла на току, сварила с солью и поужинала. Настроение было хорошее: хлеб все же удалось спасти»[196].

Здесь верно рассказано – помню по своим подростковым восприятиям. Трудно было провести черту, где кончалась массово-политическая работа пропагандиста-организатора-агитатора-подвижника и начиналась самодеятельная культура нашей деревни. Не унылый примитивизм, как кто-то хотел бы представить эту ее сторону, а безыскусный оптимизм и жизнелюбие характеризовали тогда колхозное село. Их духовную основу питал пронизывающий все поры той нашей жизни бытовой и возвышенный патриотизм, а потому Великий, как и Сама Победа!

Примечания

[1] Рассчитано по: Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1976. С. 165–167.
[2] Там же. С. 167.
[3] Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 803.
[4] *Горюшкин Л.М.* Беженцы Сибири в годы первой мировой войны // Бахрушинские чтения. Новосибирск, 1977. С. 93.
[5] См.: *Анисков В.Т.* Численность и состав эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Вып. II. Новосибирск, 1989. С. 43–44.
[6] См.: РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 261. Л. 1–2.
[7] РГАСПИ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 500. Л. 2.
[8] РГАСПИ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 500. Л. 4.
[9] Там же. Л. 5–11.
[10] РГАСПИ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 590. Л. 2–3; ф. 8009. Оп. 3. Д. 261. Л. 1.
[11] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 261. Л. 1, 3, 15–16.
[12] Там же. Л. 1–2, 6.
[13] Советское здравоохранение. 1943. № 10–11. С. 10.
[14] Там же. С. 17–18.
[15] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 261. Л. 4; Д. 304. Л. 15.
[16] Советская интеллигенция. Краткий очерк истории. 1917–1975. М., 1977. С. 193.
[17] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 4. Д. 4. Л. 199.
[18] Там же. Оп. 1. Д. 493. Л. 72.
[19] Советский Таджикистан в Отечественной войне. Душанбе, 1975. С. 144; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 365.
[20] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 493. Л. 71.
[21] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 493. Л. 71–72.
[22] См.: Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Сб. док. и матер. М., 1977. С. 523.
[23] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 4. Д. 4. Л. 199–200.
[24] Рассчитано: Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 532.
[25] Там же.
[26] *Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни... С. 155.

[27] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 1950. Л. 19.
[28] Там же. Л. 7, 13, 19.
[29] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 527, 528–529.
[30] РГАСПИ. Оп. 23. Д. 24. Л. 2, 5; Оп. 3. Д. 261. Л. 6.
[31] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 23. Д. 17. Л. 12.
[32] Там же. Оп. 6. Д. 1950. Л. 26.
[33] РГАСПИ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 500. Л. 105.
[34] Там же. Оп. 21. Д. 44. Л. 33.
[35] Советское здравоохранение, 1943. № 4–5. С. 3–4.
[36] Вопросы истории. 1972. № 11. С. 100.
[37] Советское здравоохранение, 1943. № 12. С. 46.
[38] *Левшин Б.В.* Советская наука в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 249.
[39] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 261. Л. 36.
[40] Советская медицина, 1944. № 10–11. С. 31.
[41] Советское здравоохранение, 1944. № 6. С. 4.
[42] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 304. Л. 28.
[43] *Алексеев В.В., Исупов В.А.* Указ. соч. С. 135–136.
[44] РГАСПИ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 636. Л. 115.
[45] Рассчитано по: РГАСПИ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 636. Л. 115; Д. 500. Л. 73.
[46] Там же. Ф. 8009. Оп. 23. Д. 24. Л. 5; Ф. 9226. Оп. 1. Д. 500. Л. 73.
[47] РГАСПИ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 500. Л. 73; Д. 472. Л. 75.
[48] См.: там же. Д. 636. Л. 115–117; Д. 500. Л. 73–75.
[49] РГАСПИ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 636. Л. 115.
[50] Там же. Ф. 8009. Оп. 23. Д. 24. Л. 4.
[51] Там же. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 500. Л. 47.
[52] Там же. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 500. Л. 83.
[53] *Алексеев В.В., Исупов В.А.* Указ. соч. С. 114; Брачность, рождаемость, смертность населения в России и в СССР. М., 1977. С. 73; *Боярский А.Я.* Население и методы его изучения. Сб. научн. трудов. М., 1975. С. 226.
[54] *Алексеев В.В., Исупов В.А.* Указ. соч. С. 117.
[55] Жизнь Сибири, 1922. № 3. С. 111.
[56] Там же. С. 110.
[57] *Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.; Л., 1930. С. 189.
[58] *Алексеев В.В., Исупов В.А.* Указ. соч. С. 137–138.
[59] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 23. Д. 24. Л. 7, 9.
[60] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 23. Д. 25. Л. 40.
[61] Там же. Л. 8–9.
[62] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 23. Д. 25. Л. 9–14.
[63] Там же. Л. 10, 14.
[64] См.: там же. Оп. 26. Д. 13. Л. 11; Д. 54. Л. 4, 100; Д. 97. Л. 41.
[65] *Алексеев В.В., Исупов В.А.* Указ. соч. С. 110.
[66] Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967... Т. 2. С. 409–417.
[67] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 472. Л. 121; Оп. 6. Д. 1954. Л. 2, 3, 8.
[68] Там же. Оп. 6. Д. 1954. Л. 2, 3, 8, 11, 14; Оп. 23. Д. 26. Л. 15.
[69] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 22. Д. 36. Л. 18.
[70] Там же. Оп. 6. Д. 1954. Л. 18.
[71] *Поляков Л.Е.* Цена войны... С. 76.
[72] РГАСПИ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 473. Л. 4.
[73] Там же. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 304. Л. 20.
[74] Там же. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 473. Л. 4.
[75] РГАСПИ. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 636. Л. 27.
[76] Там же. Ф. 8009. Оп. 1. Д. 452. Л. 185.

[77] Там же. Оп. 3. Д. 304. Л. 3.
[78] Там же. Оп. 26. Д. 87. Л. 5–6.
[79] Там же. Ф. 9226. Оп. 1. Д. 636. Л. 68.
[80] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 3. Д. 304. Л. 21; Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 523.
[81] Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны... С. 525.
[82] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 6. Д. 1954. Л. 23.
[83] Там же. Л. 24.
[84] См.: Ф. 8009. Оп. 23. Д. 26. Л. 7–10.
[85] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 23. Д. 26. Л. 7.
[86] Там же. Л. 7, 8, др.
[87] РГАСПИ. Ф. 8009. Оп. 23. Д. 26. Л. 10.
[88] Там же. Л. 26.
[89] *Максакова Л.В.* Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. С. 216.
[90] *Потемкин В.П.* Статьи и речи. М.; Л., 1947. С. 155, 172.
[91] Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968. Вып. 1. С. 186, 190.
[92] *Суслов М.А.* Задачи партийных организаций в деле ликвидации последствий немецко-фашистской оккупации. Пятигорск, 1943. С. 13.
[93] ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 3056. Л. 5; Д. 2967. Л. 1; Д. 2984. Л. 31.
[94] История социалистической экономики СССР... Т. 5. С. 511.
[95] *Кондакова Н.И.* Идейно-политическая работа Коммунистической партии в освобожденных районах РСФСР, 1941–1945. Воронеж, 1971. С. 231; Народное образование в СССР, 1917–1967. М., 1967. С. 303.
[96] Учит. газ. 1944. 14 июня.
[97] Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1968 г. ... С. 774; Десятая сессия Верховного Совета СССР 28 января – 1 февраля 1944 г. М., 1944. С. 19; Одиннадцатая сессия Верховного Совета СССР, 24–27 апреля 1945 г. М., 1945. С. 16; Народное хозяйство РСФСР за 60 лет... С. 350; Пятая сессия Верховного Совета РСФСР, 1–4 марта 1944 г. М., 1944. С. 6–17; Шестая сессия Верховного Совета РСФСР, 5–8 июня 1945 г. М., 1945. С. 8.
[98] Шестая сессия Верховного Совета РСФСР, 5–8 июня 1945 г. С. 115; *Абилов А.* Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959. С. 181.
[99] Сов. педагогика. 1965. № 5. С. 110.
[100] Там же.
[101] *Самсонов В.Д.* Советское крестьянство Киргизии в годы Великой Отечественной войны. Фрунзе, 1969. С. 154–155.
[102] Из истории Среднего Поволжья и Приуралья // Науч. труды Куйбышев. пед. ин-та, 1972. Т. 3. Вып. 2. С. 176; Учен. зап. Марийского пед. ин-та им. Н.К. Крупской. Йошкар-Ола, 1968. Т. 24. С. 90; Очерки истории Мордовской АССР, 1917–1960. Саранск, 1961. Т. 2. С. 349; Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. Куйбышев, 1966. С. 304; *Гильманов З.И.* Татарская АССР в Великой Отечественной войне. Казань, 1977. С. 208. *Самсонов В.Д.* Указ. соч. С. 155.
[103] Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 222–223.
[104] История социалистической экономики СССР... Т. 5. С. 511.
[105] *Кондакова Н.И.* Указ. соч. С. 237.
[106] Социально-политическое и экономическое развитие советской деревни: из истории и опыта работы на селе: Межвуз. темат. сб. Ярославль, 1976. С. 76–77.
[107] Сибирь в Великой Отечественной войне: материалы конференции, посвященной 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1977. С. 319.

[108] Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сб. документов и материалов. Курск, 1962. Т. 2. С. 459.
[109] ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 2697. Л. 2.
[110] ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1392. Л. 44.
[111] ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 3056. Л. 3. Д. 3079. Л. 6.
[112] *Кондакова Н.И.* Указ. соч. С. 236.
[113] Правда. 1943. 2 дек.
[114] РГАЭ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 4457. Л. 8–10.
[115] Там же. Л. 39.
[116] Народное образование в РСФСР в 1943 г.: Отчет Народного комиссариата просвещения РСФСР. М., 1944. С. 453.
[117] Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. документов, 1917–1973. М., 1974. С. 436; *Потемкин В.П.* Указ. соч. С. 174–175, 186; СП СССР. 1943. № 11. С. 197.
[118] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 371.
[119] *Потемкин В.П.* Указ. соч. С. 201.
[120] Подсчитано по: *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 375–376.
[121] Там же. С. 374.
[122] ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3553. Л. 6.
[123] ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 3056. Л. 3.
[124] Там же. Д. 2949. Л. 1; Д. 3133. Л. 3.
[125] Там же. Д. 3056. Л. 2, 7.
[126] *Потемкин В.П.* Указ. соч. С. 173.
[127] *Арутюнян Ю.В.* Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. М., 1960. С. 222.
[128] СП СССР, 1944. № 8. С. 130; № 10. С. 140.
[129] История социалистической экономики СССР... Т. 5. С. 512; *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 369.
[130] *Митрофанова А.В.* Указ. соч. С. 463.
[131] Там же. С. 469; Народное хозяйство СССР в 1958 г. М., 1959. С. 694.
[132] Письма фронтовые. Кемерово, 1967. С. 100.
[133] Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа... С. 120.
[134] СП РСФСР. 1944. № 4. Ст. 24; № 9. Ст. 48.
[135] Также см.: *Потемкин В.П.* Указ. соч. С. 209–210, 233.
[136] РГАСПИ. Ф. 5462. Оп. 31. Д. 71. Л. 15.
[137] *Черник С.А.* Советская школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1975. С. 98–101.
[138] *Потемкин В.П.* Статьи и речи. М.; Л., 1947. С. 156.
[139] РЦХИДНИ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 15. Т. II. Л. 175.
[140] *Черняк С.А.* Указ. соч. С. 107–108.
[141] *Богданов А.А.* Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990. С. 148.
[142] Народное хозяйство СССР за 60 лет. С. 604.
[143] *Комков Г.Д.* Идейно-политическая работа КПСС в 1941–1945 гг. М., 1965. С. 195.
[144] Культурное строительство РСФСР: Стат. сб. М., 1958. С. 405; *Максакова Л.В.* Указ. соч. С. 100.
[145] Подсчитано по: Шестая сессия Верховного Совета РСФСР: Стеногр. отчет. М., 1945. С. 148; Спутник агитатора. 1944. № 5. С. 13–14; *Кондакова Н.И.* Указ. соч. С. 257.
[146] *Комков Г.Д.* Указ. соч. С. 195.
[147] Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946. С. 445.
[148] РЦХИДНИ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 250. Л. 29, 35; Д. 229. Л. 143.
[149] *Максакова Л.В.* Указ. соч. С. 101.

[150] РГАСПИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 4. Л. 9.
[151] *Потемкин В.П.* Указ. соч. С. 146–147.
[152] Там же.
[153] Куйбышевская область в годы Великой Отечественной войны... С. 311–312.
[154] РЦХИДНИ. Ф. 112. Оп. 4. Д. 4. Л. 173.
[155] Правда. 1942. 5 дек.
[156] Политпросветработа, 1943. № 8/9. С. 6; Учит. газ. 1943. 25 авг.
[157] *Потемкин В.П.* Указ. соч. С. 148–149.
[158] Политпросветработа. 1942. № 17–18. С. 8–9; *Киселев В.П.* Идеологическая работа партийных организаций среди тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны. Горький, 1975. С. 122–123.
[159] *Шушкин Н.Н.* Во имя победы. Петрозаводск, 1974. Ч. 2. С. 82; Мордовия в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Док. и матер. Саранск, 1962. С. 246–247.
[160] Правда, 1944. 24 янв., 17 февр.
[161] Политпросветработа. 1944. № 4. С. 7–8; Правда. 1944. 24 янв., 14 февр.; Кировская правда. 1944. 21 марта; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1969. Т. 5. С. 153.
[162] Подробнее см.: *Шушкин Н.Н.* Указ. соч. С. 82–85.
[163] Крестьянка, 1943. № 3–4. С. 5; Алтай в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов и материалов... С. 393; Очерки Мордовской организации КПСС. Саранск, 1967. С. 322.
[164] Политпросветработа, 1962. № 17–18. С. 9; *Крупянская В.Ю., Старцева Л.А.* Фольклор колхозной станицы // Сов. этнография. 1949. № 3. С. 85.
[165] Политпросветработа. 1944. № 4. С. 7.
[166] Правда. 1944. 19 февр.
[167] Политпросветработа. 1944. № 4. С. 5.
[168] Чувашская АССР в период Великой Отечественной войны, июнь 1941–1945: Сб. док. и матер. Чебоксары, 1975. С. 291.
[169] История Чувашской АССР. Чебоксары, 1967. Т. 2. С. 126.
[170] СП СССР. 1944. № 12. Ст. 165.
[171] *Максакова Л.В.* Указ. соч. С. 105.
[172] *Кондакова Н.И.* Указ. соч. С. 258–259.
[173] Шестая сессия Верховного Совета РСФСР, 5–8 июня 1945 г. С. 8–198.
[174] Пропаганда и агитация. 1946. № 5. С. 36.
[175] Учит. газ. 1945. 5 сент.
[176] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 432.
[177] *Кондакова Н.И.* Указ. соч. С. 262.
[178] Народное хозяйство СССР за 60 лет... С. 604.
[179] Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. С. 473–474.
[180] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 7. С. 513–520.
[181] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 379.
[182] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1423. Л. 90.
[183] Советский Таджикистан в Отечественной войне. С. 43–44.
[184] См. об этом: *Залесский А.И.* Из истории колхозов в партизанских районах Белоруссии // История СССР. 1958. № 4. С. 83.
[185] *Арутюнян Ю.В.* Указ. соч. С. 380.
[186] *Анисков В.Т.* Указ. соч. С. 304.
[187] Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны, июнь 1941–1945 гг.: Документы и материалы. М., 1961. С. 222–227; КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 506–520.
[188] Там же. С. 219.
[189] КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 524, 526, 533, 537.

[190] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны... С. 595.
[191] Очерки истории партийной организации Татарии. Казань, 1973. С. 492.
[192] РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 1369. Л. 57.
[193] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны... С. 595.
[194] КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 521–523.
[195] Там же. С. 522.
[196] Все для фронта, все для Победы. Сб. восп. тружеников тыла. Новосибирск, 1985. С. 162–163.

ТИПИЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ - НЕСТАНДАРТНЫЕ ВЫВОДЫ

Эта книга в ее настоящем виде завершилась в 2001 г., но поступательно она складывалась все послевоенные годы в виде больших и малых публикаций автора. И неслучайно академик РАН Ю.В. Арутюнян в приветствии по поводу одного из недавних юбилейных отсчетов подчеркнул нашу «самую долгую, устойчивую и плодотворную верность» своей главной и перманентной теме.

О плодотворности усилий автора пусть свидетельствуют сами труды и известные историографам рецензии и отклики на них – нам вовсе «не с руки» говорить об этом. Что же до непреходящей авторской верности к главной его проблематике, то подмечено, к нашему удовольствию, не менее чем объективно, ибо подлинная научная и гражданская привязанность всегда реально осязаема. Мог бы признаться и в большем: даже продолжительные отвлечения в пользу других тем, включая и вовсе иные монографические исследования, субъективно представлялись мне временными, а то и «досадными».

Но устойчивая научная верность, продолжавшаяся около полувека, – понятие не столько масштабное во времени, сколько принципиальное. Тем более в отношении едва ли не самого значимого события последних веков, каким стали в судьбах народов Вторая мировая и Великая Отечественная война. Да еще в условиях крутых и глобальных политических, государственных, общественных и мировоззренческих ломок, приведших к началу 90-х к уничтожению того Советского Союза, который в начале 40-х наши люди героически отстаивали в смертельной борьбе с фашизмом. И опять же в той финальной части переворота, когда не стало не только СССР, но и в большинстве своем тех же жертвенно-патриотических колхозов, совхозов и МТС, которым посвящена прочитанная (надеюсь) вами книга.

Действительно комплексный взгляд на «все и вся» из небывало осознанной нашей деревней роковой сути ее истории тех лет, подчеркнуто «встречный» в необходимых случаях характер анализа без «мудрых» примеров осмотрительных коллег, бескомпромиссное отношение к заведомым фальсификаторам на основе реально доступной научной и иной информации повлекли за собой и более основа-

тельный уровень обобщений, доказательности, а то и внутренней убежденности самого автора. Мы не скрывали и собственных былых упущений, не сразу понятой зауженности некоторых прежних представлений, проистекавших из ложно понятых политизации и деполитизации. Вместе взятое, все это требовало зрелой последовательности, научной порядочности, уверенности в выполнении взятого на себя долга.

В прошлом известный историк-марксист М.Н. Покровский, по «самому сжатому» очерку «Русской истории» которого училось целое поколение входивших в советскую жизнь людей, говорил, что история есть современность, опрокинутая в прошлое. Знал бы он – а его учебник высоко оценивал В.И. Ленин – что столь образный постулат послужит к концу XX столетия дополнительным поводом для опрокидывания всего советского. Не стало СССР – значит, он был плох и, больше того, «империей зла». Отлучили «без помех» от социалистического бытия – избавили доверчивый народ от «вымысла». Разорили колхозы и совхозы – и поделом: с «крепостным правом» покончили. Жертвовали всем ради победы над фашизмом – и напрасно, так как спасали не более чем собственный тоталитаризм, да еще «горами трупов».

Можно продолжить. Разбили фашистов под Москвой – так лишь потому, что в решающий момент наступления немцам из-за сильного мороза не удалось завести танки. К тому же ныне в объединенной Германии, как заметил не ахти какой патриот писатель Борис Васильев, неонацизм снова рвется к власти – недостает пока только нового Гитлера, которого в нужный момент непременно создадут. И у нас-де «русский фашизм» и «сильная рука» ждут своего часа. Что же до стержневой роли ВКП(б), небывалого социального и многонационального единения в завоевании Победы, равно как и всех «социалистических ценностей», то это опять-таки не иначе, чем «миф», подлежащий забвению.

Между тем объективным исследователем подобные понятия, независимо от его политических пристрастий, не могут быть изъяты из былого, хотя думы, разумеется, не исключают допустимо субъективного. Но нерушима сама историческая Победа как исторический и социально-психологический факт, даже если утрата его последствий тоже может стать полным очевидным фактом. С этих позиций мы исходили и в нашей многолетней работе – видели в том свою психолого-методологическую устойчивость.

Можно спорить, уточнять, взвешивать, сопоставлять сцепляемость совокупных факторов нашей Победы и сокрушительного разгрома врага, «отменить» же их или выдать за никчемность никому не дано. Как нельзя каким-либо указом упразднить отечественную историю как науку, хотя низвести ее до предельно урезанного фрагмента мировой истории, видим мы теперь, вполне возможно. Пото-

му «опрокидывание» не очень (скажем помягче) удачной современности в прошлое – вещь опасная, а привнесение воинственного политиканства – опасно вдвойне.

По поводу общих научных фактов в заключительном виде и применительно к нашей теме мы выскажемся еще несколько ниже. Теперь же коснемся так называемых частных (личных) соображений, основанных на наших же личных совокупных воспоминаниях и оттого весьма достоверных. Тем более, что непримиримые к сказанному оппоненты уж очень любят к месту и не очень ссылаться на собственное восприятие военных событий, прямыми, но чаще опосредованными участниками которых представлялись сами. Причем с нарастающим акцентом негативной критичности по мере встраивания подобных авторов в отпротивную современность.

В нашем же случае, скорее, происходило наоборот – повышенная требовательность к глубинному анализу даже при соответствующей мере научной осторожности вела, как мы только что отметили, к еще большей раскованности, а в необходимых выводах, к принципиальной неуступчивости. И все это не всегда умышленно заметно нарастало по мере завершения находящейся в ваших руках книги. Сказался и ее социально-психологический аспект, сам по себе влекущий к некой «ангажированности». В этой связи уже на самом финише хотелось хотя бы кратчайшим образом прикоснуться и к собственным воспоминаниям – отдать лишь малую толику доброй памяти землякам ранней юности.

Речь идет об односельчанах-однокашниках, которые в отличие от однополчан-фронтовиков всю войну и самой-то каши не видали, не то что хваленой американской тушенки. Так вот – о земляках южного Подмосковья, что патриотично жили, доблестно трудились, как и все, мужественно сражались на фронте – о крестьянах д. Игнатьево Серпуховского района, составлявших во время войны передовой, по тем меркам, колхоз им. III Интернационала из 60 дворов, располагавшихся в 3–4 км от последней линии продвижения немцев на столицу с южного направления. Никакой эвакуации, даже скота, здесь не проводили – шли на риск, хотя на общем собрании назначили ответственных, выделили гонщиков. Все, что могли, надежно прятали.

До оккупации и в самом деле не дошло, но пережили многое. Рыли окопы и противотанковые рвы, несли круглосуточное дежурство. Как могли в щелях укрывались от немецких бомб или бросались на сельскую улицу при бреющих обстрелах. Горько и тревожно наблюдали вереницы раненых и выходивших из окружения наших бойцов. Прятались от осколков зенитных снарядов при массированных налетах фашистов на Москву и ее пригороды. Обзаводились оружием на местах недавних боев и стаскивали со льдин трупы убитых людей и животных в зимних боях в верховьях реки Нары. Общую удрученность вызывали первоначальная обнаженность фронтовой полосы и радостную на-

дежду прибывшие в последний момент мощные стрелковые и танковые подразделения, состоявшие в основном из сибиряков.

Их ближайший тыл разместился в нашей и соседних деревнях. Сходу начались тяжелые встречные бои с переменным успехом. Все, особенно подростки, знали в лицо и по имени многих солдат и командиров, тем более стоявших на постое. Каждый раз возвращавшийся с передовой старшина Губарев, родом с Алтая (под его началом находилось несколько повозок, полевая кухня и зенитный пулеметный расчет), рассказывал моим родителям, например, о том, как сдали или вновь освободили переходившую из рук в руки д. Малеево, кто и как погиб, был ранен. Сопереживали, конечно, все, особенно те малеевские, успевшие перебраться в нашу деревню.

Кроме армейских, которым и которые помогали чем могли, в Игнатьеве фактически находились тогда два колхоза – свой и прибывший по эвакуации из Белоруссии. Вместе со своим председателем, стадом скота и несколькими десятками колхозников. Их тоже разместили в общественных постройках и почти в каждом из 60 дворов односельчан. Жили и трудились обе артели как одна семья. Дисциплина во всем была на удивление. Иначе и быть не могло, ибо за нарушение поручений бригадиров, которые происходили крайне редко, самым тяжелым и позорным наказанием стало временно отстранение виновных от выполнения общественных работ по наряду. Трудодень при всей его щуплости ценился необычайно высоко.

Все прибывшие получили земельные участки, помощь в обеспечении дровами, зимней одеждой. Детей прикрепили к начальной и семилетней школам, зачислили на дополнительное питание за счет колхозов, а взрослых приняли в сельпо наравне с местными пайщиками, хотя деятельность кооперации и школьные занятия полностью возобновились только после разгрома гитлеровцев под Москвой. Переуплотнение в крестьянских дворах усиливалось и тем, что впервые после коллективизации народ потянулся в обратном направлении – из городов и рабочих поселков в сельскую местность, где, казалось, будет сытнее и спокойнее. Помнится, как давали о себе знать хотя бы временно прибывавшие в деревню даже самые дальние родственники и их дети, о которых перед войной колхозная молодежь уже не помнила. Родная земля принимала всех – размещала, подкармливала, обогревала.

Зимняя теснота разряжалась одним способом – массовыми мобилизациями на фронт, оборонительные работы, на восполнение убыли рабочих военно-оборонных предприятий. Бедствующие семьи с удовлетворением направляли подростков в нашедшие свой звездный час многочисленные школы фабрично-заводского ученичества. Многие сверстники надели тогда форменные шинели, шапки, ремни на зависть остальным – не армия, а что-то схожее. Почти вся, например, многодетная семья Бутусовых, в которой насчитывалось к нача-

лу войны пять или шесть подростков-погодков, не считая призванных в армию Сергея и Валентина, поочередно воспитывала младших в разных училищах ФЗО. Некоторые из них и сейчас стоят перед глазами.

Что же до военных мобилизаций, то в среднем из крестьянской игнатьевской семьи за время войны выбыло 2–3 новобранца, не считая действительной службы и влившихся в армию едва ставших горожанами. А в целом четырех и более прямых защитников Родины дали тогда каждая из семей Захаровых, Князевых, Комендантовых и других. Всего эта небольшая деревня проводила на фронт не менее 130 односельчан, хотя вернулась домой едва ли половина. Больше других унесла война уроженцев 1925 г. – тех, с кем почти одновременно довелось быть самыми молодыми: Василия и Павла Захаровых, однофамильцев Виктора и Ивана Князевых, Валерия и Виктора Нехаевых, Николая Солдатова... Никто не миновал ранений и контузий, некоторые вернулись инвалидами – в их числе Федор Захаров, потерявший обе ноги. Казалось, даже не очень пригодные к суровой боевой жизни имели ордена и медали, как, например, фронтовики обеих наших соседей Иван Нехаев и Филипп Солдатов.

Не припоминается ни единого известного случая симуляции, других самовольных проступков, за исключением единственного и недолгого укрывательства от призыва Павла Кутыркина из того своеобразного деревенского персонажа типа шолоховского Щукаря, которых на селе обычно не воспринимают всерьез. Зато в числе особо отличившихся был Николай Трофимов – сын незаменимого местного кузнеца Леонтия Трофимова, без которого колхоз не стал бы тем, чем был. Три боевых ордена Красного Знамени, орден Ленина и Звезда Героя Советского Союза украшали грудь летчика-истребителя, воевавшего в полку прославленного А.И. Покрышкина. С каким благоговением мы, мальчишки и подростки, с разрешения Героев разглядывали, а то и трогали их награды, а потом таскали по берегу Нары некий рыбный улов из шитого-перешитого бредня, который с нашей же помощью тянули мастера воздушного боя, один-два раза к концу войны побывавшие в здешних местах.

Не все, конечно, тогда было спокойно и, по крайней мере, автору этих строк, понятно, известно. Мне, 13-летнему подростку, было невдомек, почему, в частности, мой отец Анисков Тихон Матвеевич и сестра Варя долгие недели спали, не раздеваясь, с вещевыми мешками под головой, когда немцы находились буквально за лесом, по ночам проникала их разведка, а старшая сестра Катя хотя бы временно, до прибытия наших основных войск, могла укрыть нас у себя за рекою в крупном рабочем поселке. Тем более что не один раз за окном раздавались и прямые угрозы с приходом немцев повесить всех нас на нашей же березе – в семье насчитывалось три коммуниста. Еще, видимо, и потому, что в ходе зимних боев за Москву отцу вре-

менно пришлось исполнять опасные обязанности председателя колхоза вместо убывшего на трудовой фронт Терентия Кузьмича Голанова.

Хотя грозившая была хорошо известна и принадлежала к упомянутой выше «своеобразной», как знать, семье, – от того не становилось безопаснее. Впрочем, вскоре после разгрома фашистов у столицы, рассказывал позднее отец, он не назвал ее имени побывавшему в деревне особисту, досадно махнув на «безобидную» незадачливость попросившей прощения односельчанки. Ему, возможно, было виднее. Как несколько в ином свете стал затем воспринимать все это и я, узнавший к тому же о некоторых поручениях на случай оккупации члену партии Ленинского призыва, к которым относился мой родитель. Об его условленной связи в той ситуации с партизанским отрядом, действовавшим в соседнем с Серпуховским Высокиничском районе Тульской (затем Калужской) области, заместителем командира которого по политчасти был муж моей сестры Вари М.М. Александров. Тот самый, которого я дважды, не зная последнего обстоятельства, препровождал по глухим тропинкам родного леса до необороняемых разрывов между противостоявшими нашими и немецкими частями.

Только через 3–4 месяца, когда в отцовский дом с полуавтоматической винтовкой и с орденом Красной Звезды возвратился Михаил Михайлович, в моем понимании тоже многое встало на свои места. В знак признания мальчишеских «заслуг« мне передали тогда на хранение американский кольт с грудкой патронов. Что, впрочем, в прифронтовых местах не было сверхнеобычным. До конца 1942 г. на нашем огороде за сараем, как на огневой позиции, стояла настоящая противотанковая пушка, взявшаяся, не помню, откуда. А что до отечественных и немецких винтовок, ручных пулеметов, всяких «обрезов», то целый их ящик, смазанных чем-то пригодным, мы с соседским Витькой Петрашкиным к концу войны глубоко закопали в саду, где, уверен, они и сейчас хранят свою тайну.

Возвращаясь к собственно колхозным делам, пока завершим наш «сказ» о сверстниках-подростках – война мало давала им повода для обыденного «озорства». Трудно сказать, чему больше они отдавали усердий – учебе в школе или изнурявшему полуголодному труду со всеми. Не стало таких дел и забот, которые не легли бы на их уже мозолистые руки. Постановления правительства о введении обязательного минимума выработки трудодней учащимися семилетних и средних школ, о выдаче им трудовых книжек и даже о мобилизационной форме приобщения подростков к систематическому труду в колхозах и совхозах на деле не столько предельно расширяли всю систему трудовых повинностей военного времени, сколько вводили саму сложившуюся повсеместно практику в упорядоченность.

Деревня, как и город, даже в самое трудное время не знала детско-подросткового безделья, нищенства, беспризорности, хотя сплошь и рядом жила на грани и в настоящей нищете. Ныне кому-то все это кажется чуть ли не проявлением крепостного права, узаконенного сверху беспредельного повиновения. Смею заверить: если и какой-либо период из истории колхозной жизни давал некие основания для таких суждений, то звездно-праведные лишения и достижения роковых лет Отечественной войны принципиально-психологически были далеки от подобного. Что до «возведения в степень узаконенности», то тогда оно как бы одним разом упредило, казалось, неизбывное проявление совсем недавних язв нашего села. Общественно значимая воля тех девчонок и мальчишек, которые с тех пор ревностно следили за записями бригадиров в трудовых книжках, на виду у всех вводила их в единый трудовой ритм, в самобытную, неповторимую школьно-колхозную реальность.

Чего только ни делали те сверстники: собирали удобрения и семена, сажали и пропалывали, пахали, копали и сеяли, косили и сушили, убирали и развозили, стоговали и молотили, пасли и охраняли, заботились о младших и престарелых, выступали застрельщиками всех военно-патриотических начинаний, которых тоже не счесть. И поверьте, успевали звонко веселиться и в том находить отдых. Можно лишь далеко не полно вспомнить их имена (в исконно русских селениях так много было тезок и однофамильцев): Блохины Ольга и Татьяна, Голановы Владимир и Ольга, Головлевы Семен и Татьяна, Захаровы Иван, Александра и опять же Ольга, снова Александра и Надежда Комендантовы и немного постарше – Василий, два Князевых Виктора, Рыжкина Анна и Екатерина, опять же Ольга и Павел Трошины, Худовы Анна и Сергей...

Все они в зримом воображении. Их уважали в деревне, о них рассказывали боевые листки, районная газета «Набат». Тех, что постарше, наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Значился в первоначальном списке награждаемых и автор этих строк. Но выпал из него – не было пуще огорчения: потому, как объяснили родителям, и без того на нашу семью «пришлось» четыре медали (видимо, выше каких-то лимитов). Но по сей день вспоминается с удовлетворением награда Семена Головлева, отец которого был единственным в Игнатьеве репрессированным 30-х годов и возвратившимся в родную деревню вскоре после войны. Вместе с Семеном мы не только трудились в колхозе, заканчивали десятилетку, но и затем получали учительские дипломы. Сын не стал ответчиком за отца.

Да и само хозяйство могло быть удостоено тогда правительственной награды, так как все его трудоспособные колхозники, не считая престарелых, имели по итогам военных лет многие свидетельства трудовой доблести. Их ежегодная выработка трудодней в три, а то и

в четыре раза превышала установленный минимум. Не исключением были и пятикратные показатели при 100 трудоднях обязательных и 262 средних фактических по СССР. Упомянем лишь некоторых ветеранов колхозного труда: Е. Анискову, А. Головлеву, Антонину и Аксинью Захаровых, Сергея и Ольгу Кипелкиных, Емельяна и Наталью Князевых. С. Солдатова, К. Трошину. Добрым словом всегда называли в колхозе семью его председателя Терентия Кузьмича Голанова – от младшего сына Владимира до старшей дочери Ефросиньи. Рачительный крестьянин, заботливый организатор, он всегда был в центре всех дел и на виду. Кооперативное единение олицетворяло собой лучшие традиции российской общинности.

Последние зарисовки вновь напрямую выводят нас на «нестандартные» ныне итоговые выводы, уже очерченные в начале нашего заключения. Не в смысле их исходной оригинальности, а отодвинутой сейчас властью в сторону историко-психологической преемственности. В первую очередь речь идет об истоках нашей Победы, разумеется, в преломлении к истории и психологии подвига советского крестьянства. Нам уже приходилось вступать в острую полемику с теми, кто из числа «новомодных» авторов в лучшем случае «стыдится» повторять, например, сталинские оценки разгрома фашизма как победу «социалистического государственного и общественного строя». В худшем, походя называет их «историческим курьезом» или «ложным пассажем», который-де не имеет ничего общего с правдой.

Применительно к нашей теме совсем не рядовой историк-аграрник М.А. Вылцан (опять же институт Отечественной истории РАН) пишет: во время войны «полукрепостническая колхозная система» «оказалась на грани развала». Имеющиеся в литературе выводы типа: «война доказала жизненность колхозного строя», «сельское хозяйство одержало экономическую победу», о «массовом трудовом героизме», «вдохновенном труде» колхозников, о «преимуществах колхозного строя, его эффективности», и подобные – не более как «утвердившиеся клише и штампы». Что «в поведенческой структуре крестьян» вместо «чувства гражданского долга» на передний план выходило «ощущение страха, неотвратимости наказания за неисполнение приказа высших и местных властей», и т.п.

А ведь автор – один из тех, кто самолично тиражировал в свое время подобные штампы. Теперь же одно название его книги приводит в недоумение – «Крестьянство России в годы большой войны 1941–1945. Пиррова победа». Ни Великой вам, ни Отечественной, ни Победы с заглавной буквы – лишь большая война с прописной, да сомнительная победа, не стоившая жертв. Осуждая прежнюю политизацию истории Отечественной войны, М.А. Вылцан вместо общинного, коллективного и подобного владения землей призывает лишь к одному – к «индивидуализму», к всеохватывающему фермерству, основанному на «неурезанной» частной собственности на землю.

В представлении автора не проходит никакая многоукладность, хотя все прежние его публикации исходили непременно из обратного.

В заключении научного издания нет смысла, полагаю, следовать с «изобличениями» по стопам заведомой дезинформации – пустое занятие. Тем более что в упомянутом аспекте этому служит вся фактологическая часть книги. Полезнее коснуться хотя бы самых существенных разнопониманий достойных ученых, ощутимо снижающих эффективность, в сущности, их единого, по-хорошему плюралистического фронта. В этой связи назовем лишь три, на наш взгляд, важных обстоятельства. Первое касается базовой характеристики того советского государственного и общественного строя, который проявил несомненное превосходство над самой концентрированной монополистической экономикой фашистской Германии, составлявшей фундамент глобализации по-нацистски.

А эта характеристика в современной литературе включает в себя не менее десяти-пятнадцати сущностных определений того строя, от тотального столкновения с которым развалилась самая прочная сила мировой реакции: от понимания его, строя, не более как разновидности государственного капитализма общепринятого порядка (от Н.А. Бердяева до Н.В. Устрялова) до «чистой воды» терминологии классического «социализма» и «коммунизма» (от Н. Андреевой до В. Анпилова). К последним формально (не больше) можно отнести и А. Солженицына, но с той принципиальной разницей, что последний всегда оценивал советский «коммунизм» с явных антикоммунистических позиций.

И.В. Сталин, как известно, советский государственный, экономический и общественный строй рассматривал не иначе как социалистический, хотя ему, конечно, был хорошо известен и понятен ленинский анализ складывавшегося в СССР в виде «своеобразного государственного капитализма» или соответствующего социализму уклада. И что это «государственное своеобразие», как пояснял тот же Ленин, проявлялось, прежде всего, в тех «командных высотах в руках государства», о которых он говорил не один раз и в число которых, прежде всего, включал государственную собственность в промышленности и государственную собственность на землю в сельском хозяйстве.

Ни частная, ни групповая, ни акционерная, ни буржуазная в целом монополия на все, в том числе на внешнюю торговлю, а государственная монополия народного государства с его акцентированным социальным аспектом при гарантированной доле распределения общественных фондов потребления. Акцентом, позволяющим в критические периоды и при консенсусном единении народа и власти идти даже на их предельное сокращение, равно как и на уменьшение выдаваемой части зарплаты, – на то, что М.А. Вылцан и его единомышленники ныне выдают за «полукрепостничество» военных лет.

Именно наличие командных высот в руках народного государства позволило максимальным и быстрым образом мобилизовать «все и вся» нашей страны, чтобы сломить становой хребет фашистской Германии. И наша колхозно-советская деревня, одновременно по-новому и традиционно отобразившая менталитет всего народа, сыграла в той роковой схватке во многом приоритетную роль.

И вот когда мы придем к более или менее единообразному (не единственно допустимому) сущностному пониманию того предвоенного и военного государственного и общественного строя нашей страны, ставшего прямым порождением, по характеристике И.Я. Фроянова (см. его книгу «Октябрь семнадцатого». СПб., 1997), Октябрьской революции как «революции для России», когда, наконец, установим и изучим органическую цепь преемственности дореволюционного и советского (но не постсоветского) развития российской евразийской государственности, – тогда спадут и многие разночтения в наших суждениях, оценках, выводах, сравнениях и противопоставлениях. Засохнут и несуразные нападки на колхозно-совхозную деревню, на сущность ее соотношения с властью. На деревню, еще недавно вроде бы «мелкобуржуазную» и потому казавшуюся более удаленную, чем город, даже от кооперативно-общинного социализма. Подобные методологические подходы дадут в руки объективного исследователя дополнительные аргументы в пользу изложенных выше выводов.

Второе обстоятельство – аргумент того же порядка, но от противной мотивации. Задаваясь вопросом о факторах и масштабах постсоветских катаклизмов, а они не обходят стороной даже повинных в них лиц, мы не можем не акцентировать внимания на реальных утратах двоякого смысла – не только следственного, но и причинного характера. Вряд ли найдутся равнозначные примеры небывалой стойкости и мужества (хотя бы в численном выражении) несущей социальной среды, олицетворением которой было колхозное крестьянство. Не было таких трудностей и невзгод, которые фронтально не давили бы на сознание и социальную психологию сельского населения военных лет, вольно и невольно не покушались бы на них. И к Победе оно пришло более чем кто-либо изнуренное, в хозяйственно-экономическом отношении несравненно ослабленное. Но не сломленное, не апатичное в своем общественном настроении и главном выборе.

Советская деревня не поддалась на самый коварный искус гитлеровских глобалистов по поводу отношений собственности на землю – то был настоящий референдум на крови и его не предать забвению. Он стал материальным фундаментом духовного и психологического единения – зримым общественным лакмусом не только сельского, но и всего нашего населения. Словом, имевшим комплексное, диалектично слитное содержание: евразийско-территориальное, советско-государственное и общественно-кооперативное, а следовательно, на-

родно-социалистическое на уровне тех командных высот, о которых мы говорили в связи с первым обстоятельством. В условиях войны они действовали неизменно и, казалось, тонувшее осталось непотопляемым. Но в иное, постсоветское время из-под ног выдернули почти все несущее, подтопили и землю – страна почти опрокинулась, пока удерживаясь за нерастащенную вконец твердь: паханую, лесную, луговую.

Отсюда и третье обстоятельство, вытекающее при взгляде из прошлого в настоящее. Да, был послевоенный период, когда не использовали (не станем говорить, по чьей вине) уникальный шанс реализации неонэпа – в народном хозяйстве вообще, в сельском – особенно. Это, по нашему глубокому убеждению, привело к известной «застойности» в экономике, утрате исторического темпа, снижению уровня жизни народа, его индифферентности и, пожалуй, к главному – к застойности в самой социально-политической мысли, к неспособности сначала владеть ситуацией, затем и понимать ее. Не нашлось ни Ленина, ни Ден Сяопина, ни даже Сталина, поскольку речь теперь должна идти не о продолжении нынешнего гибельного «курса» России, не о возвращении к стереотипному социализму на уровне обыденного и политизированного восприятия.

Спасением страны, если еще успеем что спасать, может стать радикальнейший во времени и в решительности поворот к тому «особенному государственному капитализму» или к «условному» монополистическому социализму, что в данном случае одно и тоже, с их «командными высотами» в руках государства. Об этом говорят не только коммунисты. К нечто подобному уже призывают все разумные патриоты и те первой волны демократы, которые отпрянули от «сотворенного» ныне. В ход пошли суждения даже о государственной монополии внешней торговли, металлургического и энергетического комплексов, об опасности «вольного» рынка земли.

Только на этом пути нужно срочно добиваться массового единения, ни на миг не забывая об опасности неолиберализма и неофашизма. Пусть и крестьянские жертвы стучат в наши сердца. Таковы некоторые заключительные фрагменты исторических и политологических акцентов о небывалом даже во всей истории России подвиге нашего крестьянства, а вместе с ним всего народа в безальтернативной от начала до конца борьбе с фашизмом. Что же до психологического аспекта раскрываемой темы, то он, на наш взгляд, в весьма заметной мере сводится к следующему. Свершенное нашими отцами и дедами ставит ныне многих социальных психологов в незавидное положение. Находясь все последние 15 лет в очевидном кризисе из-за утраты базисных основ своей методологии, в поиске того, как осуждающе-честно сказал президент Международной академии психологических наук В.В. Новиков (см. журн. «Социальный психолог», 2001. № 1. С. 5), «кому бы себя предложить» и даже – «кому бы от-

даться», они, в отличие от своего лидера, очень часто занимаются поисками, скажем помягче, своего паллиатива.

Впрочем, не следует, дорогой Виктор Васильевич, сильно огорчаться, как и обольщаться. Даже от вас далеко не все зависит. В.И. Ленин тысячу раз был прав по поводу того, что философия всегда была партийна, «как и две тысячи лет назад». Это не хуже нас помнят и те, кто ныне страдает методологической амнезией. Так и философская методология академической психологии (не нужно искать «крышу» практических прикрытий) лишь в «смутные времена» рассыпается на фиктивное многообразие под видом a la демократии, как было, например, в 20-е и 90-е годы XX столетия. Тогда и теперь на путях так называемой «коммуникативной» методологии и даже из добрых побуждений пытались и пытаются сомкнуться на какой-либо относительной «тверди». Убежден – бесперспективное занятие.

К сожалению, нечто подобное и не в меньшей мере ныне свойственно многим другим обществоведам, в том числе и даже более того – самым близким нам коллегам сонма историков. «Жить дружно» становится все труднее, а то и невозможно. Особенно на качественных перевалах истории, да в тех недавно одних и тех же географических и мировоззренческих рамках. Никакие подземные и «подковерные» коммуникации не помогут. Стоять надо на своей земле – а она все больше уходит из-под ног в прямом и переносном смысле. Здесь уместны даже курьезные аналогии.

Еще в начале 20-х годов представители советского руководства на какое-то время пошли на политическое соприкосновение – компромисс со сторонниками профессора-эмигранта Устрялова по проблемам нэпа. Разумеется, каждая из сторон надеялась вначале на свой выигрыш: одна – на построение социализма с помощью госкапитализма, другая – на конечное сползание советской власти на путь банального частного рынка. Обеим хотелось, хотя и в разной мере, уйти от лобовой конфронтации. Договорились даже по поводу завершения такой «коммуникабельности» провести в Москве торжественный банкет, который, надо было полагать, не состоялся и, как известно, по причине «жидкой» позиции устряловцев.

Затем наступили 30-е годы с сильной властью, мобилизационной экономикой, идеологией и, конечно, психологией при безоговорочном наличии «командных высот» в руках советского государства. Последовали небывало дружное слияние всех «коммуникаций», а потом и единый фронт борьбы с фашизмом без всяких условностей. И методологическую основу такого единства составило, естественно, монолитное единение всего народа на базе фундаментальных общероссийских и международных ценностей.

Конгломератное объединение гитлеровской связки состоялось, напротив, на основе националистического дурмана и «арийского превосходства» в расчете на «тысячелетний» немецкий рейх и потому в

конечном итоге не могло выдержать противоборства с великими целями и истоками Великой Отечественной войны, тем более против всей антифашистской коалиции. И потому, если мы не хотим признать исходного и осознанного превосходства «нашего бытия и дум» перед нацистской психологией сытости народа за счет других, то должны считаться с этим хотя бы в интуитивном проявлении. Тогда еще можно бы говорить о нашей нынешней научной совестливости. Одно такое сегодня многого стоит.

Наш, тогда колхозный крестьянин воплотил в себе все лучшие черты многовекового и современного ему психического склада, как и патриотического восприятия происходивших событий. Он пуще жизни своей любил Родину, родную землю, избранное будущее. Все его исторические и реальные «коммуникации», выражаясь нынешним поисковым языком социальных психологов, могли вести только к одному – к спасительной для всех Победе. Именно из этого конкретного случая необъятного содержания надо выводить философскую методологию социальной психологии. Иначе провозглашенный теперь новый наднациональный глобализм с неизбежностью приведет к маршу в одном направлении по единственной антипатриотичной коммуникации. Тогда сам по себе отпадет вопрос «кому бы себя предложить?»

Ныне много говорят и пишут о мере вины нашей интеллигенции перед народом, оказавшимся к началу XXI столетия на дне материальной и духовной нищеты. Быть может, это уже обнадеживающе. Хотя о какой интеллигенции идет речь, уточняется редко. Вновь на плаву народнический тезис о «неоплатном долгу перед мужиком». С той, однако, разницей, когда имеются в виду не столько низведенное до номинальных значений современное крестьянство, сколько вымирающие ежегодно на миллион все оставшиеся. Не забывая при этом упрекнуть последних за их сверхтерпение, неспособность к самоорганизации...

И опять же не оригинально, если еще раз вспомнить Г.В. Плеханова с его неизбывным нигилизмом в отношении индифферентности сельского жителя. Непривычно другое: почему, и в самом деле, выдающийся новаторский народ в мире, столетиями выполнявший мессионерские задачи, оказался не в состоянии даже защитить себя. Отложим многие причины гордиева узла – коснемся лишь двух: обмана вместе с чудовищным предательством и утраты победного ритма с притуплением национальной гордости. Имперское население огромной страны не имело должного иммунитета против глобального коварства – традиционное великодушие само до поры нейтрализовало подобное.

Сбои в исторических темпах повлекли неуверенность, усомнили и размягчили идеалы. Яркие победы уходили в прошлое, новые становились недосягаемыми. Привыкшие к прежней поступательности, но

лишенные очередных прорывов, даже великие нации, как сказал кто-то, чахнут на корню, утрачивают, казалось, несомненное, не найдя ему применения в будущем. Ибо оно, это будущее, обволакивалось подмененными «ценностями». Советское и российское общество оставалось неуязвимым, пока даже ценой больших жертв добивалось побед: над интервнтами, в преодолении разрухи начала 20-х годов, в создании индустриальных основ нового государства, в осуществлении культурной революции, устранении социальной разобщенности, в блистательной Победе над фашизмом, в послевоенном международном признании как сверхдержавы, в принципиальных акциях внешней политики. «Серпастый и молоткастый» был гордостью советского человека.

Чтобы вновь дать народу веру в будущее надо вернуть ему историческую память, сбросить гнусную ложь о его прошлом. Дать снова обрести святые чувства патриотического, межнационального и социального единения, нерасторжимой связи поколений. Тогда люди получат новое дыхание, добьются возрождающих побед и светлых перспектив. А память о разгроме гитлеризма навсегда останется для них немеркнущим примером:

И нету мощи, чтобы одолеть
Ту крепь – коль встанут мертвые с живыми,
Единого Отечества во имя
Готовые вторично умереть...

Татьяна Глушкова

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абдиров Н. 171
Абрамова Ф. 105
Абросимов И.И. 59
Аверкин Д.И. 269
Аверков Г.И. 78
Аврамков П.А. 173
Агаев 70
Александров М.М. 483
Алексеев В.В. 429
Алексиевич Св. 285, 286, 287
Алимов С. 149
Алтынов П.Н. 104
Алферов Ж.И. 230
Ангелина П.Н. 51, 91, 103, 109, 218, 339
Андреева Н. 486
Андреева Т.М. 59
Андреев А.А. 43, 48, 54, 71, 77, 181, 198, 210, 225, 266, 384–387, 397
Анисимова А. 109
Анисков В.Т. 3, 5–8, 10–12, 15–17, 37
Анискова В. 483
Анискова Е. 485
Анисков Т.М. 482
Аносова А.И. 150
Анпилов В. 486
Антипенко Н.А. 225, 334, 335
Антонов М.Г. 171
Аристов А.Б. 207
Аронова Р.Е. 172
Арутюнян Ю.В. 203
Арутюнян Ю.В. 204, 391, 478
Астафьев В. 249, 285, 286, 287
Атагузиев Б. 70

Бабкин П. 171
Базаров В. 470
Бакке Х. 254
Балак Н.А. 167
Бах-Залевский 286
Баштырков А.А. 171
Бегма В.А. 281
Беззубова Ф.И. 462
Бектуралиев Б 70
Бельченко С.С. 277
Беляев Н.И. 207
Бердяев Н.А. 470, 486
Берия Л.П. 304, 385, 386, 396
Берсиев Ч. 148
Блинов А.М. 59
Блохина О. 484
Блохина Т. 484
Богданов А.А. 457
Большакова М. 429, 430
Бондаренко М.З. 166
Борин К.А. 33
Борисова В.К. 103
Боровик И.Ф. 265
Боронков 104
Бочкарев А. 262
Буденюк А.А. 171
Булгаков С. 470
Бумажков Г.П. 265
Бурова Н. 456
Бутусовы, семья 482
Буянов И.А. 39, 95, 218

* Перечислены только имена, указанные в тексте монографии. Авторизированные ссылки см. в научном аппарате в конце глав.

Быков В. 285, 286
Быстрова А.А. 451

Варакин И.П. 104
Васильев Б. 249, 479
Вдовенко И.Т. 171
Вебер Л.Г. 440
Веймер А.Т. 315
Вершигора П.П. 281
Водолагин М.А. 69
Вознесенский Н.А. 140, 181, 327
Волкова Е.В. 463
Волкогонов Д.А. 25
Воробьев А. 96
Воробьев П.А. 166
Воронов И.В. 169
Вылцан М.А. 6, 8, 485, 487
Высовин К.Г. 167

Гарам А.Е. 171
Гарам А.Н. 171
Гарам В. 171
Гарам М. 171
Гарам Н. 171
Гарам П. 171
Гареев М.С. 166
Гармаш Д.М. 39, 59, 96, 103, 108, 109, 218
Гастелло Н.Ф. 171
Гашева (Пляц) Р.С. 172
Геббельс Й. 250, 254, 261, 471
Герасименко А.Ф. 175, 176
Герасименко И. 172, 174, 175
Геринг 255
Гиммлер 252, 286
Гитлер 8, 24, 28, 165, 242–244, 250, 252, 255, 260, 263, 286, 472, 479
Гладкобородова А.И. 462
Глидер М. 258
Глотов Я. 105
Глущенко В.С. 169
Гнаровская В.О. 178, 179
Гогосов В.А. 74
Голанова Е. 485
Голанова О. 484
Голанов В. 484, 485
Голанов Т.К. 483, 485
Голенищев В.Ф. 175
Головатый Ф.П. 228
Головатюк М. 176
Головлева А. 485
Головлева Т. 484
Головлев С. 484
Голубь А.Ф. 384
Горева Е. 112
Горобец 386
Горький М. 470
Грачев М.Ф. 165
Григорьев Д.А. 78
Гридин Т.И. 169
Гриднев В.М. 247, 248, 252
Гриценко О. 48
Грудинин Н.Л. 171
Губарев 481
Гудима Р. 162
Гурьянов А.М. 275
Гусейнов А.Н. 175
Гутин М.Л. 247
Гущин Н.Я. 6

Дан Ф.И. 161
Дарре 28
Демидова А. 103, 109
Демидова Н. 39
Демидов П.Г. 18
Дем Л.В. 171
Ден Сяопин 488
Джанузакова А. 150
Джапарова Х. 149
Джексон 286
Джураев Т. 149
Добрунова А. 165
Добшик Н.Г. 96, 104
Долматов П.Д. 41
Дребенцова Е. 105
Дребенцова М. 105
Дубинда П.Х. 167
Дубковецкий Ф.И. 51
Дьяков П. 33

Евстигнеев К.А. 166
Евтифеев А.Г. 168
Елеусов Д. 176
Елфимова М.Т. 463
Елютин В.П. 3
Емцов П.К. 168
Ерофеев 104
Есиновские, братья 33
Ескалиев С. 173

Жахаев И. 149
Жданов А.А. 71, 271
Жигло В.И. 228
Жуков А.И. 165
Жуков А.П. 171
Жуков Г.К. 117, 266, 271, 345

Зайцев В.А. 166
Зайцев В.К. 167
Закладной В. 262, 303
Закутан П.А. 59
Залесский А.И. 247
Заукель Ф. 251, 252
Захарова Акс. 485
Захарова Ан. 485
Захарова А. 484
Захарова Н. 259
Захарова О. 484
Захаровы, семья 482
Захаров В. 482
Захаров И. 484
Захаров П. 482
Захаров Ф. 482
Зеленко Е.Н. 171
Землячка Р.С. 439
Земский В.Н. 247
Золин Н.Ф. 175
Зольников Д. 451
Зубкова А.Л. 178

Иванов 104
Иващенко А.И. 169
Ивус Н. 168
Игнатовы, братья 174
Игнатьева А. 105
Изенбаева Б. 333
Ильичев П. 173
Ионова А. 96
Исмаилов Н. 150
Исупов В.А. 429
Ицков 386

Кадырова К. 150
Казакова А. 103
Казаков А.И. 384
Калинин А.А. 171
Калинин А.Н. 173
Калинин М.И. 60, 61, 63, 66, 71, 99, 106, 181, 218, 336, 460
Кандаурова М. 96
Караштанова А.Г. 71
Карпов А.Я. 148
Картавая А. 149
Картавая А.Е. 112, 149
Касаткина К. 105
Катков 104
Качалин К. 209
Кашанов Б. 167
Кейтель В. 243, 263, 264, 286
Кенисариев А. 150
Кердань Ф.К. 167
Кетова Е. 108
Кживонь А.Т. 179
Кижеватов А.М. 167
Ким Ман Сам 149
Кипелкина О. 485
Кипелкин С. 485
Киргизбаева З. 177
Кирюшина А. 91
Кирюшина А.Ф. 103, 109
Киселев П.Е. 171
Клоков И.И. 33
Клочковы, семья 168
Клочков В.Г. 167, 168
Клыкова П.И. 218
Клыков П.И. 59
Князева Н. 485
Князевы, семья 482
Князев В. 482, 484
Князев Ем. 485
Князев И. 482
Кобулов 384, 385, 396
Ковалев Е.Я. 107
Ковалев И.Ф. 461, 463
Ковалев Л.И. 168
Коваленко А.П. 41
Ковардак П. 91
Ковпак С.А. 258, 265, 278, 281
Козловы, братья 33
Козлов А. 387, 397
Козлов А.И. 43, 175
Козулины, братья 174
Колесников С.Е. 175
Колесник В. 173
Комар А. 173
Комендантова А. 484
Комендантова Н. 484
Комендантовы, семья 482
Комендантов В. 484
Кондубаев Р. 31

Конев И.С. 344
Константинов М.П. 269
Корж В.З. 265
Корнеева Л. 96
Короб 104
Коробова М.А. 59
Королькова А.Н. 463
Короткова Л.Н. 150
Космодемьянская З.А. 275
Кострикина М. 109
Косыгин А.Н. 38, 181
Кох Э. 244
Кочетыгова Е. 109
Красилов А.С. 173
Краснов В.А. 232
Крохин А.Ф. 221
Круговая Т. 149
Крутельникова М. 165
Крылов Ф.Г. 173
Крючков И.А. 168
Кубе В. 256
Кудреватых Л. 170
Кузин И.Н. 275
Кузнецов Д.В. 41
Кулагин М.В. 75, 76, 77, 79, 208
Куманев Г.А. 6
Куманек П.Ф. 281
Курбанова Р. 150
Курбатов П.И. 248
Куркин П.С. 165
Курля 104
Кутузов М.И. 285
Кутыркин П. 482

Ларионова Д. 103
Ларионов А.Н. 74
Ларкин И.И. 167
Ласкарев М.Ю. 231
Левин Н.А. 104
Ленин В.И. 34, 53, 58, 69, 100, 180, 195, 197, 479, 488, 489
Леонов Л. 249
Лобков В.Н. 75, 76
Логунов Г.А. 344
Лозе Г. 244
Луначарский А. 470
Лушникова Н.Т. 41
Люскова А.Е. 150
Ляшенко Х.А. 175, 176

Мазуров К.Т. 272
Майборский В.П. 173
Макаров Н.З. 169
Маленков Г. 387
Малинина П.А. 150
Мальцев Т.С. 148, 149
Малявин И.В. 59
Малянов А.Ф. 94
Мамарасулов С. 149
Мамин-Сибиряк Д.Н. 434
Мануильский Д.З. 71
Маресева З.П. 179
Матвеев А.В. 167
Матвеев А.П. 270, 271, 277
Матвеева В.Я. 59
Матрина Л. 456
Матросов А.М. 172, 173
Матцулева Е.В. 109
Машукова 259
Медведев Д.Н. 278, 281
Мелехов Г. 165
Меркулов 385, 386, 396
Микоян А.И. 181, 315, 387
Мироновы, братья 33
Миронов И.А. 259
Митерев Г.А. 14, 413, 414, 417, 424, 436
Митин Г.С. 168
Михеев А. 174
Михеев В. 174
Михеев Д.Ф. 174
Михеев И. 174
Михеев М. 174
Михеев П. 174
Михеев С. 174
Михеев Ф. 174
Многолетний И.А. 96, 98, 107
Мокеев В. 456
Молотов В.М. 447
Морева П.Е. 33
Морковин М.И. 228
Морозова А.А. 278
Мощинский А.Г. 78, 79
Муравьев Ю. 456
Мыльников Г.М. 166

Наганов А.Ф. 167
Нагорный В. 104
Налимов С.В. 176

Наумов 104
Нехаев Вал. 482
Нехаев Вик. 482
Нехаев И. 482
Никандрова А. 178
Никитин М.Н. 270, 271, 275
Никольская Е.М. 337
Никулина Е.А. 178
Ничипорович В.И. 269
Новиков В.В. 18, 27, 489
Носаль Е.И. 177

Оводовский Г.Я. 167
Онянов Н.А. 175
Орлова Т. 456
Ощепков А.И. 173

Павловский Ф.И. 265
Павлов Я.Ф. 169
Панфилова М. 324
Панфилов И.В. 167
Панченко П.Е. 43
Паршин М.А. 173
Пастернак Б. 162
Патоличев Н.С. 74
Первухин М.Г. 38
Першин Д. 104
Петрашкин В. 483
Пеункова О.А. 150
Пискун М.Г. 167
Плеханов Г.В. 490
Пляц Д. 171
Пляц И. 171
Пляц Л. 172
Пляц М. 172
Пляц Н.М. 171
Пляц С.П. 171, 172
Поворов К.Я. 278
Покровская А. 215
Покровский М.Н. 479
Покрышкин А.И. 482
Полевой Б. 170
Полковникова М. 324
Поляков И.А. 32
Поляков Ю.А. 25, 26
Понащенко А.А. 41
Пономарев К. 168
Пономаренко П.К. 271, 272
Попков П.С. 271
Попов Д.М. 277
Попов И.Г. 31
Поршнев Б.Ф. 13, 15
Посмитный М.А. 33
Потемкин В.П. 448, 455
Потоков Р. 165
Почитайло Е. 105
Почиталкин П. 168
Прохватилов В.Т. 169
Прохоров А.Н. 166
Прошухлин И. 104
Пущина Ф.А. 179
Пятница С.Е. 96, 104

Радаев М. 96
Резцова А.П. 109
Ричагин Н. 173
Родимцев А.И. 40
Рожновский В.Ф. 41
Розенберг А. 243, 256, 261
Рой Х.Е. 33
Ромазанов Ф. 169
Рослякова А.В. 462
Россохоч М.Г. 33, 165
Рубцов А.И. 33
Руднев С.В. 265, 281
Рыжкина А. 484
Рыжкина Е. 484
Рязанов С.Я. 202

Сабуров А.А. 265, 278, 281
Савенковы, братья 33
Савинов А.М. 459
Самохина А. 324
Самохина Е. 324
Сарычева А. 105
Севастьянов А.Т. 171
Севрук В. 283, 284, 285
Селянин А. 104
Сергеев 49, 266
Серикова М.П. 384
Сивков Г.Ф. 166
Синькин Ф.Н. 175
Скоморохов Н.М. 166
Скорнякова М.И. 59
Скоробогатов Г.Н. 171
Смольцовников Н.И. 201
Снетков М.И. 267
Снечкус А. 306
Соколов 414
Соколов Б.Л. 267

Соколов Н.И. 92
Солдатов С. 485
Солдатов Ф. 482
Солженицын А. 486
Солнцев С.И. 275
Соловьев В.И. 173
Соловьева К. 340
Соловьева Н. 456
Солтыс И. 173
Сорокин А.А. 58
Соцкова А.П. 150
Спиридонова М.С. 150
Срулов М. 456
Сталин И.В. 8, 9, 23–25, 36, 117, 161, 198, 204, 227, 228, 260, 263, 268, 286, 304, 470, 486, 488
Степаненко И.Н. 166
Степанищев М.Т. 166
Степанов 104
Степанова Е.А. 463
Степанова Е.Ф. 33
Степановы, братья 33
Стеттиниус Е. 213
Столяренко П.Ф. 265
Стрелков Г.А. 168
Сусанин И. 70
Суханов П.С. 384
Сырейщиков Г.Г. 171

Танский Н.Г. 167
Тахирова З. 107
Тезекбаева Ш. 149
Тиден В.В. 265
Тимофеева Е. 105
Тимченко И. 104
Типанов А. 173
Титов В.М. 59
Тихонов Н. 173
Ткачев С.Ф. 171
Толстиков В. 108
Томина А. 96
Третьяков И. 104
Трофимов Л. 482
Трофимов Н. 482
Трошина К. 485
Трошина О. 484
Трошин П. 484
Тулебердиев Ч. 173
Тумашева Е.Д. 77, 471

Упанян А. 33
Устрялов 489
Устрялов Н.В. 486

Фатьянова Е.Н. 105
Федоров А.Ф. 259, 278, 281
Федченко, братья 174
Фесенко А.П. 41
Филиппова В. 105
Филиппова Т. 105
Фомин А. 456
Фомина А. 109
Фомичев М.Г. 167
Фроянов И.Я. 487
Фурманов И.Т. 228

Харитонов П.Т. 171
Хасанова Ф. 150
Хлебцов В.А. 269
Хлюстин П. 225
Хлюстина А.П. 225
Ховрич М.И. 41
Хохряков 68
Хрущев Н.С. 270, 273
Худов С. 484
Худова А. 484
Худякова А.Ф. 177

Царевы, братья 33
Цветкова Н. 456

Чабанов Ф.В. 96, 104
Черемнов Л.А. 172, 173
Черепанов В. 231
Черчилль У. 467
Чмырь 96
Чуянов А.С. 43

Шагоракова Е. 104
Шадрин И. 24
Шадрин И.Д. 168
Шакирова З. 59
Шамахмудов Ш. 222
Шанин Т. 7, 24
Шанцев В.С. 278
Шанькин И. 96
Шверник Н.М. 38, 181
Шевердалкин П.Р. 270
Шевляков А.С. 37

Шевченко Ф.П. 165
Шемякин П.Г. 278
Шестаков И.В. 278
Шибанков В.И. 174
Шивцов 104
Шилин А.П. 166
Ширина М. 456
Шмырев М.Ф. 265
Шовкопляс К.П. 41
Шолохов М. 165
Шорина К. 149
Шумилов М.И. 252
Шумилов М.М. 252
Шутова Ф.Я. 150

Щербаков А.С. 71, 460
Щербаков М. 96
Щербаченко М. 179
Щукина А.Ф. 59

Эрджигитов Т. 173

Юткина А. 149

Якименко Г.И. 169
Яковлев А. 261
Яковлев С.Я. 275
Янин В.Л. 27
Янова М.Я. 386
Янцев П.И. 33
Ярославский Е.М. 71, 72
Яско В. 103

ОГЛАВЛЕНИЕ

О КНИГЕ И ОБ АВТОРЕ 3
К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ 19

Глава I
НАЧАЛО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ. ЖИЗНЬ ДЕРЕВНИ – ФРОНТУ 28

МОБИЛИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ 28
ЭВАКУАЦИЯ ИЗ УГРОЖАЕМЫХ РАЙОНОВ 37
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ НА СЕЛЕ 52

Глава II
КОЛХОЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ 85

СОСТОЯНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ 85
СОРЕВНОВАНИЕ – ЯВЛЕНИЕ ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ 95
СОЦИАЛЬНОЕ ЕДИНЕНИЕ ГОРОДА И СЕЛА 114
НА ПОСЛЕДУЮЩИХ ЭТАПАХ ВОЙНЫ 129

Глава III
НА ФРОНТЕ И ДЛЯ ФРОНТА 161

ИСТИНА О ГЕРОИЗМЕ ВОИНОВ КРЕСТЬЯН 161
ЗАГОТОВКИ: ДОСТИЖЕНИЯ, УРОКИ 180
САМОДЕЯТЕЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ФРОНТУ 214

Глава IV
ПО ТУ СТОРОНУ ФРОНТА 241

ФАШИСТСКИЙ «АГРАРНЫЙ ПОРЯДОК» – ГЕНОЦИД 241
ДЕПОРТАЦИЯ, КОЛОНИЗАЦИЯ, ИЗУВЕРСТВА 251
БОРЬБА С ОККУПАНТАМИ 263

Глава V
ВОЗРОЖДЕНИЕ ОСВОБОЖДЕННОЙ ДЕРЕВНИ 291
ПОСЛЕДСТВИЯ ОККУПАЦИИ – НАЧАЛО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ..291
ВСЕНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ ОСВОБОЖДЕННОМУ СЕЛУ 316
ТРУДОВОЙ ПОДВИГ НА СВОБОДНОЙ ЗЕМЛЕ 334

Глава VI
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДВИГА 360
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ 360
МАТЕРИАЛЬНАЯ ЖЕРТВЕННОСТЬ КРЕСТЬЯН 369
ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЛИЧНОЕ В ЖИЗНИ КОЛХОЗНИКОВ 389

Глава VII
ФИЗИЧЕСКАЯ И ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ КРЕСТЬЯНСТВА .410
МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ СЕЛУ 410
ОСНОВЫ ДУХОВНОЙ СТОЙКОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА 443
ТИПИЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ – НЕСТАНДАРТНЫЕ ВЫВОДЫ 478

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 492

Научное издание

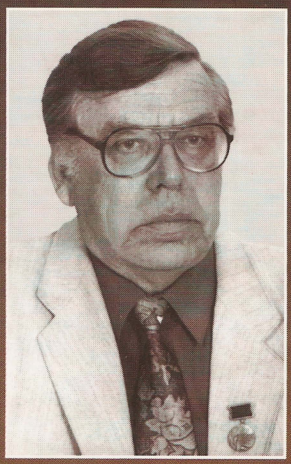
Виктор Тихонович Анисков

КРЕСТЬЯНСТВО ПРОТИВ ФАШИЗМА. 1941–1945.
История и психология подвига

Издательство
«Памятники исторической мысли»
115597 Россия, Москва, ул. Воронежская, 38–334
ЛР № 063460 от 08.07.99

Подписано в печать 03.07.2003. Формат 60×90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 35,1. Печ. л. 31,5
Тираж 800 экз. Заказ 8497

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6



АНИСКОВ Виктор Тихонович – Заслуженный деятель науки РФ, действительный член Академии наук высшей школы России, почетный академик Международной Академии психологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России со времени ее основания. Автор 325 опубликованных работ, в том числе 16 монографий и учебных пособий. Под общей, научной редакцией и с авторским участием издано около 60 обобщающих трудов, монографий,тематических сборников, составляющих не менее 900 п.л.

В числе наиболее значимых капитальных трудов, отмеченных неординарным участием В.Т. Анискова, – академические пятитомные издания, такие, как "История Сибири с древнейших времен до наших дней", "История крестьянства Сибири", "История советского крестьянства", двухтомник "Советский тыл в годы Великой Отечественной войны", другие.

Большинство публикаций посвящено истории деревни, методологии и историографии отечественной истории. Основатель многочисленной научной школы, охватывающей не менее 150 ученых, около 70 из них под руководством В.Т. Анискова стали кандидатами и докторами наук.

За большие заслуги в научной деятельности и плодотворную работу по подготовке кадров ученый удостоен нескольких государственных наград.

«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»